

Александр Леонтьевич Головцов родился 28 октября 1946 года в селе Верхнячка Черкасской области (Украина), детство провёл в городе Умань.

В 1970 году окончил Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ).
Кандидат технических наук, живёт и работает в Киеве.

«Текут ностальгические соки, от корней, по дереву воспоминаний. Сопоставляю Ленинград с Петербургом. Пытаюсь, но не могу приложить восторженных эпитетов к нынешнему — первоначальному — наименованию моей второй родины.

Для меня она — по-прежнему Ленинград. Ласкающее слух, возбуждающее сладкое замирание сердца слово; неделимая фонема, без раздражающей «демпатриотов» именной составляющей; эстетическая конструкция, насыщенная спорами высокой культуры, поэзии, искусства; символ особого этноса — настоящих ленинградцев.

За этим словом не только очарование юности, но и подзабытые ныне понятия: спокойная, ясная, уравновешенная, надёжная жизнь; порядочность и честь:

«Я люблю Ленинград, будто сам ленинградец,

Нет, не просто проспекты, Неву, Эрмитаж,

Я люблю это слово, — в нём высшая радость...»

На том и стою, размышляя о главном периоде моей жизни: «Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые».

ISBN 978-966-288-084-7

9 789662 880847 >

Головцов А. А.

Праздник жизни — молодости годы
(исповедь шестидесятника)

Головцов А. А.

Праздник жизни — молодости годы

(исповедь шестидесятника)

Киев
2015

400-лѣтню города Умань,

впервые письменнo помянутою в 1616 году,

приурочено переиздание этой книги –

творческии и организационными усилиями

урождённых уманчан:

Александра Леонтьевича Головцова (г. Киев),

Виктора Леонтьевича Головцова (г. Санкт-Петербург).

А. Л. ГОЛОВЦОВ

Праздник жизни – молодости годы
(исповедь шестидесятника)

Киев

АЛЬФА РЕКЛАМА

2015

УДК 821.161.1(477)-32-4
ББК 84(4Укр=2Рос)6-44
Г61

Головцов А. Л.

Г61 Праздник жизни — молодости годы / Головцов А. Л. —
Киев : Альфа Реклама, 2015. — 440 с.
ISBN 978-966-288-084-7

Написанная языком интеллектуальной прозы, в необычной манере сборника новелл-эссе, книга воспоминаний А. Л. Головцова охватывает период пятидесятих — начала восьмидесятих годов ушедшего столетия. В ней — концентрированная ностальгия автора по незабываемым годам детства в красивом и уютном украинском городе Умань, студенческой юности в великом Ленинграде, инженерной молодости в прекрасном Киеве.

В книге также — очерки истории Украины 17 — 18 веков, история создания и развития мирового уровня парка «Софиевка».

УДК 821.161.1(477)-32-4
ББК 84(4Укр=2Рос)6-44

От автора

Однажды, в букинистических развалах торговых рядов старинного киевского предместья Петровка мне попала в руки прелестная информативная книжица историка Н.А.Маркевича «Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян». Привлёк внимание знаковый для меня — русского человека, родившегося и живущего на земле Украины, — эпитафия: *«Отечество выше родины; она только часть его; но для чьей души нет родины, для того нет и отечества».*

Это деликатное и очень нравственное разделение святых, единых по смыслу, понятий созвучно моему, давно устоявшемуся представлению, что моя Отчизна — это земля предков («отчичей»); что моя Родина — это земля, на которой появился на белый свет и вырос.

Оно означает, что моей человеческой сутью (неизменной, неизбывной, потомкам передаваемой) есть русская культура, со всеми её составляющими: языком, литературой, искусством, традициями; что второй составляющей моей конституции, с младенческих лет определившейся, является культура близкого мне украинского народа.

Эта естественная «двойственность» природы определили смысл и содержание данной книги воспоминаний, состоящей из четырёх частей, написанных (беру на себя смелость и ответственность заявить!) в смешанном жанре новеллы-эссе.

Первый цикл посвящён моему детству, яркому и обаятельному, прошедшему в послевоенные годы в старинном украинском городке Умань, в соседствующем с ним селе Верхнячка.

Цикл «Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые» описывает события моей студенческой юности в городе на Неве, где во второй половине шестидесятых годов «грыз гранит науки» в знаменитом Ленинградском электротехническом институте; где прожил шесть изумительных лет в среде умных, благожелательных людей; где навсегда оставил частичку своего сердца.

Цикл «Жизни достойные годы» — о весёлых и счастливых днях моей инженерной молодости в Киевском специализированном пуско-наладочном управлении электронных вычислительных машин; о радости наблюдения результатов творческого труда; о достойной, налаженной жизни; о друзьях-товарищах — вечных спутниках моей памяти.

В цикле «Абрисы истории» — мои исторические изыскания, попытка реконструировать давнее прошлое моей малой родины, описать предысторию,

историю возникновения замечательного, мирового уровня, парка «Софиевка».

Названием своим книга обязана строке из стихотворения Н.А.Некрасова. Она писалась, прежде всего, для близких людей, для наших детей и внуков; но хочется мне, чтобы её прочитали и другие мои сверстники — духовно близкие мне люди, которым дорого наше прошлое, безразлично будущее потомков. Надеюсь также, что представленные воспоминания заинтересуют читателей молодого поколения.

Книга не смогла бы увидеть свет без продюсерских усилий и братской помощи Виктора Леонтьевича Головцова, без его частички сердца в нашем родовом проекте.

Киев — Новосёлки, май 2008 г.

О книге и её авторе

Читающая публика получила новый прекрасный подарок — второе издание книги новелл-эссе киевского писателя А.Л.Головцова «Праздник жизни — молодости годы». Это произведение «о времени и о себе».

Книга состоит из отдельных частей, каждая из которых представляет собой определённый отрезок жизни автора: Умань — Ленинград — Киев. Однако это не только топографическое указание тех мест, в которых автору волей судьбы приходилось бывать. Это определённые отрезки становления личности автора, его мировоззрения, мироощущения.

Книга очень личная, и хотя повествование ведётся от первого лица, автор всегда на первое место выдвигает своих героев. Он с огромной благодарной любовью пишет о тех людях, с которыми ему приходилось встречаться, которые в той или иной степени повлияли на его духовное и профессиональное становление. С особенной теплотой автор пишет о самых родных ему людях — маме и отце, сестре и брате. И не случайно начинается книга с рассказа о маме, а посвящение сделано недавно ушедшей из жизни сестре.

Абсолютно очевидным является тот факт, что каждая человеческая судьба, раскрытая в книге, связана не только с судьбой автора, но и с судьбой страны, целой эпохи. И как на судьбу автора, на судьбу его героев, без сомнения, повлияла история великой страны, детьми которой все мы являемся.

Читатель обнаружит не только личные воспоминания, впечатления, которыми делится с ним автор, но и его глубочайший внутренний мир, глубинные знания им русской культуры, истории, литературы, философии. Книга изобилует историческими фактами, поэтическими текстами, что говорит об огромной эрудиции автор. И этими знаниями автор с радостью делится со своим благодарным читателем.

Книга читается с большим интересом. Она написана блестящим русским языком, что является одним из основных достоинств книги. Поражает невероятная искренность автора, создаётся ощущение абсолютной открытости нерва.

Подобного рода книги просто необходимы грамотному, заинтересованному читателю, поскольку в атмосфере русскоязычного книжного вакуума окунуться в мир богатого русского слова, мир русской поэзии, исторического факта — что может быть лучше и прекраснее?!

*Кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы,
методики обучения и истории литературы
Учебно-научного института иностранных языков
Черкасского национального университета
имени Богдана Хмельницкого
Н. К. Белоусова*

Письмо автору

«Книга честная и в деталях, и в обобщениях. Ничего подобного не читал после провала и предательства Великого Эксперимента. Думаю, что это возврат к серьёзной литературе после долгих лет упадка и растерянности. А ещё — она душевная, наполнена теплом и любовью к родным и близким, доброй памятью к людям, шедшим рядом и обогатившим твою жизнь. Твоя книга — обратный билет в детство, в светлый круг, очерченный временем нашей молодости, где мечты сбывались. Бережно листал страницы твоей истории, и ко мне возвращались картины из давно ушедших лет, памятных дорогими лицами и событиями, нежными и чистыми мелодиями той поры. Временами не сдерживал слёз и не стесняюсь писать об этом.

Хочется верить, что просвещённая правда в литературе пробьёт себе дорогу, придут новые творцы и постепенно из отдельных кирпичиков сложится эпопея, соразмерная «Человеческой комедии» Бальзака, о триумфах и трагедии 20-го века. Ты уже внес достойную лепту. Дай Бог тебе сил и долголетия».

*С уважением, Игорь Иваницкий —
земляк, друг детства.*

Воспоминания про Умань
Художник Виктор Лисаченко

По мере ухода лет слабеет осязаемость милого прошлого — детства в чудном украинском селе, в старинном провинциальном городе, *«тихом как сон»*; забываются лица, перемешиваются обстоятельства, теряются детали, слабеет давний *«дух мелочей, прелестных и воздушных»*. И одновременно растёт желание любимым слогом русского языка закрепить на бумаге *«всё, что память сберечь мне старается»* для своих потомков, для небезразличного читателя — пока есть время!

Так в каждом деле. Завтра, завтра, завтра, —
А дни ползут, и вот уж в книге жизни
Читаем мы последний слог.

(У. Шекспир)

Цикл «МИРАЖИ ДЕТСТВА»

Я рос шалуном, забиякой весёлым —
То было давно...
Шёл медленно в школу,
Вприпрыжку из школы,
Галопом в кино!

Юлия Янтарь

*«Жил-был один мальчишка –
Такой-сякой пострел!
Сидеть спокойно дома
Мальчишка не хотел».*

Джон Китс

*«Моя душа, я помню, с детских лет
Чудесного искала...»*

Михаил Юрьевич Лермонтов

*«Я возвращаюсь к детству своему,
Я возвращаюсь к первому порогу,
Откуда по земле немало лет
Шагами мерил дальнюю дорогу».*

Сергей Косыгин

Мама

Мать на всю жизнь сохраняет неразрывную связь со своим ребенком, чувствует как бы толчок от каждого его страдания и трепет от каждой радости, словно это событие ее собственной жизни...

...когда материнство духовное сочетается с материнством физическим, мы видим то чудесное ...явление, которое составляет сущность материнской любви.

Оноре де Бальзак

Часть первая. «Печаль моя светла» (*ларго пиано*)

В тридцати километрах от Киева, в селе Новосёлки находится мой добротный, окружённый густым садом дом, где на просторной стене самой большой комнаты теснятся в почти сотню экспонатов фотографическая галерея.

Безмолвные аллеи,
Заглохший старый сад
В высокой галерее
Портретов длинный ряд¹.

В одиночных, групповых снимках — предыстория, история моей жизни в лицах самых близких людей, друзей, добрых знакомых. Верховной основой, смысловым стержнем портретной экспозиции служит погрудный, в три четверти, снимок молодой, красивой женщины.

Безмятежный светлый лоб, спокойно-изогнутые брови, выразительные глаза. Прекрасные — густые и чуть волнистые — волосы, строгий контур тонко очерченного рта. Сосредоточенно-задумчивый, с неуловимой полуулыбкой взгляд, выдающий ясный, незамутнённый дух, природный ум.

Томный, прямой и взыскательный взгляд.
Взгляд к обороне готовый.
Юные женщины так не глядят.
Юная бабушка, кто вы?²

Давно ушла из жизни мама, но её благородной прелести лицо каждый день передо мной в тусклых тонах старого фото, её пронизательный взор подбадривает уже немолодого сына в трудные минуты жизни, гасит случающиеся вспышки отчаяния.

Груз прожитых лет усиливает чувствительность, частые наблюдения дорогого образа ассоциативно влияют на психику. В зыбких, смутных, прозрачно расплывающихся видениях мама приходит ко мне во снах — с годами всё чаще и чаще.

Ночь... В комнате душно...Сквозь шторы струится
Таинственный свет серебристой луны...
Я глубже стараюсь в подушки зарыться,
А сны надо мной уж, заветные сны!..³

Побудительные импульсы событий прожитого дня извлекают из таинственных глубин сознания высокой насыщенности информацию о некогда поразивших детское воображение происшествиях, глубоких переживаниях. Сонная психика (так утверждает «старина Фрейд»!) по ей ведомым правилам отображает эти скрытые мысли в быстро меняющихся, запутанных, имеющих глубоко личный смысл фрагментах зрительных сцен, в которых неизменно молодая мама общается со мной, беспокоится обо мне, любит меня.

Чу! Шорох шагов и шумящего платья...
Несмелые звуки сильней и сильней...
Вот нежное «здравствуй», и чьи-то объятья
Кольцом обвилися вокруг шеи моей!..³

Фантазмагорические грёзы сопровождаются мучительными размышлениями — сон или явь неожиданное свидание? Мятут душу сомнения, смущают затуманенный рассудок подсознательные подсказки, что мамы уже много лет нет на белом свете.

Просыпаюсь, после подобного психического самоедства, полностью разбитым.

Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами⁴.

Как послушное дитя своего православного народа, прислушиваюсь к иным оценкам загадочных явлений от мудрых старушек, убеждающих меня, что высшая божественная сила через вещие сновидения связывают нас, живущих на земле, с невидимым миром, где пребывают тени безгрешных людей, где находится душа добросиянной мамы.

Её появление во сне, объясняют добрые советчицы, знак огорчения моей затянущейся невнимательностью. Иду в церковь, передаю служителям за-

казную записку для литургийного поминовения, ставлю свечу у нужной иконы, крещусь с поклоном: «*Со святыми упокой, Христе, душу рабы Твоей Нины...*».

Приходит внутренний покой, душевное равновесие, неизнуряющие — до очередного приступа забывчивости — сны.

Постель... Свеча горит. На грустный тон
Лепечет дождь... Я спал и видел сон⁵.

Ангелом во плоти была моя мама — деликатная, кроткая, нежная, заботливая, доброжелательная, незлобивая, мягкосердная. Слово ласковое роняла, словно бархатом по сердцу вела.

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!⁶

«*Никто болькости материнского сердца не измерил*»⁷. *Всю себя без остатка* — благородная, жертвенная, хлопотливая, бескорыстная, щедрая — посвятила детям. Нам всю жизнь отделяла частички своего совсем не здорового сердца, пока оно, иссякнув, не остановилось.

Мама была эрудированной, развитой, начитанной, любителем и знатоком русской литературы, поэзии. Прекрасно рисовала, хорошо пела. Знала великое множество старинных романсов, которые исполняла глуховатым, приятным голосом под гитару:

Белая роза — знакомство, красная роза — любовь,
Жёлтая роза — разлука, нас разлучила с тобой.

В далёком-далёком детстве выкристаллизовались первые, самые яркие, с мамой связанные алмазы воспоминаний. Их много, время их ограничило, выложило в памяти в порядке значимости. Самые ранние из них — наивные, искренние, трогающие тонкие душевные струны — кажутся маленькими сказками, творениями волшебника.

Колыбельная. Первое, даже не воспоминание, ощущение мамы — темная комната, колыбельная песня:

Спи, моя радость, усни!
В доме погасли огни,
Пчёлки затихли в саду,
Рыбки уснули в пруду!

Мамина кошёлка. Мама вернулась с базара. На табуретке стоит полная покупок, выплетенная из камыша, кошёлка. Лихорадочно роюсь в её богатых глубинах, выбирая предназначенные мне гостинцы — сладости, игрушки, тонкие книжки (уже к шести годам был активным читателем).

Радость болезни. Болезнь — восхитительно состояние, когда мамыны ласки и заботы удваиваются, когда исполняются все желания. С младшим братом одновременно переболели корью — лежали на широкой постели, монотонно бубнили: «Колбаски хочу! Пельменей хочу!».

Школа. Первое сентября пятьдесят третьего года, прохладное туманное утро. По пересекающей смородинник аллее мама ведёт меня в школу, в первый класс. Успокаивает, подбадривает взволнованного переменой жизненно-го уклада сына; окончательно сняла напряжение кульком мятных пряников, которые принесла мне на большой перемене.

Все мы родом из детства. У каждого из нас свои, с мамой связанные, от-тенки его обаяния: самая красивая мама, мамина колыбельная, мамина сумка с подарками, мамина ласка во время болезни, первое школьное утро с мамой и многое, многое другое — чудное и незабываемое.

Своего детства мама не знала. Для неё оно окончилось в восемь лет, когда был арестован и навсегда исчез отец, священник прихода в городе Ливны, что на Орловщине. (Через полвека выяснилось — был отравлен газом в подвалах НКВД.)

Тавро «семья врага народа» превратило мамину жизнь в долголетний кошмар со скитаниями по чужим квартирам (дом отобрали), с борьбой за кусок хлеба. Его усилила, отобрав юность, война. Семья жила в эвакуации в Молотове (Перми), где мама собирала снаряды на военном заводе; затем, по возвращению на родину, работала учительницей начальных классов в сельской школе.

Ломка психики в начальную, нежную пору жизни, комплекс «потерянно-го поколения» оставили неизлечимую рану в душе мамы — природы впечатлительной, чувствительной, легко ранимой.

Всю жизнь в глубине её глаз таилась какая-то неизбывная боль, подавленность, неустранимая тоска. Во всегда улыбчивом, вежливом общении с окружающими действовал невидимый стопор, сдерживавший её от чрезмерной открытости, излишней доверчивости.

С годами, когда — вслед за сыновьями — уехала дочь, одиночество усилило эти черты характера: проявились тревожность, нервозность, быстрая обидчивость. Наши гостевые приезды временно снимали напряжение, но с неизбежным расставанием терзания, переживания возвращались, становились печальной составляющей последних лет маминой жизни.

В нас глеет боль внежизненных обид,
Томит печаль и глухо точит пламя,
И всех скорбей развёрнутое знамя
В ветрах тоски уныло шелестит⁹.

Возраст гнёт выю, мысли грустные, тревожные смущают душу. Роюсь в ближних, недавно сформировавшихся, слоях памяти — там грязь, отчаяние, унижения и провалы, хождение по лезвию бритвы.

Перебираюсь в более ранние, архивные разделы берегини мамы — там чистота, нежность, святость давшего мне жизнь человека; там успокаивающая, взбадривающая терапия; там особый сердечный трепет и острая боль потери тебя оберегавшей материнской преданности.

В душе, измученной годами,
Есть неприступный чистый храм,
Где всё нетленно, что судьбами
В отраду посылалось нам¹⁰.

Часть вторая. Жизнь продолжается (аллегро апофеозо)

«Род проходит и род приходит»¹¹. В адамовы веки поднявшиеся наследственные элементы предков (так утверждает строгая генетика!) не исчезают, передаются, накапливаясь, потомкам. Их необычная комбинация может проявиться в очередном отростке родового ветвления, дать ему удивительную схожесть внешнюю, чертами характера, душевными качествами с родителем-предтечей.

...Когда известие об её приближении доходит до Новосёлок, стаи птиц срываются с веток и улетают за горизонт, звери прячутся в норах, в чаще лесной, жители укрываются в домах, запирают ворота и двери, собаки сторожевые, визжа и поскуливая, залегают в будках.

В первый визит, летом, она, семилетний сгусток энергии, взобралась на крышу гаража, взломала замок на двери примыкающего к нему чердака сарая, вытащила лыжи и на месте проверила их ходкость.

С первых минут знакомства, взяла под опеку и управление далеко не пассивную сверстницу, соседскую девочку Машу. Предложила ей поиграть в дочки-матери, естественно, взяв на себя сложные материнские хлопоты. На полюбившейся гаражной крыше обучала «дочку» балльным танцам. Там же кормила и поила её из миниатюрного сервиза, учила хорошим манерам.

Отвела покорившуюся подружку подальше от контроля взрослых, начала рассказывать какие-то истории. С широко раскрытыми глазами, вжавшись спиной в ворота, Мария внимала необычным сюжетам от авторитетного воспитателя. Позже выяснил — то были анекдоты.

Заполучив белую краску, она покрасила подготовленные к установке решётки для окон, выписала свое имя на двери гаража, наружной стене веранды. К счастью, краска скоро кончилась.

Она не ходит, а бежит; а если и ходит, то только вприпрыжку. Ведет неустанную, непосильную борьбу с родителями за свободу мировосприятия. Остро воспринимает их критику, но категорического выяснения отношений избегает, предпочитая конструктивный и миролюбивый диалог.

Без легкомысленных раздумий взбирается на крутую лестницу, на приглянувшееся дерево, забор; готова преодолеть любые преграды, реки и моря. За ней нужен глаз и глаз. Она — это моё Солнышко, мой Бриллиант, моя любимая внучка — Аня.

Восторг, силы непреодолимой, удваивается за счёт наблюдаемого удивительного сходства объекта поклонения с прабабушкой — моей мамой: одинаковые очертания лица, повторение всех его составляющих; лоб, ровный у

бровей, у висков — выпуклый, нежно-округлый. (Сие, согласно канонам физиогномистики, свидетельствует ума тонкого, способного к анализу, умеющего восходить от следствия к причинам.)

У Ани такие же живые, ясные, как алмаз, с лёгкой поволокой глазки — «*И взгляд, как уголь под золой...*»¹³. Такой же ровный, чуть вздёрнутый носик, те же ямочки на щеках, та же чарующая улыбка.

Снимки прабабушки и правнучки — свидетельство радующего проявления законов наследственности — висят рядом в моей фотографической пинакотеке. Беззаботное, весёлое щебетание моей любимицы даёт мне живое ощущение духа дорогой мамы, напоминает о ней, самом близком человеке, повторившейся — в так же любимом — человечке маленьком.

Ты здесь, ты со мной, о моя дорогая,
О милая мама!.. Ты снова пришла!³

Годы изначальные

Куда уходит детство?
В какие города?
И где найти нам средства,
Чтоб вновь попасть туда?

Л. Дербенёв

Детство моё. Волшебная, существующая только в моей памяти, страна, по которой — чем старше, тем чаще! — путешествую в колоритных снах.

Удивительный мир, где взрослые — добрые, друзья — верные, мама — молодая. Неповторимая сказка, в которой вода — хрустальная, трава — изумрудная, снег алмазом искрится, воздух благоуханье износит чудное.

В те давние годы память (по одной её известному принципу выборочности!) занесла в свои архивные глубины, в образах и ассоциациях, значительные события и житейские мелочи — то, что в совокупности своей образует драгоценные россыпи воспоминаний, радующих, волнующих, печалющих невозвратностью прошлого душу. Ими живу на склоне лет.

Моя страна, под названием «Детство», имеет свои временные границы, географические очертания: послевоенные годы, срединная Украина, Уманщина, раскинувшееся в двадцати километрах от её центра — города Умани — большое село Верхнячка.

Село основано в конце шестнадцатого века под именем Яворовец. В 1646 году оно уже упоминается как Верхнячка, когда польский магнат Калиновский отдал его в залог, вместе с другими селами, за полторы тысячи злотых.

В 1664 году здесь было 23 дыма (двора). В середине девятнадцатого века помещик Ясинский построил в селе сахароварню, в восьмидесятых годах Верхнячка перешла к австрийцу Дитриху.

В 1899 году при сахарном заводе в целях выведения новых сортов сахарной свёклы была создана селекционная опытная станция. Для неё в живописном центре села основательно обустроили небольшой поселок — всё делалось продуманно, строилось капитально, на многие годы.

В Верхнячку сразу после войны направили работать отца, как специалиста по зерновым культурам. В ней я и родился в тысяча девятьсот сорок шестом году, спустя три года появился на свет мой брат; в ней прожил девять ярких лет детства.

Возвращение к истокам

Жаркий август пятьдесят шестого года — один из начальных его дней. Над Верхнячкой безоблачное небо; на опытной станции — послеобеденный покой, безлюдно — народ в поле.

Пыхтит, ритмично постукивая, паровая электростанция. Из закреплённого на столбе динамика-колокольчика звучит футбольный марш. В молодом, после войны высаженном парке, где прямые, покрытые кварцевой крошкой («жерствой») аллеи, где на пышных клумбах пёстрое многообразие цветов, журчит, освежая воздух, фонтан.

По дороге, загребая босыми ногами перегретую пыль, бредут, обнявшись, два пацана — братья девяти и семи лет. Одного зовут Шура, другого — Витя. У первого — худосочная фигура, бледное, нервическое лицо, заострённый подбородок, блестящие — выдающие импульсивность в поступках — глаза. У второго — белобрысого и плотненького — лицо округлое, лучащееся всеобщим дружелюбием.

...Описанная сцена — эпизод дня, в который наша семья вернулась в Верхнячку, после того как отца, три года преподававшего в Уманском сельскохозяйственном институте, назначили директором селекционной опытной станции.

По приезде, возбуждённые переменой места обитания, мы с братцем обошли памятные места начального детства, встретились и возобновили отношения со «старыми» приятелями; вместе с мамой побывали в соседствующей с нашим новым жильём больнице, где медсёстры набрали нам авоську ароматного «белого налива» из больничного сада... Милые, незабываемые, очень дорогие мне детали памятных дней детства.

Первое ощущение земного бытия (наверное, его выделяет, им дорожит каждый мыслящий человек!) для меня связано с этой сельской больницей: сноп солнечных лучей бьёт в палату, в которой лежу, больной scarлатиной,

на широкой белой кровати; бабушка (очень смутный образ — недолго она пожила после этого!), через нижнюю форточку принимает от мамы (худенькой, красивой, взволнованной!) передачу сыну, в которой ярким пятном выделяется большое красное яблоко.

Было тогда мне неполных три года; мама недавно родила второго сына в этой же больнице, где главным врачом был знаменитый, всеми любимый Ободянский — универсальный специалист (терапевт, педиатр, акушер ...), добрый, справедливый, отзывчивый

Пополнение семьи, кажется, стало вторым, по давности, маркером моего несмышлёного детства. Отчётливо помню, как нёс сторожевую службу возле сплетённой из лозы коляски, в которой спал брат; отгонял от неё скандального одногодка Валерку Белецкого. Помню, как приехавший из Москвы мамин дядя Шура — в галифе, в перехваченном поясом френче — знакомился со вторым внучатым племянником.

Из других памятных помет всеобщим ужасом, слезами, плачем запомнился мартовский день пятьдесят третьего года: тающий снег, синие лужи; отец быстро ведёт нас с братом на площадь на траурный митинг памяти вождя.

Хорошо помню первую житейскую трагедию, пережитую мной после завершения празднования шестого дня рождения. В его канун, приглашая гостей на праздник, я тонким намёком указывал их родителям на возможность замены подарка необременительным для семейного бюджета рублём. В итоге в моём распоряжении впервые оказались приличные деньги, на которые следующим утром, после отъезда мамы на базар в Христиновку, самолично купил много больше килограмма конфет.

Даже угостив собравшихся для совместного похода в старый парк гостей, я не заметил заметного умаления сладостей. Впрочем, наметившейся прогулке серьёзно препятствовал брат. Высунувшись из форточки, он настойчиво требовал включить его в компанию. По совету старшей подруги и наставницы Вали Бублиенко передал ему — дабы успокоить и отвлечь от наших развлечений — на ответственное хранение весь кулёк конфет.

По сей день помню мельчайшие подробности процедуры передачи подарка: грубая фактура кулька, переливающиеся радугой, разноцветные конфеты «подушечки», разлившаяся по телу тоска, мрачные предчувствия.

Через полчаса, томимый подозрениями, я прибежал домой для контрольной проверки. Конфеты как корова языком слизнула, а вернувшаяся с покупками мама отмывала от повидла лицо младшего сына.

Став постарше, я любил рассказывать эту печальную историю друзьям, акцентируя их внимание на личной скромности, бескорыстии и благородстве.

Post scriptum. *С детства гнетёт мысль о том, что память моя не сохранила отчётливого образа бабушки — Анны Михайловны Чубаровой; что могила её на старом кладбище в Верхнячке оказалась утерянной.*

Была она, по рассказам мамы, замечательно красивой в молодости, отличалась ангельской кротостью, удивительной добротой, выделялась редким умом и образованностью. В её роду, в близких его коленах, преобладали высококультурные, нравственные люди — те, кого в середине девятнадцатого века стали называть разночинной интеллигенцией. (Особой гордости мне добавляет дальнейшее родство бабушки — по орловской линии — с великим Буниным.)

Жизненный путь моей бабушки — это цепочка трагедий. Первая — тайная, о которой мама знала понаслышке, — связана с гибелью любимого человека в Первую мировую войну. Пережитое потрясение было настолько сильным, что бабушка долго отказывалась устроить свою личную жизнь.

Вторая трагедия случилась в страшном тридцать седьмом году, когда — после второго ареста — был зверски убит её муж. (Мама рассказывала, что мой дед долго избегал репрессий по той причине, что в обязательной анкете, в графе «профессия» он писал «служитель культа»; державшие власть люмпены долго не могли уразуметь сути занятий деда.) После разгрома семейного гнезда бабушка и совсем юная мама скитались по чужим квартирам, добывали тяжёлый хлеб, выживали в страшную войну. Вместе с мамой и моим будущим отцом (родители познакомились, когда отец лечился после ранения в ливенском госпитале) бабушка переехала в Верхнячку; в ней и умерла, вдали от «родного пепелища».

Благодарю Бога, что сохранившиеся в моей памяти крупницы сведений о милой бабушке дали возможность (хоть в какой-то мере!) восстановить её образ для потомков — моих внуков, правнуков...

Чтобы помнили они, вынужденные жить в жестокие, несправедливые времена лицемерия и культа денег, о своей родовой веточке — чудной русской женщине, основой жизни которой были, прежде всего, нравственность и совесть.

Паника

*Когда слышишь, что кричат «пожар»,
следует прежде всего потерять голову.*

Гюстав Флобер.

Летним днём пятьдесят третьего года на селекционной опытной станции ударил набат. Мерные, наплывающие друг на друга звуки ударов металла о металл поплыли над посёлком.

Заскулили-залаляли собаки, закружило-закаркало воронье над своим гнездовьем в старом парке, муравьями засуетились-забегали люди. Из здания

дирекции пулей вылетел курьер на поиск главного пожарника, который, вместе с командой огнеборцев, уже запрягал конный пожарный экипаж, закачивал в его бочку воду. Из широкого окна бухгалтерии, с кипой папок в руках, выбросился главный бухгалтер — в нарукавниках и обезумевший.

Через десяток минут всеобщей паники, сохранившие самообладание граждане обнаружили, что нет дыма и огня, что назначенный для подачи тревожных сигналов кусок рельса висит нетронутым на столбе возле электростанции. Тем не менее, будто выходящие из-под земли, щемящие сердце и подавляющие психику звуки сполоха не прекращались — и начался поиск первоисточника.

До нарушения общественного покоя находился в молодом саду, где, сидя на вершине черешни, жадно заглатывал («тырил») ягоды. С первыми терзающими слух тревожными звуками камнем обвалился на землю, сбегал к месту народного собрания, затем по аллее в смородиннике помчался домой. Возле старой полусухой груши — напротив дома, где жили Марачевские, — натолкнулся на четырёхлетнего брата, который, сидя на четвереньках, «лупил» металлическим прутом по бесхозному автомобильному колесу. Подоспевшая мама, в связи с приближением непредсказуемых следопытов, спешно унесла (от греха подальше!) любимчика-звоняря домой.

На опытную станцию вернулись тишина и покой.

Первый заплыв

Всяк кулик своё болото хвалит. Вспоминая два последних года жизни (до неполных двенадцати лет) в прекрасной Верхнячке, не перестаю восхищаться удивительным стечением обстоятельств житейского и природного свойств, сделавших их необычайно красочными в палитре ранних детских воспоминаний.

Наша семья жила в старинной постройки особняке, в уютном уголке станционного посёлка. Внутренний — со стороны веранды — дворик занимал палисадник, отгороженный от внешнего мира длинным и высоким кирпичным забором («муром»), который обозначал границу опытной станции, чётко отделял ареал активной жизни нашей мальчишеской популяции от остальной территории села.

Перед домом рос старый яблоневый сад (преимущественно — сорт «овечьи мордочки»); за ним следовал сад молодой — с вишнями, черешнями, смо-

родиной и примыкавшей к нему большой пасекой, где хозяйничал неулыбчивый пасечник со смешной фамилией Дурнопьянов.

За обсаженной липами, огибающей пчелиное хозяйство дорогой простиралось место наших детских собраний, именовавшееся «поляной». На ней, с ранней весны и до поздней осени, шла бурная общественная жизнь: футбол, волейбол, лапта, «цурки— палки», «чижик» — всеобщая суета и беготня.

Иногда, тёплыми летними вечерами центр наших интересов перемещался на просторы парка сахарного завода — к месту гуляний, свиданий, отдыха и развлечений. Играл духовой оркестр, кружились в вальсе пары на открытой танцплощадке; в клубе демонстрировались кинофильмы, местная команда проводила регулярные футбольные встречи с командами других сахарных заводов. Основательные мужики, под навесом паркового буфета, пили из гранёных бокалов пенистое пиво за два двадцать, аппетитно заедая его ломтиками свиной колбасы, вызывавшей у меня — одетого в одни сатиновые трусы, утомлённого беготнёй, «замурзанного» — зависть и глубокое томление желудка.

За поляной начинался старый парк, с двумя — давней насыпки — курганами, на склонах которых, с первым снегом, устраивались трассы скоростных спусков на лыжах и санках; заливалась обязательная ледяная горка с трамплином для соревнований на дальность полётов на коньках. Последних было большое разнообразие: самодельные, «снегурочки», «ласточки», «рейсмусы», «дутьиши» (они же — «канадки»). Коньки привязывались к сапогам или валенкам, закреплялись на них тугим закручиванием деревянных брусочков. В выходные дни, в дни зимних каникул (иногда — и весенних) одевал их ранним утром, в них обедал, снимая лишь с наступлением абсолютной темноты.

Если морозы приходили без снега, то конькобежцы спускались на пруды («ставки»), где до бесчувствия гоняли мятую консервную банку, устраивали забеги, играли в любимую, требующей особой резвости и ловкости, игру «знамя».

С весенним теплом, из начинавшего подтаивать прудового льда отважные капитаны рубили льдины — «корабли», на которых, отталкиваясь шестами от илистого дна, плавали бесстрашно в рукотворных разводьях, шли на abordаж в потешных битвах; с которых нередко ныряли («пирнали»), не по своей воле, в воду.

В конце апреля, когда начинала куковать кукушка («зозуля»), дружными компаниями ходили в ближний Голяковский лес за первыми цветами.

Первые цветы (primula veris) называются здесь «ряст». Нарвав и бросив их на землю, топчут, приговаривая: «Топчу ряст; дай боже потоптаты и того года дождаты». Это желание дожить и до другой весны. От этого обычая произошла поговорка: «Та вже йому ряста не топтати». Говорится она безнадёжно больном, который «не доживёт до следующей весны»¹⁵.

Эта пятнадцатилетняя девушка с умным, чуть тревожным взглядом больших серых глаз, с красивым лицом и сердцем — моя бабушка, Анна Михайловна Чубарова (1887 — 1950 гг.) По материнской линии отдалённо соприкасалась с родом писателя Бунина, по отцовской — корешки её родословной таились в приуральских степях (*«Татарское дремучее пришло из никуда, к любой беде липучее, само оно — беда», — так оценивала свою такую же, «пришлую» фамилию Анна Ахматова.*)

Бабушкины беды начались в Первую мировую войну, в которой погиб её жених; продолжились они в окаянных тридцатых годах, когда был зверски репрессирован её муж. Умерла она на моей родине, в украинском селе Верхнячка, вдали от «родного пепелища» — города Ливны, что на Орловщине.

Этот обаятельный молодой человек, с чеканно-изысканными чертами лица — отец моей мамы, православный священник Ливенского прихода, Сергей Парменович Афанасьев. В тридцать седьмом году палачи-люмпены умутили его, удушили газом в подвалах НКВД, обрекли его жену и дочь (лишившихся своего дома) на скитания по чужим квартирам.

Детство моё! Волшебная страна, существующая только в моей памяти; страна, в которой вода — хрустально-чистая, трава — изумрудная, снег — алмазом искрится, мама — иконописная, папа — умный и энергичный.

Снимок августа 1949 г., село Верхнячка. Мой пятимесячный брат (ещё не оформившийся) — на коленях у бабушки, я — у её брата, дяди Шуры, приехавшего из Москвы на смотрины внучатых племянников. *«Из детских всех воспоминаний одно во мне свежее всех...»*

Изначальное детство моё имеет свои временные границы и географические очертания: послевоенные годы, срединная Украина, Уманщина, соседствующее с городом Уманью село Верхнячка.

Снимок конца августа 1953 года. Детский ансамбль Верхнячской сельхозопытной станции со своей грядущей школьной наставницей, умной, милой, обаятельной Майей Игнатьевной Шемплинской. (Грызёт яблоко будущий директор станции, Николай Александрович Вакуленко.)

*«Я помню вечер, бледно-скромный,
Цветы усталых георгинов,
И детский взор, он мне напомнил
Глаза египетских богинь».*

Порыбачить можно было только на Юдовом «ставке», бывшем третьим по счёту в цепочке водоёмов, образованных разделением небольшой, впадающей в Уманку речушки плотинами («греблями»). Первый от истока пруд именовался «Кравцив ставок»; второй — «Поповый ставок» — до революции принадлежал стоявшей над ним церкви (как и кирпичная школа-семилетка, находившаяся через дорогу от храма).

Юдов ставок, возможно, названием своим свидетельствует об этническом многообразии сельского населения в конце девятнадцатого века, ибо, по состоянию на 1864 год, краевед Лаврентий Похилевич указывает лишь на две религиозные группы в селе:

*«**ВЕРХНЯЧКА**, село при вершине реки Уманки и двух её первых притоков; откуда село и своё название получило; в 16-ти вёрстах от уездного города. Жителей обоего пола православных 1347, римских католиков 34; земли 2231 десятина; опрятные дома крестьян и при них гумна, сады и огороды, придают селу цветущий вид. С 1845 года в Верхнячке устроен свеклосахарный песочный завод, ко вреду окрестных чёрных лесов. Село принадлежит Каллисту и Ксаверию Ясинским, наследовавшим в 1852 году имение от своего отца Флориана, который купил Верхнячку в 1812 году 13-го марта, от графа Потоцкого. Церковь Богословская, деревянная 5-го класса; земли имеет указанную пропорцию; построена 1785 года»¹⁶.*

В церкви этой бабушка моя и отцова сестра тайно меня окрестили; этот старинный храм был бездушно — во грех! — снесён с лица земли сельскими геростратами в конце пятидесятых годов двадцатого века.

Богатый рыбой пруд был покрыт густыми зарослями камыша, который — по непонятным законам детского восприятия — с тех пор ассоциируется у меня с исполнявшейся мамой, под гитару, песней о бессмысленно убитой охотником чайке (символизирующей своей трагической птичьей участью разбитое сердце жившей у озера девушки, что меня — высокочувствительного подростка — очень возмущало!).

Но что это? Выстрел. Нет чайки прелестной —
Она умерла, трепеща, в камышах .
Шутя её ранил охотник безвестный,
Не глядя на жертву, он скрылся в горах¹⁷.

Панский «ставок», бывший собственностью дореволюционных владельцев села (усадебу их, кстати, занимала наша школа-десятилетка) в летнее время был местом всеобщего сельского схода. Здесь купались, загорали, плавали на автомобильных камерах, ели и пили, играли в карты. Хотя мы, пацаны сельхозопытной станции, отдавали предпочтение своему, находившемуся в низине старого парка, небольшому пруду с мелодично звучащим названием Гаёк, составившимся, видимо, от былого старинного украинского определения небольшой рощи — «гай».

Ой, дівчина, шумить гай,
Кого любиш, забувай, забувай...¹⁸

Долгое время не мог научиться плавать, чему очень огорчался. С утра пораньше выбирался на нижний пруд, залезал в воду и, упираясь на отмели руками в дно, отчаянно колотил ногами по воде. С появлением других купальщиков, запихивал небольшой резиновый мяч в трусы и, с небрежностью опытного пловца, перемещался в безопасной близости от берега.

С завистью смотрел на одноклассника Андрея Коломийца, который, разбежавшись по крутому склону, далеко вылетал «ласточкой» с высокого земляного трамплина, нырял, подолгу плавал.

Из памяти выплывает яркая картинка раннего детства: на свежесоструганной, уходящей в пруд кладке стоит мой трёхлетний братец, размахивает вперед-назад руками, восторженно кричит мне, что сейчас будет прыгать; по дорожке с хворостиной в руке резво спускается мама, от которой я убегаю («тикаю»), закидывая пятки за плечи.

В какой-то момент, почувствовав внутреннюю готовность к подвигу, решил переплыть небольшой, в восемь-десять метров ширины, участок пруда. В путь отправился с дружеской подстраховкой: впереди плыл Витя Гуцин, сзади — Женя Гордиенко. Побарахтавшись пару метров, дал резкий килевой крен и, обхватив шею флагмана, потянул его за собой на неглубокое дно. Витька, загребая растопыренными ладонями воду, глотая её, из последних сил сантиметр за сантиметром продолжал движение; второй спасатель пытался удерживать на плаву мои ноги.

В полубессознательном состоянии одолел наш водный караван последние метры пути. Виктор, выбравшись на четвереньках на берег, долго и жадно хватал широко раскрытым ртом воздух; Евгений распластался недвижно под кустом. Мне же больше часа пришлось отсидеть в воде — в ходе спасательных работ потерял трусы, ждал из дома резервные.

Плавать и даже прыгать с трамплина в том купальном сезоне научился, успев до его завершения не раз переплыть широкий Панский «ставок».

Война — ерунда, главное — манёвры

Ни один план не переживает встречи с противником.

Хельмут фон Мольтке

Игра в войну — извечная подростковая забава! — для нас, детей молодых родителей, знавших настоящую войну, имела характер эпидемии, распространению которой способствовали особые условия сельской жизни: вольные просторы, свобода перемещений и контактов, меньшая, в сравнении с жизнью в городе, зависимость от взрослых.

В Верхнячке обращалось большое количество магазинного и самодельного игрушечного оружия: пистолетов, ружей, автоматов, пулемётов... Мужественные, стратегически мыслявшие пацаны сплывали вокруг себя по

территориальному признаку верных и крепких соратников, создавая из них приличные воинские подразделения; рыли в потаённых местах землянки, устраивали — в них или в заброшенных строениях — штабы, где решали все вопросы планирования и проведения боевых операций.

Просторные боевые землянки, которые вырывались моими сверстниками, отличались надёжностью сводов, поскольку глины Уманщины — что подтверждает авторитетный Похилевич — отличаются большой плотностью. Территория края изобилует подземными ходами, один из которых под зданием старой школы в Верхнячке, открыл мой друг детства Вакуленко.

Заболев этой, в детстве неизлечимой хворью «игра в войну», я с наступлением летних каникул основательно занялся военным делом: привёл в порядок расположенную во дворе дома беседку, затащил в неё старый стол, расставил табуретки; повесил доску приказов, разработал нормативные документы, изготовил знаки отличия, награды; поднял на высоком флагштоке флаг.

С удвоенной силой занялся подбором и расстановкой кадров. С младшими чинами, предназначенными прежде всего для несения караульной и фельдъегерской службы, уборки помещения, особых проблем не было. Все вакансии заполнили брат, его одноклассники — Вакуленко, младший Гуцин, их сверстники. Подключил к делу ребят из дальнего двора, Гаркавенко и Шемплинского.

Как-то не заладилось с высшим командным составом. Негласным лидером в нашей группировке считался Григорий («Грыць») Заграничник. Был он на два года старше меня, лицом выдался смуглым (по отсутствовавшему отцу — узбек); школу особо не жаловал, постоянно пропадал в нашем дворе, где неуклонно наращивал, к неудовольствию мамы, своё влияние на её сынов.

В оппозиции ему стоял не менее авторитетный Женья Гордиенко. Однажды он, решив подчеркнуть южную составляющую в родословной своего противника, залепил номер грузовика широкой картонной коробкой из-под папирос «Казбек».

После долгих переговоров с каждым из претендентов на высокую военную должность, был найден компромиссный вариант: «Грыць» получил должность командира отряда; Жене досталась боевая и политическая подготовка; за собой я оставил должность начальника штаба и, по совместительству, руководителя службы контрразведки.

Наступили военные будни. Мы изготовили большое количество стрелкового и холодного оружия и доверху забили им боевой арсенал. Наладили гарнизонную службу, стали выпускать боевой листок, регулярно проводили смотры личного состава, устраивали масштабные учения; обменивались опытом работы с дружественными штабами.

С началом очередного учебного года мне и мной направляемому военному движению стали серьёзно мешать школьные занятия и приготовление уроков. Возникшие проблемы я оперативно разрешал за молоденькими, росшими у отдела селекции ёлочками, выправляя противоречащие здравому смыслу записи в дневнике.

Но шила в мешке не утаишь. Однажды сумрачным октябрьским днём в помещение штаба вошла мама и, оторвав меня от оперативных сводок и плана зимней кампании, попросила спустить флаг и вернуться к учёбе. Я было рванулся «движеньем испуганной птицы», но мрачно-устрашающий взгляд подошедшего отца попытку бунта отменил.

Пришлось мне уйти в подполье. В тайных боевых экзерцициях — без обязательного планирования и штабных разработок — появился налёт партизанщины с сопутствующими ей недисциплинированностью и неисполнительностью личного состава. Интерес к военному делу вскоре пропал.

Первая затяжка

Однажды из уборной (или даст-клозета), обслуживавшей как сотрудников аппарата управления опытной станции, так и случайных прохожих, повалил дым. Экстренно вызванный комендант смело вошёл в загазованное помещение и после загадочной паузы вышел из него, держа за уши подпрыгивающих перед ним учеников второго класса Виктора Головцова и Павла Гущина.

В казавшемся им безопасным месте общего пользования, используя собранные в окрестностях окурки («бычки»), друзья совершали акт первой затяжки.

В связи с участием в деле должностного лица происшествие получило звучный резонанс. До порки дело не дошло (за Павла, правда, не ручаюсь), но воспитательная работа с оступившимся братом в семье была проведена серьёзная.

К этому времени я уже пережил грех близкого знакомства с ядовитым зельем. Будучи первоклассником уманской школы, похитил у мамы лёгкие папиросы «Спорт», которыми она заглушала зубную боль. В парке «Софиевка» (точнее — на Дубинке) сделал первую и последнюю затяжку, стоя на вершине ледяной горы. Очнулся, беспмятный, у её подножия, куда стремительно скатился, теряя по пути ориентацию во времени и пространстве, а также желание когда-либо ещё закурить.

Теперь, восстав из пепла греха и отряхнув прах пережитого, я заточил жало критической риторики и опробовал его остроту на безвинном, случайно попавшем в тенета порока брате. Подыграл родителям, надеясь показным благочестием заработать баллы снисходительности и добиться отмены запрета на подъём воинского флага у законсервированного помещения штаба.

Схватка в лесу

О смелый Сокол! В бою с врагами
истёк ты кровью...

М. Горький

В мае пятьдесят седьмого года, в лесу — ближе к Христиновке — наша школа проводила военную игру.

Согласно её регламенту два младших класса объединили в отряд «красных», два старших — в отряд «белых», с соответствующим цветом погон у каждой из противостоящих сторон. Один сорванный в стычке знак отличия означал для неудачника «ранение», потеря второго — «гибель».

Перед сражением, в целях личной безопасности и укрепления боеспособности, я прошил каждый миллиметр прикрепляемых к черной тужурке ярких погон, сделав их «неотрывной» частью одежды. Трудился со смыслом — мордобой и кровопускание в предстоящем бою категорически запрещались, а чтобы догнать меня, быстрогого воина, и вывести из строя, не нарушая правил, нужно было потерять немало времени и изрядно попотеть.

В день события судьи-наблюдатели разделили лес условной линией на две зоны. Каждая из сторон на своей территории спрятала знамя и секретный пакет. Победителем становился отряд, бойцы которого первыми обнаружат, похитят и доставят судьям атрибуты воинского достоинства противника.

«И грянул бой»²⁰. Сразу же, оторвавшись от основных сил, петляя и путая следы, я резво двинулся в сторону боевых порядков белопогонников. В чаще леса, на узкой тропинке столкнулся — глаза в глаза — с их бойцом, долговязой угловатой старшеклассницей.

Оказался более проворным — в прыжке, без особых усилий оторвал пришитый на живую нитку первый погон. Раненая воительница заплакала и ответила, униженная и оскорблённая, пощёчиной. «Добив» врага и прихватив трофеи, я в состоянии истерического восторга от первой боевой удачи двинулся дальше по тропе войны.

«Убитая» дева, плача безутешно, побрела в свой тыл. Ученики старших классов — истые рыцари, цвет белого воинства — без промедления ринулись в погоню, чтобы отомстить за «погибшую» боевую подругу. Заметив преследование, я перешёл на резвый аллюр, выбирая для бега спасительное густолесье. Применив хитроумную — скифскую! — тактику заманивания, уводил элитных бойцов врага всё дальше и дальше от контролируемой «красными» территории.

Ослабленный долгим кроссом, на поляне, в тени молодых дубков, под мирное щебетание птиц я дал преследователям последний, но решительный бой. Четверо старшеклассников держали меня за конечности, другие — мучаясь, теряя драгоценное время, — клочок за клочком вырывали, выгрызали, вырезали мои ефрейторские погоны.

Отбивался от нападавших, как римский легионер от варваров-германцев в Тевтобургском лесу, — отважно и с достоинством. Не знал, вражина, с кем

имеет дело. Не ведали, супостаты, что я *«из младости любочестием и храбростию был преисполнен»*²¹, что в бою сражаюсь до последней капли пота, что голыми руками меня не взять.

...За несколько лет до описываемых событий в Умани в детской поликлинике у меня брали на анализ кровь. Медсёстры, вкупе с мамой, не могли со мной справиться — кусался, брыкался, пускал из ноздрей ёмкие и тягучие пузыри. И только срочно вызванный циклопических габаритов санитар склонил чашу весов в пользу медицинского учреждения.

Подобный приём противодействия противнику повторил и в критические минуты неравного боя в лесу под Верхнячкой. Пока враг бездумно расходовал энергию в бою местного значения с отважным воином дружина «красных», воспользовавшись образовавшимся перевесом в живой силе, первой представила судьям доказательства своей победы — *«и была во всём народе радость великая»*²¹.

Ликуя, обезумевшие от радости победители позабыли о юном герое, который отвлёк на себя ударную группировку противника, до конца исполнил воинский долг, отвагу свою возложил на алтарь победы «красных».

Неудача как стимул

В августе пятьдесят шестого вернулся не только к месту начала жизненного пути, но и к месту начала школьной учёбы, поскольку перед прошлым отъездом в Умань, осенью пятьдесят третьего года, успел поучиться месяц в первом классе сельской школы.

Тогда нам, первогодкам, прямо в классе делали обязательную прививку от дифтерита. Стонущая, всхлипывающая толпа малолетних, по пояс обнажённых пациентов уходила по кругу, вокруг парт, от вызывающего ужас шприца. Евдокия Миновна («Явдоха»), наша учительница, женщина гренадёрской стати, выхватывала из текущего потока зазевавшуюся жертву, зажимала её голову под мышкой, медсестра делала очень болезненный укол под лопатку.

Уколотые страдальцы, отряхнувшись, отбежали в сторону и с радостным ехидством оценивали трусость «неколотых» бедолаг.

В первый день выхода в четвёртый класс провёл для повзрослевших одноклассников брифинг. В красках расписал преимущества — в сравнении с сельской — городской жизни, рассказал о благах цивилизации. На вопрос, умею ли я играть в футбол, ответил, что очень умею. Тому были основания: в Умани подолгу выстаивал за футбольными воротами институтского стадиона, подавая игравшим студентам вылетающие за поле мячи.

Слух о приезде футбольной звезды районного масштаба разнёсся по школе. Женька Непомнящий вступил в переговоры с заклятыми соперниками из старшего, пятого, класса о футбольном матче. На перемене, в пришкольном каштановом парке встретился с делегацией запуганных старшекласников,

которые с особым пиететом задали мне пару наводящих вопросов, на которые я очень достойно ответил.

Одноклассники подкатили резиновый мяч и предложили мне — для окончательного устрашения противника — продемонстрировать мощь удара. По мячу попал, удар «пыром» произвёл впечатление на экспертов; они зацокали языками от восхищения и заявили, что игрок с таким ударом должен играть только в центре защиты.

Через пару дней на поляне состоялся принципиального значения матч, в котором я чаще, если не считать более частых промахов, попадал не по мячу, а по ногам игроков, своих и чужих. Когда число забитых в наши ворота голов и подбитых мною игроков суммарно стало неприлично большим, в команде нашего класса вышло недовольство игрой «варяга». Предвосхищая рукоприкладство, я повёл себя как капризная прима, найдя для того несколько серьезных причин: то ли мяч не совсем круглый, то ли соперники играли не по правилам. Затем «расфыркался» и с упавшим до нуля уровнем авторитета, но с высоко поднятой головой покинул поле.

Случившийся афронт придал мне силы, возбудил жажду успеха. Поляна превратилась для меня в основное место пребывания вне дома. В подходящую погоду, до полного бессилия гонял с друзьями мяч, резиновый, клеёнчатый, кирзовый. Со временем мама привезла из Москвы настоящий кожаный мяч со шнуровкой — невиданный по тем временам предмет роскоши, усиливший качество моего тренировочного процесса.

Следующей весной местные комсомольцы организовали для малолеток футбольную секцию. На моей салатного цвета футболке появилась «десятка», окончательно утвердившая меня форвардом. Тапочки, кеды были в редкость, играл я, к маминому ужасу, в так же дефицитных носках — в них лучше обрабатывались настоящие удары «прямым подъёмом».

В начале нового учебного года состоялся матч-реванш, на который собралась вся школа. Зрители стояли вдоль условной кромки поля, не давая мячу улетать в прилегающее к нему стрельбище. Забор соседнего детского садика облепили наблюдатели дошкольного возраста.

То был не матч, то была битва — и не мальчиков, а мужей. Обстановка на поле, в сравнении с прошлогодней игрой, изменилась радикально. Сражался, аки лев рыкающий, настойчиво вёл команду в атаки, забил пару голов. В конце матча, при ничейном счёте, бил пенальти.

Вопреки правилам и нашим протестам, у соперников на место вратаря стал их лучший игрок, мастер финта и удара по кличке «Мужик». Мяч, после моего удара, влетел в створ ворот, но противная сторона забитый гол не признала. Роль боковых штанг исполняли две кучи портфелей, перекладина была условной. Старшеклассники утверждали, что мяч пролетел выше ворот; наша команда была абсолютно уверена, что он попал точно в цель.

И если победа сомнительно ускользнула (из-за отсутствия судьи, окончательное решение в спорных ситуациях принималось только при полном единогласии сторон), поражения команда нашего класса не потерпела — и это была моя личная победа.

...В конце девяностых годов я ехал автобусом в сторону киевского жилищного массива «Теремки». Передо мной, лицом к лицу, с обрывающими руки тяжеленными пакетами, стояла статная женщина моего возраста, с выписанными на лице тоской и безысходностью.

Что-то привлекло меня в ней. Какое-то смутное ощущение, что мы когда-то виделись и были знакомы, заставило меня более внимательно присмотреться к соседке по автобусу. И вдруг — озарение...

...Бабье лето пятьдесят седьмого года. Освещённая солнцем поляна, где команда нашего пятого класса готовится к повторной футбольной встрече с командой шестого класса.

К месту игры, строем, попарно взявшись за руки, приближаются наши одноклассницы вместе с нашим классным руководителем, Майей Игнатьевной Шемплинской.. Группу поддержки замыкают самые рослые девчонки и среди них — моя случайная попутчица по автобусу.

...Усталая женщина скользнула по мне тусклым взглядом и вышла на очередной остановке.

Дальний поход

Хоть и была в моей сельской жизни достаточная свобода в поступках и перемещениях, она, тем не менее, естественным образом ограничивалась территорией опытной станции и местами общего — для нашего брата — пользования: школой, прудами, парком и стадионом сахарного завода.

Свои нечастые пересечения устоявшейся границы среды обитания оценивал как серьёзные поступки, а первая, без родителей, дальняя поездка — на районный пионерский сбор, в лес под Монастырищем — стала для меня первым в жизни крупным событием. Майский день, проведённый в большой компании сверстников — с играми, песнями, костром, обедом на природе — произвели на меня настолько сильное впечатление, что твёрдо решил смоделировать чудное событие вылазкой в ближний лес, вместе с друзьями и с большим количеством провианта (в том числе — рыбных консервов, очень мной любимых).

Отсутствие средств на закупку деликатесов (равно как и перспектива в ближайшие годы иметь их) делало осуществление мечты нереальным, но неожиданно на выручку пришёл его величество случай. Как-то летом, отец, ставивший превыше других педагогических приёмов воспитание трудом, предложил мне — за десять рублей пятьдесят копеек в день! — поработать на опытном поле: обрывать метёлки у росшей там кукурузы.

В оплату труда не поверил и на работу — с семи утра и до полудня — ходил, больше повинуюсь твёрдой родительской воле, чем зыбкому стимулу; даже выстаивая очередь в кассу, сомневался в удаче — но деньги (колоссальную сумму в сто пять рублей!) получил.

Через пару дней, придя в себя от пережитого потрясения, приступил к подготовке дальнего похода: закупил, отдавая предпочтение крабам в соб-

ственном соку, консервы; провёл общее собрание туристов, на котором определили маршрут движения и общее количество снеди.

Вставшие на вахту у плит мамы также провели своё митинг, после которого, обеспокоенные протяжённостью пешего перехода, долго и нервно, уговаривали чад своих неразумных ограничиться выходом в ближайшую лесопосадку, но напрасно — ни один из крепких «пацанов» не отказался от мысли добраться до леса и устроить там роскошный пикник. Правда, совет моей мамы устроить привал в начале пути, дабы набраться сил для преодоления его остатка, все путешественники восприняли как дельный.

В назначенный день, с набитыми провиантом рюкзаками, напутствуемые родителями, мы отправились в путь. Обогнули сад, прошли теплицы. Через несколько сотен метров, на солнечной поляне, под вековым дубом больничного парка присели на лёгкий завтрак. Немного перекусили — появился аппетит. Скромная трапеза превратилась в лукуллов пир; первыми исчезли все домашние заготовки, за ними банка за банкой «уплыли» консервы. Поход потерял смысл, и мы отправились купаться.

Тонким дипломатом была моя мама.

Велосипед

Всякий раз, заходя в заводской промтоварный магазин, подходил к выставленным в его широком зале настоящим — не детским — велосипедам, подолгу миловался ими; мечтал, затуманенный надеждами, что придёт и на мою улицу праздник.

Серьёзную — но белую! — зависть вызывал Женя Гордиенко, счастливый обладатель взрослой веломашины, производства Минского велозавода. Ухаживал он за своей любимицей с трогательной заботливостью разумного хозяина: часто мыл, протирал, смазывал, регулировал, в чужие руки — даже на пару минут — никогда не передавал.

Выручал меня, любителя высоких скоростей, небольшой двухколёсный велосипед Коли Вакуленко, не смевшего отказать старшему другу; яростно вращая педалями, летал на «эрзаце» по аллеям молодого парка (нашего сельского Версаля!), вокруг всегда живописной пасеки.

В предыдущий период жизни в Верхнячке, в мои дошкольные годы, у отца был велосипед, купленный им для разъездов по полям. Однажды, усадив младшего сына на раму, а меня на багажник, он отправился на склад горюче-смазочных материалов, за керосином. На подъезде к складу, отец, крепкий мышцами главный агроном исследовательского хозяйства, не поворачивая головы, велел мне прыгать. Далее, не проконтролировав исполнение своего распоряжения, он махом правой ноги отправил меня, себя и Виктора в канаву.

Изуродованный аварией — с колесом «восьмёркой» — велосипед, стояв на приколе (у маминых знакомых) несколько лет, дождался возвращения владельцев из Умани. После нашего переезда, сосед, отслуживший армию Толя Марачевский, взялся за инвалида и за неделю привёл его, красноцветного, сияющего никелем колёс, в работоспособное состояние.

Шуршание шин восставшего из небытия велоагрегата в первой пробной выезде прозвучало для меня торжественным гимном. После неё, желая поразить нежданно родителей, сломя голову помчался в сторону клуба сахарного завода, где перехватил их, только просмотревших суперфильм «Карнавальная ночь», и на крутой, обильной рытвинами дороге затормозил перед ними, эффектно вывернув руль в сторону.

В результате исполненного манёвра улетел, по пологой траектории, в лесопосадку, а велосипед получил новые травмы, несовместимые с его дальнейшей эксплуатацией. Рыдал отчаянно и безутешно белугой и в три ручья не по причине разбитого носа и коленок, а от горечи невозвратной утраты.

Мама раны залечила: физические — зелёнкой, душевные — тонкими, философическими рассуждениями о превратностях жизни с конечным выводом — знать, не судьба! Пообещала уговорить отца купить новый велосипед. (Слово своё, уже в Умани, сдержала.)

Хлестаков

В самобичевании есть своего рода сладострастие. И когда мы сами себя виним, мы чувствуем, что никто другой не вправе винить нас.

Оскар Уайльд

Врать, что лыки драть. Был признанным специалистом этого старинного промысла, успехи в котором мама оценивала прозвищем «Хлестаков».

Публичную демонстрацию промыслового мастерства провёл осенью пятьдесят седьмого года, когда наша школа — как и вся страна! — готовилась к торжествам по случаю сорокалетия Октябрьской революции.

Тогда, в процессе подготовки номеров художественной самодеятельности, обнаружилось, что в группе исполнителей зажигательного морского танца «Яблочко» не хватает одного танцора, умеющего бить чечётку. Наблюдая за мучениями неукомплектованного состава плясунов, повинувшись своеобразной силе самоутверждения, заметил, как бы мимоходом, что искромётный танец не раз исполнял, учась в уманской школе; даже продемонстрировал пару «притопов» и «прихлопов».

Несколько дней организаторы концерта тенью ходили за мной, уговаривая занять вакантное место, спасти танцевальный номер, но, по понятным причинам, я от предложений высокомерно отказывался («выкаблучивался»), ссылаясь на чрезмерную занятость в приготовлении домашних заданий. «Поломавшись» пару дней, объявив предварительно о приличных вокальных данных и знании песенного репертуара, согласился выступить в составе школьного хора.

Торжества проходили в клубе сахарного завода. Весь концерт, вместе с барабанщиком и горнистом, простоял у установленного в углу сцены, ближе

к рампе, знамени пионерской дружины школы — таково было требование ритуала.

После того как председатель совета дружины, кроха Галя Торченко звонким, звенящим голосом зачитала приветствие и поздравление, детский хор дружно грянул: *«Взвейтесь кострами, синие ночи, мы — пионеры, дети рабочих...»*. Затем, заполняя промежутки между основными концертными номерами, зазвучали и другие, приличествующие торжественной обстановке, песни в исполнении пионерского актива.

Измученный долгим стоянием на авансцене, раскрывал беззвучно рот, как выброшенная на песок рыба, «пел», выражаясь современным языком, «под фанеру». Когда в одном из номеров взрослый исполнитель затянул лирическую песню (*«Помнишь, мама моя, как девчонку чужую я привёл к тебе в гости, тебя не спросив...»*), забыл переключить регистры, движениями губ продолжил имитацию пения. Зал по-доброму, звучными аплодисментами отметил мастерство дуэта. Вместе со всеми аплодировала, снисходительно улыбаясь, сидевшая неподалёку от сцены, мама.

Первая симпатия

Нет в мире царицы краше польской девицы.

Адам Мицкевич

По завершении учебного года, в один из дней трудовой практики, наш пятый класс работал на пшеничном поле: выбирали сорные, с точки зрения правил селекции, колоски ржи.

Если его дисциплинированная часть усердно занималась порученным делом, то немногочисленное — анархическое — крыло класса, постепенно уменьшая видимость рвения, оторвалось от трудового коллектива, уединилось. Сидя под сенью перебираемых ветром злаков, повели отшельники неспешное, всех увлékшее общение.

Инициативу взяли на себя Гена Беляковский и Валера Пчёлкин. Перебивая друг друга, завели они сказ о том, как, тайно проникнув на запретный для нашего брата сеанс в заводском клубе, просмотрели фильм «Дон Жуан». Со смаком и знанием дела юные повествователи интерпретировали и комментировали интимные детали кинокартины. Перегретые деталями непривычных отношений киногероев, неопытные одноклассники, с отвисшими челюстями, впитывали важную для будущей жизни информацию.

Верили каждому слову. Уже несколько месяцев докладчики несли лёгкий груз славы записных волокит, «ходили» (этим термином обозначали процедуру ухаживания) с самыми видными одноклассницами. Валера, в частности, первым добился благосклонности видной красавицы класса Зоси («Цмони»), выделявшейся толстой цвета спелого льна косой.

Яко тать в ночи, подкралась классная руководительница. Компания, в мгновение ока, расползлась и растворилась в зарослях пшеницы, оставив

В июле 1949 года в Верхнячке отмечалось пятидесятилетие её селекционной опытной станции. Торжества проходили на открытом воздухе, на поляне старого парка.

В этом старом, дореволюционной постройки доме некоторое время жила наша семья. Из этого дома, сентябрьским утром пятьдесят третьего года пошёл в первый класс средней школы №2 села Верхнячка — под начало Евдокии Миновны Береговой («Явдохи»).

На снимке конца сороковых годов семейство Гордиенко снято на фоне знаменитого сада, засаженного яблонями сорта «овечьи мордочки». Отсутствие охраны и регулярный мальчишеский напор не давали их плодам «дожить» до полного вызревания и организованной уборки урожая.

Фирменной метой послевоенного устройства Верхнячской селекционной станции был молодой парк в её центре — ухоженный, с правильно выведенными аллеями и прекрасным фонтаном.

Сцена у фонтана запечатлена в начале пятидесятых годов, на ней мой друг — Женя Гордиенко с сестрой.

По количеству детей в одном из нескольких детских садиков Верхнячки можно судить о количестве её населения и его занятости в середине пятидесятых годов прошлого века.

Снимок первой половины шестидесятых годов. Ребята села Верхнячка — на стадионе. Крайний справа — Гриша Колесник, рядом с ним — Валерий Шемплинский.

меня, перегруженного яркими сведениями, для объяснений с возмущённым педагогом как единственного — без алиби! — организатора саботажа.

Хитроумные и многословные варианты оправданий, предложенные атакующей стороне, не помогли — был безжалостно изгнан. Вечером, спрятавшись в кустах у дома, стал невольным свидетелем общения мамы с Майей Игнатьевной, выслушал долгий обмен мнениями между молодыми женщинами, о проблемах воспитания гиперактивных подростков.

Гроза прошла стороной, лето было чудесным. В начале сентября на уроке получил записку от Зоси с предложением дружбы. Вулкан в школьном дворе произвёл бы меньшее впечатление, чем текст послания. О скверной шутке не могло быть и речи — многозначительные взгляды искусительницы говорили о твёрдости её намерений.

Как и другие сверстники, я находился в том деликатном возрасте, когда первые нежные и тонкие порывы чувств укрывались за маской подчёркнутого безразличия и спартанской презрительности к слабому полу. Отважные ребята, подобные неразлучным друзьям, переступая невидимую черту, уходили в мир новых попарных отношений. Такие переходы в малопонятное состояние за глаза осуждались робкими, но тайно завидовавшими смельчакам одноклассниками.

После сигнала от Зоси, мне нужно было принять срочное решение: переступить эту черту или остаться на прежних позициях, тем более, что о сделанном предложении уже знал весь класс. На экстренной сходке его «мужской» части была тщательно проанализирована сложившаяся ситуация. В дискуссии приняли участие переступивший роковую черту, но уже отправляемый в отставку «мавр» Пчёлкин и эксперт Беляковский. Мнение коллектива было единогласным: мне необходимо сделать вид, что письма не получал, не читал и ничего не знаю.

В душе появилось неясное томление и недовольство собой. Хотя, откровенно говоря, нравилась мне другая одноклассница, тоже польских кровей, — Вика Маевская. Была она девочкой выдающихся внешних данных, с «по-шляхетски» гордой осанкой, молчаливая и недоступная.

Её изящной линии шея и вьющиеся у неё темно-русые локоны, глаза с лёгкой и таинственной поволокой, правильные черты лица магнитом притягивали мой подростковый взгляд. Но предложений от безмолвной красавицы, к сожалению, не поступило.

Мудрость учителя

Молодость больше любит быть поощряемой, чем обучаемой.

И. В. Гёте

Проблемы внутренней и внешней политики, международного положения с первых школьных лет чрезвычайно занимали меня.

Часами мог пропадать в читальном зале, где, от корки до корки, изучал прессу, делая важные для себя пометы. Посещал все торжественные собрания, посвящённые революционным праздникам, не пропускал лекций заезжих агитаторов-пропагандистов. В дни англо-французско-израильского нападения на Египет, вызванного национализацией Суэцкого канала, высказал своё отношение к ближневосточным событиям надписями на заборах «Руки прочь от Египта!».

Слушая по радио сообщение о запуске первого спутника, радовался необыкновенно. Приветствовал появление на территории опытной станции официального лозунга «Догоним и перегоним Америку по производству мяса, молока, масла и яиц на душу населения!» и искренне огорчился, когда яйца из призыва убрали.

На известие, что к отцу на практику направляются китайские аспиранты, отреагировал скрупулезной проработкой материалов о братской стране. Изучил революционный путь их вождя, выучил песню о дружбе двух великих народов.

Гостей, прекрасно владевших русским языком, встретил как давних знакомых, удивил их проявленной эрудицией. Сдружился, часто общался с ними. Один из аспирантов, Оу-Ян-цзы, оказался хорошим баскетболистом, на школьной площадке обучил меня азам этой игры.

В сложившейся ситуации Майя Игнатьевна, озабоченная эпатажными выходками ученика-непоседы (однажды, возмущённый её приходом в класс с напوماженными губами, призвал одноклассников к бойкоту учительницы), решила на изящный педагогический приём. Поручила мне, точнее, попросила провести в классе вместе с друзьями по социалистическому лагерю торжественное собрание в честь годовщины китайской революции.

Доверие вдохновило. Мои уши рдели, глаза блестели, голос срывался, когда читал приветственный доклад. Было радостное и суматошное общение, надевание пионерских галстуков и значков, дарение букетов цветов, исполнение песни «Москва — Пекин».

Успех перевел меня в разряд государственного мышления людей, для которых нарушение дисциплины и неважная учеба равносильны потере достигнутого титула.

Педагогический замысел несравненной Майи Игнатьевны удался в полной мере.

И вновь хочется вернуться

«Летели дни, кружась печальным роєм...»²² — как одна минута жизнь пролетела. Чем дальше во времени я уходил от золотой поры детства в старинном украинском селе, тем сильнее проявлялись обратная тяга к нему, желание вернуться. Судьба, в свое время, занесла моих родителей в Верхнячку, где не было у них ни родных, ни близких. Прожили они недолго в ней и уехали, со мной и моим братом, навсегда.

Казалось бы, «*прервалась связь времен*»²³ и ничто не связывает меня с покинутым краем. Но это не так — в нём осталась могила моей бабушки, и дух родины, с волшебным ароматом проведённого на его земле детства, живёт во мне.

Возвращался к месту начала своей жизни не раз. Обходил дорогие, имеющие особый смысл места, встречался со старыми друзьями, знакомыми, с любимой учительницей, Майей Игнатьевной Шемплинской, слушал музыку чистого украинского языка. Огорчался — с каждым приездом сильнее и сильнее — видами общего захламления, уничтожению памятных мест, бесхозяйственности, бездумности в застройках. Уезжал донельзя расстроенный, без особого желания приехать ещё раз.

Проходило некоторое время, из поверхностного слоя памяти выветривалось увиденное и огорчившее, и в минуты ностальгического настроения из её глубин выплывали прежние, не тронутые временем, не испакощенные людьми, чёткие и яркие картинки сельского пейзажа и быта второй половины пятидесятых годов.

...**Ранняя весна.** В старом парке сыро, грязно, кучки зернистого снега дотаивают в низинном кустарнике. Несильный, упругий ветер шумит в хвое старых елей, рябит водную гладь ставка Гаёк. Его акваторию резво пересекает трёхмачтовый парусник, из куска доски топориком столяра сработанный. Линию движению судну задают киль из консервной жести и бумажные паруса, скорость усиливает рукотворный ветрячок на корме. Я раз за разом запускаю свой необычный корабль с подветренной стороны пруда, бегу через греблю на противоположный берег, принимаю его там, затем возвращаюсь к месту следующего старта. Самодеятельная регата увлекает меня, я горжусь своим конструкторским успехом.

...**Конец мая.** Последний день учебного года, для меня четвёртого. Сажу в классе, за учительским столом, заполняю табели одноклассников, уважительно и завистливо наблюдающих мой труд. Марфа Мусиевна, учительница русского языка, доверила моему формирующемуся почерку каллиграфа важнейший ученический документ. В какой-то момент, переполненный гордостью и величием, я слишком резво мокнул перьевую ручку в чернильницу и посадил в чей-то табель большую кляксу. За ней следом закапали мои слёзы — не огорчения, а стыда за то, что подвёл доверившуюся мне учительницу.

...**Клуб опытной станции.** В его прохладном полумраке с отвращением и ненавистью растягиваю меха трофейного аккордеона. Мама, озаботившись музыкальным образованием старшего сына, обратилась к услугам местного «капельдудкина», засадившего меня за нотную грамоту. Но не далась мне гармония звуков. После двух-трёх занятий, не найдя в них ничего для себя полезного, я решительно отдал предпочтение футболу на «поляне», купанию на Панском ставке и запойному чтению. («*Читал я от заката до рассвета. Сюжета требовал от книг, сюжета!*»¹⁷³)

Мама, зная протестно-истерическую реакцию первенца на принуждение, спокойно восприняла неудачу своего педагогического порыва. Она просто-напросто изменила суть дела и вместо неблагодарной лепки музыкального исполнителя стала воспитывать во мне, на пару с братом, благодарного

слушателя. Случалось, зайдёт к нам в детскую поздним вечером, присядет на свободный диван и... начинает негромко исполнять под гитару убаюкивающий цикл из старинных, мало кому ведомых песен. На стене тикают ходики, в чулане шуршат мыши, а мы с братом, полудремотные, отчаянно сопротивляясь сну, слушаем мамино пение.

Как надоела мне эта гимназия,
Как надоела давно!
Всюду учения, всюду мучения,
А про любовь ничего!

Двор сестёр Гущиных. Преодолевая страх высоты, взбираюсь на дикую, в два детских обхвата черешню, усеянную чёрными, небольшими и ароматными ягодами. Минул почти год со дня переезда нашей семьи из Умани, но непреодолимая тяга к любимому городу стремится меня на макушку дерева, откуда пытаюсь (не беря во внимание двадцать километров удаления) различить контурные очертания городских окраин. Прозрачный воздух, безоблачное небо июньского рассвета утверждают меня в убеждении, что я воистину усмотрел на линии горизонта «Белые Дома», аэродром и даже предместье Мещанка.

Смещаю обзор влево. Вдали, за заводским ставком, в сторону села Вербоватое, стоит дом, в котором проживает мой одноклассник по кличке «Келя». Келя был замечателен тем, что владел потёртым немецким фонариком марки «Даймон», с берегов Шпрее вывезенным. Мой конопатый друг утверждал, что лучи экспроприированного аппарата в тёмную-претёмную ночь «добивают» до купола сельской церкви (она — в правом секторе моего высотного обозрения, километра за два от дома Кели), и я этому искренне верил.

За ставками, в центральном направлении моего просмотра, на сколько хватает глаз, простирается поле гречихи. Его надвое разрезает змеей вьющаяся к краю села тропинка. По ней совсем недавно вышагивал с камышовой кошёлкой провианта в руке — поднести её до своей хаты попросил меня благочестиво смотревшийся, белый как лунь старик. Он не только поблагодарил меня за почтение к старшим, но и оценил мой труд рублём. Сладость и аромат купленных на него конфет класса «подушечки» до сих пор хранятся во вкусовом разделе моей памяти.

...Тёплый вечер конца августа. На широком деревянном крыльце, у наглухо закрытого, некогда парадного входа в дом сидят молодые женщины (среди них — моя мама) и ведут неторопливый разговор. На клумбах полыхает многоцветье. Цветы — повсюду, композицией запахов душистого перца, душистого горошка, ночной фиалки напоён воздух. Во дворе дома — настоящая цветочная плантация семейства Загороднюк, там — океан георгин: махровых и немахровых, крупных и помельче, низких и высоких, ярко-красных, оранжево-жёлтых, фиолетово-розовых...

Рядом, на пасеке, дедушка Дурнопьянов, укрыв лицо защитной сеткой, отгоняет атакующих его пчёл пыхтящим дымарём, вытаскивает из ульев рамки с мёдом и запускает их в ручную медогонку, установленную в передвижном вагончике. Занятый работой, он не замечает компанию ребят, с моим

обязательным участием, пытающуюся затолкать горящую, затхло дымящую паклю в дупло старой яблони, в которой обитает семейство шершней.

Чуть дальше, по грунтовой дороге, со старыми липами вдоль обочин, пара волов под ярмом тянет воз, на нём — металлические бочки с мазутом для электростанции, обслуживающей тепличный комплекс, близлежащие дома.

Во всём — благодать, неспешность, уют.

Эти прелестные картинки из далёких пятидесятих годов могу, мне кажется, вырисовывать до бесконечности. Они, словно яркая мозаика в калейдоскопе, восхищают своей красочностью и, увы, неповторимостью, возвращают моему нынешнему восприятию малой родины неоспоримые значимость и прелесть эпохи детства, той неповторимой поры, *«когда мне были новы все впечатленья бытия»*²⁴. И мне вновь хочется вернуться домой, в Верхняячку.

Всё мне мерещится поле с гречихою,
В маленьком доме сирень на окне,
Ясное-ясное, тихое-тихое
Летнее утро мерещится мне.
Чудится мне, будто песню печальную
Мать надо мною поёт в полусне.
Узкая-узкая, дальняя-дальняя
В поле дорога мерещится мне¹⁷⁴.

Детство — не могу не сравнить!

Немалый жизненный путь за плечами настраивает на воспоминания, на перебор в памяти конечного ряда эпизодов его начального отрезка — детства красного.

Стих накатило — многопечальный быт наш, наблюдаемый дрейф нравов побуждают к беспристрастному сопоставлению эпох, сравнительной оценке государственной заботы о малолетних гражданах, их возможностей самореализации во взрослой жизни. Реалии сегодняшних дней, расслоившие несправедливо детский мир, укрепляет в убеждении, что от добра добра не ищут, что детство моё было восхитительно прекрасным.

В категоричности сентенции есть, безусловно, возрасту присущая частица идеализации собственного прошлого, сглаживающая острые углы, обращающая тёмное в яркое, холодное в тёплое, обидное в радостное.

И всё же — из песни слов не выкинешь. В системе общественных отношений, действовавшей в догорбачёвские времена, при всех её изъянах и пороках, дети были единственным привилегированным классом, которому с избытком полагалось всё, чем располагала страна.

Влекут нас в царство ласки
Семь белых лебедей..
Не правда ли: мы в сказке,
Мы в книжке для детей?⁴⁴

Была мораль равных прав и возможностей; были нравственные принципы, мягко по форме, но твёрдо по существу, прививаемые подрастающему поколению.

Было ладно организованное дошкольное воспитание без ограничений разрастающемуся младенчеству; было эффективное — бесплатное и обязательное! — среднее образование, обеспеченное преданными делу, высокой квалификации учителями.

Было высокого гуманизма детское здравоохранение; были доступны здравницы, пионерские лагеря, дворцы пионеров с кружковой работой, массовая физкультура, детские спортивные школы с регулярными спартакиадами, соревнованиями и многое, многое другое.

Был культ искусства, образованности, высокой эрудиции, чтения; была открытость, уважительность, коллективизм; была уверенность в будущем, в возможности выстроить его пропорционально собственным интеллекту и целеустремлённости.

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернёт?⁴⁵

Не было кастового разделения юного сообщества на сверхимущих, имущих, малоимущих и неимущих, с зависящими от толщины родительской мощны возможностями ощутить прелести детской поры. Не было пресыщенных бытом, всё отведавших и испытавших, капитализированных «предками» юнцов и юниц, утративших к семнадцати годкам какой-либо стимул к общественно-важным целям, к образованию и саморазвитию.

«...если посмотреть на проблему шире, то можно увидеть, что в любом обществе, в любую эпоху каждый класс поддерживает свою численную силу не только естественным ростом, но и рекрутированием представителей из нищих слоёв и что высший класс, которому некуда больше расти, постоянно освобождает места для представителей низов, исчезая с социальной арены в третьем и четвёртом поколениях ...и это перекликается с американской пословицей «Три поколения отделяют наготу от голытьбы».

(А. Дж. Тойнби)

Не было ныне с колыбели усваиваемого гипертрофированного индивидуализма с его вывихами — скрытностью, эгоизмом, лицемерием, рационализмом, не было босоты и наготы нравственной.

Не было детской беспризорности, бродяжничества, заметной преступности, проституции, наркомании, токсикомании, вызывающего пьянства, нуждой порождённого детского труда, торговли детьми. Не было переполненных сиротами детских домов, где в порядке вещей сексуальное насилие над девочками-подростками. Не было в геометрической прогрессии растущих в детской среде страшных заболеваний. Не было забытых обществом детей-инвалидов, обречённых на безысходность малолетних граждан.

Что о том тужить, чего нельзя воротить. Сказ мой — не мировая тоска, не скорбь вавилонская о потерянном рае. Он — кимвал звенящий, песнь песней об уважительном и деликатном отношении к истории; об умении потомков извлекать уроки из тяжелых опытов предков, использовать богатство их материальных и духовных накоплений. Глагол мой — о первостепенных категориях нравственности: памяти и благодарности; о признательности, прежде всего тысячам тысяч сограждан (а уж потом партии, правительству и лично товарищу!), трудом и умом обеспечивших счастливое детство поколениям пятидесятых — восьмидесятых годов; о мудрости жизни, скрытой в восточной поговорке: «Гордись своими предками, не лишая такой возможности своих потомков».

Баутка моя и о других чувствах, в первую очередь к рептильной, амнезией страдающей, служивой демократической тусовке, выкормленной и обласканной в помянутые благоуспешные детские годы, а ныне «благодарно» отстаивающей совершившееся растерзание великой страны и ограбление народа как безальтернативный вариант экономического и общественного переустройства.

Кто пренебрѣг коварно благодарность,
Тому знаком и лжи язык бесстыдный.
(Уильям Шекспир)

Первые беды

Когда мне исполнилось семь лет, испытал первое волнительное ощущение резкой смены места проживания и дальнего переезда (длиной в двадцать километров!), происшедшего в октябре пятьдесят третьего года. Отец, за несколько лет до этого защитивший кандидатскую диссертацию, перешёл на преподавательскую работу в Уманский сельскохозяйственный институт, где получил возможность совмещать ковку агрономических кадров с любимым делом — выведением новых сортов злаковых культур.

Новая среда обитания представляла собой обширную, капитально отгороженную от шумной слободки территорию, где изящно-просторные, девятнадцатого столетия постройки институтские корпуса, по-британски аккуратно ухоженные скверы и палисадники органично дополняли каноническую красоту великого соседа — парка «Софиевка», по замыслу и силой капитала графа Потоцкого, трудами уманчан возведенного в начале девятнадцатого века.

Подобное соседство образовалось по указу Александра II, повелевшего в 1859 году перевести из Одессы в Умань Главное училище садоводства (впоследствии — сельхозинститут) и передать ему изобиловавший редкими видами деревьев и кустарников дендропарк.

В институтском городке жили, интенсивно общались, становились на крыло пацаны послевоенных лет производства, численностью своей под-

тверждая расхожее мнение о том, что после опустошительных войн природа выпускает на свет преимущественно мальчиков.

В любое время года, в счастливые часы свободы от школьных занятий, от родительского диктата неиссякаемая энергия детства разряжалась в играх, забавах, весёлой беготне, потасовках.

На склоне лет, когда в огне
Уже горит закат кровавый,
Вновь пред душой, как в тихом сне,
Проходят детские забавы²⁷.

С наступлением весны на ровных, подсохших участках земли играли «в ножички» — чертился овал, в который особым манером («с локтя», «с колена», «с головы») втыкалось лезвие ножа и по линии попадания прирезался кус территории, до полного её поглощения победителем. Проигравшему полагались пара «щелбанов» или с особым шиком исполненных оттянутым средним пальцем «цык».

Кто был настоящим пацаном в те давние-давние годы, тот, уверен, помнит, какой величайшей драгоценностью и обязательной составляющей детского обихода был перочинный ножик. Добывался он, в условиях невеликих материальных возможностей, с большим трудом и берёгся пуще зеницы ока, никогда никому не передаваясь, даже для краткого пользования.

Привезённый мамой из Москвы ножик, о двух лезвиях, пожил со мной недолго — забравшись на вербу около виноградника, уронил его в заросли метровой крапивы, после чего жил с долго не заживавшей психической травмой. Попытка попользоваться, без спроса, отцовским «шестизарядным», с косянками накладками, инструментом также, в итоге, привела к «маленькой трагедии» с физически ощутимыми последствиями.

Раскопки на институтском стрельбище давали горсти мятых свинцовых пуль, из которых в баночке из-под ваксы выплавлялись битки для игры «в деньги». Профессионалы азартного увлечения выделывали орудие добычи оптимально массивным, что повышало точность броска в сторону стопкой выстроенной денежной мелочи, гарантировало — после удара с «оттяжкой» — выигрышный переворот медяков с «решки» на «орла».

Общественное мнение осуждало даже намёк на получение нетрудовых доходов, поэтому уличённые в пагубной тяге к сребролюбию шалопаи нередко демонстрировали реакцию законопослушных родителей алым цветом опухших ушей.

В погожие дни, ближе к вечеру, в сквере у институтской библиотеки сходка малолетних граждан начиналась с резвых догонялок, суетливых «разгордияшев» — играли в лапту, в «квача» («Квач, квач! Дай калач!»). Далее, по регламенту, следовали обязательные «жмурки» («На золотом крыльце сидели царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной...»).

Детство — земля обетованная, время давнопрошедшее. Стоит перед глазами детский «птичий базар» на окутанном теплыми сумерками стадионе, с

которым соседствовал опытный институтский сад — заветная цель охотников за яблоками, не стеснявшихся начинённой солью берданки сторожа.

Словно сейчас вижу, как стремительным веером разбегаются участники игры в «штандер», как, выкрикнув имя одного из бегунов, самый резвый участник детского собрания запускает в небо небольшой мяч, как, поймав его, названный игрок командует: «Замри!» — и, выбрав из застывших фигур жертву поближе, попаданием резинового снаряда выбивает обречённого товарища из общей потехи.

Мы прятались, в саду желтела осень...
Прошли года, но миг минувший цел,
И мячик тот, что я тогда подбросил,
Ещё упасть на землю не успел...²⁸

В начале января, в пору моих первых зимних каникул, мама срочно уехала по делам к родным, в Москву. Воспользовавшись полученной свободой, по утрам убежал в Софиевку — на Дубинку. С ее вершины, поляны с многовековым дубом, в урочище Зверинец вела неширокая дорога, превращавшаяся зимой в место скоростных спусков на санках, коньках, куске жести. Увеселение сие было небезопасным — столетняя североамериканская сосна, с пушистой хвоей и длинными шишками, за крутым поворотом, остановила, с безрадостными последствиями, полёт не одного лихача.

После нескольких дней несанкционированных отцом катаний слободские хлопцы подговорили меня, наивного и доверчивого, лизнуть в лютый мороз металлический полоз санок.

До конца каникул не казал носа из дому, держал язык за зубами, посвятив свободное время изучению устройства швейной машинки «Зингер». Сложное изделие освоил, но получил очередное потрясение (проколел младшему брату иглой палец!) и родительский подзатыльник.

Отцу было некогда заниматься парой беспокойных шкетов. Договорившись о нашем прокорме с соседской домработницей, он на весь день уходил в институт читать лекции, копаться в теплице.

Жили мы в небольшом, поделенном на четыре квартирки, одноэтажном домике, где нашей семье досталась — по остаточному принципу — маленькая комнатка с сумрачным, сырым коридорчиком. Вытопленная с утра печь к вечеру остывала. Накинув на плечи пальтишки, забирались с братцем на сундук, вжавшись носами в оконное стекло, тревожно вглядывались в освещенный луной дворик.

Было страшно — свет не включали. За засыпанными снегом кустами желтой акации, сирени, за старой яблоней детская фантазия рисовала злых разбойников, дурных волшебников, страшных чудищ. Высмотрели все глаза, ожидая маму, защитницу и избавительницу от мерещившихся ужасов.

В лунном свете белый дворик,
Белый дворик, белый дом.
Лунный свет пахуч и горек,
Свет отравлен колдуном²⁹.

Мама, изнервничавшаяся и взволнованная, вернулась с горой подарков, «поправила» носы у обрыдавших от счастья сынов; в дом вернулись тепло, покой, сердечность.

Нет родней дружка, как родная матушка.

Не в деньгах счастье

Нежный возраст, в котором пребывал в рассматриваемый, в три года протяжённостью, уманский период жизни, ограничивал пределы моих выгулов границами институтского поселка, ибо недрёманное отцовское око отслеживало пути миграций сыновей вне дома. Ортодоксальный воспитатель не допускал нарушений важнейших принципов быта — послушания и дисциплины; однажды за самовольное катание на лодке со взрослым парнем на Нижнем парковом пруду был поставлен «в угол», где, не покаявшись, уснул.

Лишь после третьего класса повод интеллектуального свойства ослабил дисциплинарные вожжи. На площади перед главным корпусом института, служившей также конечной остановкой городского автобуса, сидел в одну из двух его разновидностей — «маленький», однодверный, сурово-зеленого цвета или «большой», двухдверный, красно-жёлтого или сине-жёлтого окраса, еще именовавшийся «колбаской», — доезжал до остановки «Магазин «Ткани».

Неподалеку от неё, в пропахшем стариной, со скрипящими половицами деревянном домике, умилял старенькую, пухленькую, очень добрую библиотечкару частотой своих визитов, уважительным отношением к книгам и изобиловавшим записями о своевременно сданных книгах формуляром.

О, сказкой ставшая поблекнувшая быть,
О, крылья бабочки, с которых стёрлась пыль³⁶.

Наиболее привлекательной для нашего брата-огольца частью ареала обитания в летнее время была его западная сторона, которую занимал забытый мичуринской наукой сад шелковицы, дававший любителям сладкого обильную витаминную подкормку сочными, душистыми, разноцветными ягодами.

За садом шёл маленький хуторок — небольшой домик («хатка») с колодцем во дворе, которую занимали натурализовавшийся финн и его славянская супруга с сыном, Володькой Якушкиным, неизменным участником всех наших ассамблей.

Далее простиралась земля неведомая, настоящая *terra incognita*, усеянная цепочкой военных поселений. Ближе к городу, на окраине парка (у выхода Грековой балки) размещалась воинская часть, что подтверждалось наимено-

ванием автобусной остановки — «командный пункт» (сокращённо — «КП»). От неё было рукой подать до «военного городка», места семейного проживания служивого люда (действующего, отставного и запасного), а также работников предприятия, занятого ремонтом самолётных двигателей («рембазы»).

Ближе к селу Родниковка (в старину именовавшемуся Войтовкой) находился аэродром, на котором — с середины пятидесятих годов — дислоцировалась переведённая из Чугуева авиационная часть. Боевые самолеты — по началу защитного цвета «ястребки», «штурмовики», поставленные в войну по ленд-лизу «дугласы»; позже — серебристые, первые реактивные МИГи — заходили на посадку со стороны Белогрудовского леса, с рёвом рисуя глисады над нашим домом.

Семьи отечественных соколов гнездились, затем надолго, навсегда оседали в специально для офицерского состава выстроенных «белых домах». Жёны отважных летунов вызывали особую зависть у горожанок высотой своего материального положения. Его они не раз демонстрировали разнообразием дефицитных по тем временам носильных вещей — пальто с воротниками из лис-чернобурок, крепдешинового платья, ботиночки-«румынки», чулки фильдекосовые и фильдеперсовые, — совершая с мужьями променады в сторону института (по Агрономической улице), где в актовом зале показывали кинофильмы.

Под стать офицерскому смотрелся и рядовой состав авиачасти. Однажды наблюдал, как лихие авиаторы третьего года срочной службы, подтверждая особую кастовость своих рядов, бляхами намотанных на ладони солдатских ремней «метелили» у водопада в парке «Софиевка» развязную шпану из предместья Новая Умань.

Победу организованной военной силы наблюдал с великим удовольствием, так как успел испытать грубую силу переростков этого пригорода во время первого в жизни выхода на рыбалку. От налетевшего дождя спрятался в гроте Льва. Снаружи шумел ливень, внутри гремел падавший в отстойник поток воды, поступающий по водоводу от Верхнего пруда на очистку перед последующей подачей на Нижний пруд, на фонтан Змея.

Страшной удара стихии оказались пинки от новоуманской шантрапы, отобравшей новенькую, с трудом вымоленную у родителей рыболовную снасть.

Руководящей и направляющей силой в нашей относительно однородной по возрасту мальчишеской среде были ребята постарше, родившиеся в последние годы войны. Долгое время примой выступал Витька Прутников, обстоятельный, лишённый хитроумия крепыш. Шумных компаний чурался, жил своими интересами, магнитом притягивая пацанву очень важными способностями. Был, прежде всего, широко известен как мастер изготовления невзрывающихся во время залпа самопалов. У него можно было приобрести навыки конструктивно верного изготовления рогаток, луков со стрелами, освоить стрельбу из рукотворного оружия, научиться бить острогой (привязанной к палке вилкой) суетливых пескарей в вытекавшей из парка мелководной речушке Каменке.

Только он, когда *«деревя едва венчались первой зеленью весны»*³⁷, выводил особо приближённых недоростков на порочные смотрины в молодые сосновые заросли за Дубинкой, где опытные ловеласы, куртуазные кавалеры спешно выгуливали — в зависимости от состояния кошелька — нетребовательных представительниц предместья Мещанка, известных в городе гризеток и куртизанок.

И каждый вечер, за шлагбаумами,
Заламывая котелки,
Среди канав гуляют с дамами
Испытанные остряки⁸.

Авторитету из простолюдинов оппонировал профессорско-преподавательский отпрыск, тонкострунный и лопухий Валерка Ольховский. В меру импульсивный, аккуратный и осторожный, старший товарищ предпочитал в отношениях с младшим составом не грозящие осложнениями забавления, к примеру, строительство «домов» и «дворцов» в громадной куче песка около новостройки мужского общежития. Систематически проводил состязания по метанию воткнутого в прут картофелин — гибкий рычаг обеспечивал перелёт овоща через всё футбольное поле. Он помог мне добыть узкое, жёсткое металлическое колесо, гонять которое перед собой хитроумно изогнутым проводом было почти аристократическим увлечением.

Особняком в детском кооперативе держался щуплый, конопатый, внешне симпатичный Генка Дейнека. Жизнь без особого достатка, с матерью и двумя старшими братьями, наложила заметный прагматический отпечаток на характер шустрого мальчонки. Нюхом за сотню-другую метров чуял добычу, как полномерный тертый калач рвал подметки, чтобы заполнить её.

Летом пятьдесят пятого года, на институтском стадионе проводилось первенство Украины по теннису среди сельскохозяйственных вузов, в котором принимал самое активное участие — подбрасывал игрокам вылетающие за пределы корта мячи.

В финальной части турнира, передвигаясь на четвереньках в небольшой, примыкавшей к теннисной площадке яблоневого посадке, нашёл в густой траве двадцать пять рублей, эмиссии одна тысяча девятьсот сорок седьмого года. Оцепенел, потерял связь с реальным миром, погрузился в гипнотическое состояние, двинулся в сторону входа в парк, где шла бойкая лоточная торговля. Там, из помещённых в смесь льда и опилок алюминиевых баков, лоточница столовой ложкой выбирала искрящееся на солнце, плотное, отливающее желтизной сливочное мороженое; вдавливала его в вафельный стаканчик, отмеряла драгоценный груз на рычажных весах и передавала очередному счастливицу. Две дюжины заветных порций ждали меня.

На полпути к близкой цели был перехвачен Генкой. Тонкий психолог, он в два счёта расколол склонного к истерикам слабака, тем более что неожиданный перекоп моего неокрепшего рассудка привёл к поносу встречного откровения, к желанию поделиться удачей с первым встречным («чудное качество», всю жизнь мне сопутствующее).

Отказавшись от лобовой атаки, начинающий талейран составил тонкую интригу морального свойства. Напустив на лицо необходимый трагизм, поведал мне, что на стадионе видел средних лет гражданина, который, обрывая от отчаяния волосы, ищет пропавшие деньги, проклинает похитителя.

«Подкатил» надёжных свидетелей, в один голос подтвердивших все изложенные факты, а также честность и справедливость грозного прокурора. Тот, между прочим, дополнительно намекнул мне на неадекватную реакцию родителей, узнай они о неблагоприятном поступке сына, не вернувшего деньги хозяину.

В итоге, после долгих и безутешных рыданий, я уговорил Генку принять нечаянную находку для возврата потерпевшему. Уложив ассигнацию в карман, добрый самаритянин выделил мне, избавившемуся от греха и вступившему на путь праведности, рубль медяками из своего запаса. На него я купил себе порцию мороженого, но не сливочного, а ценою подешевле — молочного.

Пожалел волк кобылу, оставил хвост и гриву.

О вреде сладкого

Долгое время серьёзной проблемой послевоенной Умани был дефицит воды. Отсутствующий водопровод подменяли водовозные бочки на конной тяге, заправлявшиеся у специальной устроенной на главной парковой аллее будки, куда вода с середины девятнадцатого века подавалась по трубам, от источника «Ужи».

По утрам, цокот копыт по каменной мостовой измученного затяжным подъёмом мерина и зазывные крики водовоза выстраивали очередь из жителей нашей округи за ключевой водой, выдававшейся в обмен на приобретенные в институтской бухгалтерии жетоны.

Во время штурма Уманской крепости гайдамаками во главе с Зализняком, в жарком июне 1768 года, её защитники — по причине нехватки воды — вынужденно утоляли жажду вишнёвкой и мёдом. Их алкоголизированным состоянием объясняют польские историки быстрое падение неприступной «фортеци».

На территории старинной твердыни, в помещениях выстроенной в 1782 году ратуши, в пору моего детства располагался — и ныне располагается — знаменитый уманский базар, собиравший по воскресным дням городских покупателей, жителей ближних и дальних сёл.

Всё, что вырабатывала, добывала людская энергетика, предприимчивость, трудолюбие в несладкие послевоенные годы, можно было приобрести на шумном торжище, в составлявших его фасад — большей частью кооперативных — магазинчиках.

Умань исстари была не только известным пограничным городом, но и важным торговым центром — беру Дмитрия Ивановича Яворницкого во свидетели:

«Известный в своё время богач и тщеславец польский граф Франц Силезий Потоцкий, получив в наследство Умань со многими его крепостями, обнёс весь город стенами и башнями и, чтобы сделать его центром богатства и культурности, открыл в нём ярмарки. Зная, какое значение в этом случае имели для всего приднепровского края запорожские козаки, Потоцкий нашёл нужным отправить от себя письмо с приличным подарком кошевому атаману Григорию Федорову, которого просил объявить запорожцам, когда они будут ехать в Польшу по торговым делам, направляться прямо в Умань, там брать паспорта, распродавать свои товары и с оставшимися от продажи идти дальше: «Как в наследственной моей вотчине Умани, по высочайшему королевскому соизволению и моим старанием возобновлены торги и ярмарки с предоставлением разных преимуществ торговцам, всех пограничных наций, то и прошу вас, ясновельможный пане, целому Кошу объявить, чтобы запорожцы, которые обыкновенно в Польшу ездят по торговле с лошадьми, скотом, воском, салом, мехами и другими товарами, отправлялись за всякими паспортами в Умань на ярмарки; оттуда, если бы там своих продуктов не распродали с паспортами управителя моего Уманского имения, пускаться и дальше, 1762 года, 18-го мая».

Со стороны городского центра к рынку примыкал дряхлеющий Николаевский собор, сооружённый к столетию войны с Наполеоном, в которой, между прочим, принимал участие Уманский полк. Рядом, за сквером, в сохранившихся с восемнадцатого века зданиях василианского монастыря и школы размещалась воинская часть.

В семидесятые годы XX века, в пору «серого кардинала» Сулова, собор, уже использовавшийся как склад, по инициативе ректора педагогического института пытались снести.

Патриоты города, цвет его интеллигенции — мой Учитель Василий Васильевич Романченко, директор второй школы, историк-эрудит Сергей Пахомович Палий, директор пятнадцатой школы Харитон Степанович Хоменко архивными документами доказали, что храм был выстроен на собранные по подписке народные деньги. Тем самым спасли Дом Господень от бездумного приговора; впоследствии он был восстановлен.

Единожды побывав в соборе — привязался хвостиком к маме, в её походе за продуктами, который она открыла посещением воскресного богослужения, взяв предварительно с меня слово никому не выдавать «секрет» (особенно отцу — воинственному атеисту). Тайный визит дал только формирующейся психике эмоциональное потрясение, почти мистическое ощущение собственной слабости и незначительности, чувство подавленности.

Несмотря на общую атмосферу безверия, осталось смущение духа, с возрастом переросшее в убеждение, что следование вере предков — непереносимое условие связи с корнями своего народа; что вера — дело глубоко интимное, и сила её определяется, прежде всего, глубокой внутренней приверженностью к христианским православным ценностям; что потребность богообщения не требует активной его демонстрации. (Беру в пример бывших главных атеистов, а теперь генеральных демократов, неловко крестящихся со свечами в

руках.) *«К Богу приходят не экскурсии с гидом, а одинокие путешественники»*, — писал Владимир Набоков.

С приходом лета пульс ребячьей жизни учащался, насыщая её сложными и ответственными делами, из которых наиважнейшими были регулярные грибные вылазки под началом мафусаиловых лет детского друга, милого, славного соседа Михаила Ивановича Латюка.

Непростой ритуал грибного сбора начинался с обстоятельной заготовки снеди, обязательного подъёма до зари под перекличку петухов в окрестных сараях.

Луны сиянье белое
сошло на лопухи
Ревут, как обалделые,
вторые петухи³⁸.

Пеший переход, через большой сад, к Белогрудовскому лесу под светлеющим небом с исчезающими звездами, азартная тихая охоты в зарослях молодого дубняка сопровождалась обстоятельными пояснениями и рассказами о жизни природы от мудрого ментора. Дело завершалось обязательным костром, на котором поджаривали на палочках кусочки ароматного сала, в углях которого запекали картошку, и гордым возвращением домой, с полными кузовками добычи — белыми грибами, «синюками».

Повзрослевшего брата Виктора родители определили в детский садик, располагавшийся через дом от нашего жилья. Время было беспокойным: недавно окончилась корейская война, разгорелась война «холодная» — вышедших из ползункового возраста деток учили прятаться под столами, кроватками, организованно переходить в убежище в случае ядерного удара предполагаемого противника.

По вечерам доброжелательная часть соседей собиралась во дворе пообщаться, обсудить местные новости, послушать патефон — кажется, единственный трофей, доставленный отцом с войны, — который ставился на подоконник и ободрял слушателей развеселыми песнями Руслановой. (*«Валенки, валенки! Ох, да не подшиты, стареньки!»*.)

Долгое время надёжный германский аппарат был основным источником развлечений, под который закупались не очень разнообразные по содержанию пластинки. После войны, средства эфирного получения информации в частном пользовании не поощрялись, но с переменой житейского климата (*«Берия, Берия вышел из доверия, а товарищ Маленков надавал ему пинков»*) ситуация изменилась, и отец, в центральном магазине «Культтовары», приобрёл шикарное отечественное изделие, радиоприёмник «Рекорд».

На время летних каникул в соседствующим с нашим домом женском общежитии — ровеснике институтских зданий — устраивался пионерский лагерь. В первый сезон мама, как старший воспитатель, пристроила меня, «салажонка», в младший отряд.

До седины, в мельчайших деталях, сохранила благодарная память непередаваемое обаяние пионерского детства — подъём и спуск флага, торжествен-

ное построение под горн и барабан, вечерние костры, экскурсии, вылазки за город, радостное общение, игры, песни: «Здравствуй, милая картошка, пионеров идеал. Тот не знает наслажденья, кто картошки не едал».

С середины июля, ноздри жителей нашего домика начинал щекотать сладкий, замешанный на дымке костра, аромат — в отливающих золотом тазах, установленных на камнях во дворе, варили вишнёвое варенье. К этому действу мама готовилась ещё с зимы, закупаая и складывая в казавшееся ей потаённым место белые холщовые мешочки с колотым сахаром, количество которого к открытию сезона, естественно, уменьшалось.

Сладкая, душистая пенка делилась, по справедливости, между мной и младшим братом, остывшее варенье разливалось в стеклянные банки, которые закрывались плотной бумагой с выписанной на ней датой приготовления. Дальнейшая судьба вкусной продукции, в большей степени, определялась силой тяги старшего отпрыска к сладкому, при неконфликтности мамы в ситуациях заметного уменьшения результатов её труда.

Однажды, в очередной раз положившись на мамину покладистость, проник в трёхлитровую банку с мёдом и, обильно пропитав им ломоть белого, пористого хлеба, отправился погулять на стадион. Тут же с близлежащей институтской пасеки в воздух по тревоге поднялась эскадрилья агрессивных пчел и с ходу атаковала неосторожного сладкоежку.

Отмахиваясь от жалящих насекомых, рыдая и путаясь в соплях, добежал до дома, где упал на постель, опухая до неузнаваемости. Пару недель меня, немощного и временно ослепшего, выхаживала мама, выполняя одновременно и роль поводыря.

Мёд с детских лет решительно не люблю.

Кличка

Уманская глава моей ученической жизни открылась с устройства в первый класс начальной украиноязычной школы номер девять, занимавшей два небольших одноэтажных строения на Софиевской слободке.

Выбор места обучения определился, прежде всего, его близостью к месту проживания: всего пути — через стадион, пасеку, мимо «профессорского» дома и (самое опасное место!) через улицу Третьего Интернационала. Кроме того, язык обучения был привычен мне после трех месяцев учебы в сельской школе, в покинутой мной Верхнячке.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много;
Неровная и резвая семья...⁶⁹.

С присущей детству непосредственностью я быстро вписался в «первоклассный» коллектив, стал его приметной фигурой, более преуспевая в учебе, чем в поведении.

На первых порах подъему к вершинам исходных знаний мешала неаккуратность в чистописании — писание текстов перьевой ручкой, с регулярным её обмакиванием в чернильницу, давали корявый набор линейных фигур и обилие клякс в оснащенных промокашками тетрадках. Немало сил потратила мама, обладавшая изумительной чёткости почерком, чтобы передать старшему сыну приблизительный повтор её дара, приучить «грязнулю» к аккуратности в письме, вывести к концу первого года учёбы (и до четвёртого класса!) в триаду классных лидеров-отличников.

На почти полувековой давности фото, сделанного у фонтана «Семиструйка» в парке «Софиевка», вижу себя худющим подростком в клетчатой рубашке с перекошенным пионерским галстуком, с оттопыренными ушами и запотевшим от быстрого бега лицом, с вытаращенными глазами от еще не ушедшей боязни опоздать к началу премиальной съемки лучших учеников третьего класса.

Рядом достойно себя представляют безукоризненные в учёбе и поведении одноклассницы, и среди них — приписывавшийся мне общественным мнением класса объект увлечения, Люда Котенко.

Скоро обзавёлся закадычным дружкой, Васькой Полищуком, жившим на слободке, неподалёку от школы. По очереди ходили друг к другу в гости, к радости каждой принимающей родительской стороны усердно на пару готовили уроки.

С завершением зимы бегали вместе на Верхний пруд смотреть, как рубят большими кубами подтаивающий лед и вывозят телегами в городские ледники. С приходом весны, пускали бумажные кораблики в ревущем потоке тёмной талой воды, мчавшейся по рукотворному рву в тот же пруд.

В раннем детстве я любил
Тихий зал и шум на воле,
Полночь в безднах из светил
И росинки в поле⁴².

Вместе со всем классом ходил в лес за первыми весенними цветами — подснежниками, рястом, ландышами, фиалками. Плечом к плечу стояли в дисциплинированном ряду октябрят, декламирую пионерскую клятву, когда старшие товарищи повязывали нам красные галстуки. Будучи постарше, в компании со слободскими поделъниками пасли коз на обочине аэродрома. Вооружившись самодельными саблями, винтовками, деревянными «гарматами», играли «в войну».

Гордостью школы был большой, всегда ухоженный и облагороженный детскими руками сад. Каждую весну деревья обрезались, обкапывались, белились известью, на них без применения препаратов уничтожались личинки гусениц. В эти же дни классы выходили на массовые посадки саженцев, установку скворечников.

Наша любимая учительница, из девятнадцатого века родом, наша добрая баушка Мария Семёновна вся без остатка растворялась в святом деле обу-

чения и наставления на путь истины разнородных «киндеров», возвращала отступников на путь знаний и послушания.

Почти всё внеурочное время посвящала разработке сценариев, подготовке ученических концертов с хоровым и сольным пением, танцами, театрализованными представлениями. Как чтец-декламатор с первых дней пребывания в школе получил от неё бессрочный ангажемент на самодеятельное лицедейство, с репертуаром преимущественно басенного жанра, который постоянно и очень ответственно наращивал.

Во втором классе, на новогоднем карнавале уже как заметная величина артистического цеха — в изготовленной мамой марлевой блузе зайчика-побегайчика — был занят в нескольких номерах программы и за проявленную даровитость сорвал заслуженные рукоплескания.

Вечером, по завершении праздничного представления все участники веселья под строгим контролем взрослых отправились на прогулку в парк. За венецианским мостиком, где через верхний край шлюзовых ворот из-под ледового покрытия Нижнего пруда сочилась, наполняя отощавшую Каменку, вода, мы с другом Василием приступили к резвым и рискованным «герцам» по усеявшим речку валунам.

В эти роковые мгновения сверху, из толпы зрителей залпом прозвучало одно-единственное слово, оказавшее судьбоносное влияние на мою последующую детскую жизнь. Валька Мазур, из третьего класса, вдохновлённая торчащими из-под моей шапки длинными маскарадными ушами, назначила мне кличку: «Зайчик!».

Прозвище практически вытеснило из общения со сверстниками имя. Сравнение с пугливым, беззащитным животным очень огорчало меня, и напрасно, — могло быть, как выяснилось, гораздо хуже.

В следующие новогодние праздники давали сценическую интерпретацию басни Крылова «Квартет»:

Проказница — Мартышка,
Осёл,
Козёл
Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть квартет».

Так вот — в сценической реализации классика исполнял роль Осла.

Через много-много лет, в начале нового столетия, после долгого отсутствия совершил паломничество в город детства, неспешно прошёлся по его улицам, скверам, по красавицу-парку.

С высоты прожитых лет и обретённых исторических знаний, новыми глазами взглянул на издавна знакомые места, соотнёс их образно с происходившими здесь в стародавние времена событиями.

Перебрал в памяти сцены полувековой давности, с навсегда детскими лицами друзей, одноклассников, с неизменными — добрыми и приветливыми — лицами взрослых, со счастливой обстановкой надёжного и обаятельного детства.

Лёгкая грусть тонким флёром обволокла душу, сердце защемило — всё это когда-то было, было...

Сколько дней прошло с малолетства,
Что его вспоминаешь с трудом.
И стоит вдалеке моё детство,
Как с закрытыми ставнями дом⁴³.

Отчаянное сальто

В 1958 году преобладавшие в административных качествах отца доверчивость и негибкость вынудили его сменить должность директора селекционной станции (были глухие слухи о бухгалтерской «подставке») на учебно-научную работу в сельскохозяйственном институте и привели к вторичному переезду нашей семьи из села Верхнячка в город Умань.

Вновь поселились в институтском городке, в доме необычного расположения, занимавшего место старинного парадного входа в парк «Софиевку», с двумя, к нему примыкавшими, ветвями оранжерей. Второй этаж строения был переоборудован под жильё из трёх двухкомнатных квартир — без воды, канализации, с печным отоплением — и общей, лишённой солнечного света кухней-прихожей, с шипящими керогазами и примусами жильцов.

Окна нашего жилища выходили в дендропарк; широкий балкон, крытый, с подгнившими балками и проваливающимися половицами, смотрел точно на длинную гранитную лестницу, разрезавшую надвое, выстроенный в регулярном стиле, Партерный амфитеатр о трёх уровнях, с розарием, плакучими шелковицами и шпалерой теплолюбивых туй. По ней мимо Семиструйного фонтана, в три обхвата серебристого тополя, во исполнение категорических директив отца, довелось нам с братом не раз доставлять в дом лечебную, разряда родоновых, воду из источника с пышно-эллиническим наименованием «Гипокрена».

С высоты ненадёжной смотровой площадки хорошо просматривалась левая часть ландшафтной панорамы — спланированный в конце девятнадцатого века профессором Пашкевичем дендрарий, или Английский парк, изобиловавший экзотическими (с поясняющими табличками на обязательной латыни) видами деревьев и кустарников: граб шаровидный, дуб красный, канадское кофейное дерево, бархат амурский, тис дальневосточный, барбарис японский...

В пору осеннего увядания их листва насыщала парковый пейзаж дико-винно пёстрым, ярким и богатым, переливом красок, создавала удивительного колорита ботаническую мозаику (достойную кисти импрессионистов и так чудно описанную Куприным!), вносила известную сумятицу и неясное томление в сердца и души граждан возрастом от шестнадцати лет.

«Уже сильно опустошённый осенью, этот чудесный старинный парк блистал и переливался пышными тонами расцветившейся листвы: багряным,

Май 1954 года. Торжественный снимок первого класса Уманской средней школы номер девять. Я — в первом ряду, в фирменных, мамино пошива, шортиках на бретельках.

Второй, уманский период детства моего изначального. Май 1956 года. Выпускной снимок третьего класса начальной школы номер девять, что на Софиевской слободке. В центре — классная баушка, мудрый детский ментор из девятнадцатого века родом — Мария Семёновна. Я (с мячиком) — в обнимку с дружкой своим закадычным, Васькой Полищуком.

«Куда уходит детство? В недалёкие края. К ребятам по соседству, таким же, как и я».

Так выглядела Уманская начальная (затем — семилетняя) школа на Софиевской слободке в середине 50-х годов прошлого века. В ней я учился с 1953 по 1956 год.

Снимок 1954 года. Территория Уманского сельхозинститута, улица Агрономическая. Мой брат, Витя — со своей подружкой, соседкой по дому, Катей Зинченко. *«Знаешь, Катя, вырасту большой, увезу тебя с собой. И тогда уж для красы отпущу я рыжие усы»*, — любила петь под гитару наша мама.

«Мне снится прошлое. В виденьях полусонных встаёт забытый мир и дней, и слов, и лиц». Снимок мая 1960 года. Четвёртый «Б» класс Уманской средней школы номер четыре. Слева направо: первый ряд — Витя Макогон, Женя Евтеев, Вова Шилов, Валера Чернявский; второй ряд — Люба Москалёва, Лиля Киркицкая, Наташа Розанова, Люда Головкина, Майя Исаева, Юра Частов, Вова Филимоненко, Коля Прядко; третий ряд — Павлик Демченко, Витя Головцов, Аня Погребняк, Нина Гаранько, Надя Салтыкова, Нина Крылова, Вова Манюров. Толя Шарапанюк, Витя Павленков; четвёртый ряд — Юра Затхеев, Таня Нетютко, Иза Голомолзина, Витя Орловский, Коля Долженков, Люба Ерохина, Люся Иванова, Люда Дудник, Мила Гурман; пятый ряд — Юра Егоров, Толя Иванов, Люда Ширшова, Толя Архипов, Мария Семёновна Жарикова, Шура Иванов, Вова Мамоненко.

пурпуровым, лимонным, оранжевым и густым цветом старого устоявшегося вина, и, казалось, что холодный воздух благоухает, как драгоценное вино»
160.

После листопада, парк тщательно вычищали, опавшие листья вывозили за его территорию, на время сваливали в кучу возле нашего дома. За неделю-другую вырастала пышная «перина», на которую бесстрашно прыгал с промежуточной площадки металлической, выходявшей на крышу оранжереи, лестницы. Таким манером выполнял полученное в секции спортивной гимнастики домашнее задание, отрабатывал непростой акробатический элемент — полёт головой вниз, с переворотом на ноги (или «полусальто»).

Наблюдать мои экзерциции приходил закадычный дружок Васька Полищук, с которым, в мой первый уманский период жизни, опорожнили не одну чернильницу за общей партой в семилетней слободской школе, но не сумели возродить «корешкование» в той же классной среде, после повторной, спустя два года, встречи. Ренессанс отношений сломал отец, перераспределивший нас с братом, до этого учившихся в украинских школах, в русскоязычную, знаменитую среднюю школу номер четыре, находившуюся по другую сторону парка, за Грековой балкой.

Школьное в три этажа здание было выстроено в девятнадцатом столетии, по некоторым сведениям как резиденция управляющего Софиевским парком. Широкая внутренняя лестница разделяла сооружение через полукруглый эркер на симметричные половины, с актовым залом на втором этаже и попарно смежными, на всех этажах комнатами (что создало определённые неудобства в последующем их использовании под классы).

Главный вход был наглухо закрыт, его просторные скошенные ступени служили местом парадных фотосъёмок; вместо него использовался бывший «чёрный» вход со стороны полузамкнутого, охваченного с двух сторон поперечными крыльями архитектурной конструкции школьного двора.

Новая школа ошеломила меня буйным игровым гомоном на игровых площадках, во время больших перемен, после уроков, массовой увлечённостью спортом, обязанной энтузиазму учителя физкультуры Юрия Аврамовича Георгеади (к общей печали, вскоре умершего), сумевшего дать своему предмету первостепенный вес и привлекательность.

Полноценного спортивного зала не было, его подменяла большая, выставленная ватными матами, комната на первом этаже, с низко опущенным турником, брусьями, кольцами и канатом. Вынужденная компактность помещения сделала гимнастику основной темой уроков, «коронным номером» нашей «бурсы» (кстати, её выпускник Валерий Медведев в шестидесятых годах подтвердил этот факт своим олимпийским чемпионством). По этой же причине через пару недель после переезда, в сшитых мамой сатиновых шароварах и обязательных «чешках» приступил к физическим занятиям в детской спортивной школе (ДСШ).

Стартовые неудачи в разделе вольных упражнений, неукротимое сальто вынудили к дополнительным тренировкам на импровизированном стенде.

Присутствовавший на них друг Полищук, наблюдая мои затянувшиеся неудачи, неполную «прокрутку» с приземлением на «бэксайд», в какой-то момент решил, что накопленной им информации по теории прыжка достаточно, чтобы подать практический пример.

Василий взобрался на четырехметровую высоту, глубоко вздохнул и с громким «ура!» камнем нырнул в пике. Крик тут же оборвался, воцарилась жёсткая, зловещая тишина, с фоновым шумом череды недалеких жанровых сцен: в палисаднике брату Виктору новый приятель и одноклассник Павел Демченко демонстрировал достоинства велосипеда марки «Орлёнок»; из дома напротив вышел и засеменял в сторону института профессор Рубин; мерно пыхтел, перекачивая плодоягодный экстракт, насос в винодельне по соседству.

Смелый прыгун пропал, испарился, провалился в иную реальность. Лишь пара со сбитыми носками башмаков у куста жасмина подтверждала его недавнее земное бытие, давала надежду на возможное присутствие в недрах горы листьев юного тела нетренированного атлета.

Летел я правильной кривою
Под плеск волны,
А приземлился я головою
На валуны⁴⁶.

Судорожные раскопки и реанимация удались — ошеломлённый Вася, ритмично потряхивая головой и широко жестикулируя, долго рассуждал о просчётах в технике исполнения номера, затем, придя в себя от общего шока, в обнимку мы отправились к нему домой.

Терпение и труд все перетрут. Каверзный трюк довёл до приемлемой чистоты исполнения, на последовавшем квалификационном соревновании получил второй детский разряд, но гимнастику — по причине отсутствия видов на новые успехи — оставил.

Былую связь с ней подтверждал в купальный сезон лихими «полусальто» в акваторию Третьего пруда с верхушки винтового механизма спускного шлюза (в обиходе именовавшегося «бабой»).

Настоящий учитель

Четвёртая школа была создана в начале пятидесятых годов для детей в первую очередь офицерского состава осевшего в Умани авиационного полка, далее — сотрудников сельскохозяйственного института, жителей ближних кварталов и, наконец, печально славившихся простотой нравов и непредсказуемостью обитателей, предместья Новая Умань.

Один из них, некий Грабик, осенью пятьдесят восьмого года убил отказавшую ему во взаимности студентку медицинского училища — был открыт судебный процесс в Доме культуры с радиотрансляцией на площадь, был смертный приговор, была на некоторое время испакощена недоучившимся уродец репутация уважаемой школы.

Другой абориген, мой одноклассник Володька Плахотнюк в свои двенадцать лет занимал высокое общественное положение — был членом взрослой сборной городского физкультурного общества «Спартак» по акробатике. Запросто мог исполнить «сальто назад» с места, с форсом продемонстрировать связку «рандат-фляк, изогнувшись крутой дугой, сделать «мостик».

Ранняя слава, при врождённом экстремизме характера и отсутствии управляющего домашнего воспитания, дала спортивному вундеркинду опасное ощущение вседозволенности, превратила его в бездумно-импульсивного возмутителя школьного спокойствия, а отсутствие образовательных достижений перевело в граничный слой возможных изгоев.

Недолгое соперничество малолетнего тирана с педагогической требовательностью финишировало на годовой контрольной по русскому языку, которую для нашего шестого класса проводила изумительная Прасковья Михайловна Никитенко — *«Её гибкие певучие руки свет преломляли»*⁸³.

Незадолго до этого, она — себе на беду! — прервала процесс изучения полувившими первый гормональный удар подростками «нехороших» трофейных фотографий, тайно от родителя доставленных вздорным Плахотнюком в класс. Разоблачение обеспечило тому битьё по мордасам в семейном кругу, возбудило в нём острую жажду мести.

Из всей породы сукиных детей
Плюгавенькие шавки — всех лютей³².

Низменный замысел исполнил. В тот момент, когда Прасковья Михайловна, размеренно читая текст диктанта, миновала парту худосочного спортсмена, он, незаметно для обидчицы, стряхнул напитанную чернилами перьевую ручку на её белоснежный костюм. Девчонки предательски завизжали, учительница ахнула и в полуобморочном состоянии выбежала за дверь.

После недолгого общего замешательства, со стороны учительской раздался форсажный рёв турбин реактивного бомбардировщика и в класс, выдувая через широко раздувшиеся ноздри отработанные газы, влетел завуч Василий Васильевич Романченко (среди школьников — просто Вась Вась).

...Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза⁵⁰.

Разъярённый педагог, о романтической увлечённости которого очаровательной коллегой не знали только наивные «первоклашки», подхватил ненавистного калибана за воротник и с брезгливым выражением лица навсегда вынес за порог учебного заведения.

...Конец пятидесятых — начало шестидесятых годов. Не так много времени прошло после войны, редкий мужчина за тридцать не горел в её пламени, не калечил психику наблюдением и ощущением её ужасов, непрерывным ожиданием смерти.

Отмеченные счастливо судьбой, избежавшие роковой пули или осколка, прошедшие госпитали, выжившие после плена и с ним связанных репрессий, люди эти были «солью земли» послевоенной эпохи, важнейшим нравственно-созидающим фактором жизни страны.

Они были среди наших воспитателей — учили с толком своим наукам, подавали примеры поведения и образа мышления закалённых фронтовыми тяготами, настоящих мужчин, в которых первенствовала кристальная честность и обострённое чувство справедливости.

Через пару лет после изгнания маломерного якобинца, жизнь в гораздо большем масштабе повторила пройденный сюжет на выпускном экзамене по физике. Тогда сын труженика комитета госбезопасности Абрамова, по долгу службы покрывавшего Уманский район, «как бык овцу»¹⁵⁵, не беря во внимание присутствие членов уважаемой комиссии, с выложенного на парту учебника Пёрышкина и Крауклиса, не спеша, выписывал точные ответы на вопросы билета. Замечание завуча сбило прицел оболтуса с обрабатываемой строки, он занервничал, последовали бурная и ненормативная реакция, кидание книги и бумаг, бегство из класса.

«Был любителем чести и правости и храбростию не оскудевал»²¹. Василий Васильевич без колебаний выставил перспективной бездарности выпускную двойку, с законным правом передачи проваленного предмета к исходу августа, когда завершаются приёмные экзамены в вузы и открывается сезон бритья лбов рекрутам.

Пошло-поехало! Чадолюбивый чекист нажал на все педали, напел отцам города о некомпетентности и грубости Романченко, подкосившего крылья молодому орлу, о нервном срыве у мальчика, о его попытке суицида. На молодого песталоцци давили, просили, мягко (с учётом недавно состоявшегося двадцатого по счёту партийного съезда и начавшейся «оттепели») уговаривали выправить оценку, добавить к ней хотя бы балл, но учитель был непреклонен.

Стойкости духу Василию Васильевичу добавляла ему симпатизировавшая заведующая городским отделом народного образования (гороно) добромысливая Наталья Трифоновна Зелёная, видевшая, возможно, в нём, закончившем войну с тяжёлым ранением, сходство с единственным сыном Вадимом, умершим от ран в харьковском госпитале.

В Умань она приехала после войны — восстанавливала школьное образование, более двух десятков лет поддерживала его высокий уровень, продуманно совершенствовала. Принадлежала к недолго просуществовавшему классу настоящих большевиков, пропускавших дела и поступки свои через высокоочищенный фильтр совести, клавших жизнь во благо народа.

В этом потускневшем от времени семейном снимке — аромат моего детства, сладкого и беззаботного. Он сделан летом 1959 года возле дома по Оранжевой улице, в котором жила наша семья (в прошлом — парадный вход в парк «Софиевка»). Ныне в нём — музей Уманского аграрного университета.

В центре снимка — китайка Гоу-чань-хуа, учившаяся в аспирантуре Уманского сельскохозяйственного института; отец был её научным руководителем.

«Я вышел из ребячества тогда, я был в счастливом возрасте подростка...»

Апрель 1961 года. *«Школьные годы чудесные...»* Ребята с нашего двора, дети преподавателей Уманского сельхозинститута, на опушке парка «Софиевка» Слева направо: Степан Беззубенко, автор этих строк, Валерий Ольховский, Сергей Галушко, Витя Головцов. *«Где вы, дружески обеты и отвага? Поглотились бездной Леты эти блага».*

Начало шестидесятых годов. Ученики 6-б класса школы №4 Валя Гаулина (третья слева), Витя Макогон (третий справа), Толя Шарапанюк (второй справа), Шурик Иванов (первый справа) с букетами ряста — из Белоградского леса. На заднем плане — любимая классная руководительница Мария Павловна Пустовит.

«Чекан изящества, зеркало вкуса...» — лучшая из лучших педагогов средней школы номер четыре города Умань, Прасковья Михайловна Никитенко приветает первоклашек в их первый школьный день. Снимок конца пятидесятых годов.

Конец мая 1961 года. Василий Васильевич Романченко, завуч и учитель истории средней школы номер четыре города Умань — с выпускниками девятого класса. В последнем ряду, третья слева — Таня Рыженкова, рядом с ней — Слава Высочин. Вскоре вспыхнувшая между ними любовь была глубокой, нежной, трогательной и ...трагичной. После выпускных экзаменов Таня тяжело заболела и спустя два года умерла на руках своего юного мужа. Об этом — в новелле «Школьная любовь».

Начало июня 1961 года. Выпуск 8-б класса средней школы №4. Автор этой книги — в верхнем ряду, третий слева (телесной крепостью не отличался, большие прозрачные уши были предметом моих страданий).

Закон, живущий в нас, называется совестью. Совесть есть собственно применение наших поступков к этому закону.
(Иммануил Кант)

Перед началом учебного года младший Абрамов, с кислой миной на физиономии, посетил школу для повторного экзаменационного испытания. Василий Васильевич без слов вписал в ведомость удовлетворительную отметку, что, впрочем, не имело особого значения — балбес уже числился студентом сельскохозяйственного института.

Как утверждает народная студенческая поговорка, абитуриенты бывают либо божьи, либо позвоночные.

Детские картинки

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад, я прочёл одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною, но первый стих остался у меня в памяти: «Как хороши, как свежи были розы...»
И.С. Тургенев

Несметное количество, десятки видов и сортов роз удивительной цветовой гаммы — белоснежных, жёлтых, бледно-розовых, нежно-голубых, тёмно-бархатных, чёрных — можно было наблюдать с балкона нашей квартиры в начинавшемся от институтской оранжереи Партерном амфитеатре, еще называвшемся Террасой роз.

Они росли в одиночных кустах («солитерах») на широком верхнем выступе террасы, вились по отделявшей её — от дугой изогнутой аллеи — опорной каменной стене, заполняли рабатки у симметричных, серпантинном изгибавшихся, дорожек.

Их дивный, щекочущий ноздри, кружащий голову, аромат, с начала июня и до конца «бабьего лета» насыщавший наше жилище, стал для меня ассоциативным маркером, по которому из долговременной памяти извлекаются и визуализируются сердцу дорогие картинки семейного быта тех далёких лет.

Запах...Вдыхаю невольно
Это холодное пламя...
Оно омывает память,
Как музыкальные волны⁵².

Видится мне, прежде всего, тёплый летний вечер. Стихает стрекотание кузнечиков на склонах долины, в парковых прудах набирает силы брачный хор лягушек, мелькают изредка силуэты птиц; резко меняя направление полёта, гоняются за добычей летучие мыши («кожаны»). Надвигающаяся ночь размывает и поглощает контуры, оставляя один — между заполняющимся звёздами небом и теряющими очертания, сливающимися в мрачный, вызывающий почти мистический ужас массив, деревьями.

Где-то тень летучей птицы
Промелькнула, замерла.
В старом парке стало тише,
Всюду трепет, всюду мгла.⁵³

В центре комнаты, под абажуром, на круглом столе — чашки с недопитым чаем; на диване, перебирая струны на гитаре, сидит мама. Несмотря на боль в перебинтованном колене (упала, развешивая гардины), у неё хорошее настроение, под которое она полуслушливо исполняет песенку своей молодости:

«Я Мишку встретила на клубной вечеринке,
Картину ставили тогда «Багдадский вор».
Глазёнки карие и жёлтые ботиночки
Зажгли в душе моей пылающий костёр».

Пению мешает приглушенный эфирный треск и шум из-за двери в соседнюю комнату. Там, укрыв одеялом голову и радиоприёмник, отец вылавливает «вражьи голоса», вещающие о визите Никиты Сергеевича в Америку, анекдоты от Шепилова в его честь, куплеты и частушки — «Пусть послужит кукуруза для Советского Союза».

Громкость звучания граничит с опасным уровнем — у отца нелады со слухом, по этой причине ему, наивному, кажется тайным небезопасное увлечение... Приёмник включался в особых случаях, долгое время его заменяла радиоточка с ныне антикварным чёрным динамиком-тарелкой. Каждое утро, под музыкальное вступление «На зарядку, по порядку, на зарядку по порядку становись!» батя — в неизменных портках вместо спортивного трико — открывал форточку и, глубоко вдыхая и быстро выдыхая, махал руками, приседал и прыгал под инструкции радиоведущего Гордева.

По вечерам слушали с мамой передачи «Театра у микрофона», по воскресеньям — «С добрым утром!», в которой очаровывала слушателей ведущая Вера Орлова, непременно подавались выступления маминого любимца Аркадия Райкина, Тарапуньки и Штепселя, Мироновой и Менакера, песни в исполнении Тамары Миансаровой, Майи Кристалинской:

Ландыши! Ландыши!
Нежного мая привет.
Ландыши! Ландыши!
Первый букет.

Учебная и рабочая неделя еще были шестидневными. Единственным выходным днём распоряжался очень продуманно, без потери выгод и удовольствий. После освежающей дозы радиоюмора, отправлялся в институт, где на мамины деньги, в расположенном в цокольном этаже киоске покупал открытки для своей коллекции, в буфете выкушивал любимые сливки с рогаликом.

От передовицы до состава редколлегии прочитывал обширную студенческую стенгазету, в которой клеймили позором империалистов, прогульщиков и двоечников; обменивался репликами с томившимся в полупустом корпусе

дежурным. В сезон, около его стола всегда стояла большая стеклянная ваза, в которой сотрудники кафедры ботаники демонстрировали свежесорванные цветы со своей опытно-учебной плантации, расположенной у Нижнего пруда.

Изыюминкой экспозиции были роскошные гладиолусы, на которых специализировался заведующий кафедрой Николаев. Ходили упорные слухи о былых связях сухонького, очень доброго и деликатного профессора с белым движением, о его закадычной дружбе с певцом Иваном Козловским, который подтвердил её приездом на юбилей к товарищу по оружию, дав сольный концерт в актовом зале.

В сухую погоду в компании счастливых владельцев веломашин я бороздил парковые просторы, затем все вместе играли в велобол на площадке между институтскими корпусами. Непредсказуемыми траекториями летал резиновый мяч, скрежетал металл, трещали лбы и носы, традиционно страдал в послематчевой истерике и бил об асфальт дамский велосипед старшей сестры Стёпка Беззубенко.

Однажды, оставшись без зуба (почти каламбур!) после очередного выяснения отношений со мной, такого же заводного, но более успешного в драке, он, с криком «Если вы не уймёте вашего Шурку, я его убью!» вломился в нашу квартиру, побудил к очередному туру переговоров двух интеллигентных женщин: мою маму — Нину Сергеевну и свою — обаятельную Нину Евгеньевну. Впрочем, был Степан рьян, да отходчив.

В перечне занятий, увлекавших недорослей моей поры, выделялась носившая характер эпидемии игра в настольный теннис. Сложными путями добывались стойкие к ударам китайские шарики (марки «бабочка»), стандартные ракетки переделывались в двухслойные (типа «сэндвич»), с различной толщиной мягкой и жёсткой резины — в зависимости от атакующего или защитного стиля игры её хозяина. Игры на вылет собирали длинные очереди — теннисные столы (до них ещё нужно было добраться!) эксплуатировались с утра до ночи.

Такой стол, изготовленный по спецзаказу четы Демченко в столярной мастерской института для их отпрыска и кумира Павлуши, требовал от заседавших на приватное имущество гостей тонкой дипломатии и умелой уступчивости. В случае долгого игрового простоя его владельца, контролировавший через окно ход состязаний Иван Макарович (заведующий кафедрой химии) мог быстро восстановить баланс семейных интересов. Павел противился чрезмерному, принижавшему его нарождающуюся мужественность родительскому вниманию, и это давало мне возможность, тонко льстя твёрдости характера младшего друга, продлевать для себя игровое время.

Активное общение к концу дня сменялось созерцательным — коллективным походом в кино. В те скучные на зрелищные увеселения годы оно было для нас, малолетних провинциалов, желанным и доступным развлечением, которому, к сожалению, иногда мешала ограничившая возраст зрителей приписка на афише.

Запретный плод сладок. Однажды старший, но ещё не достигший шестнадцати лет приятель Виктор Прутников разработал план как его вкусить и

пригласил меня в соучастники исполнения замысла. В перерыве между вечерними сеансами, когда контролёр вышел перекурить, мы выбрались из убежища под лестницей на первом этаже, поднялись в актовый зал, где залегли между рядами кресел неподалёку от экрана.

Услышав чеканный шаг командора, поднимавшегося неспешно по каменным ступеням, я жестоко раскаялся в содеянном, в собственной податливости и легкомыслии. Ужас омертвил тело, кровь заледенела, органы чувств частично отключились. Функционировали — в избирательном режиме — только слух и зрение, настроившиеся на прослушивание и отслеживание сквозь частокол сидений пары гигантских сапог охотника за «зайцами».

Сапоги прогромыхали за кулисы, там потоптались, затем вернулись к входу. К нашему лежбищу не завернули — то ли их владельцу не хватило фантазии представить меру дерзости возможных лазутчиков, то ли сила страха впрессовала нас с подельником в паркетный пол кинозала.

С началом сеанса вернулось соображение. Взвинченный мозг впитал все детали венгерского фильма «Анна Эйдеш», его единственную «клубничную» сцену — прибывший на побывку гусар ловко «заваливает» молоденькую горничную, превращая тем самым её, через известный срок, в мать-одиночку (далее изгнанную из дома родителями ветреного шалопаю).

Лихо исполненный прорыв в кинематограф добавил мне веса в глазах окружения. По его итогам сделал очень толковый, с проникновением в интимные нюансы доклад на очередном проблемном симпозиуме в палисаднике, напротив нашего дома по улице Оранжевой.

С долгожданным ледоставом на весь зимний сезон я становился на коньки, сбрасывая их лишь на время сна, приёма пищи (правда, не всегда), посещения школы и быстрого приготовления уроков. Особо радовали первые бесснежные морозные дни, дававшие возможность скоростного катания по сияющему гляncем обширному ледовому пространству Верхнего пруда — от ломких камышовых зарослей, мимо Острова Любви, до шлюзовых ворот.

Устраиваемый каток превращался в место народных гуляний, назначаемых свиданий, площадку для многочасовой игры в хоккей самодельными «клюками».

Настоящую клюшку и плетёный оранжевый мяч получил, после пары сезонов усиленных тренировок, от милейшего Дмитрия Кузьмича, распорядившегося спортивным инвентарем кафедры физкультуры. По его рекомендации был включён в свою последнюю школьную зиму в состав команды института на встречу с командой воинской части, дислоцировавшейся в помещениях бывшего василианского монастыря.

В конце матча бил штрафной вблизи ворот соперника. Широко размахнулся, прицелился, ударил, промазал, пролетевшей мимо мяча клюшкой отправил подвернувшегося под руку соперника в нокдаун — ряды воинов дрогнули, и они капитулировали

Открывшееся в седьмом классе запойное чтение Джека Лондона возбудило у меня желание повторить в деле одну экзотическую деталь его сюжетов

— переходы на собачьих упряжках. Роль (увы, единственного) ездового пса и жожака была доверена нашей добрейшей дворняге по кличке Радес, коротавшей собачий век на цепи, у небольшого сарайчика.

Невольника расковали и подвязали поясным ремнем к обычным санкам. Исполнявший роль каюра Валерка Ольховский с криком «цоб-цобэ» длинным шестом чуть поддал пёсику по ребрам. Тот, вынюхав меня, побежавшего по обледенелому асфальту со стимулирующей колбасой в руках, рванулся вдогонку.

Через два-три десятка метров пути линию движения нашего карavana пересекла потрёпанная сучка с веером кавалеров. В истосковавшемся на привязи барбосе проснулся настоящий кобель — он резко, с ускорением сменил курс и, вывалив Валерку на дорогу, влился в поток свадебного путешествия.

Санки с оборванной постромкой вскоре нашлись в соседнем дворе, в зарослях сирени. Гуляка объявился через несколько суток — истерзанный изнурительным гоном, он лежал у будки и жалобным взглядом подтверждал готовность за миску похлёбки и сахарную косточку вернуться к исполнению своих прямых обязанностей.

О силе в воспитании

Влияние улицы на старшего сына — по отцу импульсивного, вспыльчивого и обидчивого, — совершавшего непростой переход из детства в отрочество, держало маму в состоянии постоянной боевой и дипломатической готовности.

Всех мной приводимых в дом новых приятелей привечала, но, замечая в свежих знакомствах рискованные перспективы для своего склонного к преувеличениям чада, косвенными оценками и намёками, мягко и безболезненно прерывала намечавшиеся опасные связи.

По такой схеме быстро закончилось мое приятельство с Валеркой Бондаревым, младший брат которого прославил фамилию исполнением роли юркого партизанского связного, по прозвищу Сахар, в только снятом в Умани фильме «Орлёнок». Чуть сутулый, с мутноватыми голубыми глазками, одноклассник долго гипнотизировал пацанву непривычными фантазиями на тему физиологических походов в компании с юннатами постарше, пока не стал, под мамыны комментарии, откровенно скучен своим однообразием и примитивизмом.

С такой же итоговой оценкой финишировали, едва начавшись, отношения с соседом по парте Колькой Гедзюком, гордившимся покровительством братьев Маковеев, старший из которых считался в рассматриваемый период

городским «королём». Титул этот брали себе лидеры сбивавшихся в стаи подростков, видевших особый шик в имитации блатного образа жизни взрослых маргиналов, со всей атрибутикой внутривидовых отношений.

Впрочем, старшие Маковей, уважаемые в городе люди (дантист и гинеколог!), в лучших традициях еврейского рационализма и преемственности профессий решительно прервали бездумное подражательство своих деток, своевременно пристроили их к аптекарскому и лекарскому ремёслам.

После них группировку неформалов составил некий Мирон (или — «Мирик»), хлипкий «наполеончик» с семенящей походкой и характерно выдвинутым в процессе движения, правым плечом. Запомнился шумными монархическими прогулками в сопровождении очередной фаворитки, ординарцев, порученцев и прочих «шестёрок» по вечернему «бродвею» города, крысиным взглядом.

Параллельно, как конкурирующая, развилась, но недолго просуществовала, славянская линия Петра Корниенко. Его сменили братья-разбойники Языковы, засидевшиеся в отроческих забавах и ставшие, со временем, постоянными клиентами пенитенциарных учреждений.

В студенческие годы, читая Иосифа Флавия, узнал о братьях Маккавеех («молотобойцах»), поднявших в 165 году до н.э. народ Иудеи против сирийских оккупантов и ими умученных. Позже подивился тому, что фамилия библейских героев дала наименование православному празднику «медового Спаса» — «Маковей».

В борьбе за неокрепшие детские души с тлетворным влиянием улицы традиционные подходы и приёмы русской разночинной интеллигенции, в исполнении мамы, первенствовали. Сила маминого искусства воспитания состояла в отсутствии силы в воспитании, в недопустимости физического, психического, речевого давления на детей. Никогда не позволяла резких слов, назидательных речей, обидно-несправедливых характеристик — наставляла ангельскою кротостью, а не палкой по кости.

В детстве тоньше жизни нить,
Дни короче в эту пору..
Не спешите их бранить,
Но балуйте... без зазору⁵⁷.

Ровно-спокойным нравом, тактом и деликатностью мама формировала, шлифовала детские характеры; начитанностью, эрудицией своей подавала пример к развитию мыслительных способностей, стимулировала школьную учёбу как стартовое накопление знаний, пробуждала желание самостоятельных познаний. Обладала удивительным даром непрерывного, позитивного воздействия, позволившего ей неспешно приучить детей — меня, брата и сестру — к правдивым самооценкам, к тому, что плохие поступки ждёт обязательное осуждение и что последствия этих поступков осложняют жизнь (прикладная реализация нравственного принципа древнееврейского мудреца Гилеля: «Не делай другим того, что неприятно тебе самому»).

Группа преподавателей Уманского сельскохозяйственного института (1960 год).
 Стоят, слева направо: Багинский Михаил Ефимович, Язловецкий Павел Яковлевич, Ничик Михаил Семёнович, Ольховская-Буркова Антонина Кузьминична, Краснощёк Иван Фёдорович, Демченко Иван Макарович, Николаев Валентин Фёдорович, Мусатов Георгий Иванович.

Сидят, слева направо: Зверев Семён Михайлович, Шкварук Николай Матвеевич, Рубин Семён Самойлович, Грушевой Серафим Евгеньевич, Попова Нина Евгеньевна, Розгон Кирилл Наумович.

Михаил Иванович Латюк (1880-1970 гг.) Главный бухгалтер Уманского сельскохозяйственного института в послевоенные годы. Добрейшей души человек, чудный детский воспитатель. Наше с братом раннее детство прошло в тесном общении с ним. Он научил нас любить природу, понимать и беречь её, сделал из нас азартных грибных охотников.

Снимок 1914 года.

Лариса Александровна Цимбровская (1953 — 2013 гг.)

Заведовала музеем бывшего Училища Земледелия и Садоводства (ныне — Университет Садоводства). Осталась в памяти изумительной личностью — обаятельной, доброй, деликатной, высокообразованной. Досконально знала историю города, парка «Софиевка», родного ей высшего учебного заведения.

«Славные люди! Радуйсь их честно, лезть им противна, а спесь неизвестна». Неповторимый, мудрый и обаятельный Иван Маркиянович Карасюк. Выходец из беднейшего украинского селянства, он умом и настойчивостью добился великого авторитета в сельскохозяйственной науке, в подготовке специалистов. На фронт ушёл с выпускного школьного бала, войну отвоевал артиллеристом, Великую Победу встретил в Берлине. Демобилизовавшись, поступил в Уманский сельхозинститут, остался в нём на всю оставшуюся жизнь — стал уважаемым профессором, создателем своей школы в земледелии.

Снимок 1989 года — будущий профессор, Виктор Прокофьевич Сигида оценивает посевы тритикале (гибрид пшеницы и ржи). Слушал лекции моего отца в конце пятидесятых годов. Как и отец (1956 — 1958 гг.), он был директором Верхнячской сельхозопытной станции (1970 — 1976 гг.). Испытывал отцовский сорт ржи «Восход».

Гиперактивная личность, ходячая энциклопедия, щедрой души человек — добрый, искренний, бескорыстный.

На снимке середины шестидесятых годов — молодой доцент и будущий профессор, Юрий Николаевич Терещенко. Очень системный, строгий и чёткий человек, он был внимательным и благодарным слушателем лекций доцента Головцова. Убеждал меня, что хоть отец не пил, не курил, охотой и рыбалкой не увлекался, в преферанс не играл, он не был, как я утверждаю на страницах книги, белой вороной в преподавательской и студенческой среде, а был очень общительным человеком, добрым и открытым с молодёжью.

В отличие от мамы, отец — выходец из крестьянских низов, природными целеустремленностью и умом многого достигший, — в спорадических воспитательных вспышках, возникавших в случае непослушания сына, точно повторял установление старинного «Домостроя»: «Наказывая детей, бей ребёнка, если прутом посечешь его, не умрёт, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смуты».

Жёстких отеческих наставлений во второй половине школьных лет для меня было несколько. Очередная дидактика существенно снижала в моих глазах родительский авторитет, выведя его, в итоге, на критический уровень. В первый раз папеньку «заискрило» в душном августе пятьдесят девятого года, в субботу, значившейся в семейном календаре обязательным баннным днём.

Жизнь в доме без гигиенических удобств обязывала к регулярным омовениям в городских термах. В них глава семейства, чьи родовые корни уходили в глубины брянских лесов, подолгу охаживал себя берёзовым венником на верхней полке парной. Мы с братцем терпели «головомойку», предвкушая ужин в буфете помывочного заведения, с напитанной чесноком домашней колбасой и парой стаканов пенящегося томатного сока от сефарда Яши.

В тот злополучный день выход в баню сорвался в самом начале — отец, увидев в уложенной мамой стопке сменного детского белья синие сатиновые трусы, потребовал заменить их на кальсоны. Одеть презируемые пацанами подштаники, да ещё летом, означало для меня, набирающего мышечной крепости тринадцатилетнего мальчишки верную гражданскую смерть, дальнейшего существования (а не жизнь!) с несмываемым клеймом слабака и неженки.

В результате состоявшихся жаркого диспута в рамках программы «Отцы и дети» и нещадной порки ушёл (точнее, убежал) из дома с твёрдым намерением никогда в него не возвращаться. Составленная мамой из соседей поисковая группа обнаружила меня поздним вечером в парковых зарослях, в которых готовил для себя жилище будущего тарзана. После нескольких туров переговоров, доверившись маминой гарантии неприкосновенности, я уже несколько другим человеком вернулся под родительскую власть.

«Первое ощущение насилия и несправедливости так глубоко запечатлены в моей душе, что все мысли, связанные с ним, будят во мне и преждее волнение; и это чувство, в своём истоке относившееся ко мне, так упрочилось и так отрешилось от всего личного, что при виде любого несправедливого поступка или даже при рассказе о несправедливости, над кем бы и где бы её ни совершили — моё сердце так горит негодованием, как будто я сам являюсь жертвой» (Жан-Жак Руссо, «Исповедь»), — эти, написанные почти два столетия назад от моего детства, слова в точности предвосхитили мои ощущения, душевный настрой после незаслуженного, унижительного наказания.

Совершившееся насилие сделало меня — в последующей взрослой жизни (при всех личных слабостях и недостатках) — остро чувствующим несправедливость и воинственно ей противящимся человеком: будь то бытовые неправоты, бездушие, оскорбления или ограбление, унижение, подавление большинства меньшинством, под псевдодемократический речитатив и обгаживание деяний и достижений предков, вот уже полтора десятилетия наблюдаемое.

Генной теории не возразишь. В запальчивой перепалке со взвинченным отцом, чьи нервы до предела расшатала проведённая в танке война, повторил его отнюдь не второстепенные качества: упрямство и силу воли. В ситуации первого психического потрясения они укрепили мой характер, дали начало чувствам собственного достоинства и самоуважения, дозревшим в лучах уважительности, ласки и доброты от моего доброго гения. (Не могу не излагать возвышенно-торжественно!)

Да святится имя твое, мамочка!

Моя звёздочка

Любовь даёт много наслаждений. Но никогда, никогда она не бывает так остра, тонка и нежна, как тогда, когда ещё не высказана и не разделена.

А. Куприн

Перейдя рубикон шестнадцати лет — паспортный возраст предварительного формирования физиологии и психики «не мальчика, но мужа»⁶⁰, — ощутил и пережил искреннее, чистое и нежное чувство влюблённости.

Было оно, как внутреннее озарение, как великое жизненное открытие, как взрыв счастья и одновременно отчаяния от его мимолётности — только несколько дней, вдали от родного города, длилось взаимно радостное общение с девочкой, давшей первый трепет моему отзывчивому на ласку сердцу.

Три счастливых дня было у меня,
Было у меня с тобой ...⁶¹

Пути наши пересеклись в начале июля шестьдесят третьего года, в большом, молодом и очень симпатичном городке Ватутино, на липовой аллее молодого парка, по которой, с ракеткой наперевес, спешил веселыми ногами на утреннюю игру командного первенства Черкасской области по теннису среди школьников.

Ранний чуть видный рассвет,
Сердце шестнадцати лет.
Сада дремотная мгла
Липовым цветом тепла⁶².

В резвом перемещении в сторону предстоящего спортивного зрелища компанию мне составляли его немногочисленные, преимущественно юных лет зрители. Из двух оказавшихся на линии движения девчонок, одна — стройная, русоволосая, с выразительными синими глазами — своим лица необщим выраженьем безотчётно и безрассудно смутила меня.

Синеглазая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной...³⁷

Была игра. Как на рыцарском турнире, где присутствие Прекрасной Дамы укрепляет дух и прибавляет прыти кавалеру, сражался с соперником, аки лев рыкающий, проявляя более азарта, нежели умения, и преуспел. Но слова благодарности — за поддержку самим фактом присутствия — очаровательной незнакомке, которые заложил в куртуазно спроектированную фразу, долженствовавшей также стать приятным поводом к развитию отношений, остались произнесёнными — «*Прильне язык к гортани моей*»⁶³.

Выручил товарищ по команде, одноклассник Иван Авдеев, с которым — как монополисты на единственный в Умани корт на институтском стадионе — третий год подряд, безальтернативно и на компанейских началах, служили в городской сборной. В свои неполных семнадцать лет смотрелся он таким напористым, половозрелым бычком, считался мастером атак и «обольщения» ветреных мисс. Правда, представляясь им, ломал ваньку — именовал себя Эдиком.

К вечерним играм начинающий ловцас был уже на короткой ноге со второй, смуглой и смешливой девчонкой, чем привёл меня, худотелого и несмелого компаньона к естественному знакомству с её подружкой по имени Ирина и бурному развитию наших отношений.

Был праздник — сказка, из жизни родившаяся, — с прежде неведомой для её, нежного возраста, персонажей силой взаимоотношения; с ликующей и звонкой радостью общения; с высокой чувствительностью и деликатностью отношений; с казавшимся пожизненным интересом друг к другу.

Свиданий наших каждое мгновенье
Мы праздновали, как богоявление⁶⁴.

По аккуратным, сходящимся к памятнику вождя улицам мы бродили с промежуточными посиделками в скверах и палисадниках по шахтёрскому местечку (выстроенному после войны у скоро иссякших залежей бурых углей), беззаботно дурачась и судача о недавнем детстве, о школьных товарищах и учителях, о планах на будущее.

С запасом провианта, добытым переводом в сладости и лимонад моих талонов на трёхразовое кормление юных спортсменов, совершали пасторальные выходы далеко за предместья, в прозрачные рукотворные рощицы, где я с чувством читал внимательной слушательнице отрывки из любимого Ремарка, романа «Три товарища» — о крепкой мужской дружбе, о верной любви.

С наступлением сумерек мы укрывались от смущавших нас людских глаз в тёмных парковых аллеях, по которым, в молчании чинном, допоздна про-

гуливались неспешно, взявшись за руки (единственная вольность в наших целомудренных отношениях). Лёгкая дрожь тёплых тонких пальчиков, перебиравших мою ладонь, вызывала словно перетекающую в меня горячую и сладкую волну неясных чувств, сдавливавших сердце, приостанавливавших дыхание.

Я пальцы этих рук беру с волнением
И наслаждаюсь их прикосновением⁶⁵.

Всё восхищало, всё умиляло меня в грациозном кумире — лёгкий, ещё детский, пушок на руках, рельеф формирующейся груди, тонкое очертание профиля, стройные загорелые ножки, перехваченный резинкой гибкий пук волос («хвостик»).

Иногда мы заходили на открытую танцевальную площадку, подстраивались к местной молодёжи, пульсирующей в «забойных» ритмах новых, свыше одобренных танцев, которым обучал обязательный массовик-затейник. Помните, то были придуманный в демократической Германии танец «Липси» и отечественного производства — «Ай-люли»:

Ай-люли! Ай-люли! Это новый танец.
Ай-люли! Ай-люли! Он не иностранец...

К исходу турнира, ситуация сложилась так, что победа в последнем матче обеспечивала мне итоговое первенство и, самое главное, продлевала пребывание в городе на недельных сборах, для тренировок в составе сборной команды области перед отъездом на первенство Украины в Харьков.

Прекрасная перспектива, стимулирующее присутствие среди болельщиков Иры окрылили; самонадеянности добавил выигранный на одном дыхании, в небрежно-атакующем стиле, первый сет. Во втором — сломался: пара последовательно-неудачных подач привела к дрожи в руках и коленках, определяемой спортсменами как «мандраж». К тому же игравший исключительно в защите Толя Плахтий, из города Смела, не ошибался и с олимпийским спокойствием довел до победы матч против остоленевшего соперника.

Дальнейшее — как в тумане: безбрежное горе; слёзы отчаяния, с потом перемешанные, ладонь дорогой девочки на моем лице, её негромкие, торопливые слова утешения, её хрупкая фигурка в белом ситцевом платье — с разбросанными по его полю васильками — на перроне автовокзала, её неловкий первый и последний поцелуй на прощание...

Однажды, наблюдая скучными глазами много пожившего человека, как забежавшая в мой сад белка суетливо прячет в опавших листьях грецкие орехи, ощутил лёгкий — ассоциативного свойства — укол в сердце, напомнивший мне, как много-много лет назад такой же тороватый зверёк, стоя на задних лапках, выхватывал ломтики печенья из рук моей «маленькой принцессы».

Он поднял из глубин памяти долго там хранившиеся в смутных, полужабытых образах детали великого потрясения первой любовью, которое пережил в провинциальном украинском городке *«на заре туманной юности»*,

вызвал грусть и благодарность той далекой звёздочке, ласковый свет которой — сквозь мглу времени — вновь озарил меня.

Так мне теперь предстали ясно
Когда-то милые черты...
И ныне так же ты прекрасно,
И так же тихо светишь ты!
(Иван Аксаков)

Мой идол

К чтению я пристрастился в нежные дошкольные лета при мудром содействии милой мамы, в чьём роду осмысленно-почтительное отношение к русскому слову было наследуемой традицией. Тогда же увлекся книжным собирательством, с обязательным учётом и систематизацией — постепенно, с первого класса, наполнявшейся — личной библиотеки, каждую книжицу которой помечал рукописными инвентарным номером и экслибрисом «Из книг Шуры Головцова».

В мамином детстве также была библиотека, богатая и содержательная, с томами приложений к журналу «Нива», с ценными — на веленовой бумаге — изданиями в ручной работы переплётах: сафьяновых, коленкорových, золотообрезных, с кожаными задниками.

Как переполненные соты —
Ряд книжных полок. — Тронул блик
Пергаментные переплёты
Старинных книг⁶⁶.

Уникальное собрание книг было разграблено и уничтожено в окаянном 37-ом году, после ареста и убийства моего деда, Сергея Парменовича Афанасьева.

Генетическая предрасположенность к чтению скоро трансформировалась в подобие лихорадки, в неуёмное желание «поглотить» максимальное количество книг при минимальных затратах времени: читал за едой; читал по ночам, с фонариком под одеялом; читал тайком — с дисциплинарными последствиями — на уроках.

Вместе с тем, официальная оценка знания русского языка и литературы, которую с шестого класса получал от очаровательной, строгой и чуть ироничной Прасковьи Михайловны Никитенко, долгое время ограничивалась не всегда убедительной «четвёркой».

Она была насмешлива, горда,
А гордость — добродетель, господя⁶⁸.

Выстрадавшему «хорошо» радовался как боевому трофею, добытому в неравном противостоянии с умелой, знающей, увлечённой своим предметом наставницей, которой дополнительной педагогической силы добавляли характер и эффектная внешность. Когда она — молодая, элегантная, горделивой осанки женщина — входила в класс, малолетняя аудитория замирала под её гипнотической силы взглядом и под её восхитительной дикции голос в течение учебного часа демонстрировала послушание, внимание и активность в усвоении правил грамматики и лучших образцов русской словесности.

Меня смущала строгая краса
Её чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса⁶⁹.

Урождённая тверичанка, она в конце пятидесятых годов, вместе с мужем (вскоре умершим) и двумя детьми, приехала в Умань, где осела (как выяснилось — на всю жизнь), поступила на работу в среднюю школу номер четыре. В учительской среде — одной из интеллектуальнейших в городе — прелестная, уверенная в своём обаянии учительница выделялась трезвой пронизательностью ума, высоким чувством собственного достоинства; в ней чувствовалась порода.

Одним словом, женщиной на ять была Прасковья Михайловна — красива лицом и умом.

Под прессингом её возвышенных качеств находился несколько подростковых лет, весь период закономерной телесной и душевной ломки, пока в последнем, одиннадцатом классе новое мироощущение не возбудило и новое восприятие

примы педагогического коллектива — на смену безразличной покорности пришло тайное восхищение ею.

Безвестных наслаждений ранний голод
Меня терзал...⁶⁹

Смена вех наступила на уроке, на котором наш класс писал первое, после летних каникул, контрольное изложение. В какой-то момент, когда, откинувшись на спинку парты, перебирал в уме яркие события ушедшего лета, неожиданно увидел перед собой римского очерка профиль учительницы, всматривавшейся близорукими глазами в мою полупустую тетрадь.

И соблазнительный опасный аромат
Исходит как дурман, ни с чем другим не схожий
От смуглой и блестящей кожи⁷¹.

Перед моими глазами мелькнул небольшой, очерченный декольте изящного костюма треугольник загорелой кожи (и чуть больше!); колдовской аромат духов защекотал ноздри, закружил голову; сердце замерло в сладком ужасе, в висках ударили куранты.

Аналогичный случай был неподалёку от Женевы — тогда, в начале восемнадцатого века, юный Жан-Жак Руссо испытал чувственное удовольствие от наказания розгами, исполненного обожаемой им воспитательницей.

В моей ситуации, удвоенная сила внешних и внутренних достоинств у обучавшей меня женщины вызвала наслаждение платонического свойства, за которым пришло желание подтянуться к её интеллектуальному уровню, быть достойно отмеченным ею. (Так полагал по молодости лет — Фрейда тогда не знали.)

«Духовной жаждой томим»²⁴, подналёг на орфографию и пунктуацию, на теорию (образность, метафоричность, могучий гиперболизм!) русского литературного языка; расширил, в рамках учебной программы, круг чтения, отдавая предпочтение возвышающей душу поэзии.

Эстетически окрасил рутинный и скучный процесс заучивания стихов, придав ему характер ритуала. Чуть видными сентябрьскими рассветами, задолго до начала занятий выходил конспиративно из дому, вступал в парк с хрестоматией в руках и, неспешно передвигаясь в сторону школы, задерживаясь у наиболее «вдохновляющих» мест (Площадь собраний, Бельведер со статуей покровителя искусств Аполлона, Кавказская горка), укоренял в память, страница за страницей, основополагающее для человека русской культуры произведение А.С.Пушкина, его «*божественный глагол*».

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал⁷².

Подолгу стоял, декламируя, у высоких, дорического ордера колонн павильона Флоры; вглядываясь в дымящийся утренним туманом Нижний пруд, в жуткой славы Камень смерти, насильно погружал себя в меланхолию, затем, напитанный ею, переходил в Каштановую аллею, завершавшую романтическую часть школьного маршрута.

Не ведал тогда, неначитанный, что этот отрезок пути наиболее гармонично увязывается с деликатным сердечным настроем, в котором пребывал; что именно ландшафтная панорама за миниатюрной Каменкой, так называемая Малая Швейцария, позволила академику Дмитрию Сергеевичу Лихачёву, автору книги «Поэзия садов», отнести «Софиевку» к числу парков позднего романтизма, испытавших на себе влияние оссианических настроений — с патетикой, сентиментальностью и мрачной безнадежностью.

Тем более, не знал, что Оссиан, будто бы шотландский бард III века, является плодом блестящей литературной мистификации также шотландского писателя Джеймса Макферсона, запустившего «его произведения» в тираж в шестидесятых годах восемнадцатого столетия.

Когда пришло время проверке моего знания «энциклопедии русской жизни», то, стартовав с хвастливой небрежностью с эпиграфа поэмы, уверенно дошёл до середины первой главы, после чего был остановлен. Важнее заслуженной «пятёрки» были в удивлении вскинутые брови у моего идола (вместо прежних, саркастически опущенных уголков губ).

Молоденький умок, что тонкий ледок. Состязание продолжил — следующую партию выиграл на творчестве Н.А.Некрасова. Воспользовавшись свободой выбора домашнего задания, избрал для представления (с глубоким подтекстом) концовку стихотворения «Горе старого Наума».

В нём автор описывает успешный деловой путь владельца паточного завода, ограничивавшего себя всю жизнь, золотого тельца ради, во всех земных удовольствиях — прозрение и переоценка пришли в полсотни лет, когда он, подсмотрев неволью на своём постоялом дворе ночные ласки юной пары, искренне пожалел о бесчувственно прожитых годах:

*«Я сладко пил, я сладко ел, —
Он думает уныло, —
А кто мне в очи так смотрел?..»
И всё ему постыло...»*

Домашнюю заготовку прочёл с великим темпераментом, понижая многозначительно голос в принципиально значимых местах текста, — «*Нагая полная рука! У Тани грудь открыта...*».

Бенефис удался. Радуюсь, как мне казалось, произведённому театральному эффекту, улыбался во весь рот. Однако овации, криков «браво», цветов от потрясённых зрителей не дождался, их заменила наградная отметка в классном журнале, выставленная несравненной, всё уразумевшей Прасковьей Михайловной, её ответная — с понятным только двоим смыслом — «улыбка авгура».

Тот, кто назвал женщин прекрасным полом, хотел, быть может, сказать нечто лестное о них, но на самом деле выразил нечто большее.

Иммануил Кант

Моя Муза

Как свидетельствует семейная хроника, в возрасте десяти лет мой младший брат Виктор принес на суд маме своё первое стихотворение. Расстилавшийся за окнами квартиры печальный осенний пейзаж красавца парка «Софиевка» оказался созвучным душевному надлому и депрессии автора. Родилась элегия, нежная и сумеречная:

*...Вот и осень пришла, улетают птицы,
Семиструйный фонтан уже не струится...*

Растроганная мама пригласила меня разделить добрую оценку творению юного поэта — но не тут-то было! Всю мощь поднакопившегося и нерастраченного сарказма я обрушил на чуждые народу сентиментализм и упадничество.

С несокрушимых позиций социалистического реализма устроил критический погром нарушителю обязательных норм стихосложения — как ниспровергатель Зоил Гомеру, как «неистовый Виссарион» славянофилам, как партия в послевоенные годы ленинградской писательской организации.

Апломб и уверенности в посылах критических стрел добавил личный поэтический опыт: чуть раньше уже имел тайное свидание с Музой — долгое, обоих утомившее. Больше месяца «пыхтел», сопрягая рифмой весенние мотивы с общественно-значимым событием. В итоге вымучил:

Весна! Пришла весна!
Как много светлый дней!
Сегодня Родина должна
В Советы выбрать сыновей!
(О дочерях позабыл).

На этом действо версификации прервалось. Муза, обескураженная дежурными лозунгами юного визави, ушла, определив на прощание меня, несостоявшегося стихотворца, в цех критиков.

Мама, отдававшая предпочтение лирике романтического направления, осуждения и воинственные инвективы старшего сына отвергла; словами одобрения и поощрения укрепила в любимом «младшеньком» творческое начало.

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, как виденья, — и канули в вечность года...
Это было давно... Я не помню, когда это было...
Может быть, никогда...⁷³

Время незапамятное детства давнопрошедшего — в памяти сердца, щемящего в минуты ностальгических побудок, когда из таинственных глубин сознания поднимаются чередой размытые годами картины чудного школьного детства в кажущемся всегда солнечном и добром городке.

Особая, волнующе-холодящая атмосфера школьных занятий — едва слышные из-за закрытых классных дверей монотонно-уверенные, как стук метронома, голоса учителей, не всегда уверенные, порой растерянные или

безнадёжно унылые голоса учеников. Беспорядочное броуновское движение ученических масс во время перемен — с галдежом, беготней, криками и визгами.

Пройди по тихим школьным этажам.
Здесь прожито и понято немало!
Был голос робок, мел в руках дрожал,
Но ты домой с победою бежал!
И если вдруг удача запропала, —
Пройди по тихим школьным этажам⁷⁴.

Учителя, приводившие беспокойную орду в порядок, наставлявшие, обучавшие и достойно отправлявшие в самостоятельное житейское плавание как учеников всегда прилежных, так и выправленных башибузуков, оставившие о себе добрую память не одному поколению выпускников.

...Берестежевский Наум Бенционович, прирождённый математик, человек острого ума, аналитического склада мышления, виртуоз в подаче учебного материала. Не раз бывал у него дома, где проводили совместные тренировки перед очередной математической олимпиадой.

Невысокий, плотно сбитый учитель обладал прекрасным чувством юмора, нередко «выдавал попури» из любимого Шолома Алейхема: «...*чтоб тебя скрутило, чтоб тебе и болячки и колики, и ломота, и сухота, и чесотка, и сухотка, чтоб тебя кусало и чесало, трясло и растрясло...*». Смеялся громко и заразительно, откинув голову.

... Зубкова Зоя Петровна, учительница английского языка, фундаментальные основы которого укрывались за стройной фигуркой очень симпатичной, аккуратной, всегда ухоженной «миссис». Те, кто внимательно прислушивался к её учебным наставлениям (а таких в нашей школе было немало), получали основательные языковые знания, становились, по примеру любимого педагога, профессиональными лингвистами.

.....Гальдус Зоя Александровна — женщина строгой привлекательности, с правильными чертами лица, с копной вьющихся густых, цвета спелой ржи волос, пользовавшаяся непреклонным авторитетом среди старшеклассников. Физика, как дисциплина, в выверенном, строго методическом изложении приобретала ясность и важность, как все её непреложные законы, переходившие — по принципу сообщающихся сосудов — от прекрасного педагога к ученикам.

...Ковальчук Фёдор Иосифович, преподаватель украинского языка и литературы — ходячий кладёзь народной мудрости, шуток и прибауток. Человек доброй удачи, весёлый нрав которого не исказила проведённая за рычагами танка война.

Атаманом артель крепка. Ситуация в школе находилась под жёстким контролем завуча, учителя истории Романченко Василия Васильевича — человека темперамента холерического, нрава гневливого; качества эти проявлял раздутыми, выдыхающими огонь ноздрями, сдвинутыми кустистыми бровями, испепеляющим мефистофельским взглядом.

Был наш молодой пастырь нелицеприятен, разгильдяйства не терпел, в отношениях с нарушителями режима был строг, но справедлив: кого подправлял, кому указывал, кого выгревал на педагогическом аутодафе, а кого и отчислял, не взирая на лица родителей. Оппозицию «давил», как Шариков котов.

...Сквозь призму доброго юмора и самоиронии преломляю, с теплом и уважительностью выстраиваю давние события, дела и поступки, сцены и мизансцены школьной жизни.

Действие порождало противодействие. В ответ на беспощадное подавление инакомыслия сформировался комитет сопротивления, проводивший регулярные конспиративные сходки в расположенном в глубине школьного двора туалете («*типа сортир*»). Однажды, его активисты спланировали и провели дерзкую акцию возмездия.

В конце перемены один из инсургентов перебрался через перегордку в учительское отделение туалета, закрыл дверь на защёлку. Тем же путем вернулся к соратникам — создался иллюзорный эффект присутствия.

Как и было рассчитано, в начале следующего урока к сортиру критически торопливой походкой подошёл свободный от занятий Вась Вась. Подёргал ручку, деликатно отошёл в сторону, предоставляя невидимому коллеге возможность без спешки сбросить давление.

Через несколько минут в очередь стал учитель географии Михаил Гаврилович Симоненко; завязался напряжённый, но вынужденный обмен репликами. Секунды стучали минутами, минуты били часами. Педагогические условности не пускали терпеливых мужчин в казённое отделение отхожего места, куда один за другим забегали отпросившиеся по нужде ученики.

Только ломик школьного столяра спас консервативных воспитателей от неминуемой катастрофы, которую с нетерпением ожидали зрители выходящих окнами во двор классов.

При ошеломляющем количестве достоинств было в положении завуча, как в теле воина, уязвимое место романтического свойства — «пятно Зигфрида», куда могло вонзиться (и, увы, со временем вонзилось!) завистливое жало.

Облик учителя светлел, взгляд теплел, голос истекал воркующим тембром в минуты зарегистрированных юными и любопытными наблюдателями

его общений со своей «адорабль» — божественной Прасковьей Михайловной: «Чекан изящества, зеркало вкуса, пример примерных»²³.

В женской половине педагогического коллектива она являлась сочным изумрудом — статная и одновременно изящная фигура, классически чёткие черты лица, живость ума, эрудиция, чувство юмора, дивной тональности голос.

К девятому классу, когда у парней моего призыва наметились признаки дополнительной телесной растительности, прыщавости и ломки голоса, проблемы взаимоотношения полов стали темой закрытых заседаний, дискуссий, нашли отражение в поэтических попытках одноклассников:

Он и Она и, конечно, Луна,
Чувств нераскатанных в горле комок:
«Что же несёт этой ночи кусок?»

Так мой приятель Женька Юмашев в жанре куплета описал первые душевные порывы неокрепшего организма, пока ещё загадочную перспективу развития отношений юной пары. Позже к автору пришло понимание физиологической сути внешне платонических соприкосновений влюблённых, которое он выразил изящной перефразировкой песни из кинофильма «Коллеги», совместно нами просмотренного в новом кинотеатре имени Черняховского:

Интеграл белый-беленький,
Логарифм над трубой,
Мы по тангенсу бегали,
Умножались с тобой.

Не могу сказать, что я с безразличием относился к успехам начинающего автора. Зависть, поначалу белая, окончательно сменила окраску после того, как увидел роскошную библиотеку Евгения, собранную для него отцом, отставным лётчиком, заведовавшим службой кадров на машиностроительном заводе. Выросшего без матери сына отец окружил заботой материальной (проявлявшуюся, в том числе, в его всегда модной одежде) и духовной, результатом которой стала впечатляющая начитанность, которую он демонстрировал близкими к тексту пересказами коротких произведений Александра Ивановича Куприна, Александра Степановича Грина, Ги де Мопассана.

Моё уязвлённое самолюбие требовало достойного ответа, но Муза, несмотря на громкие, внутренним голосом произносимые призывы дать второе свидание, долго не приходила.

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слёзы лил, но ты не снизошла...²²

Новая встреча произошла во второй четверти девятого класса, на банальном уроке военного дела. Была она краткой, но громокипящей.

На этот раз действовал почти профессионально — выстроил композиционный стержень, продумал фабулу. Творческий процесс облегчила хрестоматия

тия, открытая на странице с текстом недавно пройденной поэмы М.Ю. Лермонтова «Песнь про купца Калашникова».

Не просто рифмовал, а размашистыми мазками эпитетов и метафор вырисовывал колоритную былинную панораму. Сочинение открывал напевный зачин: «*А начнем мы песнь на старинный лад...*», далее по ходу текста следовали регулярные обращения к герою: «*Ой ты, гой еси, добрый молодец...*»

Красной линией произведение рассекал обязательный конфликт «светлых сил» (Иванушка) и «тёмных сил» (Хрыч Иванович). Персонажей списал с одноклассников: прообразом главного героя стал тёзка — Ванька Авдеев, его оппонента — Толик Финоженко, имевший в жизни использованную в тексте кличку.

По ходу действия Иванушка, борясь с враждебными силами за сохранение семьи, совершает ряд подвигов, в том числе один сексуальный, на стороне. Вызывающе-открытых формулировок в тексте не было, они укрывались за эвфемизмами и аллюзиями. Лишь в одном месте, в лирическую, в меру фривольную атмосферу поэмы впрыснул приличествующий избранному вакхическому жанру фаллический пассаж:

Шёл по рожице Иванушка,
По берёзкам постукивая ...инушкой.
Здоровенный, одним словом, был детинушка.

Из соображений конспирации почерк изменил — писал «под завуча», косил налево. Сидевший рядом Вовка Павлов внёс свою лепту в произведение — дописал неизменённым (о, фатальная ошибка!) почерком пару безобидных заключительных строк. Пущенную для апробации по партам поэму перехватил военрук. В ответ на коллективную просьбу он пообещал рукопись уничтожить, но по завершении урока с мышиною торопливостью доставил компромат в учительскую.

Вась Вась, как руководитель оперативно созданной чрезвычайной комиссии, болидом ворвался в класс, стал буравить глазами потенциальных преступников; пронзил рентгеновским взглядом и меня.

До этого по делам с завучем проходил в нескольких эпизодах. В одном из них, на уроке черчения, который вела добрейшая Нина Прокофьевна Чарторийская, в чертеже, вместо надписи «Вырез пирамиды», начертал: «Декольтированная пирамида».

Естественно, уже известная тяга к интимной тематике была не в мою пользу.

С сардонической усмешкой на лице, дознаватель предложил военнообязанной части класса помилование в обмен на добровольное признание, но будущие воины безмолвствовали. Повели на допрос действующих лиц. Безвинные герои искренне на всякий случай покаялись, но ничего по существу сообщить не смогли.

Наконец комиссия добралась до моего невольного соучастника, которого вычислили сличением двух предательских строк с материалами последнего

диктанта. Несчастный под тяжестью неопровержимых улик «раскололся». Финал дознания стал торжеством исключительной дедуктивной логики следователя — организатор и главный исполнитель криминального замысла был выведен на чистую воду.

Сопrotивлялся я отчаянно, но недолго. Линию защиты выстроил на утверждении, что сокращенное «...инушкой» предполагает «дубинушкой», на просьбе к следственной комиссии дать своё толкование урезанному слову, что, впрочем, осталось без ответа. Превратившийся из прокурора в судью Вась Вась как крупный знаток проблемы в вынесенном вердикте назвал раскрытое преступление «порнографией» — так и записали в решение педсовета, влепив нам с подельником тройки по поведению за вторую четверть.

Мораль восторжествовала, благочестие и благонравие возликовали. Ростки безнравственности и порока были вырваны с корнем:

Умерла моя Муза, недолго она
Озаряла мои одинокие дни.
Облетели цветы, догорели огни...⁷⁵

Наш с соавтором авторитет поднялся в заоблачные высоты. Смотреть на героев ходили экскурсиями девочки младших классов, кокетливо-внимательно анализировали смелых парней молоденькие практикантки педагогического института. Укрепилось наше организующее влияние в вызревающей подростковой среде.

Ознакомившись с материалами дела, отец повел себя на удивление снисходительно (может быть, сработал механизм невольной мужской солидарности). Принеся домой справочную литературу, вместе со мной изучил новый термин — «...вульгарно-натуралистическая, циничная, непристойная фиксация...». Мой словарный запас расширился, но несогласие с некорректным учительским приговором долго не давало покоя.

Со временем уточнил, что в славянских языках «гойный» означает «изобильный («гойти» — «жить», «загоилась рана», «изгой» — «человек, исключенный из жизни»). Гоило» переводится как «фаллос», поэтому традиционный для русских былин выражение «гой еси, добрый молодец» фактически означает высокую оценку мужских достоинств.

Открытие это ещё раз убедило меня, что скрытый намёк на предсудительную тему есть общепринятая литературная норма, равно как и укрывающее суть неудобного слова многоточие.

Жизнь вырисовала невероятную кривую, которая десятилетия спустя вывела меня на Учителя. Нрав человека — его рок; эту универсальную истину древних подтвердил Василий Васильевич: те же максимализм, порывистость, крайность мнений, те же раздувающиеся ноздри, та же уважительность в отношениях с прекрасным полом. От себя не уйдёшь — каким был характер, таким он и остался.

За время частых и долгих посиделок обсудили, в том числе, и заниженную оценку по поведению, в свете сделанного мною лингвистического от-

крытия. Согласились, что мораль и добродетель определяются состоянием общественной жизни, что мой давний поэтический курбет так же невинен, как невинны — по прогрессивным меркам — в своих поступках современные детки, которым мамочки вместе со школьным бутербродом укладывают в ранец обязательные средства индивидуальной защиты, стимулирующие отпрысков к скоропалительной интимной жизни и оберегающие родителей от малоприятных последствий.

На том и порешили.

Неудачный финт

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию: были.

В. Жуковский

Из всех картин, проецируемых волшебным фонарём детских воспоминаний, наиболее необычна и прелестна зрительная ассоциация середины весны: яркий день на опушке парка, звонкое щебетание птиц, прогретый солнцем тускло-бурый ковёр слежавшихся дубовых листьев, на который — по дороге домой после производственной практики, в кирзовых сапогах и замасленной телогрейке — прилёт, закинув руки за голову, и пристально вглядываюсь в насыщенное синью небо с быстро меняющимися очертания кучевыми облаками; вокруг — удивительная рябь весеннего многоцветья, нежная зелень травы и набухающих почек деревьев; в душе — непонятные тоска и волнение.

В дни отрочества я пророчествам
Весны торжественно внимал:
За первым праздничным подснежником,
Блажен пьянящим одиночеством,
В лесу, ещё сыром, блуждал⁷⁷.

В начале шестидесятых годов, когда партия своей Программой нацелила народ на *«развёрнутое построение коммунизма»*, директивные органы оперативно улучшили подготовку его будущих созидателей — продлили до одиннадцати лет и реформировали среднее образование, сделав его альфой и омегой трудовое воспитание; на второе место переместилась химия (*«...и химизация сельского хозяйства»*), далее — математика, физика...

Без изменения количества уроков учебная неделя для старшеклассников была сокращена до четырёх дней. Пятница стала днём обязательного труда «по-взрослому» на производстве, с получением после обязательной выпускной аттестации рабочей профессии. Таковой стала для меня специальность слесаря-сборщика, которую с одноклассниками осваивал на Уманском машиностроительном заводе (бывшем до революции маслобойкой). Предприятие

располагалось неподалёку от моего дома, поэтому на работу и обратно погожими днями ходил через парк, в котором во время вешнее испытывал приступы элегической хвори.

Наедине с своей душой
Был недоволен сам собой⁷².

На первых порах меня и моих приятелей — Кольку Шведова и Вовку Павлова — ремеслу обучал Виктор Ушаков, молодой симпатичный парень, северным ветром странствий занесённый в наши южные края. В отличавшейся простотой нравов пролетарской среде он выделялся непривычной внешностью типичного русака, шутками и побасенками («С кем поведёшься — так тебе и надо», «Слесарь Хабибулин, меж берёз и сосен, как жену чужую, засосал ноль восемь», «Анекдот без мата — что борщ без томата», «Вдруг бывает только пук», «Вам не понять — вы не любили»).

Беседливый мастер рабочий день открывал и заканчивал пересказом своих амурных приключений и достижений с комментариями («Не баба — а таран!») и рекомендациями малоопытным слушателям. Был любострастен наш старший товарищ — не пропускал ни одной юбки.

Он их искал без упоенья,
А оставлял без сожаленья⁷².

Виктор прекрасно играл в шахматы, равных ему в этой старинной забаве на заводе не было. Со сборной командой своих учеников он играл только вслепую — мы расставляли фигуры в соседней конторке, сообщали маэстро ходы, он, вколачивая подшпипник на вал кормораздатчика, выкрикивал ответные решения, очень скоро фиксируя неизбежную победу фразой «Хана пёсику!».

Завершил забиячливый потомок рязанских казаков пребывание на уманской земле скверно: в принципиальном споре о роли органов в народной жизни придавил горло милиционеру и попал, к нашему искреннему горю, в казённый дом на несколько лет. Огранку строителей светлого будущего продолжил новый наставник, попроще и менее приметный.

В десятом классе, на заводской территории, среди шустрых «хлопцев»-практикантов вспыхнула эпидемия переработки гаск, которые после обточки, подгонки, шлифовки и хромирования превращались в перстни. Высокий спрос на самодельные, «под золото», украшения среди вечерних за всегдаев городской «стометровки» у центральной гостиницы давал школьным кустарям неплохой доход.

Ум без разума — беда. Попытка заняться перспективным бизнесом завершилась для меня крахом — вместо гайки обточил указательный палец правой руки, лишив его на всю оставшуюся жизнь ногтя. Происшествию придали характер чрезвычайного, дело получило ход — присудили мне за третью четверть «четвёрку» по поведению. Хотя и наметился прогресс (во второй четверти, за создание поэмы с эротическим подтекстом, оно было оценено лишь

в три балла), преодолеть кризис отношений с педагогическим советом могла только рутинная пятёрка.

Сконцентрировал силу воли на достижение судьбоносной цели, подчинил поступки твёрдому самоконтролю, подчёркнуто демонстрируя прилежание и аккуратность. Но беды вереницами ходят — неожиданно бедоносным стало моё увлечение футболом.

Могу засвидетельствовать — в начале шестидесятых годов спорт был образом жизни и состоянием души для юных, избыточественно активных жителей города Умани.

Физкультурное воспитание дополняло школьное, институтское образование, сообразно установлению древних: «В здоровом теле — здоровый дух», благодаря, в первую очередь, замечательным, преданным делу спорта людям: Виктору Ивановичу Козюку (директору детской спортивной школы), Василию Павловичу Хорсаку (председателю спортивного общества «Спартак»), Николаю Григорьевичу Евстратову (заведующему кафедрой физкультуры сельскохозяйственного института) и многим, многим другим.

Для меня основным местом пребывания в вольное время был институтский стадион, на котором разве что только не ночевал. Отработанные там финты «под Гарринчу», «под Михаила Месхи», удары с обеих ног, после доводки в детской секции общества «Спартак», стали — к шестнадцати годкам — пропуском в основной состав городской футбольной команды.

Обретённый спортивный статус повысил до опасной отметки самомнение, позволял (подкреплённый желанием прихвастнуть!), после успешной игры, триумфально вышагивать вялой походкой обременённого славой вундеркинда по центру города в сопровождении малолетних болельщиков.

Для тренировок использовал всякую свободную минуту, даже в часы прохождения производственной практики. В обеденный перерыв в любое время года, при любой погоде без усталости гоняли мяч на площадке за заводом вместе с одноклассниками, разделившись на две команды. Перерыва на доброе дело не хватало — продолжали в дополнительном тайме, который обычно завершался только с выходом на поле руководителя практики, очень деликатной и добродушной Галины Яковлевны.

В тот злополучный апрельский день шестьдесят третьего года она задержалась дольше обычного. Моросил противно-холодный дождь, поле было вязким, покрыто пятнами луж. По установившейся традиции игра не прерывалась — счет был ничейным, и игроки каждой команды, яростно размешивая сапогами болото, бились за победу.

Наконец во двор вбежала растерянная учительница и рысцой засемила в сторону ближних ворот. Дальнейшие события, из-за драматического финала, память зафиксировала навсегда, с точностью до мгновения.

Изменение диспозиции краем глаза замечаю, но азарт гонит в последнюю атаку. Всё внимание сосредоточено на ведении мяча — контроль за ситуацией на поле утерян. Не вижу, что соратники и соперники, прихватив сваленные у ворот телогрейки, спешно уносят ноги, что на воротах уже стоит запыхавшаяся Галина Яковлевна.

В перечне занятий, увлекавших недорослей моей поры, выделялась носившая характер эпидемии игра в настольный теннис. Игра на вылет собирала длинные очереди, теннисные столы эксплуатировались с утра до ночи.

На снимке 1965 года — уманчанин, благоискусный Лёня Навроцкий (крайний слева), как капитан, вывел команду Черкасской области на решающие встречи первенства Украины среди профсоюзов. (Второй справа — мой добрый знакомый, черкасский «бундовец», Алик Балин.)

На снимке конца пятидесятых годов — люди, сделавшие Умань городом спорта. Второй слева — великий Николай Григорьевич Евстратов, вторая справа — его заместитель по заведованию кафедрой физкультуры и спорта сельхозинститута, Ольга Петровна Афанасьева. Крайний справа — Василий Павлович Хорсак, земляк Чехова по месту рождения. Участник войны, по завершении которой прибыл в Умань и всю свою оставшуюся жизнь посвятил городскому спортобществу «Спартак». Был разносторонним спортсменом, судьёй международной категории по волейболу.

Могу засвидетельствовать — в начале шестидесятых годов спорт был образом жизни и состоянием души для юных, чрезмерно активных жителей города Умань. На институтском стадионе я разве что только не ночевал и к шестнадцати годкам был включён в состав городской футбольной команды «Спартак». Снимок мая 1962 года — сделан перед матчем с командой города Саврань. Слева направо: Володя Скомаровский, Саша Макосейчук, автор этих строк.

*«Там кто-то был с лицом, в котором боли нет,
С лицом моим — увы — моим в шестнадцать лет».*

Апрель 1964 года *«И мальчики, которым стать мужчинами пришла пора!»*

Коллективный выход друзей-одинадцатиклассников в парк «Софиевка», попрощаться с ним. Впереди у нас — выпускные экзамены, дороги дальние. Слева направо: Саша Пальгов, автор этих строк, Юра Дудинский, Вова Павлов и Коля Шведов, издающий «звон предков». *«Детство моё, постой! Не спешу! Погоди!..»*

Заношу, как взвожу курок, правую ногу и на мгновение отрываю взгляд от мяча для оценки расстояния до ворот, настройки прицела. С изумлением обнаруживаю нового — вместо Коляна Шведова — вратаря, механически фиксирую оцепеневшую фигуру, посеревшее от ужаса лицо, взгляд «кролика на удава», но менять решение поздно, и, как выстрел, следует удар.

Мяч из-под правой, ударной, ноги вылетает, как камень из пращи, и покачивающим ударом бьет педагога точно в лоб — слышу глухой стук упавшего тела, вижу испачканные чулки.

Мгновения тишины: до сознания доходит весь ужас ситуации — вновь предсовет с тягучим «разбором полётов», потеря последней надежды на личную годовую оценку по поведению.

Подбегаю к пострадавшей, водой из лужи смачиваю её виски и лоб. Невнятно бормоча извинения, помогаю ей подняться и, поддерживая за талию, веду в сторону слесарного цеха.

К великой моей удаче, слух об этом трагикомическом случае не дошёл до педагогической общественности. Галина Яковлевна, по причине неприличности положения, в которое её поставил буйный ученик, решила «забыть» о происшествии. К тому же природная мягкость и всепрощающая доброта побудили умную учительницу не усугублять и без того малоприятное положение возмутителя школьного спокойствия.

На первых порах позволял себе небрежно щегольнуть в кругу приятелей детальным рассказом о «лихом поступке». Серьёзные укоры совести за выходку, которой невольно унижил женщину-учителя, появились после окончания школы, когда наступила кристаллизация чувства признательности к людям, давшим мне образование, приучившим к производительному труду, научившим спорту, — взрослым попутчикам моего детства, оставившим о себе добрую память на всю жизнь.

Футбол моего детства

*Памяти друга моего детства,
Николая Николаевича Шведова.*

Когда мой друг-одноклассник Колька Шведов, натягивая на руки обязательные кожаные перчатки, занимал место в створе футбольных ворот, команда нашего одиннадцатого класса как один человек настраивалась только на победу, небезосновательно веруя в неприступность последнего рубежа обороны, оберегаемого нашим капитаном.

Когда он, элегантный вратарь, стройный и пластичный, как чёрная пантера, взлетал на перехват летящего к боковой штанге мяча, намертво фиксировал его в цепких ладонях, а затем мягко, перекачиваясь от ступни к плечу, опускался на землю, вся наша команда класса «А», наши немногочисленные болельщики неистово аплодировали грациозности, совершенству движений непробиваемого вратаря — досадовали при этом разочарованные соперники

из параллельного класса «Б», его ударная сила Скомаровский, Фролов, Шевчук, Лебедев...

...Когда я, уже войдя в года, подъезжал однажды междугородним автобусом к уманскому автовокзалу, то, повернув голову в сторону зарослей старых деревьев, ощутил сильнейшее стеснение дыхания, напомнившее о том, что за этой неухоженной зелёной стеной в далёком шестьдесят третьем году прошлого века усердием подполковника Палия и подчинённых ему военных строителей был возведён прекрасный (увы, недолго функционировавший) спортивный комплекс «Сокол», на рукотворном газоне которого блистал мастерством голкипера мой друг Колька Шведов.

Мои спортивные университеты

В пору моего детства всякий не пассивный мальчишка, только обретая устойчивость в ногах и уверенность в движениях, первым делом приступал к занятиям футболом в компаниях подобных ему сверстников. Начинали с перепасовки мятых консервных банок, нетяжёлых округлых предметов, настоящей игры литыми резиновыми мячами. Набравшись игрового и житейского опыта, переходили на кирзовые мячи со вставными резиновыми камерами и жёсткой шнуровкой, оставившей не одну синюшную стигму на лбах начинающих футболистов.

К слову. Что такое сотрясающий тело и сознание удар мячом впервые испытал в одиннадцатилетнем возрасте, когда стенка на стенку, в быстро сгущающихся сумерках играли в футбол на спортивной площадке («поляне») села Верхнячка. В одном игровом эпизоде, после сильнейшего удара играющего тренера Толи Марачевского, мяч основательно встряхнул мою разгорячённую голову и хлипкую шею — из глаз посыпались снопы искр, осветившие место игры, всех игроков, дальние дома, деревья в старом парке...

Мои серьёзные футбольные упражнения начались осенью пятьдесят третьего года на стадионе сельскохозяйственного института, где во время тренировок студенческой команды ассистировал её знаменитому вратарю Грише (длинные трусы, свитер, кепка!), возвращал в поле вылетающие за ворота мячи, отрабатывая одновременно базовые удары «пыром», «щёчкой».

Начальный курс футбольного обучения, завершившийся для меня летом шестьдесят четвёртого года, включал в себя игру на вылет в формате «два на два» на баскетбольной площадке (так называемый «тыр-пыр»), игру на теннисном корте, ограждение которого делало игру динамичной и комфортной, массовые ристалища на гандбольном поле. На течение игрового времени мы, будущие виртуозы дриблинга, внимания не обращали, играли до ломоты в коленках, до наступления полной темноты, до «гибели» мяча — протёршегося, напоровшегося на торчащий гвоздь забора-штaketника, — до появления на поле возмущённых родителей, возвращавших бесшабашных деток к приговариванию уроков.

Институтский стадион, второй в городе (первый сооружён в двадцать третьем году по инициативе красного командира Котовского и назван его именем), был выстроен перед самой войной усилиями студентов и преподавателей, в числе которых первым номером был молодой, энергичный и инициативный преподаватель физкультуры Николай Григорьевич Евстратов.

Коренной уманчанин, он родился и прожил жизнь в родительской усадьбе на улице Урбай-лиса, неподалёку от школы номер четыре (до войны — семилетней), в которой учился и некоторое время учил физкультуре, из которой перешёл в сельскохозяйственный институт, превратившись со временем в его живой символ.

Во время войны, в которой защищал Севастополь, освобождал Кавказ, Николай Григорьевич был трижды ранен. После войны он восстанавливал институтские корпуса; став первым заведующим кафедрой физического воспитания, вывел спортивные дисциплины в разряд первостепенных, любимых студентами. При нём институт стал готовить не только специалистов, но и раскрывать, шлифовать спортивные таланты.

Кажется, природа реализовала какой-то свой особый, изумительный проект, формируя внешность и натуру Николая Григорьевича: высокий рост, крупная, гармонично сложенная и развитая фигура, уверенная спортивная осанка, симпатичное, мягкое и улыбочливое лицо, умные, с ясной иронией глаза; доброта и отзывчивость, врождённое чувство юмора, целеустремлённость, принципиальность.

В погожие будние дни жизнь на стадионе начиналась ранним утром, когда из запаркового пригорода Новая Умань на велосипеде прибывал распорядитель спортивного инвентаря, смотритель сооружений кафедры физвоспитания молодой, поджарый Дмитрий Кузьмич Герасев.

Он отпирал двери кафедры, занимавшей небольшой кирпичный домик с эмблемой общества «Наука» (позже — «Буревестника») на наружной стене, успевал, до начала занятий, по росе, выкосить подросшую траву, что-то подкрасить, подправить, подбить, подлатать, подтянуть... Позже тем же транспортом, что и «дядя Дима» (в нашей, ребячьей форме обращения), на казавшемся детским велосипеде подъезжал «дядя Коля» и брал в свои нехилые руки процесс физического воспитания будущих специалистов сельского хозяйства.

В последующие академические часы занятий, под непосредственным управлением профессионального спортсмена, мастера спорта Ольги Петровны Афанасьевой, «хлопці та дівчата» подтягивались на турнике, бегали, прыгали, толкали ядра, сдавали нормативы комплекса «Будь готов к труду и обороне».

К метанию спортивных снарядов — молота, диска, копья — опытная Ольга Петровна допускала только членов спортивных секций. Сбой прицела

у нетренированного метальщика мог уменьшить число безвинных зрителей, поэтому для дополнительных тренировок даже искушённые спортсмены выбирали подходящее время и соответствующие условия.

В предрассветные часы выходных дней выбирался на пустынный стадион покрутить-побросать молот высокий, крепко сбитый Толя Озеров (Моргун). Уходил на просторную парковую поляну (на Дубинке) без свидетелей метать диск Володя Якушечкин. Однажды после его особо удачного броска диск улетел в дальние заросли, откуда, почти в дебри, выскочила разгорячённая «пара вороных» и «поскакала» в сторону Нижнего пруда.

В послеобеденные часы досуга институтский стадион, словно магнит, притягивал к себе пёструю, разнородную и разновозрастную публику — от жаждущих заняться спортом, болельщиков, до любителей прогуляться, пообщаться, других посмотреть и себя показать.

На главной — с трибунами в три ряда! — волейбольной площадке шла высококлассная игра: мощным «крюком» подавал Вася Иванов (кличка «Квадрат», сын трагически умершего военрука института), мягкими, точными пасами выводили на завершающий удар «забойщиков» разыгрывающие игроки Изя-Маленький, Семён Горель. Мощный Изя-Большой, долговязый и кадыкастый Йофа вколачивали в половину противника мяч с такой силой, что тот рикошетом отлетал на соседнюю пасеку.

Рядом, на площадке для игры в городки уверенно, с эффектным замахом, с точной наводкой, с обязательным побрякиванием, бросал обитые жёстью биты главный специалист по этой игре, Дмитрий Кузьмич, который с одного удара сметал почти каждое фигурное построение. Соперничать с ним на равных мог разве что Умэр Усейнович Реизов, муж Ольги Петровны, фронтовик, испытывавший послевоенные ужасы сибирских лагерей.

Феерическая атмосфера спорта, в часы пик окутывавшая институтский стадион, волей-неволей побуждала его малолетних обитателей, в свободное от футбола время следовать примеру взрослых. С помощью любезнейшей Ольги Петровны пробовал прыгать с шестом. Под наблюдением её статного, широкоплечего сына Саша пытался подальше оттолкнуть от себя, не вывихнув собственную челюсть, облегчённое («женское») ядро, прыгал в длину, в высоту («ножницами», «перекидным прыжком»), играл в баскетбол и волейбол. По настоянию Николая Григорьевича втянулся в занятия теннисом, вместе с одноклассником Иваном Авдеевым представляли наш город на первенстве Черкасской области, участвовали в первенстве Украины среди школьников в Харькове.

С наступлением холодов кафедра перебиралась в устроенный после войны в скромном помещении учебного хозяйства, что за Верхним прудом, спортивный зал. В одной из его комнат, большой, увешанной рапирами, шпагами, эспадронами (прекрасно фехтовал Юра Мишуров, аспирант моего отца!), стоял знаменитый теннисный стол, выпестовавший не одно поколение игроков. К нему после школы, кое-как перекусив, быстро приготовив уроки, я спешил резвыми ногами, чтобы, выстояв немалую очередь, постараться преуспеть и подольше задержаться в игре на выбывание. Настольный

теннис не уступал в популярности футболу. Увлечённость этой игрой носила переходящий характер вирусного заболевания. В городе было немало сильных игроков, но мастером экстра-класса был мой друг, обаятельный и непобедимый Лёня Навроцкий, игра которого отличалась стремительностью и элегантностью.

Самым пристальным образом мы, преданные спорту подростки шестидесятых годов, следили за ходом спортивной жизни в стране и за рубежом. Мой ученический стол был завален самодельными альбомами с вклеенными в них вырезками из газет, журналов, свидетельствующими о высоких спортивных достижениях Косичкина, Скобликовой, Шаплина, Латыниной, сестёр Пресс, Тер-Ованесяна, Брумеля, Воробьёва, Власова, Попенченко, Лагутина, Зубкова, Круминьша... От сезона к сезону на стене моей комнаты обновлялась вычерченная на листе ватмана турнирная таблица первенства страны по футболу, в которой ярким цветом выделялась строка московского «Спартака» Долгие годы я был болельщиком «красно-белых», досконально знал историю игр любимой команды, биографии её ведущих игроков — Симоняна, Сальникова, Нетто, Исаева, Татушина, Крутикова, Рейнгольда, Логофета, Хусаинова...

В футбольном первенстве страны шестьдесят первого года за чемпионский титул боролись команды, занявшие первые пять мест в каждой из двух подгрупп, на которые были разделены участники предварительного турнира. В первой подгруппе блестяще первенствовал прошлогодний чемпион — московское «Торпедо», во второй, с более скромным результатом, — киевское «Динамо».

К противоборству этих команд фактически свелась игровая интрига финальной пультки. В первой встрече, на киевском стадионе, победу со счётом 2:0 праздновали хозяева поля. В октябрьский день ответного матча в Лужниках мой брат Витя, фанатичный (по примеру маминого дяди Шуры, трудившегося на московском автозаводе) поклонник «Торпедо», в назначенное время радостно устроился у домашней радиолы в ожидании радиотрансляции решающего поединка.

Как только отзвучал футбольный марш, и Вадим Синявский произнёс первые слова репортажа, появился батька, озабоченный провалами в музыкальном образовании детей. Переключив радиолу в режим проигрывания пластинок, он установил на ней громадный долгоиграющий диск с записью произведения Чайковского «Снегурочка», добытый им в последней московской командировке, и повелел очень дисциплинированному младшему сыну ощутить трепетную прелесть музыкального шедевра.

Два часа, томясь неизвестностью, мой брат трепетал под печальные мелодии Петра Ильича. И лишь по завершении музыкального сеанса, поздним вечером, пробравшись инкогнито по пожарной лестнице к однокласснику Павлику Демченко, Виктор узнал о первом чемпионстве любимчиков его школьного приятеля. Киевское «Динамо» завершило решающий матч с достаточным для общей победы счётом 1 : 1.

Прекрасная, незабываемая, водами Леты поглощённая, спортивная пора моего детства святого!

Спустя десять лет после окончания школы, уже как гость, приехал на свою малую родину и... испытал душевную боль, огорчение и обиду, увидев только половину дорогого мне стадиона. На месте теннисного корта высилось здание недавно выстроенного учебного корпуса (другого места для новостройки не нашли!).

Но в памяти моей он, стадион имени Николая Григорьевича Евстратова, до мельчайших деталей устройства, запомнившихся жанровых картинок, остался непорухенным. Закрываю глаза и силой воображения восстанавливаю давний летний день в его предсумеречные часы: шумит, бурлит футбольная игра, идут ударные волейбольные бои, на баскетбольной площадке сошлись в очередной принципиальной схватке команды нашего посёлка и Белых Домов, на корте мой младший брат, принявший от меня теннисную эстафету, со сверстниками-приятелями готовится к соревнованиям.

Словно вчера это было, вижу, как отставной и уже холостой генерал Кундеревич, в цивильном костюме, с букетом роз в руках, отбивая шаг, движется через стадион на метеостанцию к своей будущей жене, запускающей в небо по долгу службы громадные надувные пузыри; как на черешнях, в прилегающем к стадиону детском садике, зависли бесстрашные малолетние ворюшки; как на скамейке у футбольного поля сидят моя мама и Ольга Петровна (сближала их не только одинаковая девичья фамилия, но и общность культурных интересов, эрудиция, начитанность) и неторопливо, очень задушевно беседуют...

Весёлые годы,
Счастливые дни –
Как вешние годы
Промчались они.
(И.С.Тургенев)

Страсти футбольные

В шестом классе, на одной из больших перемен, я купил в школьном буфете в качестве приложения к бутылочке кефира небольшую булочку, на поверку оказавшейся откровенно чёрствой. Не получив от буфетчицы согласия на возврат денег, вернул ей некачественный продукт. После моего броска, усохший хлебец, со стуком отскочив от прилавка, угодил сварливой даме не в бровь, а в глаз. (Во время последовавшей образцово-показательной педагогической экзекуции завуч Вась Вась публично объявил результат следственного эксперимента: злополучную булочку, ставшую решающим вещественным доказательством моей вины, он смог разрезать и, попробовав на зуб, увериться в её свежести.)

...В седьмом классе, во время влажной уборки класса, которую я, будучи дежурным, очень ответственно исполнял по окончании занятий, Алик Ледопардов, ученик параллельного класса, известный хулиган и бретёр, член спортивной секции групповой акробатики, сознательно задирая меня, опро-

кинул ведро с водой. Не помогло агрессору его мышечное превосходство: в яростной контратаке я «порвал его, как Тузик грелку», вынудил спастись бегством, с разбитым носом и желанием больше не искать встреч со мной.

...Этот, переходящий от класса к классу, ряд импульсивных поступков, следовавших как мгновенная реакция — словом, действием — на обиду, унижение, имел своё продолжение. То было беспокойное время переходного возраста, в котором моя, ещё сырая натура, проявляла себя вспыльчивостью, максимализмом, однозначностью суждений, упрямой убеждённой в своей правоте; лишь только начинала формироваться сила воли, выдвигавшая на первый план характера умение *«властвовать собой»*.

Горячность моя в старших классах проявилась в трёх футбольных эпизодах, в которых я, бескомпромиссно отстаивая свою точку зрения, ломился в амбицию, действовал с напором брандспойта, «крошил правду-матку, как капусту в щи».

Я с детства не любил овал,

Я с детства угол рисовал.

(Павел Коган)

Эпизод первый. Диспут с отцом о сопоставимости спорта и физкультуры

В первых числах сентября шестьдесят первого года только назначенный в нашу школу учителем физкультуры Сан Саныч Сенотов, игравший за городскую футбольную команду «Спартак», всеприсутственно объявил о создании при профсоюзном спортивном обществе дублирующего состава футболистов из школьников старших классов.

Известие это невероятно обрадовало меня и моего одноклассника Колю Шведова. Шутка ли сказать, словно по мановению волшебной палочки, мы, уже поднаторевшие в футбольных экзерцициях друзья, получили возможность стать настоящими игроками второго состава именитой команды.

В городской детской спортивной школе, где директорствовал Виктор Иванович Козюк, была своя футбольная команда, в которой все основные номера — от первого до одиннадцатого — традиционно удерживали ученики седьмой и тринадцатой школ. Чтобы попасть в это элитное подразделение, требовалось выдержать серьёзный вступительный экзамен, к которому, почти каждое утро ушедшего лета, в обстановке абсолютной секретности, мы и готовились с Николаем на институтском стадионе: я бил по воротам, он ловил мячи. Но до испытательной нервотрёпки дело не дошло — клич «Шурика» Сенотова стать под спартаковские знамёна в одночасье решил проблему.

Команда «Спартак» в это время находилась в зените славы. По итогам прошлого сезона она выиграла первенство области среди коллективов физической культуры, боролась (к сожалению, безуспешно) с черкасской командой «Колхозник» за переход в группу «Б» всесоюзного чемпионата. Первую скрипку в команде играл невысокого роста, подтянутый, мускулистый Володя Чухлиб, непревзойдённый мастер обводки, славившийся пушечным уда-

ром, умением, точно отдав пас, создать голевую ситуацию. Кумир уманских болельщиков, он был наглядным практическим пособием для меня, наблюдавшего его искромётную игру во время очередного матча.

В первых числах октября мы, свежие футбольные новобранцы, ведомые тренером Сенотовым, приступили к активным физическим упражнениям — поначалу на открытом воздухе, затем в спортивном зале спортивного общества «Спартак», хозяйстве Василия Павловича Хорсака. Набирались выносливости, «качали» мускулы, развивали скорость реакции, усваивали технику правильного и сильного удара, ведения, словно привязанного к ноге, мяча...

Из выписываемого другом Шведовым журнала «Спортивные игры», из регулярно покупаемой им газеты «Футбол» (она всегда ждала его в киоске под прилавком) мы выбирали описания технически сложных футбольных приёмов, пытались научиться им на тренировках. Николая интересовала техника вратарского прыжка Владимира Маслаченко (игрока московского «Локомотива»), игра на выходах легендарного Льва Яшина, меня же увлекали удар — в прыжке, через себя — «ножницами» в исполнении Виктора Понедельника (игрока ростовского СКА), удар «сухой лист», изобретённый знаменитым бразильцем Диди, подача, с подкруткой мяча, углового — коронный номер киевского динамовца Валерия Лобановского.

Сладко захватил, да горько слизнул Отец, с головой ушедший в свои учебные и научные проблемы, прежде интересовавшийся только отметками в дневнике и таблице старшего сына, теперь же, узнав о его систематических футбольных тренировках, решительно им воспротивился. Заподозрив меня в намерениях профессионально отдаться спорту в ущерб будущему высшему образованию и серьёзной профессии, он экспансивно прочёл мне маленькую лекцию о преимуществах физкультуры перед спортом, о необходимости дополнять умственное, духовное развитие развитием физическим, о безрассудности всепоглощающих занятий спортом ради достижения никому не нужных побед и рекордов.

Налетел топор на сук. Язык мой развязался, кровь разгорелась, глаза за сверкали. Закусив удила, увлекаемый эмоциями, а не строгой логикой, язвительно раскритиковал сентенции отца, довёл его до белого каления. Запахло жареным, и я, заявив категорично, что скорей уйду из дома, чем брошу занятия футболом, умчался на очередную тренировку. После неё, во исполнение своей угрозы поселился на чердаке сарая, находившегося во дворе дома на Агрономической улице, там, на охалке соломы, питаюсь диким мёдом и акридами, провёл две ночи, появляясь по утрам в классе подозрительно невымытым и нечёсаным.

Маме было не привыкать гасить воспитательные порывы отца, в очередной раз махнувшего рукой на неукротимого сына, сменившего гнев на милость. Футбольные тренировки продолжились, а детали очередного диспута с отцом залегли в дальних пластах моей памяти, в разделе будущих отрицательных самооценок.

Эпизод второй. Диспут с дядей Колей Евстратовым о беспристрастном судействе

После интенсивных межсезонных тренировок в спортивном зале первоначально аморфный призыв юных волонтеров к весне шестьдесят второго года превратился в четко организованный, техничный футбольный коллектив. Сан Саныч Сенотов по итогам селекционных наблюдений выделил из вновь созданной команды трёх игроков — дублёров для основного состава «Спартака»: меня, Володю Скомаровского и Валеру Шевчука.

Боевое крещение получил в начале мая, в выездном матче против команды городка Саврань (что под Одессой), в котором отыграл правым крайним нападающим весь второй тайм. Помню то особое волнение, с которым впервые облачился в настоящую футбольную форму: кожаные бутсы, гетры со щитками, атласные трусы, светло-оранжевую футболку с номером тринадцать на ней, со сдвинутой ближе к сердцу спартаковской эмблемой. Первое время огорчал назначенный мне футбольный номер, но взявший надо мной шефство Володя Деркач наивные переживания погасил, подарив мне свою старую, видевшую и взлёты, и падения главной городской команды, красного цвета футболку под номером семь.

Пошло дело, как по маслу. После нескольких месяцев активного футбола, выходя на замены во втором тайме каждой игры, в августе пережил качественно новое потрясение — забил свой первый гол. В матче на первенство города против команды машиностроительного завода, проходившем на стадионе имени Котовского, получив выверенный пас от Вани Божко, точно пробил с линии штрафной площадки в правый от вратаря угол ворот. В памяти осталась зрительная зарубка — от удара мячом сломался кольшпек, дававший натяжение сетке ворот. Восторг силы необыкновенной воспламенил душу и сердце, тело затрепетало от его переполнившего счастья, окружающий мир предстал «окутанным в цветной туман». Меня поздравляли, обнимали, хлопали по спине, плечам...

После победной игры ленивой походкой только взошедшей звезды районного масштаба, я двинулся мимо пожарной каланчи, летней танцплощадки, здания костёла в центр города, где пару часов гранил его тротуары, впитывая в себя, как мне казалось, флюиды всенародного восхищения и обожания.

В том триумфальном шествии по городу меня сопровождал мой горячий поклонник Лёня Новоминский, не спускавший с меня влюблённо-восторженного взгляда, сообщавший всем встречавшимся знакомым о моём спортивном подвиге.

Славный, на три года меня младший, парнишка, преданный болельщик киевского «Динамо», Лёня, несмотря на свой маленький рост, мечтал стать футболистом, ненасытно тренировался, подолгу зависал на турнике, пытаясь таким образом «подрасти».

После того как в развитие удачного опыта Сенотова, под руководством Савы Голынского и Юры Воротынцева, открылась футбольная секция для младшей возрастной группы, Лёня первым пришёл в неё. Я наблюдал однаж-

ды, как он, очень ответственный и серьёзный, прижав плотно к туловищу согнутые в локтях руки, резко выдвигая вперёд то левое, то правое плечо, бежал в коллективном тренировочном кроссе по городу, как умилялись жалостливые старушки: «Ой, дивись, який маленький біжить!»

Не довелось Лёнке ни подрасти, ни повзреть! В декабре шестьдесят четвёртого года его одноклассник Виктор Орловский в своей квартире в военном городке роковым образом продемонстрировал приятелю качества отцовского охотничьего ружья, оказавшегося, к несчастью, заряженным.

...Иногда, когда память моя настраивается на печальный мотив внутренней выборки, из её глубин визуальным образом всплывает умный, добрый и нежный еврейский мальчик Лёня Новоминский; всплывает — и уголки глаз моих предательски увлажняются.

В начале учебного года по предложению Николая Григорьевича Евстратова на институтском стадионе, при моём самом активном участии, сошлись в футбольном матче команды студентов и юных спартаковцев. Счёт в начале первого тайма открыли воспитанники кафедры физического воспитания, чем вызвали у своих многочисленных болельщиков (моих земляков!) уверенность в скором и сокрушительном разгроме маломерных варягов.

Однако избиения младенцев не получилось. В начале второго тайма наша команда отквитала гол и приступила к планомерной осаде ворот студенческой команды — игра пошла, что называется, «в одну посуду». Туча тучей ходил за воротами своих питомцев дядя Коля Евстратов, метался по полю, нектати посвистывая, запутавшийся в принятии требуемых решений рефери (им, из-за неявки назначенного на игру профессионала, был определён кто-то из студентов). Но техническая подготовка школяров брала верх.

В очередном игровом эпизоде мяч, теряя скорость, медленно подкатился ко мне, хорошо «лёг на ногу» и получился (метров с тридцати!) на зависть сильный и точный удар. Мяч, ударившись о край перекладины, упал за линией ворот, а затем вылетел в поле. Вскочил со скамейки, радостно вскинув руки, представитель спартаковской команды Боря Чукаль, но изнервничавшийся судья гол не признал.

В конце игры, после навесного паса с левого края, мяч полетел к Володе Лебедеву и тот, находясь в неудобном для удара положении, из-за линии штрафной площадки забил гол... коленкой. Совсем растерявшийся судья принял единственно спасительное для себя решение — вновь не засчитал гол, объявив, что наш «Вутя» в момент удара находился в офсайде (штрафная площадка в момент этого удара была плотно упакована студентами!).

Но вот огонь прорвался, запылал, —
И явно обнаружился скандал!³²

Несправедливость судьи, лишившего нашу команду заслуженной победы, словно электрический разряд возбудила меня. Впав в истерику, как угорелая кошка помчался к Николаю Григорьевичу и, размахивая руками, дурным голосом завопил об издевательском поведении его назначенца, явно подсу-

живавшего своим, о необходимости безотлагательно отправить его «на мыло» и засчитать гол... Посмотрел сентябрём на меня мой спортивный наставник, размышляя, вероятно, о птенцах желторотых, о гусях лапчатых, о яйцах, кур научающих, затем, заложив руки за спину, повернулся и побрёл неспешно к помещению кафедры.

Помирились мы уже при следующей встрече. Милый и деликатный дядя Коля обнял меня, смотревшего на него букой, улыбнулся своей неповторимой улыбкой и сказал только: «Перемелется — мука будет».

Эпизод третий. Диспут с Сан Санычем Сенотовым о справедливости

В конце марта шестьдесят третьего года на обширном пустыре у военного городка, что ближе к автовокзалу, начались объёмные земляные и строительно-монтажные работы, в которых бульдозеры перемещали громадные объёмы грунта, грейдеры выравнивали образовавшуюся площадку, солдаты-строители выкладывали её квадратиками завезённого дёрна, устанавливались скамейки, высаживались деревья. После месяца усиленного, почти круглосуточного обустройства, в городском пейзаже появилось новое сооружение — спортивный комплекс «Сокол» с прекрасным футбольным полем, волейбольной и баскетбольной площадками, гимнастическими снарядами, разумно устроенной парковой зоной...

«И перед новой столицей померкла старая Москва». Главный стадион имени Котовского, футбольное поле которого в то время было без травяного покрытия, отошёл на второй план, спортивная жизнь города переместилась на новорождённый стадион. В середине мая на нём было проведено первенство Украины среди армейских спортклубов. Команда нашего города, составленная из военнослужащих автошколы, авиачасти, игроков «Спартака», заняла почётное второе место, уступив в финале первенство одесситам.

Не могу без улыбки вспоминать свой первый официальный матч на армейском стадионе летом того же года. Не менее тысячи зрителей, пришедших поболеть за свой «Спартак» в игре на первенство области с командой из города Смела, могли видеть меня, запасного игрока, сидящего у ворот своей команды в ожидании вызова на поле и читающего — дабы не терять попусту время! — роман Джека Лондона «Маленькая хозяйка большого дома». В том читальном сезоне «освоил» всё собрание сочинений любимого автора.

В мои последние летние каникулы я меньше обычного играл в футбол из-за моего участия в областном, республиканском теннисных первенствах, длительных тренировочных сборах. Но с приходом последнего для меня школьного сентября моя футбольная деятельность в рядах «Спартака» приобрела коммерческий характер за счёт частых командных выездов для подработки.

На небольшом автобусе (иногда на грузовике, со скамейками вдоль бортов) вместе с командой отменно попутешествовал: играли в Тальном, Звенигородке, Гайсине, Гайвороне. Под проливным дождём проходила игра с

командой военных в Тульчине. Стараниями, прежде всего, вратаря Саши Герасименко (сына директора моей школы, Ивана Александровича) мы уберегли свои ворота «в сухости», мне же удалось, скользя «пятой точкой» по лужам и грязи, влететь вместе с мячом в ворота противника. Победа позволила нашей команде сорвать куш, поэтому после матча наш капитан Юра Агафонников (крепкий, кряжистый мужичище, с глубокими морщинами на, будто из камня высеченном, лице, простой и бесхитростный) сверх положенных мне пяти рублей, добавил, в качестве премиальных, трешку и, как отличника физической подготовки, потрепал по холке.

Отогревались промокшие и продрогшие спартаковцы в местной солдатской столовой, с «портюшкой» в стаканах, которую и мне, исключительно из чувства коллективизма, пришлось глотнуть. Совсем расслабленный, ближе к полуночи, вернулся домой, забравшись в квартиру через окно, которое, по заранее отработанному сценарию, оставил открытым мой брат. (В дни моих футбольных отлучек, отец, вновь начавший «бурлить», перед сном демонстративно закрывал входную дверь на ключ.) В это время мама, вместе с двухлетней дочкой Таней, находилась в Москве, куда надолго уехала к родственникам, опасаясь заболевания холерой, проявившейся в бархатный сезон в Одессе.

Летопись моей футбольной одиссеи оборвалась на излёте чудного школьного детства, весной шестьдесят четвёртого года, когда всесторонняя подготовка к вступительным экзаменам в ленинградский институт закономерно ослабила интерес к спорту. Я стал меньше уделять внимания тренировкам. Немалый ажиотаж, охвативший перед майскими праздниками моих школьных товарищей, в связи с отбором кандидатов на участие в зональном первенстве спортобщества «Спартак» среди юношеских команд, меня — как бесспорно внеконкурсного — не затронул. Однако известие о том, что основного вратаря спартаковской команды школьников, друга моего сердечного Кольку Шведова, на выездной турнир не берут, спокойным меня не оставило. Более всего возмутило меня то, что классного голкипера несправедливо заменили его дублёром, Вадимом Гурманом, отец которого по долгу службы делал гешефты в местном «Военторге».

Сан Саныч мои плетенья словесные, намёки касательно меркантильной подоплёки затеянной интриги воспринял спокойно, объявив в ответ, что моя задача — играть, выполнять тренерские задания и не совать нос в дела, меня не касающиеся. В глазах моих потемнело от обиды, в голове помутилось и я, закругляя диспут, «выдал на гора» решительный отказ ехать на соревнования без вратаря Шведова.

Большому кораблю — большая торпеда. За комплексные прегрешения в отношениях со старшим «по званию», из обоих составов футбольной команды «Спартак» меня отчислили.

Внешне я проявил полное равнодушие к «изгнанию», тем более что на носу были выпускные и вступительные экзамены, но червь сомнения ещё много лет точил мою душу гамлетовским размышлением: сопоставима ли моя обида за друга, пусть даже справедливая, с искренним вниманием, за-

ботливостью, воспитательной взыскательностью, которые почти три года проявлял в отношениях со мной футбольный тренер, очень добрый и симпатичный, Сан Саныч Сенотов?

Moralite

Спорт, как образ жизни отроков моего поколения, отвлекал его непоседливых представителей от пустого, бессмысленного времяпрепровождения, от недостойных поступков. Он был не просто физической потребностью юных организмов, а исполнял, помимо прочего, функции успокоителя гормональных перегрузок, которые ныне, в условиях торжества демократии, нередко гасятся откровенной разнузданностью юношей и юниц, не помышляющих об искренности, чистоте в человеческих отношениях, отдающих предпочтение алкогольной, наркотической праздности.

Занятия спортом в пору моего детства развивали не только тела юных индивидов. Они воспитывали у них стремление к высоким результатам, утверждали чувство самоуважения, настраивали на достижения житейских успехов честными, справедливыми путями, силой воли и знаний, белые и пушистые неженки были не в почёте.

Спортом занимались «самостійно», в школьных секциях, в детских спортивных школах, в составе взрослых спортивных коллективов. Заметно возрастал общественный вес тех ребят, чьи спортивные достижения позволяли им успешно участвовать в многочисленных и разнообразных, регулярно проводившихся городских, областных, республиканских соревнованиях.

Моя, в родной Умани наработанная, спортивность долгие годы была важной составляющей моего стиля жизни, позволяла быть в хорошей физической форме, добавляла мне позитивной неординарности в глазах окружающих, вызывала уважение со стороны друзей, добрых приятелей, коллег.

Меня давно занимает мысль о том, что «*обаяние поэзии детства*» тем сильнее, чем дальше разлука с местами, где оно прошло. Отсутствие такого стимула у тех, кто безвыездно, с малых лет и до седых волос, живёт на одном месте, несколько притупляет у них остроту проявления этого прекрасного чувства. Суть моего диагноза в том, что жизнь на расстоянии от родных мест вызывает у их былых обитателей возрастную, остро протекающую болезнь под названием «ностальгия»; что у людей, сызмальства слившихся со средой обитания, это заболевание протекает в латентной, менее чувствительной форме.

У каждого из нас на свете есть места,
Что нам за далью лет всё ближе, всё дороже,
Там дышится легко, там мира чистота
Нас делает на миг счастливей и моложе¹⁷⁵.

Мне давно стало понятно, что моё возвращение в город детства после долгого перерыва, встреча с людьми, прямо или опосредованно связанными с

моим прошлым, словно мощный катализатор возбуждают память, восстанавливают смутные, полузабытые события моей детской жизни. Так случилось и с воспоминаниями о футболе моего детства, толчок к возрождению которых дала встреча с учениками моего отца, солидными, значимыми людьми, профессорами Иваном Маркияновичем Карасюком, Виктором Прокофьевичем Сигидой, Юрием Фёдоровичем Терещенко, при хлопотливом содействии очаровательных и интеллигентных Натальи Васильевны Михайловой, Ларисы Александровны Цимбровской, Жанны Григорьевны Челюкановой, их милых коллег.

Школьная любовь

Простой народ тепло и свято
Сумел в преданьи сохранить,
Как люди в старину, когда-то,
Умели верить и любить!..

С.М.Надсон

В июне шестьдесят шестого года, в разгар моей четвёртой экзаменационной сессии, в стерильной тишине главного читального зала Публичной библиотеки, нарушаемой фоновым скрипом стульев, аккуратными покашливаниями посетителей, криками чаек над Фонтанкой, я, отложив на время конспекты лекций и учебники, читал «Повесть о жизни» Паустовского.

В те годы, в эпоху «самой читающей страны в мире», этот сборник автобиографических книг пользовался громадной популярностью. Выйдя в свет первым (и немалым!) тиражом, он тут же стал библиографической редкостью, мечтой каждого запоздавшего с покупкой библиофила. Мои попытки любым способом добыть заветный двухтомник не удались. Пришлось, прибегнув к услугам главного ленинградского книгохранилища, совместить лихорадочное заучивание законов электротехники с жадным «поглощением» литературного шедевра, выписанного талантливо простым, изысканным русским языком.

Утратив представление о времени, оборвав связь с внешним миром, жадно «глотал» страницу за страницей, пока пронзительный звонок — сигнал завершения рабочего дня библиотеки, призыв к общей эвакуации — не вернул меня к действительности, к осмысленным поступкам.

Ещё несколько часов находился под гипнотическим обаянием прочитанного, внутренне, соучаствуя и сопереживая, жил событиями давно минувших лет, когда бесцельно-прогулочным шагом бродил по Невскому проспекту, Дворцовой площади, Марсовому полю... Белая ночь, прозрачная и таинственная, очертившая строгим контуром красоту Ленинграда, дала мне особый — тёплый, сентиментальный, грустный — настрой в осмыслении отдельных сюжетов книги, в невольном сопоставлении их с моим недолгим прошлым, с ощущениями, составившимися впечатлениями моей двадцатилетней жизни.

Приятно было узнать, что детство Паустовского прошло в местах, соседствующих с моей родиной — Уманщиной; что усадьба его деда, потомка запорожских «козаков», Городище, под Белой Церковью, — примыкала к заповедным лесам графини Браницкой, её парку «Александрия», ставшего предтечей уманского парка «Софиевка».

Испытал тонкое волнение, когда выявил в описаниях раннего детства, гимназических лет автобиографа множество точек соприкосновения — в событиях, в чувствованиях — с моим, таким же дорогим, милым, неповторимым детством. Как и у любимого писателя, в нём были нежная и чуткая мама, сложные отношения с отцом, прелесть деревенской жизни, бесчисленные игры и забавы, изощрённые ученические проказы, первое интимное волнение, наивное и стыдливое влечение к понравившейся девочке...

Казалось, автор книги будто прочитал в моём сердце — сердце юноши, только недавно (и очень болезненно, с резкой переменой житейского уклада) расставшегося с детством, искреннюю, любовную оценку этой золотой поры человеческого бытия; прочитал и переписал её изумительным слогом глубокого, наделённого даром проникновения в жизнь, писателя: *«Очень жаль, что всю прелесть детства мы начинаем понимать, когда делаемся взрослыми. Светлыми и чистыми глазами смотрели мы на мир, и всё нам казалось более ярким. Ярче было солнце, сильнее пахли поля, громче был гром, обильнее дожди и выше трава. И шире было человеческое сердце, острее горе и в тысячу раз загадочнее земля, родная земля — самое великолепное, что нам дано для жизни».*

Томила, холодела душа моя, когда лакомился красивой и печальной историей любви, просиявшей в жизни автора в начале первой мировой войны, на которую он добровольно ушёл санитаром. Несколько месяцев озаряло его жизнь это чудное сияние, пока его источник, прелестная и отважная медицинская сестра Лёля Свешникова, в галицийских лесах оказывавшая помощь больным чёрной оспой, сама не заразилась ею и, приняв смертельную дозу морфия, не оборвала свои мучения.

Не только эмоциональная сила, литературное изящество этой драматической миниатюры задела меня за живое, когда, позабыв об экзаменах, бродил в раздумьях по сумеречному Ленинграду. Почудилось тогда мне, что повторение описанных в ней коллизий (с определёнными различиями в деталях, житейских и психологических нюансах) я наблюдал всего несколько лет назад, в своём родном, милом и провинциальном, городке Умань.

В этой второй истории, как и в оригинале, были и высокая любовь, и высокая трагедия, было счастье великое, было и горе горькое. Много воды утекло с той поры, не известна мне судьба большинства моих сверстников-земляков, те из них, с кем (уже в возрасте седин!) удалось пообщаться, не могут припомнить того неординарного события, так взволновавшего город. Но оно было, детали его цепкой занозой держатся в моей памяти, временами смутно волнуют и тревожат меня, просятся (обещая взамен душевное успокоение) на бумагу.

Как белый камень в глубине колодца,
Лежит во мне одно воспоминанье.
Я не могу и не хочу бороться:
Оно — веселье, и оно — страданье¹⁷⁶.

Первого сентября шестьдесят второго года, после традиционной торжественной линейки, я, ученик предпоследнего десятого класса средней школы номер четыре, стоял на лестничной площадке третьего этажа школьного здания и вместе с друзьями-одноклассниками Коляном Шведовым и Жекой Юмашевым восторженно «стенал». Термином этим наша компания определяла резкие, по-тирольски гортанно-переливчатые звуки, коими мы (подобно Эллочке-людоедке), только меняя тембр звучания, выражали океан чувств — от глубокой скорби до громокипящего веселья.

Инициатором большинства наших макаронических выходов был симпатичный и очень начитанный Юмашев. С подачи его, уже осилившего собрание сочинений Мопассана, мы, завидев пару подружек, в обнимку прогуливавшихся по школьному двору, возмущённо ревели словами героя французского классика: «Это же лесбос!»

Любимец девчонок, он мог, забавы ради, подойти к одной из них и, скороговоркой прошептал ей на ухо из Шандора Петефи, затуманить бедняжке голову: «Будь ты весёлая, будь ты унылая, — и смех твой я люблю, и слёзы, милая!» Однажды очередная жертва такой эпатажной выходки, через подругу, переслала Женьке записку с просьбой дать ей свидание. В коллективно изготовленном ответе мы назначили место и время встречи, указали парольные приметы обольстителя: «... верхняя пуговица моей фланелевой рубашки будет растёгнута, в глазах моих будет чёрная меланхолия, в правой руке — учебник Пёрышкина и Крауклиса».

В тот первый день учебного года своим «стенанием», поощряющим и разноголосым, наше трио ставило оценки достоинствам старшекласниц, заметно «прибавивших» за время летних каникул.

В какой-то момент выступления мы вдруг онемели и, с отвалившимися челюстями, застыли неподвижно, соляным столпам подобные. По спиралью выстроенной лестнице, огибая текущий вверх поток учеников, перепрыгивая через ступеньку, широко размахивая портфелем, кометой пролетела красивая, гибкая и стройная девушка и, охватив нас волнующим ароматом цветущей юности, скрылась за дверью класса, с номером «одиннадцать» на ней.

— Да-а-а! — первым выплеснул из себя восторг Жека.

— Однако! — добавил я с не меньшим восхищением.

Колян, чью разговорчивость в оценках возбуждала только свежая сводка с футбольных полей страны, растерянно безмолвствовал.

В своё последнее школьное лето Таня Рыженкова из миловидной, симпатичной, но угловатой девчонки вдруг превратилась в замечательную красавицу, со стройной фигурой, с хорошо развитым и гармонично сложенным телом, упругим, как пружина. Пышная копна роскошных льняных волос украшала её гордой посадки голову, правильные черты лица, с удивительно гладкой,

чуть смуглой кожей, изящно очерченным ртом, нежным овалом подбородка, прямым носом притягивали, ласкали взгляд. Немного раскосые, большие, глубокие глаза (дно которых, перефразируя Чехова, было словно выстлано «бархатом трав лесных»), были оторочены густыми ресницами, бровями вразлёт. Они лучились радостью бытия.

Ты не найдёшь в ней совершенных линий,
Особенного света на челе.
Не знаю я, как шествуют богини,
Но милая ступает по земле.⁸³

Была Таня не только пленительно хороша, но и отличалась добрым нравом, умной сдержанностью, за которой укрывалось самоуважение, а если и доводилось ей горячо отстаивать свою точку зрения, то в юной порывистости её не было суетливости. Её отец, отставной военный лётчик, ревностно следил за успеваемостью дочерей (вторая дочь, Людмила, была на три года младше старшей), часто навещался в школу, где в дидактических наставлениях завуча Вася Вася, тонкого специалиста по девичьим проблемам, получал достоверные сведения о подстерегающих его девочек искушениях.

Вообще говоря, дети действующих и отставных авиаторов, в начале пятидесятых годов эскадрилей перелетевших из Чугуева в Умань и осевших в нашем городе (в так называемых Белых Домах, вблизи аэродрома), выделялись среди сверстников. Все они, за немногим исключением, хорошо учились, в них чувствовалось позитивное влияние семейной среды: ребята были деятельны, мозговиты, девчонки отличались броской внешностью, житейским умом.

Думается мне, сыну генетика и любителю истории, что энергичные, отважные летуны, многие из которых прошли войну, подбирали себе «вторым пилотом в семейный экипаж» совсем не дурнушек и не глупышек, чем, подобно энергичным варягам (или таинственным русам!?), на примере нашего городка дали качественно новую дрожжевую добавку коренному этносу.

Спустя день-два, после эффектного выхода Татьяны в школьный свет, как подметили его наиболее наблюдательные представители, в неё без памяти влюбился одноклассник Слава Высочин, красивый спортивный парень с задумчивыми глазами, обстоятельный и рассудительный (к тому же, мастер игры на аккордеоне). Она не просто ослепила, изумила, очаровала его, но и ответила взаимностью, пылкой и искренней.

Всё свободное время вновь образовавшаяся пара влюблённых была вместе. Он провожал её из школы домой, по утрам встречал на полпути к школе. На больших переменах, в погожие дни, они, взявшись за руки, уходили гулять по примыкающей к школе Мало-Фонтанной улице (на ней, ближе к парку, жил Высочин). На малых переменах, в вестибюле между классами, опершись на подоконник узкого оконца, не замечая окружающих, они увлечённо беседовали. Сияла глазами, поправляя выпадавшие из причёски локоны, Таня, восторженным взглядом окутывал её Слава.

Школьное общественное мнение, обычно «запускавшее» в пересуды, в двусмысленные намёки, в ехидные комментарии открывавшиеся любовные отношения собратьев «по классу», на этот раз прикусило языки. В отношениях красивой пары было столько естественной гордости, даже величавости, что отзываться неуважительно о них было откровенно пакостно даже для самых говорливых, бездумных «оценщиков».

Молодые люди, с первого взгляда полюбившие друг друга, столь же стремительно внутренне повзрослели. В их жизни произошёл глубокий душевный переворот — они стали жить друг для друга в своём особом, закрытом для третьих лиц, мире, для которого внешняя среда стала не более чем параллельной реальностью. Любую попытку проникнуть в их двуединую жизнь, если бы на неё кто-либо решился необдуманно высказыванием, неосторожным действием ожидали полное безразличие, холодная презрительность независимой пары.

Единственным человеком, покусившимся на этот союз сердец, был отец Татьяны, посчитавший несерьёзным романтическое увлечение дочери, усмотревший в нём угрозу её будущему скорому отъезду в большой город, поступлению в институт... В связи с открывшимися обстоятельствами, он — когда лаской, когда приказом — попытался переломить любимую дочь, но та пошла против его воли, утвердив за собой право своим сердцем и умом устраивать личную жизнь. Славику же доступ в дом Рыженковых был закрыт до поры до времени.

Он не мог быть без той,
осознанной вдруг,
Такой интимной, связующей тканью
Между мирами: тем, что внутри
и вокруг¹⁷⁷.

Мне почти два года довелось быть невольным свидетелем этого дивного школьного романа. Он протекал перед моими глазами короткими, яркими и информативными эпизодами документального фильма, позволявшими ощутить и представить всю силу и глубину чувств действующих лиц, каждый раз всё больше поражаясь ими и восхищаясь.

Осенью первоначальной и осенью поздней, в пору чарующего напоминания об ушедшем лете и в пору печального увядания природы, когда её настроение попадает в тон настроению влюблённых, не раз встречал замечательный дуэт в старинной «Софиевке». Она и он бродили, не спеша, по парковым аллеям, у водопадов и каскадов, наслаждаясь один другим, немножко грустили, любуясь разноцветным листопадом на тускнеющую траву и холодеющие пруды.

Все зимние каникулы пара влюблённых составляла мне компанию на катке, по обыкновению устроенном на Верхнем парковом пруду. Вместе мы чистили ледовую площадку от падавшего снега широкими жестяными лопатами, вместе катались на коньках «передом, с выкрутасами» и «задом», пытались освоить какие-то элементы фигурного катания от Белоусовой и Про-

топопова. Разогнавшись, Татьяна падала понарошку на окружавший каток снежный вал, за ней улетал, споткнувшись, Слава. Она, *«зубами дразня, хохотала»*, возбуждённая, счастливая, он обнимал её, аккуратно стряхивал снег с волос, ресниц, нежно целовал в раскрасневшиеся щёки, разогревал своим дыханием любимые ладошки. В ту зиму мы (увы, ненадолго!) подружились.

В двадцатых числах июня шестьдесят третьего года в школах города состоялся первый выпуск учащихся одиннадцатых классов с традиционной торжественной церемонией вручения аттестатов зрелости и свидетельств о получении рабочей профессии, с праздничным банкетом, с ночным гулянием по парку «Софиевке» и по центру города.

Собравшиеся поздним вечером у нашей школы воспитатели-педагоги, выпускники, их родители откровенно ахнули от восторга, когда в школьный двор, в прекрасно сшитом чёрном костюме, в накрахмаленной белой рубашке, вошёл высокий и элегантный Слава Высочин, ведя под рук, как жених невесту, изумительно красивую Таню Рыженкову, в пышном белом платье, сшитом специально к событию.

Ты надела праздничное платьице,
В нём ты стала взрослою вполне.
Лишь вчера была ты одноклассницей,
А сегодня кем ты станешь мне?¹⁷⁸

Они получили свои аттестаты, в которых преобладали «пятёрки», красиво станцевали прощальный школьный вальс и навсегда расстались с детством, с любимой школой. Впереди они видели длинный-длинный жизненный путь, который им предстояло пройти неразделимой парой, в счастье и любви (как герои Грина — *«они жили долго и умерли в один день»*). Первым совместным шагом на этом пути они спланировали выезд в Москву, для поступления в институт. Отец Тани, оценив такую целеустремлённость, приветил будущего зятя — просил только не спешить с женитьбой; Танина же мама и раньше не скрывала своей симпатии к Славе.

...В начале июля, во время подготовки к вступительным экзаменам, Тане неожиданно стало плохо. Участковый врач, озабоченный и хмурый, внимательно осмотрел её и выписал направление на рентген. Рентгенограмма показала у Тани рак лёгких, в начальной стадии. Окаменевшим от ужаса родителям, Славе специалисты сказали, что хирургическое вмешательство ускорит рост опухоли — шанс на выздоровление даёт только медикаментозное лечение, сила воли, спокойствие больной, забота и уход близких людей (для Тани и для посторонних придумали простое заболевание, излечиваемое строгим соблюдением предписаний врача).

На следующий после жуткого известия день Слава Высочин пришёл к родителям своей суженой и, чтя традицию, по всем правилам этикета, попросил руки их дочери. Молодые, получив родительское благословение, подали заявление в загс. Брак оформили в ускоренном порядке, Слава перебрался к жене.

Самым поразительным в этом редком любовном симбиозе была особая взаимосвязь, некая нервная эманация между юными супругами, позволяв-

шая им мгновенно воспринимать заботы, печали, остро чувствовать боль (телесную, душевную) друг друга, реагировать на всё взаимопомощью и поддержкой.

На первых порах, пока врачебная тайна оставалась таковой, пока у Тани был достаточный запас сил и здоровья, молодожёны, как и прежде, часто и подолгу бывали на людях. Более, чем прежде, юный муж был чуток, внимателен, предупредителен к красавице-жене. Спокойствием, обыденной естественностью своего поведения, твёрдой уверенностью в неизбежном выздоровлении любимой он поднимал ей настроение, заряжал её бодростью, оптимизмом, уверенностью, что у них всё ещё впереди. В страшный диагноз он не поверил.

Он возлюбленную нежил
И ласкал улыбкой солнца,
Нежил вкрадчивою речью,
Тихим вздохом, тихой песнью¹²⁵.

Но когда возбудились глухие слухи о тяжёлом недуге старшей дочери Рыженковых и стали распространяться среди суетливо-любопытных горожан, Славик решительно изменил образ жизни семьи. Татьяна перестала выходить на улицу, он, бывая вне дома, стал избегать каких-либо контактов с друзьями, знакомыми.

Осознав всю серьёзность заболевания жены, он делал всё возможное, чтобы она не узнала истинного положения вещей, чтобы не иссякла в ней жажда жизни. Сердце его кровоточило, душа рвалась из тела, но в его выражении лица, в поведении по-прежнему сквозили вера, надежда, любовь.

— Как больно, милая, как странно,
Сроднясь в земле, сплетясь ветвями, —
Как больно милая, как странно
Раздваиваться под пилой.
Не зарастёт на сердце рана —
Прольётся чистыми слезами,
Не зарастёт на сердце рана —
Прольётся пламенной смолой¹⁷⁹.

В последний раз я встретил Славу в начале лета шестьдесят четвёртого года, в пору моих выпускных экзаменов. Он стоял у рынка, на автобусной остановке с набитой продуктами авоськой и, думая о чём-то своём, смотрел сквозь меня в пространство. Подошёл автобус, забрал пассажиров, Слава, ещё не выбравшийся из лабиринта печальных размышлений, не двинулся с места. Стоя в салоне набиравшего скорость автобуса, я пристально всматривался через окно в удаляющуюся от меня (навсегда!) фигуру приятеля, и боль сопереживания щемила моё сердце.

...Ровно через два года мне, уже устоявшемуся студенту, привелось встретиться со своей учительницей физики, Марией Павловной Пустовит. Полу-

чив из третьих рук мой адрес, она спешно приехала в Ленинград, где на месте оценила значимость электротехнического института, в котором я учился, прикинула для себя возможность поступления в него сына Игоря, закончившего через месяц школу.

За время совместной прогулки вокруг Ботанического Сада, по набережной Большой Невки Мария Павловна рассказала мне финальную часть трагедии юной семьи Высочинных, детали которой выплакала ей мама её ученицы.

Таня, сумевшая скоро понять характер своего заболевания, до последнего, до невыносимых болей, держала себя в руках, всем видом своим показывала обожаемому мужу, что верит в его уверенность в скором своём излечении. Она лукавила, когда просила, умоляла Славика учесть её скорую поправку, использовать данную ему отсрочку от армейской службы и, вернувшись к учебникам, попытаться самому (пока без неё!) поступить в институт.

*«Но убывает воск, съедаемый огнём. — Но убывает воск!»*¹⁸⁰. Когда боли стали нестерпимыми и стал вопрос о подавлении их уколами морфия, не только телесные, но и душевные силы оставили больную. Тогда она сказала Славе, что давно догадалась о страшной болезни, попросила у него прощения за пережитые им страдания, за то, что сломала ему жизнь. И ещё она попросила о милосердии — избавить её от непереносимых мук, помочь уйти из жизни.

— Нет! Нет! Нет! — криком отвечал ей обезумевший от горя Слава. Он кричал и метался по квартире, с округлившимися глазами, с побелевшим лицом, распахивая ногами двери, опрокидывая стулья. — Не говори этого!.. Я люблю тебя, и ты будешь жить!

Нервы его сдали. Не замечая родителей Тани, её сестры, он рвал на себе рубашку, кусал ладони, рычал, стонал, плакал так, как плачут никогда прежде не плакавшие мужчины — отрывисто и громко.

С любимыми не расставайтесь!
Всей кровью прорастайте в них,
И каждый раз навек прощайтесь!
Когда уходите на миг¹⁷⁹.

...Она умерла в полдень, когда в квартире никого не было, когда Слава только на пару минут выбежал в магазин за покупками. Она умерла в неполных двадцать лет в начале мая шестьдесят пятого года, когда уже шли тёплые дожди, лопались бутоны на уманских каштанах, зацвели городские сады, диковинные деревья и кустарники в её любимом парке «Софиевка».

Отец

Кажется, в памяти первую метку об отце оставило катание на его импровизированных качелях, когда он, закинув ногу за ногу, раскачивал меня вверх-вниз на своём большом, как седло, башмаке. Ещё одна ранняя зарубка: поездка с ним на персональной бричке с личным кучером в холодное весеннее поле — изумрудная зелень озимых, тёмно-серые клубящиеся облака, крики грачей.

Отец относился к той неугомонной прослойке выходцев из крестьянских низов, которые своей природной одарённостью, внутренней энергией, используя им благоприятствовавшие возможности государственного устройства, достигали достойного общественного положения.

Выходец из брянского захолустья, он в тридцатых годах получил высшее сельскохозяйственное образование в академии имени Тимирязева («тимирязевке»), увлёкся впоследствии выведением новых сортов зерновых культур, прежде всего, ржи. Прошёл всю войну танкистом, был серьёзно ранен и контужен, имел много боевых наград. Демобилизовавшись, он вместе с моей мамой перебрался на Уманщину, где два десятка лет совмещал научную работу с преподаванием в институте.

В преподавательской среде держался особняком, был своего рода «белой вороной»; но студенты его любили — за глубокие знания, за безграничную преданность науке, за уважительность и демократизм в отношениях, за честность и принципиальность, граничившую, порой, с излишней прямолинейностью в оценках и характеристиках.

Своё отношение к почитаемому преподавателю будущие агрономы и механизаторы проявили в очень неожиданной форме весной шестьдесят второго года, во время проведения общеинститутского собрания по выдвижению кандидата в депутаты Верховного Совета СССР очередного созыва. Процедура эта в строго систематизированной системе державной жизни исполнялась по стандартному сценарию — предложенную высшей инстанцией кандидатуру очень «парадно» обсуждали и единогласно утверждали в трудовых и учебных коллективах.

В тот зимний день уважаемому собранию для единодушного одобрения была предложена кандидатура председателя комитета по Международным Ленинским премиям, академика Дмитрия Владимировича Скобельцына. Предрешённый итог голосования сломал отважный юноша (безвестный герой!), заявивший с высокой трибуны, что с маститым физиком он не знаком, а к доценту Головцову студенты сельскохозяйственного института испытывают большое уважение и считают его достойным представлять интересы избирателей в высшем органе управления страной.

Последовавшая паника в рядах профессорско-преподавательского состава и представителей властей не помешала голосованию за нового выдвиженца, но сделала его не единогласным.

Несколько дней, после этого чрезвычайного происшествия, помещения института походили на возбуждённый муравейник — шумели группы студентов, отстаивавших право на собственный выбор; устно и письменно изъявляли идеологическую выдержанность преподаватели и аспиранты; суетливо перемещались курьеры из партийных, советских и других органов.

Прежде невиданное событие встряхнуло, в городском масштабе, основы партийного руководства народным образованием, привело к неприятным последствиям для функционеров среднего звена.

Отец весь период смуты нежился в лучах заслуженного народного признания, выявляя покорность обязательным принципам демократического централизма, пока с ним — обстоятельно и по-товарищески! — не поговорил секретарь институтского парткома.

По завершении беседы временный кандидат в депутаты по собственному желанию написал заявление в избирательную комиссию с просьбой уволить его от выборных проблем. По-иному и быть не могло; отец должен был благодарить судьбу за то, что эпизод с выборами остался для него без последствий, а также за то, что она дала ему редкую возможность получить истинную оценку своим профессиональным и человеческим качествам от благодарных учеников.

А меня, прямого наследника разнополярных родительских качеств, с отроческих лет демонстрировавшего в отношениях с ним задиристость и дух противоречия, это событие семейной истории стало ещё одним аргументом для пересмотра (увы, только на склоне лет!) былых горячечных оценок и категорических выводов, в пользу мудрого установления — «Не судите, да не судимы будете!».

Отцовские воспоминания

Не раз бывало в моём сельском детстве — наступает мягкий, тихий вечер, под стать ему в нашем большом доме царит общее доброе настроение, в комнатах парят, неслышные и невидные, нега и покой. Особо тонко и остро такая благость семейного очага чувствовалась зимой, когда жарко натопленная русская печь, морозные узоры на оконных стёклах, снежные сугробы на дворе усиливали и оттеняли домашний уют, тянули к домоседству...

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнёт к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...³⁷

В такие вечера мы с братом, не упираясь и не капризничая, во исполнение последнего пункта распорядка дня, главой семейства составленного, вовремя укладывались спать. Тому была своя причина. С некоторых пор в нашей семье утвердился милый обычай, согласно которому отец, под хорошее расположение духа, убаюкивал своих малолетних сыновей короткими рассказами из собственного прошлого. Начав единожды с первых земных ощущений, он, сюжет за сюжетом, выстроил устную сагу своей жизни, доведя её до последних дней Отечественной войны.

...Детство отца было нищим, голым и босым. С горьким юмором рассказывал он, что на всех пятерых детей в семье приходилась одна пара латан-

ных-перелатанных валенок; чтобы завладеть ими для зимнего гуляния требовалось хитроумие и умение действовать на опережение. Как старший брат он уступал невидную зимнюю обувь младшим братьям и сёстрам, а в школу, в лютый мороз, за несколько километров от дома, бегал в лаптях, в драном кожаном и без шапки. Получив четыре класса начального образования, закинул котомку за плечи и отправился на хлебородную Кубань, где несколько лет батрачил у кулаков. Оттуда перебрался в Москву, закончил Рабфак, после которого умом и настойчивостью добился высшего образования в «Тимирязевке»; до начала войны работал на Ивановской селекционной станции, что на Сумщине.

В студенческом разделе отцовской биографии есть сильный эпизод, относящийся к началу тридцатых годов. Приехав на каникулы в родную деревню Осколково, он обнаружил своих родных и односельчан опухшими от голода, умирающими. Прямой и независимый по характеру («...гордился даром всегда держаться перпендикуляром»), отец написал письмо Сталину, описал увиденное. Через некоторое время давление на сельский люд заметно ослабло, семья Головцовых выжила (вождь в этот исторический отрезок времени готовил статью «Головокружение от успехов»).

Пересказ событий войны, в которых отец непосредственно участвовал, был лучшей частью его мемуарных общений с нами, маломерными слушателями, внимавшими ему с затаённым дыханием, близко к сердцу воспринимавшими все перипетии отцовской боевой одиссеи, по-детски трогательно и наивно сопереживавшими ему.

Как и другие выпускники сельскохозяйственных вузов, он начал воевать командиром танка, победу встретил контуженным, тяжело раненым (осколок вошёл в тело под правым соском и вышел на свободу под лопаткой, оставив под ней лучащуюся морщинками рану, под десять сантиметров в диаметре), по-прежнему в комбинезоне танкиста, на границе Польши и Германии.

Боевое крещение отец получил летом сорок первого года, в боях за Воронеж, в которых наши войска потерпели поражение. Попытка танкового штурма утерянного города сорвалась: наши боевые машины были сожжены фашистами на узких улицах, да и были они тогда ещё совсем никудышными (чтобы показать толщину их брони отец образно использовал мельхиоровую вилку).

Рассказывая этот фронтовой эпизод, отец обошёл молчанием его трагический финал. Лишь по завершении института я узнал от него страшные подробности воронежских событий — как он сумел выбраться из полыхавшего танка; как прятался под полом задымлённой веранды пригородного дома, как дед с окладистой бородой выдал его немцам; как он больше месяца просидел в концлагере (глиняном карьере), пока наши войска не освободили его вместе с другими военнопленными. Вижу перст судьбы не только в том, что отец не оказался среди тех товарищей по несчастью, которых — каждого десятого — фашисты ежедневно расстреливали, но и в том, что после освобождения из плена его не затронули тяжёлые последствия за сам факт пленения.

Мне не известно, что говорит статистика — в процентах, в абсолютных числах, но без эмоций — о тех, кто прошёл Отечественную войну от начала до

конца. Думается, их было не так уж много. Но я совершенно уверен, что ничтожно мало было героев (именно — героев!), отвоёвавших всю войну в танковых войсках и оставшихся в живых. И в числе таких воинов был мой отец.

На поле танки грохотали,
Солдаты шли в последний бой,
А молодого командира
Несли с пробитой головой.

Тогда, в Верхнячке, в далёком-предалёком пятьдесят шестом году, он рассказывал нам с братом о танковых боях, в которых в смерче огня плавился металл и сгорали заживо люди, о взлетающих на десятки метров верх танковых башнях, после того как в их корпусах, от детонации, взрывались боезапасы. В его боевом прошлом было участие в сражениях, в которых танки по самые башни зарывались в землю и орудийным огнём отбивали атаки врага, когда, исполняя приказ «Ни шагу назад!», танкисты вместе с пехотинцами стояли насмерть под шквалистым огнём противника.

Под танк ударила болванка,
Прощай, гвардейский экипаж!
Четыре трупа возле танка
Дополнят утренний пейзаж.

Отец не раз говорил нам, что чувство страха — это естественная реакция нормального человеческого организма на угрозу его существованию, что на войне не бывает «бесстрашных» людей — бывают отважные солдаты, которые, не поддавшись внутренней и общей панике, преодолев страх, бьются с врагом до последнего вздоха. Он рассказывал о невероятной жажде жизни на войне, о вере каждого солдата в то, что смерть обойдёт его. Всё это он испытал и пережил под свистящие пули, разрывы снарядов, когда рядом, один за другим, погибали боевые друзья-товарищи, а он оставался живым.

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв — и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо¹⁸¹.

Я благодарен своей впечатлительной и цепкой детской памятью, позволившей мне до возраста седин помнить мельчайшие детали отцовских воспоминаний о войне. Их я ныне использую для историко-нравственного воспитания своей внучки, лишённой такой возможности в киевской общеобразовательной школе, где, в соответствии с требованиями текущего политического момента, подают историю священной войны (не именуя уже её Отечественной) мельком и перелицованной, с вписанными в неё новыми «героями» — фюреру присягнувшими борцами за абсолютную независимость.

Пример боевого пути отца даёт мне возможность привить его правнучке благодарную память о тех, кто в минуты жизни роковые оказался на одной линии огня с лютейшим врагом — «цивилизованными» германскими варвара-

ми, кто жизнь свою положил за Победу, дав потомкам возможность земного бытия, бытия не рабского — свободного.

Для отца была священной память о друзьях-однополчанах, павших в боях, своей смертью его смерть поправ. Всех их он помнил поимённо, о многих из них, с бытовыми и психологическими деталями, рассказывал нам. Он не забыл, где и при каких обстоятельствах погиб каждый из них, где похоронен, помнил о без вести пропавших. Не раз, с душевной болью, вспоминал своего брата, Александра, партизанившего в брянских лесах, сожжённого заживо фашистами в запертой избе.

В каждый День Победы отец надевал боевые награды, ставил на радиолу пластинку с песнями о войне и уходил, душой и сердцем, в своё фронтное прошлое. Таким и ухватила его моя память в праздничный майский день шестьдесят четвёртого года: сильный, волевой, отнюдь не сентиментальный человек, он слушает свою любимую песню, в которой звучат имена его погибших друзей, слушает — и плачет.

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Моховой¹⁸⁴.

Страшная месть

Приступив к общественно-полезной деятельности в седьмом классе в качестве чтеца-политинформатора, уже через два года перешёл к издательской деятельности — организовал выпуск специализированной стенной газеты под названием «Хотите верить, хотите проверьте», дублировавшей одноимённый раздел журнала «Наука и жизнь». В ежемесячных выпусках настенного издания, используя отцовскую печатную машинку, распечатывал редкие факты, полезную информацию, схемы реализации технических новинок.

Одной из них, увлёкших меня и друга Кольку Шведова, была технология изготовления в домашних условиях малых ракет класса «земля — воздух — земля». Заготовка из ватмана, предварительно намазанная силикатным клеем, проворачивалась на двух, охотничьего калибра гильзах, превращаясь в вытянутый цилиндр — корпус будущего изделия.

К нему пристраивались вырезанные из консервных банок стабилизаторы, в головную часть вставлялся выточенный из деревянной чурки обтекатель; одна из гильз, набитая самодельным чёрным порохом (древесный уголь, сера), превращалась в маршевый двигатель, обеспечивавший не менее пятидесяти метров полёта. Вместе с другом изготовили добрый десяток летательных аппаратов, произвели множество пусков: со спасательным парашютом и без него, в светлое и тёмное время суток, зимой и летом. Старты в небо долгое время носили мирный, тренировочный характер, пока житейские обстоятельства не вынудили использовать могучий потенциал грозного оружия.

Повод к этому появился после того как семьи педагогической элиты, прежде ютившиеся в плохеньких квартирках институтского городка, переселились в выстроенный в начале шестидесятых годов трёхэтажный многоквартирный дом, обеспеченный редкими по тем временам коммунальными удобствами.

Свежие колонисты обустроили двор, установив в нём республиканского типа систему управления; захватили под грядки территорию у парка, постоянно прирезая к ним новые и новые наделы; расширили неаккуратными пристройками сараи; смельчаки, решившиеся на экзотическую покупку автомобиля, спешно раскроили землю под гаражи.

Старый двор, забытый сон,
Ласточек полёт.
Во дворе магнитофон
Про любовь поёт⁷⁹.

Магнитофоны тогда были в диковинку, для музыкальных развлечений использовались радиолы с набором долгоиграющих (в тридцать три оборота) пластинок с популярными записями — песня «Марина», мелодия «Маленький цветок», ноктюрн «Гарлем», аранжировки старых песен в исполнении японского квартета «Дак-дакс». Все они были в составе музыкальной кол-

лекции ни в чём не знавшего родительского отказа Павла Демченко — но только до того рокового дня, в который он, на пару с моим братом, загулялись допоздна со своими подружками-пионерками. В наказание, ввавший в гнев отец уничтожил содержательную фонотеку сына — переломил через край стола небьющиеся диски.

Над квартирой уважаемого химика располагались апартаменты доцента-механизатора Карпа Ивановича Хвыли и его пышнотелой, эксцентричной супруги, всю себя отдававшей любимому и вечно перекормленному отроку-внуку. Однажды она чуть не прибила меня наполненным водой графином, который, опершись грудью на подоконник, случайно сбросила к моим ногам с высоты третьего этажа.

Месь — блюдо, которое следует подавать холодным, но мы с Николаем решили его подогреть. Поздним летним вечером, когда опустел двор, в прилькнувшей к нему посадке шелковицы разместили пусковую установку — воткнутый в землю металлический прут, направленный в сторону квартиры мадам Хвыли, подготовили к бою оружие возмездия.

После удачного — лишь с третьей попытки — пуска, ракета, оставляя за собой огненный след, влетела в раскрытое окно, поразила цель. Услышав истерическое рыдание поверженной обидчицы, исполнили с напарником стремительный танец победы, издали гортанный крик североамериканских индейцев (в нашей терминологии — «зов предков») и дали дёру.

Установленный — по форме мести — рекорд продержался до шестьдесят шестого года, когда его побил сосед по дому Сергей Галушко. Смертельно уязвлённый несправедливой оценкой, выставленной ему на выпускном экзамене недалёковидной экзаменационной комиссией школы номер тринадцать, он на прощание хлопнул дверью — закинул в учительскую, через форточку, дымовую шашку.

За этот «подвиг» Сергей «схлопотал» в аттестат тройку по поведению, что не помешало ему поступить в Киевскую сельхозакадемию и впоследствии защитить кандидатскую диссертацию.

Из школьных умников нередко выходят тихони, а из перебесившихся баловников умные дельные люди.

(В.И.Даль)

Страх и трусость

Проявившиеся к семнадцати годам самоуверенность в повадках и страсть к скандалам, подкреплённые преждевременной спортивной славой, сделали из меня скорым на расправу школьным борцом за справедливость. Активной правозащитной деятельностью занимался недолго; её темп понизило происшествие, успокоившее мой буйный нрав, давшее характеру начала созерцательности и спокойных умозаключений.

Однажды взволнованная пара друзей — Павел Демченко и мой брат — разыскали меня на большой перемене и сообщили о нанесённом им оскорблении (кажется, с рукоприкладством) учеником старшего класса. Спешно разыскал обидчика — прыщавого, с редкими и выцветшими волосиками, водянистыми глазками — и уверенным «хуком с правой» уложил его, плюгавого, между партами.

На следующий день, в школьной столовой прямым ударом в нос меня встретил приятель наказанного оболдуя, подростковый представитель городской шпаны по кличке Янчик. Выбравшись из-под стола, где оказался после ответного «джеба», «конкретный пацан» попытался устроить выяснение отношений до последней капли крови, да дежурившие в присутственном месте студенты-практиканты скандал погасили.

Второе свидание состоялось на следующий день, за школой, где Янчик перехватил меня и, приставив к животу «финку», потребовал убедительных оправданий и покорности. И хотя страх, липкий и противный, вполз в мою душу и подсадил голосовые связки, угрозам не поддался; перестроил — фраза за фразой — диалог на доброжелательный лад, доведя его до взаимных похвал и примирения; расстались чуть не друзьями.

Вскоре несостоявшийся рецидивист на украденном мотороллере погиб под колёсами автобуса городского маршрута, оставив мне «на память о себе» долгое самокопание и размышление о том, естественный ли страх или позорная трусость определили моё поведение в критической для жизни ситуации.

Прощай, школа

Из всех моих друзей Вовка Павлов выделялся ускоренным физиологическим развитием, которое, к семнадцати годам, превратило его в зрелого юношу крепкой стати, озабоченного, прежде всего, сбросом избытка сексуальной энергии.

Юность кончена. Приходит
Дерзкой зрелости пора,
И рука смелее бродит
Вдоль прелестного бедра⁸⁰.

Тогда как мы — его наивные, застрявшие в целомудрии друзья — истощали силы в школьных занятиях, в спортивных тренировках и соревнованиях, Вовчик занимался обольщением известной в городе Галины М., старшеклассницы из школы номер семь, славившейся эффектной внешностью («под Бриджит Бардо») и уступчивостью. Последнее качество обеспечило успех активному наступлению и через месяц, после начала кампании, начинающий селадон торжественно объявил нам о полной виктории — ночью, когда родители и младший брат крепко спали, он провёл подружку в свою комнату, где она дала ему первый урок чувственной любви.

До завершения школьного курса удачливый первопроходец, в ущерб будущему, вёл активную интимную жизнь; в ней поистощился, ослаб, что засвидетельствовали ранние залысины и скепсис в суждениях.

Но в блаженстве наслажденья
Прелесть чувства умерла.
Где вы, сладкие томленья,
Робость юного осла?⁸⁰

Последний учебный год летел стремительно, скорый финиш учёбы в школе принуждал меня к интенсивным дополнительным упражнениям по математике, физике и химии — очень усердно готовился к поступлению в Ленинградский электротехнический институт, по примеру друга детства Валерки Ольховского, уже учившегося в престижном вузе.

В конце апреля шестьдесят четвёртого года наша шумная компания друзей отправились с прощальным визитом в «Софиевку». Позировали перед фотоаппаратом на свободных от скульптур (до открытия сезона) постаментах; как в раннем детстве, бегали по Елисейским полям, прыгали по валунам Критского лабиринта. Запомнилась группа молодых москвичей, ярких и красивых, прогуливавшихся по парковым аллеям, исполнявших чудную песню из репертуара Утёсова:

«Я не поэт, и не брюнет,
И не герой, — заявляю заранее, —
Но буду ждать, и тосковать,
Если ты не придёшь на свидание».

В конце мая в составе учебного полка в Умань прилетел на лётную практику Юра Михайлик, год назад (после окончания школы номер четыре) поступивший в Черниговское авиационное училище. Отцы командиры юных авиаторов в увольнениях ограничивали, вынуждая нашего земляка уходить в «самоволки». Выделенная мной одежда превращала его в худенького, застенчивого юношу, минимально зависимым от патрулей во время походов на танцы, посещения поздних сеансов в летнем кинотеатре военного городка.

В июне — благостном в ощущениях жизни месяце — курсант Михайлик, выполняя первый самостоятельный полёт, погиб. После того как над Уманью у самолёта отказал двигатель, Юра не катапультировался, сумел отвести требующую высоту машину от города, пытаясь посадить её в поле у села Родниковка, но от удара о землю самолёт взорвался.

«А город подумал, а город подумал, а город подумал: «Ученья идут», — это слова из песни, посвящённой молодым лётчикам, повторившим в 1965 году, над Берлином, на самолёте ЯК-28 подвиг парня из Умани. Песня эта долгое время была в репертуаре Эдиты Пьехи.

По завершении выпускных экзаменов, после весёлого и шумного школьного бала, наша команда друзей устроила прощальный банкет в честь навсегда ушедшего, сладкого и беззаботного, уманского детства. Юра Дудинский добыл длинный бредень с «мотнёй»; протянули мы его, вместе с Сашей Пальтовым, вдоль поросшего лозой берега Третьего пруда и с парой вёдер варёных раков устроили для всей компании «пир на весь мир» в только открывшемся над парком ресторане «Дружба».

Потратились немного — посетители питейного заведения за одного рака рассчитывались парой бутылок пива, оркестранты за порцию деликатеса исполнили все музыкальные заявки от нашего стола, в том числе любимые песни Кольки Шведова: «Алёша, ша! Возьми полтона ниже...», «Нас было пятеро, фартовых ребятишек...», а перед нашим уходом (как выяснилось — навсегда!) «врезали» «Прощание славянки».

...лишь до семнадцати, восемнадцати лет мила,
светла и бескорытна юношеская дружба, а там охладет тепло общего тесного гнезда, и каждый брат уже идёт в свою сторону, покорный собственным влечениям и велению судьбы.

(А.Куприн)

В последовавших юности, молодости, зрелости (и так далее!) изумительный мотив старинного марша всегда напоминал мне тот глубоко символический ужин в припарковом ресторане; память, в ответ на навевающую грусть мелодию, вырисовывала разгорячённые лица школьных друзей, вместе и в одно время со мной оставивших свои «частички бытия» в городе с прославленным парком «Софиевка».

Где вы, други школьные мои? Увы, *«иных уж нет, а те далече»*⁷².

«Тогда я понял, как отраду
для смысла сердца самого,
духовный трепет Ленинграда
сквозь блеск величия его».

Ярослав Смеляков

«О юность быстрая!
Сквозной ночей покров
Над пушкинской бессонною Невею».

Людмила Попова

О дивной студенческой поре — о граните науки, об общежитии на Муринском проспекте, о картошке, о студстройотрядах, о наших песнях, о хоре ЛЭТИ, о весенних карнавалах, «О милых спутниках, которые свой свет своим сопутствием для нас животворили»; о памяти, о благодарности Учителям — корифеям ЛЭТИ; об удивительном этносе «настоящих ленинградцев», в истории страны просиявшем.

Цикл «Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые»

«Время главных вопросов
И начало пути...
Ах, Аптекарский остров,
Альма Матер, ЛЭТИ.

Разметало по свету,
По дорогам Земли,
Годы юности в Лету
Безвозвратно ушли.

Не кольнёт в сердце остро,
Не вернуться назад
На Аптекарский остров
В Ботанический Сад.

Только старые фото,
Чёрно-белый формат,
Разбередили что-то
И позвали назад.

Оказалось так просто
Вновь попасть в листопад,
На Аптекарский остров,
В Ботанический Сад».

***Иосиф Брейдо,
выпускник ЛЭТИ 1971 года***

Любовь моя — Ленинград

Среди представленных в зримых формах и красках экспонатов внутреннего музея воспоминаний есть один, особо значимый и дорогой, поступивший в экспозицию сентябрьским утром шестьдесят четвёртого года.

...По пересекающей надвое Аптекарский остров улице профессора Попова движется невзрачный юнец провинциальной наружности. В нагрудном кармане мешковатого пиджака — новенький студенческий билет, на лице — остатки нервической бледности от перенапряжений вступительных экзаменов, в глазах — благоговение и восторг.

С растущих за оградой сквера клёнов падают жёлтые листья, шелестит обложной дождик — традиционная цветомузыка питерской осени. Под её аккомпанемент спешу бодрым шагом на лекции в альма-матер, Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова (Ленина): сокращённо — ЛЭТИ.

Приметы каждой осени просты,
Обычные, привычные приметы.
Деревья в срок сдают свои листья,
Грустят о них зелёные поэты.

Сурово смотрят тучи на людей,
Над городом висят, как на канате.
Надолго расписание дождей
Составлено в небесном деканате⁸¹.

В том году пресеклось отрочество, завершилась его школьная составляющая. Как отрок здравоумный, за пару лет до неизбежного перелома жизнеустройства занялся домашним усилением получаемых в школе знаний — начал готовить себя к поступлению в институт.

Благородный принцип равных возможностей в получении высшего образования, доступного и бесплатного, был капитально заложен в механизм действовавшей в те годы общественной системы.

Получение его определялось не имущественным цензом родителей претендента, не звучностью их положения. Успех дела решали основательность школьных знаний, природные данные, сила духа и психики, темперамент и честолюбие.

При таком благорасположении супердержавы к своему младому племени миграции его наиболее беспокойных представителей с неленивыми мозгами к местам обретения интеллектуальной профессии было явлением заурядно-естественным.

Мной также «овладело беспокойство, охота к перемене мест».⁽⁷²⁾ Родителям, предоставившим мне «карт-бланш» в реализации осмысленной перспективы, огласил вызревшее решение отправиться в город мечты и атаковать твердыни престижного вуза.

По-крестьянски сдержанный в тратах отец выделил денежное вспомоществование, мама собрала котомку, благословила. Отправился их старший сын в дорогу дальнюю — в сторону полнощную, в края гиперборейские, в земли ингерманландские.

Ингерманландия! Ингварь-Игорь
Дал тебе имя, край непочатый.⁷⁰

Была славной охота. Вместо достаточных шестнадцати баллов добыл девятнадцать и был безоговорочно зачислен в состав студенческой гильдии.

Центром и смыслом моей жизни, местом будущих взлётов и падений, удач и разочарований, взросления, обретения на всю оставшуюся жизнь друзей и диплома инженера стал институт с его архитектурным символом: обвешанным башенками для винтовых лестниц главным корпусом.

В нём, за неординарного абриса стенами, за просторным — во весь угловой фасад — стрельчатым окном, хранился священный камень: гранит науки, о который точил зубы в течение шести, искрой мелькнувших студенческих лет.

Лиха беда начало

Как свидетельствует богатый опыт поколений, для студента определяющими и решающими являются первые два года учёбы. В этот период незрелый организм юниора привыкает к сверхнагрузкам, перестраивается на приём и обработку громадного количества информации.

Только преодолев этот важный этап становления, пройдя контрольные засеки (экзаменационные сессии!), не оступившись и не выпав из строя, может зачисленный в институт молодой человек считать себя состоявшимся членом студенческого братства.

Лишь завершив успешно второй курс, может оперившийся студент по-настоящему расслабиться, позволить себе казаковать в лучших традициях студенческой вольницы: «*От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия — всего два раза в год*».

В ЛЭТИ, как положено солидному техническому вузу, в исходной полосе препятствий был особой крепости редут, одоление которого означало для многоборца окончательную регистрацию в институтской среде: кафедра высшей математики.

В синедрионе её мудрецов *primus inter pares* — первым среди равных — был многоумный и неповторимый Илья Александрович Назаров: высокий, кряжистый мужик, с крупными чертами лица и решительно выдвинутой нижней челюстью. «*Наука, подобно дикарю, превосходно скальпирует тех, кем овладевает*»¹⁸³ — голомозый череп преподавателя был всегда ухожен, до блеска выбрит.

Вторым эшелонм бастионных служителей стояли ассистенты. Милейшая, с неизменным ридикулем и по-суфражистски размашистой походкой, Кира Николаевна Маскина заумные и нерациональные подходы к решению задач оценивала присказкой «забивать хронометром гвозди». Её коллега, Олег Юрьевич Лось, кроме математики имел соответствовавшее фамилии увлечение: забеги на сверхдальние расстояния. Во время пробега Ленинград — Москва простудил лицевой нерв, долго пугал застывшей гримасой окружающих.

Об обслуживаемые могучей кучкой укрепления били лбы поколения студентов, в руках этого трио четыре семестра трепетала моя судьба, успокоившись только в тихих заводах третьего курса.

Если в делах учёбы поведение, поступки студента находятся под постоянным контролем и оценкой, то вне стен вуза только сила духа и самоконтроля не дают ему сбиться с праведного подъёма к вершинам знаний. Ибо ждет его на нём неизбежное для первых шагов пути томление духа, подстерегает и испытывает искушениями дьявол.

Каждым нервным отростком помню, как психическая подавленность (тяжкая хандра!) вползала в душу вязкой смолой — тоски по прошедшему, горечи настоящего и неуверенности в будущем. Казались безмерно требовательными — до жестокости — преподаватели, нелюдимыми — однокурсники, раздражала заносчивость коренных ленинградцев; давила непривычная обстановка большого города, неустроенный быт, тянуло назад — на родину.

Масла в огонь подлила Эдита Пьеха, на концертах которой побывал много раз. Незримые тиски сдавливали сердце, комок подкатывался к горлу, когда певица начинала бередить раны: «*Где-то есть город, тихий, как сон*»⁸². Хотелось бросить всё, перелететь за полторы тысячи вёрст, в милый город детства Умань, вернуться в родную школу, встретиться с друзьями, учителями, зажечь прежней жизнью.

Ночью из дома я поспешу,
В кассе вокзала билет попрошу:
«Может, впервые за тысячу лет
Дайте до детства плацкартный билет...»⁸²

Но, увы, соловьём залётным пролетели весёлые годы, счастливые дни. Канули в Лету, были — и нет. Обливался горькими слезами отчаяния в полумраке концертного зала, жизнь виделась бессмысленной и законченной:

Тихо ответит кассирша:
«Билетов нет, билетов нет...»⁸².

Мои интимные душевные метания пресекались присущими возрасту вызревания импульсивностью в поступках, самоуверенностью, максимализмом. Свойственная юности природная дисгармония, когда желания и стремления развиваются раньше воли и силы характера, сослужила мне не одну плохую службу в неоднозначных ситуациях принятия решений. Не раз недремлющий Мефистофель льстил, уговаривал, подталкивал продемонстрировать качества настоящего мужчины, которых и в помине не было.

Во время вступительных экзаменов попал в силовое поле влияния двух ветеранов, не сумевших с первого захода перебраться на второй курс из-за неудовлетворительного знания математического анализа.

Раскинулся вектор по модулю пять,
В строю логарифмы стояли.
Товарищ не смог производную взять,
Ему ассистенты сказали:

«Анализ нельзя на арапа сдавать,
Профессор тобой недоволен.
Изволь теорему Коши доказать,
Иль будешь ты с курса уволен».

Досрочно вернувшись с каникул, неудачники вяло, и как-то безразлично, готовились к передаче экзамена. Женя — коренной новгородец, с русыми, рассыпчатыми волосами, синими глазами, добрый и простой — иногда заглядывал в конспект лекций. Другой, Рудик, до этого не снисходил, ибо проходил по статье непризнанных гениев. Чтение учебников подменял безмерными фантазиями о вершинах науки, которые ему — при желании — покорятся.

Анфан тэррибль, дитя порока, *«питием многим и женщинами увлекался, мало о научении своём прилежал»*.²¹ Рудик гордился баритонального оттенка голосом, распевал — под настроение — отрывки из оперных арий. На состояние носимых вещей особого внимания не обращал; укладываясь спать, ботинки ставил под кровать, носки — в угол. Старожилы взялись за воспитание податливого абитуриента из далёкой провинции; рассказывали мифы и легенды студенческой жизни, прославляли её героев, их подвиги.

Заговорили о возможном церемониале моего посвящения в студенты. Показали снимок процедуры: лежащий, лицом вниз, на столе неофит, его лоснящиеся в бликах свечи ягодицы, занесённые — для ритуальных ударов по ним — алюминиевые ложки. Рядом — авторитет, читающий свод правил с кодификацией разборок «по понятиям» между студентом и преподавателем: *«...накажи Иуду-предателя в лице преподавателя»*.

После первого, на «отлично» сданного мною экзамена по химии Рудик потребовал уважить традицию: выставить бутылку водки и первым осушить полный стакан. Искуситель подтолкнул к беде, не дал оценить последствия поступка: «взяв на грудь» непосильный груз, вошёл в пике, из которого с трудом выкарабкался.

После испытанного потрясения, как чёрт от ладана, бегал от соседей по комнате до окончания вступительных экзаменов. Контакты свёл к минимуму, уходил очень рано, приходил ближе к полуночи.

В начале учебного года встретил Женю в институте. Узнал горестную весть, что повторная сдача экзамена по математике ему не удалась, что гордый Рудик, презрев диктат преподавателя, на испытание не явился.

Хотел доказать, но сознания уж нет,
В глазах у него помутилось.
Увидел на миг тот несчастный билет,
Упал, сердце в ноль превратилось.

К нему подбежали с корнями в руках,
Стараясь привести его в чувство.
Профессор сказал, покачав головой:
«Вот кара небес за беспутство!».

От академической задолженности до долга перед Родиной — один шаг. По случаю мрачного зигзага судьбы, несостоявшиеся студенты и будущие солдаты пригласили меня на «*файв-о-клок*», отвальную; жалость переборола жёсткость, отказаться в просьбе не хватило духу.

Как говорят в галицийском крае, на выверенном западно-украинском наречии, «*компанія була маленька, але дуже гонорова*»: мы с Женей и пан Рудик, в окружении двух баядерок. Беззаботный ферт не грустил, пел романсы, читал Игоря Северянина: «*Ананасы в шампанском, ананасы в шампанском...*».

В разгар ужина прискакал гонец с вестью, что на проходившие в красном уголке танцы прорвались парни с фабричных окраин. Составилось ополчение, в составе которого петушком суетливым я отправился на злую сечу с порушителями устоев. Руками размахивал недолго — из сражения выключил мощный боковой удар в глаз крышкой от бидона.

На следующий день, перекрытый повязкой синяк сделал меня самой видной фигурой в аудитории. Активно работал, демонстрировал благонравие и граничащее с угодливостью рвение. Действующим глазом пожирал преподавателя, ловил на лету и заносил в конспект каждое его слово.

Перед длинной и зелёной, как моя похмельная грусть, доской вышагивал, почёсывая свой глянцевый сфероид, доцент Назаров. Гроза нерадивых сту-

дентов боял о дифференциальном исчислении, временами бросая в сторону инвалида саркастические взгляды-молнии.

Наигранная прыть ушла, улетучилась; завибрировал от ужаса, словно тростник, ветром колеблемый — в иронии памятливого лектора усмотрел скрытые беды, зияющие глубины пропасти, куда паду, после первой встречи с ним на экзамене.

Жизнь тряхнула, бросила вызов. Подверг себя уничижительным самобичеванию и самоистязанию, очистился. Облачился в рубище смирения, оковал себя веригами праведности, погрузился в учёбу. Всё свободное от институтских занятий время, все выходные дни проводил в читальном зале со стрельчатым окном.

Пришла первая экзаменационная сессия — первые испытания, первые потрясения бедой и счастьем.

Голгофа тысяч и тысяч страдальцев, бывших студентами. Космические перегрузки взвинченной нервной системы, лихорадочные гонки, переписывание пропущенных лекций, скорострельное заучивание материала.

Заготовка шпаргалок — отдельная, ждущая своего исследователя, отрасль знаний, сочетающая искусство рукоделия и изыски новейших технологий.

Умение контакта — глаза в глаза — с экзекутором. Великое мастерство лицедейства, оболыщения и отвлечения его от вопросов билета в сторону проблем быта.

Искусное прямотушие ответа тающим, взволнованным и срывающимся (от любви к предмету) голосом.

Замирание сердца в ожидании вердикта, слежение за перемещением ручки мучителя в зачётной книжке.

За исключением математического анализа, по всем другим предметам был аттестован на «отлично». Суровый — но справедливый! — Назаров успокоил мои душевные метания твёрдой «четвёркой».

Квартира на улице Достоевского

После «маленьких трагедий» первого семестра получил от земляка и однокурсника Валерия Чихмана лестное предложение перебраться в снимаемую им комнату, в доме на улице Достоевского. В результате быстрой переместации, сменил насыщенную клопами койку (в комнате на семерых первокурсников!) в неблизком пригороде Шувалово на продавленный диван в коммунальной квартире в центре города. (Будущий друг занимал сообразную телу атлета двуспальную кровать.)

Пытливый, в меру романтичный Валерий обставил моё новоселье экскурсионным выгулом по близлежащим окрестностям, дав мне оценить богатство экспозиции под открытым небом, сочетание величия архитектуры с красотой и ухоженностью городского пейзажа.

Знаменитые улицы и набережные, соборы и музеи, дворцы и памятники, парки и скверы — все, освящённые историей, живописью и языком классики, виденные в кинофильмах, места стали мне близкими и доступными.

Давно стихами говорит Нева,
Страницей Гоголя ложится Невский.
Весь Летний сад — Онегина глава,
О Блоке вспоминают острова,
А по Разъезжей бродит Достоевский⁸⁴.

Наблюдаемое богатство, возможность жить в его окружении, пользоваться им, набирать от него культурной силы вызывали у меня, заезжего человека, восторг мощи необычайной — «...и всё вокруг моё!».

В пяти минутах ходьбы от места жительства находился театр имени Ленсовета (от основания — дом Корсакова, некоторое время — Купеческий клуб, до 1953 года — Новый театр), где не раз наблюдал, в постановках «Таня», «Совесть», блиставшую молодостью, красотой и талантом Алису Бруновну Фрейндлих. (Позже она перешла в Большой драматический театр имени Горького; газеты писали «Алиса перешла через Фонтанку».)

Добыть билет на праздник чувств и интеллекта в знаменитом БДТ (где — что ни актёр, то туз, и что ни туз — то козырный) через кассу, «по блату», как ни старался, не смог; лишь однажды, выложив приличную сумму барышнику, получил контрамарку на просмотр труда мэтра Товстоногова «Мещане»; увидел «живую» театральную гению Стрельчика (мамино любимца!), Копеляна, Лебедева, Лаврова, Зинаиду Шарко, Басилашвили, Трофимова, Юрского...

Бог мой, как давно и как красиво это было!

Сценическую линию внутреннего совершенствования продолжил со всепроникающим сожителем — вместе устроились в секцию социологических исследований театра, при Выборгском дворце культуры. Получив абонемент на два места в бенуаре Малого театра оперы и балета, весь сезон пахали и бороновали на ниве отечественной культуры: проводили, в антрактах, в интересах театральной труппы, опросы зрителей, выясняя их вкусы и предпочтения.

Впервые попав в Русский музей, поставил себе — восхищённый и потрясённый увиденным — задачу досконально изучить каждый выставленный экспонат (иконы, скульптуру, картины). На первых порах пристраивался к экскурсионным группам с профессиональными гидами; позже, набравшись начальных знаний, использовал специальную литературу. Выстроить подобным образом «отношения» с великим Эрмитажем, из-за его безбрежности, было невозможно; и всё же, в первые — не очень загруженные учёбой — дни семестра, не раз, сбежав с последней лекции, автобусом «десяткой» подъезжал к музею, где, шаркая войлочными шлёпанцами по живописному паркету, бродил, до его закрытия, по залам.

С молодых ногтей был книгоцием. Под впечатлением рассказов мамы о семейной библиотеке, разграбленной в кровавом тридцать седьмом году (после убийства её отца), загорелся тайной идеей возродить книжное собрание.

Когда в марте шестьдесят шестого года в Ленинграде стали — через переоборудованные газетные киоски — задёшево продавать залежавшиеся на складах собрания сочинений, понял, что пробил мой час. Восьмитомник Анатоля Франса, купленный за четыре рубля возле станции метро «Владимирская», дал начало моей (ныне — немалой!) библиотеке.

...есть два вида книжного червя. Один вид, известный энтомологам под названием *Sitodrepa ranicea*, точит книгу. А другой вид — *Номо сариенс*, которого пожирают книги.

(Г.Фостер)

Охота пуще неволи. Просыпался и засыпал с мыслью, на чём ещё сэкономить, чтобы не идти в пустым карманом в букинистический магазин. Для расширения начавшей формироваться библиотеки разработал ряд приёмов: приглашаемым на дни рождения гостям подсказывал, каких книг недостаёт в моей коллекции; перепечатывая, на экспроприированной у отца пишущей машинке, лекции, делал несколько закладок — претендующие на копии сокурсники, предварительно ознакомившись со списком недостающих книг, получали требуемый конспект в обмен на адекватное количество типографских изданий.

Естественным образом происходило знакомство с архитектурными ансамблями, шедеврами зодчества, находившимися, что называется «под рукой»; для успеха дела требовалось лишь повышенное внимание к «застывшей музыке» — она, прекрасная и многообразная, сделала меня пожизненным почитателем любимого Ленинграда, моей второй родины.

Часть города, в которой жил в это время, в первой половине восемнадцатого века, решением Комиссии о Санкт-Петербургском строении, была отведена низшим служащим дворцового ведомства — лакеям, поварам, скатерникам, конюхам, портным... Район этот тогда получил название Дворцовая слобода.

Здесь, в 1769 году, была выстроена пятиглавая (и двухэтажная!) Владимирская церковь, в 1783 году — колокольня при ней; храмовые сооружения дали имя прилегающей к ним площади и идущему от неё проспекту.

В конце девятнадцатого века вокруг площади активно строились доходные дома; в одном из них — послереволюционном собрании коммунальных квартир — некоторое время жили мы с другом. Его меблированные комнаты, как утверждали наши соседи-старожилы, до революции служили целям бытового обслуживания мужского населения города. Эту стародавнюю функцию подтверждала внутренняя планировка помещений — вдоль длинной кишки коридора ветвились небольшие спальные отсеки; в конце его был отсек из трёх комнат, одну из которых занимали мы с сокурсником.

Замечательной особенностью нашего быта было отсутствие контроля со стороны хозяев помещения, живших за Казанским собором, на улице Глазунова. Встречались мы с ними раз в месяц за «праздничным» столом, который

хлебосольные ленинградцы накрывали по случаю получения тридцати рублей арендной платы (большая часть этой суммы, кажется, уходила на наши посиделки).

Центрального отопления в доме не было, выручала небольшая, цилиндрической формы, печурка. Израсходовав — неэкономные — небольшой запас дров, бегали мы с Валерием, как загнанные волки, по соседним дворам в поисках выброшенных деревянных изделий.

О солидном возрасте строения свидетельствовали полчища крыс-старожил, которые по ночам — голодные и обнаглевшие! — бродили по кухням. Одно время мы планировали отстреливать мерзких пасюков из воздушного ружья, затем, по наивности, думали подключить к делу молодого Сидора, кот-соседей-пенсионеров. Увы, с наступлением весны у «парня» разыгрался сексуальный аппетит; спешно вызванный специалист, затолкав зверя — хвостом наружу — в валенок, взмахом сапожного ножа перечеркнул наши надежды.

Вторыми, после любителей котов, соседями была бездетная пара — Аня и Жорж. Неразговорчивый, с вечно насупленными бровями амбал-супруг копал могилы на Серафимовском кладбище; с работы приходил только на «рогах», на привычные для него крики возмущённой подруги жизни что-то невразумительно «мычал» в ответ.

Как говорят металлурги, «*наша сила в плавках*». Из-за потери мужем боеспособности, любострастной Анне ничего не оставалось, как только бросать завистливые взгляды на вызывающе-рельефные мышцы Валерия, без видов на успех оценивать крутые бёдра юного мустанга.

Однажды, среди недели, уехал на пару дней к родителям в Брянск. Как назло, в это время райвоенкомат спустил в деканат директиву проанализировать «испоржнения» у военнообязанных нашего курса.

Возникла угроза, что откроется мое отсутствие, что за пропуск занятий без уважительных причин лишусь стипендии. Телом своим, его внутренними органами прикрыл Валерий легкомысленного друга — отнёс в лабораторию два комплекта исходных материалов, один из которых подписал моей фамилией.

Анализы, кстати, показали прекрасный результат.

После первомайских праздников по Неве пошёл ладожский лёд; дни становились длиннее, ночи — светлее. Лекции, практические занятия, лабораторные работы сменились зачётами, первой летней сессией. Её наша группа завершила без потерь личного состава, что мы торжественно отметили.

Был разгар белых ночей. Дворцовую площадь, набережные, стрелку Васильевского острова заполнили толпы счастливых студентов, отгулявших выпускной вечер десятиклассников.

Бело вокруг. Белы дома, река бела.
Всё — от Фонтанки до предместий.
Ночь белая,
Ты отложи свои дела,
Давай пойдём, побродим вместе⁸⁵.

Веселились мы самозабвенно, пропорционально значимости события; пели под гитару менестреля Денисова у Медного Всадника, плавали на речном трамвае по Неве, танцевали на аллеях Марсова поля. Когда запасы выпивки иссякли, но ещё не улетучились спиртные пары из студенческих голов, опытный в делах застолий Шебанов предложил освежиться. Лебяжья канавка показалась слишком мелкой, поэтому, через Кировский мост, бойкие парни нашей группы двинулись к стенам Петропавловской крепости.

Счастливые трусов не наблюдают — голые студенты, молочно светясь беспорочными телами, прыгнули в невские воды и, миг протрезвев, выпрыгнули на берег:

Ой, ты, мама, мама, мама родная,
До чего ж вода в Неве холодная!

Настроение ушло и вернуть его не было возможности. Во времена государственной монополии на производство и продажу спиртных напитков, добыть их можно было только с одиннадцати утра до семи вечера (за исключением нестандартных ночных вариантов — у таксистов, у швейцаров ресторанов, у привокзальных маклаков).

Неудачная операция

По завершении первого курса, как не уехавший со студенческими строительными отрядами на целину, отработывал месяц на строительстве студенческого городка на Ново-Измайловском проспекте.

В один из трудовых дней, по команде из комитета комсомола, меня и ещё нескольких ребят освободили от подсобных работ и направили в помощь оперативной группе, занимавшейся охотой на фарцовщиков. Так называли пренебрегавших общественно-полезным трудом граждан, выкупавших у иностранцев остродефицитные вещи и перепродававших их — с выгодой — соотечественникам. Тогда подобные торговые операции назывались спекуляцией, ныне они почитаются как достойнейший бизнес.

Традиционными поставщиками модных тряпок были граждане Финляндии, приезжавшие в Ленинград отдохнуть от действовавшего в их стране «сухого закона»; вырученные деньги гости расшвыривали на загулы, нередко — чему свидетель — до поросячьего визга.

Штаб охотников за ленинградскими «барыгами» занимал комнату в Куйбышевском райкоме комсомола, располагавшегося в бывшем дворце Белосельских-Белозерских — карминного цвета здания, с обрамляющими вход

парой кариаатид-Атлантов, на углу Невского проспекта и набережной Фонтанки.

Дворец построен в середине восемнадцатого века князем Шаховским (Смоленско-Ярославская ветвь Рюриковичей — трудился в Малороссии, был полицмейстером, членом Синода). Позже дворец перешёл к князю Белосельскому-Белозерскому (Владимиристо-Суздальская ветвь Рюриковичей — переводчик русских поэтов на французский).

С 1898 года особняк стал собственностью царской семьи. В нём жил великий князь Сергей Александрович, затем — племянник Александра III князь Дмитрий Павлович, участник убийства Распутина.

Старший оперативной группы, старшекурсник кораблестроительного института Миша Куликов сообщил членам патрульной команды, что по агентурным сведениям в одном из номеров гостиницы «Европейская», занятым жителем страны Суоми, платяной шкаф забит большим количеством «шмоток». Поставил задачу: он, зафиксировав на выходе из отеля подозрительного чухонца, незаметно преследует его; мы, соблюдая безопасную дистанцию, следуем за образовавшейся парой; в момент проведения сделки студент Куликов хватает покупателя с поличными, мы же, очень оперативные, выступаем как свидетели (для протокола).

Поначалу всё шло как по писанному: сели гостю «на хвост», проследовали за ним к Гостиному Двору, перешли Аничков мост, завернули на улицу Рубинштейна, в сторону перекрёстка «Пять Углов». Не доходя до него, иностранец встретился с шустрым молодым человеком, поменял товар на рубли и в темпе вальса засеменял в сторону Фонтанки.

На пути отечественного бизнесмена стал наш пинкертон. Привыкший к резким поворотам судьбы нарушитель социалистической законности немедленно «сбросил вещдоки», потянувшегося за ними Михаила сильнейшим «пенделем» распластал на асфальте и ушёл — мимо нас, оперативных — двоими.

В Ленинграде городе, у «Пяти Углов»

Получил по морде Ваня Соколов.

(Владимир Высоцкий)

Пессимист Лузин

Коля Лузин поступил в институт, имея на то преференции как бывший воин срочной службы. Учёба, несмотря на усиленное прилежание, давалась ему туго; большинство экзаменов преодолевал с немалым нервным напряжением. По натуре бывший ракетчик был пессимистом; легко впадал в отчаяние, самую микроскопическую неудачу переиначивал в драму, в им создаваемых проблемах видел перст судьбы.

В период Карибского кризиса (октябрь шестьдесят второго года) в составе воинской части находился на Кубе. Оттуда привёз своей пассивности кон-

трабандные американские джинсы (большая редкость по тем временам!). На пленэре, где молодая пара отмечала демобилизацию, в решающий — интимный! — момент у импортного изделия заклинила застёжка-молния. Немалое отчаяние Николая усилилось ещё больше в конце пикника, когда — из-за большого количества выпитого пива — шикарные штаны пришлось вскрывать, вырывая zipper, как консервную банку.

Апрельским днём шестьдесят седьмого года наша группа в полном составе сбежала с последней «пары» на свадьбу к однокурснице, Гале Калашниковой. Что-то помню, что-то подзабыл. «Помню стены с обоями»⁸⁶ в небольшой квартире в доме на Большом проспекте Петроградской стороны. Отчётливо помню, как стрелок Шебанов демонстрировал качества Робин Гуда — открывая бутылку шампанского, пробкой сбивал висевшую в углу комнаты шляпу жениха.

Не помню, как к концу вечера гости взламывали двери в ванную комнату, где крепким сном возвращал утерянные силы. Смутно помню, как дружище Чихман протащил меня — через милицейские кордоны! — в метро, поднял на пятый этаж дома на Пушкинской улице, уложил спать.

Никто из нашей группы не мог вспомнить, как Коля Лузин, сделав контрольный звонок домой, оставил в телефонной будке портфель с конспектом лекций по политической экономии; но все видели, как убивался, по случаю невосполнимой потери, наш старший товарищ.

Слабо осведомлённый о сути товарно-денежных отношений при капитализме, Николай — потерянный, с вымученной улыбкой — пришёл на экзамен; в аудиторию не просто вошёл, а взошёл — как на эшафот. Экзаменатор записал в ведомость номер вытасченного страдальцем билета, положил — в ступеньками выложенную стопку — его раскрытую зачётную книжку; минут через пятнадцать, видя общее спокойствие и активную работу, отправился в буфет перекусить.

Николай, до этого нервно малевавший каракули на выданном листке бумаги, вдруг вскочил — взвинченный — с места и, бросив билет на стол преподавателя, схватил свою зачётную книжку и пулей вылетел из аудитории.

...Заканчивался экзамен, редела стопка «зачёток»; забеспокоился преподаватель — в ведомости, напротив фамилии Лузина, стояла галочка, свидетельствующая о полученном им билете, а отсутствовавшая зачётка формально подтверждала факт сдачи экзамена. Эта логическая цепочка умозаключений привела специалиста политэкономии к естественной мысли о том, что он второпях забыл вписать отметку в ведомость, что нужно вспомнить её величину (или качество).

Вспоминал вслух, невольно взяв в ассистенты нас с Чихманом, завершавшими экзаменационный день; склонялся — боязливый! — к демократическому «удовлетворительно», но мы с Валерием заявили, что отчётливо запомнили ответ на «хорошо», что несправедливая «тройка» лишит нашего товарища стипендии.

Убеждали долго и страстно. Добившись требуемого результата, помчались к Николаю домой, на Старо-Невский проспект; долго, в деталях описы-

вали ему — обалдевшему от долгожданной удачи — наш хитроумный диспут со склеротичным экзаменатором, сидя за раскинутой родителями счастливого «скатертью-самобранкой».

Оптимист Попов

Однофамилец первого выборного директора электротехнического института, студент Владимир Попов был выдающимся эксцентриком и бузотёром, неумеренным и в чём-то сладострастным.

Сокурсники долго вспоминали его сверхсложный — циркового уровня — номер, когда на экзамене по физике, находясь за спиной преподавателя, он вытащил из-за ремня толстенный учебник (авторов Фриша и Тиморева), прислонил его к плинтусу и, перелистывая — большим пальцем правой ноги! — страницы, мелом переписывал на доску витиеватые формулы.

Старушка-преподаватель, именовавшаяся — из-за врождённой хромоты — безжалостными студентами, как физическая константа в её лекциях, — «лямбда-пополам», увидев систематизированную красоту ответа на все вопросы билета, без лишних слов выставила циркачу «отлично».

Должен сказать, что казавшаяся мягкой и уступчивой физичка завалила на своём экзамене не только меня, но и круглого отличника Чихмана; чтобы не получить лишавшую его стипендии «тройку», он уговорил — по моему примеру — милую бабушку выставить ему «двойку», затем, в период сессии, успешно пересдал экзамен.

На физике чуть не сломался мой младший брат Виктор. В последний день зачётной недели, он в отчаянии разьскивал на кафедре физики преподавателя Козлова, чтобы сдать ему зачёт; зачёт сдал, но не мифическому Козлову, а реальному Баранову.

На втором курсе, в расписании наших лекций появилась «гражданская оборона». С подачи пересмешника Попова, новый предмет стали называть по аббревиатуре его полного названия: «гроб». Уточнённое название — глубоким проникновением в суть темы — студентам понравилось, устоялось, вошло в обиход. Но оно очень не понравилось преподавателю — отставному капитану первого ранга Эрвальду; его отношения с автором новой редакции курса лекций стали предельно напряжёнными — в воздухе запахло грозой.

Гром грянул осенью шестьдесят пятого года, когда нас, будущих офицеров запаса, вывезли в Кронштадт для ознакомления с устройством дизельной подводной лодки. После обстоятельной экскурсии по военно-морской базе, проведённой молоденьким капитан-лейтенантом, мы вместе с ним спустились в субмарину. Наш институтский наставник, увлечшись ностальгической беседой со старшими офицерами, задержался на центральном посту.

В торпедном отсеке Попов, отделившись от основной группы, подошёл к «матюгальнику» и вкрадчивым, но командирским голосом произнёс требовательно: «Капитан первого ранга Эрвальд!». Опытный мореплаватель

Богородицкий Николай Петрович
(1902 – 1967)

Выдающийся учёный в области электротехнических материалов, преподавал в ЛЭТИ (1935 – 1967), был профессором, заведовал кафедрой диэлектриков и полупроводников (1945 – 1967), лауреат Государственных премий (1942, 1952), заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1953), ректор ЛЭТИ (1954 – 1967).

Три первых студенческих года отучился под ректорством этого замечательного человека. Авторитет его в институте был огромен. Всякий раз, наблюдая его издали, замирал от восхищения и уважения. В нём чувствовался сильный духовный стержень, угадывалась порода.

Вавилов Александр Александрович
(1922 – 1983)

Специалист в области теории автоматического регулирования и процессов управления. Окончил ЛЭТИ (1951), профессор с 1968 г., ректор ЛЭТИ (1968 – 1983), член-корр. АН СССР (с 1978 г.).

В семидесятые годы по делам аспирантским несколько раз встречался с изумительным и неповторимым Сан Санычем, лэтишниками любимым и обожаемым. Был он безмерно обаятелен, человечен, очень прост и деликатен в общении, отличался особой чуткостью и душевной теплотой.

Владимир Иванович Тимохин – мой Учитель, руководитель моей научной работы, «выпекший» из меня кандидата технических наук (в 1986 г.).

Доцент кафедры вычислительной техники ЛЭТИ, секретарь парткома института, проректор по учебной работе, организатор кафедры математического обеспечения электронно-вычислительных машин.

Бесконечно мне дорогой, увы, мало поживший человек – океан обаяния и деликатности, истый интеллигент-ленинградец.

«Природа мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...»

Назаров Илья Александрович – математический гуру Ленинградского электротехнического института, чьи лекции по высшей математике я слушал два первых курса (1964-1966 гг.). Строгий, в меру ироничный, он люто ненавидел шпаргалочников. Одного из них, пойманного на горячем, крутой нравом доцент, ухватив за воротник, отнёс в деканат для отчисления. В этой связи, через пару дней нервная первокурсница, когда Илья Александрович было попытался принять у неё экзамен, от ужаса хлопнулась в обморок.

Мерзлютин Юрий Борисович – изумительно, ясно и основательно преподавал, теоретические основы электротехники – предмет, обязательный для всех без исключения студентов ЛЭТИ. Участник войны, порывистый, искренний человек, он учил нас не только прелестям операций над комплексными числами. Примером своим, манерами, душевностью и добротой демонстрировал студентам истинную, гуманистическую суть межчеловеческих отношений. Снимок 1972 года.

Снимок 1963 года. Звёздный состав кафедры вычислительной техники, в истории ЛЭТИ просиявший. Слева направо. Первый ряд: В.А.Дешёвая, В.П.Яценко, В.П.Бодунов, К.А.Сапожков, А.М.Калмыков, заведующий кафедрой — В.Б.Смолов, Я.И.Дубинин, А.Н.Лебедев. Второй ряд: С.Ф.Свиньин, Е.А.Чернявский, Е.П.Балашов, В.С.Фомичёв, Т.И.Полянская, В.В.Барашенков, Е.П.Угрюмов, В.К.Шмидт, А.В.Плотников, Е.Е.Афанасьев, Г.И.Степашкин, Б.К.Петров, Мяги Харри.

Снимок 1968 года. Руководство кафедры диэлектриков и полупроводников (в профиль — Юрий Михайлович Таиров) участвует в собрании групп №№556-557 электрофизического факультета ЛЭТИ.

Собрание глав иностранных землячеств в своём деканате, Мазниным возглавлявшемся (он мощно восседает, уперев руки в колени). За ним следуют «малыш» Ермолин, Винокуров, Тимохин (секретарь парткома); в правом верхнем углу — комсомольский вожак Коля Виктор и лидер студенческого профсоюза Лев Шойхет (снимок середины 60-х годов).

Великий говорун и мастер солёной шутки, несравненный Яков Иванович Дубинин, вместе со своим аспирантом Содатенковым, наблюдают на кафедре вычислительных машин за работой первой ЭВМ, выпущенной Киевским институтом кибернетики и именованной «Проминь». Календарь на стене свидетельствует о 50-й годовщине Октябрьской революции.

Студенты ЛЭТИ, мои друзья-однокурсники, вечные спутники моей памяти (снимок 1967 года). Слева направо: Саша Разумовский, Владик Вальковский, Алик Ратновский, Рашид Инеев, Валерий Чихман.

«И где ж вы, резвые друзья,
Вы, кем жила душа моя!»

Евгений Баратынский

Золотая осень 1966 года в Пушкинском парке. Наше комплиментарное студенческое братство радуется жизни — веселится и поёт под аккомпанемент Владика Вальковского.

«И только в забытом мотиве,
Уже бесконечно чужом,
В огромной, как век, перспективе
Мне прошлое машет крылом».

Александр Вертинский

Этот снимок лучится радостью бытия, счастьем студенческой юности, уверенности в текущем и будущем. Одну из белых ночей сезона 1969 года мы, уже студенты-пятикурсники, наблюдали на Ладожском озере, на невероятной красоты озере Валаам. (Я, с академическим фолиантом Корнелия Тацита в руке, манерно откинул подуставшую голову.)

Всё это — в далёком-предалёком прошлом, от которого остались только грусть и душевное смущение.

«Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далёких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет».

Сергей Есенин

Начало сентября 1965 года. Студенты группы 434 на Витебском вокзале Ленинграда перед отъездом на битву за урожай картошки.

Раскинулся вектор

Слова — народные, студенческие

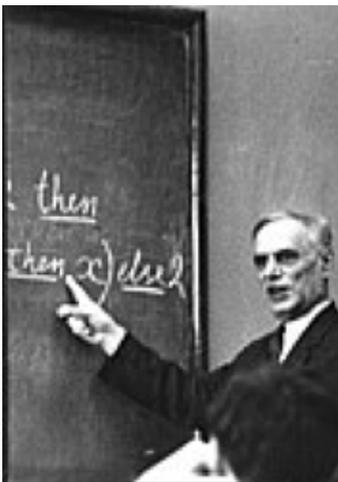
Раскинулся вектор, по модулю «пять».
В строю логарифмы стояли
Товарищ не смог производную взять
Ему ассистенты сказали:
— Анализ нельзя на арапа сдавать,
Профессор тобой недоволен.
Изволь теорему Коши доказать,
Иль будешь ты с курса уволен.

Хотел доказать, но сознания уж нет,
В глазах у него помутилось.
Увидел на миг тот несчастный билет,
Упал — сердце в ноль обратилось.
К нему подбежали с корнями в руках,
Стараясь привести его в чувство.
Профессор сказал, покачав головой:
— Вот кара небес за беспутство!

Три дня в деканате покойник лежал,
В штаны Пифагора одетый.
В руках он зачётную книжку держал,
Единственной тройкой согретый.
К ногам привязали тройной интеграл
И в матрицу труп завернули,
А вместо молитвы декан прочитал
Над ним теорему Бернулли.

Напрасно студенты ждут друга в пивной,
В науке без жертв не бывает,
А синуса график, волна за волной,
На ось ординат набегают.
Наука уже доказала давно —
Материя не исчезает,
Загнётся студент — на могиле его
Огромный лопух вырастает.

вздрогнул, как молодой матрос при звуках боцманской дудки, и по-уставному ответил в раструб переговорного устройства: «Есть!» — «Пошёл ты ...», — завершил мысль студент-балбес.

Недолго музыка играла, недолго фрайер танцевал. Нарушителя, отправившего морского офицера в пеший сексуальный переход, быстро вычислили и за оскорбление старшего чина представили к «списанию на берег». Правда, после ходатайства комсомольского и профсоюзного актива факультета и последовавшего публичного извинения хулигана перед почтенным преподавателем, наказание уменьшили до выговора. (К тому же парень из вологодской глубинки хорошо учился.)

Профессор Пиковский

Превосходные степени грешат против истины и дают повод усомниться в верности суждений. Но красочные эпитеты и восторженные оценки невольно приходят на язык, когда вспоминаю замечательного лектора и чудного риторика Сан Саныча Пиковского, лекции которого по технической механике слушал на четвёртом курсе.

Профессор признавался корифеем — теоретиком и практиком — мостостроения, прекрасно знал материал, мастерски подавал его на изумительном русском языке высокообразованного человека, оттенял прелесть слога непередаваемым — для заезжих — ленинградским акцентом.

Он не просто читал лекции, а излагал — творил, витийствовал в состоянии полуэкстаза, с чуть прикрытыми глазами; пророчествовал — как дельфийский оракул, как сивилла кумская. Завлекал глаза слушателей обходительностью и каждым движением, ублажал уши будущих инженеров сладкозвучием своей речи.

Я — изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты — предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны⁸⁷.

В антрактах (перерывах между лекциями) Сан Саныч читал Корнеля, Расина (на языке оригинала, естественно), просматривал Юманите-Диманш. За патроном тенью перемещалась ассистент кафедры Быховская, не спускавшая с объекта почитания восторженно-экстатического взгляда; следовавшие за лекциями практические занятия начинала с воскурения фимиама и ритуальных песнопений в честь кумира — туманились глаза, рдели щёки.

Покорился обаянию ума профессора. Записывал все его яркие изречения, новые крылатые слова, глубокие по смыслу речевые обороты. Для формул времени не хватало, списывал их у товарищей, после лекции.

Запас карман не тянет. Конспект сохранил, прежде всего, как пособие по изящной русской словесности; но он пригодился мне и по своему основному назначению два месяца спустя после окончания института, когда на ракет-

ном полигоне Капустин Яр проходил курс молодого бойца (предварявший два года моей офицерской службы). Там, в приволжской степи, свежeweпеченных лейтенантов поместили на месяц в казарму, дали интенсивную солдатскую нагрузку с шагистикой, кроссами, изучением уставов внутренней службы и материальной части.

После недели изнурительных тренировок, на утреннем построении, к нестройной шеренге бывших студентов подошёл капитан — грузин, по фамилии Гургенидзе (имени не помню — но не Аvas). Промокая платком влажную лысину, он поинтересовался, нет ли среди выпускников технических вузов специалистов по строительной механике. Дисциплину эту не изучал, но, почувствовав в вопросе перспективу, сделал уверенный шаг вперёд.

Засидевшийся в младшем офицерском звании капитан заканчивал заочное обучение в высшем офицерском училище, без «ромбика» которого ему не светила звезда майора. В момент нашего первого контакта, ему требовалось срочно решить контрольную работу по расчёту строительных конструкций.

Будущий майор-грузин круто изменил мою солдатскую жизнь. По утрам, когда товарищи по призыву отправлялись строем на боевую и политическую подготовку, лёгким шагом отправлялся в военный городок, на квартиру интенданта Гургенидзе, решать задачки. С помощью, прежде всего, конспекта Сан Саныча и методического пособия, освоил новую науку, после чего, демонстрируя главе семейства исключительную сложность затеянного дела, — под шашлык, купаты, сациви, под бутылку-другую красного вина — тянул волюнку до завершения бойцовского курса.

Одним словом, поставленную небоевую задачу выполнил в срок, ущерба вооружённым силам недостатками в строевой подготовке не нанёс.

***A propos!** В знаменитых шестидесятих годах позапрошлого столетия литератор Боборыкин ввёл в речевой оборот слово «интеллигенция» (с производными «интеллигент», «интеллигентность»), коим выделил особую прослойку сограждан, обладавших не только обширными познаниями, но и чистой, безукорной нравственностью.*

После 1917 года, всё нивелировавшая и классифицировавшая система переопределила «интеллигенцию» как социальную группу, занятую умственным трудом, имеющую высокий образовательный уровень (творческая, научно-техническая интеллигенция).

Умаление в этом, прежде очень ёмком, понятии его коренных составляющих — обострённого чувства справедливости, терпимости, совестливости, честности — привело к структурным переменам в прослойке, появлению в нем нароста «квазиинтеллигентов».

Его отличительными особенностями являются безмерное словоблудие при обязательном сребролюбии, непременная оппозиционность, умеренная рефлексивность, неумеренная кичливость et cetera. (Достаточно вспомнить витий-демократов первой волны переворота 91-го года, их небедствующих потомков.)

Лишь исключив из рассмотрения указанную «коросту», можно говорить о тончайшем озоновом слое нравственной защиты общества — настоящей интеллигенции.

В течение жизни своей не раз вспоминал представителя ленинградской ветви этого поразительного российского сословия, Сан Саныча Пиковского. Вспоминал его беспримёрную эрудицию, благожелательные, мудрые глаза, доброе отношение — со взаимностью — к студентам. Благодарил прекрасного человека за неизгладимый след в моей жизни, за его воспитывающее и шлифующее воздействие на меня в благоприятствовавшей этому среде великого Ленинграда.

Доцент Дубинин

Выковавшая из меня специалиста кафедры вычислительной техники, в рассматриваемый период являла собой гелиоцентрическую систему, где Солнцем ясным блистал профессор Владимир Борисович Смолов.

Вокруг первой величины звезды обращались, как планеты, «птенцы гнезда Смолова»: рафинированно-изысканный Евгений Павлович Угрюмов, сдержанно-обстоятельный Валентин Иванович Барашенков, хладнокровно-спортивный Владимир Степанович Фомичев, обаятельно-демократичный Евгений Александрович Чернявский, мой наставник — мудрый, любительный, безвременно ушедший из жизни Владимир Иванович Тимохин.

В стройном планетарном ряду кафедральных светил была своя комета, яркая и экстравагантная, — доцент Яков Иванович Дубинин. Уважаемый преподаватель прогрессивное дело автоматизации начинал на кораблях Балтийского флота, хотя шутками-прибаутками («Жора! Плюй за воротник, не могу жить без морской пены») больше походил на моряка корабля Черноморского торгового флота, с портом приписки Одесса. Привязку к южному портовому городу неволью подтверждало внешнее сходство Якова Ивановича с Леонидом Утёсовым.

Со студентами ветеран кафедры был запанибрата, что было только декорумом преподавательской демократии. Юнцы и юницы, попавшие в силки общительного лектора, горько раскаивались на экзамене, где уважаемый доцент резко понижал прежнюю доступность до консервативной строгости.

Как твёрдый научный руководитель, держал в чёрном теле своего аспиранта, регулярно и публично обращал его в пепел. Будущий кандидат наук, имея на руках двух детей, терпеливо сносил переменчивый нрав шефа. Париж стоил мессы — аспирант восставал из праха, упорно двигался к защите диссертации.

Вместе с женой и ньюфаундлендом Евфратом, Яков Иванович жил в большой квартире, располагавшейся в главном институтском корпусе. Каждое утро, перед лекциями, студенты могли наблюдать, как дисциплинированный аспирант выгуливает по улице профессора Попова громадного, лохматого пса, метившего уверенной струёй старые дубы у окон кафедры вычислительной техники.

Однажды Евфратик тяжело заболел. Разгневанный Яков Иванович обвинил в недосмотре, в ненадлежащем уходе за дорогим ему зверем надзирате-

ля-ученика. Тот, чувствуя, что уходит как почва из-под ног, так и перспектива получения кандидатских «корочек», помчался — обезумевший — в институтский медпункт, к его заведующей Вете Абрамовне. Щупленькая, бледненькая, очень ответственная и справедливая, сидела она — невидная — в своем кабинете, как птичка на лёгкой ветке.

Узнав о симптомах болезни, исходя из предположения, что речь идёт о недуге доцента Дубинина, она созвонилась и проконсультировалась с коллегами из близлежащего химико-фармацевтического института, выписала ворох рецептов, выделила бывшие в наличии лекарства.

На прощание, невольный кинолог, не к месту, что-то брякнул о Евфратике. Бедная птичка Вета Абрамовна от ужаса упала с кресла, взашей вытолкала говорливого посетителя; с Дубининым — возмущённая — долго не разговаривала.

Пёс вылечился сам травками во время тайных от администрации прогулок в соседнем Ботаническом Саду.

Ленинград — не Петербург

Прошли годы, десятилетия. Много воды протекло через створ Невы, многое изменилось. Страна завершила построение развитого социализма, опробовала галлюцинации новых лидеров в огне перестройки, с последующими процедурами стерилизации и обрезания великой державы.

Легкость исполнения революционного погрома, открывшиеся перспективы безбрежного обогащения подвигли вождей, партноменклатурную пену, их «семьи», клевретов и «обслужу» на новые свершения. Переделили недра и ресурсы, раздробили и растащили кровью и потом сограждан созданный национальный продукт. Опустошили сберегательные книжки у поддомственного народа, погнали его на выживание в медные трубы развёрнутого построения капитализма для отдельно взятой группы людей.

Пришло смутное время, наступила острада, потекли «годы окаянные».

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей»⁸⁸.

Поздняя осень начала двадцать первого века. Косой дождь лениво обмыкает ветви деревьев в опустевшем саду, шуршит по крыше дома. Сижую, поджав ноги, в кресле, смотрю телесериал «Бандитский Петербург». Знакомлюсь с ходом и образом жизни в городе моей юности.

За основными событиями фильма — насилием, грабежами, убийствами — слежу мельком, мешает чувство гадливости. Всё внимание направлено на то, чтобы узреть в череде кинематографических действий знакомые места, соотнести их с событиями давних лет, счастливых дней. Закрываю глаза, погружаюсь в воспоминания.

...«Стометровка» между Литейным проспектом и Фонтанкой. Тёплое, солнечное утро июня шестьдесят пятого года. Спешу по короткому Владимирскому проспекту в Публичную библиотеку на Фонтанке готовиться к экзаменам. По пути — быстрый и вкусный завтрак в кафе «Минутка».

В пирожковой на Невском современный уют:
За цветной занавеской пирожки продают⁸⁹.

...Исаакиевская площадь. Майские праздники шестьдесят шестого года. На смотровой площадке Исаакиевского собора стою с приехавшим из столицы школьным другом Женей Юмашевым. Два дня водил московского студента по городу, показывал «товар лицом», убеждал в преимуществах красот Северной Пальмиры перед видами Москвы.

Московиты мозговиты. На высоте птичьего полёта, наблюдая открывшуюся панораму города, патриот столицы капитулировал.

Мне часто снится этот город
И, видимо, не раз, не два
Доказывать я буду в спорах,
Что он красивей, чем Москва⁹⁰.

...Улица Марата. Осень шестьдесят девятого года. Ресторан «Невский», где бойцы студенческого строительного отряда, во главе с командиром Москаленко, отмечают завершение сезона. Притих зал, умолк оркестр. Все с восхищением слушают песню в исполнении сияющей блеском молодости компании морских офицеров и их очаровательных спутниц.

Над Россией небо синее,
Небо синее над Невой.
В целом мире нет, нет красивее
Ленинграда моего⁹¹.

Текут ностальгические соки, от корней, по дереву воспоминаний. Сопоставляю Ленинград с Петербургом. Пытаюсь, но не могу приложить восторженных эпитетов к нынешнему — первоначальному — наименованию моей второй родины.

Для меня она — по-прежнему Ленинград. Ласкающее слух, возбуждающее сладкое замирание сердца слово; неделимая фонема, без раздражающей «демпатриотов» именной составляющей; эстетическая конструкция, насыщенная спорами высокой культуры, поэзии, искусства; символ особого этноса — настоящих ленинградцев.

За этим словом не только очарование юности, но и подзабытые ныне понятия: спокойная, ясная, уравновешенная, надёжная жизнь; порядочность и честь.

Я люблю Ленинград, будто сам ленинградец,
Нет, не просто проспекты, Неву, Эрмитаж,
Я люблю это слово, — в нём высшая радость...⁹²

Любимый Ленинград — не бандитский Петербург. На том и стою, размышляя о главном периоде моей жизни: «Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые».

Планета «Целина»

Пройдут годы, время придаст оценкам требуемую взвешенность и объективность; наступит пора написания космогонического эпоса о зарождении и исчезновении галактического масштаба цивилизации, носившей название «Советский Союз».

Рациональные историки поведают, как иррациональным сочетанием энтузиазма, добрых человеческих начал с рабским трудом, насилием, чудовищными репрессиями она сотворилась, в невиданной кровавой битве со страшным врагом убереглась.

Трезвомыслящие описатели расскажут, как нахлеставшиеся «огненной воды» племенные вожди-игруны (вскормленные и откалиброванные возжелавшей несметных имущества и денег партийной номенклатурой) отправили эту цивилизацию в районе Беловежской пуши в «чёрную дыру» небытия.

Опишут, как у ввергаемого в Хаос, испускавшего дух — равных возможностей, правопорядка, уверенности в будущем! — державного тела волки-перестройщики и шакалы-прихлебатели выгрызали наиболее крупные и лакомые куски. Всё, что наши пращурсы завоевали, накопили и сохранили — растащили, разграбили, раздали!

Задним умом посетуют, что у закисшей экономически системы не нашлось силы (героя, демиурга — вместо жадных, пустоголовых, властью обладавших инфузорий), которая бы охранила накопления социально-этические и с достигнутых высот печального опыта по-умному бы распорядилась (как уважающие свои корни, свой этнос бывшие братья-китайцы) накоплениями материальными и интеллектуальными, невероятными природными ресурсами.

Возможно, составят мрачный мартиролог погибших, пропавших, обнищавших, обездоленных, не доживших, не родившихся и не состоявшихся.

...Обрываю затянувшийся крик души, перехожу с тропы высокой патетики на тропку песнопений (для будущего эпоса) чудному «космическому объекту», ярко сверкнувшему в звёздной студенческой системе — планете «Целина».

Утро! Утро начинается с рассвета
Здравствуй! Здравствуй, необъятная страна
У студентов есть своя планета
Это, это, это — Целина.

Жизнь ей дал энтузиазм студентов-первопроходцев, которые в начальные годы освоения целинных и залежных земель по комсомольским путёвкам направлялись в помощь переселенцам убирать урожай («На целину нас ЦК послало, народу много, а толку мало...»).

Прошло несколько лет. Студенческий романтизм стал на твёрдые материальные ноги, обрел новые нюансы: на новостройках целинных посёлков, совхозов трудились тысячи юных строителей в ранге бойцов студенческих строительных отрядов, организованных с дисциплинирующим оттенком военной структуры и иерархии (командир, комиссар, штаб, начальник штаба, униформа).

Но не только существенный, по студенческим меркам, заработок привлекал в строительные отряды всё новых и новых adeptов. Планета «Целина» стала местом, где, по словам умницы Экзюпери, зрела «роскошь человеческого общения». Всё, чем богата и прекрасна студенческая молодость, — взрывы сил, крайность мнений, веселье, юмор, дружба, первая любовь, первые разочарования — в полной мере проявлялись в раскрепощающе-объединяющей атмосфере общего жития на степных просторах Казахстана.

...В середине июля 1968 года, как начальник районного штаба студенческих строительных отрядов ЛЭТИ, объединявшего десять линейных отрядов, численностью в пятьдесят-шестьдесят «штыков» каждый, на штабном «газоне» въехал на территорию совхоза «Ленинградский», где трудился отряд моего факультета. Приехал по просьбе комиссара отряда Вали Крылова усилить своим «мастерством» футбольную команду студентов в принципиальном матче с совхозными спортсменами.

Перед посёлком, у обочины грейдерной дороги дотлевали автомобильные шины, использовавшиеся — при остром дефиците дров — для ежевечернего отрядного костра. По местному стадиону, обильно унавоживая место будущего ристалища, бродили коровы, овцы местных жителей; невдалеке, на постройке гаража копошились студенты бригады Кузьмича, освоившего мастерство кладки ещё до поступления в институт.

За новостройкой, в недокопанной траншее, упершись грудью в воткнутый в землю черенок лопаты, стоя спал Витя Корнаков. Тело бойца вздрагивало, сознание самоистязалось в тревожной дрёме, руки — как крылья лебедя-подранка! — бессильно свисали dolu.

В прошлом целинном сезоне он — симпатяга, весельчак, комсомольский активист — влюбился в Галю Подустову. Беда не приходит одна — синхронно в неё влюбился Гена Корнев, гордость факультета, аналитический ум, ленинский стипендиат.

В раскованной обстановке совместного степного быта, где качества Виктора доминировали, дебют остался за ним; но в последовавшем учебном году инициатива, естественно, перешла к отличнику учёбы.

Обременённая двойным успехом, рациональная наядя твёрдо следовала макиавеллиевскому принципу баланса интересов — покидая одного из кавалеров, оставляла надежду другому.

В этот приезд на целину Виктор вновь первенствовал, но из-за наступавшего на пятки соперника ухаживание для него превратилось в почти непрерывный процесс. После ритуального ночного костра с пением песен следовали прогулки с пассией по буйному ковылю и до утра. Отсыпался боец урывками на стройке — под забором, под кустом, на шанцевом инструменте..

Страдала работа. Командование оперативно составило интригу — откомандировали Витю в Кокчетав, в областной штаб для помощи в подготов-

ке фестиваля студенческой самодеятельности. Там, отторгнутый от любимой, бедняга и застрял до конца срока. Гена ярким, уверенным эндишпилем завершил в свою пользу затянувшуюся любовную партию на всю оставшуюся жизнь

Над полевой кухней, хозяйством симпатичной мордвинки Али — стройной и конопатой, — курился дымок; совхоз был птицеводческим: цыплята табака, яичница были основой меню отрядной столовой. В студенческом клубе — сюрреалистически разрисованном красном уголке рабочего общежития — репетирует отрядный оркестр (три электрогитары, ударные инструменты); удачно имитируя «битлз», ребята готовились к танцевальному вечеру.

По случаю матча сезона командир укоротил рабочий день, и к пяти часам отряд факультета автоматики и вычислительной техники — игроки и болельщики — двинулись к футбольному полю.

По дороге брат (по моему примеру — целинник) рассказал мне о своём участии, как понятого, в недавнем осмотре места тяжкого преступления: житель посёлка очень «топорно» разрешил спор с собутыльником. Мрачно-натуралистические подробности услышанного донельзя меня растревожили. Тревога ещё больше усилилась, когда, увидев готовящихся к игре соперников, оценил их мощные чресла, широкие плечи — настоящие «чикагские буйволы» предматчевой демонстрацией крепости бицепсов, трицепсов, икроножных мышц психически подавляли бледнолицых соперников.

Сила солону ломит — не столько сражались, сколько были сражаемы. Тихоходы-механизаторы обламывали бившихся в истерике атак студиозусов на дальних подступах к своей штрафной площадке; встречное наступление вели через статного и поджарого форварда Васю; тот, наклонив — как таран — голову, рвался вперёд, всех выкашивая на своём пути.

Почти каждый прямой контакт с совхозными физкультурниками приводил к выносу студенческого тела в полевой лазарет, устроенный врачом отряда за воротами. Командир стройотряда весь матч судорожно метался вдоль бровки поля; видя очередное умаление трудовых ресурсов, хватался за голову, бил себя по ляжкам и кричал, что такой футбол ему не нужен.

Победу, с минимальным перевесом, праздновали хозяева поля. Простившись с травмированными соратниками, вернулся в штаб. Там, добравшись до койки — *«Весь изранен и так жалобно стонал»*⁽¹⁶⁶⁾ — ещё долго перебирал в памяти эпизоды проигранного матча, кипя от возмущения, томясь жаждой мщения.

Ближе к полуночи, ослабленный недавней встречей с местной активисткой, ко мне заглянул посткоитальный Аркадий Баранов. Студент четвёртого курса Ленинградского университета, он — как будущий журналист — проходил практику в местной газете; включённый в состав нашего штаба, освещал героику студенческого труда на новостройках Ленинградского района Кокчетавской области. Узнав о прошедшем, без его наблюдения, футбольном матче, зная мою тягу к перу, будущий публицист предложил мне написать для газеты отчёт о спортивном событии.

Целина — 65. Дело толком красно. Мой друг-однокурсник, Игорь Яценко достраивает сельскую школу. «Что нам стоит дом построить, нарисуем — будем жить!»

Студенческая целина — Кокчетавская область, Ленинградский район, совхоз «Ленинградский», июль 1965 года. «Иных уж нет, а те далече...» — Димы Васильева, на снимке девятнадцатилетнего, судьбу себе выгадывающего, «уж нет».

Осень 1969 года. Студстройотряд ЛЭТИ на марше по Невскому проспекту

Вечер, тихий вечер

Вечер, тихий вечер даль укутал мглою
В дымке над мостами — фонарей огни.
Радостно на сердце — этого не скрою:
Мы с тобой одни.

Радость новой встречи после расставанья —

Подойди поближе и в глаза взгляни,
Долго не забудем этого свиданья —
Мы с тобой одни.

Припев:

По пустым площадям
Мы обнявшись идём
У меня для тебя
Много ласковых слов.
Город тихо уснул,
Нас не видит никто.
Лишь уносится в ночь
Шорох наших шагов.

Завтра за учёбу — книжки и тетради:
Кончились каникул золотые дни.
А сейчас нас только двое в Ленинграде —
Мы с тобой одни.

Не расстаться будет даже на рассвете,
Гаснут в небе звёзды так зачем они?..
Нам с тобой не надо никого на свете —
Мы с тобой одни.

Припев.

Слова и музыка выпускника факультета электронной техники ЛЭТИ В.Эпштейна. Опубликовано в институтской газете «Электрик» в 1958 г.

Фотоснимки И.В.Яценко, студента ЛЭТИ, 1964-1970 гг.

В целинной степи романтический вечерний костёр составлялся не из остродефицитных дров, а из использованных покрышек. Горели они ярко и долго, и песни под гитару в возбуждающей обстановке языческого пламени пели все бойцы студенческого строительного отряда, даже слабые голосом и слухом.

В июле 1968 года на спортплощадке совхоза «Ленинградский» (Кокчетавская область Казахстана) состоялась очень товарищеская встреча по футболу между студентами-строителями и местными спортсменами.

Коровник — самый выгодный объект работ

Я расскажу тебе много хорошего В. Вихорев

Я расскажу тебе много хорошего
В тихую лунную ночь у костра.
В зеркале озера звёздное крошево
Я подарю тебе вместо венца.

Бархатом трав лесных плечи укутаю
И унесу тебя в лунную даль,
Чтобы не знала ты встречи со скукою,
Звонкою песнею гнала печаль.

Тёплой песнею стужу развею я
И растоплю твои льдинки у глаз,
И расскажу тебе, если сумею я,
Как я люблю тебя тысячу раз.

Ты у меня одна Ю. Визбор

Ты у меня одна, словно в ночи луна,
Словно в году весна, словно в степи сосна.
Нету другой такой ни за какой рекой,
Нет за туманами, дальними странами.
В инее провода, в сумерках города.
Вот и взошла звезда, чтобы светить всегда,
Чтобы гореть в метель, чтобы стелить
постель,
Чтобы качать всю ночь у колыбели дочь.

Вот поворот какой делается рекой.
Можешь отнять покой, можешь махнуть
рукой,
Можешь отдать долги, можешь любить
других,
Можешь совсем уйти, только свети, свети!

Песня от правах Е. Клячкин

Ты наверно права,
Что об этом молчишь
Это ж просто слова
Разве в них углядишь
Как не гляди.
Право годы забыть
Право помнить часы
Право выбрать как жить,
Бросив жизнь на весы.
Быть жестокой к себе,
Говорить про кино,
И в подушку реветь
Только ей всё равно.
И имеешь ли ты
Право всех обмануть
И казаться стальной
Право вдруг притянуть
И заплакать «он мой»!

А вообще ты права
Это просто слова.

Через пару дней, 18 июля 1968 года на последней странице районной газеты «Совхозная правда», за моей подписью, был опубликован — выделенный жирным шрифтом! — репортаж под названием «Матч сезона».

«Вчера, на центральном стадионе совхоза «Ленинградский» состоялась, как его назвали видные спортивные обозреватели, матч сезона — встречались команды местного спортклуба и студентов.

В 18.00 команды выбегают на поле. Следует обмен букетами цветов, вымпелами. Судья пускает в 90-минутный путь свой секундомер.

После короткой борьбы в центре поля, мяч оказывается у студентов. Следует точная диагональная передача на Львовича — финт влево, рывок вправо и резкий удар по воротам. В потрясающем броске вратарь вытаскивает мяч из-под планки. Трибуны изнемогают от восторга.

Но вот по правому краю в ответной атаке мчится любимец публики и, заранее скажем, герой сегодняшнего матча Вася. Движения его изящны, бег подобен бегу быка во время корриды, которому тореро успел всадить в загривок пару бандериллий. Следует пушечный удар по ногам защитника Юрия Буймова, и мяч влетает в сетку ворот студентов.

Трудно передать, что творится на трибунах: задыхаются от восторга мужчины, плачут женщины, смеются дети. Темп матча возрастает с каждой минутой. Хозяева демонстрируют хитроумные финты, искромётные дриблинги, завершающие кинжальные удары по телам и воротам гостей. Вот, сражённый сильным боковым ударом, на газон стадиона опускается Витя Головцов, в очередной пробег через всё поле пускается врач отряда Галя Румянцева.

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся», — гласит евангельское наизидание, но кто сможет утешить командира отряда, потерявшего очередную пару рабочих рук!?

Не выдерживает любвеобильное, по отношению к своим землякам, сердце судьи. С улыбкой падшего ангела выслушивает он протесты гостей, но (следует отдать должное его благовоспитанности) во время подобных переговоров старается дышать в сторону.

Таранящие, всё сметающие комбинации хозяев продолжились и во втором тайме. Завершая одну из них, совхозный игрок принял на грудь мяч, сбросил его на ногу и далее вколотил вместе с вратарём в сетку ворот.

В редкой контратаке приезжие скромно, но ответили — один из немногих оставшихся на поле игроков забил гол престижа.

Матч окончен. Со счётом 2:1 победили хозяева поля. Но не будем говорить ни о победителях, ни о побеждённых, ибо в итоге победила дружба. На скрижали совхозного футбола вписана новая, блестящая глава».

С пачкой пахнувших типографской краской газет вторично прибыл в отряд, где, получив триумф, был обласкан студенческим сообществом, увенчан лаврами. Дима Денисов, бард и сильный романтик, пообещал — в мою честь — сочинить и положить на музыку гимн.

Смысл иезуитской по форме и изысканной по содержанию вендетты до поселян не дошёл; некоторые из них даже обиделись — почему в публикации упомянут только Вася, когда были и другие, не менее достойные организаторы победы?!

Увы, не довелось мне увидеть врагов, посыпающих пеплом отчаяния головы; сладость мести резко уменьшилась. Её ещё больше «окислил» комиссар районного отряда Игорь Мидлер. Как старший по должности он искренне пожелал мне стойкости и бодрости духа в предстоящих испытаниях — если в областном штабе или (не дай Бог!) в райкоме партии ознакомятся с публикацией, то за политическую незрелость светит мне, соколу ясному, досрочное завершение штабной работы и дорога дальняя в Ленинград, с последующими оргвыводами в институте.

Душа переселилась в пятки, пришла бессонница, перспектива получить ярлык идеологически нестойкого, вместо приличного заработка, не радовала. Томительно потянулись часы ожидания верховной кары, но штабной телефон — по этому поводу — молчал.

Звонок из райкома — не партии, а комсомола — раздался через несколько дней после несладкого акта мести: местные ребята пригласили весь состав районного штаба на давно оговоренный пикник. О «слабой» публикации никто не вспомнил; бишбармак, суп шурпа (под стакан-другой кумыса) погрузили общее комсомольское собрание в состояние гастрономической меланхолии.

В студенческих строительных отрядах действовал строжайший запрет на употребление спиртного — засветившиеся нарушители немедленно изгонялись из движения.

Кумыс, обладающий приличным отъясняющим воздействием, в перечне запрещённых напитков не числился, поэтому именовался: «лазейка в сухом законе».

«Мир стал заманчивей и шире»⁹⁸. На новое предложение от коллеги Баранова дать новый материал в номер отреагировал — уже как маститый газетчик! — уверенным согласием; писал фельетоны, заметки, открыл рубрику «Страницы классики»; мой творческий труд неплохо оплачивался.

В первое воскресенье августа, по случаю Дня строителя, весь районный отряд по-военному организованной автоколонной отправился в курортный посёлок Боровое; там, на одноимённом горном озере, в сосновом бору, на песчаном пляже прекрасно отдохнули: плавали, загорали, играли в футбол; забили и освеживали — на шашлыки! — прибывшего с нами барана.

Неделю спустя, тем же порядком, в том же составе наш институтский отряд — как и районные отряды других ленинградских вузов — прибыл в Кокчетав, на фестиваль художественной самодеятельности. В нём первенствовала сборная команда ЛЭТИ, ведомая ветеранами стройотрядов, трудившимися под началом Толи Богача в совхозе «Горьковский».

Лучшим номером концертного конкурса авторитетное жюри признало пантомиму Володи Сивкова «Барышня и хулиган». Когда загорелый, крепко сбитый Толя Аднашкин («барышня») — в детской панамке, в балетной пачке

и белых тапочках — только появился на сцене, зал зарыдал от хохота, но когда он уверенными приёмами самбо стал разбрасывать по сторонам наглого «хулигана» Лёню Осинковского (закинув его, в конце концов, в партер), зрители забились в пароксизме смеха.

Не до смеха было бойцам отряда моего факультета, пережившим, незадолго до отъезда, глубокую трагедию.

Завхоз Изя, во время поспешного посещения нужника, уронил в его чрево подписанные совхозным руководством наряды на выполненные студентами работы. Весь заработок отряда накрывался фекалиями — судьбу его решали мгновения.

Володя Филимонов (основательный и надёжный сельский парень — дрова порубит, барана к шашлык «обеспечит»), страхуемый прочным шнуром, опустился в гибельную бездну, выхватил — в последний момент! — ставшие несвежими, но действующие ведомости на выплату зарплаты. Спаситель получил славу и медаль «Отважнейшему», а неряху и неумёху Исаака заклеили переиначенной частушкой:

*Сидит Изя на крыльце
С выраженьем на лице
Выражает то лицо,
Чем садятся на крыльцо*

Как в калейдоскопе, промелькнули яркие дни финала целинной эпопеи: суматошные сборы в дорогу; прощальный митинг; двое суток необузданного веселья, песен под гитару — в мчавшемся в сторону Ленинграда поезде...

Обо всём этом напомнила мне случайно найденная, среди книг, пожелтевшая от времени газета. Напомнила, тронула сердце долгими, печально-нежными воспоминаниями.

Толпою поднялись знакомые виденья,
И из поблекших строк отрывочных листов
Повеяли мне вновь былые впечатленья,
Раздался вновь аккорд замолкших голосов.
(С. Надсон)

Картошка по-студенчески

Капитан на этой шхуне Джон Кровавое Яйцо,
Словно ж... бегемота капитаново лицо.
Народная песня 60-х гг. XX века.

Приведённые выше строки — самая приличная часть песни, которую, в сентябре 1965 года, нестройно — с притопами и прихлопами — исполняли мои друзья-однокурсники Алик Ратновский и Илья Ханцис. Импровизиро-

ванный концерт был формой расчёта с водителем грузовика по имени Гена, с радостью согласившегося, сверх исполнения своих прямых обязанностей, выполнять работу студенческого дуэта: сбрасывать собранную в полях картошку в яму хранилища, наслаждаясь за это удивительным слогом фольклорных диковинок («Ужасный шухер в доме Шнеерзона...», «Жену свою Клавку я очень любил, костыль на неё не поднялся...», «На Дерибасовской открылась пивная...»).

В том году студентов-второкурсников вузов Ленинграда, по директиве Смольного, на месяц отправили в поля области, на битву за урожай картошки.

Опустела вся Сорбонна
И студентов не видать:
Нас послали под Парижем
Артишоки собирать¹⁵⁶.

Во исполнение партийного циркуляра, первого сентября, после торжественного митинга у входа в третий институтский корпус, нас — студентов трёх групп факультета автоматики и вычислительной техники — вывезли автобусами в деревню Молосковцы, где расселили, сепарируя по половому признаку, в двух больших, выходящих в зрительный зал, комнатах совхозного клуба. Входы в импровизированные спальные помещения новосёлы отметили двумя большими буквами «М» и «Ж»; такие же маркеры стояли на скрипучих и разболтанных дверях малоуютного бытового сооружения, располагавшегося во дворе, за углом очага культуры.

Наутро студентов вывели «во широко поле», выстроили — в три шеренги и перед картофелеуборочным комбайном. Держинский, оперативный и очень сосредоточенный, зачитал директиву центра, повелевшего рассматривать предстоящий месяц труда в совхозе как вид учебной, подконтрольной деканату, практики; уход с поля в рабочее время — попытка к бегству, невыход на работу — побег.

Иван Иванович Держинский — аспирант факультета автоматики и вычислительной техники; сын композитора Держинского (кстати, также Ивана Ивановича), автора большого гражданского звучания опер «Тихий Дон», «Поднятая целина».

За глаза именовался студентами Железным Ваней; со смыслом был направлен деканатом для исполнения функций надзора и обеспечения трудового энтузиазма

Номенклатурный директор совхоза, давно привыкший к дармовой рабочей силе, ссылаемой к нему в ответственные дни картофелеуборочной страды, поздравил очередную её партию с предстоящим праздником труда; объявил студентам уборку корнеплодов делом их чести, совести и героизма; заговорившись, заправил арапа: посулил малоденежным горожанам золотые горы.

По завершении митинга, Валерий Чихман, крутогрудый красавец, отличник учёбы и очень системная личность, взяв оратора под локоток, предложил — ярко, убедительно, идеологически выверено — организовать полевой труд на началах бригадного хозяйственного расчёта и самофинансирования; у руководителя хозяйства глаза полезли на лоб, он разнервничался и сбежал.

Страна уже год жила без идей и разработок главного специалиста по сельскому хозяйству — Никиты Сергеевича Хрущёва.

Новые партийные генералы в этом деле до уволенного ими предшественника явно не дотягивали.

Миша Горбачев только начинал разрабатывать язык (как орган) для грядущего переустройства державы на невидной комсомольской работе.

Намерения не по годам мудрого друга Валерика использовать хозрасчёт в сельском хозяйстве явно опережали время.

В осенней смычке города и села активной стороной были назначены студенты; холодными рассветами, после недолгого сна вполглаза, брели мы месить полевую грязь, гнуть спину на подборке вывернутых комбайном клубней. Селяне — пассивная составляющая процесса — разбрелись по своим делам, разъезжались по питерским рынкам.

Железный Ваня на поверку оказался застенчивым, податливым интеллектуалом, не соответствующим приложенному к его имени эпитету негнибаемого однофамильца. Начальные административные порывы потенциального профессора, уже в первые трудовые дни, увяли, стал наш случайный цербер ненавязчивым и нетребовательным.

В середине сентября его сменил кафедральный геракл и аспирант Роберт Фрейдзон. Бодрый юноша поначалу пытался навести возможный порядок в гарнизоне. В видах возрождения дисциплины, поколотил дерзкого на язык студента Попова, однако, по примеру предшественника, скоро остыл. Большую часть образовавшегося свободного времени красавчик Роберт стал расходовать на наблюдения за эффектным ходом тазобедренного сустава волоокой Иры Плаксиной — отличницы учёбы и члена сборной команды института по художественной гимнастике.

Успех картофельной страде обеспечили бывшие служивые, оставшиеся, и после «дембеля», ответственными и дисциплинированными людьми. С неизменной улыбкой во взоре, «пулемётными очередями» закидывал картошкой контейнеры симпатяга Коля Фёдоров, усиленное рвение, как член партии, изъевлял Виталий Макаревич.

В трудовом усердии им мало в чём уступали студенты-провинциалы, знавшие почём фунт лиха; с горем пополам несли свой тяжкий крест особо рафинированные ленинградцы — шатало, в безветренную погоду, от поднятого пустого ящика, Гришу Чернякова, на благородном расстоянии от грязных овощей оберегали свой маникюр некоторые юные леди.

Самонастроившись, своей колеей двигался досуг составившейся студенческой корпорации, вспыхивая, по завершении рабочего дня, карнавальностью. Вечер в нашем таборе начинался общей трапезой, где количество выпитого соперничало с качеством съеденного.

...Уста жуют. Со всех сторон
Гремят тарелки и приборы
Да рюмок раздаётся звон⁷².

По мере подогрева, оперативно решались мировые и институтские проблемы, предлагались и рассматривались самые смелые реформы, упрощалось мировосприятие, выявлялись лидеры и трибуны, компоновались — на будущее! — кластеры и группы друзей-однодумцев.

Застолье завершали, мажорными ударами по струнам гитар темперментный Игорь Царёв и по-британски ироничный Владик Вальковский — виртуозно комбинируя пятью-шестью аккордами, они покрывали достойным музыкальным сопровождением весь наш песенный репертуар.

Давным-давно на дальнем Севере,
Где человек сидел на дереве,
А у костра толпа голодная
Стучала костью в барабан...

Драли глотки все желающие, тем боле что песен усреднённого качества, годных для барабанного тембра «пения», было немало: «Ей, ей, ей, хали—гали!», «У девушки с острова Пасхи украли любовника тигры», «Убили Лумумбу!»...Энергичные тексты, по неписанному правилу, сменялись «сентиментальными» сочинениями, требовавшими исполнения с надрывом, допускаящими лёгкую слезливость:

Он капитан, и его родина Марсель,
Он обожает женщин, спирт и драки,
Он курит трубку, пьёт крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки.

И лишь пройдя нижнюю, невысокого качества, часть репертуара, переходили мы к высоким «псалмам» Булата Окуджавы, классика и несокрушимого кумира, к песням Городницкого, Кукина, Клячкина; пели о туманах и о запахе тайги, о крае забытого детского сна, о держащих небо Атлантах, об укутанных бархатом лесных трав плечах любимой...

Я расскажу тебе много хорошего
В тихую лунную ночь у костра.
В зеркале озера звёздное крошево
Я подарю тебе вместо венца.

Закончив песнопения, «братья и сестры» студенческой общины приступали к хореографии. В те годы прогрессивная молодёжь страны меняла танцевальное направление: консервативный «твист» вытеснялся прогрессивным «шейком»; смена ориентиров побуждала нас к переучиванию и повышению квалификации.

Как величайшую драгоценность, Володя Пожитков — новатор и староста группы — доставал заветную плёнку с записями «битлз» и начинал танце-

Наш картофельный шлягер.

Колумб Америку открыл –
Ошибку сделал он большую.
Чудак! Он лучше бы открыл
На нашей улице пивную.

Так наливай, брат, наливай!
И всё до капли выпивай!
Вино, вино, вино, вино –
Оно на радость нам дано!

Коперник целый век трудился,
Чтоб доказать земли вращенье.
Чудак! Зачем он не напился,
Тогда бы не было сомненья!

Так наливай студент студентке –
Студентки тоже пьют вино,
Непьющие студентки редки,
Они уж вывелись давно.

Смутно вспоминается ещё один хит поры уборки картошки.

У бегемота нету талии!
У бегемота нету талии!
У бегемота нету талии!
Он не умеет танцевать!

А мы ему по морде чайником!
А мы ему по морде чайником!
А мы ему по морде чайником!
И научим танцевать!

Были и чисто лирические студенческие мотивы...

Мирно засыпает родная страна,
В Ленинградском небе — золотая
луна.

Ночью над союзом и над нашим
вузом

Опускает крылья тишина.

Пусть издалека нам зачёты грозят,
Думать постоянно об этом нельзя –
С песней кончил день ты — так поют
студенты.

Это значит так поют друзья...

Картошка — 65. Миша Лейтман (ныне — Михаил Лайтман, профессор онтологии и теории познания) принимает гитару от Игоря Царёва. Слева — Наташа Сысоева, справа — Лёня Шуваев.

«Для сладкой памяти невозвратимых дней». Картошка — 65. Гриша Черняков впервые в своей жизни пробует спиртное (коньяк «Плиска»). Не верят своим глазам Шура Осокина и Дима Васильев.

Картошка-65. Справа — назначенный ответственным за уборку корнеплодов, староста группы №436 Вовчик Пожитков, за ним — наш гитарист Владик Вальковский (оба — круглые пятёрочники)

Бабье лето.

Слова И. Кохановского

Клёны выкрасили город
Колдовским каким-то цветом.
Это скоро, это скоро
Бабье лето, бабье лето.

(2 раза)

Что так быстро тают листья –
Ничего мне не понятно...
А я ловлю, как эти листья,
Наши встречи, наши даты.

(2 раза)

Только вот ругает мама,
Что меня ночами нету,
Что я слишком часто пьяный
Бабьим летом, бабьим летом.

(2 раза)

А я кручу напрапалую
С самой ветреной из женщин,
Я давно хотел такую –
И не больше, и не меньше.

(2 раза)

(Вариант: «Можно больше, но не меньше»)

Я забыл, когда был дома,
Спутал ночи и рассветы!
Это омут, ох, это омут –
Бабье лето, бабье лето.

(2 раза)

А ближе к весне хорошо «шёл» Булат
Окуджава – «**Дежурный по апрелю**»

Ах, какие удивительные ночи!
Только мама моя в грусти и в тревоге:
– Что же ты гуляешь, мой сыночек,
Одинокий, одинокий?

(2 раза)

Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звёзды и круглее и добрее.
– Мама, мама, это я дежурю,
Я – дежурный по апрелю!

(2 раза)

– Мой сыночек, вспоминаю всё, что
было, стали грустными глаза твои,
сыночек.

Может быть, она тебя забыла,
знать не хочет? Знать не хочет? –

(2 раза)

Из конца в конец апреля путь держу я.
Стали звёзды и круглее и добрее.
– Что ты, мама! Просто я дежурю,
Я – дежурный по апрелю...

(2 раза)

Студенты-третьекурсники ФАВТ – перед отъездом на уборку морковки – исполнили экскурсию в город Пушкин (сентябрь 1966 года).

«Наши женщины – не вампы, не медузы,
А достойно кончившие вузы
Воины науки и труда».

Сентябрь 1965 года. Бойцы картофелеуборочного фронта, группы 434 ЛЭТИ, заслуженно отдыхают.

Сборщики картофеля обедают (без скоромного)

вальный урок. На сцене, в режиме «форсажа», надрывался магнитофон. В зале, стуча, как мустанг в прерии, ногами-ходулями по полу, заламывая руки, изнемогал в экстазе ритма Владимир, за ним синхронно изнемогали, погружаясь в транс, послушные ученики.

Помимо танцевальной эквилибристики, была в наших вечерах тихая прелесть игры в преферанс, которому — как первопроходец — обучил большую группу однокурсников. (Самый способный из них, Ильюша Ханцис, надолго стал моим карточным партнёром; не одну «пульку» записали мы вместе, в снимаемой им квартире, за Пушкинским театром.)

Личный курс молодого преферансиста прошёл ещё в девятом классе, у известного в городе Умани специалиста, отставного военного лётчика по прозвищу «Семь Пик», который годами шлифовал искусство игры в патрульных полётах на стратегическом бомбардировщике, от Балтики до Курильской гряды.

Дружеское общение завершалось далеко за полночь; утомлённый им, вместе с другими «мужиками», брёл в наше «лежбище»; коллективно, на глаз, определяли загазованность помещения «в топорах» («хоть топор вешай»); все разом забывались тревожным сном, до очередной утренней побудки.

Ближе к октябрю, комитет комсомола направил к нам большую агитбригаду, в составе которой находились наши однокурсники, побывавшие летом на целине и потому освобождённые от картофельного «оброка». Среди самодеятельных артистов блистал, украшенный многими добродетелями, Дима Денисов — гитарист, сочинитель песен, ценитель женского обаяния, пронёсший страсть к изящному — через всю жизнь! — от невских до рейнских берегов.

Он с лирой странствовал на свете,
Под небом Шиллера и Гете...⁷²

Прибывшие на подмогу до картошки не добрались — ограничились укреплением духа заматеревших в работах однокашников. Многогранный Дмитрий докуривал папиросу «Беломор», придававшую ему дополнительную мужественность, рвал» струны. Группа сопровождения — Игорь Яценко, Лена Шарова, Таня Цветкова — рьяно заводила: «А мы ещё не старики, а мы студенты из ЛЭТИ».

Лиза Боловина, чьё веское общественное положение (староста группы!) не позволяло бездумно раскрепощаться, сдержанно подкудахкивала. Сардонически усмехался всезнающий Саша Экало. Ворох свежих анекдотов «притаранил» мой будущий друг, Саша Шебанов, выдав их слушателям единым концертным номером.

Выловил рыбак золотую рыбку; та, в обмен на свободу, предлагает ему, оптом, исполнение трёх желаний. За первым дело не стало: «Чтоб было мне озеро водки!», затем, немного помывшись, объявил второе: «И чтобы река из водки в это озеро впадала!». Долго думал над третьим желанием мужик; ничего не придумав, махнул рукой: «А, давай пол-литра — и проваливай!».

В тот вечер, от имени нашей артели с ответным эстрадным номером выступил общий любимец и круглый отличник Рашидик Инеев. Славился он, больше походивший на подростка-школьника, высоким чувством собственного достоинства; представлялся, по-особому картавя, только по имени-отчеству: «Рафьд Хафымович Инеев».

Стал наш гордый сокол, в движениях и словах раскованный, на стул и, поблёскивая стёклами громадных окуляров, зачитал развесёлые куплеты:

Огромный праздник в доме дяди Зуя,
Наш Зуй сидит один и водку пьёт.
За Ваську, скобаря-буржуя,
Марусю замуж выдаёт.

Живём (так полагали пращурь!) — как на роду написано. У каждого — своя нить, своя дева судьбы (звезда!) — эту нить прядущая, за ней следящая.

Милый Рашидик родился не под счастливой звездой. Недолго вилаась нить жизни нашего товарища, рано закатилась его звезда, дав на прощание поработать несколько лет на кафедре радиотехнического факультета, куда он был заслуженно распределён, по окончании института.

Должен заметить, что на полевые работы довелось ходить мне не более недели. Стараниями хозяйственного Чихмана — бездна премудрости! — скоро организовалась небольшая бригада для выполнения завершающих операций калибровки собранной картошки и перевозки её товарной части на длительное хранение. Более того, несмотря на неудачу прямого контакта с директором совхоза, Валерий — сам себе голова! — сумел, верным способом, расположить к себе руководителей среднего звена, которые — приняв «литру» — твёрдо пообещали оплатить погрузочно-разгрузочные работы по отдельному наряду.

Переместившись в большой ангар, мы с Валерием грузили отобранную картошку — через транспортёр — на грузовик, Илья и Алик сопровождали груз до хранилища, где были обязаны выполнять разгрузку. Предприимчивые друзья-земляки тонко и политично повели дело в своем маленьком кибуце. Заговорили водителя Гену анекдотами, байками, обволокли туманом выдержек из Бабеля, Зощенко. Вместе репетировали блатные песни, пикантные частушки («Ивановна в реке купалась...», «На деревне благодать, шуточки солёные...»), учили молодого пролетария одесскому жаргону, нюансам ненормативной лексики.

Геннадий оказался очень прилежным учеником, с удовольствием, как росток к свету, тянулся к знаниям; и, наконец, — цель учебных усилий! — взял на себя разгрузочные работы.

Однажды, в конце рабочего дня, у общепитовского магазина, остановил Гену с институтскими наставниками; поинтересовался, куда едут. «Едем в Лапеды, утолять половую жажду», — продемонстрировал новый, образный стиль построения фразы водитель (Лапеды — соседняя деревня, где совхозные парни регулярно выясняли отношения с тамошними соперниками). Разворачиваясь, по моей просьбе, на дополнительную ходку, резюмировал

по-одесски: «Вам из подвала виднее!» Алик и Илья, улыбаясь во весь рот, радовались успеху своего опекуна.

В первых числах октября, когда первые белые мухи закружили над перекопанным полем, когда второкурсники стали паковать свои рюкзаки, совхозные счетоводы совместили доходные и расходные ведомости городских помощников. Выяснилось, что работавшие на ниве студенты, из-за переедания в совхозной столовой, оказались — в итоге — в долгу перед хозяйством; долг, правда, простили.

Наша автономная бригада, оттрудившаяся на сдельно-премиальном подряде, получила — по отдельной ведомости — хорошую зарплату. Принцип хозяйственного расчёта, о необходимости внедрения которого постоянно говорил Валерий Николаевич Чихман, восторжествовал.

Это было давно — в прошлом столетии, в другой эпохе, на другой планете. Растворилась, в пространстве и времени, молодость; жизнь подвигается к осени. В чувствах всё больше минора, всё меньше мажора.

Память, всё чаще и чаще, извлекает из своих глубин самые яркие, согревающие душу и сердце, воспоминания. И среди них — тот месяц на картофельном поле, сблизивший, объединивший нас, молодых и горячих, в полноценное, энергичное и весёлое студенческое братство.

Кинематографической чередой перед глазами проходят лица однокурсников, на всю жизнь сохранившиеся в памяти неизменно двадцатилетними — весёлыми и грустными, порывистыми и сдержанными, но все — очень дорогими.

Вечером синим, вечером лунным
Был я когда-то красивым и юным,
Неудержимо, неповторимо
Всё пролетело ...далече...мимо...
(С. Есенин)

Чтобы помнили!

Мой первый друг, мой друг бесценный...
А. Пушкин

В просторном загородном доме, где много лет обитаю анахоретом, с одного из снимков — экспоната ретроспективной фотогалереи — всматривается в меня взглядом волевого, очень сдержанного, надёжного человека старинный, давно ушедший из жизни друг — Валерий Фёдорович Москаленко (ростом, худощавым лицом, сухопарой фигурой, тонким, чуть изогнутым носом, очертанием рта похожий на актёра Леонида Филатова).

Весной в первой половине мая, когда тёплый ветерок, через полуоткрытое окно, начинает перебирать складки занавесей, когда закипает белой пеной

мною выращенный сад, когда появляется особый душевный непокой, взгляд умных, пронизательных глаз с фотоснимка возвращает чёткость смутным воспоминаниям о годах студенческой молодости, о нашей дружбе.

Он напоминает о первом знакомстве в институтском комитете комсомола, об искрой мелькнувшем между нами чувстве, не сразу осознанной, взаимной симпатии; о нашей совместной «службе» в штабе студенческих строительных отрядов ЛЭТИ, о радовавшем нас активном общении, длившемся почти два десятка лет, о моём, фактически оседлом командировочном быте в гостеприимной квартире дома на улице Дивенской.

Однажды, под располагающее к писанию настроение, фотографическая, едва заметная улыбка ленинградского друга, подняв из памяти череду импульсивно-пёстрых напоминаний о совместном ярком, изумительном, прошлом, дала жизнь коротким рассказам — добрым и чуть ироничным, отороженным нежным и уважительным юмором к глубоко чтимому мною человеку.

Сухой закон и сексопатология

В конце июля 1969 года, по личному распоряжению командира районного студенческого строительного отряда «Ладога-69» почти неделю инспектировал состояние умов и уровень производственных достижений в пятнадцати линейных отрядах, дислоцированных в Подпорожском и Лодейнопольском районах Ленинградской области.

За время перемещения по преимущественно лесным дорогам, мимо потрясающей красоты озёр, чтобы не уснуть под убаюкивающее урчание двигателя, спели с водителем большую часть известных нам песен. (В первую очередь — песню выпускников ЛЭТИ, композитора Александра Колкера и поэта Кима Рыжова, первой исполнительницей которой была Лидия Клемент, к сожалению, рано умершая.)

Долго будет Карелия сниться
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озёр.

Завершив командировочные дела, ещё на подъезде к Подпорожью шестым чувством уловил крутой скандал, незримым смогом окутавший помещение штаба, который располагался на окраине города, на втором этаже деревянного, почерневшего от времени общежития. Причиной общего воз-

буждения, как выяснил, стала боец отряда факультета электронной техники Элла (со следующего года — Москаленко), совершившая пятикилометровый марш-бросок из посёлка Важины на свидание с будущим супругом.

В поступке юной студентки нарушения устава строительных отрядов не было — уход из отряда в выходной день был согласован с его командиром, Мишей Ежовым. Однако верховный, посчитав, что приватный характер визита и возможное публичное проявление пылкой симпатии расслабят по-спартански строгую обстановку в штабе, отправил Эллу Михайловну в обратный пеший переход.

Призвав командира к милосердию, получил от него служебное авто, на котором догнал убитую горем путешественницу и вернул её в отряд. После обеда Валерий Фёдорович (во взаимоотношениях — строгий, но справедливый!), окончательно умягчившись, отправился на болезненную и непростую процедуру примирения. Меня — начальника штаба — оставил за старшего над телефоном.

Побродив по обезлюдевшему штабу, с наступлением вечера, располагающего к сумеречному настроению, прилёг с любимым томиком Блока на свою узкую постельку аскета — стал заучивать изысканного слога «Незнакомку».

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

Многочисленное чтение-повторение утомило меня, сомлел и погрузился в дрему (многим знакомое состояние, когда сознание ещё судорожно цепляется за уходящую реальность, а подсознание уже начинает бродить в фантазмагорических вспышках ирреальности).

...Открывается дверь. В комнату неспешно, неслышно вливается, облачённая в светло-прозрачный пеньюар, Прекрасная Незнакомка. Присаживается на край кровати, склоняется ко мне, гладит волосы, целует в шею, в губы (о, восхитительный сон, — не проходи!), шепчет бесстыдно-сладкие слова...

В какой-то момент почувствовал, что прерывается дыхание, что задыхаюсь. Судорожно вздрогнув, широко открыл глаза, пробудившееся сознание взяло ситуацию под контроль.

На мне, придавив все жизненно важные органы, покоилось распластанное — грудь в грудь — тело главного врача районного отряда Галины Касьяненко, выпускницы медицинского института и уже незамужней. Утомлённая безрезультатными попытками возбудить приёмами мануальной терапии пассивное тело штабиста, она, приняв для отваги критическую дозу медицинского спирта, погрузилась во встречный сон.

От ужаса, у меня онемели все (абсолютно все!) члены, язык прилип к гортани.

Ужас из железа выжал стон,
По большевикам прошло рыданье⁹³.

После минутного оцепенения я выбрался из-под притомившегося тела соратницы и с изменившимся лицом сбегал к протекающей неподалёку реке Свирь, в хладных и быстрых струях которой остудил перегретое трением тело.

Поздно ночью вернулся Москаленко. Встретив командира у крыльца, я доложил ему, что в гарнизоне произошло нарушение, форму проявления которого можно оценить, только поднявшись в мою комнату. По дороге попросил нарушителя сухого закона умеренно наказать, но из движения студстройотрядов не изгонять.

Командир долго и весело оценивал открывшуюся жанровую сценку. Заключил, многозначительно посмотрев на меня, что если и видит, то только нарушение сексуальной функции несмелого организма, что без помощи сексопатолога не обойтись.

Позёвывая, Валерий Фёдорович отправился спать.

Как мы иностранцев не приняли

На исходе строительного сезона позвонил в отсутствие нашего командира Генрих Вишневецкий, командир областного стройотряда и поставил мне задачу: достойно (последнее слово произнёс с особым ударением) принять направляемую Смольным к нам, с кратким, ознакомительным визитом, депутацию высших иерархов комсомольского движения Чехословакии.

Намёк я понял — вскоре предложил подъехавшему Москаленко конспирации ради провести полудипломатический раут в стенах штаба. Шеф усомнился в целесообразности подпольного банкета, напомнив мне попутно о провале дела питания штабистов.

Действительно, при начальном обустройстве я рьяно взялся за проблему кормления руководящего состава. Как языческие капища, оснастил места приготовления и приёма пицци лозунгами с наставлениями из Пушкина (в кухне — «Точность — вежливость поваров», в столовой — «Желудок просвещённого человека имеет лучшие качества доброго сердца: чувствительность и благодарность»). Только в духовной пище и преуспел — реальная пицца была никакой, повара часто менялись, от голода спасали дежурные омлеты.

Командир, поразмыслив не один час, принял волевое решение: устроить приём в местном ресторане. Несколько дней мы согласо-

вывали перечень напитков (только для гостей!) и закусок, местоположение (подальше от любопытных глаз) столов, репертуар оркестра; подключили к решению проблем пищевого и питьевого обеспечения партийные и советские органы.

В назначенный день и в указанный час штабная номенклатура, вся в штатском, выстроилась в ожидании гостей, в банкетном зале ресторана «Свирь». Всё богатство, все гастрономические раритеты подвалов спецраспределителя томилась в ожидании употребления на «скатерти-самобранке»: запотевшие графинчики с обязательной для иностранцев водкой, янтарём сверкающие многолетние коньяки, грузинские вина, местный лосось семужного посола, вызывающие обильное желудочное сокодвижение копчёные угри и маринованные миноги, жиром истекающий палтус, грибная селянка, телятина по-деревенски, нежнейшая бастурма и прочая, и прочая.

После часа ожидания, из областного штаба позвонил комиссар Саша Михайлушкин и сообщил, что Смольный, по рекомендации органов, из соображений государственной безопасности визит иностранцев отменил. Пока все охали да ахали, очень вдумчивый и обстоятельный главный инженер районного отряда Женя Артюков вступил в деликатные переговоры с потускневшим командиром.

Посей поступок — пожнёшь привычку. Простив единожды даме по доброте душевной нарушение сухого закона, Валерий Фёдорович не мог не уступить беспспорным аргументам опытного полемиста (не оставлять же водку?). Убеждениям одногодка он поддался, взяв предварительно с нас, салаг, клятву молчать, даже под самыми страшными пытками: колесованием или четвертованием..

Пошёл пир, с песнями и плясками, обильными тостами и пожеланиями; пригласили к доброму делу директрису, сильного очарования женщину. Веселились долго и самозабвенно, под неприлично-трезвым взглядом мрачного, принимавшего только лимонад Москаленко. Вечеринка затянулась далеко за полночь и удалась на славу.

Одно лишь было плохо: морально было тяжело.

Как друг мне службу облегчил

По окончании в феврале 1970 года института я два года отбывал обязательную воинскую повинность в звании лейтенанта в части на берегу усыхающего Аральского моря.

Её командир, полковник Дерягин, начальный период моего рекрутства отсутствовал — защищал важный для его звания диплом в военной академии и появился в части только в июле, сразу же объявив приближённым подполковникам, что берёт отпуск и уезжает в Ленинград вместе с сыном Славой, решившим поступать в мой родной электротехнический институт.

Небрежным намёком о беспредельных возможностях моих институтских друзей я побудил своего непосредственного начальника доложить команди-

ру о целесообразности, обратив более пристальное внимание на офицера-новобранца, рискнуть (чем чёрт не шутит!) и проверить его в деле, взяв с собой в Питер. Смелость инициативы гражданского «разлива» лейтенанта поразила мощного полковника (кстати, в будущем — генерала). Моё отдающее наглостью предложение военачальник не принял, но фамилии Москаленко и Никольского на всякий случай, почти механически записал.

На исходе августа полковник Дерягин, вместе с сыном, вернулся в часть. По этому поводу был устроен смотр личному составу вверенного его командованию подразделения. Приняв доклады о состоянии дел, о достижениях в боевой и политической подготовке, командир части направился в сторону неровной шеренги офицеров вычислительного центра. Не беря во внимание недостатки в моём обмундировании (затёртая, с чужого плеча шинель) он поинтересовался первым делом здоровьем и комфортностью моего быта. Узнав, что я проживаю, как положено одинокому офицеру, в общежитии, командир очень удивился и, подозвав к себе интенданта, велел переселить обделённого вниманием лейтенанта Головцова в однокомнатную — с его квартирой соседствующую — квартиру, предварительно обставив её требуемой казённой мебелью.

Как выяснилось, со вступительными экзаменами у абитуриента Дерягина не сложилось. Грустный финал погнал его отца знакомиться со всемогущими, мной обозначенными личностями, которые потрясли выдавшего виды полковника своей монументальностью и значимостью. Мудро-внимательного Москаленко (только получившего от ректора — самого Сан Саныча Вавилова! — предложение стать проректором) прекрасно дополнял государственного ума и размаха Никольский, чья по-военному подтянутая фигура «тянула», как минимум, на командира бригады или эскадрона, а бархатистой тональности голос, изящная золотая «фикса» наповал сразили кадрового воина. Друзья, предварительно подготовленные моим письмом, пообещали (подчеркнули — только ради друга Саши!) решить в будущем году судьбу отпрыска командира.

Последовавшие мои репетиторские занятия с будущим студентом ослабили тяготы воинской повинности. Я зажил вольной жизнью, стал другом семьи соседа, регулярно принимая от него приглашения потрапезничать с пирогами из трески на закуску.

Следующим летом съездил с абитуриентом в Ленинград — дело сложилось. Трудно подобрать необходимое сочетание ярких слов могучего русского языка, чтобы описать картину моего победного возвращения в воинскую часть, тот редкой мощи экстаз, в который надолго погрузилась командирская семья.

Остаток срока службы для меня прошёл с незримым, но всеми чувствуемым, нимбом сильной личности; успел, до демобилизации, слетать — по срочной командировке — в город-герой, для ревизионных проверок учебных дел первокурсника и общения со своими друзьями.

Наша песня

Милая, не плачь, не надо .
Грустных писем мне не шли.
Знаю я, что ты не рада
От моей любви вдали

Эти строки — начальный куплет песни-письма солдата любимой женщине, которую летом 1973 года я впервые услышал в негромком исполнении легендарного командира студенческих строительных отрядов ЛЭТИ шестидесятых годов (Сибирь, Гурьев) Виктора Ивановича Тимофеева. Тогда, в пропавшем карболкой процедурном кабинете ленинградской больницы имени Эрисмана, где на недолгом излечении находился наш общий друг Москаленко, «хлопнув» стеклянную фляжку коньяка армянского, мы, сами того не ведая, определили на долгие годы своеобразный гимн нашей настоящей мужской дружбе, его наше неразрывное трио неизменно исполняло в каждую последующую встречу:

Время незаметно промелькнёт,
Разобьём врагов своей страны.
До ворот Берлина полк дойдёт,
А там уж — и конец войны!

...В 1972 году по завершении армейской службы начался инженерный период моей жизни, связанный — до уничтожения Советского Союза — с Киевским производственным объединением «Электронмаш». Став через год начальником отдела программного обеспечения, я получил полную свободу в выборе заказчиков на разработки, которую использовал, в первую очередь, для заключения долгосрочных контрактов с ленинградскими организациями.

С 1973 года мои частые командировки в Питер, в которых личные интересы преобладали над производственной необходимостью, стали регулярными, а их успешное выполнение обеспечивала комната («номер люкс») в квартире семьи Москаленко и второй письменный стол (с параллельным телефоном) в кабинете молодого проректора.

Частота приездов и появлений в ЛЭТИ была так высока, что однажды Галина Зосимовна Оганесян, многолетний секретарь деканата моего факультета, поинтересовалась, на какой кафедре я работаю; так же полагали меня обучавшие преподаватели, с которыми раскланивался в институтских коридорах. Однокурсники, работавшие на кафедре вычислительной техники — Игорь Яценко, Володя Кирьянчиков, — встречаясь со мной, вели себя так, словно мы и не расставались после дипломной защиты. Всегда долгим было общение с Сашей Экало: зажав меня в углу, он требовал наидетальнейшего отчёта о состоянии дел в киевском «Динамо», о видах на его очередные успехи.

В 1975 году по просьбе друга Тимофеева я помог кафедре электронно-медицинской аппаратуры получить с моего предприятия вычислительную ма-

Лидеры молодёжно-комсомольских организаций ЛЭТИ, задававшие в шестидесятые-семидесятые годы ушедшего века особый душевный и интеллектуальный настрой жизни знаменитого вуза (снимок конца семидесятых годов).

Слева направо, первый ряд: Валерий Никольский, Валерий Москаленко, Александр Соколов; второй ряд — Юрий Чудаков, Геннадий Чавка, Роберт Опришко, Виктор Тимофеев, Виктор Опрэ.

«И многих нет теперь в живых
Тогда весёлых, молодых».

Ещё одна команда комсомольцев-шестидесятников ЛЭТИ: в центре Вадим Мигирин, белокурый и скуластый. В правой части снимка — Валерий Соловьёв, опирающийся на плечо Саши Мамонтова (*справа*).

Морально мы опустошённые
И недоразвиты физически,
С утра голодные и сонные,
В науку тыркаемся лбом.
Судьба, судьба неблагоприятная
Нам никогда не улыбается.
И жизнь по черепу распухшему,
Как ни старайся, бьёт ключом.
Нет в нашей жизни облегчения,
И наши души поломаются...
С одним последним утешением
Бредём в потёмках наугад.
Ведь мы с тобой — интеллигенция,
А ночью снится дивергенция,
Проклятый метод операторный,
Мальгийский крест и диамат.
Загнать бы душу Мефистофелю,
Удрать в тайгу и жить с нанайцами,
Забыть товарищей-дистрофиков
И горячо любимый вуз.

А мы по-прежнему дурачимся
И на «десятке» ездим «зайцами»,
И не страшна нам учкомиссия
И сам Ермолин-карапуз.
А до диплома, как до Африки,
И нам ещё на стройках вкалывать.
А впереди ещё кораблики —
Гальюн, штормяга, брюки-клёш...
И никакого уравнения,
Чтоб наши выразить мучения
Ни в теореме, ни в матфизике,
Как ни старайся, не найдёшь.

ЛАДОГА-69.

Авторы: песни — Виктор Отраднов,
Снимков — Валерий Решетин,
студенты
ЛЭТИ 1964 — 1970 годов.

шину «Мир-2». Желанное приобретение его владельцы хорошо «обмыли», совместив этот верный поступок с тридцатилетием Лёни Макарова, принявшего сложную электронику в эксплуатацию, получившего в подарок дорожный знак ограничения скорости — «Тридцать», снятый где-то на пригородном шоссе.

В том же году через кафедру автоматики и телемеханики поступил в заочную аспирантуру. Экзамен по специальности принимал доцент Кутузов, ранее выступавший за ленинградский баскетбольный клуб «Спартак»; по рекомендации заведующего кафедрой Советова, бывший центровой оценил мои знания на «отлично», предварительно «размазав по столу» самонадеянного специалиста, посчитавшего, что недостаток научных знаний с лихвой покрывает инженерно-конструкторский опыт.

Пятнадцать лет (с трёхлетним перерывом на заграникомандировку) я жил как ленинградец, подпитывая себя интеллектуальным духом города-воспитателя. Как и в студенческие годы, посещал театры, бродил по залам Русского музея, Эрмитажа, бывал в Александро-Невской лавре, в знаменитых дворцах и парках пригородов. Меня узнавали продавцы букинистических магазинов, в которых — как и прежде! — покупал редкие книги.

Регулярность ленинградских визитов выработала со временем некий стандарт их исполнения, своеобразный ритуал. Приезжал обычно ранним утром, успевая выпить чашечку кофе с супругами Москаленко. Вместе с Валерием (первое время) отводили маленькую Вику в детский сад (годами позже — сопровождали в школу), затем неторопливым шагом (ходу-то было — минут пятнадцать!) через площадь Льва Толстого по Аптекарскому проспекту приходили в институт.

Пока друг готовился к обязательной утренней планёрке, я делал необходимые телефонные звонки; далее, совершив обстоятельную прогулку по институту, оценив, попутно, рост стен новых учебных корпусов, уходил по делам. Вечером, в квартире Москаленко её хозяйева устраивали приём по случаю приезда киевского гостя.

На накрытый стараниями Эллы стол я торжественно выставлял доставленный с украинской земли самогон-первак. Виктор Тимофеев делал ему контрольную проверку: наливал «оковытую» в столовую ложку и поджигал — ровное, голубое пламя подтверждало высокое качество продукта, его сильный градус.

Кстати, народное название застольного напитка есть перефразировка его наименования на латыни:» Aqua vita» (аква вита) — «вода жизни».

Первая рюмка шла колом, вторая — соколом, остальные — мелкими пташечками. После общего первого приёма влаги Валерий Фёдорович лично — с обязательной долькой чеснока — инспектировал вкусовые достоинства сала (мягкого, с обжаренной соломой, чуть потрескавшейся шкуркой, с обязательной мясной прослойкой), купленного мною на Бессарабском рынке. Вслед за его, всегда положительным, заключением знатока украинский «наркотик» пробовали другие.

За обязательной — в три чарки — программой вечера следовал небольшой перекур хозяина, после которого Тимофеев инициировал исполнение нашей любимой песни. Пели втроем, с серьёзными лицами, акцентируя каждую значимую строку текста: о любви в разлуке; о страшной войне, в которой солдат может остаться на поле боя со *«свинцом в груди»*, о крепкой воинской дружбе.

Если друг вернётся, ты его
За ремни походные возьми,
В губы поцелуй его
И, как меня, ласково к себе прижми.

Ближе к полуночи в разгар веселья раздавался телефонный звонок, хотя и ожидавшийся, но всех сразу протрезвлявший. Звонила очаровательная Лиля — жена Виктора Ивановича Тимофеева, им беспредельно обожаемая, по родовым корням — кубанская казачка. Нескрываемый панический ужас обволакивал Викторovo лицо, глаза его округлялись от нервного перенапряжения. Бывший комиссар Ленинградского областного студенческого строительного отряда вскакивал с телефонной трубкой в руке, вытягивался по стойке «смирно»; с провалами в голосе, комбинируя только три слова («Да, конечно, Лилечка»), вступал в объяснения с любимой.

Завершая — с облегчением! — отчётное выступление, Виктор делал размашистые пассы, демонстрируя, как традиционным казацким оружием ближнего боя будет Лилечка, в случае неповиновения (насмешил — какое неповиновение!?), делать ему усекновение принципиальных для семейной жизни органов. Затем — растворялся в ночи; мы же с хозяином садились за обязательные (не менее десяти партий) шахматы.

Через три-четыре дня, моя командировка завершалась прощальными вечерними посиделками в семейном кругу Москаленко. В последнюю минуту я вырывался из дому, растерзанным влетал на эскалатор станции метро «Горьковская», мчался по переходам, вылетал на перрон вокзала и финишным рывком настигал начинавший двигаться поезд.

И так — из года в год, много лет подряд.

В первый, без Валерия, день его рождения — 26 декабря 1988 года — Элла собрала на своей квартире его друзей. В этот же день ранним утром меня, прибывшего из Киева, встретил на перроне Витебского вокзала Витя Тимофеев — помог доставить в дом на Петроградской стороне увесистый баул с напитком и закуской, которые предпочитал покинувший нас друг. За столом вместе с Витей, как при жизни хозяина — увы, только дуэтом! — мы исполнили его любимую песню украинской юности:

Повій вітре на Україну,
Де покинув я дівчину,
Де покинув карі очі,
Повій, вітре, опівночі⁹⁴.

Географические особенности защиты диссертаций

В начале февраля 1986 года, оформив очередной профсоюзный отпуск, я прибыл в Ленинград, чтобы в стенах *Alma Mater* защитить кандидатскую диссертацию. Готовилась она добрый десяток лет, под совместным руководством Георгия Львовича Гимельфарба (столп киевского института кибернетики, энциклопедист, колосс в науке) и проректора ЛЭТИ — Владимира Ивановича Тимохина (учитель-наставник, основатель кафедры, обожаемый и любимый — океан обаяния).

В той жизни написание и защита диссертации требовали от соискателя учёной степени сочетания действительных, основательных научных знаний с умением придать им естественную законченность в практической реализации. Требовался адский, многолетний труд, настойчивость, беглость пера, высокая эрудиция.

В этой жизни высокий стиль порядочности в науке, в получении учёных степеней (за редким, увы, исключением), стал уделом редящего отряда её служителей — бессеребренников и мечтателей.

Время придало терминам «кандидат», «доктор» свойства товара (недешёвого), приобретаемого в качестве звучного дополнения к пустым титулам бюрократической номенклатурой, нуворишами и им подобной шатией-братией. (Возможно, слишком субъективно и резко, но это — крик души.)

Не изменяя многолетней традиции, я пришвартовался у надёжного причала. До заседания учёного совета в институте появлялся редко. Организационные проблемы подготовки действия защиты взял на себя Женя Метлицкий — заместитель заведующего кафедрой, великий умница, исключительной порядочности человек.

Образовавшийся солидный запас свободного времени я использовал для заучивания вводного выступления, длительность которого должна была составлять ровно двадцать минут («двадцать минут позора» — таково неписаное правило техники защиты диссертации). Каждое утро, лёгким прогулочным шагом проходил путь от дома до места стоянки крейсера «Аврора», успевая за время прогулки заучить несколько предложений «тронной речи».

Заседание учёного совета (синклита мудрецов), на котором я появился утром двенадцатого февраля, вёл профессор и небожитель Владимир Борисович Смоллов. Одно его появление за председательским местом вызвало у меня мистический ужас, каждое изречённое им слово, как в давние студенческие годы, звучало ярким откровением.

После моего исполненного в режиме автопилота вступительного слова за меня, хлипкого и растерянного, взялись члены учёного совета. На заранее

подготовленные вопросы — от «своих»! — давал уверенные и точные ответы. Вопросы, не прошедшие предварительной цензуры (например, от бесстрашного профессора Барашенкова), стали частью обязательной публичной порки искателя степени.

В разделе озвучивания отзывов — время положительных эмоций для диссертанта! — особое оживление у научного бомонда, бесстрастных зрителей и активных болельщиков вызвало появление на трибуне моего любимого однокурсника Чихмана. Элегантным, округлым движением водрузив шикарные, роговой оправы очки на переносицу, представитель академического учреждения зачитал уважительную оценку научного подвига друга, построенную на тончайших психологических нюансах — «*Он пел любовь...*»⁷².

В урну для голосования члены учёного совета опустили белые и черные шары в требуемой для успеха дела пропорции.

Материалы успешной защиты диссертации отдел аспирантуры отправил в Москву, в ВАК (высшую аттестационную комиссию), для обязательного утверждения. Шли дни, месяцы, а подтверждения о присуждении мне кандидатской степени не было. Вместо него, тайными тропами дошло известие о том, что в санкционирующую инстанцию поступил сигнал от обеспокоенного киевлянина

В перечень моих прегрешений — помимо привлечения к печатанию текста диссертации моего сотрудника, очаровательной Алёны Вихляевой — пронизательный аноним включил и использование мною, бесталанным и агрессивным, покровительства со стороны проректора Москаленко, обеспечившего киевскому другу «зелёный свет» на пути к научному успеху.

На конфиденциальную просьбу дать оценку перспективы развития событий, из столицы пришёл успокаивающий ответ: «Дело привычное, волноваться не стоит. Когда на утверждение приходит диссертация из Тбилиси, за ней следуют — непременно и обильные — коньяки, вина, фрукты. Когда доходит диссертация из Киева, за ней следуют непременно и обильные анонимки, анонимки, анонимки...».

Лишь в конце осени, слякотной и тоскливой, как снег на голову «свалилась» заветная почтовая карточка, уведомлявшая меня о полном успехе и о необходимости прибыть в ЛЭТИ, для получения диплома («корочек») кандидата технических наук. Время было смутное, антиалкогольное, но у меня всё с собой было. На торжественной «тройственной» сходке у Москаленко мы, расслабленные и милосердные, долго философствовали о карих глазах завидующих, о проблемах стукачества, выпили за здоровье мне известного анонима.

В августе 1988 года Валерия не стало. Ушёл родной человек, оборвалась связывавшая меня с дорогим прошлым нить. Разрушился стержень, к которому центростремительная сила высоких человеческих достоинств друга — доброта, отзывчивость, честность, порядочность — стягивала, объединяя, многоликое сообщество людей.

Он умер, но продолжает жить в детях, в памяти родных и близких, многочисленных друзей, в выстроенных — достойных мемориальной доски их созидателю — корпусах института.

Прекрасна жизнь его, и все стихии
Так в нём соединились, что природа
Могла б сказать: «Он человеком был!»⁹⁵

И эта скромная, тёплая цепочка миниатюр-воспоминаний — моя благодарность дорогому человеку, грустный реквием и добрая эпитафия: «Чтобы помнили!».

Общежитие на Муринском

На издавна славящейся простотой нравов и духом бунтарства Выборгской стороне, почти напротив расположенных на другом берегу Большой Невки корпусов ЛЭТИ, было поселение его иногородних студентов, будущих яйцеголовых электротехников.

Место компактного проживания студенческой братии (один корпус на малоприметной Студенческой улице и два — на соседнем Муринском проспекте) имело — на Кантемировской улице — своим композиционным стержнем знаменитую «Чебуречную», всегда предлагавшую посетителям фасоль лобио, суп чанахи, чебуреки, хазани-хоровац. Дополнительной вкусовой метой среды обитания был запах жжёной карамели, вытекавший регулярными облаками из корпусов близлежащей кондитерской фабрики имени Микояна.

На углу помянутой улицы и Лесного проспекта стояла аптека, которую непонятный каприз моего воображения и не отказавшая ему память до сих пор увязывают со строками из Блока:

Ночь, улица, фонарь, аптека
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Чуть дальше, за трамвайной линией полтора десятка корпусов студенческого городка утверждали незыблемость и силу породившего его политехнического института, который мы — самоуверенные патриоты родного вуза — небрежно-презрительно называли полутехническим. Это, однако, не мешало будущим инженерам-электрикам регулярно посещать расположенный внутри молодёжного посёлка мощный откормочный комплекс.

Не обошли сарказмом и студентов педиатрического института, общежитие которого находилось на той же Кантемировской улице. Прозвище будущих детских врачей, составившееся из первых четырёх букв наименования врачебной профессии, неприлично для написания даже на неокраснеющей бумаге.

Из двух общежитий на Муринском проспекте, больший вес и привлекательность имел так называемый иностранный корпус (далее по тексту — общежитие на Муринском). В нём совместно проживавшие советские и иностранные учащиеся распределялись по принципу: в одной комнате два наших и два чужеземца. (Снимать жильё в городе студентам-иностранцам возвращалось.)

Замысел, видимо, состоял в том, чтобы наша «братва» своим примером воспитывала приезжих в духе социалистического реализма, давала им надлежашую идеологическую шлифовку.

Если театр начинается с вешалки, то общежитие на Муринском началось с вахтёра Кузьмы, самой влиятельной, как показывали регулярные опросы общественного мнения, фигуры в студенческой среде. Был он немногословен, но что говорил, всё достойно было слышания; хитро прищуренными глазами просвечивал он проходящих, выявлял контрабандное пиво, после чего нарушители акцизных правил отливали штрафную долю в стакан таможни.

Амикосонства, неуважительности к ответственному охранному делу не позволял, в обережении высоконравственных принципов студенческого быта был непоколебим. Колебания начинались тогда, когда просьба уменьшить бдительность, в деликатных ситуациях, обосновывалась «крепким» аргументом, предварительно и незаметно для окружающих попадавшим в стол привратника.

За Кузей, по уровню авторитета, шёл весь состав студенческого совета общежития во главе с очень симпатичным, стройным, надёжным Володей Богдановым. Долгие годы — от избрания в 1966 году и до завершения обучения в аспирантуре — уверенно управлял он непростым международным сообществом, сочетая крепкую хозяйскую хватку с дипломатической аккуратностью и достоинством в поступках, как истый потомок своих древних земляков — новгородских посадников.

Как Боб Юсим бургеров осадил

Самой значительной частью иноземной колонии были болгары. Братья-славяне хорошо владели русским языком, в том числе его ненормативной составляющей. Своей открытостью, контактностью, дружелюбием основательно вписывались в среду обитания, чувствовали себя в ней, как рыба в воде.

...Данчо Колев дополнял стипендию заработком ночного грузчика молочного магазина на Петроградской стороне; умудрился инкогнито потрудиться в студенческом строительном отряде, что иностранцам, без особого на то разрешения, не разрешалось.

...Найден Михайлов пережил классическую ситуацию преждевременного возвращения мужа из командировки. Пока ревнивец-поисковик рылся в шкафах, незадачливый кавалер, ухватившись за балясину балкона, висел

голышом над окутанной сумерками набережной Фонтанки; с наступлением темноты, сумел хитроумной комбинацией выбраться из ловушки, вернуться к жизни.

...Славчо Филиппов — роялист большой, чем король — в шесть утра, когда исполнялся предваряющий радиовещание гимн Советского Союза, ставил по стойке «смирно» жившего с ним вьетнамца.

Болгарское землячество в сумме с нашими гражданами обеспечивало абсолютный перевес славяноязычному населению. Объединённой коалиции противостояла вторая, по численности, немецкая группировка — чётко организованная, замкнутая, дисциплинированная.

Германский «ордунг» стоял против панславянского «авось, небось и как-нибудь». «Дойче» держались обособленно, в неофициальные контакты не вступали, в манерах проявляли явную генетическую нерасположенность к нашему брату. Проводили регулярные собрания, совещания; объединили — по наружной стене здания — телефонной паутиной все комнаты с немецким населением. На войне как на войне — наши партизаны линию полевой связи уничтожили.

Долгое время общежитие было для меня недоступным — не пускал подушный доход, превышавший в нашей семье установленный студенческим профкомом «пропускной» размер. Проблему решил взлёт на многодающие вершины общественной деятельности.

К исходу третьего курса был кооптирован в состав профсоюзное бюро факультета и в последних числах августа шестьдесят седьмого года, вместе с поступившим в институт братом вселились в общежитие на Муринском.

Радость события омрачил вид ковылявшего на костылях друга Чихмана. Трагедия разыгралась в городе Черкассы, в живописном парке на берегу Днепра, где пребывавший на вакации, у родителей, студент оказывал знаки романтического внимания очередной знакомой.

Лёгкая шаловливость и игривость в общении переросли в пылкое желание — перенасыщенный тестостероном организм юноши потребовал немедленной разрядки.

Как гордый олень за оленухой, как свирепый вепрь за кабанихой, как сластолюбивый фавн за нимфой полетел Валерий на крыльях всеоплодотворяющей страсти за убежавшей подругой.

Был печальным (простите за каламбур!) конец. Юная дриада, исполнив обряд убегания, придавила тормоза, но в этот решающий момент неистовый кавалер рухнул в незамеченный ров, где застыл недвижим.

Моя молодость брошена в ров,
Как букет увядших цветов...⁹⁶.

При поселении мы с братом обнаружили в комнате пару причитавшихся нам иностранных сожителей. Представители демократической Германии, вместе с примкнувшей к ним соотечественницей, с пивом и сигаретами празд-

новали новоселье. Я изъяснив внешнее неудовольствие курением в комнате, стал резко передвигать стулья, выразительно — как принято на Украине — покашливать.

Юная фройлян (позже выяснилось — невеста одного из компатриотов) рассчиталась за свою долю в трапезе и ретировалась. Тевтоны приступили к разборке и раскладке личных доспехов.

Чуть позже зашел весёлый — по случаю выходного дня — однокурсник и старожил общежития Боб Юсим. Был он авторитетен в нашей среде, до института тянул армейскую лямку, знал жизнь. Не раз толковал с нами, салагами, «об ней» с выразительными особенностями слога родины своих предков, южно-украинских земель. Как дружелюбный патриот, Боря от всего сердца поздравил немцев с благополучным прибытием в город-герой Ленинград. Вытащив из кипы вещей зарубежных поселенцев выдавший виды фонарик, долго — покачиваясь с пятки на носок — изучал его устройство, затем спросил, как выстрелил: «Что, батя с войны притаранил?»

Иноземцы, не изучавшие на курсах русского языка его жаргонных особенностей, радостно закивали.

Щёлкни кобылу в нос — она махнет хвостом.

(Козьма Прутков)

Как Боб Гохштейн интернациональный долг исполнял

Вселившись в общежитие на Муринском, я употребил все свои профсоюзные силы, чтобы вслед за мной в него попал мой добрый, мягкий и общительный приятель, Боря Гохштейн, с которым больше года делили на двоих комнату в коммунальной квартире, в знаменитом до революции доходном доме на Пушкинской улице (возле сквера, где высится небольшой, первый в Петербурге, памятник поэту).

При оформлении ордера на вселение, Борю предупредили, что в одной комнате с ним будет проживать сын бывшего афганского премьер-министра Дауда, проинструктировали о правилах поведения с высокогородной персоной, пожелали достойно исполнить интернациональный долг.

Вместе с вальяжным азиатом (холёное лицо, небольшая бородка, иссиня-чёрные волосы, пронзительные глаза за стёклами очков) поселился и его слуга, также студент электротехнического института. Не беря во внимание соседей, бойкие гости первым делом увеличили полезную площадь комнаты: из панцирных кроватей смонтировали две двухэтажные лежанки. Боре и второму неверному достались места на втором этаже, внизу расположились высокогородный туземец и его прихлебатель.

Не перегружая себя учёбой, правоверные погрузились в омут разврата. Жертвы общественного темперамента, дамы полусвета, предельно раскрепощённые особы с Лиговки стремительным потоком, огибая расслабленного афганским «вниманием» привратника, хлынули в подготовленную для сексуальных забав комнату.

Мультиоргазм неслыханной силы наполнил студенческое жилище. Обладатель феноменального либидо, на пару с прислугой, по-стахановски трудились от заката до рассвета. Жизнь Бориса в общежитии превратилась в кошмар, в еженощную матросскую вахту на бороздящем беспокойное море корабле. Спать на болтающемся лежаке не получалось — укачивало, появились признаки морской болезни.

Нас качало с тобой, качало
Нас качало в туманной мгле.
Качка в море берёт начало,
А свирепствует на земле⁹⁷.

Сильнее физических страданий были мучения физиологической природы. От вынужденного и регулярного наблюдения порнографических сцен томился молодой организм, мутилось в голове; порой, как позже рассказывал мне приятель, приходила шальная мысль броситься вниз.

Но — на чужую кровать рта не разевать! — Боря стойко переносил танталовы муки нереализуемой страсти, стальной волей удерживал себя в целомудрии, заучиванием формул отгонял греховные мысли, надеясь на спасительный случай.

Однажды, когда за иллюминатором редела буря, шумел дождь, а ночной мрак озаряли вспышки молний, случилось известное в физике явление резонанса — частоты качания хлипких спальных сооружений совпали и удвоившиеся амплитуды качания с треском развалили их.

Спасатели разобрали завалы, восстановили прежнюю, консервативную, обстановку; у Бориса Вольфовича наладился сон.

Вскоре беспутного Дауда, по причине отсутствия прогресса в образовании и открывшегося французского гриппа, отозвали. О его дальнейшей судьбе, с учётом последовавших — через десять лет — афганских событий можно только догадываться.

Любовь и качество

Выпускавшиеся предприятиями народного хозяйства страны товары широкого потребления, как правило, отличались невысоким качеством, за которое с регулярной настойчивостью, но, большей частью, безуспешно боролись партия и правительство.

Но если изделия массового потребления попадали в поле зрения военного ведомства, то их выпуск незамедлительно оформлялся соответствующими постановлениями, и требования к их качеству становились равносильными требованиям к качеству военно-технической продукции, с жесточайшими контролем и мерой ответственности.

«Когда мы победили под Сталинградом и началось фронтальное наступление на Донбасс, боеспособность отдельных подразделений войск стала таять из-за того, что появился ТТ: триптер трофейный

Немцы и итальянцы осчастливили наших девиц этой болезнью, ну, а девушки поделились с победителями. Заболел даже один командир дивизии. Была образована подкомиссия ГКО и принято решение наладить производство презервативов для обеспечения действующей армии.

На одном из заседаний комиссии, которое вёл Булганин, очень красивая дама, которую все пожирали глазами, рассказывала о производстве презервативов. Дама доложила, что произведен искусственный латекс такой прочности, что он выдерживает давление в четыре килограмма на квадратный сантиметр.

Булганин встрепнулся и спросил: «Много это или мало?».

«Товарищи, — гордо сказала дама, — по проверенным данным ни один мужчина в мире не обеспечивал такого давления»¹⁶⁷.

На третьем курсе, в располагающем к пылкости чувств марте сокурсник и сосед по общежитию Алик Ратновский по уши влюбился. К этому судьбоносному моменту, его отношения с представителями прекрасного пола давно потеряли дух свежести и очарование новизны. Независимость в поступках и темперамент, общительность и целеустремлённость постоянно увеличивали список викторий в интимных баталиях нашего адониса. Прекрасный тактик, он редкие боевые неудачи обставлял как элегантные отступления, которые в искусстве обольщения (как и в военном искусстве!) не менее важны, чем изящные атаки.

Но в тот весенний семестр Алика словно подменили. Отбросив прежние наработки в межполовых отношениях, он твёрдо заявил, что — наконец-то! — нашёл свою Беатриче, единственную и неповторимую. Томление духа ослабило его рассудочность, сладкие мечты, потеснив технические знания, заполонили голову, придали лихорадочный блеск глазам, отвлекли от подготовки к наступающей летней сессии.

Товарища нужно было срочно спасать. Словесная аргументация (типа — «кто женится по любви, тому нравятся хорошие ночи и скверные дни») им не воспринималась. Требовались принципиально новые технологии, иной подход к проведению аварийно-спасательной операции.

Как-то воскресным майским днём Алик вручил сожителям — мне, Чихману и Данчо Колеву — билеты на вечерний сеанс в кинотеатре «Спорт», пояснив, что на время нашего отсутствия он запланировал решительное объяснение и сближение. Всё оставшееся до свидания время наводил в комнате порядок, занимался подготовкой праздничного ужина; отнёс обязательную пропускную «чекушку» вахтёру Кузе.

Под вечер он отправился за Беатриче; мы же, внеся добавки в обстановку комнаты, поспешили в кино.

Когда возлюбленная Алика Ратновского, пропущенная им вперёд, вошла в комнату номер восемьдесят девять общежития на Муринском, то обнаружила в ней: располагающий к интимной доверительности полумрак; на накрытом накрахмаленной скатертью столе — бутылку шампанского, в сопровождении деликатесной закуски (докторская колбаса, сыр Пошехонский) и сладостей (конфеты «Старт», «Кавказские»); в вазе — цветы. Приглушён-

но-обволакивающе звучал ноктюрн, горела свеча, в создаваемых ею тёплых потоках воздуха легко раскачивался на нитке воздушный шарик — надутый презерватив.

На нём красной тушью, как кровью, было выведено: «Алик! Ты помнишь наши встречи!?!». Ниже — подпись: «Девочки Выборгской стороны».

Посеревший от ужаса Ратновский схватил компромат, изо всех сил сдавил его — высококачественное латексное изделие давление выдержало. Долго пыхтел и мучился Алик, пока пламя свечи не коснулось поверхности шара — тот «пукнул», сдулся и увял, как после долгой и утомительной работы, вместе с ним увяла и торжественность момента.

Вечер вдвоём при свечах, как и возможность продолжать доверительные отношения, были безнадежно испорчены. Наскоро выстроенный храм любви рухнул под тяжестью обстоятельств и внешних возмущений. Алик долго дулся, не разговаривал с нами, но со временем успокоился.

По окончании института он некоторое время жил в неудобствах холостой жизни в городе Горьком («где ясные зорьки»), затем перебрался в Москву, где и составил свой брачный союз.

Здание семейной жизни оказалось на редкость прочным, без архитектурных излишеств, чему немало поспособствовал наш хитроумный отвлекающий манёвр в общежитии на Мурунском в далёком шестьдесят седьмом году, когда его участникам было от роду всего лишь по двадцать лет.

P. S. Много лет спустя, когда мы с моим любимым другом Аликом Ратновским разменяли солидно пятый десяток, он прислал мне своё стихотворение, в котором подтвердил многое из прежних своих настроений и устремлений. Его уже нет с нами, и эта его маленькая стихотворная прелесть — как добрая память о нём:

Кому-то эта фраза
Покажется пошла,
Но молодость, как фаза,
Развития, прошла.

Беспечные подруги
Давно минувших дней
Уже не столь упруги,
Чтоб не сказать сильнее.

А те, что им на смену
Успели подрасти,
Такую ломают цену,
Что, господа, прости !

О, карнавал!

В конце марта, когда ленинградская погода только делала неуверенные намёки на совершившуюся смену времени года, в общежитии на Муринском этот фенологический факт подтверждался массовой подготовкой его населения к весеннему карнавалу, традиционно проводившемуся в первую субботу апреля.

Явление это в шестидесятые годы ушедшего века (наряду со знаменитыми студенческим хором и театром) своей неординарностью и исключительностью утверждало особое положение электротехнического института в студенческом социуме Ленинграда, было его визитной карточкой и фирменным знаком.

Раз в год, усилиями сверхэнергичной части своих обитателей — владевших воображением и чувством юмора, кистью и пером — институтские общежития расцветивались яркими переливами красок и огней, живописными декорациями, превращались из комбинации невзрачных помещений в сказочные, фантастические чертоги.

Раз в год в них — как на античных дионисиях, римских сатурналиях, русских масленицах, современных бразильских карнавалах — буйствовало необузданное веселье, упрощались отношения полов, кипели весёлые пиры.

Явление это более десяти лет украшало студенческую жизнь ЛЭТИ и навсегда исчезло в начале семидесятых годов.

В проведении карнавалов были свои неписанные правила и традиции, особый церемониал. Праздник открывался торжественно-величавым проходом кортежа ряженных, которые пёстрым серпантином обволакивали этажи, знакомились с их оформлением, маскарадными костюмами обитателей, с представляемыми ими буффонадами, капустниками, скетчами, розыгрышами.

По завершении карнавальных забав, ранним утром приступала к работе специальная комиссия, определявшая победителя конкурса «Лучший этаж». Предпочтение отдавалось тому этажу, где сильная идея замысла наиболее полно и точно воплощалась в декоруме, в нарядах, в театрализованном представлении.

Победителю полагался приз — бочка пива, которая предварительно выкупалась в близком к общежитию пивном ларьке. Её катили по проспекту, устанавливали на ликующем этаже, выбивали пробку. *«Пробки взлетевшей, влаги вскипевшей сладостен звук...»*¹⁶⁸ — достойнейший из победителей пристраивался к штуцеру, подобно мифическому Ганимеду разливал студенческий нектар и амброзию в чайники алчущих и жаждущих триумфаторов.

В прологе карнавала, при всеобщем осмотре и оценке, составлялось только предварительное общественное мнение о лучше других представленном этаже. Это вовсе не означало, что под утро таким же будет решение конкурсной комиссии, что потенциальному претенденту удастся достойно «на бис» повторить игровую составляющую сюжета.

Финальный успех приходил только к тем участникам гонки, которые за время ночного загула, несмотря на неизбежные потери, уберегали ядро лич-

ного состава, сохраняли достаточный уровень трезвости в общении и уверенности в движениях.

В последнем для меня карнавальном сезоне шестьдесят девятого года течение борьбы за победу и ее исход развивались в полной зависимости от нюансов последнего обстоятельства.

Тогда наша команда четвертого этажа включилась в нештучную борьбу за заветный приз. Брат Виктор, унаследовавший от мамы умение живописать, разукрасил коридоры пышными пейзажами, жанровыми сценами, строгими граффити. Меня поставили на составление тематических слоганов. Из немецкой поговорки «поцелуй без усов, что яйцо без соли» наштамповал дюжину лозунгов типа «карнавал без маски, что дитя без сказки», равномерно расписал их по всему пространству красочных панно.

Прежде невидные помещения забурлили колоритной жизнью задворков сцены, где взятый, по обычаю, напрокат театральный реквизит превратил их обитателей в шекспировских героев, рыцарей, конногвардейцев, ковбоев.

На третьем, больше других германизированном этаже суетились в маскарадном раже немецкие гансвурсты со своими кунштюками, персонажи итальянской комедии масок: скупой Панталоне, коварный Бригелла, наивный Арлекин, по-французски деликатный Полишинель.

У каждого Абрама своя программа — в обстановке абсолютной секретности её подготовили и реализовали на втором этаже. То была импровизация на тему повестей Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», выполненная под творческим надзором знатока проблемы Валерия Москаленко, а также сцены из воинского прошлого его предков.

Вдоль декораций с летними видами южной природы бродили обвитые марлевыми накидками русалки, в тени деревьев «парубки» тискали «дивчат». У зимних пейзажей — под звездным небом в ночь перед Рождеством, около крытых соломою «хат» — козак Чуб с кумом принимали, чарку за чаркой, «горилку». Достопочтенная Солоха (она же — ведьма) распахивала по мешкам ухажёров; как настоящая «панночка» капризничала, требуя «черевички», красавица Оксана.

Чуть дальше в окружении свиты вышагивала Екатерина II. За ней спешил доставленный чёртом в столицу кузнец Вакула. Он, как утверждает автор, «...хотел было распросить хорошенько царицу о всём: правда ли, что цари едят только один мед да сало...» Морщил в неудовольствии державный лоб светлейший князь Потёмкин.

И всё же изюминкой декоративной экипировки была другая импровизация — на тему картины Репина «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». В центре многофигурной композиции восседал славный кошевой атаман Иван Сирко, он же — Алик Ратновский. Лихой имитатор важно надувал щёки, поправлял роскошные усы, потягивал «люльку-носогрейку». Окружавшие его «козаки», перебивая друг друга, живо жестикулируя, клепали послание «врагу христианского рода». Специальное трио струнных инструментов глушило содержание произносимых речей.

Независимые наблюдатели, не стовариваясь, предопределили пальму первенства любителям малороссийской старины. Легкомысленные фавори-

ты, уверовав в неизбежную победу, погрузились в омут начавшихся праздничных утех, раскрепощающих застолий, ритмичных танцев, изящной разнужданности. О, младость невоздержанная!

Под утро, когда звучная полифония бала понизилась до пианиссимо, а его темп — до модерато, появилась — в партикулярных платьях — конкурсная комиссия.

Кончен пир, умолкли хоры,
Опорожнены амфоры...¹⁶⁹

Осмотрев продукцию конкурсантов, оценщики завернули к запорожцам. Открылся славный пейзаж, наступил момент истины — неожиданной, малопривычной, отрезвляющей.

Звуковое прикрытие отсутствовало. После насыщенного обоюдоострыми выпадами поединка, хватившие лишку музыканты оказались в клинче со своими мессалинами. Потерявший усы и трубку атаман Ратновский, которого соратники удерживали в отвесном положении, мило улыбался гостям, рассылая им воздушные поцелуи.

Уменьшившиеся в численности «козаки» гнули матюки, слышные, из-за отсутствия звуковой завесы, всем зрителям. Подогретые воины состязались в вариациях, протяжённости и изощрённости сценических реплик.

Остекленевшая и онемевшая комиссия, придя в себя, этажу в первенстве отказала. Пошёл длительный процесс лоббирования и уговоров, в котором задор и напор молодости взяли верх.

«Пушкай ты выпита другим...» — вымученным решением проректора Мазнина бочку пива открыли на втором этаже. Команда нашего этажа, надевшаяся до последнего на победу, возмущалась, активно протестовала, с решением присяжных не согласилась.

***Апелляция.** Как свидетельствует историк Д.М.Яворницкий, турецкий султан Махмуд IV в 1675 году, перед карательной экспедицией в Запорожскую Сечь (закончившейся, кстати, провалом) отправил её обитателям предложение сдаться: «Я, султан, сын Магомета, брат солнца и луны, внук и наместник божий, владелец царств — Македонского, Вавилонского, Иерусалимского, Великого и Малого Египта, царь над царями, властелин над властелинами, необыкновенный рыцарь...»*

То было смутное, кровавое время украинской истории, названное народом эпохой Руины. Один из заметных участников событий, Пётр Дорошенко, составил свой механизм обретения Украиной независимости: стать вассалом Турции, исключить зависимость от России и Польши.

Получив от упомянутого султана (точнее — из рук ему подчинённых крымских татар) гетманскую булаву, он призвал высокого покровителя — с несметным войском! — в родные края, где мусульмане установили свои правила игры.

Начали с захвата и разрушения Каменец-Подольского, помянутого Сирко сотоварищи в знаменитом ответном письме запорожцев турецкому султану: «...Вавилонський ти кухар, македонський колесник, ерусалимський броварник, олександрійський козолуп, Великого й Малого Єгипта

Не только прекрасным преподаванием электротехники и электроники был знаменит ЛЭТИ — именит был институт и замечательным студенческим хором. На снимке 1968 года — студенческий хор ЛЭТИ выступает в Ленинградской филармонии.

Второе наименование ЛЭТИ — Ленинградский эстрадно-танцевальный институт с лёгким электротехническим уклоном. На снимке середины шестидесятых годов — хор ЛЭТИ на природной спевке.

А в нашей группе №434 аккомпаниатором (и поэтом по совместительству) был Дима Денисов, неизменно романтический и энтузиастичный. И по сей день, уже на склоне лет своих, люблю и чту его.

Осень

Приметы каждой осени просты,
Обычные привычные приметы —
Деревья в срок сдают свои листья,
Грустят о них зелёные поэты.
Сурово смотрят тучи на людей,
Над городом висят как на канате.
Надолго расписание дождей
Составлено в небесном деканате.
Желтеют листья, парков не узнать,
Но осень для влюблённых не преграда.
О многом вам могли бы рассказать
Все улицы ночного Ленинграда.
Люблю по Ленинграду в дни дождей
Бродить с тобой без всякого маршрута.
Твоя рука лежит в руке моей.
Часы проходят быстро, как минуты.
На улицу Попова посмотри,
Её авторитет вполне заслужен.
Студенчество из славного ЛЭТИ
С утра в науку шлёпает по лужам.
Заполнены занятиями дни.
Пока что мы не сделали открытий,
А вечером манят к себе огни
Студенческих весёлых общежитий.
А вечером манят к себе огни
Студенческих весёлых общежитий.

Автор песни — А. Низовский, руководитель вокального ансамбля ЛЭТИ. Песня написана ранее 1964 года.

Под аккомпанемент **Димы Денисова** чаще других пели эту чудную песню:

Белые улицы и мосты.
В снежных шапках дома.
В беленькой шубке любимая ты,
Как маленькая зима.

Как поступить? Как растопить
Глаз твоих синих лед ?
Смелым ли быть, робость забыть,
Или наоборот.

Знаю, ты сердисься, если молчу,
Только ты не права.
Просто я очень найти хочу
Лучшие в мире слова.

Как поступить? Как растопить
Глаз твоих синих лед ?
Смелым ли быть, робость забыть,
Или наоборот.

**Гимн третьего этажа
общезития
на Муринском проспекте**

Мы учим, учим, учим,
Зубрим, зубрим, зубрим.
Профессоров мы мучим
Незнанием своим.
Мы любим веселиться.
Весной у нас завал,
А чтобы отключиться,
Устроен карнавал.

Припев:
Эх! Карнавал, карнавал!
Веселится стар и мал.
Музыка играет,
Лампочки мигают,
Наш этаж не унывает –
Вот компания какая!

Живём мы очень дружно
На нашем этаже,
И нас учить не нужно –
Мы умные уже.
Мы знаем, сколько стоит
Закуска и вино,
Суммировать их вместе
Умеем мы давно.

А если кто зачётом
Посмеет нас пугать,
Мы честь свою с почётом
Сумеем отстоять.
А если кто не сможет
Взять трудный интеграл,
Во всём ему поможет
Весенний карнавал.

Привет.

Эту простого слога песня помогла студенческому братству третьего этажа выиграть главный приз карнавала – бочку пива, которую (на деньги профсоюза) традиционно выкатывали под утро, к завершению весеннего праздника.

Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые.
Общежитие на Муринском проспекте.

свинар, татарський сагайдак, камінецький кат, подолянський злодію-ка, самого гаспида внук і всього світу і підсвіту блазень, а нашого Бога дурень, свиняча морда, кобиляча срака, нехрещений лоб, хай би взяв тебе чорт!».

(Поясняю: «броварник» — пивовар, аспид» — дьявол, «сагайдак» — козёл, «блазень» — глупец.)

Этим велеречивым экскурсом в прошлое хочу показать, что мелодичность послания запорожских «козаков» не имеет ничего общего с титанической мощью российского мата, который использовали интерпретаторы исторического события в карнавальную ночь апреля шестьдесят девятого года.

Добавлю — французский поэт Гийом Аполлинер (по крови — поляк) написал стихотворение «Запорожцы пишут письмо турецкому султану»; взяв за основу приведённый отрывок ответа «козаков», он вплёл его заботливо в нежные кружева поэтического творения. И никакой грубости и матерщины!

Искажение фактов истории — серьёзное преступление. Бочку пива, ува- жаемые граждане судьи, следовало отдать команде четвёртого этажа!

Но нет истцов, нет ответчиков; отсутствуют, унесённые ветром времени, свидетели и соучастники буйной студенческой молодости. Остались только воспоминания. В них — моя медицина, отвлекающая от мерзких сюжетов сегодняшних дней, улучшающая самочувствие, поднимающая душевный тонус, придающая силы.

Не так ли резвые друзья бурной и вольной юности, по- одиночке, один за другим, теряются по свету и оставляют, наконец, одного старинного брата их. Скучно оставленному!
И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечем помочь ему.

(Николай Васильевич Гоголь)

Веселые годы, счастливые дни

Суровый январь шестьдесят шестого года был, пожалуй, самым радостным месяцем в моей студенческой жизни: все экзамены зимней сессии второго курса — издавна важнейшей для стабилизации положения студента в институтской среде — сдал на «отлично».

Добрый почин сделал на первом испытании по теории вероятности, благодаря радушному приёму у Киры Николаевны Маскиной, расположение которой заслужил на практических занятиях выполнением, с первого захода, всех контрольных работ. Наш лектор, Илья Александрович Назаров, обладавший супераналитическим умом и бульдожьей хваткой, ранее мои достижения в высшей математике оценивал на балл ниже максимума, но на третьем экзаменационном свидании математический гуру до меня не добрался.

Внешне добродушный и чуть отвлечённый от сиюминутных проблем быта, он, тем не менее, вызывал отчаянный страх у юной аудитории, помнившей публичную экзекуцию, устроенную им на самом первом экзамене. Тогда худотелого «студิโอза», изблещённого в пользовании шпателькой, мощный ментор (статью и стойкой походивший на боксёра-«полутяжа»), ухватив за воротник, отнёс в деканат, откуда несчастного перевели в распоряжение военкомата, по месту военной приписки.

Поступок экзаменатора произвёл на рефлексивную и всепокорную массу первокурсников столь сильное впечатление, что на следующем — после выноса тела — экзамене одна кисейная барышня, к которой фатальный Назаров подсел для проведения опроса, кувыркнулась в обморок.

Мои нервы напряжённая борьба за выживание закалила, подняв, попутно, боевой дух; своей удаче радовался как дитя малое — ходил, расправив плечи, уверенным «гоголем». Правда картину благостного достижения подпортила «четвёрка» по машиностроительному черчению, которую — перед началом зимней сессии — «схлопотал» на так называемом дифференцированном зачёте; она помешала мне в последовавшем весеннем семестре получать пятьдесят пять рублей повышенной стипендии вместо обычных сорока пяти.

Тем не менее, борясь за высокие баллы, страдал и мучился не зря. Эффектная последовательность высоких отметок на страничке зачётной книжки производила положительное зрительно-психологическое воздействие на экзаменаторов новой волны: принимая решение о величине очередной отметки, они не могли не брать во внимание мнение предшественников.

Прежде чем уйти на заслуженный каникулярный отдых, наша могучая кучка друзей, сформировавшаяся минувшей осенью, после картофелеуборочной эпопеи, приняла решение отметить общий учебный успех и мой особый экзаменационный фарт в ресторане «Кавказский».

Этот шалман, знаменитый своей пикантной кухней, располагался возле Казанского собора, на углу Невского проспекта и Казанской, в прошлом Большой Мещанской, улицы (к слову, до пролетарской революции славившейся обилием красных фонарей над подъездами домов).

В его уютном полуподвальном зале мы, из предварительного расчёта до семи рублей «с носа», хорошо закусили и выпили, расслабились и порезвились.

Звенело рюмок тонкое стекло,
И челюсти работали отлично,
Гурманы задыхались тяжело,
А мисс и леди кушали тактично⁷².

Одну из «леди», лет на десять себя постарше, заметил женолюбивый Алик Ратновский; заметил — и попытался приглубить питерскую «каmeliю», чему решительно воспротивился её кавалер (маленькое квипрокво чуть не переросло в бой кудрявых самцов).

Бесподобный Ильяша Ханцис веселил присутствующих сольными выступлениями («Держась за тухес, словно ручку у трамвая...»), застольными

прибаутками («Ты, что же стакан не допил, таких не берут в космонавты»), своими знаменитыми тостами:

Меркнут знаки Зодиака
Над просторами полей,
Выпей рюмку кониака,
Сердцу станет веселей⁹⁹.

Невялый Валера Чихман — «в бореньи с трудностью силач необычайный»¹⁰⁰ — в очередной раз подтвердил высокий уровень физической подготовки и запредельную скорость реакции. Когда нерасторопный официант, доставивший к столу шашлык «по-карски», стал сбрасывать ароматный мясной ряд с шампуров на общее блюдо, сочный и упругий кус мяса, ударившись об его край, полетел в сторону соседнего стола, но был на лету перехвачен острыми (ещё не знавшими дантиста!) зубами тренированного, но вечно голодного студента.

За десертом, под кофе-гляссе, розовощёкий и «цицеронистый» Вова Пожитков, отпустив на одно деление поясной ремень, рассказал старинного истока быть, продолжающуюся в наши студенческие дни. Он поведал, что в помещении над рестораном, занимаемом «Ленэнерго», находится пульт переключения уличных фонарей Невского проспекта и прилегающих к нему улиц. Работа в этом учреждении требует исполнения двух операций в течение суток: включить (на закате) и выключить (на рассвете) переключатель; в период «белых ночей», официально заканчивающихся в середине июля, необходимо только присутствовать на рабочем месте. Несколько подсмен, на которые разбиты суточные смены, дают работникам уйму свободного времени, что немаловажно для внеинститутских занятий. Поэтому борьбу за место у заветного рубильника, с переменным успехом, уже много лет ведут студенты двух сильнейших вузов: Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ — «Если некуда идти, поступайте к нам в ЛЭТИ», «Ах, ЛЭТИ, ЛЭТИ, мать твою ети»)¹⁰¹ и Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта при Министерстве путей сообщений (ЛИИЖТ при МПС — «Ленинградский институт изучения женского тела при Министерстве половых сношений»)¹⁰¹.

В настоящее время, уверенно завершил Вовчик, верховодят железнодорожники, но как только власть возьмут наши электротехники, он, используя свои обширные связи, обязательно устроит меня на хлебное место.

«Повеселясь на буйном тире»¹⁰², наша компания, не унижив достоинства обслуживающего персонала чаевыми, до последней копейки в карманах рассчиталась за полученное удовольствие; затем, выписывая вавилоны на тротуаре Невского проспекта, побрела в сторону Московского вокзала, где меня, убывающего на зимние каникулы к родителям, ждал экспресс «Красная Стрела».

В вагоне открылось, что до Москвы мне будет сопутствовать пара пожилых немцев-туристов. Вовчик, никогда не терявший присутствия духа, тут

же вывел меня на перрон и стал давать инструктаж о правилах поведения в среде инородцев: «Их бин студент, их бин студент...». С этими словами, не глядя в глаза перепуганных иностранцев, забирался на верхнюю полку купе; их бормотал, погружаясь в отрезвляющий сон.

Вернувшись с каникул, напомнил другу о данном им обещании перспективного трудоустройства. «*О стыд! Где твой румянец?*»²³ — Вова долго вспоминал, о чём велась речь в ресторации, а вспомнив, велел ждать. И хотя стало понятно, что дожидаться свершения чуда — давать свет людям и получать за это деньги — мне не суждено, романтическая надежда не умирала до последнего семестра.

Ведь если звёзды зажигают —
Значит — это кому-нибудь нужно?¹⁰³

Проблема формирования доходной части личного бюджета (при отсутствии таковой в части расходной) была для иногородних студентов моей поры постоянной головной болью. Основными источниками денежных поступлений служили стипендия, дотация родителей, подработка на стороне. К последнему варианту наполнения кошелька прибегали либо при отчаянном безденежье, либо при твёрдом намерении обеспечить достойную жизнь в удивительном Ленинграде.

На исходе второго курса, когда стал ощущать себя полноценным студентом, имея стипендию и стабильную отцовскую помощь, попытался «подхалтурить» необычным, без затраты физических усилий, способом — отправил кроссворд собственного приготовления в неприметный (и потому, как наивно полагал, «всеядный») журнал «Советские профсоюзы» и стал нетерпеливо ждать извещения о поступлении денежного перевода-гонорара. Вместо него пришло сухое и обидное сообщение от редакции о том, что за использование устарелого слова «кабриолет» мне в публикации отказано.

Следующий шаг к финансовому успеху оказался удачным, благодаря другу-однокурснику Боре Гохштейну, взявшему меня в напарники для работы в студенческом научном обществе (СНО). За приличные деньги — тридцать рублей в месяц! — мы подрядились к ассистенту Борису Николаевичу Дендобренько (высокому, приветливому и обязательному) моделировать на интеграторе физические процессы в радиосистемах. Сверхдоходы поступали немногим более полугода, пока не прекратилось финансирование темы диссертанта; по этой причине мне, уже избалованному хорошими деньгами, к середине третьего курса вновь пришлось ломать голову над проблемой усиления финансового положения.

Однажды, перед лекциями, находясь в третьем корпусе института, обнаружил на обширной доске объявлений афишку, текст которой сильно озада-

чил меня. В ней сообщалось, что дирекция Ленинградского телевизионного центра приглашает отважных парней на работы по достройке — на сорок метров! — телевизионной вышки, находящейся напротив нашего института. Приводилась система оплаты труда: основной заработок обещали никак не меньше тридцати рублей за смену, премия возрастала по мере набора высоты. От крепких телом и духом кандидатов в богачи требовалось заполнить анкету и пройти собеседование в отделе кадров телецентра, расположенного на соседней улице Чапыгина.

Его комплекс зданий был возведён на месте, пользовавшемся дурной славой у петербуржцев девятнадцатого века — в этом захолустье Аптекарьского острова пастыри запрещённой законом секты скопцов, исполняя обряд посвящения, кастрировали новообращённых.

Этого тревожного факта истории не знал, когда — со «сдвинутым по фазе» рассудком — бродил на нетвёрдых ногах по институту; когда, несколько раз возвращаясь к судьбоносному объявлению, порывался — во избежание нездоровой конкуренции — сорвать его¹⁰¹.

Два академических часа на лекции Бориса Викторовича Шамрая теоретически накапливал и умножал валившееся мне в руки богатство; представлял, как одним махом выкуплю самые ценные книги в знаменитом букинистическом магазине на Литейном проспекте. Лекцию — электромагнитные элементы, гистерезис — не конспектировал; не обращал внимания на традиционные шутки «хохмача» — доцента (типа: «У соседа подохла коза; казалось бы, пустиак — а приятно»).

Лёгкое просветление рассудка пришло на следующей паре — на практических занятиях по теоретическим основам электротехники, которые вёл интеллигентный и реактивный Юрий Борисович Мерзлютин; пришлось вникать в суть операций над комплексными числами с помощью логарифмической линейки, что-то считать.

И лишь в начале третьей пары, на занятиях по английскому языку сознание вернулось в нормально состояние. Всё стало на свои места в тот миг, когда славный своими оксфордскими манерами Дима Денисов, выполняя волю преподавателя Зои Павловны Засурцевой, подошёл к доске и по-английски написал «Первое апреля одна тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года».

А счастье было так возможно,
Так близко!..

(А. Пушкин)

Путешествие из Москвы в Ленинград

Июнь шестьдесят шестого года — волшебный месяц белых ночей! — оказался самым напряжённым и печальным в моей студенческой пятилетке; самоувенчанный — по итогам предыдущей («круглоотличной») январской

сессии — лаврами триумфа, в следующую летнюю сессию получил (точнее — выпросил) «двойку» на экзамене по физике. Старенькая преподавательница — в блузке из брюссельских кружев, с рюшечками и воланчиками, с обязательным медальоном у верхней пуговицы, — помнившая антигерманское переименование Петербурга в Петроград, оценив мои нетвёрдые знания твёрдой «тройкой», наметила было мне перспективу потери стипендии в следующем, первом семестре третьего курса.

Институтские правила проведения экзаменационных испытаний позволяли «двоечникам» пересдавать проваленный предмет до завершения сессии, поэтому, умолив милосердную «физичку» снизить положительную (но нежелательную!) отметку до «неудовлетворительно», получил возможность со второй попытки добыть чаемое «хорошо».

Сбой в учёбе был вызван не только «головокружением от успехов», но и умалением времени для предэкзаменационной подготовки, ибо с третьей декады мая, уговорённый спортивным и романтическим Валерием Чихманом, приступил — на пару с ним — к усиленным занятиям гребным спортом.

Традицией военно-морской кафедры (точнее — кафедры СИП, или специальной инженерной подготовки) было ежегодное проведение дальних шлюпочных походов по сложной водной системе рек, озёр, каналов, водохранилищ между Ленинградом и Москвой; в один сезон преодолевался путь, к примеру, в московском направлении, в другой — в обратном (и так — из года в год).

В том году предстояло путешествие из Москвы в Ленинград. Готовясь к нему, мы с другом — между зачётами и экзаменами — ходили по утрам, через сад имени Дзержинского, на лодочную пристань Аптекарского острова; там, в водах Малой Невки, изнуряя себя многочасовыми тренировками на шестивесельных ялах, натирали мозоли и накачивали мышечную энергию для предстоящих, физически напряжённых испытаний.

В начале июля три экипажа студентов-гребцов — со студенткой-стряпухой в каждом — в сопровождении трёх старших офицеров-преподавателей прибыли в Белокаменную, где за пару дней расконсервировали год простоявшие на берегу Химкинского водохранилища шлюпки предыдущей экспедиции, проверили их «непромокаемость», испытали крепость уключин, вёсел, парусов, закупили провиант.

В общежитии речного стадиона, где наша студенческая команда устроилась на ночлег, мне попал в руки номер журнала «Юность», в котором вычитал интервью Самуила Яковлевича Маршака, данное им незадолго до смерти.

Поразила и на всю жизнь осталась в сознании — как принцип постоянного самоусовершенствования — мысль знаменитого поэта и переводчика о том, что высококультурного человека выделяет из общей среды чувство самоуважения, что для его утверждения и усиления необходимо, помимо прочего, совершать яркие, порой необычные — к примеру, взять и изучить забытый язык санскрит! — поступки.

Впечатление от прочитанного было настолько сильным, что, увидев в книжном магазине томик Шекспира, купил его с твёрдым намерением испол-

нить неординарный поступок — за месяц путешествия выучить наизусть одну сцену трагедии «Гамлет, принц Датский».

Шестого июля, как свидетельствуют дневниковые записи педантичного Чихмана, «маломерная флотилия» Ленинградского электротехнического института, под командованием капитана второго ранга Юрия Николаевича Благовещенского, выйдя в акваторию канала имени Москвы, выстроилась кильватерной линией и взяла «генеральный курс» норд-вест.

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали,
Другие дружно упирали
В глубь мощны веслы...¹⁰⁴

Два дня (по ступенькам-шлюзам) поднимались до русла Волги. Шли на вёслах, прижимаясь к берегу, преодолевая накатные волны от «серьёзных» — грузовых, пассажирских — суден, двигавшихся по фарватеру. Питались, поначалу, всухомятку; только на волжском берегу, на опушке сосновой рощи, на основательно устроенном бивуаке наладились форма и ритм проведения походных вечеров: поварахи сварили на кострах похлёбку, кашу с китайской тушёнкой, вскипятили общей заварки чай; расслабленные сытным ужином путешественники расселись у огня, гитаристы ударили по струнам:

Надоело говорить и спорить,
И любить усталые глаза,
В флибустьерском дальнем, синем море
Бригантина поднимает паруса¹⁰⁵.

Паруса на наших ялах впервые затрепетали на волжских просторах; перекладывая их, мы — набиравшие опыта матросы — учились ловить попутный ветер, выбирать оптимальное направление движения по галсу. Ветрила не только ускоряли движение, но и давали мне, свободному от вёсел гребцу, уйму времени для зубрёжки (акт третий, сцена первая — *«И вам не удаётся разузнать, зачем он распяляет эту смуту, терзающую дни его покоя таким тревожным и опасным бредом?»*).

В конце августа 1964 года, уже как студент ЛЭТИ, вышел потрясённый из кинотеатра «Великан», где посмотрел только вышедший на экраны страны фильм Григория Козинцева «Гамлет». Теперь, под плеск волны за бортом, читая-перечитывая трагедию, сопоставлял зрительно её действующих лиц с киногероями: с изумительно исполнявшими свои роли Толубеевым, Вертинской, с божественно лицедействовавшим Смоктуновским.

Подгоняемые речным течением, успев по пути осмотреть достопримечательности древнего Углича (монастырь, церкви, место убиения малолетнего царевича Дмитрия — последнего сына Ивана Грозного), добрались до Рыбинска, где предстоял — поворотом налево — переход в старую, 1810 года обустройства, Мариинскую водную систему, связывающую Волгу с Балтикой.

Пересечь Рыбинское водохранилище своим ходом нам не довелось — действовал запрет для малых речных судов на плавание в этом рукотворном, очень бурливом водоёме. В ожидании оказии наши капитаны, из купленной у рыбаков разносортной — сорной и ценных пород — рыбы приготовили настоящую «тройную» уху; после неё, расслабившись, исполнили для нас — «са-лажат» — любимую песню подводников:

А начиналось дело вот как —
Погасла жёлтая заря,
А наша серая подлодка
В себя вобрала якоря¹⁸².

Наступившую ночь мы, сомлевшие от переедания путешественники, провели в трюме самоходной баржи; спали беспокойным сном под мерный гул двигателей, под килевую качку, окутанные плотным облаком мошканы. Эти мерзкие насекомые (проклятие рода человеческого!) сопровождали нас, опухших от их укусов, всю срединную часть маршрута вдоль топких — казалось, насыщенных нездоровыми испарениями — берегов реки Шексны, Белого озера, рек Ковжи и Вытегры.

Только окунув вёсла в Онегу, на шкуре своей ощутили переход из ада в рай — микроскопические мучители пропали; более крупное комарьё, после пережитого, не раздражало. Прохладная озёрная вода поразила необычной прозрачностью, родниковым вкусом; спокойная водная гладь — под безоблачным небом — отливала синевой; коллективная рыбалка на спиннинг обеспечила пропитание на весь день отдыха, который мы провели на лесистом берегу, играя в футбол на спрессованном водой песке прибрежной полосы, веселясь и дурачась (*«Однажды, отец Онуфрий, осматривая окрестности огорода около окрестностей Онежского озера, обнаружил озябшую отрочицу Ольгу. «Отдайся, Ольга, озолочу», — огласил отец, — «Не корысти ради, а токмо продления рода человеческого для».*)

До Подпорожья — по скоростной Свири, соединяющей Онегу с Ладогой, — «прокатились» на катере, буксировавшем наши ялы. Остаток пути, подгоняемые объявившейся тоской по любимому городу, летели птицей. По обводному каналу обогнули Ладожское озеро; миновав Петрокрепость, стали на финишный невский отрезок и двадцать четвёртого июля, оставив за кормой каждой шлюпки одна тысяча триста семьдесят километров водного пути, — загорелые, мускулистые, с выгоревшими волосами и тельняшками, с огрубевшими ладонями — вскинутыми вверх вёслами приветствовали встречавшую нас депутацию института.

Переполненный восторгом от доброго — с салютным выстрелом из пушки! — приёма, сверкая белками глаз, чеканил шаг по Кировскому проспекту;

в голове всё ещё шумели волны, продолжал гудеть ветер, звучал знаменитый монолог Гамлета: «Быть или не быть — таков вопрос...».

Прошагав сотню-другую метров по тротуару, поднял голову и, к своему удивлению, увидел выбитую на граните фамилию автора перевода мысленно декламируемой мною трагедии: Михаила Леонидовича Лозинского, жившего в обозначенном мемориальной доской доме, умершего в нём 1 февраля 1955 года. (Позже узнал — в тот же день покончила с собой его жена Татьяна Борисовна.)

В этом удивительном совпадении, в неожиданной встрече со знаком памяти о великом русском переводчике увидел — юный, восторженный и поэтический — некий символический знак одобрения совершённого мною поступка, давшего мне право на самоуважение.

Годы спустя, окончив институт и расставшись с Ленинградом, — чудным, гармоничным городом, миром интеллектуалов — усилил оценку результатов давнего студенческого путешествия: в нём зародилось во мне восприятие русского языка не как набора грамматических правил, а как явления мировой культуры; тогда, восхищённый безупречностью классического текста в конгениальной огранке мастера перевода, стал предпочитать для чтения тексты высокой красоты и мыслеёмкости, дающие развитие не только эрудиции, но и личной речевой культуре.

Прекрасным было лето далёкого-далёкого шестьдесят шестого года.

Ты — в сердце, ЛЭТИ!

Не сподобил меня Господь к рисованию — передал этот дар от мамы моему младшему брату Виктору, три года после меня (в 1973 году) закончившему «магический электротехнический»; ныне совмещающему умение профессионально живописать с мастерством компьютерного пересчёта элементарных частиц — в чине заместителя директора отделения! — в Ленинградском институте ядерной физики (да, для меня — именно «Ленинградском»).

Думаю — было бы только время! — он сумел бы выписать многофигурную композицию под названием «Шестидесятники — в истории ЛЭТИ прозвучавшие», в которой современный зритель, студенты (бывшие и нынешние), увидели бы лица людей, дававших нам — поколению студентов шестидесятых годов двадцатого века — безупречное образование, наставлявших и воспитывавших нас, своими высокими человеческими качествами влиявших на нас, определявших высокую марку знаменитого вуза.

На этом групповом портрете он отобразил бы не только общепризнанных корифеев, научных и общественных лидеров, но и представителей второго плана — верных служителей истинно народного высшего образования, патриотов института, с которыми мы общались — чаще или реже — в течение счастливых студенческих лет, которые, ярким следом или тусклым пятнышком, навсегда остались в нашей благодарной памяти.

Мне снится прошлое. В виденьях полусонных
Встаёт забытый мир и дней, и слов, и лиц...¹⁰⁶

Первыми графитными контурами творимого панно просил бы очертить мягкое, умное лицо Владимира Павловича Яценко, заместителя декана нашего факультета автоматики и вычислительной техники (ФАВТ). Он первым из официальных лиц — выдержанно и очень спокойно — поздравил собрание первокурсников, приёма шестьдесят четвёртого года, с началом учёбы в великом ЛЭТИ, познакомил нас с историей, традициями «альма-матер», с благопокорными правилами внутреннего распорядка, представил старост групп.

Сложилось так, что в последовавшие годы учёбы, работая в профсоюзном бюро факультета, часто общался с этим требовательным, справедливым, глубоко порядочным человеком; к концу моего институтского курса между нами — преподавателем и студентом — установились доверительные, очень тёплые отношения.

Через год после окончания института, находясь на двухгодичной офицерской службе, прилетел с берега Аральского моря в Ленинград, чтобы получить от Владимира Павловича рекомендацию для вступления в партию — добрые, искренние, выверенные слова характеристики от авторитетного воспитателя.

Должность декана в указанное время исполнял Алексей Николаевич Лебедев; его бесстрастное, как у сфинкса, лицо придавало особую значимость

им читаемым, академически точным лекциям, побуждало студентов к дополнительному усердию. Уважаемый профессор был среди зачинателей автоматизации вычислений и операций управления; в годы войны, не покидая ЛЭТИ, внедрял на кораблях Балтийского флота первые счётно-решающие приборы; в пионерском деле ему соучаствовали экстравагантный Яков Иванович

Дубинин и монументальный Александр Михайлович Калмыков, чей военный труд был отмечен Государственной премией.

Уверенной линией, подчёркивающей большой ум, и трагическим мазком, отображающим жестокие отметины войны, следовало бы выпisać портретный образ Владимира Борисовича Смолова. В конце сороковых годов, его — тогда ещё студента-дипломника — привлекли к чтению лекций для старшекурсников; в шестидесятом году он — уже доктор технических наук, профессор — стал заведующим кафедрой вычислительной техники; скоро превратился, окружённый постоянно обновляющейся командой талантливых учеников, в живую легенду вуза; стал лучшим из лучших в своей отрасли знаний.

Его даровитый воспитанник, лучившийся бодростью и знаниями, Евгений Павлович Балашов, преподавал нам теорию запоминающих устройств;

до неприличия молодой, неженатый, работавший над докторской диссертацией, он, того не желая, возбудил не одну надежду в головах прилежных слушательниц его лекций.

В числе любимцев Смолова был худощавый, порывистый и педантичный Борис Константинович Петров. (Оказавшись на моей защите диплома, смелый преподаватель задал мне несложный вопрос, но, получив непредвиденный ответ, замахал от ужаса руками; своевременное вмешательство мудрого и обаятельного Евгения Александровича Чернявского избавило меня, полумёртвого, от потери важного балла.)

Когда, просматривая длинные ряды книг своей (в Ленинграде зародившейся) библиотеки, останавливаю взгляд на трёхтомнике Юрия Тынянова, соотношу невольно писателя, по печальному поводу, с Борей Петровым — оба умерли от редчайшей болезни, рассеянного склероза.

Кроткая и мягкосердная Анна Ивановна Шебанова на последних курсах проводила для нашей группы лабораторные работы (вместе с «бурчливым» Бодуновым); часто встречался с ней — разумной, прозорливой — в домашней обстановке, когда с её сыном, моим дружком закадычным, Сашей готовились к экзаменам.

Очень живописно смотрелся профессор Николай Николаевич Разумовский, заведовавший кафедрой конструирования электроприборов. Казалось, учёный-анахорет образца позднего средневековья — в халате-мантии, нарукавниках, тубетейке, — оставив келью, «внедряет» в головы невнимательных студюзовцев непререкаемые истины теории проектирования механизмов. (Кто знает, может быть, он был прямым наследником знаменитых украинцев, братьев Алексея и Кирилла Разумовских, переселившихся с Черниговщины на берега Невы, во второй половине восемнадцатого века оставивших след в российской истории).

Кажется, до бесконечности мог бы продолжить яркий преподавательский ряд тех далёких лет: великий ростом и знаниями в области электроизмерений профессор Александр Владимирович Фремке; рано возвысившийся, дипломатичный интеллектуал Борис Яковлевич Советов, возглавлявший кафедру автоматике и телемеханики; высокий, красивый заведующий кафедрой электронно-лучевых приборов Юрий Александрович Быстров — спортсмен союзного масштаба, мастер спорта по академической гребле...

Счастливых, радостных, смиренных, —
Всё помню я... Но нет уж нас,
Когда-то юных и блаженных¹⁰⁷.

Моё поколение жило в стране, сохранившейся только благодаря жесточайшему отношению к самой себе и ко всем, кто оказывался в сфере её влияния; находившейся три десятка лет под «азиатом» — выдержанным, пронительным, беспощадным.

Моё поколение жило во времена, когда страна подвела черту под собственным — недавним и тяжёлым — прошлым; когда оптимизировалось со-

стояние общественных отношений, с преобладанием добра над злом; когда жизнь стала выстраиваться на идеальных началах справедливости (как бы ни смеялись над этим нынешние «бандиты пера»).

Деятельные, желавшие знаний представители моего поколения могли воспользоваться равными для каждого из нас возможностями получить (качественное и бесплатное!) высшее образование, имели счастье провести пять-шесть лет в престижной студенческой среде — в обстановке сплочённости, коллективизма, высокой интенсивности общения прожить возраст сильных чувств, романтического томления, бескорыстных жертв, поиска смысла жизни, накопления интеллектуальной энергии и культурного багажа.

Альма-матер, альма-матер, лёгкая ладья,
Белой скатертью дорога в ясные края,
Альма-матер, альма-матер — молодая прыть,
Оглянись, народ лохматый, — нам далёко плыть¹⁰⁸.

Моя институтская одиссея открылась ритуальным посещением комитета комсомола, где его секретарь Коля Викторов — после уважительного собеседования — поставил меня на комсомольский учёт, оставив на память о себе изумительное впечатление качествами настоящего лидера. Этот крепко сбитый, коренастый питерский парень уверенно держал в своих — сильной житейской закалки — руках мобильный, ежегодно обновляющийся молодёжный коллектив, методами комсомольской работы направлял громадную студенческую энергию на полезные, увлекательные дела. При нём и его сподвижниках — Жене Метлицком, Вите Тимофееве, Вадике Мигирине — набрало силы движение студенческих строительных отрядов (ССО), пошла в гору работа студенческого научного общества (СНО), славилась оперативностью и результативностью добровольная народная дружина (ДНД) института; именит был ЛЭТИ в те годы своим хором, студенческим театром, художественной самодеятельностью, регулярными капустниками — послесвечением знаменитого спектакля «Весна в ЛЭТИ», поставленного в 1953 году студентами Александром Колкером и Кимом Рыжовым.

Работа в комсомоле, коей с «недетской силой» занялся во второй половине институтского курса, привила мне навыки работы с людьми, приучила к самодисциплине, к самостоятельным решениям и — самое главное! — подарила верного друга, Валерия Москаленко. Два летних месяца шестьдесят девятого года, проведённые совместно с ним в штабе студенческих стройотрядов, дали старт двум десяткам лет крепкой мужской дружбе — до ухода из жизни замечательного человека.

Чём дольше живём мы, тем годы короче,
Тем слаще друзей голоса.
Ах, только б не смолк под дугой колокольчик,
Глаза бы глядели в глаза¹⁰⁹.

Удивительным, интересной судьбы человеком был Валерий Фёдорович Москаленко. Предок его, после завершения похода во Францию в Отече-

ственной войне 1812 года, поселился на колонизируемых причерноморских землях; в городке Александровка, неподалёку от Николаева, дал начало новой фамилии. Потомок «москаля», перебравшийся летом 1966 года в Ленинград, имел за плечами трудовой стаж, срочную армейскую службу и восемь лет разницы в возрасте с только окончившими школу сокурсниками факультета электронной техники.

Житейский опыт, в сочетании с природным умом и качествами характера, год от года прибавляли веса Валерию, ставшего — по получении диплома — непререкаемым авторитетом, командармом студенческих строительных отрядов; эта сумма достоинств подтолкнули ректора, Александра Александровича Вавилова — умнейшего и деликатнейшего человека! — предложить тридцатилетнему Москаленко занять должность проректора института по капитальному строительству.

Стоит перед глазами — словно вчера виденная — сцена из жизни ректората тех лет: всегда очаровательная Вера Дмитриевна, регулирующая поток посетителей, контролирующая обстановку в институте; милая Маргарита Михайловна, печатающая для Москаленко очередную заявку на стройматериалы; седовласый Вавилов что-то объясняющий молодому заместителю в присутствии энергичного, неизменно обаятельного Владимира Ивановича Тимохина, проректора по учебной работе, — тройка прекрасных образов для обдумываемых мной, под кисть брата, портретов лучших людей института времён второй половины прошлого века.

Молодой проректор решил для института застарелую, чрезвычайно болезненную проблему дефицита учебных корпусов — до его вступления в должность куча свай в институтском (с погибшим фонтанчиком) скверике и застрявшая в согласованиях документация обозначали слабую перспективу капитального строительства.

Каждый раз, приезжая в Питер, наблюдал приращение красного кирпича стен новостройки, восхищался разумной энергией друга, «выбивавшего» дополнительное финансирование, добывавшего дефицитные стройматериалы и оборудование, решавшего кадровые проблемы; присутствовал при вводе в эксплуатацию возведённых зданий.

Валерий Москаленко был настоящим мужчиной — без позёрства и комплексов, публично сдержанным, волевым, обязательным, скрупулёзным в ответственных делах. Внутренне чистоплотный человек, он был непримирим к любой гнусности, не терпел подхалимажа; категории морали «долг», «честь», «справедливость», «самоотдача» были естественной основой его жизни. Он избегал громких слов, пафосности, проявлений сентиментальности, но всегда откликался на просьбы близких людей о помощи; обладал удивительным даром объединять разностильных, разнохарактерных, разновозрастных людей, формируя «клуб друзей Москаленко», двери которого широко распахнулись после занятия его основателем кресла проректора.

Пленарные заседания, которые открывались по случаю моих командировочных заездов, обычно вёл неповторимый — своей улыбкой за стёклами оч-

ков, ямочками на щеках — острослов и любитель пения Витя Тимофеев. Мне предоставлялась возможность высказаться об очередных успехах киевского «Динамо», о базарных ценах на сало, черешни, томаты, об особенностях производства и потребления крепких напитков на Украине.

В прениях по докладу первым слово брал командовавший институтскими научно-исследовательскими работами Саша Батуро; за ним выступал быстрый и порывистый Вадим Мигирин, тогда работавший главным инженером Ботанического Сада; своё веское слово говорил Валерий Александрович Никольский, прославленный былыми целинными походами и отмеченный многочисленными наградами за это.

Историки института должны знать, что именно Никольский в далёком шестьдесят третьем году командовал строительным отрядом ЛЭТИ, разбившим первые палатки у районного центра Ленинградский Кокчетавской области; что в следующем сезоне бойцы районного отряда, вместе с командиром, встречались с космонавтом Валерием Быковским на месте его приземления.

Никольский — по-мужски красивый, с умным, пронизательным взглядом, волнистыми каштановыми волосами, внешне спокойный и предельно целеустремлённый — был прирождённым руководителем крупного калибра, имел серьёзный карьерный успех; некоторое время работал в Центральном Комитете Комсомола, откуда вернулся в родной институт (то ли не «прогнулся» по контуру генеральной линии, то ли «подсидели» его молодые бюрократы).

В этот период нашего активного общения он, работая в отделе научно-исследовательских работ (ОНИР), серьёзно занимался вопросами патентования; узнав, что мой киевский отдел ежемесячно выдаёт «на гора» немалое число разработок, со страстностью неопита стал убеждать меня патентовать каждую, имеющую малейший признак новизны, компьютерную программу.

Свою аргументацию дружище Никольский выстроил на сопоставлении судеб изобретателей радио: первого выборного директора электротехнического института (будущего ЛЭТИ) Александра Степановича Попова и выпускника Болонского университета Гульельмо Маркони.

Первым изобрёл радио русский учёный, публично продемонстрировавший 7 мая 1895 года радиопередачу азбуки Морзе, подробно описавший свои приёмник и передатчик в январе 1896 года в выпуске «Журнала Русского физико-химического общества».

Тем не менее, бизнес из радио сделал его второй изобретатель — в феврале 1896 года Маркони подал патентную заявку и летом 1897 года, получив патент «на усовершенствование в передаче импульсов и сигналов», создал Компанию беспроводногo телеграфа и сигнализации.

В 1909 году итальянский миллионер разделил Нобелевскую премию за развитие радио с Брауном, основателем немецкой фирмы Телефункен; имя первого изобретателя радио на церемонии награждения двух конкурентов не звучало.

Дискуссии о бизнесе и науке, о западной предприимчивости и высокой нравственности русского учёного возникали всякий раз, как только мы схо-

дились со старшим другом. Лишь когда Валерий Александрович получил приличествующую его возможностям должность в высокоорганизованных органах ленинградского сыска, проблема своевременной регистрации изобретений и открытий из наших разговоров ушла — сообразно новому направлению служебной деятельности стал наш друг малобеседливым.

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой¹¹⁰.

Post scriptum! *Говорят, что однажды, на конференции, посвященной проблемам связи, представитель США заявил, что в результате археологических раскопок выяснилось, что пять тысяч лет назад на территории североамериканского континента существовал проволочный телеграф, так как на глубине пяти метров откопана проволока.*

На что представитель СССР заявил, что на территории России десять тысяч лет назад существовал беспроводный телеграф, так как на глубине десяти метров проволоки не найдено.

При этом он заметил, что и открытие рентгеновских лучей следовало бы, очевидно, отнести на более ранний срок, ибо еще Иван Грозный говорил своим боярам: «Я вас, сволочей, насквозь вижу!»¹¹¹

Мне грустно...

В пору моей студенческой юности, на Невском проспекте, в доме за номером двадцать четыре, располагалось кафе-мороженое, имевшее обиходное наименование «Лягушатник». Такое «прозвище» возникло в гуще народной, видимо, по ассоциации с роскошными прудовыми лилиями, вырисованными на зеленоватых, с подсветкой, витражах, которыми были декорированы стены и потолок заведения, с болотного цвета драпировкой, обивкой мебели.

В этом кафе, в конце июня шестьдесят пятого года, вместе с товарищами по группе №434 пил шампанское в честь успешного завершения нашей первой в жизни летней экзаменационной сессии. Отуманенные сладостью победы, расслабленные лёгкими винными парами, мы пребывали в том полуистерическом состоянии эйфории, которая охватывает и раскрепощает людей, благополучно завершивших долгий путь по краю пропасти. Сгустки нервной энергии, накопившейся в нас за полтора месяца зачётов и экзаменов, выплёскивались резвым хохотом, следовавшим за шутками, анекдотами, байками из студенческой жизни, пересказом — с ироническими комментариями! — трагикомических эпизодов первого года учёбы и только отгремевших испытаний.

В числе тем, подпавших обсуждению и дружескому осмеянию, была моя эпатажная стрижка наголо в канун сессии — перед стартовым экзаменом по математическому анализу. Поступком этим, имевшим некий символический, почти тотемный характер, намеревался ослабить силу атаки жёсткого и неутомимого доцента Назарова, чья выдающаяся математическая голова была

замечательна также своим рукотворным зеркальным блеском. (Впрочем, щетину мою преподаватель оценил совсем не ревнивым, скептическим взглядом, а знания — только «четвёркой».)

Численное преимущество в нашем маленьком «междусобойчике» имели однокурсники-ленинградцы. Прежде всего, им, обласканным каждодневной родительской заботой, я озвучил несколько сюжетов из «мира животных». Рассказал о войне с «краснокожими» (клопами), которую весь первый семестр, при поддержке бледнолицых соратников-первокурсников, вёл в дальнем пригороде Шувалово (в снимаемой на десятерых комнате дома, срубленного, кажется, ещё в елизаветинскую эпоху). Затем «слепил» небольшой рассказик о засадах на наглых крыс, которые мы с дружищем Чихманом, уже во второй половине учебного года, устраивали в «меблирашке» на улице Достоевского... Отойдя от бытовой тематики, представил в лицах самые сочные сцены из недавно вышедшего на экраны фильма «Зайчик», с изумительным Леонидом Быковым в главной роли...

За нашей громогласной суетой, с интересом и мягкой улыбкой, долгое время наблюдал «немолодой» (по нашей юной оценке!) мужчина «под тридцать», сидевший одиноко за соседним столиком. Реплика за репликой, мы познакомились, втянулись в интереснейшее общение с геологом Игорем, задержавшимся в Питере по делам работы, зашедшим в любимое кафе выпить прощальный бокал вина перед отъездом «в поле». В нашей компании он вспомнил свою студенческую юность в Ленинградском университете имени Жданова (вариант — имени Мариуполя), зачаровал нас рассказами о дальних странствиях, о нелёгком поисковом труде, об экстремальных ситуациях, в которых побывал, о песнях под гитару у костра.

Люди идут по свету,
Им, вроде, немного надо:
Была бы прочна палатка,
Да был бы не скучен путь...¹⁸⁵

Дух романтики, возбуждившийся с приходом хрущёвской «оттепели», витал над нашей Юностью, окутывал и напитывал собою её чутких душой представителей, имевших за плечами обязательное среднее образование и сопутствовавшее ему нравственное воспитание.

Ещё не ослабели, не сменились ритм и тональность общественной жизни, заданные в начале шестидесятых годов. Разоблачение и осуждение прошлых репрессий, начавшаяся реализация планов построения сильного, справедливого общества вызвали взрыв массового, искреннего энтузиазма, дали «тем, в ком бродит гордый дух гражданства, кому уюта нет, покоя нет...», ощущение личной значимости, чувство хозяина не только собственной судьбы, но и будущего всей страны.

То было время созидания. Строились новые заводы, фабрики, исследовательские центры, жилые дома, посёлки, целые города («За ночь ровно на этаж подрастает город наш»). Покорялись полноводные сибирские реки, возводились мощные гидроэлектростанции, тянулись линии электропередач («А в тайге горизонты синие, ЛЭП-500 не простая линия»). Наука, инженер-

ное творчество, мощнейшее производство с завидной регулярностью пополняли общенародную собственность новыми машинами и механизмами, самолётами и кораблями, создали державе ракетно-ядерный щит, поставили на государственную службу «мирный атом», обеспечили пионерский прорыв в космос...

В ту пору наша страна по справедливости считалась самой читающей страной в мире. Литературные чтения, выступления поэтов собирали сотни, тысячи (порой — целые стадионы!) слушателей; горячая дискуссия «лириков» с оппонировавшими им «физиками» («Что-то физики в почёте, что-то лирики в загоне...») долго была на слуху и завершилась общественным согласием о равной гражданской значимости тех и других.

Ёмкое, понятное, красивое Слово облагораживало, гуманизировало общество, компенсировало моим современникам (ныне именуемым «шестидесятниками») любые нехватки и невзгоды, обустроивало наш внутренний мир. Стихи классиков поэзии (Блока, Ахматовой, Цветаевой...), молодых авторов (Рождественского, Вознесенского, Евтушенко, Ахмадулиной...) были нашей духовной пищей — изысканной и неповторимой.

«Как солнце в малой капле вод» отразилась позитивная эмоциональность общества в прекраснейшем жанре самодеятельного искусства — бардовской песне, нежной и яркой, умной и содержательной спутнице наших студенческих собраний. Первыми авторами и первыми героями чудных песен-баллад были люди мужественных профессий, связанных с дальними дорогами, с освоением труднодоступных пространств и недр. По причине этой знакомство с представителем чтимой романтической касты в популярном ленинградском кафе стало для нас, студюозусов-первогодков, игрой случая, давшего нам маленький праздник общения и познания.

Наш новый знакомый Игорь, оказался не только кладезем остросюжетных рассказов из своей походной жизни, но и глубоким знатоком истории Ленинграда-Петербурга. Её малоизвестные факты, языком глубоко влюблённого в город человека, он пересказал нам за время совместной прогулки по невским набережным, по стрелке Васильевского острова, по Невскому проспекту...

Интересно было узнать, что дом, в котором располагалось кафе-мороженое, прежде входил в состав так называемого Голландского квартала, что в его, соседнем, доме проживал недоброй памяти голландский посланник Геккерт — интриган гомосексуальной расцветки, приютивший в 1830 году сбежавшего из Парижа (от очередной французской революции) смазливый Дантеса. Фантастическим показался рассказ о том, как коварный голландец всеми силами оттягивал дуэль своей «пассии» с Пушкиным, дожидаясь получения для любимчика спасительной кольчуги, изготовленной в Архангельске.

На углу набережной Фонтанки и Невского проспектов наше юное внимание гид-эрудит обратил на здание с колоннами, в котором в начале века располагался музей восковых фигур (с царицей Клеопатрой, змеей укушенной, в центре экспозиции — факт, засвидетельствованный Блоком).

Я сам позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришёл взглянуть на профиль важный,
На воск открытый напоказ...¹⁸⁶

От нас потребовалась немалая сила воображения, чтобы представить на месте Московского вокзала шатры, в которых много лет назад держали слонов, присланных в подарок царю персидским шахом (отсюда их водили на водопой к Неве, к Литейному мосту, что подтверждает баснописец Крылов).

По улице Слона водили,
Как видно, напоказ...

Несколько часов, под *«прозрачный сумрак, блеск безлунный»* белой ночи длилась импровизированная экскурсия по центру Ленинграда. Уже замерли *«спящие громады пустынных улиц»*, уже разъехались по домам на последних поездах метро мои однокашники, а я, не связанный ни временем, ни пространством (жил тогда неподалёку — у Владимирской площади), до малозаметного восхода солнца, до первых трамваев слушал геолога Игоря...

Без муки нет науки. Весь первый учебный год отказывал себе в удовольствии интеллектуального саморазвития. Озабоченный, прежде всего, стремлением удержаться на плаву в бурном вузовском море, содержал себя в строгой аскезе — от рассвета до заката отдавался (за исключением случаев пары *«выбрыков»*) усвоению только лекционного материала, штудировке учебников. Но в ту белую ночь моему формирующемуся организму потенциального *«ленинградца»*, уже настроившемуся на поглощение максимального объёма культурологической информации, её ударная доза от эрудированного учителя стала искрой, будто в сухой порох ударившей.

Вспыхнул и запылал. Отработав-отгуляв первые институтские каникулы, купил, прежде всего, гитару, снял полную письменную копию с бродившего по институтским корпусам и студенческим общежитиям песенника. Во время последовавшей картофельной страды (в сентябре шестьдесят пятого года) брал усердно уроки у наших записных гитаристов, овладел с их помощью минимумом наиважнейших аккордов, с помощью которых к концу уборочной уже мог подыгрывать нестройному, но хоровому песнопению сезонных тружеников.

Обгорев на кострах эмоций,
Мы по миру шагаем упрямо,
Симпатичнейшие уродцы
С перевёрнутыми мозгами¹⁸⁷.

В числе моих музыкальных наставников был Юрий Печерский, выделявшийся в нашей студенческой группе демонстративной манерностью одессита, коим он считал себя из-за двух лет учёбы в техникуме славного южного города. Невысокого роста, худощавый и порывистый, неизменно элегантный и очень кошерный, он свои слегка вьющиеся, зачёсанные назад волосы, стильную полоску усов обязательно умащивал бриолином, а свой любимый костюм, серый и лавсановый, дополнял такого же цвета штиблетами, рубашкой и галстуком в тон (не доставало только канотье и тросточки).

В небогатые закуской воскресные журфиксы, которые мы, в супраге с сентиментальным Чихманом, устраивали в комнатке-пенале коммунальной

квартиры по улице Достоевского, маэстро брал в руки гитару и, перебирая струны, томно, мягко и протяжно выделяя гласные после шипящих согласных, исполнял популярную в те времена песню на слова поэта Евтушенко: *«Ты спеши, когда мне нужен друг, ты спеши, когда грущу в тиши, ты спеши, ты спеши...»*

Впрочем, музыкальные успехи мои оказались — увы и ах! — эфемерными. Струны гитары, во время очередной сходки, перегрузки не выдержав, оборвались (*«Не дают мне больше интересных книжек, и моя гитара — без струны»*); Володя Пожитков, староста параллельной группы, взял инструмент в ремонт и настройку, после чего семиструнной своей я больше не видел...

Все свои интеллектуальные наработки я очень тщательно и очень интимно регистрировал в специально приобретённых общих тетрадах. В одной — копил сведения по истории Ленинграда, о связанных с городом замечательных личностях; в другой — составил описание экспонируемых в Русском музее картин, скульптур (для чего не раз пристраивался к коллективным, с экскурсоводом, проходам по залам музея); в третьей и последующих — делал выписки из значимых, высокоумных книг, регулярную закупку которых начал на втором курсе.

К началу третьего институтского курса относится зарождение моего конспекта лекций по эстетике, которые факультативно (для желающих и только во внеурочное время) некоторое время читал обаятельный и энергичный преподаватель кафедры философии. *«Был он годами млад, но умом столетен»*. Не запомнил, к своему великому сожалению, имени-фамилии лектора, но, как сейчас, вижу его умное, одухотворённое лицо интеллектуала, его серые, с голубоватым отливом глаза, глубокие и добрые, его рыжеватую, уже отступившую от своей исконной черты гриву (*«Ему Господь за ум лба прибавил»*).

Раз в две недели, по пятницам, ближе к вечеру, он взбегал на кафедру знаменитой, помнившей профессоров-учредителей, аудитории номер один главного корпуса, швырял на просторный стол свой всегда пухлый портфель с латунными застёжками и, обращаясь к немногочисленным — но безмерно преданным! — слушателям-неофитам, начинал изысканнейшим русским языком изяществовать о высоком. Первые общественные слушания, как свидетельствуют мои записи, были посвящены русскому символизму, оформившему его доктриной Дмитрию Мережковскому, череде его блистательных представителей: Валерию Брюсову, Александру Блоку, Андрею Белому, Вячеславу Иванову...

В умной беседе быть — ума прикупить. Дыхание затаив, внимали будущие инженеры-электрики предложениям о высшей реальности в жизни идей, о поисках новой красоты, о сумерках человеческой психики... За высокими окнами аудитории наплывали сумерки питерской осени, пылал многоцветием увядающей листвы Ботанический Сад, а по длинному кафедральному подиуму ходил наш духовный учитель и чеканил прелестный слог Юргиса Балтрушайтиса, его сумеречный «Ноктюрн»:

Час полночный... Миг неясный...
Скорбный сумрак... Тишина...
Слабых крыльев взмах напрасный,
Мысль — как колос без зерна.

После урагана высокоёмкой информации, буквально валившей меня с ног, до боли возбуждавшей мой мозг, выходил сам не свой на свежий воздух и, осмысливая, перерабатывая услышанное, брёл пешком домой — по Кировскому проспекту, мимо Летнего Сада, Инженерного замка, памятника Петру, в сторону Невского проспекта.

В ту пору (осень шестьдесят шестого года) сменил среду обитания — переехал за несколько кварталов от прежнего места жительства, ближе к Невскому проспекту и Московскому вокзалу, на Пушкинскую улицу. Напористый Валерий Чихман к этому времени получил место в общежитии, и однокурсник, Боря Гохштейн, предложил мне съехаться в такой же комнатухе коммунальной квартиры. Он также, но по другой причине, лишился «сожителя» — нашего экспансивного сокурсника, Мишу Лейтмана, «сожрала» гидра разврата близлежащего Лиговского проспекта.

С момента своего создания (на месте упрятанной в трубы речушки Лиги, питавшей некогда фонтаны Летнего Сада) эта городская магистраль была средой пребывания так называемых низов общества — жуликов, хулиганов, девок развратных наинижайшего пошиба. (Кстати, в расположенной в начале помянутого проспекта гостинице «Северная» после революции, для малолетних беспризорников было учреждено «городское общежитие пролетариев» (ГОП), породившее наименование местной шпаны — «гопников».)

Тело — в дело. Полтора года Михаил предавался сластолюбивым излишествами, разрываясь между привокзальными магдалинами и учёбой. Полтора года он водил в «коммуналку» на Пушкинской (тайком от соседей, по ночам) распутный женский элемент Лиговки, появляясь, время от времени, тенью отца Гамлета на лекциях. В конце второго курса, на зачётной неделе, парень сломался, к экзаменам не был допущен и получил от деканата «вольную» на все четыре стороны.

Говорят, избавившись от греха, Миша Лейтман с годами стал слугой праведности. Ходят слухи, что стал он видным знатоком «каббалы», мистического учения Древнего Востока, возрождённого в тринадцатом веке испанскими евреями. Теперь он — в числе «посвящённых», способных найти ключ ко всем тайнам бытия, могущих — путём какого-то непосредственного интуи! — постичь непостижимые уму истины. Ныне мой бывший однокурсник читает Моисеево Пятикнижие между строк, извлекает тайный смысл из его очевидных, писанных истин...

Распущенность предшественника ещё два-три месяца, после моего вселения, влияла негативно на отношение ко мне соседей, бывших со мною сдержанными, неразговорчивыми. Всё это время чувствовал на себе испытующий, оценивавший меня на беспорочность, взгляд хозяйки комнаты (натурой мягкой и доброй), жившей в соседней, также за ней числившейся комнате.

Точнее говоря, мы с Борей занимали жилплощадь, на которой был прописан её сын, Володя, живший с молодой супругой около Кузнечного рынка, где занимал значимую должность рубщика мяса. Свой высокий социальный статус он постоянно и публично обрисовывал во время инспекционных посещений родового гнезда, которые, под хмельком, совершал иногда по выходным дням. Общаясь со мной тет-а-тет, он сочувствовал моему малоодоходному инженерному будущему, рассказывал, как начинал подъём на вершины благополучия, как вкалывал подсобником на рынке, как знаменитый мясник, дядя Вася, учил его разделять говяжьих и свиных туш («ставил руку»)...

По завершении визита, Вовчик — малый не промах! — обязательно исполнял обряд публичного уничтожения сожителя матери, указывал тому на его подлое происхождение и низкое, зависимое положение. Приживальщик по имени Фёдор — сухопарый, суетливый, с помятым лицом и начинающим лиловеть носом — в отсутствии неофициального пасынка отличался самоуверенностью и бесцеремонностью, без стука, по-хозяйски, заходил в нашу комнату; в присутствии же её истинного владельца праздновал труса — держался по-холопски почтительно, угодничал, подхихикивал малоприятным нотациям в свой адрес...

Весь третий учебный сезон жизнь в комнате на Пушкинской повторяла особенности моего студенческого быта в прежнем жилье, на улице Достоевского. Как и раньше, в красные и не красные дни календаря, в нашей, ставшей по-монастырски добродетельной келье собирались товарищи по курсу — на общение, на песню под гитару, на закусить и выпить (...все возбуждены, вдохновлены, Ильюша Хандис разливает в гранёные стаканы портвейн «три семёрки», Алик Ратновский нарезает хлеб, бородинский шпик)... По-прежнему, завершив застолье, в мгновение ока можно было оказаться на Невском проспекте, побродить весёлой гурьбой по насыщенному историей центру Питера, поглазеть — в праздничные дни — на кильватерную колонну военных кораблей на Неве, полюбоваться салютом, дававшимся из-за стен Петропавловской крепости...

В дни экзаменационных сессий вновь были близки для меня книжные фонды Публичной библиотеки на Фонтанке. Соседство с Московским вокзалом выручало в ночные часы подготовки к экзаменам — проголодавшись, бегали с Борисом в вокзальный буфет, где закупали кульки горячих пирожков: с саго, с повидлом — по пять копеек, с ливером — по десять копеек за штуку; лакомились вкуснейшим мороженым — эскимо, сахарными трубочками, шоколадными батончиками с орехами...

Прежним — высоким! — темпом продолжались мои закупки книг в «Книжной лавке писателей» на Невском, в «Букинисте» на Литейном проспектах. Их ощутимый переизбыток переправлял железной дорогой («медленной скоростью») родителям в Брянск, на временное хранение; ставшие любимыми книги оставлял при себе, для повторного, со смакованием, проникновения в любимые тексты.

В число настольных книг в первую очередь попало собрание сочинений Анатоля Франса, глубокого энциклопедиста, тонкого ценителя прекрасного,

великого мудреца. Читал-перечитывал «Преступление Сильвестра Бонара», набирался ума, восхищался главным героем книги, воплотившим в себе внутренний мир, философию автора. Его кредо — «In angello cum libello» («В уголке с книжкой») — увлекло меня, тогда только двадцатилетнего. Я представлял себе, как, войдя в солидные лета, откажусь от суеты мирской, как, уйдя от её пагубного влияния, всё свободное время буду проводить за чтением книг, наполнять и шлифовать свою эрудицию, буду жить в высоких эмпиреях прекрасного...

Идея эта засела занозой в моей голове, надолго стала для меня некоей абстрактной мечтой, которую, казалось, можно обмысливать до бесконечности на казавшемся длинным-длинным, лёгким и приятным жизненном пути. Думы за горами, а годы — за плечами. Не успел оглянуться, как перешагнул рубикон шестидесяти лет, как жизнь моя стремительно завернула на седьмой десяток.

Лукавое время играет в минутки,
Не требуя крупных монет,
Глядишь — на счету его круглые сутки,
И месяц, и семьдесят лет¹⁸⁸.

Уже много лет моя домашняя, за три тысячи томов, библиотека, капитальную основу которой заложил в годы питерского студенчества, находится со мной, духовно украшает, облагораживает мою жизнь. Попутешествовав со мной по стране, пережив пару серьёзных — с потерями — коллизий, она уютно расположилась в моём загородном доме под Киевом. Уйти от каждодневных забот жизни, как мечталось в романтические годы, у меня не получилось, мрачные реалии нынешнего бытия требуют каждодневной борьбы за минимально достойное существование. Но, по давно установившемуся обычаю, в часы досуга — по вечерам, по выходным дням — снимаю со стеллажа нужную книгу, удобно устраиваюсь в кресле и отдаюсь вдумчивому чтению.

Случается — какая-то ассоциация, какой-то неожиданный внутренний импульс увязывают читаемый текст с событиями давних шестидесятих годов, с сопутствовавшими мне, влиявшими на меня людьми, с любимым Ленинградом, с родным электротехническим институтом — ЛЭТИ. Мысли мои, вслед за этим, теряют свой порядок, уходят от книжного сюжета, начинают бродить в прошлом, забираются в зрительный, эмоциональный разделы памяти. Воспоминания о милой, незабываемой студенческой юности, невозвратной, навеки ушедшей — в картинках природы, в сюжетах, в дорогих лицах, — томят душу, сдавливают сердце. Нежная грусть переполняет меня.

Память, память, за собою позови
В те далёкие промчавшиеся дни.
Ты друзей моих ушедших оживи,
А друзьям, живущим, молодость верни...¹⁸⁹

Начало мая, только завершился парад в честь юбилейного, двадцатого, Дня Победы. Колонна танков, с защитными резиновыми «нашлёпками» на

траках, движется от Дворцовой площади, по невской набережной. С товарищами по группе, облокотившись на парапет, наблюдаю неспешный ладожский ледоход. Сухо, по пронзительно синему небу плывут пышные барашки облаков. Яркое солнце светит, но не греет — не может дать тепло воздуху, подавить ледяное дыхание Невы. За нашей спиной — прозрачный, малолюдный Летний Сад, чёрные вертикали его ограды (они — словно струны чудесной арфы с картины художника-символиста Чюрлёниса, создают гармоничный душевный настрой).

И выводит ветер фуги
на органах колоннад,
И бряцает, как на арфе,
на решётке Летний Сад¹⁹⁰

Середина июня шестьдесят седьмого года. В небольшой аудитории старого корпуса номер два наша группа сдаёт экзамен по элементам цифровых вычислительных машин. В настезь распахнутое окно бьют пучки солнечных лучей, с улицы профессора Попова доносится беспорядочный, гулкий топот кованых сапог — до пояса обнажённые курсанты недалёкого военного училища связи сдают свой экзамен по обязательному трёхкилометровому кроссу вокруг Ботанического Сада. За разгорячёнными юнкерами, чуть улыбаясь, наблюдает наш молодой экзаменатор, Владимир Иванович Тимохин. Не знал я тогда, что с этим удивительным человеком на последующие два десятка лет судьба свяжет меня крепкими узами. Представить не мог себе, что, окончив институт, после небольшого перерыва, практически ежемесячно, как аспирант, буду приезжать к глубоко чтимому учителю, общаться с ним по проблемам научной работы, общих дел. Был Владимир Иванович человеком глубокого, нравственного ума, отличался чрезвычайной деликатностью в общении, чувством сострадания, умением вникнуть в чужую проблему, искренне помочь в её разрешении. Качествами этими, организаторскими способностями он замечательно выделялся на высоких должностях секретаря парткома института, проректора по учебной работе, был уважаем коллегами, любим студентами, учениками, сослуживцами... Словно вчера расстался с ним — вижу его живое, мудрое лицо, его тёмные глаза, до синевы выбритый подбородок, разделявшую его на две равные части глубокую вертикальную морщинку, восхищаюсь красивыми, мужественными манерами своего старшего друга...

Нет уже много лет на белом свете Владимира Ивановича, но он — в памяти благодарных учеников, он — среди плеяды благодарованных натур, которыми ныне гордятся — и будут гордиться! — сотрудники, студенты знаменитого вуза, ему от меня — хорошее, тёплое и нежное чувство любви и уважения.

...Только полгода имел частое общение с Евгением Александровичем Чернявским, руководителем моей дипломной работы, человеком обаятельным, умным, стремительным, открытым в общении со студентами. Отношения эти он строил не на принципах «простенького демократизма», а на высоком профессионализме, взыскательности, чувстве собственного достоинства, на собственном жизненном опыте. Указанные качества заместителя заведую-

щего кафедрой вычислительной техники (правой руки самого Смолова!) в полной мере испытал на себе перед защитой дипломного проекта, когда из деканата поступило известие о перераспределении меня на военную службу в пустыню Казахстана. Тогда меня, ошеломлённого этой новостью, чуть подвинувшегося рассудком, Евгений Александрович крепко встряхнул за плечи и, глядя пронзительно в мои глаза, потребовал взять себя в руки, быть настоящим мужчиной, не паниковать, бороться за свою удачу.

Диплом, с небольшими приключениями, я успешно защитил, в последовавшей двухлетней воинской службе много — как раз в деле вычислительной техники! — преуспел, а решающую, в критический для меня момент, поддержку выпускавшего меня в свет учителя запомнил на всю жизнь.

Не только цифирным наукам учили меня, моих сокурсников, легионы студентов наши прекрасные наставники. Примером своим, стильностью настоящих ленинградцев — интеллигентных, благородных, сдержанных, обязательных, приветливых, отзывчивых граждан великого города — они нравственно воспитывали своих учеников, закладывали духовную основу нашей будущей инженерной деятельности, нашей (ответственной перед обществом!) взрослой жизни.

Да будет сердце счастьем озаряться
у каждого, кому проговорят:
— Ты любишь так, как любят ленинградцы, —
да будет мерой чести Ленинград!¹⁹¹

Всякий обстоятельный экскурс по лабиринтам памяти в чудное ленинградское прошлое вызывает у меня грусть и тоску. В чувствованиях этих — не только, возрасту присущее, сожаление о неоправданной быстротечности времени, о невозвратимости прожитых лет. В них — и горечь сознания, что нет уже той особой ленинградской ауры межчеловеческих отношений, которой была напитана жизнь города в романтические шестидесятые годы, которую, всеми фибрами своей души, чувствовал в последующие два десятка лет.

«*Новые песни придумала жизнь*»¹⁹³. Каждый раз, приезжая (увы, с годами всё реже и реже) в Санкт-Петербург, брожу подолгу по городу, люблюсь его непреходящими архитектурными, музейными ценностями, красотой городских пейзажей. Вглядываюсь пристально в лица незнакомых людей, вступаю в долгие разговоры, оцениваю образ городской жизни и кажется мне, что внешне нынешний город мало изменился (даже выглядит в чём-то нарядней, краше прежнего), но внутренне стал другим, более сухим, жёстким, прагматичным — ослабели его прежние лучезарность, дружелюбие, открытость. И это огорчает, смущает мою душу патриота Ленинграда.

Десятки различных примет
Приносят тревожные вести —
Дворцы и каналы на месте,
А прежнего города нет¹⁹².

И лишь обилие книг на полках магазинов, на все вкусы и желания, льют бальзам в мою душу. Как и прежде, моя домашняя библиотека получает прибавление от питерского первоисточника. Только теперь каждую новую партию книг, поступающую в её фонды, расставляет по стеллажам моя внучка, Анечка. Делает это она серьёзно и ответственно, с видимым удовольствием, имея к тому серьёзный материальный стимул. Она знает, что за вдумчивое прочтение книги она получит денежную премию, что каждое, наизусть выученное и переписанное набело, стихотворение русского классика будет оплачено дедом из расчёта гривны за строку. (К такой «педагогике» вынуждает меня факультативное преподавание — как иностранного! — русского языка и литературы в школе; этого требует превращение — усилиями наукоподобных златоустов! — курса школьной истории в жанр фантастики.)

Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, моя любимица, завершив изучение очередного шедевра Лермонтова (*«Выхожу один я на дорогу, сквозь туман кремнистый путь блестит...»*), пересчитывает количество усвоенных строк, определяет свой очередной заработок. Я гляжу умилённо на неё и радуюсь в душе. Но — мне грустно!

«За сорок лет сместились русла рек,
над морем высохшим гуляет ветер,
разрушилась страна, сменился век,
ушли из дома выросшие дети.
И мы не так, наверное, живём,
достаточно причин для беспокойства,
но, всё-таки, друг друга узнаём
по признакам совсем иного свойства:
есть нечто, что притягивает нас
друг к другу, и оно неуловимо.
Мы снова вместе, словно в первый раз,
и оттого легко невыносимо».

*Валерий Решетин,
студент ЛЭТИ 1964 – 1970 годов*

*«Грає море зелене,
Тихий день догора.
Дорогими для мене
Стали схили Дніпра,
Де колишуться віти
Закоханих мрій...
Як тебе не любити,
Києве мій!..»*

Дмитро Луценко

Цикл «Жизни достойные годы»

Были бури, непогоды,
Да молодые были годы.

Е. А. Баратынский

«Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, — забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге: не подымите потом».

Николай Васильевич Гоголь

«Мне хотелось бы воспроизвести свежесть этих первых впечатлений, этих впечатлений, которые принято называть иллюзиями молодости, но которые часто, быть может, более справедливы и более верны, чем мрачные оценки, внушаемые нам впоследствии возрастом и печальным жизненным опытом. Молодость верит в идеал, она ищет его и старается найти в том мире, который её окружает, и эта вера в идеал помогает ей видеть хорошие и благородные черты в людях и событиях. По мере того как жизненные разочарования накладывают свою печать на душу, она утрачивает ту отзывчивость, которая служила её ключом для проникновения в чужую душу, она сжимается, замыкается в себе и вновь теряет, но в противоположном смысле, способность верной оценки людей и событий».

Анна Фёдоровна Тютчева

«С точки зрения молодости жизнь есть бесконечное будущее, а с точки зрения старости — очень короткое прошлое».

Артур Шопенгауэр

Как я в армии служил

В марте 1970 года дела государственной важности призвали меня, только окончившего Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), на берега Аральского моря для прохождения двухгодичной воинской службы, в звании лейтенанта-инженера.

Там, в условиях песчано-глинистой пустыни, на специально оборудованном испытательном полигоне разрабатывались методы определения типов летящих ракет потенциального противника. Долгое время огромные объёмы информации обрабатывались по старинке — «вручную»; активизировать исследовательские работы могла только срочная автоматизация процессов приёма и обработки данных.

Её, по правительственному заданию, в сжатые сроки выполнили специалисты Киевского производственного объединения «Электронмаш» (разгромлен перестройкой, агонизирует), которые разработали, изготовили и запустили в исследовательском центре воинской части специализированный электронно-вычислительный комплекс «Днепр-1».

Дебют

В глубоком каньоне, на берегу обычно пустынного моря, между двумя высокими мачтами подвешивалась на растяжках головка ракеты; её облучали мощной радиолокационной станцией, смонтированной на вершине крутого обрыва, — по форме отражённого сигнала определяли геометрию исследуемого объекта.

Первое время, после сдачи в эксплуатацию киевскими специалистами, вычислительный комплекс (уже подключённый к параболической антенне) работал в автономном режиме — в условиях реальных испытаний проверялась работоспособность его отдельных узлов, выявлялись и устранялись возможные неполадки.

К моему прибытию в воинскую часть выявилась «бьяка» в электронике: перья самописца, вычерчивавшие плавными линиями форму сигнала от боеголовки, в какой-то момент обработки результатов испытаний начинали судорожно метаться по бумаге.

Не зная броду, полез в воду. С самоуверенностью выпускника кафедры вычислительной техники ЛЭТИ пообещал руководству вычислительного центра навести порядок в доверенном мне оборудовании. Призвав на подмогу аппарат алгебры логики (от профессора Болдырева) и теорию конечных автоматов (от профессора Барашенкова), принялся решать проблему.

После месяца работы головой и паяльником, добился нужного результата. Момент истины наступил в очередном цикле исследовательских работ. Мне, полыхающему от радости рационализатору, офицеры центра доверили место за пультом, чтобы, по команде сверху, нажав кнопку «пуск», дал долгожданную работу застоявшемуся в бездельи вычислительному комплексу.

Подполковник Болотин, отвечавший за работу исследовательского центра, по громкой связи объявляет часовую готовность для подготовки всех подразделений к работе. Затем от него проходит команда о десятиминутной готовности, к исходу которой руководитель работ начинает итоговый отсчёт: «десять, девять, восемь...».

Сердце моё учащённо стучит, под ложечкой посасывает, пальцы дрожат, во рту пересохло. Отсчёт завершается: «...три, два, один...», вместо решающего слова «пуск», слышу только его первую букву — и связь выключается. (Подполковник, как потом выяснилось, с выдачей команды начала работ выключил микрофон.)

С широко открытым ртом, недвижимый, смотрю на умолкший динамик, кнопку не нажимаю. Начальник вычислительного центра подполковник Александр Самойлович Вассерман (милейший и добрейший человек, настоящий душка!) бросается к телефону, звонит на командный пункт, выясняет, что испытания пошли. Торопливо объясняет, что молодой лейтенант Головцов, услышав только букву «п», не и подумал, что она означает команду «пуск».

«Интересно, о чём подумал лейтенант Головцов, услышав букву «п»?» — рычит по громкой связи ироничный баритон Болотина.

Время залечило рану. На следующих испытаниях кнопку надавил вовремя. Система отработала, как говорят военные, штатно. Меня отправили в Киев, для официального утверждения у разработчиков выполненной доработки, где, заодно, получил приглашение на работу, после демобилизации.

Майор Нёма и его хозяйство

Территория воинской части (или — Аральск-6), небольшая по площади, включала в себя как чисто военные объекты, так и бытовые: два рядом стоящих пятиэтажных дома, гостиница-общежитие, клуб.

Военное поселение окружала колючая проволока, за которой начиналось место служебной деятельности подполковника Дмитренко, начальника противочумного отряда; его подчинённые постоянно отлавливали сусликов, запускали их в центрифугу, анализировали отсепариро-

ванных паразитов. Если выявлялись носители инфекции (такой случай был во время моей службы), ограждение военного городка опоясывали кольцом специального отряда; в части объявлялся карантин.

Воинская часть, при её организации, находилась на берегу лагуны; к моему приезду море отступило больше чем на километр. На её противоположном берегу находился испытательный полигон («точка»), хозяйство майора Нёмы — симпатичного, энергичного; с волнистыми волосами, с чуть выдвинутой челюстью, с походкой враскачку.

По утрам офицеры отправлялись на дальний объект на дежурном «Кунге» или «Урале». Двадцать километров пути, по выбитой песчаной трассе, скрашивали игрой, на вылет, в карты. Зимой, когда лагуна промерзала чуть не до дна, переезд к испытательному полигону, по гладкому льду, больше напоминал стремительный полёт.

Рабочий день на «точке» полностью посвящался подготовке техники к очередным испытаниям: «наверху» проводилась профилактика радиолокатора, на вычислительном центре отлаживались программы, тестировались устройства; «внизу» проверяли на прочность канаты (японские, купленные за золото), надёжность подъёмных механизмов. Проблем с металлом и электроникой не было — их создавал личный состав, обеспечивавший испытательные работы.

Однажды на «точке» случилось чрезвычайное происшествие — у сержанта-буфетчика пропала дневная выручка. Буфет занимал небольшой отсек, перекрывавшийся в нерабочее время металлической решёткой; подозрение, волей-неволей, пало на продавца.

Выручил парня случай. Однажды, после рабочего дня, устроившись на отдых под прилавком, он увидел, как из-за решётки выдвинулся изогнутый кусок провода, которым некто приоткрыл ящик стола с деньгами; затем (кончик инструмента был намазан клейкой эпоксидной смолой) над буфетчиком, банкнота за банкнотой, «поплыла» — как в небе облака — его выручка.

...Майор Нёма закрыл глаза на последовавшее проявление неуставных отношений.

Постоянную головную боль начальнику «точки» доставляли подчинённые ему молодые старшие лейтенанты. Не имея высшего военного образования (и не стремясь его получить), они могли дослужиться только до чина капитана. Заполнить свой досуг холостяков привычными для офицеров «вольными упражнениями» (спортом, рыбалкой, браконьерской охотой на сайгаков) было неинтересно — оставались традиционные виды мужских развлечений: выпивка (выдававшийся для профилактических работ спирт) и женщины («покоцанные» аральские мессалины).

Отсутствие перспективы вырваться из медвежьего угла, поближе к благам цивилизации побуждало среднеобразованных лейтенантов добиваться досрочной демобилизации («комиссования») доступными, незамысловатыми приёмами

Валера Бондаренко — мрачный тип, с посеревшим от постоянных запоев лицом — первым подал пример: перестал ходить на службу, залёг в общежи-

тии; из похищенного охотничьего ружья устроил ночной салют. После гауптвахты, вместо разжалования, буяна окончательно «задвинули» на советско-китайскую границу.

Витя Карноза — обаятельный, с мягкой улыбкой, с квадратиком усов, с природным украинским юмором — попытался последовать примеру неудачливого сослуживца. Несколько дней, не просыхая, валял дурака; вызванный в штаб, явился в кабинет начальника штаба, подполковника Бесталантова в домашних тапочках, сел без приглашения на стул, заложил ногу за ногу и вкрадчиво сказал: «Внимательно слушаю вас, Николай Евграфович...».

Срочно вызвали майора Нёму для разговора втроём. После полученного «фитиля» старший лейтенант Карноза вышел из штаба очень серьёзным человеком; дальше горя горел на службе и был беспорочен (и, кажется, взялся за учёбу).

Ворошиловский стрелок

Вместе со мной проходил службу сокурсник, коренной ленинградец Юра Головин — великий молчун с постоянным выражением испуга на худощавом лице. Однажды, зимним утром, он появился в помещении штаба в сапогах, галифе, шинели и потёртой кроличьей шапке (вместо форменной ушанки).

После этого небольшого происшествия, кадровые воины стали посматривать на Юрия с некоторой иронией — дескать, «блаженный». Общий сарказм пожил недолго — до очередных стрельб из пистолета системы Макарова, которые — по плану боевой и политической подготовки — регулярно устраивались для товарищей офицеров.

Дождливый осенним днем лейтенант Головин, получив три патрона и пистолет, занял исходную для стрельбы позицию, в десяти метрах от мишени. Тщательно прицелился, надавил на спусковой крючок — тот не поддавался. Продолжая давить на него, Юрий обернулся за советом к опытным товарищам. Кадровые офицеры тут же ударили искажёнными ужасом лицами в грязь, обхватив головы руками.

Пожав плечами, Юрий вернулся к линии стрельбы, вновь прицелился и додавил гашетку — все пули угодили в «десятку». Даже приблизиться к такому результату никто из служивых не смог. Авторитет ленинградского снайпера поднялся на приличную высоту; о «шапочном» происшествии все забыли.

По истечении срока службы, Юра Головин вернулся в альма-матер, где — по слухам — дослужился до звания доктора технических наук.

Романтическая история

Несмотря на привлечение к делу автоматизации электронно-вычислительного комплекса, обработка результатов полигонных испытаний ещё долгое время производилась с помощью измерительной линейки и арифмометра, для чего привлекали — на штатные должности — жён офицеров, использовали труд солдат.

Мои однополчане, офицеры воинской части, дислоцировавшейся на берегу Аральского моря и занимавшейся научно-исследовательскими работами по созданию средств противоракетной защиты рубежей великой страны — Союза Советских Социалистических Республик. Страны, которую они присягнули защищать душой и телом, доверенным им оружием (и присяге не изменили!); страны, которую высокопоставленные мерзавцы, также ей присягнувшие, сознательно (похлеще вражеского оружия!) разрушили и уничтожили, принеся страдания миллионам сограждан.

Горжусь тем, что с 1970 по 1972 года в звании лейтенанта-инженера вносил свою скромную лепту специалиста в великое дело обороны Отчизны. Помню поименно всех офицеров-сослуживцев, представленных на этом прекрасном снимке, в том числе командира части полковника Дерягина (в центре), начальника штаба подполковника Бесталантова (слева от командира), главного инженера подполковника Богачёва (он — справа)...

«Совесь, благородство и достоинство —
Вот оно, святое наше воинство!»

Тыловую поддержку служивым офицерам обеспечивали их жёны, делившие с мужьями все тяготы воинской службы, не терявшие бодрости духа и чувства юмора в жёстких условиях песчано-глинистой пустыни.

Командир «точки», капитан
Нёма — в полёте над конём....

После напряжённых испытаний
их участники могли покупаться в
море, самом прозрачном, самом чи-
стым в мире.

Зимой «солдатушки, браво ребя-
тушки» рубили в Аральском море лёд
для ледников.

Фотоснимки позаимствованы
У А.И. Нёма
(сайт aralsk-6.narod.ru)

*Душным июльским вечером 71-го года, ког-
да на берегу Аральского моря (на «точке»)
завершилось испытание очередного «изде-
лия», все участвовавшие в них офицеры ра-
диотехнического комплекса и вычислитель-
ного центра спустились с уступа каньона к
мюрю — перекусить в солдатской столовой,
отдохнуть. После ужина руководитель ра-
бот, подполковник из подмосковного военного
НИИ, подсел в беседке-курилке к группе сол-
дат и попросил у одного из них, перебивавше-
го струны гитары, разрешения сыграть на
его инструменте.*

*Он дал восхищённым слушателям блестя-
щий концерт русской песни, одна из кото-
рых винтом врезалась в мою память и ста-
ла песенным напоминанием о моей короткой
офицерской молодости. Долгие годы помнил
только отрывки песенного текста и лишь
недавно полностью восстановил его для себя,
узнал фамилии авторов.*

За дальнею околицей

Слова Г. Акулова Муз. Н. Будашкина

За дальнею околицей, за молодыми вязами
Мы с милым, расставаяся, клялись в любви
своей

И были три свидетеля — река голубоглазая.
Берёзонька пушистая, да звонкий соловей,
И были три свидетеля — река голубоглазая.
Берёзонька пушистая, да звонкий соловей,

Уехал милый надолго, пошёл на бой с врага-
ми он,

Пришла зима холодная, мороз залютовал.
И стройная берёзонька поникла оголённая,
Замёрзла речка синяя, соловушка пропал.
Промчались вьюги зимние, минули дни
суровые.

И всё вокруг наполнилось весёлою весной,
И стройная берёзонька листву надела новую,
И всё поёт соловушка над синею рекой.
И стройная берёзонька листву надела новую,
И всё поёт соловушка над синею рекой.

Студент-«рецидивист» рубит очередной хвост. Ботаем по фене.

Добрый и злой экзаменаторы.

Драма Шиллера «Разбойники» — из-за болезни отца Моора её отменили.

Зрители

В скучные минуты...

Слова В.П. Аксёнова

Музыка народная, студенческая

В скучные минуты Бог создал институты,
И там один Адам студентом был.
Он ничего не делал, ухаживал за Евой.
И Бог его стипендии лишил.

У Адама драма — вызвали Адама
На разборку в Божий деканат.
И выпхнули Адама к нам на Землю прямо,
Так пошли студенты, говорят.

От Евы и Адама пошёл народ упрямый,
Нигде не унывающий народ.
От сессии до сессии живут студенты весело,
А сессия всего два раза в год.

Это предрассудки есть три раза в сутки
И билет в трамвае покупать.
А мы без предрассудков едим один раз в
сутки,
А на остальное — наплевать.

Ночь мы прогуляем, день мы прохляем.
А теперь не знаем ни бум-бум.
Выпьём за гулявших, выпьём за хлявших,
Сессию сдававших наоборот.

Эта песня прозвучала в офицерском клубе на берегу Аральского моря в исполнении вчерашних студентов, на два года ставших лейтенантами. В новогоднем представлении «Бывали дни весёлые» мы, веселясь и ностальгируя, сценически, языком капустника растолковали кадровой военной аудитории ответственную и развесёлую суть студенческой жизни.

Располагавшийся в нескольких километрах от Аральска военный городок, именованный «Чайка», был обустроен и обихожен. Проблемы быта не отвлекали от военной службы, в нём было всё для достаточно комфортной жизни офицерских семей в непростых условиях резко континентального климата (лютые, бесснежные зимы, адская летняя жара). И ещё было в купальный сезон — изумительно чистое и прозрачное Аральское море, насыщавшее воздух парами йода.

Воинскую часть подкармливала не только собственная свиноферма, но и обширная бахча, располагавшаяся в устье Сыр-Дарьи. С конца августа балконы домов военного городка забивались арбузами (пять копеек за килограмм), залеживавшимися там до первых морозов.

Компактное проживание на ограниченном пространстве военного городка по-особому прочно сплачивало его детское население, выделяло в нём группы и подгруппы друзей на всю оставшуюся жизнь.

Нынешний вид военного городка «Чайка» — одно из миллиона свидетельств горбачёво-ельцинского погрома великой страны. На третьем этаже полуразобранного дома (справа) виднеется клочок квартиры, в которой я, лейтенант-инженер, жил в 1970 — 1972 годах.

А ведь можно было сохранить городок, сделать его, во благо коренных жителей, спутником города Аральска. Но Восток — дело тонкое.

Жена начальника вычислительной лаборатории капитана Кукушкина работала у него в прямом подчинении. Если за окном квартиры — безжизненные солончаки и уходящая в сторону цивилизации железнодорожная колея, а на кухне, в спальне и на работе — надоевший до безумной ненависти солдафонистый муж, то можно понять душевный и телесный настрой женщины, только перешагнувшей рубеж бальзаковского возраста.

Сердечные метания техника-вычислителя завершились банальной интрижкой с прикрепленным к лаборатории солдатом. Трудно понять, как и где оформляли свои интимные отношения разновозрастные любовники в жестких ограничениях воинской части, но страсть ломала преграды. О бурном романе жены Кукушкина знали все взрослые жители военного городка, кроме её мужа.

Незримые рога над головой капитана увеличивались в размере до дня демобилизации удачливого соперника, когда кто-то раскрыл заслуженному офицеру глаза на печальные обстоятельства семейной жизни. Прибежав к контрольно-пропускному пункту, где демобилизованные воины рассаживались в автобус, для отправки на вокзал, обманутый муж обнаружил за углом соседнего пакгауза нежно ворковавших — на прощание! — влюбленных. Расстроенный капитан исполнил супружеский долг: вlepил жене пощёчину.

О, упоенье оккупанта, изыски деревенщины...
У поворота на Купавну бьют женщину¹¹².

Завязавший с армией Ромео встречным ударом посадил капитану фонарь под глазом, выразив тем самым, помимо чувств оскорбленного влюбленного, вековую неприязнь рядового состава к офицерскому. Затем вскочил в автобус — и был таков.

Микромайор Драбкин

Уроженец предместий города Бердичева Олег Захарович Драбкин по завершении срочной службы закончил офицерские курсы и получил звание младшего лейтенанта (на армейском сленге — микромайора).

Эпохальное событие — в сравнении с прежде однообразной и скучной жизнью малоимущего еврея — отмечал с размахом, регулярно «ныряя в стакан». После очередного «выхода в свет», опоздав на рейсовый автобус в часть, отправился домой, выписывая вензеля, своим ходом.

В дороге, общей длиной почти в пять километров, скоро утомился; силы стали таять — пополз по-пластунски. Дополз до насыпи проходившей вдоль воинской части железнодорожной колеи Оренбург — Ташкент. Остаток сил потратил на то, чтобы вползти на неё — ухватился за рельс, подтянулся, застыл и погрузился в мертвецкий сон.

А он чуть-чуть не долетел, совсем немного,
Не дотянул он до посадочных огней¹¹³.

Покой прервал скорый московский поезд, подрубивший свежему офицеру пару младших пальцев правой руки и перспективы дальнейшего карьерного роста. По вызову политотдела срочно прибыли родители страдальца, оформили беспалому сыну очередной отпуск и увезли в родные места. Вернулся Олег Захарович через месяц, с женой-тяжеловесом Розой, лет на десять его старше.

Как семейный человек, стал он очень моральным и рассудительным. Лишь иногда, стоя с коляской у окружавшей часть колючей проволоки, тоскливо вглядывался безнадежным взглядом загнанного битюга в сторону мест былых гусарских развлечений.

Первый концерт

Под новый, одна тысяча девятьсот семьдесят первый год захандрил заведующий клубом, старший лейтенант Яблочкин. Патрулируя по городу, забрёл он в привокзальный ресторан, где — выстрелом из табельного оружия в люстру — разрядил накопившуюся грусть усталого сердца. Новогодний концерт, организация и проведение которого были прямой служебной обязанностью загулявшего офицера, оказался под угрозой срыва.

Активисты женсовета, знавшие меня как выпускника ЛЭТИ (Ленинградского эстрадно-танцевального института с лёгким электротехническим уклоном), попросили выручить. Вместе с коллегами — «двухгодичниками» Валентином Галалу (Таганрогский радиотехнический институт) и Яшей Прокофьевым (Киевский политехнический институт) написали сценарий представления-капустника, занялись репетициями.

Из вывешенной в вестибюле клуба громадной афиши, обитатели военного городка узнали о выступлении мини-театра буффонады со спектаклем «Бывали дни весёлые», в сопровождении ансамбля «Фантомасочки» (так мы, обеспечив солдат-исполнителей масками «мистер Икс», назвали их музыкальную группу).

К назначенному афишей времени, зал был полным; опоздавшие зрители стояли вдоль стен.

Под музыкальное вступление, как конферансье вышел на авансцену и объявил драму Фридриха Шиллера «Разбойники». Выдержав многозначительную паузу, начал представлять действующих лиц и исполнителей, увязывая — по очевидной аналогии — персонажей драмы с сидящими в зале гражданами.

Как взрыв снаряда, прозвучала первая пара: «Атаман разбойников — майор Завальный».

Интендант части, родом из Винницы. Уверенно и обстоятельно вёл непростое дело снабжения, поставки продуктов питания для личного состава. Недалеко от части, к ужасу магометанского населения, открыл свиноферму, обеспечив тем самым регулярное поступление на солдатский стол мяса и сала.

Зрителям аналогия понравилась — отреагировали ехидным смехом и плотными аплодисментами. Не меньше впечатлило публику следующее сочетание: «Первый любовник — старший лейтенант Загоруйко».

Секретарь комсомольской организации части, любимец женщин; нарцисс, тщательно следивший за внешностью; часто посещал городскую парикмахерскую, где ему делали маникюр прозрачным лаком.

Одним словом, похулиганил, по случаю драмы, вволю. Перебрал многих зрителей: были вторые разбойники и любовники, в танце «Маленьких лебедей» заявил членов женсовета; исполнителем танца с саблями назначил недавно меня подкузьмившего подполковника Болотина; пообещал выступление камерного оркестра «малины» номер тринадцать города Аральска под управлением микромайора Драбкина...

Открывается занавес. На сцене, в кресле-качалке сидит граф фон Моор (подполковник Вассерман). Голова его обвязана вафельным полотенцем, он раскачивается и громко стонет.

Трагически-звонким голосом сообщаю зрителям: «Замок графа фон Моора. С известием, что банда разбойников рубит лес, к нему приезжает сын». На сцену, на трёхколёсном велосипеде выезжает лейтенант Галала и надрывно кричит: «Отец! Отец! Разбойники! Дрова!».

Следует напитанный болью ответ отца Моора: «Я болен, сын мой». Снова кричит Валентин, и снова указывает на свою болезнь Вассерман; и так — несколько раз.

Разряжая явно патовую ситуацию, вновь появляюсь на авансцене и объявляю: «Дорогие зрители! Из-за болезни отца Моора спектакль отменяется».

Уверенное начало определило общий успех. Концерт мы провели на одном дыхании, без сучка и задоринки. Было много песен, розыгрышей, миниатюр. С гиканьем и присвистом сыграли мюзикл «Отелло»:

А у Отелло в батальоне
Был Яша, старший лейтенант,
На горе бедной Дездемоне
Он был ужасный интриган.

Завершили программу ответами на якобы поступившие из зала письменные вопросы зрителей. В последней записке вопрос был поставлен ребром: «Замучила жажда, выпить хочется. Скажите, работает ли буфет и когда окончится ваш дурацкий концерт?». Дружно, сами себе ответили: «Буфет работает, концерт окончен».

Зрители устроили овацию, председатель женсовета Царёва басыла на весь зал: «Молодцы, студенты!».

Спектакль получил высокую оценку со стороны политотдела, после чего труппа мини-театра буффонады долго нежилась в сладостных лучах артистической славы.

Второй концерт

Спустя полгода после сделавшего нас знаменитыми концерта, явил божескую милость командующий ракетным полигоном Капустин Яр, генерал-полковник Вознюк — прибыл с инспекционным визитом в починённую ему воинскую часть на берегу Аральского моря.

В 1946 году, возле небольшого посёлка Капустин Яр (расположен в месте впадения Ахтубы в Волгу), решением правительства, усилиями министра вооружений Устинова и генерала Вознюка был создан полигон для проведения испытаний ракетного оружия.

В 1957 году, как утверждали мои сослуживцы, с полигона был запущен первый искусственный спутник Земли.

Со временем, на территории Казахстана были устроены «точки-филиалы» полигона (Казанка, Эмба, Аральск) для отслеживания полётов испытываемых ракет, «приёма» их в местах падения.

Командующий полигоном жил в домике, окружённом вишнёвым садом. В кафе военного городка, которое генерал назвал «Рідна хата», готовили борщ с чесночными пампушками, кулиш, галушки, вареники.

Однажды, офицер, живший с семьёй в общежитии, прикрепил к двери кафе «протестную» листовку: «...Нам не нужна «Родная хата», землянку б дали в три наката...». Поэта-протестанта разыскали и примерно наказали.

Вместе с генералом прилетела большая команда инспекторов, которые, рассеявшись по подразделениям части, гнули в бараний рог их начальников. Среди гостей выделялся старшина, ординарец и земляк генерала. «Дьяк в приказах поседельй»⁶⁰, он находился в постоянном контакте с интендантом Завальным, заносившим ему копчёные дары Аральского моря (жерех, усач), переработанную продукцию воинской свинофермы.

Не дремал политотдел. По приказу его начальника, подполковника Аристова, для высокого гостя был устроен концерт: хохмачи-студенты — в первом отделении, самодеятельность женсовета — во втором.

Приказ начальника — закон для подчинённого, но, приняв его к исполнению, не осознавал масштаба грядущей катастрофы; её примерные размеры вырисовались после открытия занавеса. В первом ряду важно сидел генерал-полковник со свитой; зрители на сцену не смотрели — пожирали глазами высокого гостя.

Просевшим, потухшим голосом зачитал действующих лиц и исполнителей драмы «Разбойники». Никому не смешно. Произведение Шиллера, со второго захода, превращается в фарс. Наблюдаю, как генерал что-то шепчет на ухо адъютанту. Тот достаёт блокнот и записывает фамилии «исполнителей» — офицеров, которых, фактически, подставил, а не представил.

В программе была миниатюра, в которой мы прошли по противнику технического прогресса капитану Кукушкину, обыграв его семейную коллизию. На канву ветхозаветного анекдота наложили общеизвестный факт, что регулярно получаемое, но не всегда используемое, офицерами обмундированные их жёны сплавляют «налево».

Были рассмотрены три варианта брачных отношений: по-американски, по-французски и по-русски.

Американец, спустя двадцать лет после начала супружеской жизни, просит жену сойтись, изменяла ли она ему. После долгих уговоров узнаёт, что изменила один раз, после чего появилась дома в новом форде.

Француз, через десять лет совместной жизни, выпытал у жены факт внебрачной связи, после которой у неё появилась новая горжетка.

И, наконец, русский, по этому же поводу, через год супружества допросил жену. Та созналась в неверности, имевшей место тогда, когда — в месяц осенней демобилизации — из дома пропали новые юфтевые сапоги.

Ординарец всё ускоренно записал — провал концерта был полным.

На следующий день я забрёл в библиотеку, где стал невольным свидетелем разбора полётов. «За что, — спрашивал офицеров части командующий ракетным полигоном, — она отдала ему юфтевые сапоги? За что?!». Товарищи по оружию безмолвствовали, а генерал с командирской прямоотой, крепким трёхэтажным словом пояснил, за что именно.

Нет худа без добра. Главного инженера части постоянно волновала проблема эксплуатации вычислительного центра после завершения нашей двухгодичной службы, поэтому он — прямо или косвенно — намекал нам, экс-студентам, о желательности продлить её срок до двадцати пяти лет.

После провала спектакля и данного ему гневного и решительного осуждения со стороны политотдела, разговоры о дальнейшей службе для короткосрочных офицеров прекратились.

Ещё раз покрылась для меня ковром тюльпанов степь, ещё раз подарило мне пляжный сезон изумрудно-чистое, насыщающее воздух иодом, богатое пресноводной рыбой Аральское море. Весной семьдесят второго года, демобилизовавшись, двинулся продолжать службу в гордость советского компьютеростроения — Киевское производственное объединение «Электронмаш», в хозяйство его создателя, штатского «генерала» Незабитовского и штатского «полковника» Залесного.

Киев, пусконаладочное управление, участок номер шесть

Пролог (местами — нарочито вычурный)

На блистающих пейзажными красотами просторах Киева разбросаны островки непорученных временем строений, немых свидетелей некогда про-

цветавших в их стенах техногенных цивилизаций — заводов, фабрик, научно-исследовательских институтов.

Сданы в утиль станки, забыты хитроумные технологические процессы, увяла отраслевая и фундаментальная наука, пресеклись потоки людские у проходных.

Свершилось! Мёртвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавлённые ланцеты
Очистил утомлённый врач¹¹⁴.

Высвободившаяся и нетленная недвижимость служит свежей породе джентльменов удачи, новым хозяевам жизни на их пиру валтасаровом. «Мене — текел — фарес» — «подсчитано — взвешено — поделено».

Среди останков, руин (не физической — нравственно-социальной природы) былого научно-технического величия стольного града, своей монументальностью и протяжённостью выделяются корпуса зданий за Окружной дорогой, в старинном предместье Борщаговка.

Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль¹¹⁵.

Настенные надписи и пиктограммы, письменные источники, былины и предания позволяют идентифицировать выявленную культуру как корпоративное содружество инженеров многоумных и искусных, городских ремесленников, занимавшихся выпуском вычислительных управляющих машин (в летописях — завод ВУМ).

Свидетельства ещё здравствующих прямых участников и сотворителей достославных дел позволяют выстроить хронологическую цепочку событий.

...Полвека тому отступил ледник, разжались безжалостные клещи, подули вешние — свежие и тёплые — ветры, настало время титанов.

Один из них, благомудрый академик Виктор Михайлович Глушков, страстными постулатами амнистированной науки «кибернетика» в стенах одноимённого, им возглавляемого института провозвестил эру автоматизированных систем управления (АСУ).

Другой — муж седовласый и благомошный Апполинарий Фёдорович Незабитовский (в былинах — «папа») — возглавил материализацию идей великого теоретика, обеспечил их — бестелесных — плотью электронно-вычислительной техники (в современном начертании — компьютеров).

Усердные дети своего времени, с присущей той поре продуманностью, обязательностью, организованностью взялись за дело, и вскорости появил-

ся завод преизрядно устроенный. В конце шестидесятых годов им были *urbi et orbi* («городу и миру») предъявлены первые овеществленные плоды тонкого интеллектуального замысла — вычислительные машины «Проминь», «Каштан», семейства «Мир», «Днепр».

Киев стал Меккой для взалкавших новой техники. На завод ВУМ двинулись колонны представителей космических отраслей, оборонных предприятий, академической науки, исследовательских институтов, медицинских учреждений, промышленности.

Как-то в начале семидесятых годов жарким июльским днём на завод заглянул премьер-министр Канады Пьер Эллиот Трюдо. Приняли его, как по обычаю мудрому надлежало, с великою честью и ласкою.

По заданию «папы» за ночь у парадного входа образовался милый канадскому глазу украинский пейзаж — бассейн (считай — «ставочек») и обязательная верба.

Высокого гостя встречали испотевавшие в протокольных пиджаках руководство, передовики предприятия. Премьер появился в светлых брюках, пестрой тенниске, элегантном кашне. Немного припоздал, поэтому в церемониале встречи оставили только обязательную «хлеб-соль».

Пьер Эллиот, знавший программу посещения, запротестовал на коренном языке своих сограждан.: «А де пісня?».

Из резерва выдвинулись «дивчата» в «сорочках-вышиванках» и коронным надрывом погрузили заокеанского гостя в состоянии неуёмного восторга: «Ой, у полі криниченька/ Там холодна водиченька...»

Год за годом разрасталось поселение на окраине украинской столицы, изобиловало новой — всё более современной — продукцией, процветало и множилось людьми.

Папа твёрдо держал штурвал громадного корабля, уверенно вёл его среди волн житейских проблем, неизбежных зависти и соперничества. Работников, любезных чад своих, отмечал приличной — результатам труда сообразной — зарплатой, обеспечивал жильем, дешевым и вкусным заводским питанием, отпуском в санаториях и собственных домах отдыха.

Лодырей, болтунов бесполезных и пустозвонных тяжко ненавидел, изгонял. И радовались все, причастные к успехам знаменитого завода. Казалось, что нет предела совершенству, что развитие будет постоянным, укрепляющим стабильность положения колосса.

Человек предполагает, а Господь располагает. За радостью пришло утешение и разорение, за взлетом — падение. Небесный свод разломился, земные веси оборвались. «Лжемудрость безумия все уничтожает, не созидая ничего.»¹¹⁶ Цивилизация, просуществовавшая четверть века, исчезла в мутных водах потопа перестройки.

Посмотри, как быстро в жизни
Всё забвеньё поглощает!
Блекнут славные преданья,
Блекнут подвиги героев...¹²⁵

В союзе племен, составлявшем исчезнувшую цивилизацию, был передовой отряд, особое племя наладчиков и специалистов по разработкам систем управления. Оно имело невидную стоянку на третьем этаже принадлежавшего заводу-гиганту технического училища и носило длинное, по-канцелярски суховатое наименование: Киевское специализированное пуско-наладочное управление электронно— вычислительных машин (КСПНУ ЭВМ, или просто — «управление»).

Делами племени заправлял смелый и неукротимый вождь, широкоплечий и высокорослый атлет (внешне похожий на классного боксёра полутяжеловеса) с энергически-размашистой походкой лидера — Виктор Олегович Залесный.

В начальный период эпохи автоматизации, когда качество обеспечивавших её компьютеров было невысоким, требовались немалые усилия и сроки по доводке «до ума» капризной и объёмной электроники на месте ее эксплуатации.

Поэтому вслед уходившим с завода немалых габаритов вычислительным машинам племенные старейшины отправляли обязательный «загон» лихих специалистов по наладке. Они на месте собирали технику, тестировали её, находили дефекты скорой заводской сборки, устраняли слабые места. Укротив непокорное изделие, выкуривали с его владельцем «трубку мира», опорожняли меха с огненной — предназна-

чавшейся для протирки контактов — водой, возвращались в главный вигвам с актом безоговорочной капитуляции бывшего оппонента (так называемой «процентовкой»), с указанием размера контрибуции.

Все дороги ведут в Рим. Счастливые обладатели отлаженных и заумных машин, как правило, вновь устремлялись в Киев обивать пороги управления, где, посыпая голову пеплом, громко зывали о помощи и о дальнейшем содействии.

Они знали, что под ружьём у конунга Залесного находится полк гвардейцев, способных вдохнуть в бесстрастную электронику «машинный интеллект» — математически и логически строго расписать предполагаемую к решению проблему (составить алгоритм), разработать на его основе программное обеспечение.

Они ведали, что славные бойцы интеллектуального фронта своими регулярными победами обратили заурядное пуско-наладочное управление в элитную — научно-конструкторского толка — организацию, в которой за высокого полёта разработкой следуют ее скорая компьютерная реализация и внедрение.

Полны чудес сказанья давно минувших дней
Про громкие деянья былых богатырей...¹¹⁸

Благоподатный случай ввёл меня, двадцатипятилетнего отставного воина, в эту чудную боевую единицу с незвучным постороннему слуху, но ласкающим слух причастным к делам давних дней наименованием — «участок номер шесть»; дал радость человеческого общения в прекрасном коллективе единомышленников, с людьми, близкими по духу, по мировосприятию.

Мне вспомнились лица товарищей милых;
Куда вы девались, друзья?
Иные далёко, а те уж в могилах.
Рассеялась наша семья!»

(А. Плещеев)

Хорошее начало полдела откачало

К исходу зимы семьдесят второго года, после двух календарных лет беспорочной службы, приказом министра обороны, в звании старшего лейтенанта был отправлен в запас. Получив солидное выходное пособие, свободу и независимость от строго нормированной армейской жизни, а также проблему места проживания и работы, отправился в мать городов русских — Киев.

Образовавшийся к этому времени взаимно уважительный контакт со специалистами производственного объединения «Электронмаш», чью пионерскую вычислительную систему дорабатывал и обслуживал на ракетном полигоне в казахстанской степи, возбуждал оптимизм на укоренение в украинской столице.

Древний город словно вымер,
Странен мой приезд
Над рекой своей Владимир
Поднял чёрный крест¹²⁰.

Прохладным апрельским утром, с мешком морепродуктов в руке, уверенный в собственной профессиональной неотразимости, подтверждаемой жёлтым ромбиком выпускника ЛЭТИ на лоснящемся лацкане пиджака, смело перешагнул порог заводского отдела внедрения. Хозяева брали меня «за руки белые, садили за столы дубовые», вываливали на них отливавших золотом копчёных лещей и жерехов, мной привезенных. Скоро доставленное пиво облагородило дегустацию даров Аральского моря, превратило её в идущий от сердца процесс, активизировало стремление принимающей стороны решить проблему трудоустройства гостя, не имевшего в городе ни кола, ни двора.

К концу братской трапезы, когда Владимир Ильич Айзенберг («наш Ильич») приступил к отбору из рыбных останков пригодных для ещё одних пивных посиделок частиц, когда было обсуждено и отвергнуто немало вари-

антов разрешения бытовой коллизии, прозвучала реплика Славы Наумова попробовать меня на Залесном. Его письмо, с просьбой разработать и изготовить электронный блок сопряжения двух вычислительных агрегатов, давно раздражало руководителя отдела; неожиданное предложение коллеги давало возможность одним махом разрешить два вопроса — и невинность соблюсти и капитал приобрести.

Подхватив под микитки, поволокли меня заводчане в располагавшийся по соседству кабинет начальника управления, где представили как «гиганта мысли», способного (при условии приёма — без оглядки на отсутствие прописки — на работу) реализовать залежавшийся проект. Залесный, славившийся умением молниеносно оценивать ситуацию и принимать единственно верное решение, затянулся огнестрельной кубинской сигаретой, «пробрил» меня острым карим взглядом и зачислил в штат.

Быстрый приём на работу самопровозглашённого кибернетического «мессии» уязвил главного инженера Альберта Самсоновича Оганесяна, прямой обязанностью которого было предварительное тестирование выбивавшихся из общего ряда специалистов. Вызвав меня для постановки боевой задачи, он, выправляя перекося в субординации, поинтересовался, как бы между прочим, знанием книги «Всё об АСУ». (Последнюю согласную букву в названии произнёс чуть протяжно — получился неплохой уринарный каламбурчик.)

Не учите рыбу плавать. В заметно гипербололизированном ответе улыбчивому (и, забегая вперёд, доброму и отзывчивому) начальнику указал на фундаментальность знаний, даваемых своим питомцам Ленинградским электротехническим институтом; скромно перечислил личные технические достижения за два года работы в армейском вычислительном центре.

Простим горячке юных лет
И юный жар, и юный бред⁷².

То был безумный день или женитьба Фигаро. В глазах зарябило, когда в кабинет вошла пышной красоты женщина многообещающего бальзаковского возраста. Почудилось мне, что библейская Магдалина, поправив причёску, сошла с полотна Тициана — та же верных пропорций, упругая, далёкая от рыхлости, фигура, гордой посадки голова, подёрнутые влагой глаза; смущающие рассудок, сочные, яркие — помадой выделенные — губы и, как показало последующее общение, трезвый аналитический ум.

Перфектная представительница самого монолитного этноса Раиса Самойловна Сахно, на то время исполнявшая обязанности начальника участка программистов, пришла взять в работы очередного новобранца, принять участие в обсуждении сути предстоящего конструкторского проекта.

Умягчённый страшной силы женской красотой, Оганесян развернул на столе огромную блок-схему автоматизации учёта конвейерного изготовле-

ния тракторов. Скорбно отметил, что теория не выдержала столкновения с очистительной практикой — стандартная электрическая печатная машинка, сопряжённая с вычислительным комплексом, не успевает распечатывать плотный поток информации, сводит на нет результаты труда программистов. От меня требовалось заменить устаревшее оборудование на устройство скоростной печати, разработав для этого блок его стыковки с вычислительным комплексом «Днепр-1».

Через месяц, с сумкой на шее и качественно пропаянным изделием в руке, жар-птицей стелился над платформой в стремительном бреющем полёте за двинувшимся в сторону Харьковского тракторного завода поездом. На излёте зацепился за поручень последнего вагона, добрался до своего купе, свалился к ногам восходящей звезды отечественного программирования Александра Николаевича Побегая, дотлевавшего на костерке возмущения беспечностью новоявленного коллеги.

Неловкий старт побудил к высокой самодисциплине на последующей дистанции пробега, вызвал сильное старание к делу. Слишком высоки были ставки в затеянной игре — или грудь в крестах, или голова в кустах.

То лето харьковской одиссеи было необычайно сухим и жарким. В его канун на подлёте к аэропорту разбился самолёт АН-10. Погиб певец-имитатор Виктор Чистяков, журналист «Известий» Сазанова, ленинградские пионеры. В вычислительном центре тракторного завода ломались кондиционеры, отказывала электроника, выпал из строя приданный мне на подмогу Валентин Павлович Напольский. Старший товарищ запил мёртвую, *«впал в неистовство, многие противности учинил»*²¹.

Первая попытка отправить нарезавшегося специалиста для оргвыводов домой ничего не дала — врученный ему билет он продал, на полученные средства продолжил вливание.

*«Нас на конвульсии не возьмёшь, товарищ!»*¹⁷¹ — со второй попытки провожающие посадили тёпленького пассажира в вагон, дождались отправления поезда. В нём Валентин отоспался, утром опамятовался уже далеко за Киевом — в Виннице, где и опохмелился.

Могу сказать: его я лично знал, —
Он образ жизни вёл довольно шалый,
Но я его за то не осуждал...³²

В муках творчества, с регулярными вспышками истерической безнадёжности, всё лето парился над строптивым устройством, недоношенным плодом поспешного воображения: паял, переделывал, отлаживал, передумывал. С сентябрьской свежестью пришёл чаемый успех. Программисты, получив быструю печать, утроили темп продвижения к финишу.

Появившееся свободное время с однодумцем Побегаем проводили в набегах на книготорговцев города, в прочесывании книжных базаров, в контактах с местными библиофилами. Брали немалую добычу, временами расходуя на неё последние командировочные средства.

Оставаясь на бобах, выходными днями сидели голодом в гостинице, прилежно вычитывая купленную литературу. В один из таких дней, когда у меня и у друга до предела свело животы, а в головах зазвенели бубенчики, заметили на балконе соседнего номера банку консервированных томатов, забытую выписавшимися постояльцами. Проход по карнизу, который совершил и который был невозможен в нормальном психическом состоянии, спас нас с Александром от надвигающейся дистрофии.

Когда застучала весенняя капель семьдесят третьего года, отлаженную систему запустили на контрольную проверку. Первые результаты показали невероятное количество тракторов, сходящих с конвейера; казалось, электроника взбесилась, выдаёт желаемое за действительное.

Учинили совет в Филях. Работа автоматизированной системы была устроена так, что сведения о ходе сборки вводились в вычислительную машину через установленные на конвейере пульта, разработанные специалистами Харьковского научно-исследовательского института «Тяжпромавтоматика». Далее, программы моих коллег обрабатывали полученную информацию, выдавали на печать контрольные расчёты.

Наталья Бездетная, руководитель нашей команды, отстаивала безупречность программного продукта. Иосиф Вайнблат, представитель института, расхваливал сверхнадёжность пультов, выполненных — с учётом пролетарской психологии «обслуги» — из особо прочных материалов.

Призвали, в качестве эксперта, Александра Николаевича Побегая, чей добродетельный нрав позволял быть третейским судьёй в неоднозначно трактуемой ситуации. Выпускник мехмата Киевского университета — широкий и выпуклый лоб, ум ясный и пронизательный, быстро постигающий не всякому доступное — долго и тщательно изучал контрольные распечатки, после чего «размазал» оппонентов по столу.

Вскрытие показало, что институтский механик Семён Кац, активно готовившийся к отъезду на землю обетованную, смонтировал клавиатуру в соответствии с грамматическими нормами иврита — числовые данные следовало вводить с учётом их прочитывания справа налево.

После перепаек всё стало на свои места — система заработала исправно, оперативно, радуя своей правдивостью киевских и харьковских создателей. Но недолго дёргалась старушка в матросских опытных руках. Несколько месяцев спустя, мрачная реальность жизни сокрушила прочностную концепцию Вайнבלата: составные элементы предварительно разобранных пульгов, в том числе остродефицитные кабели, провода оказались далеко за пределами завода, в приватном пользовании.

Товарищ! На работе ты хозяин, а не гость,
Идёшь домой — возьми хотя бы гвоздь.

В Киев вернулся со щитом. Пару недель прогрел утомлённое тело бойца в плотных лучах заслуженной славы — до перегрева, до солнечного удара, — пока прибывший из дальней и долгой командировки шеф, Виталий Дмитриевич Лаппа, не объявил о своём уходе. По этой причине он предложил ру-

ководству управления влить вино молодое в меха старые, назначив успешно выдержавшего конкурс выпускника ЛЭТИ на ставшую вакантной должность начальника участка.

Гавриил Дмитриевич Вертегел — руководитель службы кадров, твёрдокаменный отставной полковник — подготовил по этому поводу высочайший ордонанс, который и был подписан начальником управления в конце апреля семьдесят третьего года.

Когда бывлые дни я вижу сквозь туман,
Мне кажется всегда — то не моё былое,
А лишь прочитанный восторженный роман¹²¹.

Рачитель и Поэт

Достойная заработная плата была важной, но не решающей составляющей магнетической силы, скреплявшей корпорацию программистов с прозаическим именованием «шестой участок». Только начавший формироваться коллектив сцементировала, прежде всего, возможность социальной и профессиональной самореализации его активистов, способствовавший тому психологический климат.

Территория участка была средой обитания, где высокая образованность и эрудиция его обитателей, занятость интереснейшим делом создали атмосферу общей открытости, доброжелательности, взаимной притягательности. Оценка уровня сотрудника определялась не только математическими способностями, знанием языков программирования, но и языковой культурой, начитанностью, широтой знаний и кругом интересов.

Высокие качества большинства членов зарождавшейся общины не были комплексным проявлением беззаботного прекраснотушия и отвлечённого идеализма — они строились на плотной материальной основе. С увеличением числа выпускаемых заводом ВУМ вычислительных машин, росло число заказов на разработку прикладного программного обеспечения, росли авторитет и значимость коллектива его создателей.

Давно это было, но память хранит моментальный слепок начального периода моего трудового пути — навсегда молодые лица коллег, их яркие лица, бойкую мимику, воспроизводит звуковой ряд тех сладких лет — гудящий, бурлящий человеческий муравейник в аудиторном зале на третьем этаже, в небольшом здании за Окружной дорогой.

Первые три недели каждого месяца в управлении царил покой налаженного быта, после чего патриархальную тишь организации взрывала ураганная энергетика возвращавшихся с отхожих промыслов электронщиков. Появление на перронах железнодорожного вокзала их суетливых пред-

ставителей было верным признаком приближения неодолимой стихии. С прибывавших московских поездов бегуны «снимали», за рубль проводнику, использованные билеты, в видах приработка подшивали их к отчету по несостоявшейся (но печатями отмеченной) командировке.

Последняя неделя месяца, именовавшаяся «пересменкой», ломала настроенный на созидание уклад шестого участка. В это беспокойное время коридор фирмы походил на пульсирующую вулканическую лаву — сдавались акты выполненных работ, отчёты по командировкам, выписывались новые командировочные задания.

Проводились всевозможные (таковы были терминология и правила игры эпохи!) мероприятия — собрания (партийное, профсоюзное, комсомольское), учёба (техническая, политическая, экономическая), сдавались экзамены и прочая, и прочая, и прочая.

Наиболее значительным признавалось ежеквартальное подведение итогов социалистического соревнования, победителю которого полагался денежный приз. Заветная сумма доставалась тем участникам состязания, которые проявляли, прежде всего, подобающее уважение к отчётным документам, содержали их в идеальном состоянии.

Над победными реляциями «хитрожо... математиков» (так именовали нас завистливые и неудачливые конкуренты), больше походившими на поэтизированные эссе, не раз до слез умилялись члены конкурсной комиссии.

Следующим, хотя и не таким частым, источником пополнения казённых средств было премиальное поощрение победителей ежегодной спартакиады управления, очередной тур которой проходил во время массового сбора её участников.

Благодаря усердию на всё гораздого Сергея Михайловича Соколова, наладившего насыщенный тренировочный процесс, в спорте мы также первенствовали. В обеденный перерыв часть сборной команды отрабатывала дебютные идеи под наблюдением шахматного виртуоза Побегая, остальных «коней» тренер выгонял в спортивный зал.

У Соколова, прославленного мастера сборки (марки, монеты, книги, открытки, прочие разности) всегда были в запасе пара-другая потоптанных кед, застиранных маек для забывчивых спортсменов, накапливались обмылки для обязательного душа после тренировок. Кстати, личную одежду глубокий педант донашивал до полного её истощения, до разложения на атомарные ингредиенты. Особо запомнился выход шумливого душки Соколова на коммунистический субботник во френче и особого покроя галифе, видевшими, кажется, и сопки Маньчжурии, и позор русского оружия под Мукденом.

Высокий, худосочный, костистый и очень рачительный аскет контролировал потоки карманных денежных средств сотрудников, вёл «чёрную» кассу взаимопомощи, закупал на всю наличность облигации трехпроцентного займа. «И был глубокий эконом»⁷², впадал в истерику, в крике доходил до фистулы (лёгкие — до таза!), видя бездумные, с его точки зрения, траты из «общака».

Тонок и бледен, в лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел⁶.

Все добываемые на общественном поприще деньги шли на коллективные выходы в рестораны — каждый раз в другой! — по изначально составленному списку. За всё время сделали полный круг прохода по городским ресторациям и даже вышли на второй заход.

В пересменки нередко тешили подуставших в трудах специалистов концертными балаганами, скоморошьими забавами. Выстроенный в любимом стиле капустника дебютный спектакль, по случаю годовщины участка номер шесть, собрал полный зал.

На сцене, за столом сидела сводная делегация породнённых иностранных фирм. Серёжа Куркин, сосредоточенный, в тёмных очках, зачитал поздравление от пролетариев парижских пригородов: «Мосье, мадам! Шер ше ля фам. Нотр Дам де Пари — я «вжэ фини».

За ним последовал пламенный профсоюзный привет представителя британских тред-юнионов из уст Аллы Кучеровой: «Ай лав ю, хау ду ю ду, бай-бай».

Многофункциональный Сергей Михайлович вышел на сцену в артистической блузе, почесал репу (Жванецкий отдыхает!), зычным голосом зачитал любимое и «самопальное»:

*Я увидел вас под клёном,
Вы увидели меня
Стало всё вокруг зелёным,
Даже лысина моя.*

Эврипидовским трагизмом даровитый лицедей выжал слёзы жалости у благодарных зрителей, сорвал их длительные аплодисменты с криками «браво!». Вдохновлённый высокой оценкой, Соколов поделился с народом очень интимным:

*Облетели листья, в парке стало пусто,
До весны увяло половое чувство.*

С завершением всеобщего съезда, уходил девятый вал кочующих наладчиков, жизнь программистов входила в привычное русло. В спорах делились местные командировки, составлялись графики использования машинного времени. Принимались потенциальные заказчики на разработки, велись недетские переговоры, протоколировались деловые совещания. Жизнь была крепкой струёй.

Регулярно приезжал институтский друг, ленинградский кунак, сердцу моему любезный Валерий Николаевич Чихман. Студенческое приятельство-

вание — с тем же качеством отношений — естественным образом перешло в долгие, до солидных возрастных отметин деловые связи.

Валерий, выполнив обязательную выездную программу в заводском отделе внедрения, основательно устраивался на шестом участке. Выбрав время, с внешним безразличием заходил в приемную, где располагалась тревожившая его сердце Алена Вихляева. *«Любострастие в юности воздержанием умертвил»* — глядел, вздыхал и, ободряясь увиденным, уходил.

...сияя
Возвышенным спокойствием, она
Была чудесной прелестью полна³².

В это благостное время, с подачи пропитанного даром рифмования Бориса Михайловича Ольшанецкого, родилась и прижилась идея вечеров поэзии. Проводились они в сумерках, при свечах, на достойно оформленном столе. Каждый участник лирического коллоквиума читал домашнюю заготовку — любимое стихотворение. Завершал сходку презентацией своих произведений лично акын Ольшанецкий.

Вечера поэзии стали обязательной частью торжества поздравления женщин в праздник Восьмого Марта. В его канун неутомимый затейник выписывал командировку в Сухуми (благо была такая возможность), возвращался с парой чемоданов мимоз, которые рассыпал небрежно на столах сотрудниц.

Жизнь на Парнасе в состоянии полной боевой готовности к стихосложению (*«Служенье муз не терпит суеты»!*¹²²) требовали свежести ощущений, обязательной новизны интимных переживаний.

...был он смел
По части страсти и альковных дел³².

Естественная для творческой природы переменчивость настроения едва не сослужила участку плохую службу в чрезвычайно актуальном деле расширения производственных площадей.

Эту проблему решали прямым контактом с отделом нежилого фонда киевского горисполкома, где установили взятый «под договор» с «богатеньким» заказчиком вычислительный комплекс. В дневное время наши специалисты бесплатно обслуживали именитое учреждение, по вечерам ладили свои программы.

В один из таких вечеров вёл отладку Боря. Романтик, пребывая в состоянии стихосложения для очередной Психеи, в некоторый момент почувствовал предательскую тягостность пониже желудка, отправился по нужде.

В туалете засиделся, размечтался — плотным ямбом пошла рифма. Со всем нехоти процесс версификации прервала уборщица, яростно заелозившая шваброй по кафелю. Возмущенный автор попросил даму покинуть мужское отхожее место до завершения процессов — творческого и дефекации.

Кощеевна отреагировала нулем внимания и фунтом презрения, что-то ляпнув, между прочим, про интеллигентов — вообще и в частности. *«Остана*

несло» — гордый творец прочитал долгий и гневный монолог о прекрасном в женщине, о достоинстве и деликатности, привёл немало поэтических примеров.

Получи, фашист, гранату. Несколько дней спустя, в управление пришла жалоба городских властей на недостойное поведение инженера Ольшанецкого. В соответствии с нормами служебной отписки, нарушителя порядка, как изложили в ответе, наказали лишением премии. Правда, условно — был хорошим он парнем!

Безумных лет угасшее веселье
Мне тягостно, как смутное томленье,
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе, чем старе, тем сильнее¹²³.

Ларина как символ эпохи

Замечательной особенностью пуско-наладочного управления был даваемый им своим сотрудникам высокий статус пролетариев.

Такое роскошество стало возможным благодаря мудрой предусмотрительности отцов-основателей — при создании фирмы они использовали типовую штатно-финансовую структуру строительной организации, с приличными окладами и системой премирования.

Подтяжка к строительному делу выразилась в специфических наименованиях производственных подразделений («участок», «бригада»), в благорасположении власть предержащих к авангарду рабочего класса при представлении к правительственным наградам, в продвижениях в выборные органы. Кроме того, не было анкетных ограничений в пополнении рядов рабочего люда сметливыми представителями «нетитульной» национальности.

Если наладчиков электронных блоков можно было с некоторой натяжкой сопоставить с монтажниками блоков бетонных, то мыслителей и писателей программ можно было соотнести разве что с «вольными каменщиками» — франкмасонами.

Странное племя, мудрёное племя
В нашем отечестве создало время⁶.

В начале семидесятых годов программирование было делом пионерским, профессиональные особенности почти экзотической специальности только устанавливались. Со временем оно, как субкультура, выработало свою этику, обрело свой лексикон, его служители получили строгую систематизацию (системный, прикладной программист, специалист по базам данным), но в первородном очертании они делились на «умных» и «усидчивых».

Первые ведали хитроумие процессов составления упорядоченной последовательности действий для компьютеров. Вторые получали от толкователей и сочинителей детализированные задания, переводили их в тексты, коды программ.

Была в высшей категории особая прослойка богодарованных специалистов, создававших изысканные программные модули, из набора которых — как из кирпичей! — монтировались программные композиции под заказ.

Талантливым мастером такой кладки был Геннадий Михайлович Романяк — самородок, великого трудолюбия личность. Поступив на работу, на первый взгляд, невидным специалистом, Гена через пару лет стал звездой первой величины в неформальной ассоциации системных программистов Советского Союза.

Ведущие организации страны, связанные с разработками вычислительных комплексов, привлекали мэтра Романяка в качестве основного консультанта, использовали его разработки. Авторитет нашего неспешного, вдумчивого, очень выдержанного коллеги долгое время был фирменной меткой участка номер шесть.

Весной семьдесят третьего года, получив сан начальника участка программистов, произнёс перед сотрудниками вдохновенное апостольское слово. Оповестил о переводе программирования на строительную основу, о зияющих, подлежащих покорению, вершинах. Одним словом — мели, Емеля, твоя неделя.

По завершению тронной речи пронизательная Алла Михайловна Ларина поинтересовалась, не возникнут ли на ухабистом пути научно-технического прогресса сбои в выделении достаточного количества местных командировок женской части коллектива.

В вопросе был резон. В рассматриваемый исторический период, ватага программистов занимала одну, очень большую — на полсотни столов — комнату, атмосфера которой была постоянно насыщена плотным смогом нерабочих разговоров. Созидать, выполнять план и сопутствующие социалистические обязательства в подобном присутственном месте могли только люди стальной воли.

Было мало искусников, умевших отвлечься от шумной действительности, уйти в себя, нырнуть в творческую нирвану. Неспешный, почти интимный процесс зачатия и выхода в жизнь программного продукта требовал от его творца особой собранности, игры ума и воображения при отсутствии внешних раздражителей.

Тишины хочу, тишины...

Нервы что ли, обожжены?¹²⁴

У Аллы Лариной, относившейся к сливкам специалистов, творческий процесс шёл только в домашней обстановке, под истомную музыку и килограмм конфет «Белочка» на одно математическое изделие

Такой стиль производственной деятельности активно поощрялся — умелица, отмеченная «красным дипломом» мехмата Киевского университета, имевшая за плечами незавершённую — по причинам личного свойства — аспирантуру академического института механики (прерогатива единиц!), с завидной досрочностью выкатывала «на гора» интеллектуальную продукцию.

Вместе с тем, выходы сладкоежки «в народ» превращали деловое общение в «толковище», в театр одной актрисы, в котором Аллусик восхищала слушателей своей замечательной начитанностью и прекрасным литературным слогом — со смысловым объемом, выразительностью и точностью подачи материала.

Её очень информативные, связные и яркие экспромты по сути своей представляли маленькие отточенные новеллы, которые, увы, — из-за небрежного отношения автора к своему дару — растворились в эфире. Правда, были попытки почитателей записывать произведения чтицы, но в суете дел начатый конспект где-то затерялся.

Однажды поведала «девочкам», как, отдыхая на кавказском побережье Чёрного моря, купила у местных негоциантов купальник-бикини. Окунувшись в нём на мелководе в морскую лазурь, она встала во весь рост и обнаружила, что чёрная краска расплылась по её телу. (В халтурный лифчик в качестве уплотнителя производители натолкали куски газеты.) В устах рассказчицы южное происшествие получило свою образную оценку: «А оттуда — романы, романы...»

В другой выход на работу, тема бюстгальтера повторилась в жалобах прима на собственную рассеянность. Во время примерки на толкучке в Беличах модных тогда сапог на «платформе» плут торговец выхватил из её рук ридикюль и дал дёру. Расстроенная потерей больших, превышавших стоимость оставшейся в её руках обновки денег, вернулась Алла домой. И только перед сном обнаружила пропажу в кошельке, который перед выходом на базар затолкала в самое надёжное, многими женщинами используемое место хранения.

Когда подошла пора информатизации школьного образования, Алла Михпйловна оказалась в авангарде благородного общественно-педагогического движения: чистыми руками и светлым душевным порывом разработала — первый в Киеве — учебный комплекс программ «Алгебра-6».

В её же руки попала большая группа отцов города, которых высшим партийным решением обязали освоить компьютерную грамотность. На них наша дока обучающе-контролирующих программ опробовала систему проверки деловых качеств руководителя — способность находить оптимальные управленческие решения в реализации крупных городских проектов.

В результате компьютерного тестирования, городские и районные лидеры получили заключение — «банкрот». Уходили гости, смущённо и чуть заискивающе прощаясь с Аллой Михайловной, всем своим видом проявляя невысказанную просьбу: «Пусть это останется между нами».

«О подвигах, о доблести, о славе...»

Кочевая командировочная жизнь сотрудников пуско-наладочного управления, с регулярной сменой среды обитания и общения, обилием новых и новых знакомств дала немало сюжетов, которые суммарно могли бы стать канвой не одного романа.

Наиболее бойкие из них — с изюминкой! — надолго оседали в архивах сказителей и слушателей, «бронзовели», превращались в каноническую основу изустной истории фирмы.

И живут с тех пор в народе
Песни, сказки и преданья¹²⁵.

Довелось и мне услышать немало смуток да баламуток, лукавая память обещала сохранить их, но на дороге жизни многое растеряла, хотя кое-что, всё же, удержала.

Лошадь-алкоголик

Верховным носителем преданий и строгим исполнителем обычаев был Виктор Иванович Цвик, получивший по этому поводу народное звание «профессор». Был он милосерден, добр и обаятелен. Своей прятанной за роскошными усами гипнотической улыбкой смутил не одно женское сердце.

Впрочем, тревожил не только сердца, но и физиологию — в гармоническом ряду достоинств Виктора Ивановича наиболее значительной признавалась фаллическая составляющая, за что её хозяин имел второе, ласкательное именование — «сперматозавр».

Мастер басенного жанра, певец сладкозвучный, Боян нашего времени сказывал свои предварял длинной прамбулой, завершавшейся коронной фразой-прокладкой: «И представьте себе...», после которой — как взрыв — следовал яркий, аллегорический финал.

Боян же вещей,
если хотел кому песнь воспеть,
то растекался мыслию по древу...¹²⁶

Впервые со сценическими приёмами маэстро познакомился, слушая рассказ о его пребывании на металлургическом комбинате, где, профессионально знакомясь с состоянием производства, он оказался в зоне притяжения подъёмного крана, с электромагнитом. «И представьте себе, — патетически финишировал рассказчик, — кран вытащил (прорвав штанину!) из брючного кармана перочинный ножик, а из ботинок — гвозди «.

В рассматриваемый исторический период в Москве существовал центр отдыха и досуга специалистов управления: пивной бар у Киевского вокзала (в народе — «Сайгон»), где электронщики и программисты коротали время в ожидании посадки на поезд, общались, освежались. В нём всегда можно было найти коллегу-нарочного для передачи в Киев документов или требующих скорого ремонта электронных модулей, получить обратную посылку.

В этом шалмане осенью семьдесят третьего года с «профессором» и двумя наладчиками-подельниками я отмечал удачный приезд из Аральска — места моих недавних офицерских бдений, — где «подправили» было захандривший, до боли мне знакомый вычислительный комплекс.

Заведение только пережило оздоравливающую борьбу с рукотворным недоливом и уменьшением плотности базового напитка — на каждом столе была смонтирована дистанционно управляемая система выдачи пива клиенту. Официант получал за заказ деньги и передавал их диспетчеру, который — манипулируя переключателями — отливал строгую пол-литровую дозу в удалённый бокал.

Потеря быстрого дохода от хмельного бизнеса угнетала «половых». Раздражённые и злые, они бродили по залу. Один из них, пьяненький и худосочный, с зачёсанными за растопыренные уши парой локонов, долго канючил у Виктора Ивановича стаканчик пива. «Профессор», уже давно почитавшийся персоналом заведения за неформального метрдотеля, поставил попрошайку на место: «Лысый! Пойди пописай!».

Затем, что называется «в масть», дал сольный номер. Он поведал, как знойным июльским днем томился с подчинёнными ему наладчиками в очереди за пивом в дальнем городе Новосибирске. Рядом, отгоняя хвостом надоедливых мух, потела лошадь, доставившая к ларьку сменную бочку драгоценной влаги.

Повинуясь безотчётному чувству жалости, Виктор Иванович — натура широкая и щедрая — протянул измученному животному свою первую кружку. Савраска, словно мощная помпа, в момент засосал её содержимое. Скорость поглощения поразила специалистов по электронике, и они продолжили почин шефа.

Конь о четырех ногах спотыкается. После пятой кружки осовевший мерин уткнулся мордой в асфальт, распластав на нем разъехавшиеся ноги. Очередь в восторге зарыдала, забился в истерике возница.

Вечером, по дороге в аэропорт, таксист с восхищением, в деталях рассказал пассажирам, как на Красном проспекте киевляне опоили лошадь. Узнав, что герои дела — его попутчики, от платы за проезд категорически отказался.

«И представьте себе, — элегантно закруглил «профессор», — через год вновь побывал в Новосибирске и узнал, что ставшая знаменитой лошадь, не приняв с утра кружку пива, за работу не бралась».

В пивном баре пролетел тихий ангел, за столом воцарилась тишина. Слушатели, чьё хмельное сознание давно потеряло возможность критических оценок, загрустили о судьбе доброго животного. Добыть остродефицитное пиво в те времена можно было, да и то не всегда, только после долгого и утомительного стояния в очереди.

Помощь высших сил

Раз в крещенский вечерок
Девушки гадали,
За ворота башмачок,
Сняв с ноги бросали.

В. Жуковский

В духе приведённой выдержки из классика, развивались события на кафедре психологии Московского университета на исходе семьдесят седьмого года. Закрывшись в своей келье — комнате для лаборантов — кафедральные дивы гадали о судьбы предначертаниях. На листе ватмана чертили круг, делили его на секторы, вписывали в них весь российский алфавит — по паре одинаковых букв в противоположащих, симметричных друг другу секторах.

Точно над центром сложной геометрической композиции удерживали маятник — подвешенное к нитке золотое кольцо. Гадалка обращалась к высшим силам, сообщала существо просьбы, просила пособить в решении актуальной проблемы.

В случае благорасположения взеземной инстанции, маятник приходил в движение, перемещая плоскость колебания от одного к другому сектору. Из букв составлялись слова, из слов — предложения и, в итоге, ответ на поступивший запрос.

В соседней комнате, в так называемом машинном зале, приводила в лад неподатливую вычислительную машину «Мир-2» бригада Толика Ярёмко. Электроника капризничала, отказывалась работать. Нервничал недавно принятый на работу напарник. Его жена, раздраженная длительными отлучками супруга, требовала уволиться, грозила репрессиями.

Анатолия, человека быстрого полета мысли, в возникшей критической ситуации осенило — по его просьбе, мастерицы белой магии обратились в оккультный департамент с просьбой указать наименования дефектных плат. Служба чудес не подвела, маятник, поколебавшись немного, указал наименования негодных к использованию изделий. После такого откровения, успешное завершение работы для Анатолия стало делом техники.

Но, как впоследствии утверждали фанатичные адепты рукотворных таинств, было еще одно чудо: свыше была передана дополнительная информация для неопытного наладчика — имя соседа по лестничной площадке.

Не верь коню в поле, а жене на воле. Бросив дела, ревнивец улетел в Киев, где на корню пресек попытку семейного бунта.

Две стыковки

Во второй половине лета семьдесят пятого года, на дальней орбите стыковались космические станции «Союз» и «Аполлон».

В это же время в Перми, в одной из его центральных гостиниц, состыковались две бригады пуско-наладочного управления, работавшие в разных организациях города. Представители третьего и четвертого участков, по предварительному соглашению бригадиров Степанова и Сидоренко, встретились, чтобы достойно отметить завершение советско-американского эксперимента.

Русское вливание не терпит отставания — между первой и второй перерывчик небольшой.

После бодрого вступления, состоялся серьёзный и обстоятельный обмен мнениями о многом, важном и близком. Пришли обвеянные грустью воспо-

минания и размышления. Третий тост «за милых дам» (тостующий попутно отметил, что женщины делятся на дам и не дам) вызвал долгую череду рассказов о романтических командировочных похождениях, с последствиями и без последствий.

Тема эта разбередила раны, поэтому после пятой стопки в душах участников сходки поселилась абстрактная печаль, а после шестой — чёрная свирепая тоска.

Где пьют, там и поют. Сделав седьмой подход, мастер по влажному делу Боря Мошкин принял вес на грудь, после чего — связно и музыкально — исполнил песнь томления. В лапшу пьяный Алик Кибальниченко «сбацал» цыганочку с выходом.

Через полчаса, два страстных меломана — Степанов и Мошкин, — ухватив один одного за грудки, возобновили старинный спор о сопоставимости творчеств Генделя и Баха. Сидя за столом, бросив голову на руки, рыдал Кибальниченко. Удобно устроившись в креслах, приглашённые администрацией гостиницы мильтоны с восхищением досматривали по телевизору успешную космическую стыковку.

Позже, когда служивые люди уехали ни с кем, а Мошкин и Степанов перешли к выяснению степени взаимного уважения, загостившиеся Борис Иванович Сидоренко с сохранившими стойкость товарищами понесли тело Алика Кибальниченка к месту временного проживания — в ведомственную гостиницу на окраине города.

За время долгого и тернистого пути много намучились, роняли неудобный груз на жёсткую дорогу, но святой долг мужской взаимовыручки исполнили.

Утром спавших беспокойным сном носильщиков поднял на ноги рёв смертельно раненого зверя. Посреди комнаты, в одних трусах, стоял на коленях Алик. Обхватив ладонями лицо, он качался «взад-вперед», разрывался в рыданиях.

Выплеснув горе, успокоился, затих, опустил безнадёжно руки и с драматическим надрывом прохрипел: «Мальчики! Я, кажется, ослеп». Онемевшие от ужаса земляки увидели, что к покрытым запекшейся кровью бровям мученика — следствие неаккуратной доставки тела! — прилипла обильная помидорная кожура, прошедшая скорый обратный путь, из желудка через пищевод, наружу.

Благолюбивый Борис Иванович подошёл неслышно к убитому горем другу, возложил на его голову лучащуюся позитивной энергией ладонь. На некоторое время воцарилась тишина, затем, словно принесённая издали ветром, зазвучала негромкая и благостная музыка, зазвенели колокольцы.

Застывшая сукровица с вежд слепца опала, он прозрел и, не веря своему исцелению, припал в похмельно-горячечном восторге к стопам благодетеля.

...через малое время исправился, пришёл в покаяние и познание истины и пребывал в великом благоговении, что многие кротости и смирению его дивились²¹.

«...умеренность, отвага, справедливость, терпимость, благочестие, доброта, учтивость, мягкосердье, благородство...» Этот великого обаяния человек, с благоприветливыми чертами лица, волевым, умным взглядом — Апполинарий Фёдорович Незабитовский (1918 — 1991 гг.), знаменитый организатор производства, фактический создатель производственного объединения «Электронмаш» и его многолетний руководитель.

Объединение было ведущим в СССР по выпуску вычислительной техники. Оно дало работу, благоустроенное жильё тысячам киевлянам; дало им достойную зарплату, вкуснейшее заводское питание, прекрасный отдых на заводских базах отдыха, бесплатное лечение в заводской поликлинике.

Апполинарий Фёдорович был глубоко уважаем сотрудниками за простоту в общении, за доброту, за неиссякаемое трудолюбие, за справедливость (его любовно-ласково называли «папой»).

«След великих призывает нас к великому идти...»

На снимке 1981 года — Виктор Олегович Залесный, главный инженер Всесоюзного объединения ЭВМсервис (он — справа) активно наставляет коллегу из Орла. *«К предметам мудрости высокой все мысли их устремлены».*

Яркая, сильная, целеустремлённая личность эпохи шестидесятых-семидесятых годов, когда тон жизни задавали люди «длинной воли». Глубокий профессионал, прекрасный организатор, видевший перспективу своего ответственного дела, умевший дать ему неостановимо-толковое движение. Создатель (в 1971г.) Киевского специализированного пуско-наладочного управления ЭВМ, его многолетний начальник и мой первый шеф, к сожалению, покинувший сей мир.

1982 год. ПО «Электронмаш», совещание проводит генеральный директор объединения, Апполинарий Фёдорович Незабитовский (он — слева). Далее — генеральный директор ВПО ЭВМсервис, Алексей Алексеевич Сладков — высоких принципов человек, прекрасный системный организатор, честный и несгибаемый, настоящий мужчина; далее — Николай Антонович Сторчак, в ту пору начальник пусконаладочного управления ЭВМ, скрупулёзный в работе и добрый в общении.

*«И многих тех, кто в эти ночи
Пытали думой мир иной,
Давным-давно закрылись очи,
Давным-давно их нет со мной».*

Снимок 1978 года. Спутники моей инженерной молодости, мои коллеги-программисты. В те благоуспешные годы они, сотрудники знаменитого участка №6 Киевского СПНУ ЭВМ, опроверждали вычислительную технику ПО «Электронмаш» по всему Советскому Союзу, разрабатывали для её пользователей, фактически на монопольных началах, прикладное программное обеспечение. И тому была великая перспектива — пока мутные воды потопа перестройки не уничтожили два мощнейших, самодостаточных предприятия.

...Времени мчит поток,
Листья срывая в срок,
Жизни моей истёк
Очередной виток.

Вижу обратный склон
Неумолимых лет,
Мне колокольный звон
Передаёт привет.

Зов погаси, уйми,
Повремени чуток.
Дай мне вернуть на миг
Жизни моей исток.

...Там, на заре пути,
Вдоволь в запасе сил,
Там ещё позади
Нет дорогих могил.

Чёрные кони там
В землю копытом бьют,
Ласточки по утрам
С листьев росинки пьют.

Там, в тишине почив,
Медленно тают дни,
Ярко горят в ночи
Звёзд голубых огни.

Мне б помахать рукой
В детство, через года,
И обрести покой
Сразу и навсегда.

(Игорь Иванецкий)

Снимок 1973 года. Одесский порт, у причала — корабль «Юрий Гагарин», радиоантенны которого обслуживали программы моих друзей, Серёжи Куркина и Саши Побегай.

Снимок 1984 года. Они были первыми — Толя Нечипорук, Женья Серединин, Слава Наумов.

Июнь 1972 года, горный Крым. Программисты КСПНУ ЭВМ на марше. Вторая в строю — организатор похода, Алла Кучерова.

На дальней экскурсии

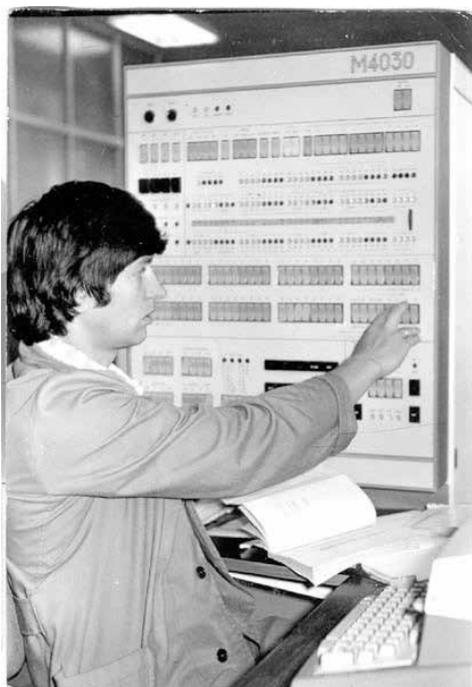
Начало восьмидесятых годов — партсобрание. На переднем плане — Михаил Илларионович Коваленко (как Кутузов), наш неизменный профсоюзный лидер, и директор базы отдыха, Василий Семёнович Пронин («майор Пронин»).

Весна 1976 года. Вместе с Толей Хоменко (он — с лопатой наперевес) я был в числе первостроителей базы отдыха «Родники», возведённой энтузиазмом и трудом сотрудников КСПНУ ЭВМ неподалёку от Богуслава, в прозрачном сосновом бору, на берегу Роси. После перестроечного погрома база, по известным схемам «прихватализации», перешла в частное пользование. *«Без ссылок на войну, на катаклизмы Солнца, богатую страну разграбили до донца».* (Такую оценку происшедшему дал мой бывший киевский коллега, поэт Борис Ольшанецкий, участник строительства базы отдыха).

Конец семидесятых годов. Мой друг, Боря Сидоренко, один из лучших электронщиков КСПНУ ЭВМ «*во вкусе умной старины*» ведёт отладку мощного (по тем временам) вычислительного комплекса М-4030.

«Мой разум твёрд. Крепка моя рука...»

Середина восьмидесятых годов. Наладчики ЭВМ, Толя Ярёмченко и Алексей Мызин (он — в очках) — среди очаровашечек детского дома (во время командировки в Ташкент).

В приснопамятном восьмидесятом году Лёша был в числе отважных специалистов, которые в смертельно опасных условиях Чернобыля обеспечивали надёжную работу вычислительной техники. Погиб от переоблучения.

Лето 1982 года. Программисты участка №6, вдали от мирской суеты расслабляются в уединении с природой на днепровском острове Великий, что под Киевом.

Валерий Белорусов — за аккордеоном, Сергей Соколов рассказывает Саше Побегаю последние командировочные байки. «Принимает на грудь», употребляет водку (пережиток прошлого, настоящего и будущего) Боря Межебовский — *«С каким живым очарованьем пьёт обольстительный обман»*.

1974 год — время стремительного взлёта Киевского производственного объединения «Электронмаш», когда наращивалась его мощная научная и производственная база, внедрялись передовые технологии, создавались кадры классных специалистов.

На снимке: регулировщик вычислительных комплексов Владимир Данилович Осипенко.

Июль 1986 года. Патриарх отечественного программирования, учредитель участка №6 Виталий Дмитриевич Лаппа принимает поздравления по случаю своего пятидесятилетия.

База «Родники»

В середине семидесятых годов двадцатого века, пуско-наладочное управление, в основном за счёт строительных усилий своих сотрудников, возвело на берегу Роси прекрасную базу отдыха «Родники». Сотня обустроенных финских домиков в прозрачном сосновом бору у села Дыбенцы стали местом летнего отдохновения временно свободных от исполнения обязанностей специалистов. На ней они залечивали раны, восстанавливали душевные и телесные силы в успокаивающей тиши лесов, в бодрящих водах быстрой реки, в кругу семьи, друзей и подруг.

С начала своего существования небольшой санаторный посад, в сотне километров от Киева, приобрёл особую притягательность; борьба за двухнедельные путёвки в него начиналась еще зимой, при распределении отпусков на очередной год. Многие предпочитали уютный и достаточно комфортный отдых в привычной, близкой душе обстановке лесостепных пейзажей, хотя было доступным в те годы отпускное времяпрепровождение на крымском или кавказском побережье.

За базой отдыха тянулись обширные лесные массивы, в которых, благодаря особому составу почв, требуемому сочетанию хвойных и лиственных деревьев, количеству выпавших осадков, поднимались россыпи грибов — белых, польских, рыжиков, подберёзовиков, подосиновиков, маслят, сыроежек, груздей, моховиков.

Задолго до рассвета, невидимая пружина выбрасывала в далёкие чащи авангард любителей «тихой» охоты, которые, избегая соседства непереносимых конкурентов, рассыпались по заветным местам. По возвращении удачливые участники вылазки демонстрировали свою добычу или, с трудом скрывая «белую» зависть, переживали успехи более проворных соперников.

Игорь Гнеденко — частый победитель грибных гонок — познакомил меня с редким и очень вкусным, похожим на большой язык, печёночным грибом, но не смог убедить отведать, по его словам, съедобного гриба-зонтичника.

Однажды, возвращаясь с солидными трофеями из дальнего грабового леса, прошли с сыном Сергеем в обязательном победном марше мимо павильона-столовой. Сын гордо нес перед собой под килограмм весом боровик.

Через несколько минут, прервав завтрак, толпа отдыхающих стремительно, в полном молчании полетела в лес. Впереди, подгоняемый возмущённой супругой, бежал директор базы, отставной старшина Пронин в сопровождении сынов и невесток.

Случалось ли вам собирать грибы
В лесу, где тропинки протоптаны лешим?
Где кони тумана встают на дыбы
В проёмах полян и зелёных проплешин?»¹²⁷

Богатая рыбой Рось намертво приковывала к себе любителей старинного забавления, увлекала магией рыбной ловли новичков. Прохладными рассветами, по росе, десятки рыбарей расходились по заранее прикормленным местам, на несколько часов переходили в состояние скрытого экстаза единения души с природой.

Рыбный промысел велся многими приемами, не ограничивался обычной удочкой. Вне конкуренции был мой добрый и надежный приятель Лёня Кириенко — мастер спорта по академической гребле, прежде член сборной Украины. Бесстрашный атлет нырял в речные глубины у плотины, бил из ружья притаившихся в ямах сомов, к восторгу сидевших на берегу детей.

Виктор Иванович Цвик («профессор» Цвик), универсальные знания которого захватывали и рыбалку, обучил меня очень непростой ловле голавля на «перетяжку». Так именовалась пара спиннингов, соединённых единой лесой с поводком посередине — на нём, в качестве наживки, болталась стрекоза.

С «профессором» располагались друг напротив друга, по разные стороны узкой, покрытой валунами реки. Синхронно с направлявшим процесс учителем вращали, туда-сюда, катушки, имитируя полёт стрекозы над водой. Потерявший бдительность голавль выскакивал из воды, бил приманку хвостом, которую Виктор Иванович тут же сбрасывал на воду. Рыба хватала поверженную добычу, «профессор» подсекал и вытаскивал на берег очередного красавца, с чёрной спиной и серебристыми боками.

Впоследствии, просматривая сочинения страстного любителя уженья рыбы Аксакова, сопережил с автором потрясение по случаю сорвавшейся с крючка рыбы, сопоставив его с собственными ощущениями в подобной ситуации.

*«Забыл стариков запрещение не трогать руками за лесу-
Леса порвалась, головль перметнулся и в воду».*

По базарным дням наиболее хозяйственные представители женской части отдыхающих, с первыми петухами выбиралась рейсовым автобусом в районный центр Богуслав. Ехали закупить дешёвых ягод и фруктов, пополнить запасы продуктов, освежиться в общении с продавцами — с быстрыми междометиями и яркими эпитетами.

Летом, особенно к его исходу, заезжий люд мог подивиться роскошеству торговых рядов базара, обилию и доступности даров полей, огородов и садов, молочных продуктов, рыбы и мяса. Здесь можно было насладиться, переходя от торговки к торговке, предваряющими покупку пробами сала — мягкого, тающего во рту, с ароматной (только соломой обожженной!) шкуркой.

Была неповторимая прелесть в видах маленьких украинских городков, где за внешним порядком, аккуратностью и ухоженностью стояла житей-

ская надёжность положения их граждан — спокойная, налаженная жизнь, обеспеченность работой, возможность дать толк и ход потомству.

Провинция в те благоуспешные годы процветала, население её множилося. Никто и помыслить не мог об её оскудении и стремительном сокращении числа жителей, о бегстве трудоспособного люда — с целью выживания — в набухающую от перенаселения столицу-мегаполис.

В оздоравливающей, запахом смолы напоенной атмосфере леса особо хорошо шли спортивные развлечения. Одни играли в бадминтом, волейбол, настольный теннис, шахматы. Другие отдавали предпочтение «литрболду», старинной народной забаве — «метанию галушек». В азартных играх по-взрослому расслаблялись вырвавшиеся на профсоюзный отдых мужики.

Первопоселенцы помнят, как однажды нравственно искалеченный многомесячными командировками инженер-электронщик допоздна, до пустого стакана заигрался в преферанс в компании друзей.

Того не ведая, в тусклом свете освещавшей рекреационную зону ртутной лампы, сбился с пути, забрёл в чужой домик, где (как он впоследствии объяснял супруге) переспал в обнимку с пустовавшей односпальной койкой.

Оказавшееся на пути шатуна помещение занимала одинокая дама, представлявшая администрацию завода ВУМ. Пробудившись под утро, возмутилась непрошеному — хуже татарина — гостю и изгнала его (так она комментировала происшествие любопытствующим).

*Спит Розита и не чует,
Что на ней матрос ночует.
Но пробудится Розита
И прогонит паразита¹²⁸.*

Жена объяснениям шалунишки не поверила, скандал в лесах гремел до отъезда беспокойной пары. Наладчик вернулся на работу с расшатанной нервной системой.

Вечерами, по завершении обязательной дневной программы отдыха — лес, рыбалка, купания, гуляния — население базы собиралось у своих домиков. Шло неторопливое общение, наносились визиты, дети объединялись в игровые группы. Запасливые хозяйки варили варенье, консервировали грибы. Директор Пронин приступал к обязательной, очень его увлекавшей вечерней проповеди по громкоговорителю — «бубукал» о нарушении правил купания, пожарной безопасности, санитарии, призывал к порядку и аккуратности.

Фирменную маркировку базе «Родники» придавали устраиваемые непревзойдённым кулинаром Нилой Соколовой лукулловы пиры, где вкусовая гармония яств удовлетворяла капризы самого взыскательного гурмана.

В приходившийся на середину июля день рождения, под который умилица подгадывала путёвку, на праздничный стол выставлялись, в частности, кровяная колбаса по-княжески, колбаса домашняя, паштет из гусиной печёнки, фаршированная и заливная рыба, особого приготовления салтисон, пирог клюквенный.

Перед открытием сезона, в конце мая, было принято приводить базу отдыха в по-военному образцовый порядок. Первой приезжала команда Володи Осипенко, от участка ремонта электронных узлов, пару недель налаживали радиоточки, бытовую технику.

В последнюю пятницу месяца, после обеда, автобусом переправлялся коллектив участка номер шесть, который до полуночи беспшашно отдыхал, а следующим утром снимал похмельную усталость напряжённым трудом.

В один из таких приездов нас встречал Боря Шубинский. Уже имея путёвку на первый «заезд», он продлил удовольствие — загодя приехал с сыном и жил с ним в палатке, на лужайке за ручьём.

В лесу раздавался кларнет тракториста. Возмущённый затянувшимся дождем, Боря «костерил» небесную канцелярию за испорченный отдых. Изменение одной буквы в строке Пушкина точно отразило увиденную картину: «*Боря мглюю небо кроет*».

Борис Иосифович, натура кипучая и безусловная, отставной солдат, занимал видное положение в системе гражданской обороны управления. Во время полномасштабных учений возглавлял службу охраны общественного порядка, что подтверждала нарукавная повязка с сокращённой надписью: «ООП».

Умилившись увиденным, к оппортунисту подошел Миша Ходарковский и со смыслом пожал руку. (ООП на языке политической аббревиатуры означает — Организация освобождения Палестины).

Из-за непогоды долго не могли разжечь костер. Выручил бывший с нами инженер по технике безопасности, отставной полковник Иван Андреевич Крамаренко, проявивший сметливость в стиле хитроумных запорожских козаков (те варили кулиш в деревянных котелках, предварительно помещая в них раскалённые докрасна камни).

Опытный воин положил в тлеющий костер массивный булыжник, метнул в тнего издали бутылку с соляжкой («коктейль Молотова»). Над окрестностями повалили клубы дыма, как от подбитого танка.

После взятия Берлина, капитан Крамаренко с группой истосковавшихся по изысканной женской ласке однополчан «двинули» на джете на Париж. Перед въездом в город наткнулись на предусмотрительно выставленный комендантской службой патруль, который разворачивал всех рвавшихся во французскую столицу бравых русских.

Компания расположилась на высокой и широкой дамбе, насыпанной над заключённым в трубу ручьем. Сидели на нескольких длинных брёвнах. Погода наладилась, ветер разогнал тучи, светила луна. Угли удались — в их жару шашлыки из свиного ошейка быстро дозревали.

Дружно рыдали Алла Кучерова и Люда Авраменко — «*Ты у меня одна, словно в стети сосна*». Когда прозвучало роковое — «*Можешь совсем уйти, только свети, свети*», — краем глаза зафиксировал согревшую сердце картину.

Со стороны базы, по склону, в нашу сторону перемещались, поддерживая друг друга с трогательной заботливостью ненормативных любовников, Олег

Михайлов (начальник планово-экономического отдела, гарант стабильности премиального фонда управления) и Марик Кругляк (программист, специалист по компьютерной обработке аэрокосмических изображений).

Я подвинулся, уступая место приближавшейся паре, затем отвлекся на раздачу шампуров с готовой продукцией. Хотел было вручить шашлыки гулякам, но не обнаружил их — горизонт был чист.

Через некоторое время услышал шорох, сопение. Обернувшись, обнаружил рядом с собой две мужские фигуры. Внимательно присмотревшись, понял, что Олег и Марик, в конце концов добрались до цели. Событьишники, с ног до головы покрытые толстым и плотным слоем глины, сидели тихо, лица их — сквозь грязевые маски — изливали благостность и наступившую трезвость.

Дошёл смысл происшествия. По дороге, ходоки сбились с курса, промахнулись и скатились в ручей, долго выбирались наверх по рыхлой от прошедшего дождя насыпи. В растекавшихся от костра жарких потоках воздуха глина на частях тела друзей затвердевала, превращая их в керамические элементы будущей садово-парковой скульптурной композиции.

Возглавивший спасательную операцию Дима Понировский быстренько принес пару ведер воды. Страдальцев обмыли, прогрели внутренним компрессом, просушили и накормили. Посиделки удались чрезмерно, но на субботник вышли не все.

Много лет спустя дела привели меня в эти края, в места, неподалёку от которых некогда размещалась наша знаменитая база отдыха. Стоя на опушке выходящего на крутой берег леса, припомнил тот особого комизма случай, ту пульсирующую боль в животе, которую испытал, дергаясь — вместе с другими участниками гуляния — в истерическом хохоте у догорающего костра.

Был май, в воздухе гудели хрущи, внизу — среди красного гранита скал — бурлила неумная Рось, река особой значимости и загадочности.

С Росью связано формирование славяно-русской народности, зарождение его государственности. Здесь издревле размещался главный культурный центр «Русской земли», название которой возникло не без связи с названием этой быстрой реки.

Рось стала естественной границей Киевской Руси, левый берег которой государственник Ярослав Мудрый обустроил «острожками», городами (Корсунь, Богуслав, Юрьев — ныне Белая Церковь — был назван христианским именем великого князя). В них он подселил к коренным жителям Поросья («порошанам») приведенных из удачного похода пленных поляков.

Киевские князья продолжили эту практику — приводя к покорности очередных воинственных степняков (печенегов, торков, берендеев), они давали им «города и вежи» по течению Роси для несения пограничной службы. Эта смесь «племен, наречий, состояний», эти отдаленные предшественники приднепровских козаков (или — черкасов) были основной силой, сдерживающей атаки неукротимого врага — половцев. Их, увы, использовали князья в ослабляющих Русь внутренних междоусобицах — разборках.

Был жестоким ход истории. Как пишет историк Соловьев, «Форсирован Днепр у южных границ Руси, монголы прошли «облавой» от Поросья до Кие-

ва». Надолго (до появления литовцев, затем — польских магнатов) запустели эти края, но законы генетики сохранили след тюрко-язычных предков в потомках, в «карих очах, чорних бровах» жителей современной Украины.

Фам фаталь

Любит наш брат потешить свое «его» кажущимся знанием природы женщины, её психологии, логики поступков, тонкостей чувствования. Не обошла и меня эта мужская страстишка. Много накопила память в своих закромах сведений, наблюдений, оценок — полушутливых, полусерьёзных, но всегда почтительных — касательно теории и практики женского вопроса.

Как учит теория «либидо» Зигмунда Фрейда, возрастные пробуждения мужской чувственности вызывают непрерывные выбросы энергии продолжения рода человеческого, порождает всепоглощающую магму восторга мужчины перед обожаемой женщиной. Взаимная пылкость, первая и искренняя, не всегда образует брачную пару, но оставляет рыцарю на память, на всю оставшуюся жизнь, сравнительные воспоминания о единственной и неповторимой.

Среди миров, в сиянии светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Её любил,
А потому, что я томлюсь с другими¹²⁹.

Как утверждает суровая практика, с переходом женщины в следующий за молодостью возрастной период встречная активность партнёра заметно снижается — яркую поэзию отношений сменяет строгая проза, аналитическая беллетристика. Не одну полосу препятствий, выстроенных взыскательной мужской требовательностью, доводится преодолевать женщине на пути к интимной успешности.

У женщины в глазах с годами меркнет пламя.
Ложится на виски слепой узор морщин;
Скрывают женщины свой возраст, но с годами
Все толще слой румян, все строже взгляд мужчин¹³⁰.

Как свидетельствует многовековой опыт, мужчины превращаются в скептиков и циников, когда заходит речь о женских возможностях на уровне общественной, служебной, научной деятельности — большинство сильного пола допускает эффективность пола слабого только в решении проблем быта, в делах семьи.

Смотрите-ка, за что мы ценим жен.
Зачем нужна нам красота и грация?
Лишь для того, чтоб умножалась нация³².

Женский ум лучше всяких дум. Полтора десятка лет проработал в большом научно-производственном коллективе и могу засвидетельствовать, что имевшие численное преимущество «дщери Евины» в тонком и деликатном ремесле программирования ни в чём не уступали «сынам Адамовым». Были они точны и аккуратны в простейших процедурах программирования и подготовки текстов, проявляли высокий уровень знаний в решении сложных системных задач.

«Синих чулков» не водилось, женщины-специалисты неизменно оставались, прежде всего, представителями нежного пола, с им присущими достоинствами и особой силы оружием — слабостями.

Эмма Ивановна Пинская к непростой дисциплине программирования приступила в начале семидесятых годов, на заре эпохи автоматизации, когда нехватка специалистов побуждала *«людей длинной воли»* реализовывать данный природой потенциал в только формировавшейся отрасли знаний, порой резко переквалифицируясь.

Отважная леди совершила особой крутизны взлет в сферу высоких технологий с изысканных равнин моделирования верхней женской одежды. На коренную профессию постоянно указывало совершенство линий туалетов новообращённой, которые она собственноручно проектировала и шила, а также неукоснительное соблюдение в новой специальности золотого правила «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Вкус в подборе нарядов дополняла элегантностью манер, а бесспорные математические способности сочетала с редкой для дамского сословия сдержанностью в речах, чем высоко поднимала свою умственную планку в глазах мужчин.

Она имела ум математический
Держалась величаво до жеманности.
Шутила редко, но всегда аттически...³²

Выдающимися внешними данными не обладала, но была *«чертовски мила»*¹⁷⁰. Умела подать себя окружающим. Длинный коридор управления превращался в подиум, когда по нему шествовала топ-модель от участка номер шесть, — нервничали женщины, пресекалось дыхание у теснившихся вдоль стен мужчин.

Научение Эммы новой профессии вёл лично мэтр Паранский, яркий представитель романтического крыла теории и практики программирования. С энтузиазмом взялся за дело, поставив целью показать эффективность своей методики быстрой подготовки специалистов.

Рассеянный мыслитель, он часто отвлекался от уроков, надолго уходил в себя, возвращался со свежими идеями и замыслами. Их затем реализовывала самобытная ученица в рамках договора с московским научно-исследовательским институтом гигиены детей и подростков. Заведующий лабораторией этого учреждения, холостой и видный Валерий Кобеляцкий высоко ценил произведения мастерицы, обожал её — равно как и достойно замыкавший классический и равносторонний треугольник супруг по имени Эмик.

Ведь ежели любовник неженатый,
То меньше грех и меньше риск расплаты³².

Долгое время солидные и платежеспособные московские организации — закрытые оборонные предприятия (так называемые почтовые ящики), ведущие институты, крупные заводы — были потребителями программной продукции. Их денежные вливания в казну управления не только давали нескучную зарплату исполнителям заказов, но позволяли также содержать элитную часть специалистов, занятых перспективными разработками.

Постоянной компонентой такого резерва, золотовалютным запасом участка номер шесть, со временем, стали титаны и профессиональные математики Ходарковский и Побегай. Отвлекаясь от суеты сиюминутных проблем, герои переводили в машинные коды драгоценные россыпи фундаментальных находок, служили генетическим фондом принципиальных постулатов программирования.

Компанию им составлял многоопытный, рассужий и добропамятный Леонид Исаакович Пальма. Обладатель благозрочной внешности (пышная борода, вдохновенно-вздохмаченная шевелюра, аристократическая тонзура на макушке) признавался великим докой в искусстве интеллектуальной начинки компьютеров. Многими их языками владел, немало толковых записей оставил на скрижалях завета.

Отличался внешней сдержанностью и осторожностью в принятии решений; иногда ярился, но быстро остывал. Был афористичен, ревниво охранял своё достоинство в глазах окружающих.

Не отказывался от житейских утех. Под настроение и заработок мог посетить ресторан «Прага», что на Арбате, выкушать хрустящего рябчика в соусе белой калины в сочетании с бутылочкой божественного «Божоле».

Он был законченным, отменным
От головы до пяток джентльменом³².

Уважаемый патриарх вел большую селекционную работу, выискивая в стремительно разрастающейся среде пользователей вычислительной техникой не просто жаждущих автоматизации и надёжных в платежах, но и отвечавших его предпочтениям и характеру сибарита. В результате такого искательства учинил союз с филиалом ленинградского физико-технического института, располагавшегося в благословенном городе Сухуми. Последовали годы тяжкого труда — в холодные погоды программы ладились в Киеве, в курортный сезон трудящиеся перелетали к морю.

Избыток командировочных средств позволил выстроить систему посещений черноморского побережья всеми, того заслуживающими сотрудниками участка. Заработал дополнительный механизм поощрений, пресеклись досужие и завистливые домыслы, утвердилась особая благость отношений в коллективе.

К моменту открытия кавказской кампании, Эмма Ивановна, несмотря на увольнение первого учителя, успешно завершила договорные обязатель-

ства со столичным институтом, получила аттестатскую похвалу, приобрела солидный авторитет. Сам главный инженер и ценитель изящного, Альберт Самсонович Оганесян находил время в тиши кабинета поворковать с милой наядой об актуальных концепциях и перспективах информатизации общества.

При подобных обстоятельствах перемена климата, перемещение «с *милого севера в сторону южную*» было естественным карьерным шагом на пути быстро прогрессирующего специалиста. Правда, попасть в команду разработчиков для броска на юг было непросто — в верхних слоях программистского сообщества шла жесткая борьба за каждое свободное место; зубр Пальма не допускал легкомыслия в затеянном деле.

«Фам фаталь» двинулась вне очереди, по-женски основательно взялась за командора. Грех сладок, а человек падок. Леонид, обычно относившийся к коллегам-женщинам с ироничной снисходительностью, пытался сопротивляться, но тонкая лесть и многозначительные намёки роковой Эммы смяли нестройные защитные построения.

И каждое движение, каждый взгляд —
Залог неописуемых услад³².

Сдерживающий мужской скептицизм испарился, вакансия открылась, договорились о совместном вылете в абхазскую столицу для ознакомления с фронтом работ.

Смотрины не удались. Уже в аэропорту убытия — Борисполе — под воздействием силы тяжести набитого нарядом баула спутницы с глаз обходительного кавалера спала пелена абстрактных надежд. Самолюбие его было окончательно уязвлено сделанным в аэропорту прибытия открытием, что основной весовой составляющей ноши был модернизированный чугунный уют.

Оценив проявившуюся перспективу служить вспомогательной оснасткой на деловом пути коварной соблазнительницы, Лёня ударил по тормозам. Знакомя её на объекте посещения с проблемами автоматизации, многократно усложнил содержание и предельно затуманил смысл технического задания.

В добавление к этому, Эмме Ивановне — натуре тонкой, требующей аккуратного и обстоятельного обожания, — пришлось не по душе свирепо-жадные взгляды и кипящая страсть в комплиментах кавказских джигитов. В итоге, по сочетанию производственных и личных причин отказалась от заманчивого варианта, по возвращению из командировки предпочла ему выверенное личным опытом московское направление.

Её дружеские отношения с Леонидом Исаакович стали ещё более деликатными и устойчивыми.

Ведь вредно только страсти состоянье
Для нежной дружбы. Повторяю вновь,
Что женщина как друг всего вернее,
Лишь не ищи любовной связи с нею³².

Мой друг Пономарёв

В тот год казахская весна припозднилась — весь март лежал нетронутым снеговой наст в солончаках; дольше обычного, до конца апреля, дул упругий, злой «бискунак», занёсший песком и пылью стартовый комплекс у озера Балхаш. Лишь в первой декаде мая, когда распустились дикие тюльпаны (невысокие, пышные, с колкими лепестками), состоялось испытание изделия — крылатая ракета, оставляя в вечернем небе огненный след, взлетела на заданную высоту, перешла в горизонтальный полёт и в мгновение ока исчезла за горизонтом.

За коротким, необычайно красочным зрелищем ракетного пуска наблюдали три киевлянки — молодые, одна другой симпатичней — Алла Кучерова, Люда Авраменко, Вера Усачёва. Чувство заслуженной гордости наполняло интеллектуальное трио — их уму, их труду был обязан появлением на свет пакет программ, позволявший вычислительному комплексу (тоже из Киева!) перерабатывать огромный поток телеметрических данных с борта испытываемой ракеты, давать скорую оценку функционирования её бортовых систем.

Успех отметили. Вера, от имени киевской группы, украсила по-мужски скудный закусками стол особого засола чёрными груздочками, секрет приготовления которых (с непременно предварительным вымачиванием!), при переезде в Киев, привезла из глубин России. Люда посекала на притягательные порции сало и «подчерёвину» родительского приготовления.

Слава Пономарёв — представитель генерального заказчика-изготовителя, конструкторского бюро «Факел» (что в подмосковных Химках) — для начала провозгласил традиционную аллилуйю: «За любовь и удачу!». Миша Кудинов — земляк моего отца (деревня Осколково Брянской области), ведущий специалист опытно-конструкторского бюро при Московском энергетическом институте — произнёс коронный тост (или антитост!?) ракетчиков: «Против тех, кто всегда прав!». Рязанские ребята, из радиотехнического института, Гена Туманов и Виктор Зинин продолжили праздник обязательным рыцарским: «За милых женщин!».

Когда компания, переключившись на песни, потеряла бдительность, Алла, от рождения страдавшая комплексом «чистого стола», моментально смахнула с тарелок чуть тронутую закуску, опорожнила — приняв за воду драгоценную влагу — стаканы, перемыла всю посуду.

Была пора: наш праздник молодой
Сиял, шумел и розами венчался,
И с песнями бокалов звон мешался
И тесною сидели мы толпой¹³².

Описанные события происходили в начале восьмидесятых годов, когда — для решения важнейшей оборонной задачи, по предложению Военно-промышленной комиссии (ВПК) включённой в постановление правительства, — устроился альянс-симбиоз четырёх организаций Советского Союза (кстати, некоторые из его участников впоследствии были удостоены Государственной премии).

Ключевой фигурой, организатором и вдохновителем успешного союза был удивительный и неповторимый Владислав Иванович Пономарёв. Его энергии, целеустремлённости, преданности инженерному делу создания новых ракетных систем было обязано быстрое развитие средств автоматизации их испытаний (на земле и в воздухе).

Его редкие качества организатора и координатора обеспечили создание мощной интеллектуальной группировки; его высокие человеческие достоинства — удивительная доброта, чувство юмора, бескорыстие, щедрость, обязательность, выдержанность, сердечность, умение слушать и понимать — сделала из разностильных участников научно-технического прорыва команду единомышленников, бесконфликтную и исполнительную.

Появившись в конце семидесятых годов в Киевском объединении «Электронмаш», где заказывал партию компьютеров, Слава забрёл в наши палестины на третьем этаже технического училища; там очаровал женщин своей неповторимой улыбкой, а руководство шестого участка (меня, тогда работавшего в Болгарии, замещал Серёжа Куркин) — перспективной разработкой и неограниченными финансовыми возможностями.

После подписания — на многие лета! — наиважнейшего в истории нашей фирмы контракта, Химки и берега озера Балхаш стали меккой для специалистов пуско-наладочного управления. В конструкторском бюро академика (небожителя!) Грушина они, по мере разработок и накопления компьютерных программ, проводили обработку результатов наземных («стендовых») испытаний; на казахстанском полигоне, на его шестой площадке («шестёрке») всё повторялось в итоговых лётных испытаниях.

Заботливый Пономарёв, в условиях острого дефицита гостиничных мест, обеспечил обязательное поселение всех командированных гостей в пансионате «Маяк», располагавшемся на берегу Химкинского водохранилища. Со временем, силами молодых специалистов, устроил русскую баню в подвале общежития, где ассы программирования и электроники выгоняли берёзовыми и дубовыми вениками шлаки, попавшие в их тела после непростых и утомительных пуско-наладочных работ.

Во благо развития научно-технической кооперации, как руководитель особой значимости лаборатории, Владислав Иванович убедил руководство в необходимости заменить — при проведении профилактических работ — спирт-ректификат на пшеничный, обязательный для протирки оптики.

Пшеничный спирт стал фирменной меткой в долгодетных договорных и дружеских отношениях с командармом Пономарёвым, вытеснив из наших застойных производственных посиделок оригинальные водку и коньяк.

Однажды, в скором поезде №2 «Москва-Киев», на отрезке пути до станции Брянск, Славик на практике убедил в достоинствах коронного напитка (мягкость и регулируемая крепость!) артиста Московского театра сатиры Козела. Встречая друга на перроне, убедился в его твёрдой ходе и прозрачности мысли, тогда как заслуженного лицедея из вагона вывели под локотки киевские товарищи по артистическому цеху.

На лётные испытания ракет его участники вылетали из подмосковного военного аэродрома, преимущественной весной, на рассвете (иногда залетали в Киев, забрать оборудование). Непредсказуемая степная погода не раз, порой надолго, сдвигала время старта. Долгое бездействие, усиленные профилактические работы, требовавшие протирки контактов электронных устройств и деликатной оптики, истощали казённые запасы. Предприимчивый Лёша Мызин выправил положение: собрал простой, но надёжный перегонный аппарат, из покупаемого в «Военторге» сахара выгонял — в два прохода — прекрасный напиток.

Мызина — замечательного (от Бога!) специалиста, безотказного и надёжного человека, гитариста и преферансиста — высмотрел в коридорах пуско-наладочного управления прозорливый Пономарёв, после чего, за солидные отступные фирме, включил в состав своей группировки.

Однажды его — длинного, худого, «в блюдечках очках спасательных кругов», взлохмаченного, в джинсах и кедах — остановил полигонный генерал и потребовал предъявить паспорт. Алексей с трудом вытащил вчетверо сложенный документ из тугого заднего кармана.

Взбешённый «женераль» вызвал Пономарёва для объяснений — почему на секретный объект попала подозрительная личность. Слава сказал — как отрезал, — что от этой личности зависит успех предстоящих работ.

Добрый десяток лет — до приснопамятной перестройки — коллектив киевских программистов, имевший всесоюзного резонанса звучание под именем «участок номер шесть», успешно работал с предприятиями оборонно-промышленного комплекса (министерств авиационной промышленности, среднего машиностроения). Сотрудничество это, под зонтиком мощнейшего объединения «Электронмаш», лишней раз подчёркивало значимость Киева как кибернетического центра — научного и производственного — страны; оно питало творческий рост математиков, программистов, специалистов по электронике, давало им уверенность — профессиональную и бытовую — в будущем.

Тесное взаимодействие с оборонными организациями, помимо решения ставившихся задач, дало возможность, за счёт стабильного финансирования, выполнить ряд унифицированных разработок более широкого использования для нужд Киева. В частности, первые опыты компьютеризации школ, государственных учреждений, относящиеся к началу восьмидесятых годов, выполнялись на программных средствах, разработанных шестым участком за счёт ведомства Пономарёва; им же были оплачены и технические средства для компьютерных классов.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя...²⁰

Замечательным человеком, рыцарем без страха и упрёка был мой друг Пономарёв, лучший из лучших представителей особой корпорации тружеников закрытых предприятий — мужественных и благородных людей дальнего ума, высоких принципов, живших по совести, имевших твёрдое представление о чести и достоинстве, верой и правдой служивших Отечеству.

Ему они отдавали свой труд, здоровье и тогда, когда правители страны — пара холуёв! — разваливали оборонный комплекс, прекращали важнейшие работы, снимали с защиты рубежей новейшие системы вооружений (когда, идя навстречу пожеланиям американского госдепартамента, списали с государственного баланса инженерное чудо — передвижной ракетный комплекс «Ока-3», только разработанный в Рязани).

До последнего вздоха продолжал служить Отечеству Владислав Иванович Пономарёв, принявший, в возникшей критической ситуации полигонных испытаний, ответственное решение, стоившее ему жизни.

Он ушёл, но остался — *«среди святых воспоминаний»*¹³⁸, связывающих меня с дорогим прошлым, с изумительными людьми, которых нет на этом свете, но которые живут в моём сердце. Постоянно думаю о дорогом Славике, не могу простить себе, что в скорбном октябре 1992 года не приехал в Химки, чтобы сказать другу последнее «С Богом!».

На древе человеческом высоком
Ты лучшим был его листом,
Воспитанным его чистейшим соком,
Развит чистейшим солнечным лучом¹³³.

Владимир Иванович Кононов

Душным июльским вечером семьдесят девятого года посетители киевского гидропарка могли наблюдать сюжет, достойный кисти Айвазовского.

Мчавшийся по днепровской протоке прогулочный катер, с лыжником на буксире, крутым виражом выписывал спасительную параболу, уходя от лобового столкновения с выплывавшей из Десёнки баржей.

Красоту исполненного манёвра омрачила невнимательность любителя воднолыжных забав, нарушившего инструкцию, которая обязывала его в критической ситуации сделать рывок к берегу и бросить буксировочный трос. Под истерические выкрики и отчаянную жестикуляцию пассажиров катера азарт-

ный спортсмен вычертил поперечный бурун перед носом им не замеченной посудины и лёг на обратный курс.

Продемонстрировав красивым финишем немеркнувшие достоинства настоящего гусара, подполковник запаса Кононов — кандидат технических наук, специалист в области качества аэрофотосистем — гордым нептуном вышел из речных вод.

Полуобморочное состояние оцепеневшего от ужаса рулевого сделала для куражистого гонщика водную прогулку первой и последней, но не омрачила торжества победы — выгнулась грудь, втянулся живот, сверкали восторгом глаза.

Позабыло сердце, позабыло
Многое, что некогда любило
Только тех, кого уж больше нет,
Сохранился незабвенный след¹³⁴.

Старший друг моей души, Владимир Иванович Кононов, относился к чрезвычайно тонкой прослойке граждан, сочетавших основательные научные знания, широту и глубину эрудиции с достоинствами чисто человеческими — активной добротой, отзывчивостью, уважительностью и деликатностью в отношениях. Производил изумительное впечатление гармоничного человека, без позёрства и комплексов, высокого душевного благородства и тонкой интеллектуальности. Был истым интеллигентом, солью земли, квинтэссенцией рода человеческого.

Получил блестящее техническое образование в Академии имени Жуковского, куда поступил в начале пятидесятых годов.

Теорию вероятностей и математическую статистику преподавала знаменитая Елена Вентцель. По её учебникам училось (и учится!) не одно поколение студентов.

На одной из лекций, которую прилежно конспектировал курсант Кононов, уважаемый преподаватель со словами: «А эту формулу мы похерим!» перечеркнула мелом на доске неудачное математическое выражение.

Слушатели дружно хихикнули. Лектор бесстрастно пояснила, что согласная буква «х» в русской азбуке именуется как «хер». По этой причине, слово «похерить» означает «перечеркнуть крест-накрест».

«А в каком смысле вы поняли мои слова?» — обратилась Вентцель к аудитории.

К завершению воинской службы, Владимир Иванович был известным специалистом, автором нескольких десятков публикаций, имел немало учеников, готовил к изданию книгу. Стечение обстоятельств, приведшее в артель программистов только набравшего авторитета учёного, предоставило ему прекрасную возможность быстрой экспериментальной проверки разработанных математических методов.

В подмогу ему была придана элитная боевая единица, лучший боевой слон когорты программистов Надежда Семёновна Пионтковская. Индивиду-

алист по натуре и воспитанию (дочь академических родителей), Надин привыкла к самостоятельным решениям, к коллективному творчеству испытывала неприязнь.

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лёд и пламень⁷².

Была аккуратной, щепетильной до мелочности, что шло на пользу делу — разработки её были безукоризненны, с первой подачи принимались заказчиками под гипнотически твёрдым взглядом «стальной леди».

К мужчинам высокая, кареглазая красавица относилась с опаской, по половому признаку их не воспринимала — оценивала только профессиональные достоинства. Увлекалась рыбалкой, прилично играла в настольный теннис.

Она настолько нравственной была,
И к слову искушенья непреклонной,
Что ангела-хранителя могла
Освободить от службы гарнизонной³².

Дуэт работал слаженно, но чувствительность и тонкую политичность Владимира Ивановича, в итоге, подмял беспощадный ригоризм напарницы. Пару развели — с мягкой и рассудительной Леной Романенко проблем не было.

Между высокими достоинствами и извинительными слабостями чтимого коллеги располагался ряд его симпатичных качеств — в первую очередь неуёмное стремление ни в чем не отставать от более молодых сотрудников.

После удачной «вылазки» на водных лыжах, наступил черёд лыж горных. Толя Тындик, фанатичный поклонник престижного вида спорта, ранней весной затащил на карпатскую гору новопроизведённого слаломиста. Бесстрашный ассистент Грибанов, в линялом трико, на лыжах с разболтанными креплениями, продемонстрировал технику скоростного спуска.

Молодцеватый Владимир Иванович — в элегантной экипировке! — встал на фирменные лыжи, неосторожно повернулся и с винтообразным переломом большой берцовой кости был переправлен в киевский окружной госпиталь.

В больничной палате, во время посещений недвижимого страдальца, выслушал от него немало интересных сообщений, аналитических докладов, проникновенных монологов. Узнал, в частности, о нюансах Брусиловского прорыва в первую мировую войну, об истории создания и составе знаменитых духов «Шанель №5», услышал редкие факты из истории Киева начала века и многое, многое другое. Любил поизяществовать в речах друг наш ситный.

Было в его характере особо умилявшее меня свойство, присущее людям большого ума и доброго сердца — умение искренне радоваться чужой удаче, по-детски страстное желание (оно буквально полыхало за линзами его окуляров!) получить похвалу за доброе дело, своевременную подсказку или помощь.

Проявление этого достоинства в полной мере ощутил в первые дни нашего знакомства, когда был им представлен Георгию Львовичу Гимельфарбу, по

случаю низкого темпа и слабого качества подготовки диссертационной работы. Встреча эта дала мне высокоумного научного руководителя, вылепившего из меня кандидата технических наук.

Все позитивные эпитеты, щедро мной израсходованные на Владимира Ивановича, могут быть — с усилением! — приложены к его младшему другу, которого он нежно-уважительно называл «Гарик». До сих пор ярким пятном стоит перед глазами лицо организатора встречи, лучащееся восторгом от им сотворенного чуда и немим призывом ко мне разделить обожание выдающейся личности.

Учёный мирового уровня (мнение специалистов!), пионер методов компьютерной обработки изображений, универсальный математик. Тонкий знаток и ценитель литературы, искусства, театра, русской культуры. Великий эрудит, библиофил, владелец роскошной библиотеки.

Кто помнит особенности эпохи, тот знает, насколько трудно было выстроить в Киеве капитальное сооружение. Выполненные Георгием Львовичем разработки тюменские нефтяники оценили «лимитами» и «фондами», благодаря которым институт кибернетики возвёл монументальный учебный центр (правда, без мемориальной доски «первопричине»).

«Гаснут во времени, тонут в пространстве» события, лица, жанровые эпизоды беспокойной молодости. Разлетелись по миру, исчезли из поля зрения многие соучастники давних событий, славных дел. Ломка жизненных устоев, беспорядочная суета выживания нарушила налаженные связи, приятельские отношения. Сожалею глубоко, что в последние годы редко виделся с духовно близким мне человеком, что лишил себя бездумно радости общения с ним.

Одна из последних встреч состоялась тёплым майским днем, неподалеку от Крещатика, за гостиницей «Москва», где галантный супруг Кононов купил любимой Тамиле букетик фиалок. Сцена эта была красивой и романтической, как и отношения милой пары, счастливо длившиеся более двух десятков лет.

Он награжден каким-то вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил,
И вся земля была ему наследством,
А он ее со всеми разделил¹³⁵.

Чудотворец Грибанов

Демократической особенностью организационно-производственного устройства шестого участка была возможность без верховного планирования и целевых указаний формировать тематику и направление работ. Свобода выбора пробуждала пылливость, возбуждала интеллект у предприимчивых специалистов, понуждала их к поиску достойный партнёров.

К таковым, в первую очередь, относились предприятия военно-промышленного комплекса, договорные отношения с которыми предполагали длительность и постоянство, обеспечивались практически неограниченным финансированием. В этом Клондайке открыл и начал разрабатывать его богатейший прииск — предприятие почтовый ящик Г-4149 — мастер глубинного бурения, легендарный Олег Николаевич Грибанов.

Освоенное им учреждение занимало ведущее место в техническом оснащении и автоматизации космических исследований Советского Союза, имело в своём распоряжении оборудованные громадными палубными антеннами корабли экспедиционного флота. Плавающие центры выходили в Атлантику для обеспечения связи с пилотируемыми космическими аппаратами, когда те оказывались вне зоны радиовидимости наземных центров (в Крыму, в Сибири, на Камчатке).

На одно из этих суден — «Космонавт Юрий Гагарин» — в конце семьдесят второго года был командирован Олег для передачи в эксплуатацию офицерскому составу электронно-вычислительного комплекса «Днепр — 1».

Впрочем, Олег Николаевич не был пионером заграничных командировок в нашем коллективе. Таковым являлся Толя Хоменко, побывавший на Кубе в октябре шестьдесят второго года, где он обслуживал ракетный комплекс.

На шестом участке обслуживал — очень ответственно и качественно — технологический вычислительный комплекс, вместе со всегда милой Аллой Чайкой и «фанатом» киевского «Динамо» Володей Искрой.

Прекрасное знание материальной части позволило Олегу Николаевичу успешно выполнить задание, а внешние достоинства — молчаливость, скромность, несуетливость — вызвали особый пиетет со стороны общавшихся с ним членов экипажа.

Уважительность переросла в почитание, после того как в экстремальных ситуациях дальнего плавания киевскому специалисту пришлось принять решения и совершить поступки, оценённые наблюдателями как чудо и подвиг.

В том первом испытательном выходе на океанические просторы случилась беда — из-за длительного ожидания старта ракеты-носителя, на корабле иссякли запасы спирта, предназначенные для протирки контактов электронных систем. По этой причине, к выходу космической станции на околоземную орбиту представители промышленности, младший офицерский состав были глубоко поражены вирусом безверия и апатии.

Обратились к предусмотрительному Олегу. Увы, истощились и его закрома, но хладнокровный посланец украинской земли дал слово отчаявшейся депутации что-то придумать. *С млада был крепок в слове* — обещаниями не разбрасывался, затеянное дело всегда доводил до успешного финиша

У камбуза приметил загруженные на борт в африканском порту контейнеры с ананасами, подгнившими и забродившими. Кому гнило, а нам мило. Из подручных средств, вдумчивый рационализатор смонтировал агрегат с испарителем, змеевиком и отстойником, в течение нескольких дней перегнал духмяную брагу в высококачественный самогон.

Корабельные системы заработали в штатном режиме, рабочая атмосфера стала феерически праздничной. Олежка — человек щедрый, отзывчивый на человеческую боль — всех приходящих к нему утешал, слабеющим силы придал, в печальных высекал веселье.

Стала великой слава спасителя, весть о сотворенном чуде перелетела над волнами на другие корабли экспедиционного флота. Чудотворцем восхищались, его слово зазвучало пунктом корабельного устава — как не подлежащее обсуждению решение высшей инстанции.

Талантами от всех он отличался
И гордо голову носил;
А это уваженье вызывало —
А с уваженьем дружба возникала³².

Следующим громким поступком Олега было полное подавление, подчинение и публичное унижение представителя особого отдела. Молодой и очень паскудный старший лейтенант («старлей»), как вампир, пил кровь у членов экипажа. Следил за идеологической зрелостью поднадзорных, контролировал их речи и поступки, соблюдение норм нравственности. Тирана внутренне проклинали, презирали и боялись все, но только не Олег Николаевич.

По завершении обслуживания космического полёта корабль зашёл в Монтевидео, пополнить запасы продовольствия и горючего. Во время выгула «на поводке» особиста по знойной уругвайской столице томимый жаждой Олег оторвался от основной группы и направился к замеченному им пивному бару.

На пути его стал поводырь и стальным голосом объявил, что посещение зланных мест запрещено инструкцией. Лицемер, кстати, во время спиртового кризиса тайно посещал Олега, искал его дружбы. Дружба дружбой, а спецслужба спецслужбой — видя непокорство штатского анархиста, пообещал ему безусловный служака отправить наверх рапорт о проступке.

Слаб человек, а во хмелю карьеры
Себялюбив становится порой,
И сердце покрывается корой³².

В ответ миролюбивый Олег произнёс знаменитую филиппику, в которой перлы московского жаргона изящно оттенил киевским фрикативным «г». Фрагменты её дошли до наших дней, превратились в афоризмы. Первым делом любимец экипажа отметил необходимость уважать опыт и возраст: «Не бурей на старших, сынок, и не мумукай! Учти, когда твой ванька-встанька был с горошину, я уже встречался с женщинами по-хорошему».

Расписав детально местоположение неразумного выдумщика в подлунном мире, завершающим аккордом Олежка растер его в космическую пыль: «Ты, говорят, в академию собираешься поступать, а я «по жизни» уже их пару окончил, читать и грамотно писать умею. Когда вернёмся в Москву, такую «телегу» на тебя накачу, что мало не покажется — забудешь навсегда и про академию, и про заграникомандировки».

В тот день неустрашимый Грибанов расслабился основательно и до последнего песа. И пока он наслаждался холодным пенным напитком, его покой и безопасность у дверей питейного заведения охраняло недремлющее «государево око».

А ведь был детина ряжий,
Рослый человек...¹³⁶

Москва высоко оценила ответственность, выверенность поступков, исполнительскую дисциплину Олега Николаевича — качества очень ценимые в оборонном ведомстве, где нарушение планов работ подчас смерти подобно. С завершением атлантической одиссеи пуско-наладочному управлению, в лице его авангардного представителя, был предложен долгосрочный пакт участия в ряде разделов космической тематики.

Овеянный солёными ветрами победы, флибустьер Грибанов твёрдо стал на московскую землю. В закрытом ведомстве занял место неформального управителя денежных потоков в сторону Киева и обратного перемещения разработок в столицу, ко взаимной пользе и удовольствию сторон.

Привлёк к серьёзному делу целеустремлённого, талантливого Женю Серединина, вместе укомплектовали мощную команду специалистов по стыковкам (комплексированию) электронных узлов.

Однажды, в канун сдачи межведомственной комиссии части «блока имитации борта» (аббревиатура — БИМБО), выполненного киевлянами в рамках темы «Марс — 79», жестокий грипп свалил Евгения.

Исцелителем выступил чудодей Грибанов. Как давно свободный от брачных уз, он редко жил в гостиницах, обустривался у очередной поклонницы. Женщинам нравился синеглазый молчун, его качества настоящего мужчины (в том числе физического свойства), открытость души и кошелька увлекали их.

Был «мудрый, яко змий» Олег Николаевич, «многих женщин любил, но ни одна им не владела» — дело было превыше всего. Перевёз друга Серединина на очередной подмосковный бивуак, весь вечер со своей «мучачей» выглаживали раскалённым утюгом ступни бедолаги.

Поставленный к утру на ноги, классный специалист Серединин с блеском провел испытания.

Два друга — метель да вьюга — были в числе отечественных зачинателей ныне обыденного дела — компьютерных сетей. За безвозмездно полученные вычислительные услуги, городские власти выделили первопроходцам запущенный подвал, который те осушили от канализационных вод, отремонтировали, насытили техникой.

Sapienti sat! — *Специалист поймёт!* В сентябре 1969 года, в одной из лабораторий Калифорнийского университета в Лос-Анжелесе два стационарных компьютера, соединённых друг с другом пятиметровым кабелем, впервые в мире успешно обменялись данными.

Через двадцать с небольшим лет появилась глобальная компьютерная сеть интернет с шестьюстами миллионами пользователей.

В начале восьмидесятых годов Серединин, Грибанов сотоварищи по выделенной телефонной линии передали от своего киевского компьютера на компьютер в подмосковном городе Химки (конструкторское бюро «Факел») разработанный специалистами участка пакет программ обработки телеметрической информации, поступающей с бортов испытываемых крылатых ракет.

Post scriptum. В конце девяностых годов увидел ударивший по сердцу телевизионный сюжет — догнивающие на корабельном кладбище, неподалёку от бывшего порта приписки Одессы, корабли «Космонавт Юрий Гагарин», «Космонавт Владимир Комаров», «Академик Сергей Королев».

Прощай, молодость!

Конец пуско-наладочному управлению пришёлся в аккурат на начало перестройки. В суете реакции на актуальный партийный призыв, отраслевое чиновничество затеяло «перестановку мебели» — нашу фирму поначалу задвинули в неприметную организацию, затем перевели в новое ведомство. Всё делалось в точном повторе бестолковости, бессмысленности, безответственности действий пастырей «великого перелома».

Всё, что делает дурак,
Всё он делает не так:
Начинает не с начала,
А кончает, как попало¹³⁷.

В межведомственных разборках были уничтожены результаты полутора десятка лет работы, раздроблена компактная и энергичная организация — фактически «служба скорой помощи» стабильно увеличивающемуся корпусу пользователей вычислительной техникой.

Ломать — не строить. Задуматься, вникнуть в суть проблемы, оценить истинную значимость попавшего под абстрактные манипуляции предприятия твердолобые клерки не удосужились.

Все мы упёртые, пока к стене не припёртые. Понадобилось несколько месяцев сбоев и сумбура, чтобы стала очевидной пагуба совершенной ломки отлаженного механизма. Попытка дать задний ход ситуации не поправила — лучшие составляющие чётко действовавшей машины разлетелись.

Понадобилось несколько лет наблюдений за судорогами «обновляемой» страны, чтобы уразуметь — нет задекларированного псевдореформаторами движения вперед и вверх, есть неудержимое падение в пропасть.

Стало понятно, что государство, как институция, разрушается, утратило контроль за быстро ухудшающейся ситуацией, сняло с себя ответственность перед согражданами, что потери материальной базы страны, её производственного потенциала невосполнимы.

Дошло до затуманенного обещаниями сознания, что привыкшие к манифестам и директивам партийные проповедники — при всей благостности на-

мерений — не имеют четкого плана действий, бродят в потёмках, действуют наобум; не побеспокоились о контроле промежуточных результатов, о возможности своевременных корректирующих действий, об оперативном отказе от ошибочных решений.

Остаток иллюзий уничтожила Беловежская сходка. Тщательно спланированная, кровавыми мозолями многих поколений выстроенная, годами отшлифованная система кооперации бывших советских республик расслоилась. Лишенный почвы внешних связей, обвалился киевский гигант компьютеростроения, угасла было набравшая силы индустрия разработок программного обеспечения.

Печально думать, что напрасно
Была нам молодость дана...⁷²

В перечне понесенных утрат особо чувствительна, особо угнетает потеря значительных научно-производственных наработок, накопленных нашим братством специалистов. Саднит душу от ощущения итоговой бессмысленности долгого и интересного, радостного и напряженного пути — прерванного и испакощенного на взлёте. Жалость запоздалая корит за собственную растерянность, ею вызванные безразличие и апатию, неспособность возобновить и продолжить дело всей жизни в условиях бандитского капитализма.

Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей.
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней⁷².

Презираю неумных, жалких и пустозвонных затейщиков перестройки, растоптавших и предавших свой народ. Неистребимо отвращение к тем из них, кто разбогател на людском горе, допустил к разграблению общенационального богатства продавших дьяволу душу личностей.

До последних дней жизни буду хранить уважение к моим современникам, спутникам юности и молодости, жившим «сквозь время», работавшим, создававшим, оставившим потомкам к началу перестроечной разрухи достойное материальное и духовное наследство.

Прощайте, сладкие годы! Прощай, давно ушедшая, полузабытая молодость!

Хороша страна Болгария

На исходе семидесятых годов ушедшего века, в благословенную пору моей инженерной молодости выпала мне удача в течение трёх лет пожить и поработать в красивой и доброй стране Болгарии.

Долгое пребывание за рубежом, не всякому доступное в помянутые годы, дало не только выгоду материальную (за достойное — с друзьями-коллегами

— исполнение важного задания), но и пользу образовательную: добавил себе профессиональных и научных знаний; значительно расширил круг знакомств интересными, самобытными людьми; изучил — в меру сил и возможностей — историю страны пребывания, нравы и обычаи её благожелательного и гостеприимного народа; приобрёл навыки самозащиты, выживания в непростой — минному полю подобной — среде соотечественников.

Торговый представитель Дьяков

В августе 1977 года, как руководитель группы советских специалистов, прибыл в Софию, где, подчинившись представителю Министерства приборостроения Николаю Григорьевичу Карпенкову, «вкупе и влюбё» с ним приступил к исполнению межправительственного соглашения о создании технического центра по обслуживанию отечественной компьютерной техники — тогда объёмной, дорогой и дефицитной.

Худощавый, почти щуплый, шумливый и энергичный Николай Григорьевич в свои «чуть за пятьдесят» издали выглядел шустрым подростком; бурное прошлое выдавали фиолетовые прожилки на кончике носа — к его лучшим страницам он не раз возвращался в застольных «гусарских балладах». Очень походил на актёра Олега Анофриева (рассказывал мне, как, уступая просьбам экзальтированных поклонниц кинозвезды, не смущаясь, раздавал им автографы).

По характеру добрый и хлебосольный, он являл собой типичного представителя московского чиновничества министерского уровня — системного, в совершенстве владевшего неписанными законами внутриноменклатурных отношений; проницательного и многовариантного, умевшего — предвосхищая! — вовремя переосмысливать и перестраиваться.

София, расположившаяся у подножия национальной любимицы — горы Витоша, утопала в зелени обширных парков, представлявших собой прозрачные, душистые дубравы — ухоженные, всегда чистые. Восхищал уютный и красивый, жёлтой брусчаткой вымощенный центр, ласкало глаз гармоничное сочетание его скверов, памятников, зданий — различного стиля и эпох, — обрзающих единый ансамбль старого города.

Радовали тёплые погоды — жаркое болгарское лето, умягчаясь к исходу августа, продолжалось в сентябре; захватывало своим дивным повтором — «бабьим летом» — большую часть октября. В эту пору городской рынок («пазар»), овощные магазины («плодове и зеленчуци»), уличные лотки-развалы изобиловали дешёвыми овощами и фруктами, которые, в несметных количествах, закупались горожанами, консервировались и укладывались в обязательных для каждого дома и каждой квартиры подвальных кладовках («мазе»).

В выставленных на тротуары жаровнях пекли каштаны, сочные и сладкие перцы («чушки»); в закусовых («гостилницах») за умеренную плату можно было угоститься рюмкой сливовой ракии, закусив её помидорами с тёртой

брынзой («шопский» салат), выкушать вываренные в виноградном уксусе потрошки ягнят (суп «чорба»), испечённые на решётках мангалов ароматные, пропитанные чесноком и перцем котлетки («тюфтета» и «кебабчета»).

Настроение было прекрасным; жизнь казалась полнокровной и удивительной; ближайшее будущее виделось ясным и надёжным.

Вездесущий Карпенков скоро добыл решение городских властей о выделении нам этажа в институтском корпусе, расположенном в окраинном квартале «Дервеница». Перепланировали и облагородили служебные помещения, завезли приличную мебель, обустроили комнату для переговоров, склад запасных частей, учебный класс. Особое внимание уделили оснащению кухни — всегда наполненный разносолами холодильник, с бутылкой-другой ледяной водки, стал надёжным гарантом успеха предконтрактных переговоров с представителями болгарских организаций.

Подтянулись — молодец к молодцу! — специалисты из Киева, Москвы, Северодонецка, Львова; заселились с семьями в снятых через бюро обслуживания дипломатического корпуса (БОДК) квартирах.

Пошла-поехала работа. Большая часть поднадзорных вычислительных комплексов размещалась в Софии, что гарантировало оперативность и качество их обслуживания. Самый дальний — и наиболее ценимый! — компьютерный объект располагался в Варне, в кораблестроительном институте; более семи сотен километров пути — по горам и долам, к прославленным пляжам — преодолевали на служебных автомобилях.

Запомнился рывок к морю в бархатный сезон, после завершения традиционной выставки-ярмарки в Пловдиве, на которой представляли продукцию киевского объединения «Электронмаш».

Выехали поздно и поспешно, только с одной бутылкой виноградной («гроздовой») ракии; закуску добыли неподалёку от древней болгарской столицы, в руинах стоящего города Плиска — в зальтом дождём поле, под вспышки молний, закатав брюки, выбрал несколько пакетов помидоров..

Та курортная поездка аукнулась мне необходимостью доказывать дома чистоту своих помыслов, после того как службист Карпенков доложил по инстанции — молодой и гиперактивной жене Валентине, под каблуком которой трепетал с наслаждением не один год, — о том, что в числе участников санкционированного им турне была очаровательная, но уже незамужняя Галина Лясота.

Фоновый шум, созданный скучающими — ограниченными в общении, без свежих и «клубничных» новостей — жёнами сотрудников технического центра, представлял известную опасность, ибо достойный моральный облик в непростых, зовущих к его искажению, условиях зарубежья, давал нашим специалистам дополнительный балл к общей оценке заграничного труда, становился решающим фактором — при отсутствии профессиональных претензий — для продления командировки на очередной год.

Однако даже беспорочного поведения, при деловых успехах, было недостаточно для увеличения срока службы, если у представителей промышлен-

ности возникали сложности в отношениях с работниками внешнеторговых организаций, решавших вопросы коммерческих связей с иностранными партнёрами, обеспечивавших исполнение заключённых ими контрактов.

Они («белая кость»), обязательно имевшие за плечами Академию внешней торговли, составляли основу торгового представительства; им подчинялись, от них зависели специалисты («чёрная кость»); отношения между этими разнородными слоями советских граждан определялось неписанным правилом: «Всякий сверчок знай свой шесток».

Этому мудрому предостережению не внял, когда осенью 1978 года (замеченный как велеречивый трибун!) необдуманно принял предложение поработать в составе партийного бюро торгпредства и, после отчётно-выборного собрания, был избран заместителем его партийного секретаря. Нонсенс этот потряс даже выдавших виды зубров заграничной работы — в наиважнейшем выборном органе, в который, ради карьерного ускорения, рвался всякий честолюбивый негодник, оказался и занял видный пост бог весть кто.

Представитель внешнеторгового объединения, во власти которого находилась наша команда инженеров, выговорил Карпенкову за недосмотр; тот загрузил, в общении со мной потерял прежнюю простоту, стал официально сух и несколько суетлив — с глазами «в растопырку».

Стали мне — парвеню, мозолившему начальственные глаза, — два руководителя, в незатейливых традициях бюрократического вышивания, плести лапти: за два-три месяца перевешали на меня всех собак, затем отштамповали подневольное общественное мнение о переизбытке администрации в небольшом трудовом коллективе и, как следствие, сформировали вывод о необходимости упразднить мою должность.

Даже если — как исключенье —
вас растаптывает толпа,
В человеческом назначении
девяносто процентов добра¹³⁹.

Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. Постоянные контакты в партийном бюро с Торговым Представителем СССР в Болгарии, Валентином Александровичем Дьяковым, дали мне неожиданный повод стать на короткую ногу с этим замечательным человеком, воспользоваться его заслуженно доброжелательным отношением ко мне для самозащиты.

Валентин Александрович Дьяков родился в 1925 году на Тамбовщине. В 1943 году был призван в Советскую Армию, воевал командиром миномётного расчёта, командиром отделения связи, был ранен; в числе его боевых наград — знаменитый солдатский орден Славы. После войны он окончил Московский институт народного хозяйства имени Плеханова. Шесть лет подряд избирался секретарём парткома института, затем был избран секретарём Москворецкого райкома партии.

В 1962 году Валентин Александрович стал заведующим Отделом административных органов Бюро ЦК КПСС по РСФСР, а через год — в возрасте тридцати восьми лет! — был выдвинут на должность заместителя Предсе-

дателя Совета Министров РСФСР. Летом 1978 года он был назначен Торговым Представителем СССР в Болгарии.

Рослый, статный и представительный, сдержанный и уверенный в себе, этот государственный человек с первых минут общения, публичного или частного, заставлял смотреть на себя — в прямом и переносном смысле — снизу вверх. Лицо Валентина Александровича имело неизменную мету — мягкую улыбку в сочетании с необычайно симпатичным прищуром глаз, которые ярко и очень точно передавали внешнюю привлекательность и внутреннюю суть этого неординарного человека, его глубинный ум и пронзительную мудрость, доброту, деликатность и отзывчивость.

Высокому положению вопреки, благодаря большому сердцу, природному обаянию и истинной интеллигентности, был он открыт, прост и справедлив в отношениях с людьми; поражал глубиной специальных знаний, общей эрудицией; говорил на прекрасном — тургеневского строя — русском языке, чистом и вкусном, как родниковая вода, изобиловавшим старинного чекана этикетными фразами («не сочтите за труд», «не отка-

жите в любезности», «окажите милость»...).

Однажды он посетовал секретарю партийного бюро, как много дорого рабочего времени отнимает у него писание текстов обязательных докладов, с которыми ему (второму, после Посла, официальному лицу) приходится регулярно выступать перед массовой аудиторией — советской и болгарской. Товарищ по партии отреагировал предложением взять в помощь, неофициальным «писателем», своего заместителя, шустрого киевлянина, бойкое перо которого обслужило успешно не одно партийное собрание (хвастаясь, невольно перешёл к собственному представлению в форме третьего лица).

После уважительной и обстоятельной аудиенции у Торгпреда, я обрёл статус составителя его речей и стал совмещать на общественных началах эту должность с основной работой в техническом центре. При необходимости мы с Валентином Александровичем уединялись в примыкавшей к его кабинету комнате отдыха; он надиктовывал мне основную мысль предстоящего выступления, обрисовывал его канву; от меня требовалось расширить исходный материал от лапидарных идей до заданного размера текста, сделать его конструктивным, мыслёмким (без «воды») и убедительным.

Из всех писанных мною речей наибольшей «популярностью» пользовались тексты, «выпекавшиеся» к очередному партийному собранию, в которых обязательно анализировались недостатки отдельных товарищей, присутствовала товарищеская критика в их адрес. Последнее — немаловажное для служебного досье — обстоятельство выработало милую традицию, согласно которой представители высшего эшелона торговцев, почувствовав в своих

делах «слабинку», забредали перед собранием ко мне «на огонёк» и, как бы невзначай, интересовались, не поминаются ли их фамилии в докладе; в случае негативного звучания просили — ласковые и доброжелательные — приглушить его громкость.

Со временем Валентин Александрович стал поручать мне сочинение строгой конфиденциальности (но не секретных!) личных писем «наверх». Одно из них — Заместителю Министра внешней торговли Юрию Леонидовичу Брежневу, касательно вводимой в эксплуатацию паромной переправы Варна—Ильичёвск, долго не выписывалось набело; несколько раз заходил к торгпреду с очередным вариантом послания, получал замечания, после чего возвращался в небольшую комнатку (специально — как «спичрайтеру» — мне выделенную) для очередной переделки текста.

Когда, выполнив последнюю коррекцию, я резво спускался в приёмную, обронил на лестничной площадке папку с документами; чересчур резко наклонившись за рассыпавшимися листками, услышал треск рвущихся нитей — мои брюки (из японского материала, но болгарского пошива) расползлись по всем швам и превратились в сходящиеся у пояса полосы ткани

Закрывшись у себя в кабинетике, соединил швы выпрямленными скрепками и — в металлизированных штанах — успешно сдал Валентину Александровичу исполненный заказ.

Мои обскуранты-руководители, до последнего ловили рыбку в мутной воде ими затеянной интриги, упорно не замечая успехов ставшего на крыло — но им подчинённого — молодого сокола (иронизирую!); к исходу второго года пребывания в Болгарии, документов в Москву на продление срока моей командировки, не отправили.

Но оно состоялось — после звонка торгпреда в Москву, министру приборостроения Шкабардне. Утерявшему — от позитивного решения министра — дар речи Карпенкову коллеги из Москвы, с большим служебным удовольствием разьяснили волю высшего руководства: аннулирована, в случае дальнейшего упорствования, может быть только его должность министерского представителя.

Николай Григорьевич ещё некоторое время смотрел на меня медведем, но меч в ножны вложил. Поработали мы с ним, вновь ставшим милосердным, остаток командировочного срока во взаимопонимании и согласии, расстались добрыми приятелями; позже не раз встречались.

По истечении третьего года моей болгарской эпопеи торгпред предложил вновь продлить её, — но «...*дым Отечества нам сладок и приятен*»⁶⁷ — мне очень захотелось домой. На прощание Валентин Александрович в знак благодарности за доброе сотрудничество выправил мне в посольстве пакет документов для заведомо успешного поступления в Академию внешней торговли, переговорив предварительно с её руководством.

Закруглив дела в Болгарии, я прибыл на место будущей учёбы, посидел с полчаса в приемной ректора, ожидая обязательного предварительного собеседования; загрустил и вернулся в Киев, к любимой инженерной работе.

Post scriptum. По возвращении в Киев я ещё несколько лет поддерживал добрые отношения с Валентином Александровичем телефонным общением, пока оно естественно-житейским образом не оборвалось. Но позитивное, два года длившееся, воздействие на меня благоточивого Торгпреда Дьякова не иссякло и по сей день. Оно особо остро выявилось, в моих внутренних суждениях, в формировании моей философии, в те дни, когда колокол демократии зазвонил над нашей страной, когда властвующие звонари, один за другим, усердно и бездумно её рушили.

Думается мне, что мы с Валентином Александровичем в то роковое время были бесконтактными единомышленниками, что мы одинаково, синхронно друг с другом воспринимали и оценивали рукотворный бедлам, воцарившийся в нашей общей стране на стыке восьмидесятых-девяностых годов.

И трудно мне только представить меру душевных переживаний, которые испытал отважный воин Отечественной войны (завершивший войну взятием крепости Кенигсберг), наблюдая, как предавались боевые подвиги и победа солдат-освободителей; как стремительно демонтировалось послевоенное устройство Европы, выстроенное с учётом гарантированной безопасности главной страны-победительницы; как освободившееся из-под её контроля европейское пространство незамедлительно превращалось (вплоть до российских границ) в военный форпост западных свободолюбцев, озабоченных «правами человека» и содержанием недр в недавно великой державе.

И не хватает мне воображения, чтобы оценить силу возмущения бывшего крестьянского паренька, стальной волей и природной одарённостью достигшего степени государственного мужа, и в этом высоком качестве увидевшего уничтожение и разграбление социальной и экономической базы страны, в создание и утверждение которой он — и сотни тысяч ему подобных граждан, созидателей и защитников — положили великий труд, пролили пот и кровь, отдали свои жизни.

И не раз и не два я, неизлечимый идеалист, задавался вопросом: «Почему государственная система, стремившаяся тщательно, выверено, по принципу высокого профессионализма и безукоризненных нравственных качеств подбирать и расставлять в своей структуре хозяйственные и чисто руководящие кадры, допустила на вершину власти случайных, пустопорожних людей, не помнящих родства иванов? Почему на их месте не оказались люди, подобные Валентину Александровичу Дьякову?» Я и по сей день ставлю перед собой эти, отнюдь не риторические, вопросы и не нахожу на них удовлетворительного ответа.

Post post scriptum. Если на очередной, с моим участием, дружеской пирушке подбирается состав любителей русской песни, обязательно инициирую коллективное пение одной из них, очень мне дорогой:

Не уезжай ты, мой голубчик,
Печальна жизнь мне без тебя...

Этот прелестный городской романс много лет назад, в неформальной обстановке горного пансионата в Пиринском крае, я исполнял застольным дуэтом с Торговым Представителем СССР в Народной Республике Болгарии; эта старинная, из девятнадцатого века родом, песня навсегда осталась в моей душе памятным знаком об изумительном, некогда близком мне, человеке — Валентине Александровиче Дьякове.

О выгоде знания иностранного языка

Из всего числа познавательных удовольствий, испытанных мною в Народной Республике Болгарии, наименее приятным, растянувшимся на долгих три года, был увлекательный процесс непрерывного изучения и обиходного применения болгарского языка.

Его теоретическую основу нам — личному составу технического центра министерства приборостроения (и за его средства) — преподавала дочь русских эмигрантов, до выхода на пенсию работавшая в столичном университете; курс обучения запомнился качественными, методически цельными лекциями, сопровождавшимися экскурсами в прошлое страны, рассказами о народных традициях, об особенностях быта и культуры этнических меньшинств: турок, цыган, помаков (омусульманенных болгар), гагаузов.

Правда, закрепить знания и приобрести практические навыки разговорной речи удалось только тем из нас, кто силой характера сумел преодолеть искушение продолжать общение с местными жителями на русском языке, которым те, более или менее хорошо владели (уж не говоря о том, что наши «другари» и «другарки», с которыми нас объединяли профессиональные интересы, прекрасно говорили по-русски).

Для меня, любителя использовать всякий повод для расширения и углубления познаний, отказаться от редкой возможности получить скорое и твёрдое знание иностранного языка было недопустимо, неразумно. Так полагал и мой коллега — программист Миша Вознюк, с которым, после завершения подготовительных курсов, на состязательных принципах, стали общаться с болгарскими на их языке.

Жизнь подтвердила, что «знание — сила», что свободное владение языком страны пребывания имеет не только интеллектуальную прелесть, но может дать и ощутимую материальную выгоду. В этом убедился осенью 1979 года, когда прибывшие в Софию ответственные представители нашего министерства — Сан Саных Спица и Борис Николаевич Солёнов — долго и безуспешно уговаривали болгарских партнёров приобрести партию вычислительной техники по, как они утверждали, очень разумной цене.

Встреча стартовала «на площадке» хозяев, во внешнеторговом объединении «Изотимпекс»; там меня, сопровождавшего гостей, не знали — посчитали также «залётной птицей». Поначалу мирное согласование (позиция за позицией) стоимости каждого изделия, после нескольких часов естественных споров и благожелательных уступок, неожиданно сменилось настоящей ду-

элью между нашими переговорщиками и откровенно прозападным оппонентом.

Повысив голос до фистулы, он заявил, что, во-первых, все цены на изделия завышены; что, во-вторых, выгодней — хоть и за звонкую монету — купить более надёжную американскую технику. Эмоциональную вспышку подчинённого погасила руководитель болгарской делегации: на родном языке, очень бегло и резко, одёрнувшая спорщика — на доллары нечего рассчитывать, нужно выторговывать более низкую цену (в так называемых «клиринговых рублях») у «руснаков».

Москвичи, по причине незнания болгарского не понявшие сути реплики, но возмущившиеся неуважительным к себе отношением, дружно поднялись и покинули переговоры. Пока они, приводя нервы в порядок, курили в скверике, перевёл им содержание очень значимых фраз, раскрывших реальные возможности покупателя, показавшей отсутствие у него варианта, альтернативного нашему.

Вышедшая — расстроенная, с пакетом сувениров — начальник департамента, извинилась за недоразумение; согласилась на тайм-аут, для спокойно-го обдумывания данных болгарской стороне предложений.

На следующий день, в нашем техническом центре — свежий и очень протокольный — я встречал делегацию «Изотимпекса». Принимая галантно плащ у её главы, рассыпался мелким бисером: на уверенном болгарском языке, витиевато и пространно поприветствовал гостей, сделал тонкий и обширный комплимент в адрес единственной среди них дамы. Та смутилась невероятно; когда к ней вернулись естественный цвет лица и дар речи, произнесла невнятно: «Не знала...».

Контракт был подписан на условиях министерства приборостроения.

О правилах хорошего поведения

Вечером субботнего дня, октября 1977 года — после завершения субботника на строящейся Плевенской панораме — служебный автобус, с утомлёнными сотрудниками Торгового представительства, взял курс на Софию. Более других расслабленный прощальным ужином на свежем воздухе, энергичный коллектив нашего — только созданного — технического центра, продолжая застолье, монолитным многоголосием грянул:

«А запрягай-ка, тятка, лошадь,
Да серую, лохматую...»

Молодо — зелено. Пропели (точнее, прокричали) — самозабвенно, с гиканьем и подсвистом — несколько «забойных» песен, прежде чем заметили ужас и осуждение на вытянутых лицах, в меру подогретых, но безмолвствовавших, соотечественников, усмотревших в публичной раскованности свежих заграничных специалистов нарушение правил поведения советских граждан за рубежом.

Словно по безмолвной команде невидимого дирижёра, наша неистовая капелла оборвала пение — вмиг протрезвев, помрачнела и, каждым своим членом, приступила к перебору возможных неприятностей, которые сулила выразительная мимика законопослушных зрителей.

Действительно, песенный спецрейс не остался без кулуарного обсуждения, но, им порождённое общественное мнение должной карающей силы не набрало. Неделью-другую побродило оно пугающим — в пересудах и преувеличениях — привидением по коридорам Торгпредства и сошло на нет, оставив несостоявшимся жертвам, на память о себе лёгкий испуг и твёрдое убеждение, что в малознакомой среде сограждан вести себя следует трезво и сдержанно, без излишнего проявления эмоций.

На первых порах удивлялся, наивный, и возмущался (только — про себя) тому, с какой страстью мои неутомимые соплеменники, исполняя ритуал нравственного воспламенения (чаще — за глаза, реже — на массовых сходках), рвут на части, заклёвывают собрата, оказавшегося в неприятном положении.

Позже, когда простоту душевную в оценках сменила близкая к сарказму ирония, согласился с незыблемостью первобытного принципа стадного поведения: «В стаю попал — лай не лай, а хвостом вилай»; определил для себя, как доказанную теорему, что для дисциплинированного члена глубоко эшелонированного зарубежного коллектива удар судьбы-злодейки по соседу означает — на подсознательном уровне — очередное уменьшение вероятности оказаться на его месте, вызывает у счастливого приступа упоительного восторга. Ибо для находящихся за тысячу вёрст его коллег-соотечественников («перебиравших копытами» от нетерпения), вакансия на рабочее место при торгпредстве образовывалась не только по истечению установленного срока командировки её хозяина, но и досрочно возникала в случае его «подзалёта».

Жанр адюльтера — разнообразный по форме бытового представления — в тисках заграничных ограничений был уделом редких смельчаков; «забава» эта, решившихся на неё экстремалов, привлекала, скорее, не чувственными удовольствиями, а возможностью впрыснуть в кровь хорошую дозу адреналина — от хождения по лезвию бритвы.

Как-то в представительство внешнеторговой организации, занимавшейся экспортом оборудования для пищевой промышленности, нагрянуло московское начальство. Хозяина офиса на месте не оказалось — отлучился по неотложным делам, оставив неосторожно секретарю контактный телефон.

Руководитель делегации, набрав предложенный ему номер, услышал на другом конце провода женский голос, произнёсший — приветливо и воркующе: «Моля!» («моля» — в болгарском языке, универсально слово, имеющее десяток значений: «алло», «да», «повторите», «извините» ...).

Учув карьерную перспективу, заезжие коммерсанты попытались было вывести неосторожного коллегу на чистую воду (выводили дня два), но тот от всех атак отбил. Более того, его жена подвела черту под опасным расследованием, заявив, что критический отрезок времени её супруг провёл с ней.

Что и говорить — хороший левак укрепляет брак!

Рослый, осанистый, безмерно обаятельный Валентин Александрович Дьяков, Торговый Представитель СССР в НР Болгарии, и его заместитель, Эдуард Васильевич Романовский. Снимок 1979 года.

Три года довелось мне поработать в Болгарии, и два из них я был внештатным составителем речей мудрейшего из мудрейших, замечательного аналитика-профессионала торгпреда Дьякова.

Уже много лет саднит моё сердце мысль — почему в конце восьмидесятых годов, в «минуты роковые» моей Отчизны вне принятия ответственных решений оказались сотни сотен патриотов и государственников, подобных Валентину Александровичу Дьякову?!

Первый секретарь ЦК Компартии Болгарии Тодор Живков высоко ценил Торгпреда СССР Валентина Александровича Дьякова, много сделавшего для развития внешнеторговых отношений двух братских стран.

Снимок 1980 года, Пловдивская ярмарка. Изумительный прищур Валентина Александровича — физиономическое свидетельство глубины его ума, его порядочности, его истой интеллигентности.

«Есть русская интеллигенция. Вы думали — нет? Есть!
Не масса индифферентная, а совесть страны и честь».

Летом 1978 года было торжественно открыто вновь выстроенное здание Торгпредства СССР в Болгарии.

Футбольные матчи с болгарскими друзьями были основной формой спортивного досуга специалистов Торгпредства СССР, любительскую команду которых на общественных началах тренировал Вениамин Вениаминович Александров.

Наш стартовый состав

Под наибольшей угрозой попасть «в историю» ходили сотрудники, по долгу службы пользовавшиеся служебными автомобилями, — дорожно-транспортное происшествие означало не только выяснение отношений с местной милицией (обычно лояльной к «руснакам»), но и параллельный разговор «по-взрослому» в стенах торгпредства.

В этом жанре приключений особо прославился неугомонный Николай Григорьевич Карпенков, на третьем году службы — по окончании курсов вождения — получивший в пользование белоснежную «шестёрку». Природа не дала ему требуемой координации движений, поэтому за рулём наш шеф был дерзок и чрезвычайно опасен. Однажды, бросив баранку, рванулся закрывать открывшуюся на вираже дверь; сидевший рядом Боря Сидоренко, взяв управление в свои руки, избежал встречи со встречным грузовиком.

Момент истины наступил душным августовским вечером, на окраине Софии, где на пути непредсказуемого авто оказалась безвинная жертва — новенькие, только купленные (ещё без номерных знаков) «Жигули» аналогичной модели, управляемые столичным жителем. Пытался болгарский гражданин уйти от судьбы: рванулся было в одну сторону, затем — в другую; дал задний ход, но без успеха — протаранив помеху слева, Николай Григорьевич пробил забор и успокоился в своём бывшем автомобиле во дворе частного дома.

Обе машины эксперты признали не подлежащими восстановлению; потерпевшему болгарину страховая компания вернула полную стоимость покупки; наш автомобиль списали. Карпенкова же, по причине планового отъезда на родину и умелого административного маневрирования, надвинувшиеся дисциплинарные проблемы не затронули.

Самое неприятное в автодорожных эксцессах было то, что, даже в случае полной невиновности, нашим водителям доводилось проходить чистилище коллективного обсуждения, подпадать под незаслуженные «оргвыводы».

В такую ситуацию — как кур в ощи́п — попал наш специалист, гренадёрских габаритов Николай Михайлович Лакуша, когда, по дороге в аэропорт, его машину «поцеловала в зад» (каламбур!) болгарская стюардесса: перед перекрёстком запутавшаяся в педали газа босоножка дала её легковушке неожиданное ускорение. (Симпатичная нарушительница, не желая объясняться с автоинспекцией, была готова на любые формы оперативной компенсации ущерба, но стойко был советский специалист Лакуша.)

В юности, будучи рекрутом, он служил при маршале Якубовском, командовавшим Киевским военным округом. Однажды, забирая на ночь сейф, маршал не заметил второго ключа, торчащего из внутреннего, небольших размеров, отсека и мешавшего закрыть наружную дверь.

Военачальник, в сравнении с которым масштабный Лакуша смотрелся невзрачным парнишкой, поддавил неподатливую дверцу плечом и, согнув внутренний ключ, закрыл сейф.

Открыть его следующим утром маршал не смог; заподозрив бог весть что, он вызвал особистов, которые, первым делом, допросили непричастного, но подозреваемого Николая; только вскрытый автогенном сейф объяснил природу происшествия, избавил от неприятностей молодого воина (потерявшего, в итоге, немалое количество нервных клеток и значительную часть причёски).

Из этой же серии приключений трагикомически завершилось происшествие с белорусским специалистом, представлявшим в Болгарии интересы Минского завода вычислительной техники. В центре города он чуть тронул бампером своей машины (марки ГАЗ — 69) притормозивший перед ним «Мерседес». Водитель иномарки, не почувствовав контакта, продолжил путь; наш же, потеряв голову, «пришвартовался» к тротуару и отправился убедить в собственной невинности постового милиционера (ничего, кстати, не заметившего), регулировавшего движение из высокой стеклянной будки.

Нашёл парень приключение на свою голову. Карабкаясь к регулировщику по крутой лесенке, оступился, упал; очнулся — гипс на сломанной ноге и повязка на пробитой голове, в которые его обрядили врачи столичной клиники, — и море проблем.

Во время очередной — в воскресный день — футбольной тренировки подвернул ногу юрист Торгового представительства Игорь Изюмов. Подранка усадили в мой «Москвич» и мы (в одних трусах и кедах) помчались в больницу. На бульваре Христо Ботева, остановившись на красный сигнал светофора, повернул голову вправо и обнаружил в притормозившей рядом «Волге» заместителя торгового представителя Трушина, с нескрываемым ужасом рассматривавшего голых (как ему виделось) советских граждан..

Немая сцена длилась мгновенье; мы разъехались, предоставив своему начальнику возможность вырисовывать в воображении сцены оргиастических увеселений, в которых проводят время его сотрудники.

Утром Игоря, зашедшего в кабинет Трушина с папкой документов, встретил рёв разъярённого льва — посыпались обещания всевозможных наказаний, в том числе высылки в двадцать четыре часа. Когда шум стих, рациональный юрист разъяснил шефу, что виденная им сцена была не нудистским представлением или выездкой эксгибиционистов, а глубоко гуманной акцией оперативной помощи пострадавшему товарищу.

Виктор Сергеевич Трушин — внешне суровый и бурливый, но, в глубине души, мягкий и сердечный человек — пробурчал, больше для вида, пару заключительных критических фраз и успокоился.

На том инцидент был «исперчен» (в терминологии В.В.Маяковского).

Вениамин Александров

По установившейся традиции, каждый год, в конце июля, на стадионе имени Василя Левского проводилась спартакиада советского — многочисленного, рассеянного по всей стране — землячества, центральным событием которой была финальная встреча наиболее тренированных и азартных любителей футбола, победителей предварительных турниров.

Дважды довелось мне, вместе с партнёрами по техническому центру, в составе команды Торгового представительства отбегать, по два тайма, на прекрасном газоне главного стадиона Болгарии; оба раза нашими соперниками были лихие ребята из Запорожья, работавшие по контракту на Кремиковском металлургическом комбинате. Первый для меня матч наша команда проигра-

ла, во втором — добилась успеха, во многом благодаря нашему тренеру Вениамину Вениаминовичу Александрову.

Спортивные болельщики, чей стаж начинается не позже середины шестидесятых годов, помнят, каким массовым энтузиазмом в нашей стране сопровождались первые победы хоккейной сборной на Олимпиаде 1964 года в Инсбруке, на последующих чемпионатах мира; помнят знаменитую связку тренеров Аркадия Чернышёва и Анатолия Тарасова; помнят знаменитые тройки нападающих: братья Майоровы — Старшинов, Локтев — Альметов — Александров.

Нетрудно представить мои удивление и волнение, когда, оказавшись случайно на тренировке болгарских хоккеистов, увидел, знакомое по телевизионным трансляциям лицо прославленного спортсмена; помню, как дрожали коленки и срывался голос, когда, набравшись храбрости, знакомился с ним.

Веня (или — Вен Веньч; очень скоро мы перешли на «ты») оказался дружелюбным, общительным человеком. Рассказал мне, что, после завершения игровой карьеры, некоторое время работал с юношеским составом родного ЦСКА, затем, во второй половине семидесятых годов, приехал тренировать сборную команду Болгарии.

Вместе с семьёй снимал квартиру в центре, на бульваре маршала Толбухина. Жена Светлана учительствовала в посольской школе (к ней, «первокашкой», попал мой сын Серёжа). Третьим, восторженно-обожаемым членом семьи была маленькая (и очень реактивная) дочурка Наташа; сын Игорь учился в Московском институте военных переводчиков (отец шутил: «Слепых через дорогу переводить.»).

Хоккейные тренировки проводились на открытой — под парусиновым навесом — ледовой площадке, на стадионе «Червено знаме»; по соседству с ней, после работы и по выходным дням, набирал игровой практики, проводил турнирные и товарищеские встречи наш любительский футбольный коллектив. Завершив дневные занятия с подопечными (сборная Болгарии как раз готовилась к переходным — из группы «С» в группу «В» — играм со сборной Китая), к нам стал захаживать Вен Веньч — понаблюдать футбольную суматоху соотечественников, потолковать о жизни. Постепенно, выдавая советы и рекомендации, он втянулся в параллельный тренировочный процесс, превратился — на общественных началах — в нашего наставника.

После нескольких месяцев тренировок, выровнял и усилил у разношёрстных и разновозрастных подопечных уровень физической подготовки; приучил к жёсткости в борьбе за мяч, в столкновениях с противником; привил начала чемпионского характера.

Перед решающим матчем года провели двухдневные (в выходные дни) сборы в Кюстендиле — команда партийно-хозяйственного актива этого окружного года уже много лет была надёжным спарринг-партнёром команды торгпредства.

Товарищеский матч — в полуденное время, в несусветную жару — мы проиграли. Хозяева, чтобы как-то подсластить горькую пилюлю неудачи, вывезли нас в безбрежный сад и дали каждому гостю возможность, «для дома, для семьи», собрать по ящичку знаменитой кюстендилской черешни.

Вечером, в горном санатории, перед заходом в турецкую баню, провели новую игру в формате «два-на-два», на баскетбольной площадке. В нашей паре незаменимым стоппером стоял Веня — принимая профессионально на бедро соперников, не дал им забить ни одного гола; реванш оказался более чем убедительным.

За одного битого двух небитых дают. В финальном матче спартакиады 1979 года футбольная команда торгпредства переиграла прежде непобедимых запорожцев с минимальным счётом. До сих пор «надуваю щёки», когда вспоминаю единственный гол, забитый мною в том незабываемом матче (на поле, на котором, месяцем раньше, знаменитый Леонид Буряк — тому очевидец — забил, с углового удара, победный гол в ворота команды «Левски-Спартак»).

В общении с мудрым, спокойным Венычем открыл для себя (а затем — с максимальной общественной пользой использовал) его редкий дар устного рассказа, каждый экземпляр которого он очень качественно «вылепливал» из событий своей удивительно интересной жизни. Каждое слово его искромётных экспромтов играло; в единственно верный смысловой ряд выстраивались фразы излагаемых историй — в них были своеобразный колорит, тонкий юмор, лёгкая самоирония, которые усиливало бесстрастное лицо рассказчика.

В составе сборной Болгарии по хоккею выступали братья-близнецы, которых звали Ленин и Сталин (в такой экзотической форме проявили пролетарский интернационализм родители новорождённых в значимом для них 1953 году).

Во время очередного отборочного матча первенства мира, проводившегося в Париже, Ленин сбежал — ушёл в эмиграцию. Находившиеся при команде представители органов отловили «невозвращенца» в каком-то злачном заведении, затащили в гостиницу и стали зверски избивать. Чтобы предотвратить смертоубийство, Веня прикрыл лежащего бездыханным парня своим телом, плотно обхватив его руками (тронуть тренера чекисты не решились).

По роду своей общественно-партийной работы мне доводилось часто бывать в пограничном — с Грецией и Югославией — Благоевградском округе, с которым у советского торгпредства были давние, особо дружеские отношения. Объездил самые отдалённые уголки этого, дивной красоты, горного края; выступал перед его жителями, организовывал — вместе с радушными хозяевами — тематические выставки, семинары, празднование общих для наших народов памятных дат.

К слову, в год моего приезда в Болгарию в Благоевграде проводился песенный фестиваль «Ален мак», на котором композитор Ян Френкель был провозглашён почётным жителем города.

Не раз привозил в город именитых гостей-соотечественников. Однажды, договорившись предварительно с председателем окружного общества «Знание», добрейшим Иосифом Кочевым, приехал со спортивной знаменитостью — Вениамином Александровым.

За два часа непринуждённого общения с переполнившими зал слушателями Вен Веныч покорила и обаял их своими устными мемуарами; слушавший его Пётр Галчин, заведующий отделом окружкома партии, попросил продлить пребывание интересного гостя на благоевградской земле, дать ему возможность высказаться перед более широкой аудиторией.

Просьбу уважил — и получился праздник доброго человеческого общения, с долгими задушевными беседами, с выступлениями — специально для гостей — самодеятельных фольклорных коллективов, с шумными застольями, с прекрасным отдыхом и осмотром местных достопримечательностей.

Побывали в самом маленьком — и самом винодельческом — городке страны Мелнике (всего четыреста жителей); в вырытой в меловой горе пещере, из

громадных бочек («от матки») дегустировали вино «Старый Мелник», закусывая его прохладной, чуть влажной брынзой («овче сирене»); страсть заядлого рыбака Веня утолил ловлей озёрной форели в ближайшем водоёме. (Не хватило времени на планировавшийся визит в город Петрич — к знаменитой целительнице-предсказательнице бабе Ванге.)

После Болгарии долгое время поддерживал приятельские отношения с притягательным Александровым; бывал в его московской квартире, на Калининском проспекте, знакомился с его громадной коллекцией призов и наград. В начале окаянных девяностых, в кутерьме всеобщей ломки житейского уклада, человеческих отношений связи наши оборвались.

Когда первые ужасы ельцинского погрома прошли, попытался вернуть давнюю дружбу, но — по собственному легкомыслию и недосмотру — оказалась утерянной старая записная книжка. И однажды, услышав от телевизионного комментатора о проведении в Москве хоккейного турнира-мемориала Вениамина Александрова, осознал, что наша дружба не вернётся никогда.

Когда воротимся мы в Портленд,
Нас примет родина в объятья,
Но только в Портленд воротиться
Нам не придётся никогда!¹⁷²

Ревизор

Жарким июнем 1979 года Паша Скачков, второй секретарь посольства, шепнул мне на ухо, что в наш технический центр вот-вот (как снег на голову!) свалится необычный ревизор — начальник особого отдела министерства приборостроения.

С Павлом Рафаиловичем (так именовал нового приятеля при третьих лицах) сошлись накоротко в ноябре 1977 года, когда советское посольство готовилось к масштабному приёму по случаю юбилейной годовщины Октябрьской революции; тогда жёны сотрудников торгпредства (это был мой участок ответственности) были мобилизованы на лепку пельменей, которые — в сочетании с монопольной «Столичной» — должны были, в очередной раз, указать дуайену и ему подведомственному дипкорпусу на незыблемость отечественной политики на Балканах.

По своим дипломатическим обязанностям Паша курировал вопросы науки и техники, одновременно учась в заочной аспирантуре Киевского института электросварки имени Е.О.Патона. Его научный руководитель, профессор Лебедев, часто приезжал в Софию в компании со своим сотрудником и подопечным — Валерием Щербицким; сестра последнего, после окончания Киевского медицинского института, вышла замуж за болгарина, сменила гражданство.

И от доброго отца бывает худая овца. Сын первого лица Украины был не дурак выжить. Пагуба эта, на гостеприимной болгарской земле, без надлежащего контроля, в любой момент могла перерасти в беспробудное пьянство; по этой причине секретарь посольства, бросив все дела, неотступно сопровождал важных гостей.

Отношения с Пашей Скачковым укрепила кооперация наших усилий и возможностей в писании — обязательных для диссертанта — статей в болгарских научно-технических журналах, куда мой соавтор был вхож, как медный грош. Точный перевод и шлифовку печатного материала производил доцент Софийского электротехнического института Гоча Гочев — питомец моего ленинградского научного наставника Владимира Ивановича Тимохина; благодаря Гоче, рукописи принимались редколлегией с первой подачи.

Доверительность отношений с секретарём посольства позволила мне — в опасной ситуации приезда представителя органов — загодя получить не подлежащие разглашению сведения, осознать опасность предстоящей «разборки», основательно подготовиться к ней. От него узнал, что повод к выяснению отношений подал наш бывший сотрудник, специалист из Северодонецка, два года «ходивший на ножах» с Карпенковым. «Поножовщина» кончилась тем, что Николай Григорьевич не продлил оппоненту командировку на третий год; тот, вернувшись домой, ответил недругу перенасыщенным компроматом письмом («телегой») на имя нашего министра.

Паша основательно проинструктировал меня о правилах поведения в неизбежном диалоге: больше слушать, чем говорить; отвечая на двусмысленные

вопросы, переводить разговор на общие темы; быть сдержанным и аккуратным в характеристиках. Касательно щекотливой, но немаловажной проблемы оказания гостеприимства неожиданному гостю (коньяк с деликатесами или кофе с печеньем), порекомендовал действовать сообразно развитию событий — беспрепятственному или малоутешительному.

Быль молодцу не укор. Николай Григорьевич, узнав о грядущих осложнениях, поначалу упал духом. Затем укрепился в мужестве — «разогнал» всех специалистов по командировкам, сам отправился в другой конец Болгарии, оставив меня (с секретарём техцентра) за старшего в гарнизоне — со всей полнотой полномочий и мерой ответственности.

Должность секретаря-машинистки, в условиях естественной безработицы среди жён советских специалистов, была для них желанной целью. Получали они её, только выстояв в долгой очереди, или «по звонку».

Первой бойкое место в нашем техническом центре заняла Генриетта Тохиян, жена представителя Всесоюзного агентства по авторским правам — роскошных форм, рыхловатая женщина, с переизбытком, явно не используемой мужем, чувственности; обожала пикантные беседы с более молодыми сотрудниками.

Пришедшая ей на смену Людмила Леонидовна, чей муж служил представителем ВАО «Интурист», была, наоборот, почти пуританка — строга, выдержана в одежде и разговорах; правда, уже после отъезда нравственной пары на родину, узнал, что брак их был фиктивным, заключённым, ко взаимной выгоде, на период заграничных командировки (в которые холостых и незамужних не выпускали).

Затем пришла Лена Щамолина, вторая половина секретаря посольства по делам культуры — молодая, очень контактная, бесшабашная и речистая москвичка («Лесбиянство хуже пьянства», «Прямой наводкой по ж... сковородкой», «Болтун у телефона — находка для шпиона»). Во время гастролей в Москве ансамбля «Бони-Эм», бросив все дела, Лена улетела в первопрестольную, где прорвалась на выступление любимой группы.

В рассматриваемый (очень критический) период должность секретаря занимала кандидат технических наук Нина Павловна Поезд, чей муж (также «остепенённый») трудился в одном из софийских институтов. (Как-то она рассказала мне историю о том, как её супруг — ещё в Союзе, — возвращаясь из командировки, прислал на работу телеграмму: «Вылетаю самолётом. Поезд».)

Очень вдумчивая, Нина Павловна предложила следующую схему приёма дознавателя: готовятся оба варианта угощения; услышав мой сигнал, она вносит либо строго официальный набор (по, как бы случайному, хлопку ладонями), либо (по выразительному покашливанию) — «закусить и выпить».

Когда московский гость — сухопарый, жёлчный, с пронзительным взглядом — повёл меня в кабинет на допрос, Нина Павловна подтащила к «комнате пыток» сервировочную тележку, с двумя не пустыми подносами на ней, и замерла перед дверью в напряжённой стойке поинтера.

Мой разговор с представителем спецслужб не заладился с первых минут: он мне про Фому, в ответ — про Ярёму; он мне про прегрешения Карпенкова,

в ответ — про невиданные агитационно-пропагандистские успехи, которых — по партийной линии — достиг в работе с болгарскими трудящимися. И всё же — медленно, но уверенно — жёсткость общения со мной набрала силы; после наводящих, внешне безобидных, вопросов, заплечных дел мастер потребовал подтвердить факт запрещённой покупки товара за доллары, совершённой супругой моего шефа (за этот грех жены грозила Карпенкову отправка в отечество в двадцать четыре часа).

Разволновавшись, чекист налил в стакан воду, попытался выпить её, но поперхнулся и зычно закашлялся. В сей же момент распахнулась дверь — любезная и бессловесная Нина Павловна, строго исполняя ею разработанную схему, вошла в комнату и поставила перед разгорячённым следователем поднос с успокоительным: бутылку коньяка марки «Поморие», разнообразные мясные заедки, тоник (дескать — малодаяние наше примите безгневно!); затем, сделав неуверенно нечто похожее на реверанс, развернулась и удалилась.

Официальное лицо побагровело, затем побелело, поднялось и навсегда исчезло (без последствий). Употребляя терминологию Карпенкова, трудовое знамя коллектива технического центра оказалось на высоте и в сухости.

Последний год

Год восьмидесятый, последний в моей болгарской экспедиции, запомнился особыми, начальным и конечным, маркерами: январь — всеобщим возбуждением по случаю состоявшегося ввода советских войск в Афганистан; июль — громом поразившим известием о смерти Владимира Высоцкого, которое привёз из Москвы мой сменщик.

Выборочная памятьливость на «острые» события проявилась у меня в давнем (студенческом, целинном) августе шестьдесят восьмого года, когда в штабе студенческих строительных отрядов узнал из радиосообщения о наших танках на улицах Праги (кстати, в тот же день умер хоккейный защитник Виктор Блинов, славившийся мощнейшим броском).

Переплетение схожих военно-политических событий ощутил, в несколько неожиданных проявлениях, на себе. Над моей квартирой жила семья чешского специалиста, обычно, хоть и сухо, здоровавшегося со мной; после афганского «взрыва» брат-славянин стал демонстративно отворачиваться.

В начале весны, во время финального матча чемпионата мира по хоккею СССР — Чехословакия, после каждой забитой чехами шайбы, соседи сверху дружно били ногами по полу с такой силой, что в моей квартире раскачивалась люстра. После финального свистка, возвестившего победу советской сборной, выступал притихшим болельщикам — шваброй по потолку, азбукой Морзе, ненормативным диалектом — большой привет (не для декодировки и перевода — для собственной разрядки).

В это же время познакомился с корреспондентом телепрограммы «Время» в Болгарии Германом Седовым. Солидный, очень интересный человек,

участник Отечественной войны, он с молодой женой и двойняшками, Катей и Гошей (ровестниками моего сына Серёжи) жили на третьем этаже дома, в одном подъезде с посольством небольшого азиатского государства. Однажды Гоша, выйдя на балкон, окропил — без задней мысли — поднятый флаг дружественной страны. Поскольку унижение державного достоинства наблюдали посольские работники, старшему Седову пришлось улаживать возникший дипломатический конфликт. Позже его перевели на работу в Афганистан, откуда он долгое время вёл прекрасные — острые и содержательные — телевизионные репортажи.

В мае Болгарию крепко потрянуло. Землетрясения были заурядным явлением местного быта, но в тот раз удар стихии был близок к разрушительному. Боря Сидоренко, живший на пятнадцатом этаже дома в квартале «Младость — 1», рассказывал что от качка, вместе с водой, из ванны на пол выплеснуло его жену Ларису (в прошлом — профессиональную пловчиху).

Сотрудники аппарата торгпредства, жившие в ему принадлежащем доме на улице Гагарина, вместе с домочадцами, в неглиже (был поздний вечер), спешно — как и все жители города — выбежали во двор, где ожидали успокоения природы. Какой-то шутник, наблюдая общую взволнованность, решил поддать жару: объявил о том, что в три часа ночи — как сообщили по радио — стихия ударит ещё сильнее.

К назначенному времени, советские граждане, вытащив все носильные вещи и продукты питания (в квартирах осталась одна мебель), сидели на баулах и ждали светопредставления, но не дождались. (Весельчака-провокаатора скоро вычислили и отправили на родину.)

В разгар лета приехал заместитель министра приборостроения Кавалеров, улаживать конфликт в его любимом детище — советско-болгарском институте «Интерпрrogramма», специализировавшимся на разработках программного обеспечения для автоматизированных систем управления.

С Гением Ивановичем меня увязывала общая альма-матер: Ленинградский электротехнический институт (ЛЭТИ), в котором замминистра учился в начале пятидесятых годов (вместе с легендарным Владимиром Борисовичем Смолковым, вместе с моим старшим другом — обаятельным Германом Васильевичем Беляевым, идеологом автоматизации макетных испытаний судов в Ленинградском ЦНИИ имени академика Крылова).

Полусекретной целью визита Кавалерова были переговоры с болгарскими партнёрами о поставках, с местных складов, запасных частей для американских суперкомпьютеров, закупленных для обслуживания предстоящей московской Олимпиады. В связи с афганскими событиями, американцы и дружественные им западноевропейцы объявили бойкот спортивному событию; конгресс, вдобавок, наложил запрет на поставку средств электроники и комплектации к ним. Без надлежащего резерва ремонтных комплектов компьютерному обслуживанию Игр грозили серьёзные проблемы.

Контракт с болгарами был подписан — меня назначили экспедитором, отвечающим за переправку ценного груза в Москву. Вместе с надёжным Юрой Федосовым, под покровом темноты, вывезли в технический центр дюжину коробок с запчастями. Затем, загрузив ими купе вагона «СВ», отправился я в дорогу дальнюю.

Особых проблем на границах не было: как всегда, доброжелательны были болгарские «гранычари» и «мытнычари»; служивые румыны, досматривавшие пассажиров голодными глазами, конфисковали подозрительные — с точки зрения санитарии и гигиены — мясопродукты; строги, точны и беспристрастны были наши ребята. В Москве меня позабыли встретить; час просидел на перроне, пока примчались очень озабоченные и деловые министерские чиновники.

Интеллигентнейший Кавалеров сдержал, данное мне тет-а-тет, обещание ускорить получение квартиры в Киеве, которую, как очередник, ждал уже много лет. По его распоряжению — за успешное выполнение задания министра — необходимые денежные средства (тогда они назывались «лимитами на капитальное строительство»), были переведены в Киевский горисполком; прекрасная трёхкомнатная квартира стала доброй памятной меткой об обязательном человеке и незабываемых днях болгарской одиссеи.

Народный целитель

Где-то в середине семьдесят восьмого года, в одном из своих писем — чувствительном, с озабоченностью чужой бедой — доброласковая мама передала мне просьбу своей хорошей знакомой: разыскать в Болгарии народного лекаря, излечивавшего (так утверждала отечественная медицинская телепередача) страшную, считающуюся неизлечимой, болезнь Паркинсона, которой заболел её муж.

Навёл справки — выяснил, что, действительно, нужный мне целитель травами («билками») проживает в селе Шипка, расположенном у подножья одноимённой горы. На её знаменитый — с мемориальным комплексом — перевал, который героически защищали от турецких атак русские воины-освободители, не раз вывозил на экскурсии приезжавших в технический центр гостей.

Во исполнение поставленной задачи, во время очередной командировки изогнул автомобильный маршрут в сторону предгорного Пазарджика.

За ним, по дороге, рассекавшей уходящие за горизонт душистые поля цветущей лаванды, поднялся к главной достопримечательности села — православной церкви, выстроенной в память шипкинского противостояния. На другую достопримечательность: дом, где проживает знаменитый лекарь, мне указали местные жители — к нему вела дорога от храма.

Хозяин дома, Никола Николов (возрастом — под семьдесят) радушно принял меня и моих спутников. Его жена, тётушка («лелью») София накрыла во дворе стол — лучи солнца, с трудом пробивавшиеся сквозь кроны деревьев, бликами бегали по лицам собеседников, спелые груши падали в тарелки с сахаристыми четвертинками помидор, опрокидывали рюмки («чаши») с ракией,

пока «бай Кольо» рассказывал предысторию своего занятия целительством.

Лечение травами, очень распространённое в Болгарии, издавна практиковалось, и передавалось по наследству, в роду хозяйки дома. В начале столетия её дед открыл состав трав (с главенствующей ролью ягод ядовитой белладонны), излечивавший, при строгом соблюдении очень сложной методики применения, болезнь Паркинсона. О сделанном открытии узнали в итальянском королевском доме, чья представительница страдала этим тяжёлым недугом, после чего болгарский пастух превратился в придворного врача. «Бай Кольо» с гордостью продемонстрировал монаршью грамоту его предтече, которую тот получил после излечения высокородной пациентки.

Мой заказ добрый человек принял, но чудодейственное средство, чьё простое приготовление занимало немало времени, передал мне только спустя несколько недель, во время моего очередного приезда. Принять от меня надлежащую оплату чудный эскулап отказался, согласившись, после долгих уговоров, на небольшую сумму, покрывавшую понесённые им затраты.

Весть о возможностях «открытого» мною феномена просочилась в среду сотрудников Торгпредства, дошла до Москвы. После этого визиты к моим новым — мягкосердным, ставшими очень близкими — знакомым (по многочисленным, в том числе из высших правительственных сфер, просьбам) приобрели регулярный характер. Денежную нетребовательность «бай Кольо» в расчётах приходилось компенсировать, под видом сувениров, очень нужными в быту подарками прикладного характера.

Уже после отъезда на родину, долгое время поддерживал отношения со славной парой; их письма — добрые, чуть наивные — хранятся в моём архиве. Затем, после ухода из жизни тётушки Софии, взаимосвязь (увы!) как-то незаметно прекратилась.

Этот долгий и красивый сюжет их болгарской эпопеи запомнился мне, в деталях, прежде всего потому, что в нём, «как солнце в малой капле вод», отразилась присущая простым болгарам искренняя симпатия к моим сооте-

чественникам. Служебные дела, общественная работа позволили мне за три года вдоль и поперёк объездить Болгарию; и везде, во всех «городах и весях», ощущал в общении с людьми душевное тепло, приязнь и уважительность.

Много раз бывал в Пловдиве, где прогуливался по узким улочкам его живописных старых кварталов; собственноручно, вместе с профессиональными сборщиками, обрывал лепестки роз на плантациях под Казанлыком; выгривался в самом солнечном (только три дождливых дня в году!) городе страны — Санданском; от Золотых песков до Солнечного берега просмотрел — купаясь и загорая — всё Черноморское побережье; гулял на склонах Родопских гор (осталась память — пушистое родопское одеяло); общался с жителями самого остроумного города — Габрово; любовался необыкновенностью Рильского монастыря...

Но, как капля дёгтя в бочке мёда, остался в памяти, из той поры, образец чувствования иного рода. Случилось так, что после успешного — за обильными яствами столом переговоров — подписания контракта о поставке вычислительного комплекса сложной конфигурации одному софийскому институту, его полномочный представитель, размягчённый качеством приёма, пригласил меня к себе домой.

Приглашением воспользовался — побывал в гостях у сухопарого и длинного научного работника, посидел за большим овальным столом, на который хозяева выставили бутылку сухого белого вина и отварную, порезанную на ломтики, скумбрию. Более часа пили вино маленькими глоточками, закусывая — при содействии ножа и вилки — крошечными рыбными дольками, и вели — больше устами хозяина — застольную беседу.

Начав с проблем микроэлектроники, он — по мере уменьшения объёма влаги в бутылке — незаметно перешёл к сопоставлению бытовых благ «здесь» (в Болгарии) и «там» (на Западе). Позабыв о государственной принадлежности гостя, распалившийся оратор списал слабый уровень жизни в своём отечестве на восточных соседей, объявил о единственном спасительном варианте: повороте к неважным братьям-славянам задом, а к атлантической цивилизации — передом.

Хозяйка, к кофе, умело перевела общение на текущие светские сплетни: о выступлении стареющей звезды эстрады Лили Ивановой дуэтом с её малолетним любовником; о неудачах семейной жизни Людмилы Живковой с первой ракеткой болгарского тенниса Славковым; о нетрадиционной сексуальной ориентации певца Димитрова... На этой весёленькой нотке завершили общение, но осадок в моей в душе остался.

Монолог болгарского диссидента вспомнился мне в начале девяностых годов, когда по телевидению увидел выступления его последователей, требовавших снести памятник советскому воину-освободителю, установленному — под собирательным именем «Алёша» — на высокой горе под Пловдивом.

По случаю наблюдаемого шабаша я вспомнил о десятках тысячах русских мужиков в солдатской форме, отдавших жизни за свободу и независимость Болгарии; перебрал в памяти эпизоды торжеств — с прославлением героев Шипки и Плевны, с проявлением доброжелательности к их потомкам! — по

случаю столетия освобождения Болгарии от Османского ига, которые наблюдал в марте 1978 года; сопоставил демократический шум с бескорыстной помощью, оказанной моей страной Болгарии в послевоенном обустройстве, в развитии промышленности, энергетики, транспорта...

Не могу не привести выдержку из незаконченных воспоминаний Валентина Александровича Дьякова, завершившего работу Торгпредом СССР в Болгарии в 1990 году, умершего 2 марта 2001 года, в свой семьдесят шестой день рождения. Рукопись отца любезно передал мне его сын, Андрей Валентинович. В ней — боль сердца человека, очень много сделавшего для подъёма экономики некогда по-особому близкой «руснакам» страны, и увидевшего отвратительный постперестроечный ритуал обгаживания собственного прошлого «по-болгарски».

Вот что записал Валентин Александрович в дневнике незадолго до своей кончины:

«Двенадцать лет пришлось поработать в этой прекрасной стране. Перед отъездом Президиум общества Болгаро-Советской дружбы наградил Торгпреда «Золотым значком» с горстью земли с Шипки. Этот символ вручили мне Йола Драгойчева, Петко Георганов, Начо Папазов. Все трое — борцы-антифашисты. Все они сидели в застенках гестапо, чудом избежали смертной казни. Они настоящие «братушки». Проститься с Тодором Живковым было невозможно. После домашнего ареста его перевели в тюрьму. «Новые болгары» знали, что у него шёл процесс отслоения сетчатки глаза. Он руководил страной почти 35 лет. И, поверьте, никто так много не сделал для её развития.

Моего лучшего друга Андрея Карловича Луканова — Министра внешней торговли и заместителя Председателя Правительства четыре года назад убили. Он руководил болгаро-русским концерном «Газ, нефть». Его взрослые дети попросили убежище у нас. Судьбы людские. Их дедушка, Карло Луканов эмигрировал в Россию в 1923 году, спасаясь от расправы фашистов. Он был шесть лет после войны 1941-1945 годов первым Послом НРБ в СССР.

Но и этого мало. Тело легендарного Георгия Димитрова вынесли из Мавзолея. В бальзамировании его принимал участие профессор института им. Плеханова Борис Николаевич Хомутов. Мавзолей построили советские строители. Сперва в Мавзолее открыли общественную уборную. Потом снесли. Сами болгары его не смогли разобрать. Мавзолеем взорвали турецкие специалисты...»

Подвёл черту под историческими напоминаниями (их можно продолжать и продолжать!) и свидетельством авторитетного, глубоко мной уважаемого очевидца и сделал философическое заключение, что государственная политика — это ещё не голос народа; что историческая память сильнее ей не соответствующим делам державных чиновников.

Светлым, содержательным разделом моей биографии стали три года жизни в прекрасной Болгарии.

Мои друзья — мое богатство

Бегут, меняясь, наши лета,
Меняя всё, меняя нас!

(А.С.Пушкин)

I

В минуты ностальгической грусти, когда я, поддавшись настроению, перебираю свой фотографический архив, один снимок большого формата, сделанный в выходной день июня семьдесят третьего года на берегу Киевского моря, надолго задерживает моё внимание.

Он — фотопортрет весны моей жизни. На нём, во всей красе молодости и с минимумом текстиля на телах, представлены мои коллеги, специалисты по электронике и программированию, возлежащие и восседающие на пляжном песке в живописных и пресвёлых позах. Над ними, месяц тому назначенный их лидером, возвышаюсь в статуарной горделивости «Аполлона Полведерского» — не то мальчик, не

то муж, интересный и бледный, худой, но спортивный. (Мой свет! Было мне в ту пору только двадцать шесть лет!)

Начало семидесятых годов — время «бури и натиска» в отечественной отрасли разработки, выпуска и внедрения электронных вычислительных машин, ныне обыденно именуемых «компьютерами» (ставших инструментами, так же обыденного, сетевого общения людей).

В ту пору нам, молодым и энергичным, инженерным и математическим интеллектуалам, привелось быть, что называется, на острие этого бурного процесса — вычислительная техника, выпускавшаяся монопольным гигантом, Киевским производственным объединением «Электронмаш», требовала обязательного наполнения прикладными программами, которые — под заказ — «сочинялись» нашей компактной, мощной, мобильной командой специалистов пусконаладочного управления электронных вычислительных машин. Мы наслаждались ощутимыми результатами своего творческого труда, накапливали и обобщали приобретённые знания и опыт для последующих — более скорых в разработке и более эффективных в реализации — пакетов программ.

Мы были самодостаточны. Работа наша состояла не просто из кабинетного томления над заданной задачей и игрой ума в её компьютерном разрешении, но и из обязательного практического внедрения каждого математиче-

ского изделия у его покупателей (имя которым было — легион). Вырученные за результативный труд деньги обеспечивали нам приличную заработную плату, давали прогрессирующей фирме средства на приобретение — бесплатного для сотрудников — жилья (вне очереди и недорого можно было купить кооперативную квартиру), на содержание, собственными силами выстроенной, базы отдыха, на оплату санаторных, курортных путёвок...

Был высоко образован основной состав исполнителей высокоумных проектов, выделялся общей эрудицией, начитанностью. Частые командировки использовались его представителями не только для выполнения производственных заданий, но и для поднятия уровня интеллекта, расширения кругозора, круга общения, для изучения природных, культурных достопримечательностей мест пребывания.

Досуг наш был массовым, весёлым, беззаботным, разнообразным; в нём были остроумные капустники, вечера поэзии, грибные «десанты», выезды «на шашлыки» — с футболом, катанием на водных лыжах, рыбалкой...

Дело, которым мы занимались, имело свой источник. Его начало и движение обеспечили мощнейший научно-технический потенциал государства, сила ума и труд граждан. В числе ярких личностей, давших в начале шестидесятых годов стремительный взлёт Киевскому заводу вычислительных управляющих машин (ВУМ), был удивительный и неповторимый Алексей Алексеевич Сладков. Как руководитель отдела внедрения завода он разумно и предусмотрительно вошёл в прямой контакт с академиком Сергеем Павловичем Королёвым, предложив ему автоматизировать обработку результатов испытаний ракетных двигателей (два часа испытаний требовали последующих двух месяцев их ручной обработки) с помощью вычислительных комплексов «Днепр», выпуск которых только наладил завод.

Экзотическое по тем временам предложение было принято, время обработки громадных объёмов данных сократилось до нескольких часов, а Главный Конструктор Космонавтики, как чрезвычайно заинтересованное лицо, своим непререкаемым авторитетом и безграничным влиянием внёс весомую лепту в превращение завода ВУМ в научно-производственного колосса — объединение «Электронмаш».

Описанное выше было некогда в моей жизни. Его давно поглотил вихрь времени, загадочного, непознанного, человеку враждебного, стремительного и неудержимого. События и персонажи, визуальные образы и ощущения тех далёких лет застыли недвижимо в тускнеющих архивных залежах моего прошлого, с каждым днём всё более и более объёмного. И только жгучая тоска сдавливая временами сердце — почему так быстро и куда ушли мои годы?

Между пальцами года
Просочились, вот беда.
Между пальцами года — кап-кап¹⁹⁴.

II

Ноне в жизни моей сумерки, но ещё не вечер; есть ещё порох в пороховницах и ягоды в ягодицах. Время *«рукой беспощадною»* поправило внешность, привело философское уразумение жизни в соответствие с реалиями быта, нажитым опытом, характером и интеллектом — *«дышу иным, иным томлюсь»*.

Уничтожение прежнего уклада жизни выработало стойкие иронию и презрение к нынешним общественным отношениям — к цинизму власть держащим, всех мастей и калибров, к *«его препохабию капиталу»*, к обслуживающим их средствам массовой информации. Соприкосновение с этой «надстройкой», подавляющей и оглуляющей породивший её «базис» — народ, решительно избегаю; в вынужденных, случайных контактах с её «элементами» руководствуюсь, прежде всего, принципом личной независимости, чувством собственного достоинства.

Живу *«в себе самом»*, в своём обширном, глубоком внутреннем мире. В нём — культура, традиции предков, отечественная и всеобщая история, философия, искусство, великая русская литература, лучшие образцы мировой прозы и поэзии; в нём — пульсация моего разума, осмысление прошлого и нынешнего, стремление проникнуть в суть вещей, докопаться до истока проблем; в него допускаю только духовно, нравственно близких мне людей, друзей, приятелей, добрых знакомых, прочим нет места в нём — могут наследить.

Во всём мне хочется дойти
до самой сути.
В работе, в поисках пути,
в сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
до их причины.
До оснований, до корней,
до сердцевины¹⁹⁵.

Постоянная интенсивная интеллектуальная нагрузка освежает и насыщает дух, сообщает телу заряд физической бодрости, позволяет меньше обращать внимание на всё ускоряющийся бег времени в завершающей части жизненного пути. Мои писательские опыты, коим с упоением предаюсь в свободное от работы время (*«Кондуктору, пишущему стихи, живётся лучше, чем стихотворцу, не служащему в кондукторах»* — А.П.Чехов), не просто сладко щекочут авторское самолюбие, но и дают желанные независимость от нетерпимой опеки, значимость, дают возможность достойно жить — не доживать.

Для меня — всё в прошлом. Из материала давно минувших дней, из примеров жизни сопутствовавших мне замечательных людей формирую свою педагогику о прелести человеческих отношений, в которых — примат духовного над материальным, основа которых — сердечность, искренность, честность, чистоплотность, деликатность, равноправие, товарищество, взаимопомощь.

Продолжение перечня этих высоких определений волей-неволей выводит меня на старое, тусклое фото, с которого начал этот сказ, на представ-

ленных на нём, счастливых и беззаботных, супругов Оганесян. Глава семейства, контактный и доброжелательный Альберт Самсонович, в те поры был главным инженером пусконаладочного управления, жена его, Наташа (байкал обаяния, везувий энергии, по отцу — понтийская гречанка, по матери — кубанская казачка), служила в нашем «летучем отряде» программистов-экстремалов, официально именовавшемся «участок номер шесть».

Родовое гнездо крепко спаянной семейной пары располагалось в прежде благословенном (ныне — стрелянном, перестрелянном) городе Сухуми, где в большом, поставленном на сваи доме, проживали Наташины родители. К дому этому много лет не за-растала «народная тропа» из города Киева, ибо дол-

госрочные договорные отношения с сухумским филиалом Ленинградского института физики сделали командировочные выезды сотрудников шестого участка на южный курорт — даже при отсутствии требуемой производственной необходимости — ценнейшей формой поощрения ударников коммунистического труда и победителей социалистического соревнования.

Указанная рукотворная благодать исчезла, «*утопая в сияньи голубого дня*», с уничтожением пусконаладочного управления, совершившегося с первыми конвульсиями бездарной перестройки. В последовавшей далее реализации пункта заокеанского сценария — «Великом дерибане» великой страны — большая часть прежнего личного состава выжила и, не потеряв лица, сохранила духовный микроклимат прежней жизни; кто-то бесповоротно сломался; минимум миниморум вышедших в тираж специалистов преуспел.

Оборвались мои связи с большей частью коллег, возобновлению их долгое время мешали суета «выкарабкывания», занятость, беспечная забывчивость, но с приближением к устью дней своих, в какой-то момент времени ощутил острую потребность в частом общении с интеллектуальными единомышленниками, с теми, с кем водил хлеб-соль в благоуспешные годы моей молодости. Первым делом вспомнил о милой чете Оганесян, разыскал в старой записной книжке номер их домашнего телефона и — после почти двух десятков лет молчания — удивил их неожиданным-негаданным звонком.

Мы договорились о встрече, и жарким июльским «послеобеда», группа экс-сотрудников участка номер шесть (помимо меня — Алла Кучерова, Люда Авраменко), в сопровождении моей жены Маши, шумно ворвалась в квартиру бывшего главного инженера пусконаладочного управления и была там радушно принята.

III

Беседа шумная, острот не перечить..
(М.Ю.Лермонтов)

— Этот маленький бокал, но с большим чувством... — так, после прелюдии «охов», «ахов» и вздохов, торжественно открыл застолье чувствительный, велеречивый и бездонный в эпитетах Альберт Самсонович; затем вдруг осёкся, обвёл замерших слушателей ласкающим, покрывающимся туманом воспоминаний взором и... задумался.

Возможно, растроганный неожиданным свиданием с непосредственными свидетелями его успешной молодости, он вспомнил себя молодым специалистом Кировоканского института автоматике; вспомнил, как в середине шестидесятых годов, с помощью будущих друзей-соратников Сладкова, Залесного, с согласия великого генерального директора Незабитовского, он расправил крылья на Киевском заводе вычислительных управляющих машин; вспомнил, каким ловким и стройным, изящным и обходительным он был тогда.

Или, быть может, он погрузился в более ранние разделы памяти, увидел там себя бойким и кудрявым выпускником сухумской мужской школы, прибывшим, в начале пятидесятых годов, в Москву, с фанерным чемоданчиком на навесном замочке и золотой медалью в нём; увидел себя студентом энергетического института (знаменитого МЭИ).

За окнами двухкомнатной «хрущёвки» шелестели густолиственные клёны, гремел скоростной трамвай, с высоты второго этажа хорошо слышался ненормативный галдёж «школяров» во дворе, а над столом, безмолвно ностальгируя, возвышался Самсоныч, и проникавшие в комнату солнечные лучики, отражаясь от гладкой макушки его головы, множились, искрились в стеклярусе люстры...

— Алинька! — аккуратно вернула мужа в настоящее Наташа. — Ты, кажется, что-то хотел сказать.

— Ах, да! — встрепенулся Алинька. — Этот маленький бокал, но с большим чувством, я поднимаю за нашим милых женщин!

Вся честная компания, уже подогретая восторгом встречи, «махнула» по первой («гусары» — стоя), и под радостный речитатив Наташи («Ой, девочки, как давно мы виделись!», «Саша! Какой ты молодец, что собрал нас вместе!») гости, мурлыча от наслаждения, взялись за горячие, с пылу с жару, хачапури.

Когда было покончено с первой порцией ароматных, наполненных расплавленной брынзой слоек, когда моя Марусенька, до мельчайших деталей, выпытала у хозяйки рецепт приготовления её фирменного блюда, наш тамада, объявив, что «между первой и второй — пуля не должна пролететь», вновь наполнил рюмки и начал второй тост:

— Этот маленький бокал...

— Алик! Это уже было! — прервала его Наташа.

— Разве? — удивился Алик. — В таком случае для вас, милые женщины, исполняю песню.

Он откашлялся и негромко, с лёгким надрывом, с хрипотцой, запел: *«Эта женщина! Увижу и робею. Потому-то, понимаешь, не гляжу. Ах, ни кукушкам, ни ромашкам я не верю, и к цыганкам, понимаешь, не хожу...»*

После второй стопки нефальсифицированной водки, под общий рефрен «а помните?!» воспоминания потекли бурно и стремительно, как вода в горной речке. Опережая, перебивая друг друга, две подруги — порыв метели и вьюги — Кучерова и Авраменко заспешили с подробностями былых «Голубых огоньков», «Клубов весёлых и находчивых», которые на неограниченные профсоюзные средства мы проводили в залах кафе «Русь». («Не трусь, посети «Русь», — писал жадный до поэтики Боря Ольшанецкий в громадных анонсах-афишах, обещая попутно выступление камерного оркестра главной районной «малины», соло «на бандаже» её попечителя, раздачу «пряников и слонов» ...) Припомнили «боевые подруги» мои длинные, до мелочей распланированные сценарии развлекательных вечеров, моё стихотворчество: *«До спазм в груди, нитья в колене, когда в душе моей развал, твой экстерьер, твой торс в кремлене меня опять разволновал...»*

— А помните наши вечера поэзии, которые организовывала Наташенька Оганесян? — сдвинула следующий пласт воспоминаний Людмила. — Помните, как мы убрали, украшали самую большую комнату участка, как приносили домашние разносолы, выпечку, как сидели допоздна при свечах, пили хорошее вино, кофе, читали стихи!?

— Такое не забывается! — с грустью в голосе и во взгляде сказала Наташа. — *«Боже! Какими мы были наивными, как же мы молоды были тогда!..»* Конечно, помню... Помню в деталях все наши поэтические собрания, помню прелесть нашего общения, помню, между прочим, как на одно из них ответственная и бескорыстная Авраменко в громадном бауле притащила из дому кофейный сервиз «Мадонна»...

Наташа на мгновенье задумалась, наморщила лоб и, глядя с выразительной симпатией на Машу, явно для неё, стала напевно декламировать: *«Мы любим дом, где любят нас. Пускай он сыр, пускай он душен. Но лишь бы тёплое радушьё цвело в окне хозяйских глаз...»*¹⁹⁶

По завершении декламации минуту-другую полетал тихий ангел. Его сменил Альберт Самсонович, неизменно стремительный и худощавый. Он резво вскочил, разлил нефальсифицированный коньяк по рюмкам и объявил:

— Предлагаю тост, свежий и оригинальный... Этот маленький бокал, но с большим...

— Маленький бокал и большое чувство уже были! — застонала Наташа. — Были, голубь ты мой сизокрылый!

— Что ты говоришь?! — округлил глаза сизокрылый. — А песня была?

Узнав, что песня уже отзвучала, хозяин дома особо не огорчился, сделал значительным лицо и, совмещая тонировку голоса с акцентом кавказца, повёл рассказ:

— Давным-давно, в горах Кавказа, в высокой каменной башне жила красивая и гордая царица Тамара. Время от времени, с наступлением вечера, единственное окно на вершине этой башни раскрывалось, и каждый настоя-

щий мужчина получал возможность, взобравшись по наружной стене в келью царицы, провести с ней ночь в любовных наслаждениях. Многие джигиты, смелые и горячие, решались на рискованное скалолазание, но срывались и падали в пропасть. Лишь только ловкий красавец Вано сумел однажды добраться до заветной цели, даже было перекинул ногу через подоконник, предвкушая скорые ласки. Но... царица грубо оттолкнула его, и он полетел к бранным останкам товарищей по несчастью, выкрикнув напоследок: «За что?!». «За компанию!» — ответила отлетавшему Вано жестокая Тамара.

Самсонич замолчал, выдержал требуемую паузу и эффектно завершил:

— Так вот! Я предлагаю тост — за нашу компанию!

Пошло-поехало. Чувствительная Кучерова пожалела горемыку Вано и осудила коварство грузинской царицы. Я робко предположил, что Тамара возненавидела мужчин из-за нетрадиционной сексуальной ориентации мужа Юрия — внука Юрия Долгорукого и сына Андрея Боголюбского (это исторический факт!), обделявшего её интимным вниманием, интриговавшего против неё.

После моей справки выпили за вечную и «натуральную» любовь между мужчиной и женщиной. Затем, окончательно расслабленная и раскрепощённая, Людмила выступила с пламенной речью о настоящих мужчинах, которым, два-три десятка лет назад, переводу не было. В подтверждение своего тезиса, она очень крепко обняла и страстно обцеловала бывшего главного инженера, назвав его игриво «Альбертиком». Тот зарделся от привалившего счастья, замахал руками и в сладостном изнеможении откинулся на спинку стула.

На десерт подостывшей и подуставшей компании был подан кофе по-турецки — в «жезвочках», приготовленный на мелком, раскалённом песке. Аромат пенящегося, плотного напитка навёл компанию на воспоминания о кофейнях вдоль сухумской набережной, о знаменитом мастере его приготовления, Акопе; вспомнили непередаваемую атмосферу городского базара, продавщицу Надю, у которой наши сотрудники в семидесятых-восьмидесятых годах покупали аджику, ткемали, киндзу, тархун... Слово за слово, подошли к теме войны в этом богодарованном крае, непосредственно и очень болезненно задевшей семью Оганесян.

— В середине июля девяносто второго года, — повела рассказ Наташа, — я приехала к родителям, думала провести месяц с ними, отметить (во второй половине августа) день рождения отца, затем с младшим сыном Юрой улететь в Киев. В роковое четырнадцатое августа, утром, отец уехал за город, на буровую (он работал в геологоразведочной партии), а в полдень в город вошли грузинские танки, загрохотала канонада, засвистели-зацокали пули, загорелись дома, повалили клубы дыма... Весь день мы с мамой не находили себе места, беспокоились за папу; лишь поздно вечером он, целый и невредимый, добрался домой... Абхазские подразделения отступили в Гудауту, за ними потянулись толпы беженцев с нехитрым скарбом, малых детей несли на руках, немощных стариков — на носилках. Пришлые грузины взяли власть в свои руки (на их сторону перешли местные грузины-менгрелы), началось

повальное мародёрство, погром опустевших домов. Оккупанты установили комендантский час, город с его наступлением стал напоминать призрак — поваленные троллейбусные столбы, оборванные провода, битые кирпич и стекло, запах гари, тьма крошечная и мёртвая тишина (даже собаки не лаяли)...

Воспоминания о тех неординарных, страшных днях разволновали Наташу. Она приподняла голову, удерживая выступившие в уголках глаз капельки-росинки, достала сигареты, закурила, продолжая, в перерывах между за-тяжками, описание своего хождения по мукам.

Две недели, от рассвета и до заката, провела она тогда в бурлящей массе бывших курортников, гостей города, пробивавшихся к коменданту морского порта за разрешением на отплытие на попутных судах, штурмовавших их у причалов. Десять часов, вместе с подростком-сыном, просидела она — в полубморочном состоянии — под палящим солнцем на металлической палубе небольшого сухогруза, тревожно всматриваясь в горизонт (несколько дней назад грузинский военный катер расстрелял в открытом море «Комету» — теплоход на подводных крыльях). И, наконец, высадившись в Сочи, она двое суток охотилась за парой билетов на киевский поезд, пока удача не улыбнулась ей.

— Что я ещё хочу добавить, родные мои!? — подытожила Наташа. — После погрома августа девяносто второго года, мы ежемесячно высылали маме и папе продуктовые посылки. Позже, когда власть (в конце сентября девяносто третьего года) вернули абхазы, когда наладилась связь и появилась возможность стабильного общения с родителями, мы узнали, что жили они впроголодь, что ни одна наша посылка до них не дошла. Алик, приехавший к ним в начале ноября, увидел их измученными, осунувшимися, психически истерзанными; он увидел начавший разрушаться дом, покрытый мхом двор... — Наташа замолчала, потёрла лоб, подбирая нужные, значимые слова. — Ветшающий родительский дом словно встряхнул меня. Я поклялась — буду асфальт грызть, но не дам упасть семье. Отбросив щепетильность, былые пред-рассудки, мы с Аликом занялись торговлей с рук — набранными на оптовых базах продуктами питания, «тряпками», безделушками. На первых порах стеснялись видевших нас за этим занятием старых друзей, знакомых, затем — перестали, освоились, заматерели. Постепенно выбрались из безденежья, наладили безбедный быт, стали более основательно помогать родителям (пока они были живы); хорошо трудоустроился старший сын, вырос, стал к делу младший, женился, осчастливил нас внучкой... Сейчас у нас добрая, интересная работа, доставляющая нам удовольствие, дающая возможность независимой жизни... Но самое главное то, что, выживая, борясь за каждую трудовую копейку, мы не изменили нашим принципам жизни, человеческих отношений, самоуважению. Нам не стыдно перед нашей совестью, перед детьми, будущими потомками.

Наташины речи падали на давно подготовленную, кислую почву. Каждый из присутствующих гостей также прошёл свой крестный путь выживания в разрухе, всеобщем бедламе начала девяностых годов. Каждый из нас пережил потерю работы, любимого профессионального занятия, сердечную тоску за

будущее детей и близких, чувства унижения, подавленности, незащитности, ощутил ужас и брезгливость от наблюдаемых грабежа и насилия, вершившихся новыми хозяевами жизни всех уровней — от наивысших государственных чинов до бригад рэкетиров... Напоминание — вскользь, косвенное — о тех чёрных днях жизни, даже много лет спустя, угнетало, портило настроение.

Раздался выстрел. Самсоныч, разряжая возникшую тягостную паузу, с шиком, для «полировки», открыл шампанское и приготовился к любезному резюме в честь «милых дам». Но я осадил его, поднялся и объявил:

— Предлагаю выпить за нашу прекрасную молодость в прекрасной стране: большой, сильной, надёжной, высококультурной, сложной и неоднозначной. Мой тост — за ту атмосферу справедливости, порядочности, в которой мы жили, которая определяла человеческие отношения в обществе. Я пью за наше прошлое, в котором бескорыстие подразумевалось само собою, в котором считалось неблагородно заботиться о собственном благополучии, цинично пренебрегая общенародным благом, в котором трудолюбие и ум (а не скоропалительное богатство!) определяли общественный вес человека, его престиж... Я пью за нас с вами, инженерный подвид «шестидесятников», за тех, кто, состарившись, не опустил, не утонул безнадёжно в тине пошлого мещанского приспособления к новым «понятиям» человеческих отношений, сохранил твёрдость принципов, честность, порядочность, непримиримость к любой гнусности... Мы жили достойно, осмысленно, трудились, не покладая рук, видели результаты своего интеллектуального труда в открытых и закрытых научно-исследовательских институтах, больницах, школах, на заводах, на испытательных полигонах. Мы не были иждивенцами, «ковали» свою долю национального продукта — для себя, для детей и внуков. История — это сумма неустанного труда, подвигов, ошибок живших в ней людей. И мы достойно в этой истории делали своё дело. Не наша вина (наша трагедия!), что пара соперничавших политиканов-временщиков, позабыв Бога, не спрашивая мнения народа, отдала великую державу на поток и разграбление... — Я умолк на мгновенье, перевёл дух, сменил направленность и тональность выступления. — Мой тост, также — за ваше здоровье, дорогие друзья, и за нашу дружбу!

Моя горячая речь добавила пылу-жару угасающему общению, продлила его чуть сумбурным, но искренним, взволнованным обсуждением причин и следствий слома нашего житейского уклада. Простились мы с гостеприимными хозяевами поздним вечером — все безмерно счастливые, довольные, взяв друг с друга слово повторять такие встречи, расширить их состав. Расходились с нестройным, разноголосым пением: *«Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...»*

IV

Прошли лета, и всюду льются слёзы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Игорь Северянин

Ещё долго — по дороге домой, дома — мой мозг, возбуждённый финальной тематикой только закончившейся сходки, продолжал интенсивно «работать» над небезразличными мне вопросами недавнего прошлого.

«Молодость прекрасна сама по себе, — размышлял я, — но отличительной особенностью этой прекрасной поры жизни для меня, моих сверстников было то, что она совпала со временем «оттепели», начавшейся в конце пятидесятых годов. Общество раскрепостилось, принципы справедливости, равенства, бывшие идеологической основой государственной системы, «заиграли» большей открытостью, ясностью. Власть сократила цензурное давление, диктаторскую бесцеремонность. Меньше стало лицемерия, больше — искренности, уважительности в отношениях «верхов» с «низам».

Мысли мои прыгали, вертелись в голове, сбивались с основной линии суждения, вновь на неё возвращались; были они, по обыкновению, фрагментарными, всякий раз — с переработкой и добавлением новых нюансов, свежих мотивов. Размышления о дивных годах молодости, выделение в их содержании этического стержня давно стали моим любимым занятием; частые погружения в них делали меня в глазах окружающих «задумчивым», «рассеянным».

«Кажется, Кант говорил, что «природа сделала страдание стимулом к деятельности человека, неизбежно толкающим его к лучшему», и, кажется, Аверинцев полагал, что «чересчур обезболенная жизнь лишена значительности», — перепрыгнул я на новую веточку размышлений. — Для моего поколения уровень указанных «нормативов» (в сравнении с предшествующими десятилетиями) стал умеренно-терпимым, толкающим толковых, энергичных, целеустремлённых юниоров в учёбу, в производство, в науку, в культуру... В нас воспитывали продуктивный, созидательный характер, приучали умом, хорошей профессией, достойным трудом добиваться материальных благ, высоких должностей, чинов, званий... Деньги, в конце концов, были эквивалентом таланта, трудолюбия, а не ловкости...».

Эта, как мне показалось, глубокая, с привлечением классиков, сентенция мне понравилась, но она притомила меня. Похвалив себя, я дал отдых голове, откинулся на спинку кресла сиденья «полночного троллейбуса», в котором мы с женой двигались в сторону дома, осмотрелся. На кабине водителя висел революционный плакат — отпечатанная на нём «женщина в белом», пронзая пространство экстатическим взглядом карих глаз, обещала упечь бандитов в тюрьмы и дать волю демократии. (Эту «агитку» я уже не раз видел в коммунальном транспорте города; видя её в очередной раз, вспоминал Владимира

Даля: *«Нет страсти неистовее безумной любви, но и она гаснет со временем: напротив, властолюбие, обратившись в страсть, растёт с годами».*)

Рядом, обсасывая друг друга и общую флягу пива, мычала от страсти пара разнополых отроков (он — разогретый трением, худотелый и прыщавый, она — также половозрелая, в опадающих с таза штанах и с потным пупком)... На очередной остановке в троллейбус впорхнула юная бизнес-леди с «мобильником» в руке. Прижав его плечом к уху, не понижая громкости очень интимного телефонного разговора, она вытащила из ридикюля полтинник и без комментариев отдала его мне для передачи водителю. За талоном — по причине малолюдности и собственной покладистости — прогулялся через весь салон троллейбуса, за что заслужил от деликатной красавицы одобряющий кивок головой.

«И не было экономического тупика четверть века тому, — глядя рассеянно в тёмное окно троллейбуса, начал я перебирать вновь найденную нить движения мысли, — были косность, консерватизм верховного руководства, рассылавшего вагоны валюты перспективным «демократиям», искусственно выращенным, непредсказуемым «единоверцам». Не хватило системного мышления, воли, диалектики престарелым управителям, чтобы пустить на переоборудование, развитие державы хлынувший на неё золотой ливень нефтедолларов, чтобы, оставив за ней недра, сырьевые ресурсы, стратегические производства, науку, образование, здравоохранение, разумно поделиться остальными сферами народного хозяйства со сметливыми и энергичными согражданами — так, как это сделали в неизменно коммунистическом Китае».

Если бы да кабы во рту выросли грибы, то был бы то не рот, а целый огород. Этой шуточной поговоркой мама не раз одёргивала мои безмерные детские фантазии. Её повторяю, с сожалением и грустной иронией, всякий раз, когда, перейдя к сослагательному наклонению, пытаюсь представить экономический, научно-технический, социальный прогресс, который достигла бы моя страна, пойдя она по мудрому, восточному пути развития. Повторил и в этот раз.

«К истории следует относиться с высоким почтением, не модифицируя и не терзая её, — продолжил я своё внутреннее философствование. — Карамзин говорил, что *«история, в некотором смысле, есть священная книга народов: главная, необходимая; зеркало их бытия и деятельности; скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего».* Помимо откровенной подтасовки фактов, передёргивания, более изощрённой формой искажения прошлого является однобокая интерпретация его событий для сиюминутных политических целей.

Таковой является извлечение на общее осуждение мрачных, малоприятных эпизодов советского прошлого, которые — в большей или меньшей степени — уже были обнародованы и публично осуждены в начале шестидесятых годов. Выпячиванием недавнего исторического «чёрного» без сочетания его с «белым», современные фарисеи косвенным образом обосновывают ныне сложившиеся — их стараниями! — глубоко несправедливые общественные отношения, оправдывают приведший к этому развал и ограбление Советского Союза, с последовавшими гибелью, страданиями сотен тысяч людей.

Моральное право на укоры прошлому нынешние властители и их служки имели бы лишь в том случае, если бы за время их «хозяйствования» вольная экономика сделала серьёзный шаг вперёд, дала развитие новым технологиям, новому производству, подняла сельское хозяйство, гарантировала трудоспособным гражданам работу... Не морально разглагольствовать о «проклятом прошлом» людям, воспользовавшимся всеми социальными преимуществами уничтоженной системы общественных отношений на всех этапах своего жизненного пути...

Ход моих мыслей прервал шум и гам в небольшом сквере, через который, выбравшись из троллейбуса, завершая долгий путь к дому, шли мы с Марусей. «Метелились» две группы «бомжей» — кричали мужчины, визжали женщины-«синеглазки», возмущались на балконах сонные жители. Из нечленораздельных выкриков бойцов уловил, что шла ночная «стрелка», «разборка по понятиям» за право пользоваться мусоросборниками соседнего двора и всей округи. Давно оккупировавшие этот ареал «бомжи»-ветераны в борьбе за выживание явно проигрывали пришлой команде молодых, очень агрессивных пригородных босяков и медленно отступали под их напором, через арку дома, на улицу, в неизвестность.

«Вот один из образчиков общественного переустройства, — хмыкнул я про себя. — Пруд можно прудить из подобных «достижений». «Не истины хочу, но правды». А правда состоит в том, что в результате глубоко аморального — с насилием, кровью, жульничеством — передела общенародной собственности, ставшей следствием Беловежского «беспредела», её большая часть оказалась в руках небольшой — наглой, жестокой, беспринципной, небесталанной — группы людей. В этом глубоко ранжированном классе нуворишей видное место отделено совсем не бедствующему подклассу политиков, депутатов всех уровней. Его обслуживает подразделение чиновников, жадных, беспринципных, коррумпированных, безразличных к судьбам государства, его граждан, озабоченных более всего размерами «снимаемых» взяток.

Народ для новоявленной «элиты» являет некую абстрактную субстанцию, материализующуюся в электорат во время очередного призыва к избирательным урнам. С ним она общается, его наставляет, учит посредством, прежде всего, телевидения — сервильного и одностороннего. Его комментаторы, ведущие, обозреватели — артистичны в представлении себя всё видевшими, всё знающими, категоричными и саркастичными носителями истины в последней инстанции (особо выделяется неукротимой борзостью их юная поросль — «мальчики с грязными попками», — могущие небрежно, походя лягнуть неведомое им, но дорогое согражданам, прошлое)...»

Возня с капризным квартирным замком оторвала меня от бичевания пороков государственной жизни, переключила гнев на осуждение «качества» китайско-турецких метизов. Перед сном удобно устроился в постели, под включённым бра, и пока жена скорёхонько досматривала ухваченную концовку дежурного телесериала, с раскрытым томиком в руках занялся общением с безгранично любимым Чеховым. В бессловесном диалоге мы сделали сравнительный анализ этических категорий «богатство» и «правда».

«Богатство никогда не было базовой ценностью в русской культуре, — открыл я обсуждение. — Оно всегда рассматривалось как некое пограничное

состояние человека: «богатство вода, пришла и ушла», «в аду не быть, богатства не нажить»... На первом месте в ряду житейских ценностей всегда была «правда»: «не в силе Бог, а в правде», «без правды жить легче, да помирать тяжело»... Богатство стоит на лицемерии, обмане, правда — на полном согласии слова и дела. В конечное торжество правды, как цели человеческого бытия, верит человек униженный, оскорблённый, обделённый...»

Антон Павлович укрепил меня в моих убеждениях: *«Каким бы неуклюжим зверем не казался мужик, идя за своею сохою, и как бы он ни дурманил себя водкой...он верит, что главное на земле — правда и что спасенье его и всего народа в одной лишь правде, и потому больше всего на свете любит справедливость».*

Общение с обожаемым Учителем продолжалось ещё некоторое время. Мысли мои минута за минутой слабели, теряли ясность выражения, превращаясь в дремотные грёзы. Грань между бодрствованием и сном стёрлась, я уснул.

V

Мне приснилось моё Детство — чистое, ясное, искреннее. В нём были синее-синее небо, белый-белый снег, искрящийся мириадами отражённых солнечных лучиков. (Таким снег бывает в начале весны, когда после лёгкой оттепели приступ жестокого мороза превращает его в гигантское скопление кристалликов.) В нём была высокая-высокая, вся покрытая белым инеем берёза, росшая через дорогу от нашего уманского домика. В нём были мой парк «Софиевка», плантация молодых ёлочек на парковом склоне, зеркалом отливающая гора на Дубинке, с которой — на санках, на жестянках, просто «на ногах» — слетала кричащая, визжащая детская лавина.

Я увидел себя семилетним, уткнувшимся в колени мамы и горько-горько рыдающим — слободские пацаны сломали в парке мои санки, натравили на меня собаку, которая изодрала в клочья мою шапку, продырявила мои штаны. Я увидел маму, её наполненные слезами сопереживания глаза; я ощутил её тёплую ладонь, глядящую мою вихрастую макушку головы...

Ко мне — увы, только во сне! — вернулись мгновенья счастья.

Подарок судьбы

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

У. Шекспир

Под вечер, возбуждённый суетой ушедшего дня, он вернулся домой; поставил машину в гараж, прошёл в библиотеку, удобно — вытянув, до хруста в суставах, ноги — устроился в кресле.

Был май; за окном, в лучах заходящего солнца мерцал цветущий сад, звучал птичий концерт, но очередное обновление природы, его милые детали не вызывали у него, как в прежние годы, радости и подъёма чувств. Депрессия — весенняя, возрастная, от наблюдаемых мерзостей жизни — липкой паутиной оплела душу, непреодолимой силой сдавила сердце.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно...¹⁴⁰

Рассудок пытался вернуть душевное равновесие, но неприятные, жёсткие и тяжёлые, мысли порыв этот оборвали — заполонили голову в мстительном самоуничижении, с перебором собственных недостатков и слабостей, без добрых самооценок и подходящих самооправданий.

Он судорожно — словно пытаясь сбросить мрачное настроение — потрянул головой, вскочил с кресла, несколько раз прошёлся по комнате; подошёл к стеллажам, снял с полки «исцеляющий бальзам» — том Бунина; неспешно, чуть рассеянно перелистывая книгу, остановился на отделённой закладкой странице. Чудесный, давно не читанный рассказ «Грамматика любви», с прелестными (в старинных речевых оборотах) суждениями о природе женского обаяния увлёк его:

«...Любовь не есть простая эпизода в нашей жизни... Разум наш противоречит сердцу и не убеждает оного... Женщину мы обожаем за то, что она владычествует над нами мечтой идеальной... Тщеславие выбирает, истинная любовь не выбирает...»

Он всмотрелся в закладку — то был старый железнодорожный билет «Киев — София», два десятка лет тому оказавшийся под рукой, когда потребовалось отметить в книге местоположение текста, по смыслу близкого его душевному настрою; теперь эта пожелтевшая полоска бумаги вернула его в дорогое прошлое.

«О память сердца, ты милей рассудка памяти печальной»¹⁴³. Горькая хандра, гран за граном, растворилась в потоке остро-сладких воспоминаний. Волнение иной природы — нежное и тёплое — согрело сердце, дало ему новый, более частый ритм.

Он вспомнил далёкий чужеземный город, в котором, удивительным стечением обстоятельств, оказался вместе с очаровательной, неординарной женщиной; неспешно перебрал в памяти — в образах, звуках, ощущениях — мельчайшие детали нескольких дней нечаянного счастья, когда они — вдали от забот и суеты, от злой молвы — были полностью и безраздельно предоставлены друг другу.

Независимости, уединённости (обеспеченной свободной квартирой молодого друга), возможности насладиться нюансами душевной и пряностью телесной близости, они — взрослые, семейные люди — радовались, как юные влюблённые.

Ночи безумные, ночи бессонные,
Речи несвязные, взоры усталые...
Ночи, последним огнём озарённые,
Осени мёртвой цветы запоздалые!¹⁴¹

Их жадно тянуло к новым местам и новым впечатлениям. Воздух свободы пьянил, словно сливовая ракия, которой они — в жаркий июльский день — согревались на горе Витоша, заедая крепкий напиток ароматными, испечёнными на углях «тюфкетами» и «кебабчетами»; казалось, они попали в сказку, в волшебный город, где творятся чудеса и исполняются заветные желания, где невозможное становится возможным, где глубже и острее чувствуется взаимная близость.

*«Не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием...»*¹¹. Затерявшись в толпе чужих людей, без оглядки на время, они подолгу, увлечённо беседуя, гуляли по красавцу городу, по его старинному центру, по паркам и скверам, допоздна засиживались в уличных кафе; наслаждались один другим и грустили, в предчувствии неизбежного завершения светлого праздника.

События эти происходили после полутора десятка лет его — начавшейся скоропалительным браком в студенческие годы — семейной жизни, когда стала беспощадно очевидна бессмысленность её продолжения.

«При вступлении в брак нужно ставить себе вопрос: полагаешь ли ты, что до старости сможешь хорошо беседовать с этой женщиной? Всё остальное в браке преходяще...».

(Фридрих Ницше).

Крепок наш брат задним умом! Скоро проявившиеся различия (кроме сходной горячности) в характерах, во взглядах на жизнь, в подходе к основополагающим принципам супружеских отношений — к коим он относил взаимное уважение, умение прощать и уступать — превратили их с женой в недругов.

Общение с нею — любительницей «перемывать грязное семейное бельё» при посторонних, жаловаться на не иссякающие проблемы быта, собственного здоровья и не любительницей заниматься домом — стало для него боями местного значения, с редкими, два-три дня в месяц, эпизодами перемирия.

Её внешне безобидная экономность превратилась в жадность, переросшую в откровенную скаредность, в неодолимую тягу к накопительству; большая часть заработка, передаваемого им на ведение хозяйства, «распикивалась» ею (как он случайно выяснил) по тайным сберегательным книжкам; регулярно демонстрируемая ревность была, по сути, формой предъявления прав на движимое, дающее регулярный доход имущество — мужа.

Всё это надоело ему до тошноты, возбуждало дрожь неодолимого отвращения (прежде всего, к самому себе); только дети долго удерживали его от ухода, но пар в котле брачного сожительства был перегрет до критически опасной отметки — взрыв и распад семьи стали неизбежными.

Я признаю с великим сожаленьем,
Испорчен род людской, да это так:
Единым порождённые стремленьем,
Не ладят меж собой любовь и брак³².

Идеал женщины — в мечтах способного к мышлению и надежде мужчины. «Идеал — отдалённый прогноз, воспринимаемый интуитивно», — в терминологии Льва Гумилёва; идеал — цель к которой можно и должно стремиться, но которую, по определению, невозможно достичь.

Когда он, на естественном излёте своей семейной жизни, впервые увидел её — красивую, высокую, стройную, элегантную, разумную, — то, почувствовав приближение к мысленному образцу совершенства женского, ощутил душевное и сердечное смущение, за которым, как взрыв, последовали встречное тяготение и проявление взаимной симпатии.

Когда, ласковым днём бабьего лета, она — восхитительная блондинка, в тонком, плотно облегающем фигуру, белом свитере — обвила свои руки вокруг его шеи и впервые поцеловала, словно электрический разряд пронзил его тело, вызвав великий восторг и нежное очарование.

Как правая и левая рука,
Твоя душа моей душе близка¹⁴².

Он не просто любил — боготворил её. Она — страстная и впечатлительная — отвечала ему тем же, чувствами своими убеждая, что нет ничего более прекрасного в мире, чем женская любовь, — бескорыстная и самоотверженная.

Всё, вплоть до мелочей, нравилось ему в ней: изящно-правильные черты лица, вдумчивые глаза, волнующий тембр голоса, умение со вкусом одеваться, следить за собой... Его завораживали её женственность, деликатность, проницательный ум, умение выдержанно и достойно держать себя в критических ситуациях.

Сходство в суждениях, в интеллектуальных запросах объединяло их; никогда он не слышал от неё назидательных речей — с мудростью дипломата она воспринимала и представляла его недостатки как близкие к ним достоинства; в трудные для него минуты жизни находила нужные целительные слова, одним своим присутствием снимала с него нервное перенапряжение — словом, была прекрасной женщиной и замечательным товарищем.

Казалось, сама судьба предназначила их друг для друга...

Он приоткрыл глаза, медленно выходя из сомнабулического погружения в прошлое, в его лучшую «эпизоду». Память, ей известным механизмом защиты психики, перекрыла переход к следующему — с горечью перемешанному — слою воспоминаний, где долгие годы зыбкого и конспиративного счастья; где безуспешное — по житейской ситуации невозможное — взаимное стремление узаконить отношения; где вынужденное — тяжёлое и болезненное — завершение чудного романа.

«Счастье с несчастьем смешалось — ничего не осталось,» — так полагал он долгое время. Теперь, растревоженный видениями давней любви, пересекающей

его жизненный путь, он мысленно благодарил судьбу за роскошный, истинно царский подарок, за предоставленную ею возможность тонкого духовного слияния с женщиной обаятельной прелести.

Мягкая грусть и нежная благодарность наполнили его душу, вернулись покой и доброе настроение. Он подошёл к окну, открыл форточку, выглянул в сад. В наступивших сумерках смутно белели выкрашенные известью деревья; в небе чуть светил молодой, после недавней Пасхи родившийся, месяц; в вишеннике, томясь любовью, рыдали изумительными трелями соловьи — жизнь продолжалась.

Нежней и бесповоротней
Никто не глядел Вам вслед...
Целую Вас — через сотни
Разъединяющих лет.

(Марина Цветаева)

Сестра Таня

В дни отрочества моего — воинственного и бескомпромиссного — в качестве средства бесконтактного выяснения и корректировки межмальчишеских отношений использовал механизм полного игнорирования очередного оппонента. Педагогические возможности такой психологической экзекуции оценил ещё в раннем детстве (жили мы тогда в Верхнячке), когда по воле отца соучаствовал в бойкоте брата-первоклассника, пропустившего уроки и давшего тому невероятное (но правдивое) объяснение — оставленный им на крыльце без присмотра портфель наша хитроумная дворняга спрятала в конуре.

Приёмы тихой войны были любы моему подростковому характеру обидчивого, импульсивного эгоцентриста, оценивавшего себя как верховного носителя истины, а несогласных со мной — как инакомыслящих отступников. Приёмы эти так увлекли меня, что однажды, не задумываясь, применил их по отношению к...маме.

Случилось это в одна тысяча девятьсот шестьдесят первом году, в тусклый, прохладный день весеннего солнцеворота и завершения третьей учебной четверти, когда из подъезда нашего, недавно заселённого дома на Агрономической улице выбежал отец, растерянный и с пухлыми авоськами в руках. Не замечая меня, возвращавшегося из школы, он сбежал в старый шелковичный сад, взлетел на опушку дендропарка и, потоптавшись на месте, через глухие заросли Грековой балки взял курс на родильный дом.

Причину отцовской суетливости понял после того, как соседка по этажу и мамина подруга, Ольга Михайловна Пальгова, поздравила меня с рождением сестрички. Новость эта прозвучала громом средь ясного неба, ибо ничего не знал о маминой, за её естественной полнотой прятавшейся беременности.

Теперь же, когда всё счастливо разрешилось и разъяснилось, на меня, вместо радости, накатило возмущение поведением родителей — почему скрыли, не уведомили, не согласовали!?

Впрочем, предъявить претензии отцу, из чувства самосохранения, не решился. Тем более что несколько дней маминого отсутствия он водил нас с братом в центральный городской ресторан, где сорил деньгами, предоставляя чадам своим волю в выборе блюд, преимущественно деликатесов и сладостей.

Отыгрался на маме. Когда она, вместе с крохой Таней вернулась домой, я обдал её ледяным взглядом и, не отвечая на приветствия и расспросы, с высоко задраным носом «вышел вон». Некоторое время стойко выдерживал характер, мама, обидевшись, отвечала встречным безразличием. После недельного бойкота перегорел, умягчился и всем своим видом стал выказывать желание прекратить игру в молчанку, не решаясь — гордыней обуянный! — первым сделать шаг к примирению. Сделал это в день полёта Гагарина — примчавшись домой, очень естественным образом, позабыв об обструкции, выплеснул на домочадцев последние новости полёта и приземления первого в мире космонавта.

Далее, стремясь загладить вину перед мамой, активно и с инициативой помогал ей в уходе за сестрёнкой: в ущерб своим походам на стадион сторожил младенческий сон во дворе, в низкой посадки коляске; бегал на молочную кухню, за покупками; сопровождал маму с малышкой на контрольные обследования в детскую поликлинику, на домашний приём к знаменитому уманскому акушеру Билинкису (кстати, в своё время давшего и мне ход в белый свет).

Лапушка Таня, подрастая, всё более и более оформлялась во внутрисемейных отношениях семейным идолом, почитаемым и обожаемым. Идолопоклонство совмещалось с кормлением маленького божка в детской комнате, оно требовало от родителей известной сметливости, терпения, поиска новых ритуальных форм. В процессе поклонения, сидевшая на высоком стульчике малышка, заложив за щёки порцию манной каши, с интересом следила за взрослыми, ожидая от них чего-то необычного, эксцентричного, что могло бы заставить её, в качестве поощрения исполнителей, проглотить еду. Очень энергично и с фантазией выступал отец — высоко подпрыгивал, канканировал, падал на колени и ползал по полу, рычал, пищал, декламировал со свирепым выражением лица: «Пришла коза рогатая за малыми ребятами...» Некоторое время его антраша, артикуляция и жестикация имели успех, но скоро дочурка откровенно заскучала, праздно глядя в пространство, с округлёнными глазками и надутыми, как у хомячка, щёчками.

Преуспела мама, вычислившая, методом проб и ошибок, что аппетит к любимице приходит в процессе совместного просмотра и изучения «Книги о вкусной и здоровой пище», выпущенной товарищем Микояном в начале пятидесятых годов. Это кулинарное наставление позволило ей, день за днём, успешно выкормить «маленькую хозяйку большого дома», оно, потрёпанное и разрисованное, без нескольких листов сохранилось до наших дней как дорогой артефакт нашего чудного детства втроём.

Гораздо больше проблем питания беспокоило родителей слабое здоровье дочки, её частые простуды. Возможно, тому причиной были поздняя мамина беременность и тяжёлые роды, совершившиеся с помощью кесарева сечения. Возможно, в том был какой-то знак судьбы, её указание на будущие физические страдания девочки... Кто знает, кто знает... Во всяком случае, родители делали всё, чтобы уже в детстве подавить Танины проблемы со здоровьем. И когда весной шестьдесят третьего года под Одессой случилась локальная вспышка холеры, мама предусмотрительно увезла дочку в Москву, к своим родным, дяде Шуре и тёте Кате (там, кстати, Таню окрестили в храме на Преображенке).

Следующей осенью завершился уманский период жизни нашей семьи, переехавшей на родину отца, поселившейся в посёлке селекционной опытной станции, под Брянском. Тане перемена места жительства не понравилась, и в начале зимы, оставшись без маминого надзора на детской площадке, она отправилась в обратный путь, на свою родину, в Умань. Пока мама, потеряв голову, металась по посёлку, путешественница успела выйти в покрытые снегом поля, где была остановлена случайными прохожими и возвращена домой.

К тому времени я уже учился в институте и пребывал в состоянии жуткой тоски по только оставленному школьному детству, по ушедшим в прошлое одноклассникам, скучал по домашнему быту, по любимой сестрёнке. Пообщаться с ней подольше и без спешки смог только в пору своих первых летних каникул, которые мне сократила обязательная для начинающего студента летняя трудовая практика. Дома появился в конце июля, и, не отряхнув дорожную пыль, помчался в детский садик.

Там был «мёртвый час». По моей просьбе нянюшка разбудила Таню и вывела, ещё полусонную, в раздевалку, усадила на стульчик у её шкафчика. Уже натягивая коричневые нитяные чулочки, Танюша полностью отошла ото сна и, узнав меня, заплакала.

— Где ты был? Почему так долго ехал? — запричитала она негромко и отчаянно. — Я так ждала тебя!

Меня захлестнули тёплое волнение, нежность и любовь (предтеча моих будущих отцовских чувствований к моим будущим детям), к горлу подкатил комок — я подхватил сестрёнку на руки и скоро-скоро пошёл домой.

...Всё это — в грустных, смутных воспоминаниях, всё это — приписка, сказка — впереди...

Не могу вспомнить, в каком эпизоде Таниного детства впервые прозвучал уверенный намёк на её силу воли, целеустремлённость, на природный дар «бороться и искать, найти и не сдаваться», на умение постоять за себя. Как рассказывала мама, сильный характер дочери она впервые узрела и учу-

яла в маленькой жанровой сценке, в которой четырёхлетняя Таня разметала игрушки нагрубившего ей сверстника, после чего, выставив в его сторону ла-

дошки, с изогнутыми, как коготки, кончиками пальцев, твёрдо заявила: «А теперь, Алёшенька, попробуй тронуть меня!»

В школьные годы, начиная с первого класса, Таня самостоятельно решала все учебные проблемы, оставив родителям минимум формальных воспитательных забот и возможность радоваться успехам дочери. Решительность, врождённое честолюбие и зарождающееся самоуважение побуждали её только к первенству в учёбе, в нравившихся ей делах и затеях. Так, увлёкшись вязанием, она скоро стала мастерицей-рукодельницей, обвязывавшей себя и маму свитерами, носками, шапочками. Следуя семейной традиции, сызмальства много читала, развивала эрудицию, формируя в себе натуру филологического склада. Уже к восьмому классу определилась со своей будущей профессией и заранее уведомила родителей о намерении, по примеру старших братьев, выбраться в Ленинград и поступить в университет, на факультет романо-германской филологии. В подтверждение серьёзности своих намерений, перевелась из поселковой школы в славную сильными учителями школу городскую, стала дополнительно самообразовываться.

Мне, в ту пору начинающему инженеру, часто, по возвращении из командировок в Киев, заезжавшему домой, доводилось не раз менторским тоном отговаривать сестру от её, как я полагал, благого намерения. Убеждал её, что поступить на элитарный факультет знаменитого вуза, при неизменно заоблачном конкурсе на него, невозможно, что успеха, в первую очередь, добиваются «позвоночные» абитуриенты. Татьяна слушала мои пылкие аргументы с деликатным почтением младшей сестры, но оставалась при своём особом мнении и чётко выписанном плане действий. Согласно его первым двум пунктам, она, получив почти отличный аттестат, наработала требуемый трудовой стаж, который — как обязательное предварительно условие — позволил ей поступить на подготовительный факультет чаемого вуза. Далее, добавив себе знаний, попала в разряд непотопляемых абитуриентов и, достойно сдав вступительные экзамены, осуществила первую в жизни мечту.

Почти семь лет отзанималась Таня в главном университетском корпусе, выходящем торцом к Неве, глядящем своими окнами на её противоположный берег — на здание Адмиралтейства, на Медного Всадника, на Исаакиевский собор... Эти рукотворные пейзажи, особая культурная атмосфера города сделали её за время учёбы патриотом Ленинграда, ленинградкой по духу, возбуждали острое желание утвердиться в этом дивном городе. Защитив диплом, она недолго поработала по распределению учителем немецкого языка в заштатном городке Ленинградской области и во второй половине восьмидесятих годов вернулась в любимый город для окончательного в нём укоренения.

На идеальное воплощение второй по счёту мечты сестре понадобилось почти полтора десятка лет. Его результатом, уже в начале нового века, стал приватный Татьянин центр обучения иностранным языкам, дислоцированный в центральной части Питера и уютная, ухоженная, со вкусом обставленная квартира на Таврической улице. Процесс реализации задуманного потребовал от невысокой, шупленькой экс-провинциалки неустанного труда и напряжения интеллекта, сообразительности и хитроумия, искусства пред-

восхищать, умения позитивно для себя реагировать на опасность (от завистников, от одноклеточных рэкетиров), таланта результативно проходить эшелонированные построения сребролюбивого чиновничества.

Всё это время, отделённый от места судьбоносных событий тысячью вёрст и собственными заботами выживания, был только безучастным, слабо осведомлённым свидетелем сестринских усилий. (Тем более что Таня, не любившая говорить о своих проблемах, на время их обострения прерывала родственные контакты до изменения ситуации в своей жизни к лучшему.) Когда же дым бытовых и деловых баталий рассеялся, и обнаружилась основательно-надёжная житейская диспозиция победительницы, я поразился содеянным ею, восхитившись более всего тем, что благосостояние своё сестра выстроила не по убойным правилам бандитского капитализма, а на мощи собственного умственного капитала.

«Откуда, — терялся я в догадках, — пришла к этой внешне слабой, более на девочку походящей, женщине железная воля и отвага, дар быстрых решений? Кто дал её светлой головке редкую интуицию и проницательность? От кого, из какого колена материнского или отцовского рода передались ей коммерческая жилка, организационные способности, мастерство системного мышления?» И чем больше я обмысливал Танин характер и результаты его воздействия на её судьбу, тем больше гордости, на уважении замешанной, испытывал за всегда для меня маленькую сестру, давшую блеск и значимость нашей фамилии, ставшую старшим братьям примером для подражания.

Увы, не всё сложилось в Таниной жизни так, как того ей хотелось, была у медали её успеха своя оборотная, совсем не радостная сторона. В круговороте борьбы за самоутверждение не довелось ей устроить личную жизнь, стать мамой. «Слишком высоко подняли братья мужскую планку, не нашёлся ещё мужчина такого уровня», — то ли шутя, то ли серьёзно объясняла сестра свою семейную неустроенность.

Но — самое страшное! — не дала ей судьба в полной мере вкусить плоды победы, раскрепоститься после неё, ощутить прелесть только наладившейся жизни, в полной мере отдаться любимому делу. Вдруг появились быстрая утомляемость, слабость, нарушилось дыхание — какой-то неведомый недуг стал точить Танино тело, терзать её сознание.

Обозначила судьба Тани новый рубеж — на этот раз обороны от коварной и, как вскоре выяснилось, чрезвычайно редкой болезни. Вновь пришлось ей собирать силу воли в кулак, держать в узде нервы, крепиться, не давать слабину на людях. Потянулись дни и месяцы хождений по поликлиникам, лечений в стационарах с частыми консультациями у специалистов, долго и безуспешно пытавшихся выработать методику лечения малоизученной хвори.

*«Опять весна. Знакомый круг
Замкнут который раз...»*

Апрель 2008 года. Автор книги со своими любимицами-внучками, двоюродными сёстрами, двумя Аннами ... «на шее».

*«Когда-нибудь, прелестное создание,
Я стану для тебя воспоминаньем».*

«Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела». Так было в недавнее беззаботное время, когда песнями нашей молодости дополнял с друзьями летние застолья в саду моего загородного дома.

«Оглянуться не успела, как зима катит в глаза». Нынче, когда природный газ превратился в предмет роскоши, не до песнопений. По примеру односельчан отказался от его потребления, а, дабы не роскошествовать, заменил голубое топливо доступными дровами — для печного отопления.

Издатель этой книги — мой брат, Виктор Леонтьевич Головцов. Выпускник Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ), кандидат физико-математических наук, сотрудник отделения Петербургского института ядерной физики (ПИЯФ), участник экспериментов на Большом электронном коллайдере в Европейском центре ядерных исследований (ЦЕРН) в Женеве.

Московские Головцовы, Лена и Саша, с очаровательными дочурками — Лизой и Катей.

*«Мы быстры и наготове,
Мы остры.
В каждом жесте,
в каждом взгляде,
в каждом слове! —
Две сестры».*

Моя старшая, уже взрослая внучка Аня Головцова давно, вместе с отцом, моим сыном Сергеем, оставившая родные палестины ради жизни в Канаде.

Моя младшая внучка Аня Дорошенко, спортсменка (пловчиха), по жизни — активистка, по примеру деда без хороших книг жить не могущая. Как и её двоюродная сестра, живёт вместе с родителями за океаном — во Флориде.

В это тяжкое время физической и психологической опорой Тане стал брат Виктор, принявший в своё сердце её боль, сделавший всё возможное и невозможное для спасения нашей общей любимицы. Бросая институтские дела, смещая важнейшие зарубежные командировки, он бегал по клиникам, искал и находил дефицитные лекарства, консультировался с лечащими врачами и, как самый близкий Тане человек, давал или не давал согласия на реализацию ответственных лечебных решений. И, сверх всего, контролировал работу Таниной фирмы, которая, несмотря на долгое отсутствие её владелицы, функционировала как раз и навсегда отлаженный часовой механизм.

Поначалу я слабо представлял всю тяжесть и сложность положения сестры, и лишь после перенесённой ею второй операции, когда брат раскрыл мне реальное положение вещей, пережил резкий душевный удар, потрясение, близкое к нервному срыву. И всё же — я не верил в худшее, надеялся, что вновь сработает сила воли сестры, что характер её переборет болезнь, что ей ещё жить и жить... И когда она решилась на третью, по её мнению спасительную операцию, я до последнего продолжал верить в благополучный исход. Но... не судилось мне больше видеть Танечку живой.

...В моей киевской квартире, на рабочем столе, уже много дней стоит обрамлённый красивым паспорту фотоснимок Тани, сделанный незадолго до её кончины. С него сестра внимательно и очень грустно смотрит на меня, но я — отчаянно пытаюсь! — не могу ответить ей встречным взглядом. Стараюсь, но не могу посмотреть ей в глаза, ибо в глазах её — великая мука, которую она стоически переносила последние годы своей жизни, ибо во взгляде её с фотографической бумаги — уже обращение в другой, нематериальный мир, нам, на земле живущим, пока ещё неведомый, нами трудно воспринимаемый.

Я отвожу глаза и вспоминаю жаркий июльский полдень далёкого, полузабытого шестьдесят пятого года в близком брянском пригороде. Я вновь вижу и слышу свою любимую четырёхлетнюю сестричку, которая, обхватив ручонками мою шею, уткнувшись головкой в мою грудь, горько-горько плачет и укоряет меня за поздний приезд.

«Как вылооть из памяти печаль,
Как письма тоски стереть в мозгу?»²⁰³

Мишкины истории

Как-то жарким июльским днём, по длинному коридору ателье индпошива обуви прохаживался сумрачный и задумчивый Мишка Буяло — молодой человек четырёх лет, щупленький, с острым подбородком, лукаво сжатými губами, умным и ясным взглядом. Размышления о слабом выторге в минувшие выходные дни морщили его детское чело.

В свои нежные лета был он видным знатоком ручного изготовления обуви и её розничной реализации. Жизнь под одной крышей с любимым дедом, про-

фессиональным обувщиком с тридцатилетним стажем, регулярное участие в семейных производственных совещаниях и планёрках, насытили Мишку великого объёма знаниями. Он твёрдо усвоил, что такое моделирование обуви, крой, пошив и затяжка, что такое подгонка колодок. Грамоте и арифметике ребёнок учился на обувных каталогах и прейскурантах.

Все проблемы падения качества изготавливаемой в ателье продукции, спроса на неё, которые переживал и решал дед, Михаил также принимал близко к сердцу, не отстранялся от их разрешения. Вот и в этот раз, побродив недолго по коридору, он решительно вошёл в сапожный цех, стал в позу оратора, упёр кулаки в боки и, стреляя карими глазками по сотрудникам, «толкнул» зажигательную речь.

— Это безобразие! — выкрикнул он, и народ вздрогнул. — Знаете ли вы, что сейчас «не сезон», что на Троещинском рынке китайской обуви хоть завались, а мы сидим без почина? Работать надо лучше и качество давать высокое.

Мишка сказал — как отрезал. Затем, круто развернулся и, заложив руки за спину, отправился к деду в кладовую решать очередные производственные задачи. Пристыженный народ ахнул, удвоил усердие и выправил положение.

Следующая встреча трудового коллектива с конкретным пацаном случилась через два года, когда он, готовясь в первый школьный класс, проходил обязательное медицинское освидетельствование. Тогда неудачная прививка негативно повлияла на Мишкино здоровье — он подпух, ослабел, у него резко подскочила температура.

Клан Стеценко ударил в набат, предпринял энергичные медикаментозные меры и поставил общего любимца на ноги. Вскоре после выздоровления, оставшись без материнского присмотра (мама-врач была «на сутках»), Михаил, в сопровождении деда, вновь прибыл на фирму. Осмотрев все помещения, оценив одобрительно невялый производственный процесс, он забрёл ко мне в комнату, сел на стул около моего стола и стал заинтересованно наблюдать за мной.

— Ну что, мой юный друг! — открыл я общение. — Расскажи, как ты встряхнул патриархальное спокойствие семейного быта и озаботил светил отечественной медицины. Поведай мне, дружище, как всё это произошло.

— Укол неправильный сделали, — мгновенно отреагировал Мишка. — И вакцина была какая-то не свежая.

— И как же это проявилось? — продолжил я любопытствовать. — Что пережил ты, голубь сизокрылый?

— Вначале было небольшое животоболение, — начал перечислять Мишка, — потом пресеклось дыхание, и я чуть-чуть потерял сознание.

Изящная и информативная словесная конструкция от маломерного гражданина умилила меня, и я, чтобы ничего не упустить из услышанного,

записал маленький речевой шедевр в блокнот. Далее, каждому входившему в комнату сотруднику я пересказывал Мишкину трагедию и цитировал его крылатую фразу. Юный герой сидел на стуле, болтал ногами, купался в лучах славы, не забывая при этом фиксировать участников его восхваления.

Когда поток посетителей иссяк, Мишка незаметно для меня куда-то исчез. Я было подумал, что с его печальным эпизодом уже ознакомился весь личный состав, но ошибся. Послышался нарастающий шум частых, скользящих шагов, и в комнату, деликатно подгоняемая Мишкой, влетела Людмила Владимировна Рудькова (для сотрудников — Ляля).

— Времени нет! — выпалила она. — Ну-ка, зачитайте, что там Мишка рассказал.

Я в очередной раз воспроизвёл популярную речь, Ляля зацокала от восторга языком и побежала кроить и рубить кожу. Мишка, удовлетворённый стопроцентным охватом слушателей, побрёл к деду на склад — «закрывать месяц».

Насильно мил не будешь

Люблю — до невероятии! — братьев наших меньших, представителей собачьего и кошачьего племени. С первыми, оказавшимися в орбите моей домашней жизни, отношения строю на принципах уважительности и равноправия, принимая, как естественное, собачью преданность и подчинённость хозяину. С мяукающими и мурлыкающими сожителями, как и многие другие представители рода людского, занимаю, судьбе покорствуя, неизменно подчинённое положение — с регулярными проявлениями почтительности и обожания к этим чудным созданиям Господним.

Часть 1. Удар судьбы

В последний день аномально тёплого ноября весь месяц державшийся «зюйд-вест» уже с утра сменился колючим и влажным «норд-вестом»; небо замоложило, пошёл снег. К вечеру двор моего загородного дома, приусадебный участок, всё обозримое пространство покрылось плотным белым ковром — зима пришла по расписанию.

Я затопил печку-голландку, экономно дополнявшую водяное отопление на природном газе, и, наслаждаясь уютом тёплого дома, усиливаемым контрастной заметелью за окном, устроился поудобней в любимом дубовом кресле — с высокой резной спинкой, комфортными подлокотниками. С дальнего угла просторного писательского стола подтянул к себе ранее заготовленную для просмотра-прочтения стопку книг, взял томик Генриха Гейне, открыл его на зафиксированной закладкой странице, прочитал выделенный тонкой карандашной линией стих: *«Я и сам в былые годы перенёс любви невзгоды...»*

В тиши и в глуши свободней умствуется. Обычно, читая книгу, отмечаю в ней — для очередного писательского замысла — заинтересовавшие меня ци-

таты, отрывки, которые могут органично дополнить, точно подчеркнуть идею планируемого текста. В этот раз, перечитав ранее выделенную строфу, никак не мог вспомнить — ради какого обмысленного сюжета сделал эту книжную помету. Ничего не подсказала мне и следующая заготовка из Джеймса Джойса: *«У Гёте есть одно изречение... Остерегайся того, к чему ты стремишься в юности, ибо ты получишь это сполна в зрелых летах»*. Не дал желанного результата и просмотр оставшихся книг из рабочей стопки, уловил только ключевые слова забытого писательского замысла: «целеустремлённость», «первые увлечения и их перспективы».

Поразившись неожиданному припадку амнезии и, не понимая его причины, прекратил перенапрягать память, взялся дочитать роман многосложного ирландца. Закончив, ближе к полуночи, чтение, проветрил перед сном комнату, выглянул в окно — небо вызвездило, светила полная луна, блестел и искрился иней на пожухлой траве, сильный мороз охватывал землю, деревья в саду, студил воздух...

Проснулся, по обыкновению «жаворонка», засветло. Не изменяя привычке, некоторое время отходил от сна, от замысловатых сновидений, потягиваясь под одеялом, ласкающим взором обводил плотно упакованные книги на стеллажах библиотеки. Поднявшись, прежде других дел высыпал горсть пшена в вывешенную за форточкой кормушку для птиц, на вбитый в неё гвоздь нацепил кусочек сала — деликатес для синичек.

Привёл себя в порядок и с чашечкой дымящегося кофе уселся «творить». (*«Я всегда стараюсь уравновесить отдачу с тем, что вбираю в себя: ежедневно отдавать выход в писательстве, но и ежедневно впитывать новое через книги»*, Август Стриндберг.)

Процесс не пошёл. Много дней выстраивавшаяся, развивавшаяся фабула рассказа вдруг исчезла из головы. Страшно огорчился и, уперев подбородок в ладони, стал реконструировать эпизоды вчерашнего дня, пытаюсь понять, в какой его момент случилась пропажа. Вспомнил, как, выйдя из пригородной маршрутки, медленно двигался по *via dolorosa* — «дороге печали», проходившей мимо моего дома к сельскому кладбищу, и думал, думал, думал... Вспомнил, как вывело меня из задумчивости незлобное погавкивание, переходящее в просительное подвывание — так, в предвкушении обязательного угощения, радостно приветствовали меня собачки, охранявшие — на цепи — два, соседствующих с моим двором, участка. (Из-за прерывистого режима моей сельской жизни, своего четвероногого охранника не заводил и для меня службу «секьюрити», по совместительству, несли крепкие соседские «ребята»: Тарзан и Одноглазый Джо прикрывали левый фланг, Рексик — правый). На моё доброе к ним отношение неслабые пёсики отвечали беспредельной привязанностью и любовью, не раз кто-либо из них, забросив мне на плечи лапы, пытался облобызать меня.

A propos! *«Кто испытал привязанность к верной и умной собаке, тому нет нужды объяснять, какой горячей благодарностью платит она за это. В бескорыстной и самоотверженной любви зверя есть нечто покоряющее сердце всякого, кому не раз довелось изведать вероломную дружбу и обманчивую преданность, свойственную человеку».*

(Эдгар По)

Далее вспомнил, как, угостив охранников сахарными косточками, вновь погрузился в размышления, как в раздумчивом состоянии вошёл в дом, как, переодевшись, с отвёрткой и плоскогубцами полез по приставной лестнице на чердак бани — поправить систему подачи воды. Вспомнил, как, завершив работу, ступил на верхнюю перекладину лестницы, покрытую мокрым снегом, как нога заскользила неожиданно по скользкому дереву, как, нелепо взмахнув руками, я рухнул на лестницу и, пересчитывая животом частокол ступенек, устремился к земле (*«Шаг ступил на ледник и сник, оступился — и в крик...»*).

Я лежал — лицом вверх — на бетонном покрытии моего двора и, временно отключившись от действительности, глядел тусклыми глазами в небо, на покидавшие его последние тучки, на затягивавшую небосвод молочную плену. Я глядел точно в зенит — и благостная небесная музыка звучала в моей черепной коробке, и тревожный вопрос терзал душу — я ещё «здесь» или уже «там».

В действительность меня вернул отчаянный лай и скорбный вой моих верных друзей, крики напуганных локальным землетрясением соседей. Я ощупал своё тело, убедился, что голова, руки и ноги — целы и на месте, вытер кровь с переносицы, подобрал разлетевшийся по двору инструмент, не разбившийся мобильный телефон фирмы «Nokia» (ведь могут же — чёрт побери! — делать, если захотят!) и, подволакивая крепко ушибленную левую ногу, двинулся на четвереньках к дому. Перевалив через порог, позвонил жене Марусе — трагическим шепотом сообщил ей о случившемся и, как у медицинского работника, попросил совета по реанимации и реабилитации организма. Жена на некоторое время лишилась дара речи, а, придя в себя, долго ужасалась, сокрушалась; как жена деликатно поинтересовалась целостностью моего двигательного и других аппаратов, дала необходимые рекомендации, прописала протереть ушиб соком алоэ...

И — эврика! — в тот момент, когда в своих воспоминаниях об ушедшем дне я дошёл до разговора с женой, меня вдруг осенило, я понял причину моей, вдруг возникшей забывчивости — вместе с вылетевшими из карманов плоскогубцами, отвёрткой и телефонным агрегатом, из головы моей, после её соприкосновения с землёй, вылетел уже готовый сюжет предновогоднего рассказа!

Почти успокоенный сделанным открытием, уверенный в глубине души, что какой-то побудительный намёк, какая-то ассоциация помогут памяти восстановить утерянное, я вытащил из холодильника увесистый пакет со свежими карасиками и отправился на крыльцо — исполнять обряд кормления друзей моих «мяукающих», коих, как и друзей моих «лающих», очень уважал и меру уважения подчёркивал вкусными кошачьими заедками.

Часть 2. Сила аналогии

Мороз крепчал. Перед входной дверью, переминаясь с лапки на лапку, меня уже ждали коты — рыжий, крепкий и мордатый Чубайс и две примы его гарема: чёрно-белая кошечка, симпатичная и миниатюрная Электра (кликча дана не по аналогии со словом «электроэнергия», а по имени героини древне-

греческой трагедии) и пёстрая, серо-чёрно-рыже-белая Нана (ударение — на втором слоге; в кличке нет связи со словом «нанотехнологии», кошечка названа именем героини одноимённого романа французского классика, красивой и распутной, что нашло отражение в солёной народной шутке: «В ожидании Наны дядя Толя снял штаны»).

Электра и Нана были ближними соседками, Чубайс был соседом дальним. Три года назад он, войдя в половозрелый возраст, «по-взрослому» разобрался с хозяином околотка, солидным и также рыжим котом по кличке Ваучер, после чего приватизировал обширную территорию, пометил её границы, взял под патронат проживающих на ней «наложниц». В новом социальном статусе проявил себя крепким хозяином, что подтверждал ежедневной проверкой состояния дел в гарнизоне и жёстким наказанием нарушителей его экстерриториальности. Весной Чубайс худел, предельно истощался, но к зиме с переизбытком возвращал свой бойцовский вес (более того, из-за отсутствия достойных соперников в эту осень он обуржуазился — обзавёлся солидным брюшком).

Телефонный звонок вернул меня в дом. Мария интересовалась динамикой моего выздоровления за истекшие сутки, общим самочувствием, передала мне, пришибленному, пожелания скорейшей поправки от друзей-товарищей, пионерский привет от наших старших друзей, Колюсика и Эллусика, близких нам по духу и по месту проживания, и именуемых мною либо мифологическими Филемоном и Бавкидой (по уровню житейского опыта), либо гётевскими Вертером и Шарлоттой (по свежести взаимных чувств пары).

Уже завершая телефонный разговор, я распахнул занавеси кухонного окна, выходящего в соседский двор, хорошо просматриваемый благодаря «демократичному» забору из сетки-рабицы. Увидел, как из дома (большого, кирпичного), на ходу натягивая на себя куртку и застёгивая ранец, вылетела внучка хозяйки, пятнадцатилетняя Маша и, распахнув калитку, умчалась в школу. Тут же во двор вбежала симпатичная самочка, кажется, помесь болонки и пуделя (скорее всего кто-то из приехавших погостить горожан необдуманно выпустил девушку погулять). За красоткой ворвались три кобеля с ошейниками на шее — из-за резкого похолодания многие хозяева спустили с цепи замёрзших дворовых собак, размять мышцы и расслабиться. «Селяне» явно желали по-простому, без комплексов, (что называется — в обстановке «без галстуков») пообщаться на природе с заезжей фифой и, загнав её в угол между сараем и забором, требовали внимания к себе. Насмерть перепуганная «девица», как умела, отбивалась и огрызалась. Неистовствовал на цепи Рексик — то ли из-за нарушения дворовых границ вольными от привязи сородичами, то ли от невозможности самому сексуально прогреться.

Из дому вышла хозяйка, Татьяна Васильевна, и, не замечая собачьей тусовки у сарая, не обращая внимания на буйство Рексика, отправилась по делам, закрыв на крючок дворовую калитку. Изрядно помятая, но ещё не изнасилованная, «мисс» вырвалась, наконец, из окружения и бросилась к выходу. Но — поздно, подруга! — выхода не было. Спасаясь от наседавших ухажёров, малышка оббежала дом (периметром — метров в сорок) один раз, затем —

другой, третий, четвёртый... И — цикл за циклом — закружился «собачий вальс» в соседском дворе, долгий и искромётный.

Гонку преследования возглавил молодой, мощный и красивый пёс, экстерьером своим напоминавший настоящих гоночных собак породы «хаски» — короткошёрстный, с небольшими торчащими ушами, квадратной мордой, широкой грудью, хвостом «баранкой». Вторым номером шёл средних габаритов симпатяга, фигура которого указывала на присутствие в его дальних родовых ветвях немецкой овчарки, в ближних — череды дворовых ветреников. Замыкал забег юный, бойкий и маломерный кобелёк, по всей видимости, впервые ступивший на тропу оргиастических забав. Каждые три-четыре круга кросса его лидер на мгновенье-другое останавливался, мощной струёй метил бельевой столбик и — под лай Рексика — продолжал целенаправленное движение.

Я уверенно поставил на победу зрелого бойца и занялся приготовлением завтрака. Почистил картошку сорта «Славянка», на своём огороде выращенную, перетёр её — вместе с луковицей — через мелкую тёрку, разбил в овощную кашу яйцо, добавил муки и соли, всё перемешал и нажарил несколько сковородок картофельных оладий — дерунов. Перекусив, выглянул в смотровое окно и — ужаснулся. Фаворит стипль-чеза лежал на обочине трассы, с его высунутого языка капала обильная слюна, он тяжело и часто дышал — ушла сила, иссякла струя. Молчал, безразлично наблюдая из своей будки за происходящим, Рексик. Лидировал, но как-то неуверенно, низкопробный потомок германца. В движениях его уже не было прежней живости и напора. Как и крайне уставшая горожанка, он часто спотыкался, останавливался для передышки. Свежим и целеустремлённым смотрелся юниор.

Перемыв посуду, я ещё раз выглянул в окно и стал свидетелем финала марафонского забега. Я увидел, как активный кобелёк обошёл на вираже обмякшего соперника, ускорил движение к вожденной цели, как вернувшаяся домой Татьяна Васильевна открыла калитку, и не укрощённая гостья, собрав последние силы, рванулась к спасительному выходу и дала дёру.

И тут же — будто подсознание моё усмотрело в происшедшем какую-то аналогию с событиями моего прадавнего детства — я вдруг вспомнил все детали сюжета задуманного рассказа; рассказа о первом, мной придуманном увлечении, о напористости и высоком самомнении, с которыми добивался взаимности и о том, что из всего этого получилось.

Часть 3. Самомнение и наказание.

Место действия — небольшой, уютный и красивый город Умань, разместившийся среди прозрачных, сухих дубрав и просторных полей на полпути от Киева до Одессы. Время действия — шестьдесят третий год ушедшего века.

Уже второй спортивный сезон я, примерный ученик русскоязычной средней школы номер четыре (в среднем — «хорошист», отличные отметки — по математическим дисциплинам) несусь, будто шапку мономахову, тяжёлый груз

славы футбольного вундеркинда. Весной прошлого года, завершив интенсивный тренировочный цикл при футбольном клубе «Спартак», был, в неполных шестнадцать лет, без предварительной стажировки в юношеской команде, включён в основной состав, в котором достойно проявил себя и закрепился на месте правого «инсайда» (в терминологии игровой системы «дубль-ве»).

В благословенные годы детства моего сладкого занятия спортом — прежде всего его игровыми видами — было массовым увлечением и почиталось первейшим и достойнейшим занятием для малолетних граждан великого социалистического государства. В общественном мнении высоко ставились уверенные, подтянутые ребята, которые — самостоятельно, в школьных секциях, в детских спортивных школах — становились настоящими спортсменами, принимали участие в часто проводившихся соревнованиях, от местного до всесоюзного уровней, получали спортивные разряды.

При таком почтительном отношении в физической культуре и спорту появление в составе ведущей городской команды несовершеннолетнего, подвижного, как ртуть, техничного и напористого игрока было неординарным событием в спортивной жизни провинциального города.

Первые успехи, первые забитые голы скоро вскружили мне голову. Приятно щекотали самолюбие энтузиазм, похвалы болельщиков после каждого победно сыгранного матча, повышенная уважительность сверстников, игровые знаки внимания девчонок. И чем выше я поднимался во мнении о самом себе, буйным умом своим возносясь выше пределов своих, тем чаще задумывался о том, что мне, публичной личности и народному кумиру, необходимо обзавестись подружкой.

«Положил глаз» на «лютую красотку» Галю, учившуюся в русскоязычной школе номер семь и жившую в центре города, в доме дореволюционной постройки. Знаком с ней не был, иногда наблюдал её на занятиях баскетбольной секции, в которой тренировалась и моя одноклассница, Люся Шунько. Минимум текстиля в игровой форме видной отроковицы позволял мне высоко оценивать её изящные формы и упоительные линии. Об умственных достоинствах привлекательной спортсменки ничего не знал, надеялся оценить их при знакомстве. (Много лет спустя жизнь научила меня, что только определив состояние указанного качества следует думать о целесообразности дальнейшего сближения. *«Тело в конце концов всегда надоедает. Неизменно интересна и прекрасна только мысль, потому что мысль — это жизнь», из Бернарда Шоу, «Назад к Мафусаилу».*)

В год моего спортивного взлёта, с привлекательной Галей пару летних месяцев «ходил» (в смысле — волочился, ухаживал за ней) местечковый «король», сын известного врача («дамского мастера»), грузный, совсем не спортивный молодчик, с неизменной наглостью во всегда масляных глазках. (Долго не мог понять — почему «король»? От Шолома Алейхема узнал, что в еврейском быте «королём» называют мужчину, главу семьи, справляющего вечернюю пасхальную трапезу.)

С наступлением весны доктор спустил сына с «трона» на землю и отправил в областной город, к родственникам — учиться стоматологическому делу.

Место на «престоле» сразу занял давно к нему подбиравшийся, хлипкий и хитрый, еврейский хлопчик по кличке «Мирик», числившийся в списках русскоязычной школы номер тринадцать (до революции — хедер). Окружив себя, по протоколу, несколькими прихлебателями, мелкотравчатой «шелупенью» под блатных «косящих», возжелал он, по примеру предшественника, включить в свиту «спортсменку, комсомолку и просто красавицу», на что та (по агентурным сведениям) ответила категорическим отказом.

Сложившийся «расклад» побудил меня к активным действиям. Сразу после майских праздников, в один из дней которых «Спартак» выиграл — благодаря моему голу! — Кубок города, я попросил Люсю Шунько познакомиться меня с её привлекательной подругой, попросил объективно — не жалея красок и очень положительно — охарактеризовать меня. Одноклассница с блеском справилась с поручением и мне была назначена аудиенция.

На randevу отправился в тщательно отутюженных, чёрных «брюках-дудочках», перешитых из старых родительских штанов; в шикарной клетчатой рубашке-ковбойке, купленной мамой в столичном универмаге ЦУМ; в вычищенных до зеркального блеска остроносых туфлях фасона «лодочки», ценой — четырнадцать рублей, приобретённых мной на уманском привозе; в пёстрых носках, у отца уворованных.

В назначенное время мы встретились у дома Галины. Учтиво, с рыцарскими речевыми оборотами из Проспера Мериме и Вальтера Скотта, я представился «прекрасной даме», предложил ей погулять в парке «Софиевка», сходить в кино. Дама, оглядев меня, вздохнула и, сказав только «Хорошо!», развернулась и быстро пошла домой. По простоте душевной я было подумал, что моя будущая пассия отправилась переодеться в одежды, соответствующие значимости совершающегося события и потому застыл на месте, обмирая от предчувствия валившейся на меня удачи. После трёх десятков минут трепетного ожидания, червь сомнения вполз в мою душу. И только после следующего безрезультатного получаса я понял, что коварная красотка просто-напросто натянула мне нос — сразу, грубо и просто, отправила в отставку ещё не приступившего к исполнению рыцарских обязанностей кавалера.

Повесив нос на квинту, донельзя расстроенный полученным «отлупом», словно побитая собака поплёлся я домой — зализывать глубокие душевные раны, и казалось мне, впадшему в глубокую депрессию, что прохожие с сочувствием и сожалением смотрят на меня, угасающую футбольную звезду районного масштаба.

«Я и сам в былые годы
Перенёс любви невзгоды,
Я и сам сгорал не раз;
Но дрова всё дорожают,
Искры страсти угасают...»
(Генрих Гейне)

Дружище Арчибальд

В нежные щенячьи лета мой четвероногий воспитанник Арчибальд (на коротко — Арчик), подстрекаемый возрастным зудом миропознания, ушёл самовольно со двора и попал под рейсовый автобус.

Искусство костоправа, интенсивная терапия вернули неудачливого путешественника к активной собачьей жизни. Раны зажили, заросли эластичной, блестящей, густой и волнистой шерстью светло-бурого окраса. Арчи повзрослел, возмужал, превратился в видного, гибкого и стройного пса с заметными брызгами аристократизма в крови от далёких родовитых предков. Фирменной меткой его экстерьера стали роскошные бакенбарды, спускавшиеся от кончиков бровей вдоль носа, сливавшиеся в элегантную бородку-эспаньолку.

Пережитое в детстве потрясение сделало его ортодоксальным домоседом, надёжным защитником рубежей моего приусадебного участка, моим

усердным телохранителем в совместных выходах за пределы двора: в сельский магазин, на почту, в гости, на пленэр. Любил Арчик дальние вылазки за грибами с переходом к лесу через дымящийся рассветным туманом луг; обожал плавание со мной наперегонки по мелкой, коварно-быстрой речушке; впадал в неистовство, когда, рыская по мелколесью, выгонял на меня зайца, когда, твякая жиденьким тенорком, пытался (смешной!) догнать его.

Достигнув половозрелого возраста, Арчик подружился с соседкой Дюкой, великого ума собакой, также жившей на вольном содержании, отличавшейся прекрасным воспитанием, высоко ценившейся местными пастухами за умение точно управлять коровьим стадом на общественном выгоне. Созданный альянс дал кооперацию охранному делу, усилил качество надзора за сразу двумя дворами и, самое важное, удерживал Арчика от дальних забегов в период неизбежных собачьих свадеб.

В эти тревожные дни он надолго, до полного истощения, зависал на старшей подружке, преграждая горячему кобелиному братству доступ к её телу. Правда, острота мировосприятия в некоторое время слегка тускнела, но это была допустимая системная погрешность, не понижавшая достойного уровня караульной службы.

Однажды, в разгар очередного собачьего фестиваля в мой двор вломился обитавший неподалёку молодой широкогрудый пёс гигантских размеров — настоящий Шварценеггер! Сорвавшийся с цепи дерзкий девственник, с полубезумными глазами метавшийся по селу в поисках первого сексуального опыта, посягнул — не беря во внимание Арчика! — на Дюку.

«И была между ними брань великая и слово недоброе» — рычащий клубок собачьих тел покатился по двору, полетела шерсть, полилась кровь. Увесистой палкой разделил неуступчивых соперников, разбежавшихся смертельными, люто ненавидящими друг друга врагами.

Несколько дней Арчик зализывал боевые раны, приходил в себя и обдумывал план мести, которая (отцы иезуиты отдыхают!), темпераментная и изысканная, стала регулярной мизансценой нашего с ним времяпрепровождения.

...Погожее утро выходного дня. Повизгивая от радости, Арчик встречает меня на крыльце, бежит к воротам, изгибая голову в мою сторону, счастливыми глазами умоляет ускорить шаг — впереди праздник!

Открываю калитку, лохматый метеор летит в конец улицы, трубой вздёрнутый хвост балансирует перегрузки. Мощный спурт сменяется резким торможением, с филигранной точностью Арчик приземляется у логова презираемого врага — дырки в низу подгнившего забора, которую тот (неистовый!) постоянно выгрызает, выбивает, пытаясь достать прохожих.

Апофеоз свидания: за забором, просунув пасть в дыру, беснуется экстатический терминатор, с улицы, приблизив свой нос с точностью до миллиметра к носу врага (но не касаясь его!), ведёт фронтальное наступление аккуратно-предусмотрительный Арчик. Он заливается трагическим лаем, скалит клыки, рычит, хрипит, захлёбывается от возмущения, косит взглядом на меня, оценивая производимое впечатление.

После трёх-четырёх минут атаки Арчик резко обрывает представление, отступает чуть в сторону, изящно-циничным движением поднимает заднюю лапу и совершает ритуальное «пи-пи» перед поверженным и униженным оппонентом, бьющимся в пыли в предынфарктном состоянии. Подмочив его репутацию, дружок мой сердечный, посвежевший и заметно помолодевший, взбодрённый впрыснутым в кровь адреналином, гордо откинув назад голову, покидает место встречи.

Некоторое время спустя, возвращаемся домой. Вновь изнемогает в истерике, пытаясь вывернуться из ошейника, жалкий и презренный противник. Не дрогнув ни одним мускулом на своей преувеличенно серьёзной морде, свободный и в себе уверенный Арчик ленивой, небрежной поступью победителя дефилирует к своему обустроенному жилью мимо прикованного к цепи раба — дубины стоеросовой!

...Краток собачий век. Как-то незаметно Арчик перешёл экватор своей жизни, приобрёл ещё большую положительность и внушительность. Не успел он насладиться всеми преимуществами достигнутого им стабильного, авторитетного положения, как подобралась гадкая старость. После ухода из жизни Дюки стал её вдовый спутник жизни угрюмо-покойным, задумчивым, внешне безучастным к прежде радовавшему его налаженному дворовому быту.

Когда годы Арчибальда стали заметно значительными, когда возрастная депрессия тонкой плёнкой безразличия обволокла его глаза, во двор была приведена миниатюрная, очень симпатичная девица по кличке Шпонька. Ла-

скала, нежила она престарелого друга, тот пытался ответить ей взаимностью, но масштабная разница в годах и габаритах не позволила им по-настоящему сблизиться — он не познал её.

Правда, было подулавшая гарнизонная служба наладилась, обрела новые особенности. Теперь, запеленговав своим необычайно острым слухом дальние шумы, юная прелестница начинала «звонить», как маленький колокольчик, поднимая на контрольную проверку патриарха. Тот, кряхтя и посапывая, поднимался, погавкивая, двигался за беспокойной Шпонькой к забору разобратся в обстановке.

Как-то тёплым весенним вечером, после утомившей меня обрезки сада я устроился отдохнуть на низкой скамеечке. Арчик тут же уткнулся мордой в мои колени, стал всматриваться в меня ласкающим, благоговеющим взглядом. Почудилось мне, что в сумерках умирающего дня мой верный лепорелло внутренним голосом, неспешно и неслышно, рассуждает о нас двоих — о том, что жизнь простой собаки коротка и тяжела, выбор небольшой: либо бродяжничать, либо сидеть на цепи; что ему выпала редкая удача: жить вольным псом, обрести человека-друга и отблагодарить его верным исполнением собачьего долга; что *«счастья нет, а есть покой и воля»*...

Наступившая ночь была шумная, беспокойная. Свистел ветер в каминной трубе, стучали в окно ветки абрикосового дерева, сердце моё было не на месте.

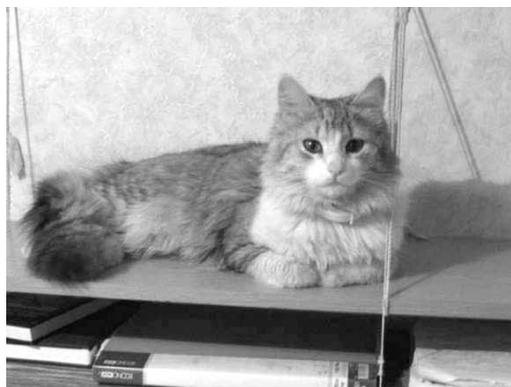
Утром, терзаемый мрачными предчувствиями, я вышел во двор — Арчика нигде не было. Во второй — и в последний — раз он, почувствовав приближение смерти, верный обычаям предков, самовольно ушёл от меня, чтобы в далёком уединении очень интимно проститься с жизнью.

Та весна была ранней и активной: пробовали в поле голос жаворонки, кружили в синем небе пары только прилетевших аистов, плакали сладкими слезами берёзы — но всего этого дружище Арчибалд уже не слышал и не видел.

Мой любимый котопей

Некоторое время назад, в грустную пору увядания лета, в одном из обухоженных дворов старого Киева можно было наблюдать живописную сценку в выразительном стиле немого кино. Ближе к вечеру по асфальтовой дорожке вдоль длинной пятиэтажки начинал бегать трусцой — то туда, то сюда — немолодой гражданин среднего роста с психопатическим угаром в глазах и остатками былой спортивности в плотно сбитой, округлённой фигуре. Время от времени запыхавшийся стайер становился на четвереньки и, ощупывая взглядом палисадник, сирым, безнадежным голосом всхлипывал: «Дуня! Дуня! Кис-кис-кис...» Далее, по-пластунски пробивая кусты сирени и жасмина, мальв и георгинов, он подбирался к юркому котёнку, пытался ухватить его

за хвост. Тот, увернувшись от преследователя, выскакивал на открытое пространство и, промчавшись стремглав пару-тройку метров, вновь укрывался в спасительных зарослях.

Он уже знал изнанку жизни, этот котёнок, уже испытал на себе человеческую непоследовательность и необязательность. Оторванный в молочном возрасте от матери, он попал в дом девушки-студентки, чьи родители несколько дней выясняли пол крохи и, убедив себя, что он — слабый, решительно воспротивились капризу дочери.

Пожив ещё месяц в студенческом общежитии, вновь назначенная

кошечка, по сложной схеме межчеловеческих отношений попала в нашу семью, после того как мой юный друг, Женя, упав на колени перед своей мамой (и моей женой) Машей, результативно воззвал к её милосердию.

Природы малое дитя семейства кошачьих стремительно ворвалось в мою жизнь, произвело в ней основательный стартовый погром и, победив мои застарелые предубеждения, игривостью своей, ласковым нравом, симпатичной внешностью тронуло сердце и заняло в нём уверенное положение фаворита. Не смог я устоять перед чарами свежей красавицы с раскосыми, широкими и глубокими глазами, перед её гибкой фигуркой с накинутым на спину халатиком тигрового окраса, на котором густая и пышная шерсть пепельного цвета равномерно рассечена тёмно-серыми волнистыми линиями. Трудно было мне не умилиться роскошному белому шарфику, элегантно охватывающему шею перспективной котопеевны, переходящему от грудки на лапки и животик.

«И вот ввели в семью чужую». Несколько недель маленькая Дуняша вписывалась в интерьер нашей, на первом этаже расположенной квартиры, адаптировалась к новому для неё образу жизни, добавляя в него свои индивидуальные требования. С нашей, человеческой стороны ей была предложена уютная лежанка в углу центральной комнаты, по всем санитарным нормам кошачьей гигиены был обустроен туалет, были закуплены игрушки — шарики и погремушки.

Чтобы исключить самовольный и доступный выход новопоселенки на пленэр, форточки квартиры в часы семейного сна и дневного отсутствия хозяев плотно задраивались. И только когда послеполуденная тень падала на город, я выводил Дуню погулять, на белый свет позевать, птичек посчитать. Она бегала, резвилась, а я скакал через стриженный кустарник, ужом проползал через клумбы и грядки, стремясь не упустить из виду разыгравшуюся егзу, уберечь её невинность от котов-гультяев.

В один из пунктов своего распорядка дня неординарная кошечка включила обязательное соучастие в моих писательских терзаниях. Приметив меня за компьютером, она тотчас же запрыгивала на висящую над письменным

столом полку, сбрасывала с неё всё лишнее и, положив лукавую мордашку на лапки, недрёманным оком следила за мной.

В один из таких творческих вечеров, вычитывая в Интернете воспоминания Анатолия Мариенгофа о Сергее Есенине, я натолкнулся на прелюбопытнейшие детали интимных отношений «последнего поэта деревни» с Айседорой Дункан, именовавшейся им просто «Дуней». Текст выпущенной тогда, в 1921 году, по этому поводу частушки показался мне актуальным, достойным того, чтобы я зачитал превесёлые куплеты своей всё примечающей визави:

«Толя ходит неумыт,
А Серёжа чистенький —
Потому Серёжа спит
С Дуней на Пречистенке».

Семейная любимица, услышав своё, акцентировано выделенное имя, спрыгнула на стол, устроилась под лампой и, опершись на попу, взялась вылизывать паховую шерсть. И в этот миг истины — матушки-светы! — неожиданная и очень информативная картина открылась моим, вмиг округлившимся и полезшим из орбит глазам.

— Маша! — взвизнул я хриплой фистулой. — Приди и взгляни!

Из кухни прибежала жена, с поварёшкой наперевес и раскрасневшаяся. От увиденной метаморфозы она побелела, а когда к ней вернулся дар речи, восторженно — почти сладострастно — вскрикнула; я же, вторя ей, рассыпался дробным, истерическим хохотком.

Восторг наш был беспричинным. Проблема стерилизации Дуни, так долго терзавшая нас, перестала существовать для новообращённого Кузи. С этого момента широко раскрывшаяся форточка в гостиной обеспечила малышу вольный выгул, а жену мою избавила от хлопот по уходу за его домашним отхожим местом. Оно, во благо местной флоры, переместилось в дворовые кусты.

Первые недели вольной жизни котик суетно радовался обрушившейся на него независимости, по несколько раз на день тренировал спуск-подъём по наружной оконной решётке. Не раз, хвостиком увязавшись за мной, уходил далеко от дома. Однажды, увлёкшись, он довёл меня до близлежащего магазина, там забрался под мою полужастёгнутую куртку и, постреливая испуганными удивлёнными глазками по сторонам, принял участие в покупках.

Поднакопив опыта, Кузя постепенно перестроил режим дня и ночи, сместив его активную фазу на тёмное время суток. За плотным ужином стала следовать долгая рабочая смена, за время которой наш «вольный стрелок» успевал поохотиться за мышками, тщательно осмотреть подконтрольную территорию и освежить её пограничные метки, всыпать попавшему под горячую лапу сопернику послабее. Впрочем, эффективное подавление нарушителей границы у Кузи получалось недолго, до его встречи с окружным «генералом песчаных карьеров», энергичным и пластичным брюнетом — настоящей пумой в миниатюре.

В первый раз я услышал надрывные фиоритуры заспоривших перед домом ребят в один из начальных дней зимы и, заинтригованный возникшим

противостоянием, устроился у окна в стартовой позе небезразличного бодельщика. Увы, мой воспитанник не столько сражался, сколько был сражаем. Он скоро проиграл дуэль взглядов, после чего в мгновение ока взлетел на прикрывавший его тыл каштан и с высоты своего нового положения принялся отчаянно лупить по носу наседавшего на него врага, пока тот не свалился в припорошенную снегом кучу листьев.

Я не выдержал, открыл створку окна и не своим голосом заорал на Кузиного обидчика. Он и ухом не повёл. От возмущения я лишился дара речи и неожиданно для себя ... загавкал. Вначале хриплым рычанием изобразил свирепого волкодава, затем отрывисто залаял дворнягой и в завершение звонко затыкал гончей по кровавому следу. Наглый интервент демонстративно повернулся «кормой» к источнику шума, ковырнул задними лапами пару комков земли, и пока я, распалённый и невменяемый, возился с дверным замком, с высоко поднятым хвостом триумфатора удалился восвояси.

Когда же Кузя, отдышавшись, начал спуск к моим, к нему повернутым ладоням, его хвост был опущен вниз совсем не потому, что он признал своё поражение, а только потому, что в многоуровневом кошачьем братстве лишь леопарды спускаются с деревьев, обратив морду к земле. Попав ко мне на руки, семейный любимчик, чуть подрагивая от боевого перегрева, ещё лихорадочным, но уже достаточно смелым взглядом просканировал пространство двора. Не зафиксировав в нём презренного возмутителя спокойствия, он всем видом своим изъясил неудовольствие моему вмешательству в драку, лишившему его возможности порвать врага в клочья. Затем расслабился, подобрел и, кажется, простил меня.

Борьба за территориальное первенство, в её исходной фазе, положила начало Кузиному характеру, развила и укрепила его мышцы. К исходу зимы он набрал веса и лоска, выправил осанку и был полностью готов к непростым испытаниям в весенней сексуальной сессии, первой в его жизни. *«Восьмое марта близко-близко, расти-расти моя пиписка».*

С первых дней весны удостовериться в солидности мужских достоинств красавца котика пожелали немало окрестных барышень, устроивших дежурство под окнами нашей квартиры. Их кумир, их grima amogoso, продрал глаза после дневного сна, появлялся в открытой форточке, клал передние лапы на перекладину оконной решётки, и, позёвывая, некоторое время изучал дворцовую перспективу. Затем в манере леопарда, по импровизированной металлической лестнице стремительно спускался к компании ветреных мисс, делал им подушный смотр, и, не возбудившись увиденным, уходил на променад.

Кузина бесстрастность имела свою причину. Скоро выяснилось — пока смазливые, экзальтированные однодворки напористо кокетничали с нашим мальчиком, тайную тропу к его податливому сердцу протоптала неказистая, несимпатичная, пороком потрёпанная нимфетка не нашего прихода. Открытие это я сделал непогодным мартовским вечером, когда с набитым отходами ведром спешил к коммунальным мусорным бакам. Шумел ветер, в свете уличной ртутной лампы летели вдаль снежинки, на ветке старого тополя болталась случайная ворона. На широком выступе цокольного этажа соседнего

дома, в самой что ни на есть развратной позе возлежала захожая блудница и, вывернув назад голову, всем видом своим поощряла к половому контакту... нашего Кузеньку.

Тот несмело и аккуратно потрогал то одно, то другое бедро сухопарой мессалины, было двинулся на приступ, но осёкся и, подогнув лапки под грудку, прилёг, задумался. На мои громкие ободряющие призывы не подвести, не осрамиться робкий кавалер никак не отреагировал — лежал и сомневался. Но зачёт по «камасутре» он всё же сдал, поскольку через пару часов, громко мяукая, сияя счастливыми глазами, влетел на кухню, на скорую лапу подзакусил любимыми куриными пупочками и — ровно ветром его сдуло! — выпрыгнул в ночь.

В лоно семьи начинающий волокита вернулся через четверо суток, когда мы с женой, измученные неизвестностью, почти свыклились с потерей любимца. Кряхтя и посапывая, он вскарабкался со двора в форточный проём, свалился на подоконник и далее — под стол, где без просыпу дрыхнул ещё пару суток. Проснувшись, на нетвёрдых лапах пробрался на кухню, погрыз карасиков, попил водичку и вновь впал в суточную спячку. И только после неё он был подвергнут основательной санитарной обработке, начавшейся с обрезки свалывшейся шерсти, продолжившейся мытьём специальными шампунями и лосьонами, завершившейся силовым вталкиванием в пищевод гуляки таблеток от глистов. В процессе помянутой экзекуции вновь испечённый «половой гигант» вопил дурным голосом, рыдал зычным горловым мяуканьем, трижды умирал и воскресал.

«А потом, а потом стал он умным котом». Мартовские оргии подвели черту под Кузиным начальным образованием, давшем ему, коту-одногодку, полный пакет информации по всем вопросам кошачьей жизни, добавившем сметливости его природному уму. Теперь жизнь Кузи потекла плавно, размеренно. В течение нескольких месяцев у него отросла шерсть, густая и шелковистая. Парень обуржуазился, располнел, в его манерах появились чувство собственного достоинства, солидность и значимость.

Кому есть талант, тот будет атаман. В дворовом кошачьем сообществе Кузьма занял уверенное положение премьера, задвинув в глухую региональную оппозицию потускневшего соперника-брюнета. Да что там коты — местные псы стали обходить его десятой дорогой. Однажды наблюдал, как Кузя, распушив хвост трубой и изогнув спину, учил вежливости маломерного полкана — с правой и с левой лапы бил наглеца по морде, пока тот, поджав хвост, скуля и повизгивая, не сбежал с показательного урока.

С уходом детства отошли от семейного идола игривость и непосредственность в отношениях с домочадцами. Их сменили независимая деликатность и ласка, порционны, как премиальная оценка, выдаваемая нам, соседям по его квартире. При этом, дозы нежности, распределяемые Кузей каждому сожителю, отнюдь не одинаковы, и могу с нескромной гордостью отметить, что мне — как своему самому близкому другу — он отделяет её максимальную долю.

Для друга всё не туго. Каждое моё возвращение домой сопровождается позитивными эмоциями Кузи, и чем дольше разлука, тем радостней прояв-

ление его чувств. Почуввав моё приближение к дому, котик вытягивается на коридорном коврикe, и стоит мне вставить ключ в замочную скважину, как он начинает восторженно мяукать. Далее, не дав мне раздеться-разуться, забирается на руки и, положив мне на плечо голову, на мгновенье-другое замирает. Затем, пока я глажу его по спинке, с великой любовью осматривает меня, чуть приоткрыв от удовольствия ротик.

Но более всего добрые чувства Кузи ко мне проявляются в его стремлении поправить моё здоровье. Он знает, что иногда, после сна при открытой форточке, я немного подкашливаю. По этой причине, ранним утром, вернувшись с боевого дежурства, милый мурлыка первым делом проникает в спальню, чтобы оздоровить друга. Он забирается ко мне на грудь и, вытянув ближе к моему горлу передние лапки, некоторое время обрабатывает слабое место целительным излучением и успокаивающим мурлыканьем. Лечит не только мою телесную хворь, но улучшает и моё душевное состояние — не даёт думать о пережитых проблемах, углубиться в проблемы текущие и предчувствуемые.

Благотворное тепло, получаемое мной от любимого котофея, выводит меня на философическое заключение, что за человеческое добро братья наши меньшие (не в пример межчеловеческим отношениям!) платят добром — и только добром. И в этой однозначности поведения наших бессловесных друзей есть великая прелесть, ибо она позволяет нам, принявшим их дружбу, время от времени отвлечься от пакостного быта и ощутить своё приближение к идеальной модели бытия, в котором доминируют взаимоуважение и любовь, нет фальши и лицемерия.

Пока я пишу эти строки, мой славный Кузя, заняв своё излюбленное место на книжной полке, прищуриив глаза, внимательно наблюдает за мной. Шестым чувством я догадываюсь, что он про себя, по-кошачьи, вычитывает мои душевные порывы и одобряет их. «Всё верно, дружище, — будто говорят его ясные глаза, — всё абсолютно верно».

Не могу молчать!

Так называется статья Л.Н. Толстого (1908), призывавшая правительство прекратить смертные казни, которые в то время (при министерстве Столыпина) в огромном числе производились над участниками аграрных беспорядков.

Волнуют душу добрые и нежные чувствования к давно ушедшим годам молодости — невозвратным и неповторимо прекрасным, начавшимся на исходе бурных шестидесятых и завершившимся в «*минуты роковые*»¹¹⁷ вакханалии горбачевских реформ.

Чем дальше ухожу во времени от того мрачного рубежа смены веков, чем больше наблюдаю и ощущаю мерзостей жизни, тем дороже и ближе становятся спокойные, именовавшиеся «застойными», семидесятые годы. И не

потому, что на них припала моя молодость, а прежде всего благодаря особой атмосфере общественной жизни, напитанной ионами дружелюбия, уважительности, надежности.

Как бы ни пытались ритуально лягнуть недавнюю отечественную историю новые хозяева жизни, забывчивые представители второй древнейшей профессии, сервильные обыватели, перечеркнуть бесспорные социальные достижения, которые ощутило мое поколение невозможно.

Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит¹⁴⁴.

Бросание камней в былое государственное устройство — это проявление неуважения к соотечественникам, жившим в те сложные, но благоуспешные годы, ковавшим национальный продукт, строившим жилье, двигавшим аппараты в космос, производившим общественные блага на пользу грядущим поколениям.

Плевки в прошлое от людей, знавших благополучие в охаиваемые годы, висят в воздухе, как не по адресу отправленные, в связи со сменой адресатом места прописки. Адресат, он же основа прежней Системы — партийная номенклатура и государственная бюрократия, чьей главной собственностью были связанные с привилегиями должности, успешно конвертировал их в невиданных размеров собственность частную.

Операцию эту провели с присущими вышколенной элите жадностью, продуманностью и византийским забалтыванием народа в ходе его оболванивания и ограбления.

...я право не шучу.
Я (как чужое солнце ни сверкает!)
Зажгу своей теории свечу³².

Система, родившаяся в кровавой бане небеспричинно вспыхнувшей революции, заложила в свою основу мощной притягательности стержень — принцип социальной справедливости. Движение к его предельно-идеальному воплощению четверть века сопровождалось конвейерным уничтожением казавшихся подозрительными попутчиков — ценность отдельно взятой человеческой жизни была нулевой по сравнению с предполагавшимся светлым будущим.

Коммунистическая идея — несколько абстрактная и не до конца понятная в предложенном Системой варианте, — тем не менее, казалась законопослушному народу столь убедительной и универсально гуманной, что следовать ей считалось самоочевидным, а сопротивляться — глупостью или преступлением.

Сочетание воодушевлявшей людей идеологии с ее силовым сопровождением обеспечивало баланс государственных и общественных интересов

— когда достоинства личности соединяются с достижениями страны, — заложило в граждан запас взаимной толерантности, исключило расовую и национальную рознь, сделало реальной «дружбу народов», дало исторически недолгую жизнь общности «советский народ».

Время, естественная эволюция, серьезные системные потрясения до возможного предела ослабили механизм насилия — более весомыми стали выглядеть социальные успехи. Заговорили о необходимости подправить малоэффективную экономику, о природной заинтересованности индивида в результатах труда и им соответствующих заработках.

Возможность во благо народа реформирования Системы давала мощная материальная и интеллектуальная база, огромные природные ресурсы, трудолюбие народа. Тому препятствовала бездарность тогдашнего руководства страны.

После 1973 года на страну обрушился «золотой дождь». В результате двух резких скачков мировых цен на нефть Советский Союз заработал (как утверждает академик Арбатов) в сумме около четверти триллиона долларов. Невероятные деньги, за которые можно было и достойную оборону страны обеспечить, и содержательно ее обустроить.

Выросшим в тени вождя, и потому напрочь лишенным конструктивной инициативы, партийным бонзам выход за рамки марксистской доктрины казался святотатством, сама мысль о введении элементов частного предпринимательства вызывала реакцию отторжения. (Вопреки утверждению творца идеологии, что «марксизм не догма, а руководство к действию».)

Маразм афганской авантюры ускорил принципиальные кадровые перемены в высших эшелонах власти — консервативных геронтократов сменила свежая поросль партийных активистов.

Я раньше ненавидел и любил,
Теперь умею только издеваться³².

Гора родила мышь. Последний генеральный секретарь, великий говорун и мастер художественного свиста Михаил Горбачев (в народе — Михаил Грязный) под лозунгом «Революция продолжается» открыл шлюзы перестройки и в пять лет промотал наследство.

Искусство Михаила Сергеевича рассказывать сказки отмечено в 2004 году премией Грэмми в категории «Альбом для детей в разговорном жанре» за диск «Петя и волк», который состарившийся реформатор записал в компании Билла Клинтона и Софи Лорен.

Страна заплатила кровью миллионов людей за право быть процветающей и сильной. В калькуляцию этих расходов входят жертвы массовых репрессий сталинского режима, жизни героев страшной войны за независимость и территориальную целостность страны. В ней — результаты великого труда сограждан, в том числе и рабского, в «архипелаге ГУЛАГ».

«Пепел Клааса стучит в моё сердце»¹⁴⁵. Нормы морали должны были учесть предоставленный историей счет. Высокая нравственность предпола-

гала, что достижения и наработки предков обязаны перейти к благодарным потомкам для пользования, развития и очередной передачи в наследование новым поколениям.

А что до Правды — то сия наука
Из моды вышла как ... стрела из лука³².

«Благими намерениями дорога в ад вымощена»¹⁶⁰. Кооперативы, малые предприятиях, быстро иссякли в производстве товаров, развитии новых производств, скатились большей частью к посредническим услугам между государственной, быстро вымываемой казной, и получателями средств. Заработал механизм «крышевания», «откатов», комиссионных, где первую скрипку заиграли бойкие представители партийно-государственных структур.

Усиливавшие турецкую, китайскую экономику «челноки»-торговцы, подверглись массовой бомбардировке начавших формироваться из дворовой шпаны и узколобых бездельников рекетиров.

Их поначалу нестройные бригадные построения со временем качественно усилились за счет очистивших ряды «стрелок», «разборок по понятиям» и влились в откалиброванные колонны мафиозных формирований. Стали — наряду со стриженными братками классических криминальных структур — неформальной опорой нового социально-экономического строя.

У нашего молодца нет забавам конца. Бесхарактерный, очень семейный подкаблучник и борец с алкоголем «фомкой» природной самоуверенности и ограниченности только подломил великую страну. Ее уничтожение завершил, отправив попутно в политическое небытие бывшего покровителя, «партайгеноссе» Ельцин.

Нам, как аппендицит,
поудаляли стыд¹⁴⁶.

Величайшей наглости и нахрапистости личность, циник и беззастенчивый демагог. В грессбухе последующих деяний отечественного герострата, в разделе «дебет» — кровь безвинных жертв вспыхнувших конфликтов, невероятного разгула преступности; в нем — миллионы искалеченных судеб, нищета и бесправие, унижение моих сверстников; там — останки и руины.

В разделе «кредит» — баснословные состояния ничтожной части населения, в том числе клана взявшего власть потрошителя.

*Селекционер из Нижнего Тагила С. Иванов (так свидетельствуют «Известия») вывел новый сорт хрена, который назвал именем первого президента Российской Федерации, однако новинка не была официально зарегистрирована в ботанической номенклатуре под именем «*arborosia elciniana*».*

Ничего не создал — только разрушил. Став на ноги после немощной контрреформации девяносто первого года, в дебрях Беловежской пуши с парой ассистентов провел вивисекцию государственного тела, расчленил его на разномерные составляющие, перекалечил народ.

Исчезло главное, что все великие мыслители прошлого — от Николо Макиавелли до Иммануила Канта — считали главной гарантией мира: наличие баланса сил. Американские Штаты из ведущей страны современного мира превратились в господствующую на планете державу. Россия (как юридический продолжатель бывшего Союза) по валовому продукту на душу населения откатилась во вторую сотню стран.

По-прежнему коммунистический Китай без ломки державных устоев, кровопускания народу — за счет стратегии постепенной либерализации — перестроил на суперэффективный лад свою экономику. Ее невероятный, совершившийся в два десятилетия, рост назван величайшей трансформацией века (сорок миллиардов долларов ежегодных иностранных инвестиций, свободные экономические зоны, скупка передовых технологий, лидерство на товарном рынке США, предсказание скорого первенства в мировой экономике).

Академик Сахаров, почитавшийся соотечественниками за почти блаженного, считал, что СССР и США сыграли вничью, выступал за мировое правительство с двумя гарантами.

Настороженно относился к личности Ельцина, был автором проекта конституции под названием «Соединенные Штаты Евразии», которая включала все республики в единую систему демократического государства.

«Мечты, мечты! Где ваша сладость?»

Под хоругвями крестового похода за демократию, под сурдинку усыпляющих народ разносов «советской империи», «тоталитаризма» зашумел передел собственности — альфа и омега любой «болтологии» о свободе, о плюрализме, о равноправии.

Права человека, о которых постоянно талдычили заокеанские соавторы перестройки и которые обеспечиваются, прежде всего, частной собственностью и сознательной хозяйственной деятельностью их обладателей, в результате кровавых внутренних боен и нечистоплотных махинаций стали доступными «минимуму миниморуму» населения.

Его большинству осталось неотъемлемое право на биологическое выживание.

А ныне все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен...⁷²

Нравственный прицел, отрегулированный исчезнувшей Системой на конечную цель «Человек человеку — друг, товарищ и брат», оказался непоравимо сбитым. В отношениях индивидов определяющим стало понятие «Человек человеку — волк» с сопутствующими «разводками», «кидалово», уничтожением и поеданием слабейших.

Туго закрученные Отцом народов гайки державной машины, даже после его ухода, долго держали в узде ее контрольно-исполнительный номенклатурный механизм. Существовали жесткие правила игры, некий моральный барьер, переступить который без тяжелых для себя последствий государственный чиновник не мог.

В начале девяностых шумливые и духовитые ветры демократии сорвали резьбу, воцарились вседозволенность, анархия, возможность попирать все, что угодно.

Жадная и беспринципная часть верхушки Системы пустилась во все тяжкие.

Аппаратный клир, иерархи спецслужб, комсомольские секретари, бывшие в момент «великого взрыва» распорядителями кредитов, рутинными банковскими операциями перевели себя в разряд состоятельных людей, серьезные госслужащие сели в кресла руководителей концернов, банков, «самодельных» фондов. «Крестные отцы», отмыв кое-как от крови добытую личность в постирушках ваучеризации и приватизации, стали степенными магнатами. *«Из Савла обратились в Павла»*¹⁶¹.

На руинах несовершенного социализма возникло мрачное здание развращенного капитализма. Под бурные аплодисменты либеральной клаки, под теоретическим прикрытием аксиом «мальчиша-плохиша» возник, как метко припечатал Генри Киссинджер, *«...гибрид черного рынка, безудержной спекуляции, откровенной преступности, госкапитализма и доминирования олигархов»*.

О, Россия, как отметил Бердяев, *«покорная, женственная»!* Доколе ?!

У ней, родимой, требы многи;
Бедна по милости воров!
В ней пышны барские чертоги,
Но жалки избы мужиков¹⁴⁸.

Общество расслоилось, разделилось на две стремительно разбегающиеся галактики. В одной — мир блаженствующих крезов, в другой — юдоль печали народа. Ходят, правда, разговоры о формирующейся между ними планетарной цивилизации, стыдливо именуемой кабинетными теоретиками «средним классом». Подобные оптические иллюзии возникли, видимо, от регулярных наблюдений буйства деловой жизни столицы, где обращается львиная доля капиталов и кладется немало за него голов.

При этом не учитывается, что средний московский обитатель — это далеко не полунищий житель провинции; что громадное экономическое пространство, скукожившееся — как древний город-государство Рим — в небольшом регионе, свидетельствует о критическом перекосе государственного механизма.

В столице шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина¹⁴⁹.

Малых размеров, но великой плотности «черная дыра» втягивает в себя с силой невообразимой все, представляющее достаточный финансовый интерес. Её ядро — олигархи — «ум», «честь» и «совесть» эпохи.

Начинали не с медной копейки, «крутыми» стали не по праву наследования, кладов не находили. Взяли готовое, наработанное всем народом; за бесценок прикарманили то, что не создавали.

От трудов праведных не наживешь палат каменных. На нефти, газе, электричестве, приватизации сырьевой промышленности подняли свои быстрые миллиарды, вместо природной ренты (практики, применяемой во всем мире) платят смешные налоги.

В развитие новых технологий, наукоемких производств средств не вкладывают — необходимые для прокачки нефти машины и механизмы проще купить на стороне. Все поступающие доходные потоки заворачивают в «зазеркалье».

В начале пятидесятых годов двадцатого века в Южной Корее, предпринимавшей экстраординарные меры по выходу из критической социально-экономической ситуации, действовал запрет на вывоз валюты за рубеж. Все капиталы работали на «корейское чудо».

Только через десять лет реформ, выезжающим из страны гражданам было разрешено брать с собой на личные нужды не более пятисот долларов.

Совесть нации, ее президент Пак Чжон Хи (советская пропаганда, кстати, именовала его «диктатором») после смерти не оставил дочери — к сведению господина Ельцина и пана Кучмы! — ни гроша.

Вывод денег в офшорные зоны или покупка футбольного клуба за 230 миллионов долларов не могли присниться даже самому богатому корейцу.

Скоропалительные нувориши — это не веками вкоренявшаяся в родную почву аристократия (типа британской), олицетворяющая силу, энергию и богатство нации. Разбогатевшие парвеню оборвали корни с породившей их почвой, безразличны к судьбам народа страны проживания.

Кукушка воробью разбила темя
За то, что он ее кормил все время¹⁵⁰.

Не «на пальцах» — на математических моделях — академик Владимир Захаров показал, что господствующий класс заинтересован в уменьшении численности населения страны. Демографическая проблема для него — желанная константа в формуле упорядочения народонаселения подконтрольной территории и перевода его остатка в состав челяди. С выведенным за скобки державной алгебры человеческим фактором быстрый научно-технический прогресс может дать заказчику идеальное решение.

По расчетам американского футуролога Брейна, через четверть века роботы с внешностью гуманоидов вытеснят человека с большинства рабочих мест, через столетия человек станет безработным.

В результате психической депрессии homo sapiens может на четвереньки стать, речь забыть, впасть в детство.

Время работает на homo povus — население страны неумолимо сокращается. В России самая короткая среди цивилизованных стран продолжительность жизни мужчин и сверхсмертность мужчин рабочих возрастов. Со-

временному российскому мужчине — 34 года, женщине — 40 лет. Мужская смертность в 4 раза (читай «Известия») превышает женскую. Потери здоровых мужчин сопоставимы с потерями СССР в Отечественной войне.

Но те, кому дается власть и сила,
О жертвах сокрушаться не хотят.
И кровь не насыщает их гордыню,
Как влага Аравийскую пустыню³².

Процесс этот начался на кругах ада начала девяностых с сопровождающими спиралевидное падение безработицей, плохим питанием, напряжением и страхом, болезненной — снижающей рождаемость и длительность жизни — неуверенностью в будущем. Он набирает темпа за счет помолодевших пьянства, наркомании. Ему способствует незатухающие вооруженные конфликты, разгул уголовщины, терроризм.

Здравоохранение — фактор национальной безопасности, гражданских прав и свобод — разделилось на две совершенно неравноценные части: для бедных и богатых. В первой не хватает всего, чего может не хватать (денег, медикаментов, времени и внимания к больному). Во второй все с избытком (мрамора, дорогого оборудования, приторной любезности).

Советская фармацевтическая промышленность, при всех ее недостатках и слабостях, была нацелена на предотвращение и ликвидацию болезней, на минимизацию стоимости лекарств. Ныне рябит в глазах от обилия не всякому доступных, отечественных и импортных лекарственных средств, по десятку на каждую болезнь и немочь, выработанных на принципах капиталистического подхода к делу.

Его суть профессионально и четко обрисовал доктор Матиас Рат в газете «Нью-Йорк Таймс»:

«В основе фармацевтической промышленности лежит «бизнес на болезнях». Его базисом является выдача патентов на новые синтетические лекарственные препараты, которые лечат не болезнь, а ее симптомы.

...это инвестиционная промышленность, в основе которой лежит продолжение болезней».

«А теперь, Маврикиевна, усекай!» Только обеспечив собственными силами достойный уровень жизни, можно считать равноправным партнерство с благоденствующими соседями, можно думать об участии в их политических, экономических объединениях, не забывая при этом о крепости «ядерного щита» у притягательной природными ресурсами державы.

Еще в восемнадцатом столетии священник Томас Мальтус объяснил бедственное положение неимущих слоев населения «абсолютным избытком людей», действием «естественного закона народонаселения», согласно которому рост средств существования значительно отстает от роста народонаселения.

В наши просвещенные времена средневековые идеи живут в среде успешных стран (так называемого «золотого миллиарда»), обеспокоенных без-

опасностью и гарантированным прокормом сограждан. Исходя из этих стратегических интересов, они строят свои отношения с нуждающимися иноплеменниками, ведут с ними потешные межгосударственные забавы, дипломатические игры по правилам кнута и пряника — «овому талант, овому два».

С рухнувшими, потом и кровью окропленными социальными устоями, исчезла охранительная роль государства. Его непобедимый, пропитанный коррупцией бюрократический аппарат («семя крапивное»), слился в экстазе единения с крупным капиталом.

Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Трудно различить, где кончается государство и начинается бизнес, и наоборот. Министры-капиталисты по сути дела служат топ-менеджерами у крупных компаний, у фактически управляющих страной транснациональных корпораций.

Элита и их обслуга, гламурные государственные чины, жирные коты-парламентарии настолько потеряли способность адекватно оценивать ситуацию, что даже не задумываются о производимом их действиями эффекте. Их кичливо выставляемая напоказ красивая жизнь вызывает, как пир во время чумы, чувства брезгливости и отвращения. Их запредельные интересы с интересами народа (точнее — электората), если и пересекаются, то где-то в неэвклидовом пространстве. Зубы сводит от наблюдений борьбы слуг народных, активистов партий и парламентских блоков за святое дело социальной справедливости.

Мутит от их фальшивого, характерного для всякой показухи, ореола значительности и залиvistых речевых оборотов, призванных брать на испуг и туманить мозги, создавая видимость некоей высшей деятельности, доступной лишь избранным, посвященным.

Богатство пучит, убожество плющит. Подавляющее большинство российского населения, прошедшее чистилище разрухи и государственного «кидка», выживает в иной, параллельной реальности.

В ней иной ритм жизни, другие проблемы и житейские ребусы. В ней основная забота — найти (что трудно!) и не потерять (что легко!) работу. В деле этом возраст — как некогда пятый пункт в анкете, как приговор с последующей отсидкой (точнее — растительным доживанием) на анемичную пенсию.

Что же ты, Русь нерадивая,
Вьюгам бросаешь детей?
Ласка твоя прозорливая
Сгинула где без вестей?¹⁵¹

Кормильцы народные — заводы, фабрики, институты — пребывают в коматозном состоянии, за бесценок выкуплены или дрейфуют в мутных водах аренды (с «заносом» в кабинеты их директоров).

Высвободившиеся трудовые ресурсы — в том числе прошедшие беспощадный конкурсный отсев инженерно-технический состав, научные сотрудники — освоили места на рынках, в подземных переходах, у бровок дорог, где

куют семейную копейку под бдительным контролем ментов (шакалов позорных!).

Удачливые выжили, неудачливые пополнили кочевья бомжей, жестко распределивших между собой по зоологическим нормам приматов мусорные ареалы.

Дети, отряхивая прах убеждений и воззрений ностальгирующих «предков», рвутся к красивой жизни. Им в помощь — варварское телевидение с героическими киллерами, притягательным развратом, помоечными ток-шоу. Им в тягость — школа, где свой стайный беспредел и беспомощные, нищенствующие педагоги.

Предполагающее приличный родительский достаток университетское (институтов давно нет!) образование дается не всякому. Редких, финансово несостоятельных счастливых на пути к диплому, помимо официальных взносов, ждут гневно запрещенные, но строго отрегулированные платежи за вступительные экзамены, зачеты, курсовые работы, «рубку хвостов», за каждый «чих».

Сопливых пацанов из городской и сельской бедноты, чьи семьи не в состоянии откупиться от призыва, ждет исполнение воинского долга. А способным здраво рассуждать родителям остается размышлять, ради кого принимают присягу их дети — ради Родины или ради режима управляющих страной ненавистных плутократов и коррумпированных бюрократов?!

Об оскудении и упадке отечественной науки не говорит только ленивый. Фактически разрушена отраслевая наука, которая в основном отвечала за создание наукоемкого продукта. Утечка умов за рубеж достигла невиданных масштабов.

Первым в мире студентом, который в 1951 году в Московском физико-техническом институте стал обучаться специальности «вычислительная техника» был Борис Бабаян.

Ключевой разработчик суперкомпьютеров семейства «Эльбрус», которые стоят на вооружении Российской армии, обеспечив ей независимость от иностранных поставщиков.

В 2004 году Борис Бабаян, директор института микропроцессорных систем Российской Академии Наук приглашен директором по архитектуре в подразделении программных решений в знаменитую американскую компанию «Интел». С ним ушел крупный научный коллектив.

Беспощадная эксплуатация истощает недра страны, сохраняется долгая «наркотическая зависимость» экономики от сырьевых ресурсов. «За державу обидно». Нефтяные реки, газовые потоки уходят за границу, во вред будущему государству, в ущерб нашим потомкам.

Накапливающиеся нефтедоллары не трансформируются в интенсивное развитие новых технологий. Их ведущее звено, имеющие непростую предысторию компьютерные технологии, не суммируются властями в единую стратегическую силу, развиваются разрозненно и спонтанно.

В Индии, мировом лидере информатизации, на фабриках прикладного программного обеспечения исполняются заказы, поступающие со всех концов земли. Доходы от этого вида научно-производственной деятельности (так называемого «оффшорного программирования») составляют существенную долю поступлений в казну страны.

Сорванную розу ветке не вернуть,
Мигом миновавшим снова не вздохнуть¹⁵².

Не терпит сослагательных наклонений история. Можно только предположить, каких экономических успехов достигла бы великая страна, избери она мудрый восточный путь развития. К сожалению, не нашлось ни умного и честного благоустроителя, ни демиурга.

Соединить достоинства социализма с преимуществами капитализма не удалось. Вместо взлета в эмпиреи справедливости и благополучия совершилось оглушительное падение в пропасть.

До точки замерзания упала мера социальной ответственности государства перед народом, больше стало лицемерия, цинизма, в душах людей залегли отчаяние и безысходность — день да ночь, сутки прочь. Нарастает их отчуждение от власти, которая рассматривается больше как некая отвлеченная сила, удерживающая от погружения в полный хаос.

Как посравнить да посмотреть
Век нынешний и век минувший⁶⁷.

Перенасыщенным желчью монологом защищаю дорогие сердцу годы молодости от очередной, на этот раз «черной», мифологизации истории, от выкриков современных критиканов: «Распни!», от по-хамски презрительных определений («совдепия», «совок», «советская зараза»). В нём — отвращение к незначительной, но до истерики яркой части граждан-демократов, немало сделавших для уничтожения прежде привычных идеалов, высмеявших и оплевавших всё, что даёт народу самоуважение: великую историю страны, её заслуги перед миром, её культуру. Ими (в том числе «задорными» эстрадными шутами) вдалбливается мысль, что хуже России нет, высмеивается чувство патриотизма.

Для них недавнее прошлое — это, в первую, голову, «застойные» времена, на которые они списывают последовавшее вселенского масштаба ограбление и оболванивание народа.

Для меня и, уверен, для многих моих спутников юности и молодости — это был период накопления знаний и культурного багажа, время интеллектуального, профессионального, творческого роста.

Был скуден быт, были незаслуженно дефицитны товары и услуги, были давящие и жесткие ограничения, но жизнь была безопасной и надежной — в детстве, в молодости, в старости.

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,
Хочешь — останешься век мужиком,
Сможешь — под небо взовьешься орлом!¹⁵³

Была перекормленная льготами и блатом верхушка партийно-государственной пирамиды, но были и сотни тысяч порядочных, честных комсомольцев и коммунистов, искренне и принципиально следовавших нормам справедливости и морали, создававших ауру надежды и веры в более достойную жизнь.

Адвокатское выступление рассерженного интеллигента критично, но — увы! — неконструктивно. Нет сил и желания выстроить свои инвективы в строгой гегелевской упорядоченности — «тезис, антитезис, синтез». Прожитая жизнь превратила меня в почти нигилиста с постиндустриальным уклоном — *«Всего насмотрелся я в суетные дни мои: праведник гибнет в праведности своей; нечестивый живет долго в нечестии своем»*¹¹.

Завещанная отчичами культура, нравственный уклад выстроены на убеждении, что справедливой может быть собственность, созданная своим трудом, что морально-нравственные ценности выше материальных благ.

*«Человек рожден для счастья, как птица для полета»*¹⁶⁴. Подавляющему большинству соотечественников для счастья не нужны ни богатство («хочешь быть богат, отдай душу в ад»), ни уважение со стороны государства (по Ф. И. Тютчеву — *«Лишь жить в себе самом умей»*), ни высокое положение в обществе. Главное для них — то простое, человеческое, естественное, что есть в их жизни, а не в государстве.

Им важны, в первую очередь, честное и добросовестное жизнеустройство, спокойный и налаженный быт. Они хотят жить без потрясений и революционной лихорадки, заботиться о давших им жизнь родителях, ставить на ноги продолжающих их жизнь детей, беспокоиться о собственной душе, дорожить друзьями и близкими людьми.

Творенья Божьи — они желают толково распорядиться своим кратким земным сроком в гуманной, праведной, чистоплотной общественной системе.

История свидетельствует — постепенный рост разума и духа человека неостановим. Поэтому неостановимо и движение к справедливости.

Но все-таки... все-таки впереди — огни!
(В.Г. Короленко)

Киев, май 2003 года

Пять лет спустя

О моём Отечестве — России

Пять лет минуло с той поры, когда я гневным пером русского интеллигента выписывал собственную оценку событию, которое — ныне и свыше — было определено как «величайшая геополитическая катастрофа двадцатого века».

За истекшее время в сторону позитива чуть сдвинулись мои акценты в восприятии сегодняшней российской действительности, умалилась несколько критическая составляющая в моих суждениях на сей счёт и — самое главное! — уменьшилась душевная боль за унижение Отчизны, приподнявшуюся с колен, воспрявшую.

Пару лет ушло на слом великой державы. И два президентских срока понадобились только на то, чтобы остановить казалось неудержимое падение России в пропасть небытия и дать ей последовательный подъём. За восемь лет конструктивного управления были созидательно затронуты все основополагающие узлы государственного механизма, покончено с сепаратизмом, приведена в чувство нищая и спивающаяся армия, выстроена вертикаль власти, разработан фундаментальный план стратегического развития страны на обозримое будущее. Несколько укрепились государственная монополия на добычу и поставку природного газа, выстроены в шеренгу налоговой дисциплины нефтяные и прочие сырьевые олигархи, акулы бизнеса, обеспечено достаточно стабильное увеличение золотовалютных запасов державной казны, будто бы задышали финансовые гарантии реализации некоторых социально-экономических проектов.

Наиважнейший из них — безотлагательное уменьшение нефтегазовой стимуляции экономики, категорический переход на развитие и промышленное внедрение инновационных технологий, пока ещё мало влияющих на темпы и объёмы экономического роста (в том числе по причине исхода за рубеж отечественного интеллекта, рублём обделённого).

Впереди — дальнейшее укрепление безопасности страны, резкое усиление качества и мощи её обороноспособности. Этого требует вторая кампания холодной войны, которую, под стягами миролюбия и свободы личности (в том числе с использованием технологий цветных революций) открыли страны Североатлантического альянса, ведомые носителями демократических ценностей, наглыми и бесцеремонными янки, твердящими о правах человека, а думающими о фантастических богатствах недр российской глубинки.

Завоевание сырьевых ресурсов — альфа и омега внешней политики американцев. Ради них в восьмидесятых годах они поддержали режим Саддама Хусейна в войне с Ираном. И ради богатых нефтью недр Месопотамии оккупировали Ирак в начале нового века, уничтожили одиозного диктатора.

Ради гарантированного контроля своего трансбалканского трубопровода, спроектированного для переброски каспийской нефти в албанский порт (и далее, танкерами — в США), они поддержали сепаратизм осевших в Сербии албанцев и, словно волкодав со стаей подгавкивающих ему тузиков, вместе с союзниками растерзали её, слишком пророссийскую, вырвали у неё историческое сердце — Косово. Далее, создали в косовском крае крупнейшую военную базу «Бондстил» (этакое Гуантанамо в Европе) и, как завершение зачистки подконтрольной территории, тем же составом признали так называемое государство «Косово». (Буйная ретивость, которую в американских разбоях проявляют «младонаатовцы» и жаждущие членства в альянсе, заставляет вспомнить сценку из жизни Наполеона I — в 1806 году дворец Тюильри осаждали немецкие князьки, один из которых имел обычай часами выстаивать за спиной играющего в карты императора и время от времени ловить поцелуями его руку.)

В своё время, затейщики перестройки усердным и «бескорыстным» раболепием тогдашнего министра иностранных дел, товарища Шеварднадзе, стремительно — по лекалам заокеанских покровителей! — перекроили послевоенную карту Европы, вывели в авральном порядке и «безвозмездно» из её центральной части советские войска. При этом как-то «подзабыли» закрепить полноценным договором устное обещание западных стран ликвидировать блок НАТО в параллель с прекращением существования блока стран Варшавского договора. Ныне неожиданное и нежеланное для Запада возрождение великой державы стало для него раздражающим фактором. Североатлантический альянс — не благотворительная, не культурно-просветительская организация; его совокупный военный бюджет, многократно превосходящий военный бюджет России, теперь идёт на создание вокруг её границ цепи военных баз, на антироссийское стимулирование новых союзников. Посему, защита рубежей Отечества, как учит его история, — превыше всего.

Касательно «планов громадьё» грядущего социально-экономического обустройства России — всё же червь сомнения и тревожности точит мою душу. Трудно мне преодолеть безразличие и презрение к безнравственным принципам капиталистических общественно-экономических отношений, поднявшихся на постсоветском пространстве на волне экспроприации общенародной собственности. Не могу без возмущения наблюдать демонстративную кичливость так называемых новых «хозяев жизни», бессовестно жирующих на фоне низкого достатка большей части населения страны. Видятся мне особо циничными жанровые картинки из жизни приматов, в которых, к примеру, юный миллиардер, завладевший норильскими копиями и никелевым комбинатом — на костях десятков тысяч репрессированных сограждан покоящимися, — с размахом, игриво и очень скандально, развлекается на средиземноморском курорте.

Нет у современных российских нуворишей, космополитичных по своей капиталистической сути, искренней привязанности к родной земле, ибо определяется она, прежде всего, местоположением их сырьевых скважин, рудников, недвижимости et cetera, которые в тёплые и более комфортные страны не перенести.

Капитализм «по-русски», обеспечив государству внушительные макроэкономические показатели, дал ему и чудовищный разрыв между богатыми и бедными, создал катастрофический для его будущего перекося в имущественном положении населения, при котором суммарное состояние сотни отечественных миллиардеров сопоставимо с материальным достоянием оставшейся части их сограждан. Всё «схвачено-прихвачено» крупным капиталом, монополизированы им все привлекательные сферы бизнес-деятельности, без права проникновения в её глубины новых хватких» сограждан, предпринимательства жаждущих. Средний и малый бизнес, теоретически являющийся основой полнокровной системы капиталистического хозяйствования, пребывает в неизменно зачаточном состоянии.

«У ней, родимой, требы многи...» Её, матушку Россию, только обильным и стабильным оборотом частного сверхкапитала не поднять. Ей — небогачейшей, природными ресурсами и человеческими талантами богатой — не вернуть своего былого величия без наполнения государственных пространств обильным и жизнедеятельным народонаселением, созидательным трудом занятым. Не вернуть Ей вековой силы и культурно-нравственной неповторимости без воссоздания социальной ткани общества — среды скромных, честных тружеников, без возрождения истинной, ещё не забытой, демократии человеческих отношений: с равными для всех правами на счастливое детство, образование, работу (в том числе — частное предпринимательство, прежде отвергавшееся), жильё, отдых, здравоохранение, пенсионное обеспечение. (Чтобы юные пары не на корысти, а на взаимном влечении строили семьи и, уверенные в социальной поддержке государства, умножались потомством, «*аки кедры ливанские*».)

In media virtus (Добродетель — посредине). В стартовавшей амбициозной программе социально-экономического переустройства России её толковые, прагматичные лидеры должны найти оптимум в сочетании капиталистической и социалистической систем хозяйствования. Необходимо закрепить и усовершенствовать схему социального рыночного хозяйства — такого устройства экономики, в котором государство, контролируя недра, сырьё, энергетику, железнодорожный транспорт, стратегические отрасли промышленности, защищая отечественного производителя, стимулируя науку, здравоохранение и образование, перетряхивая бюрократию и подавляя коррупцию, укрепляя правопорядок, берёт на себя функции обеспечения экономической активности граждан и поддержки рыночной стабильности. И, вместе с тем, колоссальные, в том числе негосударственные, инвестиции должны пойти на создание новых и новых рабочих мест, на интенсивное развитие отдалённых регионов, на доступное жильё, на функционирование надёжной системы социального обеспечения населения...

И — наиглавнейшее! — должны укрепиться ветрами западной «демократии» расшатанные устои нравственности и справедливости, которые суть природы русского человека, людей русской культуры, русского мира; должна возродиться нравственная норма, которая тянула людей к культуре и знаниям.

«Забыли русские люди воду своих сосудов и начали лакомо попеваться от чужих возмущённых вод». Страшным зловредием инфицировала Россию впущенная в неё «мораль» западного образа жизни, испакостившая души и судьбы тысяч людей, и поныне калечащая слабые рассудком умы малолетних граждан. Выстроенная на этой «морали» демократия по-западному, утверждает имущим право ворочать бесчестно нажитым капиталом, а прочим — даёт право беспредельной «свободы слова» и воли в поступках, одним — узаконивает право передавать по наследству баснословные состояния, другим — предоставляет право оставлять после себя детям хроническую бедность.

Истинная (без западной упаковки) демократия — это не по-иезуитски лицемерное оформление власти олигархов. Она, по своему определению, означает «народовластие» и предполагает подчинение меньшинства большинству; она означает равные права и равную ответственность для всех её пользователей, предполагает созидательный — во общее благо! — коллективизм, а не эгоистический индивидуализм.

Россия — традиционно одухотворенная страна — всегда жила искренним следованием заветам предков, жила не для плоти, не для удовлетворения материальных инстинктов. Так и будет жить Она — «своим умком, своим домком», своей великой культурой, облагораживающей и развивающей культуры её народов, своим изумительным языком, своими литературой и совершенством перевода чужестранных литератур, своим книгопечатанием, своим искусством, своими традициями...

И надеждою маюсь,
(полный тайных тревог),
что хоть малую малость
я России помог.

Пусть она позабудет,
про меня без труда,
только пусть она будет,
навсегда, навсегда¹⁹⁷.

О моей Родине — Украине

Впервые чувство «родины», сильнейшую привязанность и неодолимую тягу к ней, я испытал в неполных восемнадцать лет, в период своего абитуриентства. Оформив по приезду в Ленинград документы в гидрометеорологический институт (хотел стать океанологом), я, через две недели, передумав, в темпе вальса перенёс их в приёмную комиссию электротехнического института. Оттуда, с направлением на вселение, помчался в общежитие на Муринском проспекте, где, усевшись на обитый дерматином диван, стал терпеливо дожидаться куда-то отлучившегося коменданта.

За окнами медленно умирал последний день июля — уже отошло время белых ночей и серые, печальные сумерки накрывали город. Вокруг меня ца-

рила уютная тишина. Нарушая её, за полукрытой дверью ближней комнаты кто-то монотонно зубрил геометрические теоремы, на кухне мерно били по раковине капли воды из-под крана, во дворе чирикали воробьи...

И в этот миг чёрная, свирепая тоска вползла в мою душу. Казалось, будто чьи-то непрошенные ладони — до боли, до слёз — сжали моё сердце, заставили его учащённо затрепетать. Чувство одиночества, покинутости, безысходности вдруг охватило меня. Неудержимо захотелось домой, к дорогим местам, к родителям и друзьям, потянуло назад — в упорхнувшее уманское детство.

...Через месяц, уже как ленинградский студент, на несколько прощальных дней вернулся в свой родной город. По моей просьбе киевский таксомотор (роскошный ЗИМ) остановился у второго входа в институтский посёлок, и я, в купленных в универмаге северной столицы брюках-клёш, с щегольским, серого цвета чемоданом в руках, ступил на Агрономическую улицу. Ступил — и остановился.

Нестерпимо палило солнце. В небесной синеве метались стремительные ласточки, в выжженной траве стрекотали кузнечики, пестрели многоцветием делянки кафедры ботаники. Со старых груш, росших по краю громадного яблоневого сада, падали на асфальт перезрелые плоды, разбрызгивая по сторонам тёрпкую и невкусную мякоть. Вдали, за маленьким домиком с колодцем во дворе, виднелся жилой трёхэтажный дом, где меня очень ждали.

Предельно взволнованный, я оглянулся по сторонам и, убедившись, что меня никто не видит, в искренне-сентиментальном порыве стал на колени и поцеловал землю моей малой родины — мой любимой Умани.

Среди стерни и незабудок,
Не нами выбрана стезя,
И родина — есть предрассудок,
Который победить нельзя¹⁹⁸.

Вся жизнь моя, за вычетом времени студенчества и армейской службы, связана с Украиной. Здесь родился и вырос, здесь прошла моя инженерная зрелость, в государстве Украина живу по сей день. Ей, моей Родине, её прекрасной земле и замечательным людям посвящена большая часть моей книги воспоминаний.

Украинские язык и традиции, начав с пелёнок напитывать меня своим дивным нектаром, к детству и отрочеству утвердились как твёрдые и неизменные константы моего внутреннего мира. Этому, помимо мальчишеского межэтнического общения, способствовали и благодарные мамы рассказы о стартовом периоде её жизни в селе Верхнячка, в течение которого новые, добрые и гостеприимные подруги передали ей безукоризненный, украинским женщинам присущий, стиль домоводства, научили её кулинарному мастерству.

Уже обстоятельным молодым человеком, в частых встречах с украинскими корнями друзьями-ленинградцами мы вместе, очень вдумчиво и доброжелательно, сопоставляли менталитет и образ жизни русского и украинского человека, вычисляли меру их безусловного сходства и малозаметного отличия.

Мы единодушно сходились во мнении, что Киев, мать городов русских, уступая Ленинграду в строгой красоте и величии, превосходит его обаянием старины и неповторимым уютом парков, скверов и садов, что среднестатистических киевлян и ленинградцев роднит чуткость и отзывчивость, в отличие от очень рациональных, башковитых, «слезам не верящих» москвичей.

Интенсивное книгочйство дало мне солидные исторические познания, позволило усвоить суть многовековой близости двух народов (плюс третьего — белорусского), изначально составившихся из слияния древнеславянских племён с пришлой «русью», до сих пор загадочной, до конца не изученной, оставившей подчинившимся им народам своё имя (отсюда — «Киевская Русь») и растворившейся в них.

Из умных книг определил, что этнос «русские» в современном звучании стал составляться ещё в двенадцатом веке, после перемещения, по инициативе Андрея Боголюбского, центра государственного союза рюриковичей из Киева во Владимир (позже — в Москву) и перемешивания мигрировавшего славянского люда с коренным финно-угорским населением. Формирование этого этноса длилось более двух веков, в течение которых новопоселенцы именовались по названиям мест расселения (московиты, тверичи, рязанцы, смоляне...), и только на Куликовское поле, в 1380 году, пошли «русские». И ещё через столетие, в 1480 году, после стояния на реке Угре и окончательного избавления от татаро-монгольского ига государство «Русь» (именовавшееся иноземцами по её стольному граду «Московией») стала постепенно переименовываться в «Россию».

Братья-славяне, что в те прадавние времена племенного расслоения остались в лесостепном Приднепровье, мешая свою кровь с кровью инородцев — воинственных кочевников, татар-крымчаков, турок, литовцев, поляков — со временем переформировались в «чернобровый и кареглазый» этнос, много веков также именовавшимся «русские». (Ещё Богдан Хмельницкий говорил о своём намерении положить свою жизнь за «народ русский», а следующий гетман, Иван Виговский, оформляя федеративное устройство украинских земель в составе Речи Посполитой, именовал их «Русским княжеством».) Территория, на которой обитал этот народ, прежде бывшая под Киевской Русью, вслед за разгромом последней татаро-монголами была захвачена стремительно возвысившейся Литвой, затем отошла к Польше. Земли эти, в отличие от северной Великой Руси, стали называться Малой Русью (позже — Малой Россией или Малороссией).

Кстати, определение «Малая» отнюдь не указывает на малость или незначительность характеризуемого объекта, в данном конкретном случае оно употребляется в смысле «коренной». К примеру, в таком значении изначальные польские земли в верхнем и нижнем течении Вислы назывались Малой Польшей.

А наименование этноса «украинцы», возникло, по мнению большинства историков, как отображение окраинного («украинного») местоположения определяемого им народа по отношению к его прежнему географическому и политическому центру, переместившемуся в финно-угорские края. В подоб-

ном смысле сама Великороссия на этапе её становления называлась, по отношению к её исторической родине, Залеской Украиной. (На уважительное отношение мигрантов к родине указывает и дублирование ими названий родных городов в Волго-Окском междуречье: Галич, Перемышль, Холм, Звенигород, Переяслав-Залеский...)

Разные среды обитания и условия жизни наложили свой отпечаток на формирование черт характера «северян» и «южан». Охранительная роль лесов и формирующегося централизованного государства сказалась на преимущественной обстоятельности, уравновешенности, прямолинейности «новых русских». Украинскому народу привелось жить, что называется, «на семи ветрах» и без государственной защиты; доводилось ему, в условиях постоянной угрозы нападения и насилия, рассчитывать только на свои силы, на свою сметливость, хитроумие, осторожность, на своих отчаянно смелых «козаков». Обращаюсь по вышеуказанному поводу ко Льву Николаевичу Гумилёву: *«Этот этнос проявил невероятный героизм, ибо он вернул заброшенную землю — вывел её из запустения, сохранил культурную доминанту и саблём добыл политическую свободу. Даже включившись в состав государства Московского, украинцы обрели в нём экологическую нишу, заняв должности от чиновников и офицеров до канцлера (Безбородко) и мужа царицы (Разумовский), так как общность, унаследованная от Древней Руси, — книжная культура и византийское православие — не мешала северным и южным русским жить в симбиозе...»* (В качестве интереснейшей справки о силе южнорусского просветительского влияния на Северную Русь в период Петровских реформ могу добавить, что *«ещё в 1754 году императрица Елизавета приказывала Святейшему Синоду, чтобы он представлял в архиереи и архимандриты не одних малороссиян, но и природных великороссиян»*.)

Возвращаюсь из прошлого в сегодняшний день и с позиций человека двух дружественных культур, с высот своего житейского опыта, составившегося в результате естественно-благожелательного общения с коренным, прежде всего, сельским людом, утверждаю, что взаимопроникновение наших культур настолько глубоко, что украинцы и русские чувствуют психологическую потребность друг в друге.

Мои исторические убеждения, моя точка зрения о непоколебимости двуэтнического союза в условиях независимого государства Украины, решительно не совпадают с постулатами так называемой «языковой политики», выстроенной державными новаторами на категорическом, беспрекословном признании ими только моноэтнической страны, граждане которой есть и должны быть только «украинцы». (Синонима термину «гражданин Украины» нет, в отличие от многонациональной России, в которой словом «россиянин» идентифицируются все её граждане, в том числе и числящие себя русскими.)

Главным заданием этой «языковой политики» есть выведение из обихода русского языка, мешающего, по мнению доктринёров, утверждению и развитию украинского языка и литературы, украинскому книгоизданию. Сделать это одним указом или универсалом они не в силах (не запретишь же Солн-

цу сиять, выдав на то распоряжение!), посему державные мужи пытаются пресечь русскую культуру на корню — закрыли повсеместно русскоязычные школы, а краткий курс русского языка и литературы перевели в разряд иностранных. Практически лишили юную поросль граждан Украины доступа к культурному кладезю, к русскоязычным шедеврам мировой поэзии и прозы, духовно ущемляют будущее державы.

«Прости их, Господи, ибо не ведают, что творят!» Впрочем — ведают. Попытки умалить, свести на нет русскоязычную составляющую в общегосударственном социально-культурном реестре отнюдь не свидетельствуют о непонимании бюрократической верхушкой ущербности такого подхода для уверенного, гармоничного развития реально двуязычной страны, усердие организаторов языковой «чистки» больше говорит о дальних управляющих нитях, о немалой силе их подёргивания.

Эти же связи с кукловодами определяют и антироссийский курс, которым, «шляхом» в НАТО, натужно дёрнулась «удалая» птица-тройка нынешней украинской внешней политики. Уже придворные социологи (прикормленные и «неподкупные») делают свои, обречённые на предварительно заданный процент, замеры общественного мнения и с апломбом сытых лакеев заявляют об «иррациональном русофильстве» тех граждан Украины (а таких — подавляющее большинство), которые против порчи отношений с Россией.

В этой межгосударственной игре, затеянной «завзятыми державными людьми», умную, тонкую, взвешенную дипломатию подменяет публичная задиристость и вселенская обидчивость; при этом задавшим прозападный пеленг штурманам и в голову не приходит, что главное в мировой политике — не намерения, а потенциал, что могучая держава не станет за счёт своих нефтегазовых ресурсов финансировать бездумным пилигримам «шляховые» расходы на их карабканье в агрессивный военно-политический блок.

Не дано взявшим власть очередным толстосумам уразуметь, что народу, пропастью от них отделённому, противны межгосударственные контры, ибо ценит народ в первую очередь то доброе, человеческое, естественное, что есть в его жизни, а не в государстве, к нему безразличному. Не может один народ быть причиной бед другого народа. Никакими пропагандистскими рычагами не разделить, не столкнуть лбами русских и украинцев, имеющих не только общий этнический и культурно-нравственный корень, но и связанных между собой схожим «хождением по мукам». Ни Родина, ни Отечество не унижали своих сынов и дочерей крепостным правом, изматывающей капиталистической эксплуатацией, не репрессировали и не убивали чад своих, не гноили их в «архипелаге ГУЛАГ», не морили голодом. Всё это делало «Государство — самое холодное из всех холодных чудовищ» (определение Фридриха Ницше). На этой последней сентенции ставлю жирную, закрывающую в моём писании межнациональную тему, точку.

В целом процесс становления и торжества бандитского капитализма в Украине в точности повторил российский сценарий этого действия, но с меньшим масштабом и с не таким мощным размахом. Не та в Украине география и не тот промышленно-финансовый ресурс был на момент «великого перело-

ма», не те объёмы сырьевых ресурсов хранят её земные недра, не так куражи-сты были её высокопоставленные лихоимцы, не так убийственно вели себя всех мастей грабители, не так изощрённы и изобретательны были разнокали-берные аферисты (Киев — не Москва).

С началом нового столетия внешнее сходство процессов государственной деградации закончилось. Россияне избрали своим лидером за них болеюще-го президента-трудоголика, давшего им к концу своей президентской рабо-ты свет в конце тоннеля. Наш украинский «батько», Данилыч, ставший за десятилетнее «керування» ярким символом государственного беззакония и коррупции, было попытался в чём-то повторить российскую схему передачи власти, но просчитался. Вспыхнула Великая Оранжевая революция, пока-завшаяся многим наивным наблюдателям только стихийным, «неподготов-ленным» и демократичным проявлением народного недовольства.

«На майдані біля церкви революція іде! Хай, чабан, усі гукнули, за отама-на буде...» «Отаман», как скоро выяснилось, оказался совсем никудышним. Щедро им розданные поверившим в него людям обещания, на поверку оказа-лись обыкновенной «разводкой» и «кидалово» на державном уровне, а дол-го тянувшиеся митинги, выступления вождей демократии только разрядили отрицательное перенапряжение народа, на некоторое время убаюкали его. (А гророс! Слово «майданить», если посмотреть словарь Даля, означает «мошен-ничать, промышлять игрой».)

Слёзы умиления разъедают глаза мои (ёрничая!), когда вновь и вновь перечитываю программу «Десять шагов навстречу людям», предложенную в предвыборном запале будущим третьим президентом. Её генеральным пун-ктом стоит обещание каждый год создавать миллион рабочих мест и за пять лет по-демократически открытого «керівництва» закрыть, раз и навсегда, проблему безработицы. Следующие разделы этого, ставшего библиографиче-ской редкостью аполога, ещё более многообещающие, яркие и увлекательные — и всё *«Слова, слова, слова...»*

По итогам стояния на майдане плодородные земли в твёрдые крестьян-ские руки не переданы и в интенсивный севооборот не запущены; фабрики и заводы не восстановлены и трудовому народу не возвращены; бандиты в тюрьмы не посажены. Переоборудовать страну по образцу коммунистиче-ского Китая или социалистической Норвегии не удалось — бал по-прежнему првят олигархи и чиновники-мультимиллионеры.

Легла свинцом на душу телевизионная сценка — сидящий в своей residen-ции гарант по голубому экрану наблюдает за оформлением продажи «Криво-рождстали» индийскому гостю, тихо радуется и с ленивой грацией аплоди-рует. («Время вперёд!» — под таким лозунгом наши отцы и деды сооружали для будущих поколений металлургические гиганты в довоенные годы, восста-навливали их в послевоенное время. В страшном сне не могло присниться им, патриотам-созидателям, что таким чудовищным образом распорядятся их наследством неблагодарные, бездушные потомки. «O tempora! O mores! — O времена! O нравы!»)

Основной сценической интригой общественно-политической буффонады в последние годы является партийное противостояние центрально-восточных и центрально-западных денег («Война Алой и Белой Розы»). Эта борьба за очередной передел остатков государственного имущества и перераспределение сфер капиталистического влияния ведётся по всем правилам боевого искусства, со своей стратегией и тактикой, атаками и отступлениями, подкупам и перебежчиками, кулачным мордобитием в стенах парламента и рукоприкладством на совещании у президента.

«Бело-голубые» ныне отдыхают в оппозиции, а всё ещё высокий рейтинг стальной эмансипэ, взявшей — в канун очередных президентских выборов! — в свои нехилые ручонки исполнительную власть, побудил её бывшего генерального друга по «оранжевому» движению к превентивному подавлению опасной экс-соратницы.

«Каков, с божьей помощью, оборот!» Два высших должностных лица страны стали общаться и бодаться преимущественно эпистолярно, назначать на одно и то же хлебное место своих людей, отменять решения друг друга через услужливые суды; генеральная прокуратура заелась с милицией, иностранными делами заправляет их министр, по поводу и без повода «огрызающийся» в сторону нелюбимой им России...

Цинизм пронизывает жизнь общества — цинизм на цинизме сидит и цинизмом погоняет. На нём выстроены отношения «верхов» с «низами», им пропитаны кабинеты ответственных чиновников, он лучится с телевизионных экранов, он — в текстах агитационных плакатов во время очередных выборов-перевыборов. Брось, к примеру, клич о срочной отмене всеобщей воинской повинности — и победитель получает приз: парламентское большинство и министерские кресла. Организуй регулярную поставку продуктовых наборов пенсионерам — и ты становишься мэром столицы.

Цинизм — в сочетании внешней благодати и «народничества» высокопоставленного «деятеля» и его подноготной сути, посконной и кондовой. Он — в полярном несоответствии деклараций и реального положения вещей, в градации расценок на все деяния, связанные с бюрократическим истеблишментом и людьми государевыми: за поступление в высшее учебное заведение, за внимательно-заботливое лечение, за постановку на кормление на сытную государственную должность...

Цинизм — это тёртые-перетёртые живчики-адвокаты, знающие таксу у берущего взятки судьи, который так и *«...зрит на правых и виновных, не ведая ни жалости и гнева»*; это завравшийся министр, который так и не предъявил журналистам диплом о высшем и заокеанском юридическом образовании. Цинизмом пахивают и регулярные державные мероприятия по искоренению коррупции — страдают от них, в первую очередь, простые граждане и деловые люди, вынужденные доплачивать мздоимцам за временно вредные условия их труда, за форсмажорные обстоятельства в их договорных отношениях с клиентурой...

Останавливаю и успокаиваю мою, разбежавшуюся и разнервничавшуюся, музу «гнева и печали» и, в качестве финальной реплики, с грустью пре-

великой отмечаю то, что более всего огорчает мой разум: не видно пока на нашем житейском горизонте яркой и уверенной личности, нравственной и ответственной, умной и системной, способной остановить увядание молодой державы, дать ей поступательно-уверенное движение вперёд.

Остаётся одно — надеяться и верить. *«Надежда — цвет желания, вера — плод убеждённости»* — о них, двуединых, говорил в своём знаменитом выступлении на стотысячном митинге, в ноябре шестьдесят третьего года, Мартин Лютер Кинг, повторяя перед каждой своей сильной и нравственно-логической посылкой слова: **«У меня есть мечта...»**. Их хочу употребить и я, представляя будущее моей Родины.

У меня есть мечта, что Господь пошлёт Украине, природой счастливой и народом одарённой, ему соответствующего лидера (украинского Лукашенко), который наведёт, для начала, элементарный порядок в государстве и резко двинет его по пути как экономического, так и социального прогресса, обеспечит ему, нейтральному и гордому, высокий пиетет со стороны мирового сообщества.

У меня есть мечта, что восторжествуют здравый смысл и историческая справедливость, что вновь, в требуемом количестве, откроются русскоязычные школы, что русские культура и язык, как всегда было, останутся верными спутниками и союзниками культуры и языка украинского народа.

У меня есть мечта, что страна серьёзно займётся своим будущим — молодёжью; что каждый вступающий в жизнь гражданин будет обеспечен доступным и высококачественным образованием, работой, жильём, что молодые семьи будут гарантированно стимулироваться казной к большему и большему числу детей.

У меня есть мечта, что будут рационально сочетаться государственный и частный сектор экономики, что возродившийся отечественный производитель будет находиться под защитой твёрдого (не гибкого!) законодательства, что станет на ноги наука, что поля заколосятся хлебами (не коттеджами!), что восстановится правопорядок, что спадёт нахрапистость бюрократии...

О многом могу я пометать и поэтому, как говорил Овидий, *«Dum spiro, spero»* (*«Пока дышу, надеюсь»*).

Киев, Май 2008 года.

*Моему Учителю, завучу знаменитой в 50 – 80-е годы
двадцатого века русскоязычной средней школы
номер четыре города Умань
Василию Васильевичу Романченко посвящаю*

Цикл «Абрисы истории»

Снова я, раздумья полный,
В книгу прошлого гляжу.
А. Плещеев

«История — это вспять обращённый пророк».
Фридрих Шлегель

«Гомоніла Україна,
Довго гомоніла,
Довго, довго кров степами
Текла-червоніла.
Текла, текла та й висохла.
Степи зеленіють;
Діди лежать, а над ними
Могили синіють...»

«Світе тихий, краю милий,
Моя Україно,
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?
Чи ти рано до схід сонця
Богу не молилась,
Чи ти діточок непевних
Звичаю не вчила?..»

«О мои милые, непорочные земляки мои! Если бы и материальным добром вы были так богаты, как нравственной сердечной прелестью, вы были бы счастливейший народ в мире! Но увы! Земля ваша как рай, как сад, насаждённый рукой бога-человеколюбца. А вы только безмездные работники в этом плодоносном роскошном саду. Вы Лазари убогие, питающиеся падающими крупицами от роскошной трапезы ваших прожорливых ненасытных братьев»...

Тарас Григорович Шевченко

Город моего детства Умань

Время — деспот беспощадный и неумолимый, — сокращая финишный отрезок жизненного пути, побуждает к исполнению давнего замысла: в форме новеллы-эссе совместить детские воспоминания с фактами давней истории моей родины, чудного украинского городка, где родился и вырос.

Возможно, взыскательный критик отметит избыток цитат из классиков исторической науки, но могу сказать в оправдание, что вносил их в текст как драгоценные находки, свидетельствующие о звучности города в украинском прошлом, как знак глубокого почтения к дорогим сердцу местам, уважения к окружавшим меня сверстникам, близким людям — вечным спутникам моей памяти.

Впрочем, если труд мой найдет читателя, структурированный по разделам текст даст ему возможность выборочного чтения, соответствующего предпочтениям и отношению к близкому и дальнему прошлому.

Абрис истории. Пролог

Человек должен ощущать себя внутри веков и тысячелетий. Это совершенно необходимо, без этого человеческий ум стремительно разрушается.

Сергей Аверинцев.

На полпути между Киевом и Одессой, среди сухих дубрав и плодородных полей, мелких речушек и богатых рыбой прудов («ставков») расположился небольшой, приветливый и уютный город Умань.

Названием этот старинный центр одноимённой, некогда окраинной украинской земли обязан, видимо, речке Уманке (в летописи — Умы), ныне полувысохшей, едва приметной, в оны дни — полноводной.

...Сирко, выйдя на лодках из Запорожья с большим войском, проплыл вверх по Бугу до города Уманя, против Уманя выгребся на сушу, прибрал к себе много войска, разгромил татарские улусы и открыл войну на Виговского.²⁵

Так, в августе 1659 года, в разгар вспыхнувшей — после смерти Богдана Хмельницкого — внутренней смуты, наказной гетман, уманский полковник Иван Беспалый, в реляции московскому царю Алексею Михайловичу Тишайшему, докладывал о действиях знаменитого кошевого атамана.

Умань может гордиться тесной исторической связью с великим украинцем, славные образ и дела которого выписаны историком запорожского козацества Д.И. Яворницким: «Иван Дмитриевич Сирко... представлял собой колоссальную личность во все время исторического существования Запорожья. ...И свои и чужие, и друзья и недруги — все одинаково отзывались о Сирке, как о человеке замечательных военных дарований. ...Татары называли Сирка Урус — Шайтаном, т.е. русским чёртом, а татарки-матери пугали его именем своих детей».

Историк С.М. Соловьев называет Сирка «великим полевым воином»¹².

Писанная история города Умани ведёт отсчёт от первого его упоминания в судовом документе 1616 года. Хотя можно предположить его более раннее возникновение: уманскими лесами весной 1596 года Северин Наливайко с отрядом повстанцев и мирными жителями уходили от войска Жолкевского в сторону Белой Церкви — на соединение с восставшими реестровыми козаками²⁶.

Неписанные, более ранние разделы истории города скрыты в текстах родословной владельца этого края — Великого Княжества Литовского, быстро вознёсшегося и стремительно упавшего.

Могучий князь Ольгерд, столетие спустя после уничтожения — в 1240 году — Киева татаро-монголами, вытеснил их с обширных пространств между Днепром-Славутой и Чёрным морем. Его племянник Витовт завоевания укрепил, оказал поддержку отколовшемуся от ордынцев роду Гиреев — основателям Крымского ханства; четыре десятка лет обеспечивал своей властью достаточно мирное — очень хрупкое! — сожительство мусульманской общины с северными соседями.

Кстати, названием полуостров, издревле именовавшийся Тавридой, обозначен осевшим на нём кочевникам: Крым означает «крепость», «укрепление».

Кончина князя, падение тысячелетней Византии под натиском турок-османов в 1453 году и последовавшее покорение ими Крыма эти отношения резко изменили. Крымчаки, ставшие вассалами Великой Порты, быстро выбили ослабевшую Литву с её южных окраин, взяли под контроль широкую, доходившей до Уманщины, приморскую полосу степной территории, названной Диким Полем.

Более двух столетий, жестокие и ненасытные крымские татары терзали, грабили, опустошали украинскую землю, увозя временами за раз десятки тысяч полону («ясыря») «неверных» христиан для поставки на турецкие невольничьи рынки.

Пришла беда — открывая ворота. Воинственные степняки были бедой первой. Второй, в роковом для литовского государства 1385 году, дал ход династической Кревской унией сын Ольгерда, князь Ягайло, за корону и руку прекрасной Ядвиги «сдавший» свои владения Польше.

Через почти два столетия бездетный король Сигизмунд II Август, упреждая пресечение литовской династии и возможный разрыв сомнительной прочности союза, Люблинской унией 1569 года сделал его бесповоротным,

ещё больше обреза́л владения своей исторической родины передачей Польше земель Киевщины, Волыни, Брацлавщины, Подляшья.

Симбиоз местной и впитавшей древнерусскую культуру, склонявшейся к православию, литовской народностей навсегда исчез. Его сменила безжалостная колонизация благословенных земель польскими магнатами, проводивших её в форме передачи своих необъятных владений в аренду (вместе с передачей арендатору права распоряжаться жизнью и смертью бесправных, обкладываемых непосильными налогами «хлопов»). Ужасы татарских набегов померкли перед кошмарами панского правления.

В 1609 году специальная комиссия Речи Посполитой, осмотрев «пустыню Умань», описала её природные границы, зарегистрировала существовавшие населённые пункты. Украинские земли, что граничили с Диким полем — вплоть до Белой Церкви — и не были собственностью феодалов, польская шляхта считала пустынными.

Согласно с сеймовым постановлением, эти земли, позже уже официально названные Уманщиной, были подарены польским правительством в вотчинное владение брацлавскому старосте Валентию Калиновскому. Тот попытался дать городу (то ли им основанному, то ли уже существующему) имя Калинград, но прижилось название Умань.

Муза истории, таинственно-мудрая Клио, с младых лет очаровавшая меня, с возрастом сделала своим стойким поклонником, вычертила итоговый круг интересов к малоизвестным, ставшими доступными страницам прошлого земли, где родился, где прошло детство золотое.

Они влекут и волнуют трагизмом выписанных на них текстов. История — не регулярно, в угоду циничной политике выправляемая мифология. Она — строгая, точная, беспристрастная — свидетельствует об океане крови и слез, напитавших украинскую землю, о безмерных страданиях поколений её обитателей, о благородстве и низости, жестокости и милосердии её заметных участников.

Она учит ценить себя без прикрас, чтить незримо её созидавших простых людей, побуждает на примерах добрых и печальных уроков прошлого задумываться о настоящем и будущем.

Она насыщает, усиливает интеллект вникающих в её суть почитателей, даёт им волнующее чувство сопричастности с деяниями предков, возможность ощутить пряный, неповторимый аромат седой старины.

Абрис истории. Первый

Тексты немногочисленных корректно-беспристрастных трудов по украинской истории дают крупницы ценных сведений о родине — уманской земле, раскрепощают воображение для образно-зрительной реконструкции картин её давнего прошлого.

Пересекающий Уманщину, вытоптаный нековаными татарскими конями «Чёрный шлях», по которому нагайки необузданных степняков гонят в

страшное рабство тьму-тьмущую людей — «простой, нелживый, нековарный народ», как оценивали его угнетатели.

Связаны сыромятными ремнями назад руки у пленников, сквозь них продеты длинные шесты, на шею накинута верёвка, концы которых по несколько штук сходятся в руках у гарцующих всадников.

Если не поспеет козацкая помощь, адовы муки ждут бедолаг. Добьют изуверы в пути ослабевших; мальчиков омульманят — обрежут крайнюю плоть — и отдадут в корпус янычар; на старых и немощных будут тренироваться в стрельбе из лука татарчата; молодых женщин разберут по гаремам; взрослых невольников кастрируют, поставят клейма, закуют в кандалы и отправят на непосильный труд или на галеры («каторги»).

Из года в год «вынимали» татары население окраинных земель (собственно — «Украины»), но они не пустели, заселялись естественным притоком с севера. Много было привлекательного в этой, мёдом и млеком текущей, земле. Говорили, что здесь даже нет смысла и сеять каждый год — посеи раз, а затем пашня будет обсеменяться.

Люди приходили от неволи, от рабской работы, от преследований, смешивались со старым населением, сливались с ним в один здоровый, сильный и энергичный украинский народ. Его особой закалки представители принимали на себя удары необузданной Степи, прикрывая земли старого заселения, обустроивали жизнь — с саблей и «рушницей» выходили на пашню, запруживали балки и байраки, устраивали мельницы («млыны») на речушках, растили сады.

Садок вишневий коло хати,
Хрущі над вишнями гудуть,
Плугатарі з плугами йдуть.
Співають, ідучи дівчата,
А матері вечерять ждуть³⁰.

Посягательств новоявленных польских хозяев на независимый уклад вольные поселенцы не допускали — самые решительные уходили ещё дальше, на Низ, в Запорожскую Сичь, где со временем, кстати, сформировался и Уманский «куринь».

Паны не предпринимали, до поры до времени, никаких наступательных действий против, как они полагали, самозванцев на их законных территориях. Поощряли их оборонительную функцию пограничников, привязывали к земле большим сроком льгот («слобод») — долгосрочным, до пятидесяти лет освобождением от всяких повинностей.

Можно предположить, что этот заманчивый стимул, давший рост городским поселениям в воеводстве Киевском и Брацлавском, дал рождение и развитие городу Умани, в котором в 1629 году насчитывалось 1067 дворов («дымов»).

В его центральной части селились ремесленники и торговцы («мещане»), предместья занимали хлеборобы. Город, как и прочие магнатские земли, выкупался на длительный срок бойкими арендаторами, получавшими безгра-

ничные возможности драть три шкуры с поступившего в их подчинение населения. Известно, что в 1638 году Умань находилась под контролем некоего купца из Гданьска.

В тот межевой для украинской истории год, чрезвычайным напряжением сил польские власти прервали серию буйных козацких восстаний. (Тарас Бульба, кстати, выписан с активного их участника, корсунского полковника Федоровича Тараса, по кличке «Трясило».) На десять лет воцарилась зловещая, предгрозовая тишина, нарушенная весной 1648 года страшной силы взрывом восстания Богдана Хмельницкого. Польша *«в пыли и крови упала под ноги козакам»*, — прокомментировала это звучное событие английская газета «Merkure Anglos».

В июле того же года, перешедший на сторону инсургентов реестровый полковник Иван Ганжа штурмом взял Умань. Год спустя, после краткого примирения враждующих сторон, положение города официализировалось — он стал центром одного из шестнадцати полков, на которые были разделены попавшие в королевский указ козаки. (Каждый полк означал край с полковым городом и сотенными городами и сёлами.) Уманский полк занимал междуречье Горного Тикича и Южного Буга; под началом полковника Иосифа Глуха находилось четырнадцать территориальных сотен (около трёх тысяч человек личного состава). В центральной, обрывистой части города была выстроена крепость, более двух десятков лет бывшей неприступной для врагов.

О судьбе первого уманского полковника имеются две версии. По первой, он погиб у реки Пилявца в год начала восстания (в 1967 году там установили памятную стелу); по второй, современной, — полковник вновь переметнулся к ляхам за полученные шляхетское состояние и офицерский чин³¹.

С Уманью связана попытка Мартына Калиновского отравить Богдана Хмельницкого в несчастном для того 1651 году, когда эпидемия чумы, голодомор, измена союзных татар привели к поражению украинского войска под Берестечком от возобновивших боевые действия поляков.

Калиновский, огнём и мечом восстанавливавший право короны и магнатов на утерянные земли, взял временно под контроль Умань, организовал свой полк. Поручил его полковнику Бублику известить козацкого лидера. Бублик весной 1652 года занялся неосторожной вербовкой соучастников в Чигирине, но был схвачен и казнён.

Богдан Хмельницкий прибыл в Умань, соединил обезглавленный полк со своим войском, во главе которого сын Тимофей, с неизменным татарским сопровождением, отправился в Молдавию сватать дочь тамошнего господаря. Престарелый Калиновский, имевший свои виды на юную прелестницу Александрину, по просьбе отца невесты предпринял попытку не допустить брачной церемонии, что привело к потере главнокомандующим («напольным гетманом») головы в урочище Батог и паническому бегству остатков регулярного («кварцяного») войска. (Погиб и сын несчастного, Самуэль.)

Небольшое историко-орфографическое отступление. В тексте использую более раннего происхождения слово «козак», подчеркивая тем самым своеобразие и особую колоритность этой военно-сословной части украинского сообщества, её определенные отличия от «казаков» российских. Термин «козаки» устоялся в семнадцатом веке — до этого использовались архаичный «бродники», на Заднепровье — «севрюки», на Днепре — «черкасы».

Козаки (или, может, козаки?)
Я не силен, признаться, в орфографии,
Вопрос об удареньях — пустяки;
Лишь тактика нужна и география!)³²

Боевое содружество украинцев с татарами было жестокой необходимостью, безальтернативным вариантом добиться успеха. Православная Москва, к которой не раз обращался за поддержкой Хмельницкий, была скована унизительно-вынужденным договором с поляками 1634 года (Поляновский мир), по которому признала границы Речи Посполитой на её условиях, как невольный союзник обязана была выступить на стороне поляков в войне с повстанцами.

Крымским татарам, раздражённым многолетней задержкой выплаты королевской казной откупа за прекращение набегов на польские земли, альянс с козаками позволял компенсировать денежные долги военной добычей и пленными. За богатых получали приличный выкуп (тот же Калиновский, Потоцкий после поражения под Корсунем), несостоятельных продавали; кроме того, при случае нарушали договорённость не трогать украинского населения — распускали загоны, брали премиальный «ясырь» тысячами христианских душ.

Они предавали доверчивых союзников-украинцев, как только терпевшие поражение ляхи обещали рассчитаться с накопившимся долгом. В 1653 году совместную с украинцами Жванецкую победу татары превратили в поражение, изменив окончательно украинскому войску; за отход от козаков получили от Речи Посполитой, кроме обещанных денежных выплат, право сорок дней грабить и полонить Украину.

«О, какое горе! — восклицает летописец. — Какой плач, какое стенание! Язык не может выразить ужаса этих дней: растление девиц, посрамление супругов, лишение имущества, голодная смерть, стыд неволи и цепей».

«Напрасно Хмельницкий умолял хана не покидать его, напрасно уговаривал мура просить за него. Но хан был глух к его мольбам... Хмельницкий узнал, что поляки и татары заключили такой договор на погибель Украины. Он не мог противиться и действовать сам против поляков... У него оставалась одна надежда на московского царя».³³

Вопрос вопросов украинской истории — Переяславская рада в январе 1654 года, переход козацкой Украины в подданство царя. Решаясь на этот шаг, Хмельницкий руководствовался требованиями момента (пан или пропал!), видя в царе прежде всего покровителя, а не властителя.

В итоге, уже после объединительной церемонии, каждый её участник остался при своих устремлениях и надеждах. Москва смотрела на присоединение Украины, положенной к её ногам, козацким лидером, как на продолжение собирания Русской земли. Богдан Зиновий Хмельницкий надеялся, что Россия, оттеснив Польшу, даст его краю возможность автономно-самобытно-го развития под монаршей рукой.

«Не того мне хотелось и не так тому делу быть»³⁴, — сказал однажды, заплакав, Хмельницкий. Трудно было понять вождю Украины, что союз с Россией не мог быть таким же условным, легко расторжимым, как с Крымом.

Во-первых, из-за исторически сложившихся особенностей развития Московского государства, твердо и неумолимо расширявшегося, наращивавшего силу своих военно-политических мышц. Во-вторых, в силу того, что между коренной — Малой Русью — и ее производной, более поздней — Великой Русью — существовали связующие нити племенного родства, исторических традиций и общей религии, союз их естественным образом превращался в однородный сплав, вернуть который к прежним исходным частям было чрезвычайно трудно.

И посему, все критические стрелы, выпущенные за истекшие столетия язвительно-неблагодарными потомками в адрес великого сородича, свидетельствуют о поверхностном знании «стрелками» украинской истории этого периода, непонимании её глубоко трагической сути.

Каждый мнит себя стратегом,
Видя бой со стороны³⁵.

При всех неоднозначных оценках нюансов происшедшего объединения, оно дало украинскому делу солидный перевес над польско-татарскими силами. Последовало объявление Москвой войны Польше, в ответ на которое, в начале весны 1654 года карательный корпус Потоцкого-Чарнецкого двинулся на Умань. По дороге экзекуторы вырезали до последнего жителя Немиров, взяли небольшие крепости Синицы, Ягубец, Христиновку.

«Польный гетман подступил к Умани, где находились Богун и Глух. Расположившись в хуторах, польный гетман посылал к Богуну увещание вступить с ним в переговоры; но Богун не отвечал ему. Хотел было польный гетман выманить козаков ночью на вылазку в поле, но ему не удалось перехитрить Богуну. Поляки отошли от Умани, разорили и сожгли несколько русских поселений и ушли. Так кончилась эта весенняя прогулка их»³³.

Трудно оценить состояние психики, представить образ жизни человека той давней поры в условиях постоянной — от рождения до последнего часа — смертельной опасности, регулярно-обыденного насилия, унижения, подавления, нечеловеческих мук.

Нам новый век узреть не суждено,
Но вы, вкушая радость мирозданья, —
Поймете ль вы, что было так темно,
Так мерзостно людей существованье³².

Но жизнь, даже в условиях бесконечных войн, массового истребления населения продолжалась. Восстание Хмельницкого вернуло народу былую атмосферу свободы, в которой быстро залечивались страшные раны, налаживался быт, неизбежным дополнением которого оставались опасность и борьба.

Летом 1654 года в Умани, по дороге в Киев, побывал антиохийский патриарх Макарий. Его сын Павел оставил интересные, драгоценные для потомков, описания деталей путешествия.

Путешественников поразила кипучая жизнедеятельность края — обилие местечек («базаров»), поправляемые и перестраиваемые после погромов церкви, в которых прекрасно выписанные местными иконописцами образа, стройное церковное пение; странноприимные дома («шпитали») для бедняков и сирот; взаимопомощь, забота о сирых и убогих.

...в толгах народа, которые повсюду выбегали навстречу патриарху, замечалось несоответствие в смысле малого процента взрослых мужчин. Но зато обилие детей, красивых белоголовых мальчиков, изумляло путешественников... в доме каждого человека по десяти и более детей...

Павел всюду отмечает «материальное благосостояние, идущее рука об руку с крайней простотой жизненных потребностей и обстановки: множество домашней птицы и животных, особенно свиней, огромные и разнообразные посеи, сады и огороды, рыбные пруды и мельницы с толчеями...»

«Мы заметили возбудившую наше удивление прекрасную черту, — говорит Павел, — Все они, за исключением немногих, даже большинство их жен и детей, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковные напевы; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами; после освобождения люди предались с большей страстью учению, чтению и церковному пению»³⁴.

Мирные, пасторальной прелести картинки быта скоро сменились последовательностью картин уничтожения. В конце 1654 — начале 1655 годов поляки повторили карательную экспедицию с новыми союзниками — татарами.

«10-го января (20-го н. ст.) соединённое войско поляков и татар подошло к Умани, где, как услышали они, заперлись полковники, ушедшие так смело от Брацлава. Город Умань был в то время обнесён тремя высокими валами и тремя сухими рвами. Кроме двенадцати тысяч казаков, там были вооруженные хлопы и мещане...до тридцати тысяч народа...Богун приказал полить валы водой, и покрытые льдом они светились как стекло при утреннем солнце. На другой день, в полдень, назначили опять генеральный штурм. Сначала Потоцкий отправил вперёд коронного обозного Чарнецкого с милостивым универсалом, приглашавших русских сдаться и принести покорность Речи Посполитой. «Но уманцы, — говорит современник, — пушечной стрельбой показали нам свое повиновение». Тогда коронный гетман ходил на город и приказал пустить туда гранаты, но ему не удалось произвести пожар. Козаки покрывали крыши домов мокрыми кожами и холстями, да и вообще время было влажное. Союзники, под выстрелами осаждённых, овладели первым валом, вступили в ров, но Богун нечаянно сделал вылазку и обратил в бегство огромную толпу врагов»³³.

Известие о том, что из Белой Церкви, на помощь осаждённым, вышел Хмельницкий, вынудило нападавших снять осаду и двинуться навстречу козацкому войску. У небольшого городка Охматов, в конце января, в лютый мороз состоялась пятичасовая ночная битва с ничейным исходом для сторон. После неё, несколько месяцев, до самой Пасхи, татарские отряды («чамбулы») волнами накатывались на южно-украинские земли, опустошали их.

Оставив защищённую крепостью Умань, Богун метался по краю — бил нелюдей, отбивал пленных. И всё же результаты совершившегося насилия ужасны даже по меркам тех времен — в полон было угнано более двухсот тысяч человек, убито около десяти тысяч младенцев (так утверждают современные авторы)³¹.

Зажурилась Україна, що ніде прожити:
Витоптала орда кіньми маленькі діти.
Ой, маленьких витоптала, великих забрала,
Назад руки постягала, під хана погнала²⁵.

В начале уманской кампании, коронный гетман, узнав, что Богун не приехал к царю, через посредника предложил ему гетманство над козаками, дворянское достоинство и любое старство в Украине.

«Но Богун Москвы только боялся, а поляков давно уже ненавидел»³³ — самый яркий соратник Хмельницкого оставался верным своему гетману до его смерти в 1657 году. Десять лет спустя, в начале 1664 года, в составе польской карательной экспедиции, действовавшей на Левобережье, был Иван Богун. Во время осады Глухова открылось, что он передавал секретные сведения горожанам, договорился с гетманом Брюховецким о совместных действиях против ляхов. После военного суда, состоявшегося под Новгород-Северским, охранитель Умани, полковник Богун был расстрелян.

Несколько месяцев спустя после казни, переправившись на правый берег Днепра, Стефан Чарнецкий исполнил следующий акт мести.

*«Тогда вышел он в Суботово, бывшее имение Богдана Хмельницкого, где некогда сам содержался в плену, взятый покойным гетманом Богданом на Желтоводской битве. Вероятно, воспоминание бывшего унижения усилило в нём злобу к покойному врагу польской нации. Он приказал выкопать из могилы в церкви гроб Богдана Хмельницкого и разметать прах его на поругание псам».*³³ (Так же надругались над останками Тимофея Хмельницкого, чья могила находилась рядом с отцовской.)

Абрис истории. Второй

Четверть века активно участвовала Умань в бурных перипетиях украинской истории третьей четверти семнадцатого века, пока в трагическом 1674 году не обратилась в прах под страшной силы ударом турецких войск, приведённых Петром Дорофеевичем Дорошенко.

Имя его деда, Михаила Дорошенко, нередко звучит в сопровождающих щедрое и демократическое украинское застолье песнопениях:

Попереду, попереду Дорошенко
Веде своє вiйсько, вiйсько запорiзьке хорошенко...
А позаду, а позаду Сагайдачний,
Що промiняв жiнку на тютюн, та люльку, необачний...

Старинная песня даёт внимательному любителю старины крупницы интересных сведений о взаимосвязи и взаимоотношениях вольных запорожских козаков с козаками штатными («реестровыми»), находившимися на королевской службе; о совместных боевых делах двух видных персонажей украинской истории. Вместе, в смутное московское время (1604 — 1613 года), ходили они на Москву в составе войск Лжедмитрия (первого и второго); побывали в заволжских местах, доходили до Вологды.

В 1618 году они успешно помогли Владиславу IV в принципиальном территориальном споре с москвитями; в процессе его разрешения до основания порушили пограничные города Елец и Ливны.

По собственной инициативе не раз бывали за морем, атаковали — преимущественно победно — турецкие города, чем небезосновательно раздражали боявшихся турецкой реакции поляков. По морю ходили на «чайках», пересекая его обычно по прямой («навпростець»); иногда двигались вдоль побережья. В одном таком каботажном переходе, в 1619 году, взяли город Варну.

Була Варна здавна славна,
Славніш Варни козаки²⁵.

Небольшое историческое отвлечение. Козаки, обычно не очень ограничивавшие себя в потреблении «оковьтой», в морских походах строго соблюдали «сухой закон» — его нарушителей выбрасывали за борт.

Эра выдержанного и политичного гетмана Сагайдачного была временем лояльных козацко-польских отношений; организатор козачества избегал эксцессов, контролировал зачисленных на королевскую службу козаков, ввёл деление им управляемой Украины на полки. Блестящей победой над турками под Хотинном в 1621 году спас поляков от неминуемого разгрома. О полученных ран умер в 1622 году.

Дорошенко пережил боевого товарища на шесть лет — в 1628 году сложил свою буйную голову под стенами Бахчисарая, нерасчётливо ввязавшись в династический спор двух Гиреев.

Его внук, Пётр Дорошенко, на подмостках сцены украинской истории появился в год восстания Хмельницкого, в войске которого служил прилукским полковником. Как уже черкасский полковник, на стороне польской ориентации гетмана Ивана Виговского участвовал в его почти двухлетней схватке с промосковски настроенным полтавским полковником Мартыном Пушкарём. Итогом этой — фактически гражданской — войны стали гибель почти пятидесяти тысяч жителей Украины и доставленная в 1659 году Виговскому на копье голова его неудачливого соперника.

Доборолась Україна
До самого краю,
Гірше ляха свої діти
Її розпинають³⁰.

На авансцену исторической драмы Дорошенко передвинулся в эпоху «Руины», ведущей отсчет с 1663 года, когда, после «Черной рады» в Нежине, с Ивана Брюховецкого выстроился ряд московских гетманов-наместников. Тогда король Казимир личным примером укрепил крестовый поход за возврат Польше украинских земель, завершившийся по Андрусовскому (1667 года) миру их разделом — Левобережье с Киевом (Сегобочная Украина или Гетманщина) досталась России, Правобережье (Тогобочная Украина) осталась за Речью Посполитой.

Пиком противостояния держав-соперниц был 1664 год, насыщенный значительными событиями, многочисленными — с переменным успехом для участников — стычками и сражениями. Весь этот год Умань находилась в фактической блокаде, была отрезана от регулярных московских и гетманских войск.

«...Да будет, однако, известно вам, великому государю, что для обороны людей, в особенности же крепких городов, следует выслать ратных людей в Брацлав, Умань и Калник и другие подданные города, чтобы не пришёл откуда-нибудь неприятель и не завладел твоими великими городами. Дан из Умани, 13 марта, 1664 года»²⁵.

Так ведущий военный эксперт эпохи, Иван Сирко, излагал царю свои предложения по укреплению обороны южно-украинских земель. После удачного похода на турецкий город Тягин (ныне — Бендеры), он отдыхал в Умани перед марш-броском на помощь бывшему гетману Виговскому, затеявшему интригу с переизбранием поставленного поляками гетмана Тетери. Не дождавшись помощи от кошевого атамана, заговорщики неудачно штурмовали Белую Церковь, после чего Виговский — автор Гадячского договора 1658 года, по которому Украина должна была стать Русским княжеством в составе Речи Посполитой, сенатор — был расстрелян без суда и следствия.

Изоляция Умани привела к острой нехватке продовольствия — оккупанты перекрыли доступ к полям, вызвав тем голод среди населения.

«Тетеря, взяв половину татар у Чарнецкого, пошёл к Уманю и Днестру, чтобы воспрепятствовать жителям уманского и брацлавского полков собирать хлеб в поле за то, что они поддались московскому царю»²⁵.

Ратники московского гарнизона, поставленного в Умани ещё в 1659 году, после избрания гетманом Юрия Хмельницкого, продавали населению скудное довольствие, бежали на родину.

Отчаянная попытка московского воеводы Косагова исполнить царский приказ прорваться к Умани не удалась. На полпути столкнулся с поляками, потерпел у Канева поражение, после которого отправился в Белгород выи-

скивать и возвращать сбежавших (в том числе, из Умани) дезертиров. О сложившейся в городе ситуации доложил ответственному за дела малороссийские, князю Григорию Ромодановскому:

«...А запорожские, государь, козаки с кошевым Сашком Туровцом и твои великого государя русские ратные люди моего полка с майором Свиньиным вошли в Умань и в целости стоят в Умане. А войско запорожское, что при Сашке, и козаки, что при гетмане в заднепровских городах, и мещане и чернь все ожидают ратных московских людей и калмыков на помощь»²⁵.

Только после — как можно предположить — временной смены политической власти в городе, гетманским войскам удалось прорвать осаду Умани, восстановить статус кво.

«...на выручку гетман Брюховецкий послал двух полковников Андрея Богомаза и Ивана Чепеля с двумя пушками и двумя бочками пороху...прибыв в Умань, нашли, однако, город свободным от врагов... те бежали.

Жители Уманя сдали город пришедшим полковникам и последние освободили запорожцев и московских людей из тюрьмы, где они сидели, закованные в кандалы. Освободив Умань, Богомаз и Чепель ушли далее против поляков»²⁵.

В начале 1665 года, в Умани полковником стал Иван Сербин, бывший до этого полковником в Брацлаве; навёл в городе порядок, отбил нападавших поляков, выступил в поход — взял Бабаны, Косеновку, Кисляк, Торговицу, захваченную поляками после ухода из нее Сирка.

«Много боёв имел он тогда с поляками и враждебными козаками, много взял врагов в плен и с торжеством вернулся в Умань. Успехи Сербина пробудили дух посольства в соседних городках, только что покорившихся полякам»²⁵.

Сербин командовал полком несколько месяцев — погиб в бою, о чём в сопроводительном письме извещал царя гетман Брюховецкий, отправляя в Москву сына не изменившего присяге полковника.

После разгрома и бегства Тетери, после смерти душителя Украины Чарнецкого, после ухода в охваченную внутренними смутами Польшу её экспедиционного корпуса Умань стала стартовой площадкой для очередного претендента на высвободившуюся булаву — на этот раз опиравшегося на татар.

«Так, в это время выступил на сцену новый противник Москвы, полковник Степан Опара. Июня 1665 года с двумя полками заднепровских козаков он подступил к Уманю, взял его в свои руки, запугав жителей города именем татар, и всех бывших в нём ещё с прошлого года ратных московских людей с майором Михайлом Свиньиным в плен побрал и под караул отдал, а иных и вовсе побил»²⁵.

В Умани, в полном соответствии с требованиями церемониала, Опара был избран гетманом, вместе с обязательным набором козацких старшин (генеральный писарь, генеральный судья). Дальше не заладилось — очень скоро на неласковом приёме у татарских мурз под Богуславом, Опара был обвинён в интригах против союзных тем поляков. Неудачника оковали, его ватаге предложили гетманом Петра Дорошенка.

«Все сотники и атамань Опариной ватаги признали его своим вождём, присягнули польскому королю в верности и послушании, а хану крымскому в союзе. Дорошенко тогда же присягнул перед всеми, что будет добывать Левобережную Украину, хотя бы пришлось тамошних козаков всех татарам отдать»³³.

На десять лет стал Пётр Дорофеевич Дорошенко ключевым игроком военно-политической жизни Украины. Маневрируя между Польшей и Россией, он отработывал схему перехода под покровительство турецкого султана, чтобы, став его вассалом, подобно Крымскому ханству, Молдавии получить статус удельного владетеля всей Украины.

Максимально использовал недалновидность и эгоизм московской политики, общественный взрыв по случаю раздела Украины в 1667 году. Летом 1668 года, когда авторитет первопрестольной скатился до нуля, совершил принципиальный выпад на неподвластное Левобережье, где, после долгих разбирательств с Брюховецким (уже изменившего царю и проведшего свои успешные сепаратные переговоры с султаном), отдал его на растерзание козакам. Протестовавшего епископа Мефодия, кума погибшего, отправил в Уманский монастырь, откуда тот сбежал в Киев, к воеводе Шереметьеву.

Недолго пробыл Дорошенко объединителем обеих сторон Днепра. Дошли до гетмана слухи о неверности жены, большой любительницы, к тому же, выпить. Оставив на Левобережье наказным («исполняющим обязанности») гетманом полковника Черниговского полка Демьяна Многогрешного, он вернулся наводить семейный порядок в Чигирин.

Некоторое время спустя, после прихода на Северщину войск московского воеводы Ромодановского, Многогрешный перешёл на сторону Москвы, продолжив линию её гетманов — за ним последовали Самойлович, Мазепа...

Гетманы на Тогобочной Украине в те годы произрастали, как грибы после дождя (кстати, «гетман» — производное слово от немецкого «гауптман», то есть — начальник, капитан). Очередного из них, своего генерального писаря Суховеенко, запорожцы, бывшие на ножах с Дорошенко, определили в гетманы в 1668 году. Через год под Уманью козацкая рада, посчитав избрание Суховеенко незаконным, «выкрикнула» в гетманы уманского полковника Михаила Ханенко.

Дорошенко пытался воспрепятствовать этому избранию. Подойдя к Умани, он взял город под свой контроль. В присутствии горожан, из рук турецкого посла, получил знаки гетманского отличия. Уманчане попросили Петра Дорофеевича встретиться у него, в Чигирине, с Ханенко, полюбовно разрешить конфликт.

Встреча не состоялась, а противостояние двух гетманов переросло в открытую войну, после того как в 1670 году Польша утвердила в высокой должности более сговорчивого уманского полковника. Обязательным принесением присяги на верность короне Ханенко, вместе с Сирко и козаками, в 1671 году в местечке Ильинцы, под Уманью, закрепили свой союз с королём, обещавшим более не посягать на старинные козацкие вольности.

Год противоборства непримиримых врагов завершился поражением Ханенко под Ладыжиным и объявлением Турцией войны Польше. 25 мая 1672 года падишах, во главе трёхсоттысячной армии, перешёл Дунай вместе с присоединившимся к нему войском Дорошенко; взял, после недельной осады, считавшийся неприступным Каменец. Магометане обратили костёлы в мечети, иконами выстлали дороги, достойных внимания женщин и девиц отправили в гаремы, мальчиков обрезали и переправили за море.

«В то же время Крымская орда ворвалась по всем трем шляхам и проникла в такие местности, которые до тех пор были недоступны для татар. Дорошенко стоял на Украине с ханом и рассылал универсалы о покорности султану»³³.

Польша заключила с Турцией самый унижительный за свою историю Буцацкий договор: обязалась по нему ежегодно платить дань победителю и передать ей Подолию, а козакам, с Дорошенко во главе, — оставшуюся часть Правобережной Украины, в её давних пределах. Султан одарил нового вассала Дорошенко золотым халатом, пообещав в дальнейшем прибрать к рукам и передать ему же в управление Левобережье.

«Недалеко от Умани хан со своими ордами отправился в Крым, а Дорошенко остановился в Кристиновке. Этот город перед турецким приходом держался Ханенка, который прежде был уманским полковником и, по всему видно, родом был из Умани; по крайней мере семья его там оставалась. Ныне полковником там от своей руки Ханенко поставил Белогруда. Услышавши, что Дорошенко в Кристиновке, уманцы собрались на раду и рассудили, что теперь Дорошенко страшен и надобно ему кланяться. Духовные и миряне повезли ему в гостинец, как выражается летописец «скоромного и постного провезанта» и разных напитков. Дорошенко ласково принял предлагаемые гостиницы, но похулил уманцев за то, что поддались Ханенко и ляхам...

В заключение он пригласил депутатов на обед, дружелюбно простился с ними и отправился в Чигирин, а через полторы недели потребовал из Умани к себе некоторых знатных козаков и приказал их — кого повесить, а кого расстрелять, а Ханенкову жену прислать в Чигирин. Но в Умани были запорожцы, преданные Ханенку... Они ушли в Белую Церковь и увлекли за собой многих уманцев, опасавшихся расправы от Дорошенка»³³.

Отказ Польши в пользу Турции и её вассала от Правобережной Украины развязал руки России, подвинул её на активные действия по возврату недавно утерянных территорий. Усиленное давление на Дорошенко дало результаты — один за другим от него отошли приведённые ранее к покорности города; в 1673 году отложились Умань.

«По рассказам летописца Величка, в понедельник на Пасху был обед, устроенный братством в Воскресенской церкви; там были многие значные жители и начальные люди компанейцев и серденят, посланных Дорошенко в Умань. Во всём городе тогда много пили ради праздника Господня. Когда полковники компанейский Силич и серденятский Жеребило возвращались верхом с пира, пьяницы на улице стали задирать их бранными словами, а когда те

стали отмахиваться канчуками, бросились на них с дрючками. Жеребило ускакал из города с конными компанейцами, а Силич с пешими серденятами, запершись в каком-то доме, отстреливался от уманцев, пока, наконец, уманцы взяли его со всеми серденятами и всех перебили. Кзрозденко, поставленный от Дорошенка полковником, убежал к своему гетману, а уманцы выбрали полковником Яворского, прежнего войскового товарища, и послали к Ханенко объявить, что хотят быть под его regimentом.

Так Ханенко начал открытую войну с Дорошенко»³³.

В боевых делах гетман Ханенко, действовавший фактически без поддержки «генерального заказчика» — поляков, не преуспел. После поражения от объединённого войска Дорошенка и татар, в марте 1674 года он передал знаки гетманского достоинства Самойловичу, объявленного гетманом обеих сторон Днестра, а сам вернулся в должность Уманского полковника.

Вскоре, получив царское позволение, Уманский полк перебрався на левый берег Днестра, расселился на территории Полтавского полка. Михаил Ханенко осел на Черниговщине, в Козельце, где жил до конца дней своих.

Слухи «о жестокостях бусурман над христианскими жителями»³³ отвращали народ от Дорошенка, вынуждали его — в отношениях с Россией и Польшей — маневрировать переговорами, намёками и обещаниями. Послов к королю, с предложением союза, перехватили турки, заставив Петра Дорофеевича давать малоубедительные оправдания.

Москва, стремясь закрепить скромные успехи, отправила на правобережье Ромодановского и Самойловича, сумевших возвратить под царскую власть ряд городов, дойти до Умани. Турция, летом 1674 года, ответила повторным выпадом — её войско перешло Днестр, после пяти приступов взяло Ладыжин. Изложение дальнейших, связанных с Уманью событий, у историков разнятся. Сергей Михайлович Соловьев сообщает, достаточно кратко, о двух турецких нападениях на Умань:

«Из-под Ладыжина турки двинулись под Умань. Уманцы сдались; турки, оставя заложу в их городе, двинулись далее по киевской дороге; но уманцы, раздражённые насилиями турецкого гарнизона, перерезали его и заперлись в городе. Визирь и хан, услышав об этом, возвратились и взорвали Умань подкопом»¹².

Николай Иванович Костомаров выписками из летописей Величко в деталях живописует долгий штурм города, после того как любимец султана Мустафа-паша разбил стан своему войску у стен уманского замка. (На месте того турецкого бивуака ныне расположено предместье Турок.)

«Вместе с турками подъехали к Умани дорошенковы старшины и стали делать уманцам предложения сдаться, обещая милость. Уманский полковник Яворский соблазнился таким обещанием и отправился в турецкий стан на поклон; его объявили невольником и заковали. Умань осталась без начальника. Турки требовали безусловной покорности. По этому требованию явились в турецкий стан полковые чины, знатнейшие козаки и мещане. Турки всех объявили невольниками, а город, вместо пощады, стали истреблять. Но в Умани

набралось людей немало, и были они хорошо вооружены, а город укреплён. Они стали защищаться. Тогда турки подвели под город шанцы от Грекова леса, насыпали валы и бойницы вровень с городскими, палили из пушек. И в то же время начали подводить подкопы. Взорвана была значительная часть замковой стены на левой стороне от дороги к Мене. Уманцы закладывали проломы возами, навозом, землею..., но турки подземными ходами проникли в город. Уманцы отчаянно отбивались от них с заборов, с домовых кровель, кровь потоком полилась по улицам, турки без разбора умерщвляли всех. Остатки уманцев столпились около городских ворот, называемых Рашевскою брамою, и там защищались они до тех пор, пока турки всех их не побили, некоторые заползли в погреб; турки натащили туда соломы, зажгли и всех подушили дымом. Так погибла Умань, вся дотла с церквами и народом христианским на седьмой день от прибытия туда турок»³³.

Світе тихий, краю милий,
Моя Україно!
За що тебе сплюндровано,
За що, мамо, гинеш?³⁰

Через год уманские развалины наблюдал Василий Леонтьевич Кочубей — как канцелярист Дорошенко он был направлен гетманом в Турцию, по текущим делам. На обратном пути его челядник, выкрал бумаги, сбежал.

...Кочубей, боясь возвратиться в Чигирин с пустыми руками, прямо из Умани переехал к Самойловичу и здесь поднялся до звания генерального писаря»³³.

В 1676 году, после долгих переговоров, усилиями московской политики кнута и пряника, Пётр Дорошенко сдал полномочия правобережного гетмана своему левобережному коллеге Самойловичу и на правах почётной ссылки был переправлен в Россию. Мать и братья — Григорий и Андрей — остались на Украине. Жена долго противилась переезду, но в конце концов покорилась.

Поначалу, Пётр Дорофеевич просился в родной Чигирин, но после того как в результате 1-й и 2-й Чигиринских войн, бывшие союзники-турки стёрли город его детства (как и Умань!) с лица земли, проситься перестал. С 1679-го по 1682-й года был воеводой в Вятке. Остаток жизни провёл под Москвой, в подаренном царем селе Ярополче Волоколамского уезда. Умер 9 ноября 1689 года, на 72-ом году жизни.

Как известно жена Пушкина, светская красавица Наталья Гончарова, — его прямой потомок.

Сметает время даже имена
Великих дел; могилу ждёт могила.
Весну сменяет новая весна,
Века бледнеют, всё теряет силу³².

Абрис истории. Третий

Долго приходила в себя Умань после кровавой турецкой бани 1674 года. Медленно, но заселялась, обустривалась. Видела, со своих развалин, продолжение опустошительных турецких походов, наблюдала несчастное для народа — под турками — заключительное гетманство Юрия Хмельницкого, жила под правлением ими поставленного молдавского господаря Дуки.

Пережила гетманом Самойловичем предпринятое массовое переселение народа с правого на левый берег Днепра (известное как «великий згін»), «отправляла» своих жителей — от ужасов жизни — на поселения в Слободскую Украину.

«...великорусский священник Лукьянов, проходивши через Украину в то время, когда северную часть её начал заселять полковник Палий, рассказывает, что когда он выступил из Павлочи..., то в течение пяти дней пути до Немирова пришлось ему идти совершенною пустынею...ни человеческого жилья, ни человеческого лица, только дикие козы, волки, лоси, медведи скитались по краю, ...одичалые сады с яблонями, сливами, грушами, волоскими орехами»³⁴.

Король Ян Собесский, взявшийся за возврат украинских земель короне, пытался возродить правобережное козачество силами Искры (Корсунь), Абазина (Брацлав), Самуся (Богуслав) и первенствовавшего Палия (или Гурко), которому, отобрав у епископа, монарх передал в управление Фастов.

«Универсалом наметил для жительства козаков земли в Украине около Корсуня, Чигирина, Лысенки и Умани, именно там, где прежде были полки: Чигиринский, Черкасский, Корсунский, Каневский, Белоцерковский и Уманский»³⁵. (Правда, решением Палия, Умани — с 1686 года — была отведена лишь роль сотенного города в составе Брацлавского полка.)

Народный любимец Палий стал фактическим хозяином края, его союз с Речью Посполитой сменился затяжной войной, желанием козачьего вождя перейти под руку царя. Москва в дела ставшей союзником Польши не вмешивалась, ограничиваясь скрытой помощью, контролируя ситуацию через гетмана Мазепу, который в 1693 году сообщил ревниво о злокозненных, с Уманью связанных, намерениях полковника:

«...Палей хочет оставить Хвастов и поселиться в Умани; чтоб он, поселясь там, не призвал к себе татар на помощь против поляков; призовет татар, станет воевать и разорять поляков — опасно, чтоб и этой стороны не разорил, потому что захочет писаться гетманом и с этой стороны козаков переманивать; чтоб не был он другой Хмельницкий; надобно заблаговременно размыслить, как с ним поступить? Лучше малую искру загасить, чем большой огонь тушить...»³⁹.

Контроль и сдерживание, с подачи гетмана, окончились сибирской ссылкой фастовского полковника, с 1705 по 1708 годы, и последовавшим почитанием и мифологизацией его народом.

«А коли цар Петро зламав свою обіцянку віддати Україну Палієві за те, що може перемогти Мазепу, Палій пішов «на острови» і там живе й досі — відмолоджується з кожним новим Місяцем: «Як місяць народжується, так і він молодіє; а як місяць старіє, то і він старіє»⁴⁰.

К началу восемнадцатого века, Россия, начала переключать штурвал политики экспансии, отказываясь постепенно (на почти столетие) от южного и юго-западного направления, отработывала направление западное. В её польских делах возобладал классический принцип *«divide et impera»* («разделяй и властвуй») в виде поддержки российского ставленника Августа Саксонского в споре за корону с прозападным Станиславом Лещинским.

После Полтавской битвы (1709 год), разрушения гетманской резиденции в Батурине и Запорожской Сичи, гетманом избрали стародубского полковника Скоропадского. Тот, тяготясь — по причине преклонных лет — высокой должности, постоянно просил разрешения перебраться на ставшее доступным Правобережье, о чём в Петербург, в феврале 1710 года (спустя месяц после смерти Палия), сообщал киевский воевода Голицын.

«Слышал я, гетман хочет просить у государя, или просил, чтоб ему дали Умань; быть может он писал, что Умань местечко малое, но это место большое и соседнее с степью, в городе с уездом будет людей тысяч пять или шесть; по моему мнению, ему Умани давать не следует, пусть живет со всеми своими делами у нас в середине, а не в порубежных местах. Умань на границе степи, нагайскими татарами, кочующими по сю сторону Днестра, и запорожцам пристанище, беспрестанно татары из Очакова приезжают туда покупать скотину, а уманцы к ним в Очаков ездят, возят лубья, доски, угодья...»²⁵.

Бесславный Прутский поход (в 1711 году), с трудом добытый под Яссами мир с Турцией лишили Россию южных завоеваний, закрепили её отказ от вмешательства в польские дела.

«...в ноябре месяце того же года Киевскому губернатору князю Дмитрию Голицыну донесли, что кошевой атаман Константин Гордиенко назначил от себя в город Умань полковником некоего Поповича, которому был дан из Сичи пернач...»²⁵.

Но это был, видимо, лишь эпизод. Потомки старой шляхты, чтобы восстановить утраченные предками, как они полагали, бесспорные права на землю, потянулись на Украину, где бедное и бессильное население встречало их с чувством страха и ненависти. Его, как и прежде, колонизаторы приманивали и закрепляли на земле длительными сроками «слобод», по истечению которых становившиеся бесправными хлопы подвергались нещадной эксплуатации.

Правобережье в это время являло собой совокупность нескольких самодержавных магнатских государств, где первенствовали Потоцкие, Чарторыйские, далее — Ржевуские, Яблоновские. Простая шляхта либо устраивалась между этими гигантами, либо находила себе применение в разбитых на «ключи» магнатских владениях, в качестве «приятелей», «резидентов», «слуг», «державцев» (нечто вроде арендаторов) и прочих «интересантов».

Магнаты, рассматривавшие короля лишь как первого среди равных, выстраивали дворцы и замки, обзаводились челядью, собственным войском, так называемыми надворными полками. В пехоту набирались немцы, поляки, конница комплектовалась из местного населения — по одному человеку от каждого податного дома.

В 1726 году Умань перешла в собственность клана Потоцких. Её владелец с 1732 года Феликс Станислав Потоцкий, имея 400 тысяч крепостных, 70 городов и местечек, несколько тысяч сел, наибольшую прибыль получал с Уманщины, которую, по магнатскому обыкновению, сдавал в аренду.

Украинское панство, дворянство стремительно ополячивалось, переходило в католичество; простой народ погружался на дно социальной пропасти. Украинский язык сделался «хлопською мовою» (пример — уманский губернатор Младанович запретил петь украинские исторические песни), православию — «хлопською вірою».

Прямым следствием польской колонизации украинского края с конца XVII века было не только утеснение народа, но и подавление православной веры.

В 1596 году усилиями фанатичного католика, короля Сигизмунда III и подыгрывавших ему иезуитов, с применением силы была «узаконена» так называемая Берестейская уния («союз»), искусственно соединившая православную (греческую) и римскую (католическую) церкви.

Организационным смыслом греко-католической («униатской») церкви стало полное её подчинение папе римскому, при сохранении православной обрядности. Польское правительство, признав только униатов официальным представителем православия, передало им всё имущество православной церкви (в том числе, Софийский собор), объявило последней войну на уничтожение, подвергло её сторонников (в польской терминологии — «схизматиков») унижениям и преследованиям.

Основной, мощной и последовательной силой, защищавшей веру предков от разгрома и исчезновения, было украинское козачество, каждое повстанческое выступление которого в семнадцатом веке ставило целью, прежде всего, уничтожение ненавистного униатства.

Подобную церковной, насильственную модификацию получили православные монахи-вазилиане. (Их первый монастырь, скрупулезно следовавший каноническим нормам основателя монашества Василия Великого (IV век), появился в княжестве Литовском в XVII веке.) В итоге вазилианские (или базилианские) монастыри приобрели черты католического ордена при сохранении православных обрядов и внешних особенностей православного монашества.

В Умани вазилианский монастырь был основан Потоцким в 1765 году, в следующем году открыли при нем вазилианскую школу — только её выпускники могли стать членами монашеского ордена.

Временный отказ России от претензий на Правобережье, окончательный уход с его земель Турции в 1699 году и полная гегемония Речи Посполитой свели на нет некогда воспламенявшие древнюю землю козацкие восстания. Им на смену пришла партизанская борьба отрядов гайдамаков, воз-

главляемых «ватажками» и действовавших при полной поддержке местного, «хлопского», населения и кадровой подпитке от политически независимого Запорожья.

Впрочем, когда российские войска в 1734 году перешли Днепр поддержать в очередной раз Августа III, сопутствующий походу царский приказ надворным козакам громить имена сторонников мятежного Лещинского стал мобилизационным планом для простого люда. Мощный поток пополнения превратил подпольное движение гайдамаков в охватившее всю Украину народное восстание.

Богатый бедному не брат. В соответствии с этим, по-марксистски универсальным принципом общественных отношений, войска северного соседа после беспринципного перехода украинского «заможного» люда на сторону короля Августа, подавили первое гайдамацкое выступление.

Движение сопротивления вернулось к почти латентным формам, вспыхивая изредка искрами взаимной ненависти. В 1737 году гайдамаки напали на Умань; в 1738 году уманский губернатор обезоружил и повесил около сотни союзных гайдамакам запорожцев, в 1740 году — троих, в 1749 году — восьмерых.

Далее — инициатива в руках гайдамаков. В 1749 году они проникли в уманский замок и убили трех ксёндзов; в 1750 году сожгли город. В 1761 году Потоцкий отстроил девять десятков лет лежавшую в развалинах крепость.

В 1768 году, на съезде в городе Бар (ныне — Винницкая область) в ответ на решение сейма уравнивать в правах православных и униатов сложилась конфедерация польских магнатов, чьи антиправительственные выступления сопровождались расправами над православным населением. Россия прислала войска в помощь Станиславу Понятовскому, последнему польскому королю (и одному из первых любовников Екатерины II); украинский народ ответил вторым взрывом восстания гайдамаков — так называемая Колиивщина (от слова «колья»).

«Начало восстанию положил Максим Зализняк, запорожец. Он оставил уже войсковое житье, находился на послушании в монастыре и готовился поступить в иноческий чин. Поругание православной веры, избыток людских беззаконий вызвали его в мир»⁴¹.

Недалеко от Чигирина, под стенами Мотронинского монастыря, в урочище Холодный Яр Зализняк заложил стан. Представил единомышленникам грамоту императрицы (подложную), призывавшую народ к восстанию, к истреблению мятежных ляхов.

Народ, возбуждаемый к тому же проповедями и призывами монахов, со всех сторон стекался к Зализняку. На рассылаемые воззвания поднялись, двинулись в освободительный поход тысячи — взяли Смелу, Лисянку, подошли к Умани.

Як та хмара, гайдамаки
Умань обступили

В городе главным управителем (губернатором) был Рафаил Младанович, кассиром — Рогашевский. Высшие чины между собой не ладили, постоянно направляли доносы друг на друга владельцу города, киевскому воеводе Потоцкому.

Незадолго до подхода гайдамаков Потоцкий прислал разобраться с ситуацией некоего Цесельского, от которого городские управители узнали о доносах. Не греша один на другого, они заподозрили сотника надворного полка Ивана Гонту.

Иван Гонта, выходец из селян, родом из соседнего с Уманью села Россошки. Был любимцем Потоцкого, получил от него во владение два села. По заданию воеводы занимался расселением слобод, часто выезжал к нему, чем и навлек на себя подозрения в доносителстве, за которым последовало требование от двух мздоимцев выплатить сто злотых за должность сотника.

В разгар выяснения отношений от Барской конфедерации пришло требование к киевскому воеводе выслать на подмогу всю милицию и козаков. Потоцкий распорядился иначе — велел Цесельскому всех козаков поставить на стражу в степи, над рекою Синюхою, составлявшей границу с Россией; руководителю конфедератов написал, что вместо козаков, которые не будут охотно биться с русскими, он приказал сформировать из шляхты конную и пешую милицию и отослать с трехмесячным жалованием в Бар.

Цесельский, Младанович и Рогашевский, чтобы не истощать казны, назначили чрезвычайный побор с козаков (это в условиях полыхавшего восстания!). Уманские козаки под началом сотников Дуски (старшего), Гонты и Яремы, во исполнение приказа, стали над Синюхой, где Гонта предложил Дуске перейти к восставшим; тот отказался, со словами: «Семь дней будете пановать, а семь лет будут вас вешать и четвертовать».

После неожиданной смерти Дуски, Гонта занял его место, но тут же был вызван в Умань, куда дошли слухи об его изменнических намерениях. Сотник прискакал в город и был сейчас же окован, а на другой день его уже вели на площадь вешать. Выручила жена начальника, полковника Обуха, — по её поручительству Гонту освободили и отправили на степные рубежи.

Отъехав от Умани, Гонта вернул назад приставленных к нему полковников, сам же с отрядом козаков отправился в Греков лес, к расположившимся там табором повстанцам. Под ставшей известной липой договорились с Зализняком о совместных боевых действиях, крепко выпили.

Ближе к ночи, комендант крепости Ленарт доложил вновь ставшему старшим Младановичу (Цесельский бежал), что пьяные козаки ночуют в фольварке, предложил их перебить. Перепуганный губернатор вместо нападения переслал гайдамакам подарки с просьбой о достойной капитуляции. Гонта и Зализняк подарки приняли, но переговоры отложили до утра.

Утром они подъехали к крепостным воротам во главе своего войска к переброшенному через ров мосту. Ленарт, зарядив четыре пушки, приготовился к залпу, но Младанович стрелять запретил; шляхта закрыла жерла стволов своими телами и отогнала артиллеристов. В результате поспешных переговоров о капитуляции Младанович договорился о сохранении жизни только шляхте и католикам, затем, отправился вместе с ними в костёл.

Дальнейшее историки называют Уманской резней. Повстанцы бросились в город, вырезали всё еврейское население. Дошли до милиции, назначенной в Бар. Покончив с нею, пошли в костёл и начали вытаскивать оттуда мужчин, женщин, детей.

«Разъярённая толпа бросилась убивать и мучить всех: их кололи копьями, резали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. ...Перерезали в базилианском монастыре духовных и учеников находившейся там школы»⁴¹.

...Того лиха
Не було ніколи,
Що в Умані робилося.
Базіліан школу,
Де учились Гонти діти,
Сам Гонта руйнує.³⁰

Кажется, в поэме «Гайдамаки» великий Шевченко применил поэтический вымысел, описывая убийство Гонтой своих двух детей от жены-униатки, обучавшихся в василианской школе. В частности, оставшийся в живых губернатор (это — по одним сведениям, по другим — он вместе с Рогашевским погибли), якобы упоминая в письме о своем, также выжившем сыне — однокласснике детей Гонты — не подтверждает описанного поэтом события.

Восставшие провозгласили (по Костомарову) восстановление Гетманщины, избрали Зализняка гетманом, Гонтю — полковником. (По Соловьеву Зализняка объявили воеводой киевским, Гонтю — брацлавским.)

Царский генерал Решетников, узнав об уманских событиях, направил к городу отряд донских казаков, под командованием полковника Гурьева, по кличке Кривой. Офицер обманом выманил вожakov восстания в ближнее село Городецкое, пригласил к участию в походе против барских конфедератов, при условии роспуска козацкого войска. После обильного возлияния в честь предстоящей кампании, друзей повязали — Зализняка отправили в ссылку в Томск; Гонтю передали полякам, содравшим с него, живого, полосами, одна за другой, кожу.

Как пишет Василий Осипович Ключевский, — «Бунтари...вырезали Умань; фанатизм греческий и холопий, как выразился о восстании король Станислав, боролся огнем и мечом с фанатизмом католическим и шляхетским. Русский бунт погасили русские же войска».

Уместна и экспрессивно точная оценка взаимной, замешанной на крови, ненависти, данная Александрой Яковлевной .Ефименко: «Но при оценке этих

Так, во второй половине XIX века, выглядел корпус Главного училища садоводства, переведённого указом Николая I в 1849 году из Одессы в Умань.

Так выглядело главное здание Уманского сельскохозяйственного института в годы оккупации города фашистами

Руины Уманского сельскохозяйственного института после изгнания оккупантов

Так выглядит Уманский Национальный университет садоводства ныне.

Аверс и реверс памятной медали, выпущенной в честь пятидесятилетия Уманского училища земледелия и садоводства (1894 год)

Центр Умани. На переднем плане — городской театр, далее — католический костёл. В помещении театра нередко давали представления разъездные цирки. По этому поводу газета «Русское слово» в номере от 1 декабря (18 ноября) 1908 года поместила следующее сообщение:

Драма в цирке.

Умань, 17, XI. В местном цирке во время бенефиса укротителя Бояни произошёл ужасный случай. Дрессированный лев ходил по канату, оступился и упал. Придя в ярость, зверь бросился на укротителя, смял его и стал грызть. Начался страшный переполох с обмороками и истериками. В льва выпустили около 40 пуль из «браунингов», пока он выпустил, наконец, свою жертву. У Бояни лицо было изодрано, в различных частях тела, вырваны клочья мяса. Через несколько часов он скончался. Ему 25 лет. Лев издох через полчаса».

Молебен перед военным собором

Площадь перед городским рынком

Не напрасно дореволюционную Умань именовали «маленьким Парижем»

Умань.—Оштад № 10,
Николаевская ул., гостиница «Франція».

Умань, Николаевская
улица, отель «Франция»

Вид на городскую
ратушу

Городской центр,
отель «Европа»

*ужасов — буде они подлежат оценке — мы не имеем права забывать, что крайние проявления человеческой злобы направлены были здесь тёмною маскою против просвещенного класса, который воспользовался своим просвещением, чтобы придать утончённую форму такой чудовищной мысли, глубоко противной всем заветам христианской культуры: «*Rustica gens optima flens, pessima ridens*» («Сельский люд лучше, когда плачет, хуже, когда смеётся»).*

Парк моего детства — «Софиевка»

Вот уже более двух столетий сердцу моему любезный город детства сладкого — Умань — в облике своём имеет особой пленительности черту, давшую ему второе, параллельное основному, звучание под именем парк «Софиевка».

Восторженная тональность изложения — не эпизод провинциальной гиперболоизации, не квасной патриотизм под «клюквой развесистой» уродённого уманчанина. Она — лишь эхо бесчисленных похвал, капля малая в море высоких эпитетов, сопровождающих оценки неординарного произведения садово-паркового искусства, в котором стиль исполнения, рукотворные красоты органично сочетаются с вековыми прелестями пейзажа.

Первая из них была зарегистрирована в 1804 году, в журнале «Новости русской литературы» в форме стихотворения «допушкинского» слога от автора, укрывшегося за псевдонимом «Дама»:

С чем можно Уманский сад прекрасный сравнить?
Натура, кажется, все силы истощила,
И в нём одном свои все красоты вместила —
Привлечь внимание и взор обворожить.

Этот прекрасный парк — продукт поздней страсти графа Станислава Щенсного Потоцкого к графине Софии де Витт, свадебный подарок польского креза греческой красавице, блистательно взлетевшей с глубин стамбульского дна на вершины светской жизни европейского бомонда.

Его необычное расположение в украинской глубинке определилось вынужденным уходом отвергнутого соотечественниками магната — после окончательного раздела в 1795 году Польши между Австрией, Пруссией и Россией — под руку матушки Екатерины, что позволило ему сохранить владения на Правобережье и, в год смерти императрицы, приступить к занятому шесть парковому созиданию.

Этот изящный шедевр ландшафтного строительства состоялся благодаря вспышке природной одарённости у человека военной профессии, артиллерийского капитана Людвика Метцеля, увидевшего в остатках дубрав древнего Грекова леса, в крутых скалистых склонах урочища Каменка, в вялотекущей по дикой балке речушке основу будущего иррегулярного стиля парка.

Его архитектурный вкус оценил переизбыток выходящих на поверхность гранитов как исходный материал для построения аллегорических ком-

позиций, повторяющих сюжеты античной мифологии — Долины гигантов, Критского лабиринта, Елисейских полей, — для возведения циклопических размеров гrotов; для обустройства парковой территории: выкладки тоннеля подземной реки Стикс, берегов её принимающего Мёртвого озера и последующего ступенчатого канала к водопаду, для устройства каскадов, причалов, изготовления скамей, ваз, постаментов.

Их реализовали трудом египетским — чрезвычайно тяжёлым, опасным и дешёвым — тысячи крепостных «хлопов» владельца Уманщины, вырубивших в скалистой поверхности ложе для Нижнего пруда (смыслового центра парка), переместивших, поднявших выбитые и вырытые, в сотни тонн весом, глыбы на значительные расстояния и высоты, уложивших их в заданном художественном беспорядке.

Как предварительно выверенный часовой механизм, была запущена и безостановочно функционирует безупречная, с технической и эстетической точек зрения, гидротехническая система парка, суть которой в цепочке накопительных прудов верхнего уровня, возникших после разделения речного русла — от истока — плотинами; в использовании двадцатиметрового перепада высот для хитроумного перемещения водных потоков на нижний уровень; в феерическом водном празднике, когда — после наполнения Амстердамского шлюза — рассыпаются на мириады брызг столпы воды, синхронно вылетающие в небо из зева кольцами уложенного (на скале в центре Нижнего пруда) медного тела фонтана «Змея» и сбрасываемые на прудовые валуны Большим водопадом.

«Тут вашим глазам открывается чудотворение искусства и опыт системы гидравлической, суть совершеннейшие произведения в искусстве сего рода», — так путешествовавший в 1810 году по югу России князь Иван Михайлович Долгорукий (он же — писатель и владимирский губернатор) в своем панегирике «Софиевке» изумлялся точности инженерных решений, их гармоничной увязке с рельефом, с архитектурой малых форм, со скульптурой, с главным объединительным элементом дендропарка — зелеными насаждениями, в которых местная древесная флора богато дополнена экзотическими растениями: *«Кто хочет видеть рай, в Софиевку поезжай!.. Там природа и искусство, соединив свои силы, произвели превосходнейшее творение... Ничто не может сравниться с тем, что здесь увидишь, всё пленяет и приводит в восторг. ... Войдёшь и не вышел бы вечно: все прекрасно, превосходно, божественно. Везде виден гений вкуса...»*

Девять лет красоты парка были естественным фоном моего начала жизни; его чащи и редколесье, поляны, склоны, пруды — обыденной и привычной средой обитания; нагромождения скал, по которым наше детское племя перемещалось с ловкостью горных козлов, служили местом развеселых гуляний, демонстрации мальчишечьей удачи.

По его ухоженным дорожкам, гранитным ступеням, мимо смотровых колодцев подземной реки, надломленной Колонны печали, через разностильные мостики пролегал мой школьный маршрут, начавшийся в шестом классе и завершившийся с выпускным вечером, в далёком-далёком июне шестьдесят

четвертого года, прощальной прогулкой с одноклассниками по огибающей Нижний пруд аллею.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.³⁷

Абрис истории. Польская трагедия (акт первый)

После восстания 1830 года, несчастливом для дела возрождения польской государственности, Пруссия принудительным трудом пленённых солдат повстанческой армии утвердила захват земель старинного покровителя-сюзерена постройкой крепостей в Гданьске и Грудзёндзе.

Оскорбительный для национальной гордости факт каторжных работ на земле предков поверженные карбонарии, после освобождения из плена и переезда в 1834 году в Англию, превратили в памятный знак, в призыв к продолжению борьбы, дав созданной в Портсмуте громаде (общине) название «Грудзёндз».

Другим стимулом из прошлого, своеобразным напоминанием изгнанникам (прежде всего выходцам из Правобережной Украины) о былой политической и военной силе Речи Посполитой стал город моего будущего детства, давший имя ещё одной, учреждённой в 1836 году на острове Джерсей, громаде — Умань.

Возможно, смысловая увязка державного дела с одним из центров польско-украинской жизни связана с её идеализацией, принявшей в эмигрантских кругах эпидемическое проявление в так называемом «козакофильстве». Вольным толкованием исторических преданий и документов — особенно, в поэтических произведениях той поры — засидевшиеся на берегах туманного Альбиона романтики создали образ украинского козака, преданного польским интересам, возбудили у соотечественников фантастические надежды, что козачество вернёт Польше политическую самостоятельность.

...Как часто
Хотим вернуть мы то, что лишь недавно
С презрением отшвыривали прочь⁴⁷.

«От великого до смешного один шаг»⁴⁸. Ослабление Речи Посполитой, подавшее сигналы на рубеже столетий, с началом восемнадцатого века приняло характер равноускоренного падения, завершившегося в 1795 году полным исчезновением государства (на столетие с гаком — до его возродившей большевистской революции) с географической карты Европы.

Начало увяданию государственному организму дал конкурс за королевский титул, который на правах личной унии (совместительства) в 1697 году получил саксонский герцог (курфюрстр) Август II, ставленник Австрии и России, пересиливших французского претендента принца Контти.

Новый монарх, под обещание превращения польского трона в наследственный, по месту «основной работы» вошёл в союз с Петром I в неудачно начавшейся Северной войне, и в 1704 году, после оккупации Польши шведским экспедиционным корпусом, уступил престол человеку скандинавов, коренному поляку Станиславу Лещинскому.

Полтавская виктория русского оружия 1709 года вернула дрезденцу корону, добавила Петербургу влияния в Речи Посполитой, где царский посланник на принципах «разделяй и властвуй» стал играть роль третейского судьи в раздорах между властью и оппозицией.

Россия стремилась сохранить целостность Польши как полностью подконтрольной страны, и резко отказалась от предложения её передела, поступившего в 1710 году от первого прусского короля Фридриха I (ставшего таковым в 1701 году, после согласия австрийского императора на превращение герцогства в независимую монархию).

Пруссаки — это не пруссы (то ли славянского, то ли литовского племени), которых, вместе с другими обитателями прибалтийских земель, извели рыцари тевтонского ордена, необдуманно приглашённые удельным польским князем в 1230 году на пограничную службу.

Лишь в 1410 году, под Грюнвальдом, русско-польские войска остановили германский «драх нах остен», а в 1462 году Польша силой оружия вернула западную («королевскую») Пруссию, оставив крестоносцам её восточную («герцогскую») часть.

В 1525 году гроссмейстер ордена обратился в светского правителя — секуляризировал («приватизировал») его владения, принял учение Лютера и, как вассал Польши, провозгласил себя герцогом Прусским.

Объединение Пруссии с Бранденбургом в 1618 году очертило государственные контуры агрессивных продолжателей дела псов-рыцарей по расширению жизненного пространства; далее последовали измена Пруссией Речи Посполитой в первой Северной войне и прекращение вассальной зависимости от неё в 1657 году.

Очередное намерение королевства Пруссия расшириться за счёт слабеющей Польши, озвученное в 1721 году следующим Фридрихом, совпадало с желанием её саксонского короля — в связи с неопределённостью династической перспективы для наследника — прирезать к курфюршеству часть территории подвластного королевства, но Петр I грабежа не допустил.

Исторической известности Августа II прибавили два сына, внебрачный (в генеалогической терминологии — бастард) и законный наследник. Первый — Морис Саксонский — с детства честолюбивый, ущемлённый своей незаконнорожденностью, нашёл себе вторую родину во Франции, всю жизнь сражался за её интересы и умер прославленным маршалом в 1750 году.

Монументальная гробница знаменитого полководца, созданная гениальным Пигалем, представляет собой многофигурную аллегорическую композицию с фигуркой безудержно рыдающего амура — свидетельство того, что выдающийся военный теоретик был и великим практиком в любви.

Сводный брат и одноклассник принца-изгоя (оба родились в 1696 году), силой российских штыков и австрийского давления, под именем Августа III

унаследовал королевский титул умершего в 1733 году отца, потратив на это два года в соперничестве с его злейшим врагом — престарелым Станиславом Лещинским, ставшим ко времени своей второй монархической попытки тестем «короля-солнца» Людовика XIV.

Большую часть, продлившегося тридцать лет, правления король-заочник провёл в родном Дрездене, куда министр финансов (подскарбий) переправлял, по мере возможности, доходы казны на пропитание двора.

Речь Посполитая окончательно потеряла всякое значение и уважение в Европе, превратилась, по сути, в подручника России, чьи войска вступали в страну и квартировали в ней, как в своей земле. Система государственного управления фактически обрушилась — господствовало полное право сильного. *«Польша, — пишет Николай Иванович Костомаров, — была на краю падения, когда Август, в 1763 году, скончался».*

С пресечением саксонской линии в истории Польши на престол вступил её последний король — Станислав-Август Понятовский, племянник всесильных братьев Чарторыйских, которых, вместе с их родственниками Ржевускими и Радзивиллами, поляки именовали «фамилией». Впрочем, единодушие сейма в выборе монарха обеспечило, как свидетельствует Казимир Валишевский, мнение и червонцы недавно взявшей власть Екатерины II: *«Безусловно проглядывает дерзость и даже некоторый цинизм в рескрипте, данным ею в 1763 году своему послу в Варшаве, в том, в котором, приказывая ему поддержать кандидатуру Понятовского, она говорит, что «он во время своего пребывания в Петербурге оказал своей родине больше услуг, чем кто-либо из министров республики».*

Известную, отмеченную историком пикантность отданному распоряжению придаёт то обстоятельство, что прибывший в 1755 году Петербург в составе английской дипломатической миссии молодой Понятовский был замечен и обласкан будущей царицей, после чего занял почётное третье место в списке её ранних любовников (вслед за Захаром Чернышевым и Сергеем Салтыковым — гипотетическим отцом Павла I).

Связь оборвалась с рождением в 1758 году дочери, всего год прожившей царевны Анны, и отъездом на родину её предполагаемого родителя. Былые отношения напомнили о себе в 1764 году взбудоражившими Польшу слухами о браке русской царицы с «избранником польского народа» и слиянии, вследствие этого, двух держав; наивную и неуместную для внешней политики молву официальный Петербург долго гасил публичными поисками невесты-польки для холостого короля.

К слову. После переворота июля 1762 года, сделавшего Екатерину II вдовствующей императрицей, в придворных кругах — до коронации 1763 года — широко обсуждался проект, по которому начинающей правительнице России предлагалось обвенчаться с проложившим ей путь к трону Григорием Орловым и привенчать (узаконить) их младенца-сына (в миру — Алексея Бобринского, после смерти матери получившего графский титул для себя и своих потомков от молочного брата, императора Павла I).

Историческая фраза Никиты Ивановича Панина «*Императрица может поступать как ей угодно, но госпожа Орлова никогда не будет императрицей российской*» изменила бесшабашному гиганту-гвардейцу карьерную перспективу — оправившаяся от первого смущения самодержица заменила скучное натуре бойца семейное соуправление на более естественное исполнение (на десять лет!) обязанностей опорного мужчины, открыла им разностильный, весьма расходный для казны ряд фаворитов.

Его предшественнику, утонченно-изысканному Понятовскому, покровительница определила роль исполнителя своей державной воли в почти завоёванной стране, которую он *volens nolens* — возмущаясь и протиясь — играл невнятно три десятка лет, завершив её финальной сценой отречения от престола, а жизненный путь — в Петербурге.

Уже в прологе монарх оказался между Сциллой и Харибдой — между требованием императрицы уравнять в правах православных с католиками и оскорблённым национальным самолюбием. На непоследовательное противодействие выборного монарха Петербург ответил приемами кнута (сорокатысячным войском вдоль границ Речи Посполитой) и пряника (сотней-другой тысяч бюджетных червонцев, обещаниями «кормящих» должностей усердным клеветам).

Россия сыграла также на нелюбви подданных к своему королю и его опекавшей «фамилии», на открытой оппозиционности к монаршей власти магнатской связки Ксаверия Браницкого (коронного гетмана) и Феликса Потоцкого (киевского воеводы), ради сохранения давних шляхетских вольностей (прежде всего, «*право вето*» в сеймовых постановлениях), обеспечивших в 1767 году требуемое для Екатерины решение по диссидентскому делу.

«*Всё смешалось в доме Облонских*»...⁴⁹ в следующем, 1768, году: поляки — католики, большие чем папа, «протрезвели» от содеянного. Унаследованное от предков восприятие православия как «*собачьей веры*», а его приверженцев («*схизматиков*») как проклятых Богом еретиков прорвалось в массовой «контрреформации», в мятежной Барской конфедерации, в одного из лидеров которой перестроился и глава «*знаменитого рода владельцев Умани*» (определение Адама Мицкевича), Феликс Потоцкий.

Полагая, что победа Турции в объявленной ею в том же году — сразу после «Уманской резни» — войне России, вернёт родине силу и свободу, Потоцкий активно интриговал в пользу басурман, выдал им «на заклятие» соратника, учредителя конфедерации Иосифа Пулавского, агитировавшего в пользу Австрии. Война прославила русское оружие блистательными победами, открыла России доступ к Чёрному морю; подавшая повод к войне Польша ничего не приобрела — только потеряла.

Пока русская эскадра, преодолев Атлантику и Средиземное море, жгла турецкие суда в Чесменской бухте летом 1770 года, «заклятые друзья» Польши, сговорясь, «под сурдинку» пощипали соседку — Пруссия заняла Вармийское епископство, Австрия добавила к своим владениям Спасскую землю и соляные копи Бохни и Велички.

В том же году в жизни Феликса Потоцкого («королька Руси» — определение современников) произошло знаковое событие. Его сын, восемнадцатилетний Станислав Щенский (Феликс) Потоцкий, объезжая родительские земли, с миссией помощи больным чумой, познакомился с Гертрудой Коморовской, дочерью малоимущего, также старинного графского рода, соседей.

Беременность привела к тайному, под нажимом отца девушки, венчанию влюблённых. Родители молодого Потоцкого категорически воспротивились мезальянсу, добились от сына письменного согласия на развод.

Дальше — больше. В начале 1771 года гайдуки магната выкрали юную жену из имения её родителей в Новосилках, повезли — через Львов — в монастырь. По дороге пленница, завидев обоз чумаков, стала звать на помощь. Конвоиры, пытаясь приглушить крик подушкой, переусердствовали — Гертруда задохнулась, её тело выбросили в речную прорубь.

Узнав о случившемся, Щенский пытался покончить с собой; от смерти его спас камердинер, отобравший нож у юноши, когда тот уже полосовал себе шею.

Весной 1772 года генерал-майор Суворов взятием Кракова закрыл проблему барских конфедератов. Их последняя судорога — попытка выкрасть короля — стала благовидным предлогом для материализации давно витавшей в воздухе идеи раздела Польши.

Более других рвения в этом деле изъявил прусский король Фридрих II, уже опаматованный от фактического разгрома в Семилетней войне против Саксонии, от наблюдения русских казаков, гарцевавших по Берлину в 1760 году, от полной катастрофы которого спасла смерть Елизаветы, в начале 1762 года, и шестимесячное царствование его неумеренного поклонника Петра III.

Под прикрытием дипломатической завесы австрийской дипломатии «Старый Фриц» полунамёками-полуугрозами образования тройственной антироссийской коалиции с Высокой Портой подвёл Россию к непростому, неоднозначно воспринятому её лидерами, решению вернуть под турецкое иго только отвоёванные у осман Молдавию и Валахию, в обмен на долю в отделяемых от Речи Посполитой территориях. (За подобную уступчивость, приведшую к чрезмерному усилению, в первую очередь, Пруссии, Григорий Орлов требовал казнить «переговорщика» Панина).

Первый раздел Польши был закреплён особым договором (конвенцией) между державами-дольщиками в Петербурге летом 1772 года. Пруссия прирезала к своим владениям вожделенное Поморское воеводство (Западную Пруссию без Гданьска), заполнив им досадный разрыв между Восточной Пруссией и Брандербургом; сверх того добавила Вармию, Мальборкское и Холминское воеводства (без Торуна), часть Куявии и Великой Польши.

Австрия заняла всю Галицию, часть Краковского и Сандомирского воеводств, с городом Львовом (без Холмской земли); Львов переименовали в Лемберг. К России отошли часть Белоруссии — Верхнее Поднепровье, Подвинье и часть латвийских земель — Латгалия. Сейм 1773 года утвердил акт раздела — рядовым участникам голосования выплатили по двести-триста червонцев. «Акула» Браницкий, чей сын к этому времени стал мужем племянницы светлейшего князя Потёмкина, получил Богуславское и Белоцерковское староства (парк «Александрия» в Белой Церкви — его рук дело).

1772 год стал фатальным и для семьи Потоцких. В конце зимы монахи-августинцы обнаружили вынесенный рекой Ратой труп Гертруды. Когда открылось имя затейщика грязного дела, граф Якуб Коморовский подал в суд на магната; тому, при неопровержимых уликах, грозила «баниция» — изгнание из Польши.

Рука Божия отмерила заслуженную кару Потоцким. Весной, не выдержав позора, скончалась Анна Потоцкая, мать молодого магната, с начала скандала находившегося в Швейцарии; полгода спустя душевные перегрузки разбили сердце главы семейства.

Вступив в права наследования (были ещё три сестры), Щенский первым делом закрыл судебное разбирательство — Коморовские в качестве отступного получили более сотни деревень и семьсот тысяч злотых; молодому вдовцу остался медальон с миниатюрой единственной и неповторимой возлюбленной, с которым он, завершая жизненный путь, завещал себя похоронить.

Абрис истории. Польская трагедия (акт второй и третий)

Во время одной из зимних прогулок перед сном, которые некоторое время наше семейство совершало коротким маршрутом к Верхнему пруду, мама — под уютный хруст снега — пересказала давнюю молву о том, как граф Потоцкий, потакая прихоти Софьи, устроил летним днём катание на санях по усыпанному солью аллеям парка.

По аналогии, поверил в реальность исторического анекдота, после того как в студенческие годы вычитал у Мельникова-Печерского о точно такой экзотической выезде, устроенной в поместье Несвиж магнатом, калибра уманских Потоцких, виленским воеводой Карлом Радзивиллом (у современников — «пане коханку»).

В истории литовский князь «наследил» не эксцентричными забавами, не опустошительным мотовством при баснословных доходах, а делом самозванной дочери императрицы Елизаветы Петровны (доныне ошибочно именуемой «княжной Таракановой»), затеянное им после разгрома Барской конфедерации и раздела Польши в 1772 году под патронатом Версаля.

Планировалось, что вышколенная им — совместно с отцами иезуитами — юная особа по имени Алина (далее — княжна Елизавета, Волдомирская, Персидская, Азовская), обеспеченная подложными завещаниями Петра I, Екатерины I и «матери», дававшими ей преимущественное — перед Екатериной II — право на престол, взяв в свои руки верховную власть, вернёт Польше утерянные земли и реальную независимость.

Вполне возможно, что решение этой же задачи было среди целей внешне бессистемного (по Пушкину — «бессмысленного») бунта Пугачёва, который под именем «воскресшего» Петра III двигался к трону синхронно с агитационной компанией самозванной Елизаветы II, не раз заявлявшей покровителям о тесных связях с яицким бунтарем (называясь, к примеру, его сводной сестрой).

«Враждебники России и Екатерины, ...устроив дела самозванца на востоке России, не замедлили поставить и самозванку, которая, по замыслу их, должна была одновременно с Пугачёвым явиться среди русских войск, действовавших против турок, и возмутить их против императрицы Екатерины»⁵¹.

Пленных конфедератов царское правительство отправило в ссылку. *«Большие партии пленных конфедератов направлялись в глубь России: в Казань, Оренбург, Пермь, Тобольск»,* — пишет знаток вопроса Вячеслав Шишков. Их же затем рекрутировали в войска, усмирявшие бунтовщиков, что давало заинтересованным сторонам возможность прямых контактов (*«Казань была обременена большим числом возвращавшихся из Сибири конфедератов»*).

Пушкин в «Истории Пугачёва» подтверждает связи последнего с находившимися в Казани учредителями Барской конфедерации, братьями Пулавскими (а также младшего из них с хорошенькой женой старого губернатора Брандта — *«...меньший с 1772 года находился в плену и жил в доме губернатора, которым был он принят, как родной»*); упоминает об отравлении, кем-то из конфедератов, главнокомандующего Бибикова; в эпилоге сожалеет, что не сумел выявить истинных организаторов Пугачёвского бунта: *«Кто были эти смышлёные сообщники, управлявшие действиями Самозванца?... Это должно яствовать из процесса Пугачёва, но, к сожалению, я его не читал, не смев распечатать без высочайшего на то соизволения»¹⁵⁷.*

Авантюра самозванки завершилась после её — как будто бы психологически обоснованного — обращения к командовавшему российской эскадрой в Средиземном море графу Алексею Орлову, постепенно уходившему в тень государственной жизни после отставки брата Григория с «должности» фаворита Екатерины, с предложением о союзе. Герой Чесменской битвы, желая восстановить кредит в Петербурге, отреагировал «по-мужски» — первым делом соблазнил несуровую красавицу, затем заманил её на флагманский корабль и силой переправил с берегов Италии в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Там между допросами несчастная родила ему сына и скончалась от скоротечной чахотки 4 декабря 1775 года.

Известная картина даровитого живописца Флавицкого «Княжна Тараканова», представляющая зрителям, как воды наводнения сентября 1777 года, врываясь в камеру, губят узницу крепости, — лишь высокохудожественное отображение романтического вымысла.

Княжной Таракановой некоторое время именовалась дочь Елизаветы I и её законного, но тайного, мужа, фельдмаршала, графа Римской и Российской империй Алексея Григорьевича Разумовского, бывшего, до морганатического брака императрицы, просто Олексой Розумом в селе Лемеша, что на Черниговщине (начало блистательной метаморфозе бывшего пастуха положил полковник Вишневецкий, который, оценив по достоинству дивный голос украинского «хлопца», переправил его в царскую певческую капеллу для развития таланта).

Дочь, унаследовавшая от отца ровный нрав и отсутствие честолюбия, беспрекословно согласилась с предложением Екатерины II — «дабы не сде-

латься орудием честолюбцев» — уйти в монастырь, где в 1810 году, под именем иночицы Досифеи, в возрасте 64 лет завершила свой земной путь. (Мельников-Печерский пишет также об её родном брате, по фамилии Закревский, повторившем судьбу сестры.)

Карл Радзивилл, бросив свою питомицу в конце 1774 года, выпросил у Екатерины II прощение за доставленное беспокойство, а вместе с ним — ранее конфискованные имения, в которых провёл остаток жизни (до 1790 года) в сеймовых съездах, в роскошных пирах и прочих увеселениях.

До конца держался другой вождь конфедератов, граф Иоахим Потоцкий, добившийся встречи с великим визирем и просивший у него под свое начало войско для освобождения Польши. Но Турция войну России проиграла, и после мирного договора 1774 года между ними говорить об участии Великой Порты в польских делах было бессмысленно.

К слову сказать, знатоком русско-турецких войн восемнадцатого века был военный историк, профессор Академии Генерального штаба Алексей Константинович Баюв, родившийся в Умани в 1871 году.

Древней посадки родовое древо Потоцких в рассматриваемое время имело много приметных в жизни Польши ветвлений, хотя текущие дела, сиюминутные и долгосрочные интересы нередко разводили представителей этого могучего и знатного клана во враждебные лагеря: в том числе — «пророссийский» или «антироссийский».

Сын киевского воеводы Станислав Щенный («Счастливый») Потоцкий, приняв, после смерти отца в 1772 году, в пользование необъятные владения семьи на Правобережной Украине, оставался неизменно лояльным официальному Петербургу, видя в этом гарантию прочности и нерушимости имущественного положения.

В 1774 году он женился на дочери графа Мнишек, представителе старого, чешских корней, рода (в начале семнадцатого века, Марина Мнишек, по очереди с двумя Лжедмитриями, «смущала» российскую историю).

Жена, Юзефина Амалия Мнишек, — красивая блондинка с синими глазами, — была фрейлиной королевы; отличалась талантами в рисовании и стихосложении, играла на рояле; до замужества славилась интимной пылкостью, восхищавшей многих её любовников. Привычкам не изменяла — под конец жизни из одиннадцати детей, рождённых Юзефой, Потоцкий признал только троих — дочерей Пелагею и Людвигу, сына Ежи

В 1775 году молодой граф, в счёт погашения долгов отца, передал кредиторам семейное имение в Кристинополе (ныне — Червоноград Львовской области), оказавшееся, к тому же, на перешедших к Австрии землях, и перенёс свою резиденцию на территорию Польши, в украинский городок Тульчин.

Со временем (в 1782 году) выстроил в нём дворец, заложил парк с оранжереями. Увлёкшись сельским хозяйством, привлёк к делу специалистов по селекции новых сортов пшеницы, ржи, овса, по улучшению пород крупного рогатого скота. Потоцкому обязан появлением на украинской земле пирамидальный тополь, саженцы которого он привёз из свадебного путешествия в Италию.

В сравнении с другими представителями своего круга, Щенский выделялся гуманным отношением к хлопам — заменил им все повинности на денежные платежи (ввёл так называемый «генеральный чинш»); требовал от управляющих его имений («ключевых экономов») уважительного отношения к сельскому люду; селян обязывал строить «хаты» и переселяться в них из землянок, регулярно обновлять дворовые посадки яблонь, груш, вишен и шелковиц, засаживать неуголья вербами и тополями.

«Без всяких подобных затей и выходов отличался гуманностью обращения с крестьянами и заботливостью об их благе пан, который впоследствии навлёк на себя, более чем кто-нибудь, проклятия прогрессивной польской партии — то был Щенский-Потоцкий, владелец неизмеримых пространств в Украине.

...его села блистали белыми хатами среди роскошных садов, окружённые изобилием скирд хлеба, стогов сена, волов, овец, пчёл и прочее»⁴¹.

Впрочем, граф, имевший фантастические 80000 червонцев годового дохода, мог позволить себе эксперименты прямого и благостного управления частью своих подданных; там, где сбор налогов шёл через посредников-арендаторов («посессоров»), крестьян обдирали как липку.

Причины и следствия «Уманской резни» 1768 года мало вразумили ясно-вельможное панство. Как и прежде, помещики без суда и следствия убивали своих крестьян, хотя закон уже запрещал подобное своеволие. По-прежнему яростно преследовались православные (особенно те, кто возвращался к вере предков из униатства).

«...при случае украинский хлоп, подпивши, осмеливался сказать ляху: «...а мы и не таких резали»; на это поляк отвечал ему: «...а мы и не таких вешали»⁴¹.

Ещё были живы те, кто видел Железняка и Гонту (зять последнего, сельский священник, правил службы недалеко от Умани); помнили обитатели края массовые казни гайдамаков, виселицы вдоль «шляхов». «Доньне, — пишет Г.П.Данилевский, — девушки Лисянки и Умани держатся особого обычая — вплетают чёрные ленты, вместо алых, в уборы своих кос».

Копилась энергия народного недовольства, но не вырвалась мощным взрывом наружу — не было верного запала, канувшего в вечность запорож-

ского козачества, не было уже и Гетманщины — недолго, напоследок, «погетманствовал» Кирилл Разумовский; кроме того, помнили люди, как «мамо» Екатерина подавила выступление гайдамаков, уже оценили сведения о «прелестях» вводимого ею на Левобережье крепостного права.

К политической жизни Щенный Потоцкий приобщился в 1773 году, когда был назначен воеводой уже не существующего, отошедшего по разделу к Австрии, Русского воеводства. Синекура, тем не менее, дала обязательное для магната место в сейме и возможность законодательно или правом «вето» противодействовать окружавшей короля партии Чарторыйских, стремившейся, помимо прочего, превратить турбулентный республиканский строй с выборным королем в — дисциплинирующую нацию — абсолютную монархию.

Усердие оппозиционного политика — как противовес непоследовательному и не всегда послушному королю — оценила Екатерина II во время данной ему аудиенции в феврале 1787 года, в Киеве. Тогда царица почти месяц жила в специально выстроенном деревянном дворце перед продолжением путешествия по Днепру в Крым, с остановкой в Каневе, для встречи с австрийским императором Иосифом II. Там союзные монархи договорились о совместных действиях в предстоящей войне с Турцией (там же больше месяца ждал Екатерину польский король Понятовский, получивший лишь три часа свидания).

«Только Щенный Потоцкий, хотя и находился в оппозиции, был принят лучше. Государыня изумительно умела узнавать людей, подмечать их слабые стороны, оценивать их способности и умение быть ей полезными. Щенный понравился Екатерине. Она сразу сообразила, что из этой личности...можно всё сделать, если её приласкать. Она не только обласкала Щенного, но давала ему двусмысленных надежд. «На вас, не на кого другого, я уповаю спасение Польши», говорила она. У Потоцкого закружилась голова от такого счастья, и он был долго вне себя от восторга»⁴¹.

Летом 1788 года Россия открыла боевые действия против Турции, уменьшив тем самым свое влияние на польские дела. В 1788 году, в Польше начал работу так называемый Четырёхлетний сейм, принявший в мае 1791 года конституцию в редакции королевской партии — отменялась выборность королей (кроме случая пресечения династии), аннулировался принцип обязательного единогласия в сейме (знаменитое «*liberum veto*»), запрещались конфедерации шляхты (означавшие, фактически, создание государства в государстве).

Магнаты, настаивавшие на сохранении старинных вольностей, сгруппировались; после приватного свидания в Петербурге, в марте 1792 года, Щенного Потоцкого с Екатериной II и соглашения о военной поддержке, в пограничном городке графских владений Тарговице, 18 мая того же года, была учреждена очередная, фатальная для судьбы Речи Посполитой, конфедерация шляхты.

«3-го июня конфедерация была перенесена в Умань, а 9-го июня в Тульчин, следуя таким образом за успехами русского войска»⁴¹.

На украинской земле царским войскам отчаянно и недолго сопротивлялись отряды под командованием Иосифа Понятовского, племянника короля, и Тадеуша Костюшко. После ввода Пруссией, вслед за Россией, своих войск в Польшу и падения Варшавы, король, прежде присягнувший конституции, перешёл на сторону конфедератов.

Самонадеянность и близорукость тарговицких «протестантов» не позволила этим аристократическим сливкам общества увидеть в роковом обращении к императрице перспективу очередного передела державной территории (в том числе, коренных польских земель), которая материализовалась уже в 1793 году.

«Конфедерация находилась тогда в очень неполном составе. Щенсны Потоцкий отправлялся в Петербург. Видя, что приходят беды, этот магнат, заварив кашу, поспешил убраться подобру-поздорову, чтобы не быть маршалом конфедерации тогда, когда уже придется расплачиваться за свое существование. Его супруга, с которой он собирался разводиться, прежде него отправилась в Петербург и была принята с почестями.

...У Щенсного блистала ещё надежда, что, быть может, его присутствие в Петербурге будет полезно для отечества»⁴¹.

Визит ничего отечеству не дал и граф, получив гарантию неприкосновенности для своих украинских владений, отправился в европейское путешествие.

Открывшийся в апреле 1793 года, в Гродно, целевого назначения сейм, за несколько месяцев работы утвердил второй раздел Польши: Украина отошла к России, часть Великой Польши, Торунь и Гданьск, — к Пруссии (за растерзание родины послушные участники сейма получили подарки; председателю — маршалу сейма — досталось сто тысяч червонцев).

На защиту независимости родины выступил Тадеуш Костюшко, получивший чин генерала в войне североамериканских колоний за независимость. Начало боевых действий было удачным, восстание в Варшаве освободило столицу. Попавших им в руки конфедератов повстанцы перевешали; вместо отсутствовавших «коллорационистов» на столбах подвесили их портреты — в том числе, ставшего врагом нации, Щенсного Потоцкого, чем он, в письме последнему фавориту императрицы, Платону Зубову, страшно возмутился.

В мае 1794 года прусская армия в очередном стремлении не опоздать к переделу, вторглась вслед за царскими войсками, в Польшу взяла Краков. В решающей битве под Мациевичами, 10 октября, Костюшко был ранен и в бессознательном состоянии попал в плен (далее на несколько лет — в казематы Петропавловки). В начале ноября войска Суворова, взяв штурмом пригород польской столицы Прагу, овладели многострадальной Варшавой.

В 1795 году державы-победительницы произвели третий, и окончательный, раздел Польши. Пруссия получила столицу страны и основную часть старо-польских земель, Австрия — Краков и Люблин с прилегающей территорией, Россия — западно-украинские (без Львова) и западно-белорусские земли, большую часть Литвы и Курляндию. Значительная часть литовских земель, входивших ранее в состав польского государства, отошла к Пруссии.

Абрис истории. София, восхождение

В феврале 1791 года Главнокомандующий русской армией, генерал-фельдмаршал Григорий Александрович Потёмкин, после взятия русскими войсками Измаила срочно выехал в Петербург, чтобы убедить императрицу принять его план текущих военно-дипломатических акций по закреплению и развитию достигнутых завоеваний. Скорости перемещению стратегу-победителю добавляло опасение, что быстро возвысившийся очередной (и последний!) фаворит Платон Зубов — жадный до казённых денег, не по уму честолюбивый юноша — возьмёт безраздельную власть над разумом разменявшей седьмой десяток лет императрицы.

Екатерина, следует сказать,
Хоть нравом и была непостоянна,
Любовников умела поднимать
Почти до императорского сана³².

В путешествии в северную столицу светлейшего князя сопровождала София Витт с супругом Юзеком. Прежде он, как подданный Польши, был комендантом крепости в Каменец-Подольском, но в 1789 году по протекции красавицы жены, уже как генерал русской армии, перешёл на службу к устроителю Новороссийского края, заняв пост коменданта только заложенного Херсона и, как муж своей жены, достойное место в свите покровителя.

Потёмкин максимально компенсировал службисту моральные потери и сниходительность к двусмысленности супружеского положения — выхлопотал ему в Вене желанный диплом графа, который он получил в Петербурге (вместе с повышением в звании до генерал-лейтенанта).

Есть рассказ о том, как в дни подготовки к атаке турецкой твердыни, когда среди русского генералитета не было единодушия в необходимости штурма, София Витт предложила Потёмкину прочесть линию на его руке и сказала, что Измаил падёт через три недели. Потёмкин в ответ рассмеялся и, словно

эта мысль только пришла ему в голову, объявил, что у него есть надёжный способ достичь победы: вызвать Суворова.

Граф Российской (затем — князь Таврический) и Светлейший князь Римской империи, недюжинная личность, третий по счёту фаворит (1774 — 1776 года) и более полутора десятка лет соправитель Екатерины II (возможно, её венчанный муж — портрет их дочери, Елизаветы Тёмкиной, кисти Боровиковского хранится в Третьяковке) славился неутомимостью и фантастической изобретательностью в любви. Его романы с племянницами смущали даже вольнолюбивых французов, помнивших Версаль Людовика XV.

Громадного роста, со знаменитой каштановой шевелюрой, с повреждённым — в билиардной драке с Алексеем Орловым — левым глазом, для женщин он был, что Аполлон. Роскошные, изящные, ухоженные, голубых кровей «менады» украшали бивуачную жизнь «российского султана» в его военных резиденциях в Бендерах и Яссах, обставленных с военной роскошью. Одной из них, княгине Екатерине Долгорукой, главнокомандующий, отправив предварительно на боевые позиции мужа, под видом торжественного обеда устроил празднование именин, о чём та случайно узнала за десертом, когда дамам была подана чаша с бриллиантами для выбора понравившихся им камешков.

«Другому предмету своей страсти — особенно непостоянной и капризной женщине — знаменитой мадам де Витт, впоследствии княгине Потюцкой, «прекрасной фанариотке», отвечавшей на вопрос о здоровье: «Мои прекрасные глаза болят», он выказал своё обожание ещё более расточительным способом. Чтобы подарить ей драгоценную шаль, он устроил праздник, на который пригласил двести дам и разыграл при этом беспроигрышную лотерею, где каждый выигрыш состоял из шалей одинаковой ценности», — так язвительный Казимир Валишевский описывает возвышение новой метрессы, сменившей отставленную Долгорукую.

В Петербурге Потёмкин снял для Софии большой дворец и 18 марта 1791 года, на обеде у принца Нассау Зиген представил обществу свой «деликатес»; женщины рассматривали её «с раздражением и восхищением»⁵⁴ (так записал один из гостей). Через несколько дней Екатерина, подготовленная светлейшим, милостиво приняла его пассию, выказала ей свою симпатию алмазными серёжками и, по слухам, имением в Белоруссии.

Сам Потёмкин, помимо многочисленных наград, вторично получил в подарок Таврический дворец; прежде выстроенный в честь мирного присоединения Крыма к России, он был презентован Екатериной организатору успеха, а затем ею же выкуплен у него за полмиллиона рублей.

В этом дворце в стиле сказок «Тысячи и одной ночи» — в пику клике Зубовых! — фельдмаршал феерическим праздником отметил победу над Турцией: с великолепным зимним садом; с удивительными сменами декораций в театральных представлениях; со стихотворным хором — *Гром победы раздавайся! Веселися, храбрый Росс!*⁵⁵, с изысканным и обильным пиром.

«На стол, помимо прочих блюд, были поданы: уха из аршинных стерлядей и кронштадских ершей; похлёбка из рябцов с пармезаном и каштанами; говяжьих глаза в соусе, называемом «поутру проснувшись»; гусь в обуви; терины с крыльями и пуре зелёным; сёмга глассированная; окуни с ветчиною; черепахи; чирята с оливками; व्यюны с фрикандо; фазаны с фисташками; голубята с раками; сладкое мясо ягнячье; гателеты из устриц...»⁵⁶.

Потёмкина в столице удерживали затянувшиеся обсуждения польской проблемы с императрицей, которую он убеждал не поддаваться давлению Пруссии и Англии, раздражённых победой России над Турцией. Он противился разделу Польши как уступке Пруссии; склонялся к петровской политике сохранения Польши в качестве полунезависимого государства, выполнявшего роль буферной зоны.

Кроме того, зная о ненависти к нему престолонаследника, цесаревича Павла, светлейший думал о «запасном варианте», на случай смерти императрицы. Таковым для него — великого гетмана казацкого Черноморского и Екатеринославского войск — была, на первый взгляд экстравагантная, идея создать (для себя) независимое польское княжество, на основе его земель в Смеле⁵⁴.

Получив в июле 1791 года от Екатерины рескрипт, подтверждавший его неограниченные полномочия, светлейший вернулся в штаб-квартиру; порвал набело переписанный, поспешный и «мягкий», договор с Турцией, успел посетить Николаевскую судовой верфь. На юге России в это время объявилась малярия; два стакана ледяной воды, выпитых Потёмкиным на похоронах одного из высших офицеров, свалили его (похоже, у него развилась пневмония).

В конце августа Светлейший, ощутив сильное недомогание, в первый раз соборовался; то же повторилось через месяц. Предчувствуя близкую кончину, князь велел перевезти себя в дорогой ему (как основателю) Николаев, но неподалёку от Ясс в первых числах октября 1791 года скончался в открытом поле, под звёздным небом на руках любимой племянницы, графини Александры Браницкой.

Россия потеряла колоссальную личность — масштаба Петра Великого. Ушёл человек, раздвинувший границы государства Российского, создавший флот на Чёрном море, покоривший Крым, победивший Турцию, основавший Севастополь и Одессу; с его уходом завершился золотой период царствования Екатерины II.

Похоронили Потёмкина в Херсоне, в церкви св. Екатерины Великомученицы. В 1798 году Павел I приказал уничтожить могилу и разметать прах, но этот приказ не был исполнен. Это подтвердило первое вскрытие склепа в 1818 году, после которого архиепископ Иов Потёмкин вывез золотую шкатулку с сердцем кузена на его родину, на Смоленщину.

Прах великого человека тревожили и оскверняли много раз — ныне он покоится на месте первого погребения.

Мятежные магнаты, Щенский Потоцкий, Браницкий, Ржевуский, прибыли в распоряжение русских войск уже после смерти главнокомандующего, поэтому вопросы учреждения фронды против королевской партии, против урезавшей шляхетские права новой конституции пришлось обсуждать с умеренным канцлером Безбородко.

Однако для графа Потоцкого, в эти последние месяцы 1791 года, политические дела отошли на второй план. На устроенном им праздновании именин государыни, он познакомился с Софией де Витт. Вспышка страстной любви богатейшего из магнатов к обворожительной, яркого ума женщине привела через десять лет к появлению на окраине города Умань пейзажного парка мирового уровня, увековечившего имя героини романа — «Софиевка».

Биография роковой соблазнительницы чётко делится на две части — до и после её вхождения в состав европейского бомонда.

Первая часть, отражающая нелёгкое начало «трудового» пути звезды высшего света, изобилует интригующими и пикантными деталями. Рядом с

ней соседствует мифологическая версия благородного происхождения «труженицы», родившаяся в дни начала её движения к вершинам континентальной славы.

Вторая часть жизнеописания, открывшаяся триумфальным дефиле роковой Софии по европейским столицам — с пунктом перехода в новое брачное состояние после «казуса» Потёмкина, — многогранно расписана в многочисленных прозаических и поэтических произведениях, существует — в части эпизодов — в жанре исторической «полуправды-полувымысла».

Часть первая. Лиха беда начало

Основным и достаточно полным источником начальной части биографии графини Потоцкой являются дневниковые записи польского посла в Турции Кароля Боскамп-Лясопольского, отметившего факт знакомства с ней в начале мая 1777 года, когда мать привела юную куртизанку в дом дипломата.

Семнадцатилетняя гречанка произвела настолько сильное впечатление на отпрыска французских гугенотов, находившегося на королевской службе в должности полномочного министра, что он поселил её в здании посольской миссии в стамбульском квартале Пера, нанял учителя французского языка, дал начала систематическому образованию.

За год сожительства автор воспоминаний узнал мельчайшие детали происхождения и детства «прекрасной битинки» (Битинией в старину называлась провинция, в которой располагался город Бурса — там в 1760 году в семье торговца скотом Константина Главани родилась дочь София).

Радость детства активной, непоседливой девочке омрачил кузен, соградивший её в возрасте одиннадцати лет. Грех дочери пришлось замалчивать в Иерусалиме, куда семья в полном составе совершила паломничество; затем, в связи с продолжавшимися местечковыми пересудами, переехала в Стамбул. После смерти — в 1775 году — отца, её мать, Мария, вышла замуж за армянина, также вскоре умершего, в довершение всех бед, сгорел дом.

Нужда вынудила Марию, по примеру набравшей опыта младшей сестры, заняться проституцией и сводничеством; со временем приобщила к древнему ремеслу Дуду (так называли Софию в семье).

Один из первых совместных семейных выходов «на панель» чуть было не завершился катастрофой. Кузина султана, женщина нетрадиционной сексуальной ориентации, поселила понравившуюся ей девочку в своих покоях, откуда той удалось сбежать. Опасаясь мести, мать с дочерью бросили жильё в квартале Фанары и спрятались у сестры. (Фанары — квартал в Стамбуле с преимущественно греческим населением, поэтому Казимир Валишевский называет Софию «прекрасной фанариоткой»).

Боскамп достойно завершил отношения с юной подругой. Отъезжая в Варшаву летом 1778 года, вельможа оставил ей квартиру и, на случай замужества, полторы тысячи пиастров на банковском счету в качестве приданого.

Казалось, что сказка завершилась в самом начале, но полученное в декабре 1778 года Софией письмо от экс-посла дало ей шанс на её продолжение. Одиноким, пожилым, поражённым ипохондрией мужчина, у которого умерла

жена, предложил возобновить сожительство на прежних условиях в Варшаве.

В начале 1779 года, в сопровождении опекуна София отправилась в путь, проехала Болгарию, переболела корью в Бухаресте, но в пограничном городке Фокианы возникли проблемы с паспортом. Путешественница подняла шумный скандал, переведя его в разряд межгосударственного утверждением о том, что она — невеста польского посла. После вмешательства турецкого министра, ей разрешили пересечь границу, добраться до Ясс. Там неукротимую красавицу ждал неприятный сюрприз — возмущённый несанкционированным использованием своего имени, Боскамп прислал ей письмо с требованием вернуться в Стамбул.

Употребив весь арсенал дамских средств, София «прорвалась» в Каменец-Подольский, где её уже поджидал комендант крепости генерал Ян Витт, с очередным «отказным» письмом из Варшавы от предусмотрительного старого волокиты.

В эти жуткие дни ожидания экстрадиции в Стамбул в очаровательную гречанку, что называется, по уши влюбился сын коменданта, тридцатидевятилетний майор Юзек Витт и в июле 1779 года пара тайно обвенчалась в селе Зеленьковцы.

Часть вторая. Лови момент

С появлением Софии в Каменец-Подольском рождается и начинается вторая, возвышенная история происхождения inferнальной красавицы, относящая её родовую линию к побочной ветви византийских императоров, оказавшейся в пограничном городе-крепости проездом из Стамбула в Варшаву.

Старый Витт был взбешён мезальянсом, но перед силой очарования невестки капитулировал; более того, семья генерала стала солидарно «продвигать» аристократический вариант родословной своего нового члена.

В 1781 году молодые супруги появились в столице, где экзотическая красота Софии произвела фурор, где два месяца она была настоящей сенсацией и объектом всеобщего интереса. Как жену офицера войска Речи Посполитой её принял (и, кажется, очень интимно общался) король, поэт Станислав Трембецкий сочинил стихотворение «Госпоже Витт, проезжающей с мужем через Варшаву на воды Спа».

По дороге на бальнеологический курорт, чета Витт заехала в Берлин, где старый вояка Фридрих II выдал гостю по-германски проникновенный комплимент; на бельгийском курорте высокую оценку внешности и природному уму Софии дал австрийский император Иосиф II, который — в одном из писем своей сестре Марии-Антуанетте — рекомендовал принять очаровательную мадам Витт.

В Париже триумф продолжился — изумительной Софи восхищались граф Прованский (позднее — король Людовик XVIII), граф д'Артуа (ещё позднее — король Карл X); во французской столице, в ноябре 1781 года она родила первенца Яна. Событие это настолько обрадовало короля Станислава Понятовского, что он прибыл в Каменец-Подольский поздравить коменданта с внуком и повысить его в звании до генерал-лейтенанта.

В 1782 году супруги через Вену (в ней задержались на три недели), Словакию, Моравию, Галицию вернулись домой. Поэзию продлившегося год карнавала сменила унылая проза захолустных будней.

В 1784 году София родила второго, недолго прожившего сына. В следующем году умер старший Витт — на открывшуюся генеральскую должность король назначил Витта младшего.

Для целеустремлённой гречанки, вкусившей сладость восторженных приёмов в европейских салонах, новое общественное звание «госпожа генеральша» интересовало лишь как ступенька на пути к стабильной светской жизни, с полным набором её удовольствий.

В поисках возможностей, как она писала, «вырваться из проклятого плена» София познакомилась с эмансипированной и разведённой Марианной Мнишек, с которой в июле 1787 года организовали экстравагантное путешествие по маршруту Херсон — Стамбул для трёх десятков «шляхетных» туристов.

Когда парусник «Екатерина Великая», под российским флагом, вошёл в Босфор, между дамами — по причине преимущественного внимания кавалеров к полубогине турне — успела пробежать кошка. Враждебность стала открытой в турецкой столице, где София, не беря во внимание наблюдательных соотечественников, вступила в активные сексуальные отношения с молодым и многодетным французским послом Шуазелем.

Земляки в письмах на родину с удовольствием пересказали детали походов мадам де Витт, поведали об её намерении дать официальную «отставку» генералу. Поэтому, по возвращении в Варшаву «по суху» (путешествие прервала начавшаяся русско-турецкая война), Софию ждал холодный приём; сам король — предполагаемый отец её первенца! — при встрече что-то невнятно процудил сквозь зубы, демонстративно отвернулся.

В состоянии депрессии, придавленный камнепадом слухов о неверности жены, ревновал и страдал каменецкий комендант, пытался подать в отставку. Узнав о приезде Софии, примчался в столицу, отговорил её от намерения жить отдельно во Львове, обещал быть более деликатным.

Неожиданный афронт на западном фронте вынудили целеустремлённую Софию сменить направление главного удара. Граф Шарль де Линь, находившийся на службе у России, погостив в мае 1788 года в доме коменданта, пригласил галантно хозяйку дома составить компанию в обследовании укреплений недалёкой Хотинской крепости, осаждавшейся русскими и австрийскими войсками; ощущения от совместного выхода в разведку описал очень игриво: «Откровенно говоря, я испытывал большое искушение разведать её слабые и удобные для атаки стороны, чем недостатки крепостных укреплений».

На передовых позициях, под турецкими пулями и ядрами, София познакомилась с командующим, генералом Николаем Салтыковым и уже через него, чуть позже — в ставке русских войск под Очаковым — с хозяином юга России, всемогущим Потёмкиным. Последовавшие, с начала 1789 года, частые отлучки генерала Витта в лагерь русских войск, вызвали раздражение в Варшаве, обвинения в пособничестве оккупантам Польши; ему припомнили подозрительные торговые манипуляции с гарнизонным имуществом и провиантом, истерическое поведение во время отсутствия жены. Комендант оправданиями только ожесточил оппонентов; его попытка, как было принято, уступить за деньги свою должность не удалась.

В конце осени 1789 года, без предварительного согласия польских военных органов, без предоставления отчёта о доверенных ему материальных и денежных средствах, Юзек Витт, со сменой гражданства, выехал к новому месту службы, в ставку светлейшего князя Потёмкина под Очаковым; вслед за ним прибыла София.

Абрис истории. София и Потоцкий

Сохранившийся портрет молодой Софии неизвестного автора — даже в размытых тонах книжной репродукции — демонстрирует отнюдь не писанную красавицу, не абсолютный и ослепительный идеал красоты, но женщину несомненно выдающейся привлекательности.

Ей было лет, пожалуй, двадцать семь:
Преклонный возраст для её народа!
Но есть краса, которую совсем
Не искажают годы и природа³².

Хрупкая фигура, миловидное лицо, формой и свежестью напоминающее лица итальянок с картин Карла Брюллова, отличаясь от них, разве только, формой носа — прямого, тонкого, слегка удлинённого. Густые чёрные волосы, ясная округлость лба; плотная, густящаяся у переносицы, дуга бровей; широко распахнутые веки и ресницы; зеркало души: тёмные, большие и выразительные, окружённые тенью глаза, с отделённым от зрачка белком — признак ума оригинального и активного; рот чувственно-нежного очертания, с «пухленькими» приоткрытыми губами; мягкий, аккуратный подбородок; крепкая и стройная шея.

Формат картины не даёт возможности продолжить оценку фигуры, её сделал в своих дневниковых записях Боскамп, первый патрон юной гречанки, сравнивший свою одалиску со знаменитой древнегреческой куртизанкой Фриной (смотри картину Генриха Ипполитовича Семирадского «Фрина на празднике Посейдона» в Русском музее), отметивший, что ноги и бёдра Софии достойны резца Праксителя, а огорчившую его слабость грудных мышц объяснил влиянием тёплого климата и особенностями образа жизни восточных женщин.

Однако не выгодной внешностью покоряла магнетическая женщина, а придающим ей прелесть невидимым светом обаяния, природной живостью ума, душевной силой, даром быстрых решений. Об этом также пишет польский министр: *«Её характеризуют точность оценок, сообразительность,*

значительно превышающие средний уровень...Её проникновение в суть вещей и внимание проявляются в выражении лица, жестах, словах и мыслях. Она так тщательно изучает человека, с которым имеет дело, что почти каждый раз может предвидеть его слова и угадать намерения»⁵⁸.

Чувствительному Щенскому Потоцкому, прожившему восемнадцать лет с женой-нимфоманкой, современниками во внебрачных связях не замеченному, безумная страсть к сексапильной Софии переменяла жизнь. После двух месяцев бурного романа на молдавской земле, лишённый сеймом в конце января 1792 года всех чинов и званий, оставив в Вене законную жену с десятью детьми (большой частью — от разных отцов), граф Потоцкий вместе с супругами де Витт перебрался в Херсон, оттуда, скоро решив ряд важных хозяйственных дел, в начале марта убыл в Петербург.

Нюансы личной жизни не мешали мужской части образовавшегося любовного треугольника заниматься взаимовыгодной коммерцией. По доверенности Потоцкого, его агент в апреле 1792 года открыл торговый дом в Николаеве, далее действовал по инструкции хозяина: «Подробнейшим образом узнавать о продаже всяких продуктов украинских: пшеницы, гороха, аниса, водки, сала и доносить в Умань о цене их и о том, какие продукты можно будет покупать взамен наших».

Далее в инструкции говорилось, что по договору с де Виттом отправляются из Умани в Очаков 15000 корцев пшеницы из расчёта по 10 золотых за корец. (Один корец равен четырём пудам.)⁵⁹

Первый визит в Петербург, предопределивший политическую судьбу и историческое лицо польского магната, завершился мажорной тональности надеждой на успех фронды — так казалось после координационного совещания у императрицы, на котором были определены сроки учреждения конфедерации и сопутствовавшего ей вводу русских войск в Польшу.

Во второй приезд в северную столицу, в марте 1793 года, маршал Тарговицкой конфедерации Потоцкий — морально уничтоженный, превратившийся в символ национального позора — невнятно и безуспешно пытался как-то повлиять на решение трёх держав вторично разделить Речь Посполитую.

Впрочем, более державных дел графа занимало упорядочение личной жизни, прежде всего официализация отношений с Софьей, которые приобрели стабильность и перспективу после переезда любимой женщины — более походившего на согласованное похищение — в июне 1792 года в Тульчин, в разгар проходивших там преждевременных увеселений по случаю успеха затеянной смуты.

Срочно им вызванная из Вены в Петербург законная супруга проявила завидную сдержанность и дипломатическую покорность в непростых переговорах с мужем, публичную лояльность в оценках его политических проблем, но согласия на развод не дала. Согласилась только — в связи с намерением графа удалиться в добровольное изгнание — принять на себя по договору управление общей недвижимостью, высылать ежегодно ему 50000 дукатов, обеспечить воспитание детей (число которых до одиннадцати увеличила недавно родившаяся дочь от очередного «друга»).

Чуть позже на эту же тему фактотум Потоцкого беседовал с Юзеком де Виттом, на некоторое время поселившимся с сыном в столице, но коменданта Херсона, уже смирившегося с уходом жены, не устроила сумма отступного. В июле 1793 года, махнув рукой на агонизирующую конфедерацию, её неудачливый лидер отправился морем из Петербурга в Гамбург. Вскоре к нему приехала София с общим, в апреле родившимся первенцем Константином (второй сын Николай появился на свет уже в эмиграции).

Беспечное времяпрепровождение на балтийском побережье сменилось для сожителей тревожной неопределённостью, когда пришло известие о вспыхнувшем в Польше весной 1794 года восстании против её раздела, о казнях в Варшаве активистов конфедерации (в том числе первого биографа Софии — Кароля Боскамп-Лясопольского), наконец, о заочном смертном приговоре Щенскому Потоцкому и его символическом исполнении.

Уязвлённый до глубины души магнат решил навсегда отказаться от родины — обратился к императрице с просьбой признать его российским подданным, принять на военную службу, разрешить поселиться в своих украинских владениях. Получив согласие, он летом 1795 года вернулся в Петербург, откуда, в звании генерал-аншефа русской армии, отправился в Тульчин, где его ждала законная супруга.

Проведя два года в столице в качестве статс-дамы Екатерины II, Юзефина, узнав о возвращении мужа, срочно выехала во временно подпавшее под её опеку родовое имение, чтобы достойно — как совладелица — встретить хозяина. При встрече она вторично отказалась дать мужу развод, но согласилась навсегда покинуть Тульчин и поселиться в Петербурге.

София свою часть проблемы решила успешно. В Львове (тогда Лемберге) ей удалось открыть, на основе австрийского законодательства, бракоразводный процесс, убедить суд в том, что в далёком 1778 году майор из Каменец-Подольского силой взял её в жёны. Адвокат ответчика достойных контраргументов не представил и в феврале 1796 года освободившаяся от брачных пут истица въехала в Умань, где её встретил Потоцкий и малолетние дети.

Проблему раздела имущества и взаиморасчётов София решила при посредничестве бывшего конфедерата Злотницкого, также натурализовавшегося в России, получившего звание генерал-майора. В местечке Ягубец, неподалёку от Умани, разведённые супруги сошлись на полумиллионе золотых компенсации, которую Потоцкий, с учётом интересов их сына Яна, обязался выплатить «отставленному» коменданту; сверх того, София передала сыну подаренное ей Екатериной имение в Белоруссии.

Успешное посредничество Злотницкого побудило Потоцкого просить его, за солидный гонорар, убедить несгибаемую Юзефину согласиться на развод. Примиритель съездил безуспешно в Петербург, по его возвращении граф отказался оплатить отрицательный результат, а возмущившийся соотечественник, в ответ, — рассчитаться за аренду Ягубца, со временем присвоив его. (Кстати, поляки Ягубец называли Обозовкой.)⁵⁸

Жизнь в конкубинате с неразведённым Потоцким, продлившимся ещё два года, делало двусмысленным положение Софии и её детей-бастардов, тем более что законные дети (и наследники!) графа, подрастая, оставляли мать в российской столице и перебирались в поместье родителей в Тульчине.

Вариантом решения проблемы расселения единокровных родственников стала идея приобрести землю в ставшем российским Крыму, обустроить на ней имение, разбить парк (подобный парку «Аркадия», рукотворные красоты которого восхитили Софию во время посещения в 1795 году поместья Елены Радзивилл под Варшавой, по дороге в львовский суд).

Замысел этот реализован не был — перспективу прекрасного парка Щенский увидел на крутых склонах урочища Каменка, усеянных гигантскими валунами, в медленно журчащей на дне долины речушке, остатках древних дубрав. Уже в 1796 году, осевший в Умани капитан польской армии бельгиец Метцель (прежде — командир созданного в 1786 году магнатом артиллерийского полка), приступил к планированию и реализации грандиозного проекта.

Абрис истории. Семья Потоцких, финал

После окончательного раздела Речи Посполитой в 1795 году, уклад жизни на отошедших к России украинских землях, во владениях отвергнутых родины магнатов Браницкого и Потоцкого внешне не изменился. Суд и школа пользовались польским языком как официальным языком края, поветовые чины избирались высшим шляхетством. Считается, что никогда ополячение Правобережной Украины не шло так успешно, как после её присоединения к России.

«С известной точки зрения нам живётся лучше, чем во времена Речи Посполитой; мы в значительной степени сохранили то, что нам дала родина; нам не приходится теперь бояться Уманской резни», — так оценивал это время Каэтан Козьмян.

Центром владений Потоцкого по-прежнему оставался Тульчин, с его роскошным дворцом. Идея выстроить второй дворец в заложенном в Умани парке осталась только в замысле. Уманщина давала магнату основную часть доходов, известно, что в 1792 году они составили более трёх миллионов злотых. Почти половину денежных поступлений обеспечивала торговля спиртным, затем — поступления от сбора оброков, продажа продукции магнатских латифундий, в том числе фуражирские поставки русской армии, экспортная торговля через черноморские порты.

Питейный промысел был поставлен на поток — для большей его эффективности Потоцкий ввёл специальное административное объединение девяти — тринадцати сёл в так называемые «схеды», которые централизованно обеспечивались водкой, вишнёвкой, пивом с последующим их распределением по сельским «корчмам». В Умани находились самые крупные винокурня и

пивоварня (так, в октябре 1790 года продажа пива в личной уманской корчме Потоцкого дала более трёх тысяч злотых прибыли).

После печальной памяти «Уманской резни» 1768 года, город долгое время был малонаселённым, на что указывает краевед Лаврентий Похилевич: «После колишвицины Умань много упал. Число домов и жителей в нём значительно уменьшилось. В 1797 году, когда он наименован уездным городом, в нём было: мужеска пола купцов христиан 6 и евреев 57, а мещан: христиан 130 и евреев 1324». К справке историка можно добавить, что в городе в эти годы располагался конезавод на 345 лошадей, а переработку зерновых культур обеспечивали 120 мельниц Уманщины⁵⁹.

Осенью 1796 года под руководством Метцеля и нанятого садовника, немца Оливы, началось обустройство уманского парка: взрывными работами углубляли гранитное дно Нижнего пруда, каменотёсы выбивали в естественных скалах гроты Львиный, Локетек, Дианы; велась посадки многочисленных местных и экзотических пород деревьев и кустарников. На строительных работах ежедневно трудилось около восьми сотен человек из имений Потоцкого; труд их, кстати, оплачивался.

В 1797 году в создаваемом парке были похоронены дети Софии и Щенского — Константин, Николай, новорождённая Елена, умершие почти одновременно, возможно, от какого-то эпидемического заболевания. Место их захоронения, у надломленной Колонны печали, прикрыто гранитным камнем, напоминающим спящего льва, чуть ниже журчат три маленьких водопада («Три слезы») — символ неутешного материнского горя.

Трудно определить, когда и при каких обстоятельствах устроился взаимовыгодный альянс Софии и Ежи (Юрия) Потоцкого, жившего с матерью, Юзефиной Амалией Потоцкой, в Петербурге, начавшего с помощью отца, карьеру при дворе перспективным чиновником камер-юнкера. К концу 1797 года симбиоз этот, кажется, уже имел предысторию, что подтверждает содержание письма, поступившего в это время в Тульчин. В нём старший сын графа, обременённый карточными долгами (они временами превышали миллион злотых!), просит будущую мачеху защитить его от гнева отца и — самое важное! — радуется её известием о том, что ему удалось уговорить мать дать согласие на развод.

Дело скоро сладилось. Вслед за подписанием соглашения о передаче Юзефине — как материальной компенсации — Дашевского имения («ключа»), консисторский суд в Каменец-Подольском, в начале весны 1798 года вынес решение о прекращении брачных отношений, продлившихся двадцать три года и перемежавшихся «плодотворными» адюльтерами.

В апреле того же года исполненный католическим ксёндзом и православным священником в Тульчинском костёле обряд венчания превратил Софию

Главани в графиню Софию Константиновну Потоцкую, а родившемуся в конце года сыну Александру дал права законного наследника (как и вскоре родившимся дочерям — Софии и Ольге).

Юзефина Амалия недолго прожила после триумфа соперницы и скончалась через несколько месяцев после неудачно исполненной операции аборта (это под пятьдесят-то лет!). В том же году в Петербурге почил в бозе последний польский король, Станислав Август Понятовский, живший в российской столице с 1796 года, после смерти Екатерины II.⁵⁸

Смерть матери, минимально удерживавшей сына от загулов, дала Ежи Потоцкому безграничную волю. После очередного карточного скандала, его, по приказу императора Павла I, военный конвой перевёз из Петербурга в Тульчин, под надзор отца. Тот принял блудного сына, оплатил «долги чести», подарил ему имение в Могилёве (над Днестром) и городок Немиров, выкупленный у кузена Викентия Потоцкого.

В 1799 и 1800 годах супруги Потоцкие путешествовали по Европе, посетили Италию, под солнечным небом которой их ограбила банда известного венецианского разбойника Караколли. Родившийся в 1800 году сын Мечислав был зачат во время этого путешествия.

К маю 1802 года завершилось строительство центральной части уманского парка, и в день именин Софии, в присутствии множества гостей состоялось — как подарок — его торжественное открытие: с хороводом одетых нянями девушек, прославлявших хозяйку, хозяина и чудотворца Метцеля, с грандиозным фейерверком. В том же году в Умани начал действовать возведённый издержками графа Потоцкого, костёл.

Сложно определить причину (если она была), толкнувшую Софию на особо циничную, по сути, измену мужу (человеку, обожавшему её, давшему ей высокое общественное и имущественное положение, навеки прославившему её подаренным парком) с его сыном, бездумным развратником, прошедшим «огонь и воду» в петербургском «квартале радости», что у Казанского собора.

Возможно, тайна кроется в так называемых «дьявольских конфетах», предназначавшихся для усиления мужской потенции, которыми злоупотреблял её муж и которые, как полагали медики, стали причиной рокового нагноения в почках. Возможно, прагматичная София, предвидя скорые проблемы раздела имущества, накрепко привязывала к себе (не исключая, как говорили, и варианта замужества) первого по значимости наследника.

Известны последствия. Открывшаяся в 1804 году неверность жены стала для мягкого и уступчивого Станислава Щенсного непоправимым ударом, физически и психически сломившим его, приведшим ранним мартом 1805 года к кончине, в возрасте пятидесяти двух лет. Вскоре после его погребения, София родила последнего своего ребёнка, сына Болеслава, отцом которого современники признавали Ежи Потоцкого.

Смерть мужа поставила Софию в катастрофическое положение. По действовавшим законам гражданского права (так называемого Литовского статута), она не могла претендовать на наследование недвижимости покойного,

имела право, как опекун общих детей, лишь на некоторую часть движимого имущества.

До окончательного урегулирования возникших внутрисемейных проблем, в управление отцовскими имениями вступил Ежи Потоцкий, использовавший «выпавшую карту» в полном соответствии со своими порочными наклонностями.

Главной боли Потоцкой добавила Каролина де Витт, подавшая в 1805 году иск в Винницкий суд о признании незаконности её брака как заключённого тогда, когда София и Юзек де Витт ещё не были формально разведены. Попытка молодой женщины избавиться от ненавистного супруга приёмами шантажа обошлась Софии в сто тысяч рублей.

Дети покойного мужа от предыдущего брака — в первую очередь Станислав, Ярослав, Владзимедж (Владимир) — солидарно выступили против мачехи, добиваясь в Петербурге принятия окончательного решения о лишении её прав наследования. В ответ энергичная и целеустремлённая София в декабре 1805 года, вместе с детьми, отправилась в столицу, добиваться специального императорского указа на равные с другими наследниками права в оспариваемом имуществе.

В январе 1806 года, в доме Строгановых, она познакомилась с Николаем Николаевичем Новосильцевым — сенатором, президентом Петербургской академии наук, ближайшим сподвижником Александра II Новосильцев стал не только покорным почитателем графини Потоцкой, но и защитником её интересов в Сенате, рассматривавшем спор наследников, а также перед царём:

«А propos, император передал мне через Четвертинскую, что Станислав написал ему много глупостей и что он получит от него тот ответ, который заслуживает. Я рада, что император поручил ей передать это мне, значит он не догадывается о нашей связи.

...Думай обо мне хоть немножко во время нашей разлуки»⁵⁸.

Помимо интимной открытости, всё ещё пылкая 46-летняя София, была полезна 44-летнему любовнику в преодолении его денежных затруднений — «...прошу тебя, заклинаю, не откажи мне в милости принять шесть тысяч дукатов на дорожные расходы...».

В дни, когда по державным делам Николай Николаевич покидал Петербург, зрелой красотой Потоцкой восхищался и наслаждался британский посол, лорд Александр Гамильтон Дуглас — законный наследник шотландского престола, ценитель и коллекционер изящного.

Осенью 1807 года в Петербурге София Потоцкая подписала соглашение с Ежи Потоцким, по которому она выкупала у него разорённые и отягощённые долгами имения, гарантировала ему пожизненный доход в пятнадцать тысяч дукатов, становилась владелицей всех его имущественных прав

и долгов. В конце года вернулась на Украину уже как управительница неразделённого имущества.

Она уверенно прибрала к рукам управление имуществом Потоцких, проявляя хозяйскую хватку и распорядительность; в январе 1808 года (и далее — ежегодно) побывала на контрактах в Киеве. Оттуда пригласила Новосильцева посетить Тульчин, «Софиевку», без стеснения сообщила, что у неё долго гостил английский посол.

Летом София встретилась с сенатором в Одессе, где в компании с градоначальником герцогом («дюком») де Ришелье любовная пара осмотрела новый город, а затем переехала в Умань — любоваться «Софиевкой».

В мае того же года заболевший Ежи Потоцкий отправился на лечение во Францию. В «письмах издалёка» он уверял Софию в горячей любви, просил новых и новых денежных переводов на погашение карточных долгов. Ответные письма наполнены деталями хозяйственных проблем (в одном из них София писала о намерении продать Умань) и лаской — то ли любовной, то ли материнской. В октябре 1809 года, на курорте в Пиринях, 39-летний Ежи Потоцкий умер, оставив после себя денежные обязательства и завещание.

Незадолго до его смерти, Сенат вынес решение о разделе имущества магната: под управлением Софии, как опекуна, остались Умань (отошла к сыну Александру), Тульчин (достался Мечиславу), назначенные дочерям денежные средства. Духовная Ежи добавила новой силы единоутробным Потоцким в борьбе с мачехой за передел семейного имущества — теперь с учётом долей в наследстве брата. Спор этот, то вспыхивая, то затухая, стал неотъемлемой частью отношений внутри богатейшего польского клана и для Софии завершился только с её смертью.

Весной 1811 года страшный пожар выжег Тульчин, захватил Немиров. В ликвидации его последствий София проявила большую энергию и доброту: лично контролировала новую застройку, обеспечивала поставки строительных материалов, распределяла продукты питания, помогала деньгами; селяне стали именовать её матушкой.

Практически нет информации о жизни Софии в период между 1811 и 1820 годами. Известно, что во время французской интервенции она находилась в столице, что после поражения Наполеона члены правительства им учреждённого Варшавского герцогства пытались через неё наладить связи с официальным Петербургом.

Известно также, что в июле 1817 года свой первый визит во дворец Потоцких нанёс Павел Дмитриевич Киселёв, начальник штаба второй армии, дислоцированной неподалёку от Тульчина. Вскоре молодой генерал посватался к старшей дочери хозяйки — Софии; после материнского согласия, последовала помолвка, однако венчание отодвинулось на несколько лет.

В 1820 году в Тульчине разгорелся грандиозный скандал, фактически расколовший семью, вынудивший Софию вместе с дочкой Ольгой навсегда оставить город — трагедия шекспировской глубины и размаха, сюжетом близкая к сюжету «Короля Лира».

Мечислав, посчитав, что настало время взять в свои руки управление отошедшей к нему недвижимостью, поднял бунт против вдовствующей матери и изгнал её с домочадцами из Тульчинского имения.

Возмущённая София распространила манифест, в котором сообщила, что отцом неуравновешенного сына является главарь бандитов, изнасиловавший её во время итальянского путешествия, что он, по этой причине, не может являться наследником.

Сын в контрманифесте объявил мать известной всей Европе блудницей и указал, что ему, как сыну, отец отделил долю в имуществе. София сгоряча пожаловалась Александру I, тот было вознамерился сослать скандалиста в Тобольск, но противостоящие стороны вовремя погасили конфликт.

После семейного переворота, София некоторое время прожила в Немирове, у сына Болеслава, затем перебралась в Умань, откуда — уже больная — вместе с дочкой Ольгой отправилась в Петербург, на очередной тур имущественных споров с пасынками, добиваться спасительного банковского кредита.

В столице состояние Софии ухудшилось, что побудило её составить завещание, в котором, прежде всего, учла интересы сына Александра, служившего штаб-ротмистром конного полка и дочерей; исполнителем своей последней воли назначила петербургского губернатора Милорадовича.

В мае 1822 года Потоцкая, вконец измученная болями, решила, как ей давно советовали, сменить климат и выехала на юг Европы. Доехала она только до Берлина, где окончательно слегла и отдала Богу душу 24 ноября 1822 года.

Газета Варшавская» писала в 1895 году: «Ещё недавно в Умани жил некий Гурский, шляхтич, девяностолетний нищенствующий старик; он был свидетелем торжественных похорон графини и рассказывал, что на протяжении десяти вёрст вдоль дороги, по которой двигалась процессия, были расставлены бочки с горящей смолой; ночью за гробом шли пятьдесят священников...»⁵⁸

Тело Софии Потоцкой положили в подземелье церкви, выстроенной около парка «Софиевка», где оно покоилось до 1838 года, когда её дочь, Ольга Нарышкина (с 1824 года жена генерала Льва Александровича Нарышкина), унаследовавшая после матери местечко Тальное, перенесла прах матери в крипту местной Троицкой церкви. В 1846 году храм перестроили из камня; после 1917 года, как это было принято в послереволюционной стране, он был переоборудован под хозяйские цели, но гробниц в подземелье этого строения никто не трогал.

«Там и до настоящего времени покоится прах той, которую во второй половине XVIII столетия пять крупнейших королевских дворов Европы признали самой красивой женщиной эпохи Просвещения», — так утверждает Ежи Лоек, автор изданной в 1982 году книги «София Потоцкая. История прекрасной битинки».

Абрис истории. Счастливый парк

Парк «Софиевка», появившийся на свет как галантный подарок женщине выдающихся достоинств, с первых дней существования имеет счастливую судьбу: обласкан мастерами слова, удостоен вниманием известных личностей, всегда — независимо от состояния общественных отношений и государственного устройства — красив и ухожен.

Таким — элегантным, изысканным — он начал свою жизнь при хозяевах-строителях; получил бурное развитие под управлением российского военного ведомства; прибавил ботанического разнообразия как опытная база учебного заведения; обрёл возможность совершенствоваться в статусе — ныне продолжающемся — государственного заповедника.

Парк при Потоцких

Первоначальный замысел Станислава Щенсного Потоцкого создать не только самый красивый, но и самый большой парк Европы был реализован лишь в первой части: на ограниченном пространстве долины реки Каменки, примыкающих склонов, участков леса появилось драгоценное творение пейзажных ювелиров, о котором сразу заговорили.

Первый путеводитель «Софиевка, топографическое описание стихами», составил патриарх польской поэзии Станислав Трембецкий, по приглашению Потоцких поселившийся в Тульчине, после торжественного открытия парка в 1802 году, на котором он присутствовал. Перевод этого поэтического панегирика на французский язык выполнил граф Огюст де Лагард де Шамбона, задержавшийся в Тульчине летом 1811 года, во время путешествия по югу России. Молодого и пылкого писателя на литературный труд подвинули не только прелести парка, но и не иссякающая — к пятидесяти годам — чувственная притягательность его хозяйки.

Роскошное, иллюстрированное гравюрами шотландского художника Вильяма Аллана издание было представлено в 1815 году участникам Венского конгресса, на котором решалась судьба Европы после эпохи Наполеона, в том числе в очередной раз перекраивались польские земли. Первыми подписчиками книги стали российский император и его супруга, другие европейские монархи и представители политической элиты. Рекламная акция континентального уровня удалась — Европа узнала об одном из лучших своих парков.

Оценить точность подачи материала в литературном произведении Александр I смог в 1820 году, во время однодневного, по дороге в Елисаветград, посещения Умани. К его приезду, на берегу Нижнего пруда (там, где ныне находится павильон Флоры), был сооружён временный, обитый снаружи корой, деревянный павильон. Об этом, в изданном в 1824 году «Описании», свидетельствует Сильвестр Гроза, учившийся с 1806 по 1812 год в василианском училище, живший впоследствии неподалёку от Умани.

Парк «Софиевка» , 1963 год. Тогда эта часть парка называлась «Терраса роз» (ныне розы не выращиваются). В доме между оранжереями, в квартире с балконом (и два окна справа от него) жила наша семья. Летом я подвешивал к балкону канат, позволявший мне, минуя отцовский надзор, убежать рассветами на рыбалку. Кстати, после открытия парка дом почти столетия служил парадным входом в «Софиевку»

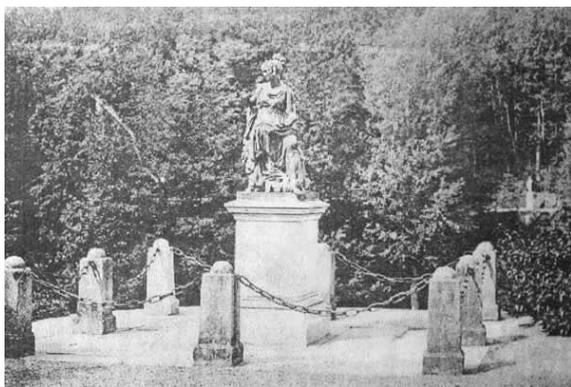
Парк «Софиевка», 1963 год. Площадка «Бельведер». Название это пошло то ли от французского слова «бельведер» (то есть место откуда можно наблюдать красивый вид), то ли потому, что на этой площадке после открытия парка долгое время стояла статуя Аполлона Бельведерского.

Как свидетельствует директор парка Д.С.Кривулько (1952 — 1967 гг.), после войны от многих статуй остались лишь отдельные мраморные обломки. В 1952 году они были собраны и переданы Киевским экспериментально-производственным реставрационным мастерским. Там часть скульптур была реставрирована: Еврипид, Аполлон Флорентийский, а также Орфей, которого определили как статуя Аполлона с лирой (она — на снимке). Статую Аполлона Бельведерского также реставрировали, сделали из неё копию из оргстекла, но ни оригинал, ни копия в парк не попали.

До 1847 года на площадке Бельведер стояла деревянная беседка, но после визита в Умань (1847 г.) Николая I её заменили ажурной металлической решёткой, сохранившейся до наших дней.

Парк «Софиевка», 1963 год. Большую глыбу, выступающую из воды, вот уже более века называют Камнем смерти. Такое наименование стало следствием легенды о сотнях крепостных, погибших при падении устанавливаемой скалы. Хотя по замыслу Людвиг Метцеля эта глыба была установлена в пруду как символ острова Лесбос, на котором жила древнегреческая поэтесса Сафо. С её романтической гибелью связано наименование скального массива, что слева от Камня Смерти — Левкадская скала. Нижняя часть этой скалы напоминает профиль человеческого лица (то ли Метцеля, то ли Потоцкого). На вершине скалы вырублена площадка Бельведер

Расположенный чуть выше Левкадской скалы участок называется Кавказской горкой. При основании парка здесь на гранитном постаменте стояла статуя Амура. Её, при Александре Потоцком, перенесли в другое место, установив взамен беломраморную статую Тадеуша Костюшко, которую в 1847 году по распоряжению Николая I сняли и отправили в Гомель. В 1850 году на мраморном пьедестале была установлена статуя (она — на дореволюционном снимке), изображавшая в бронзе сидящую в кресле царицу Александру Фёдоровну (скульптор В.О.Шервуд). После революции изваяние царицы было переправлено в Эрмитаж. В 1939 году на Кавказской горке установили памятник Ленину, который был разрушен фашистами в начале войны. В 1964 году пустовавший постамент занял мраморный бюст Тараса Шевченко (постамент по своим размерам оказался неподходящим для бюста, и в 1965 году был изготовлен новый гранитный пьедестал, но бюст Шевченко тогда так и не установили).

Парк «Софиевка», 1963 год. Аллея вдоль Первого пруда. В 1800 году на этой аллее, в месте её крутого изгиба, на высоком пьедестале была установлена (найденная при раскопках в Херсонесе) статуя, изображающая стоящего в полный рост мужчину, со свитком в левой руке. На первых порах считали, что это — византийский полководец Велисарий и лишь в 1895 году было доказано, что статуя представляет древнегреческого драматурга Еврипида.

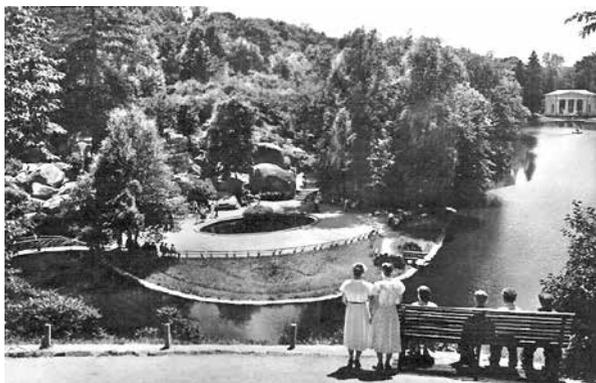
В наши нежные с братом лета мы более всего боялись семейных прогулок мимо этой громадной (под два с половиной метра!) статуи, ибо хмурое чело «дедушки Еврипида», как пояснял отец, свидетельствовало о его недовольстве нашим поведением.

Парк «Софиевка», 1963 год. Большой водопад — во всей своей красе и силе. Бегать по скалам под грохот падающей воды — было нашей любимой мальчишеской забавой.

Парк «Софиевка», 1963 год. Семиструйный фонтан.

Парк «Софиевка», 1963 год. Классическая панорама парка, его «золотой стандарт». Вдали — фонтан «Змея» и павильон Флоры, слева — Площадь собраний. Последнее название появилось, видимо, в то время, когда Софиевка находилась в ведении Управления военных поселений. Тогда, в тёплые погожие дни здесь играл духовой оркестр, и городская знать приходила сюда послушать музыку, потанцевать.

В центре площади находится бассейн Рыбки, посредине которого возвышается огромная гранитная ваза, летом украшаемая цветами. За бассейном — статуя Париса.

Парк «Софиевка», 1963 год. Амстердамский шлюз. Через него вода из Второго пруда, по подземной речке Стикс (длиной 209 метров) течёт в Мёртвое озеро и далее, по трубам — к Семиструйному фонтану, по каскадному каналу — к Большому водопаду.

Главный вход (со стороны центра города)

В 1827 году владения Потоцких осматривал восемнадцатилетний Юлиуш Словацкий. Декоративные достоинства дворца в Тульчине вызвали у будущего классика польской поэзии мрачные размышления: «...над ним тяготеет проклятие за измену отчизне, — и невольно вспоминаешь слова народной песни, проклинавшей Потоцкого...». В Умани жёлчность суждений сменил восторг — «Софиевка» очаровала поэта:

Иль — за серебряною пеленою
Ливня — как изображение Фетиды,
Той, что всегда оставаясь сухою,
Вечно в Зофьювке стоит под водою.

Владелец Уманского имения Александр Потоцкий, полковник русской армии, успевший послужить на Кавказе, в 1825 году вышел в отставку; далее большей частью жил за границей, в Умани бывал редко (хотя парк при отсутствующем хозяине поддерживался в идеальном состоянии). Александра угнетало презрение польской шляхты, видевшей в нём, прежде всего, сына изменника. Свои патриотические чувства молодой граф реализовал установкой беломраморных скульптур героям освободительной борьбы — Тадеушу Костюшко (на Кавказской горке), наполеоновскому генералу Иосифу Понятовскому (на Елисейских полях).

Его сестра, София Киселёва, чей брак с царским любимцем распался после смерти в 1824 году их младенца-сына, была настроена более радикально; она решительно поддержала «словом и делом» освободительное восстание, вспыхнувшее в Варшаве в ноябре 1830 года. По её настоянию Александр Потоцкий в 1831 году, уже «под занавес» вооружённого выступления прибыл в Польшу, где сформировал на свои деньги полк, которому, однако, не довелось сделать ни единого выстрела.

После подавления восстания, указом от 22 марта 1831 года Николай I объявил о конфискации имений «мятежников» в Западном крае; согласно последовавшему распоряжению министра финансов, имение Александра Потоцкого подлежало секвестру, то есть до особого распоряжения прекращалось право хозяина пользоваться своими владениями. Генерал Иван Осипович Витт уговаривал молочного брата воспользоваться объявленной царём амнистией покорившимся повстанцам и вернуться на родину, но тот предпочёл эмигрировать в Вену.

Лишь в октябре 1832 года император повелел считать имение графа Александра Потоцкого конфискованными, после чего оно перешло в ведение Киевской казённой палаты, которая назначила своего нового управляющего — капитана Маркевича.

Парк при военном управлении

Подчинение казённому ведомству оказалось временным, затянувшимся на четыре года. Чиновники долго не могли составить смету парковых расхо-

дов, поэтому для поддержания «Софиевки» *«в прежнем изящном виде»* Николай I указал выделять ежегодно до двух тысяч рублей серебром из доходов уманского имения, достаточное количество работников.

За эти годы государственный управляющий решил проблему стабильного и качественного водоснабжения города: весной 1834 года был срезан косяк и проложена грунтовая дорога к парку; воду набирали из специальной будки, расположенной у Главной аллеи (она существует, в обновлённом виде, и ныне).

В апреле 1836 года, очередным указом Николай I повелел все конфискованные имения в Киевской и Подольской губерниях передать военному министру; тот приказом подчинил их генералу Витту, определил Одессу местом расположения созданного управления.

В Умани военное ведомство создало Главную хозяйственную контору имений пяти округов, председателем которой был утверждён генерал-майор Фохт. В июне 1836 года уманское имение (в том числе «Софиевка») «под квитанцию» было принято доверенным лицом генерала — ротмистром Островерховым.

Во время официальных процедур переподчинения, в составленной штабс-капитаном Шлихтером смете расходов и проектных планах впервые появилось новое наименование парка — «Царицын сад». Скорее всего, новым именем граф де Витт, в ущерб памяти о матери, «изъявлял неизменную готовность к услугам вашим покорнейшего слуги вашего» царствующей чете; теперь оно стало официальным наименованием парка в делах военного министерства.

Военное управление дало Умани порядок и целенаправленное развитие; с этой точки зрения, это был лучший период в истории города девятнадцатого века.

Лаврентий Похилевич писал: *«С этого времени город постепенно устраивался по принятому плану. В 1845 году утверждён герб для него, изображающий в верхней половине щита на золотом поле государственный герб, а с нижней разделённый на две части, в одной козака с пикой, а в другой: пику, косу и серп под уланскую шапку».*

На содержание «Царицына сада» военное ведомство выделило твёрдо установленную сумму — более пяти тысяч рублей в год, что позволило, в первую очередь, укомплектовать постоянный штат парка: главный садовод с окладом 800 рублей в год, его старший и младший помощники, смотритель парка (администратор — он назначался из офицерского состава), мастеровые, постоянная прислуга. Кроме основных работников, весной и осенью из уманского имения, на месяц, выделялись работники с подводами на уборку и благоустройство парка. В открытой в селе Бабанка кантональной школе для юношей двадцать учащихся специализировались на садоводстве — они регулярно выходили в парк на практические занятия, помогали ухаживать за ним.

За четыре года в парке были выполнены сложные работы по ремонту гидротехнической системы, оранжерей, высадке деревьев; были устроены террасы Муз и Бельвью; смонтированы ворота к большому шлюзу; вымощено шоссе от Нижнего пруда до въездных ворот; устроен шлюз на Нижнем пруду.

В 1841 году, сверх сметы, на благоустройство парка были выделены дополнительные средства; они позволили выстроить, на манер китайской, беседку; выложить камнем плотину у Второго пруда, со шлюзом в ней для спуска воды; поставить ворота при въезде в парк со стороны Грекова леса; обгородить Зверинец; выстроить перед оранжереей террасу из дикого камня, проложить по ней гранитные ступени; устроить, при въезде в парк со стороны города, водолечебницу.

В эти годы родился синоним названию парка — «Чудо Украины»; его использовал Темери в своём «Путеводителе по Софиевке», изданном в 1846 году.

В сентябре 1847 года «Софиевку» посетил Николай I (до этого он дважды бывал в парке — в 1828 и 1830 годах). Он дал указание снести готические ворота у въезда в сад из города, разобрать павильон на острове Второго пруда и построить вместо него новый, в византийском стиле; повелел также снять и отправить князю Паскевичу в Гомель статуи Костюшко и Понятовского.

Распоряжения царя выполнили. В 1850 году на Кавказской горке была установлена статуя работы Шервуда, изображавшая сидящую в кресле императрицу Александру Фёдоровну. В 1852 году по проекту архитектора Штакенштейдера, были сооружены новые входные башни в парк, павильон на острове Анти-Цирцеи («Острове Любви»).

«Царицын сад» в эти годы служил местом прогулок городской знати; летними вечерами он иллюминировался, играл военный духовой оркестр, гуляния заканчивались поздними вечерами.

В 1852 году каменный Николаевский собор, построенный в 1810 году на месте древней Николаевской церкви, на торговой площади, был достроен боковыми приделами. При соборной церкви, в небольшом каменном домике, помещалось Уманское духовное правление; его президентом являлся настоятель собора, он же был и смотрителем духовного уездно-приходского училища, основанного в 1818 году.

В этом же году в Умань были переселены жители села Полянецкого, занятое ими предместье получило такое же название; новопоселенцы перенесли в город свою Рождество-Богородичскую церковь.

В 1853 году для училища был выстроен каменный дом — напротив деревянного Михайловского собора, что на Заречье. В 1857 году военно-поселенческим начальством была выстроена каменная Свято-Троицкая церковь, с колокольней.

Военное управление городом и парком, давшее им количественный и качественный рост, закончилось в 1859 году: после указа Александра II от 30 марта о передаче парка, в качестве учебной базы, Главному училищу садоводства, располагавшемуся в Одессе.

Парк при Главном училище садоводства

В начале сентября 1859 года училище переехало в Умань; «Царицын Сад» получил официальное название «Уманский сад Главного училища садовод-

ства», для него было утверждено отдельное штатное расписание. 24 сентября в Умань прибыл Александр II; посетив сад Главного училища, он остался совершенно доволен увиденным и вечером того же дня покинул город.

Оценку состояния городской жизни на 1863 год даёт Лаврентий Похилевич: *«В настоящее время с закрытием военных поселений, Умань нисходит на степень обыкновенного уездного города. В городе с предместьями, кроме Полянецкого, ныне считается домов до 25 каменных и более 1000 деревянных. Жителей обоего пола: православных 4503, римских католиков 772, лютеран 10, раскольников 10, евреев 6684. Сверх того в городе постоянно квартирует до 100 военных. Торговые обороты Умани довольно значительны, хотя годовых ярмарок не бывает. Товары закупаются в Киеве, Бердичеве и Одессе, куда капиталисты отправляют значительные партии пшеницы и других продуктов, скупаемых в окрестных имениях. Лавок в городе более 200, из коих половина каменные. Есть заводы: кожевенный, два свечных, табачная фабрика, две аптеки, два трактира и столько же гостиниц, 154 питейных домов, продающих до 12000 вёдер хлебного вина. Военный госпиталь, в котором пользуются также больные не военного звания, находится в трёхэтажном каменном здании, упразднённого в 1832 году базилянского монастыря. В нём также провиантские магазины. Кроме военно-градской полиции, помещающейся в одном доме с городской ратушей или думою и уездных присутственных мест, в городе находятся почти всегда несколько штабов или управлений воинских частей. Годовой доход города простирается до 5000 рублей».*

Главное училище садоводства, несмотря на скудость средств, поддерживало свою учебную базу в надлежащем состоянии до 1868 года, когда оно было реорганизовано в «училище земледелия и садоводства». К этому времени потребность в специалистах по декоративному садоводству резко уменьшилось, а с изменением, после 1878 года, учебной программы «Софиевка» для училища превратилась в обузу. Упадок парка усилили ряд очень холодных зим, наводнение 1870 года.

Заметный след в истории «Софиевки» этого периода оставил выпускник Петербургского университета Василий Васильевич Пашкевич, преподававший в училище и заведовавший парком с 1885 по 1892 года. Под его руководством в «Софиевке» был заложен арборетум, известный в дальнейшем как Английский парк, где было собрано великое множество диковинных деревьев и кустарников.

Парк «Софиевка» ощутил на себе потрясения начала двадцатого века; в парке проходили нелегальные митинги с распространением листовок; в 1910 году «садоводы» казнили в Зверинце провокатора из своей среды.

После большевистской революции 1917 года, Уманское училище продолжало работать как среднее сельскохозяйственное заведение, а в 1921 году оно было преобразовано в Уманскую высшую сельскохозяйственную школу-техникум. В эти годы техникуму средства на содержание «Сада имени III Интернационала» (так «Софиевка» именовалась с 1923 года) не выделялись. В примерном состоянии его, на общественных началах, поддерживали студенты и преподаватели, оберегая также от частых порубок (в сентябре 1924 года на Дубинке, во время дежурства в парке погиб студент Дмитрий Шевченко).

Запущенность парка потребовала кардинальных решений и постановлением Совнаркома УССР в 1929 году парк «Софиевка» был объявлен заповедником.

Парк как заповедник

К сожалению, смена подчинённости парку долгое время ничего не давала. Последовала бюрократическая перепасовка — управление по строительству Домов отдыха, Наркомпрос, Наркомзем, Киевский областной комитет по делам искусств, снова Наркомзем, где он числился до 1941 года.

Война нанесла «Софиевке» страшный урон — были разрушены архитектурные и гидротехнические сооружения, погибла коллекция растений. После освобождения Умани весной 1944 года, дендрозаповедник возобновил работу; в 1945 году он был передан в управление по делам архитектуры Совета народных комиссаров УССР и получил официальное название «Уманский государственный заповедник «Софиевка»»; в 1955 году парк переведён в ведение Академии наук УССР, в подчинение её Ботаническому саду.

Большую беду пережил парк весной 1980 года. В одну из ночей начала апреля не спущенные заблаговременно мощные водные накопления в верхних — питающих парковые водоёмы — припарковых прудах взломали покрывавший их толстый ледовый панцирь, после чего стремительный селевой поток пронёсся по ещё не растаявшей водной артерии «Софиевки», всё сметая и уничтожая на своём пути. Разрушения были воистину великими,

катастрофическими, казалось, что вернуть парк в исходное состояние — за пределами человеческих возможностей. Но, как говорится, не было счастья, да несчастье помогло. Вновь назначенный директор Софиевского парка Иван Семёнович Косенко, что называется, засучив рукава, так организовал реставрационные работы, что уже к началу лета парк (за исключением нескольких объектов восстановления) демонстрировал посетителям свои прежние красоты. Такому темпу и качеству восстановительных работ способствовали и солидные средства, выделенные на них республиканской Академией Наук, и материально-техническая помощь городских организаций, и самоотверженный труд сотрудников парка, безвозмездная трудовая помощь сотен горожан.

Дальше — больше. После более чем десяти лет успешной и плодотворной научно-культурной жизнедеятельности парка последовал мощный, принципиальной значимости качественный скачок в его развитии. В начале девяностых годов дирекция парка, взяв в генеральные союзники Президиум Академии Наук Украины, организовала от имени последнего обращение к руководству страны по вопросу подготовки к празднованию в 1996 году двух-

сотлетия со дня учреждения парка «Софиевка». В итоге — в начале весны 1993 года глава государства издал указ, определявший характер и порядок отмечания юбилейной даты и требующееся для этого финансовое обеспечение, а последовавшее по этому поводу решение правительства конкретизировало его размер, а также виды и объёмы требуемых работ.

Все выделенные средства были использованы по самому прямому их назначению и с максимальной эффективностью, что дало парку существенный земельный прирост и прекрасное (рукотворное!) ландшафтное заполнение вновь освоенных его территорий.

Были, в первую очередь, облагорожены центральный парковый вход и к нему примыкающие припарковые земли, была построена новая насосная станция взамен малопривлекательной и низкоэффективной старой. Из архивов были подняты планы за 1855 и 1896 года тогда намечавшегося обустройства нижней части Грековой балки, и на их основе в лучших традициях садово-паркового искусства эта прежде неухоженная, запущенная территория была кардинально преобразована — засверкала и заиграла свежей парковой прелестью. Теперь на новом парковом пространстве устроены три небольших водоёма, открыты глазам посетителей прадавние магматические граниты, проложена удобная сеть широких дорожек и аллей, обильно высажены новые для парка «Софиевка» декоративные формы деревьев и кустарников, удалена портившая парковые виды сорная древесная поросль. Со стороны улицы Киевской — в качестве новой зоны туристического обслуживания и его начала — был выстроен требуемый комплекс зданий и соответствующим образом обустроена прилегающая к ним территория. И ещё — по всему периметру парка была очень кстати возведена сеточная ограда, нисколько не умалившая его привлекательности, но также подчеркнувшая незыблемость его основы — итогового земельного владения.

Уже немало воды утекло с той поры, но выработавшийся стиль развития парка утвердился и стал основой всех парковых реконструкций. Его главенствующий принцип — не навредить, сохранить строй и гармонию во взаимосвязи природы и парковых ансамблей, в духе умной старины восстановить и деликатно улучшить подзабытые, а то и утерянные парковые шедевры. Именно по такому правилу был найден и реконструирован некогда засыпанный строителями грот (что на аллее над вторым парковым прудом); именно этим принципом руководствуются директорат и ведущие специалисты парка, открывая человеческому глазу над этим прудом возвышающиеся скальные нагромождения, прежде укрытые за стихийной растительностью; так строится весь творческий процесс по восстановлению и развитию исторического ядра парка «Софиевка».

И самое главное. За истекшие три с половиной десятка лет выработались свой умный стиль, своя школа в «общении» с изумительным произведени-

ем садово-паркового искусства непосредственно причастных к этому делу специалистов и, уверен твёрдо, останутся они незыблемыми на много-много лет, если не навсегда.

Живи и дальше расцветай, моя любимая «Софиевка!

Вместо послесловия

Нарочито неспешным ходом мысли и карандаша по бумаге пишу эти строки, оттягивая неизбежный момент завершения прекрасного действия сочинительства и подготовки к переизданию моей книги, новыми текстами и фотоиллюстрациями дополненной. *Миг ещё — и нет волшебной сказки, и душа опять полна возможным*»¹⁹⁹.

Пять лет творческой работы, изнурительной и непростой, минули для меня как один день. Писал не техникой — душой. Писал до рассвета и после заката, в выходные дни и в свободные от деловых забот минуты. Писал до полного физического изнеможения, до невероятной мозговой усталости, выкристаллизовывая, раз за разом, из кипы вымаранной на черновики бумаги итоговый вариант каждого предложения.

«Нет на свете мук сильнее муки слова...»²⁰⁰ Нервных клеток на искательство словесного лада положил немало, но и авторское самолюбие удовлетворял не раз и в полной мере. Радовался несказанно, когда, подчиняясь своему взыскательному вкусу, находил гармоническое сопряжение сюжетного замысла с формой и стилем его литературного воплощения, когда, полируя красотой и изысканностью божественного русского языка каждую писанную мной фразу, добивался от неё концентрированной ёмкости мысли, приятного слуху ритма и благозвучия.

Слова умеют плакать и смеяться,
Приказывать, молить и заклинать,
И, словно сердце, кровью обливаться,
И равнодушно холодом дышать²⁰¹.

Движение к заданной писательской цели не было равномерно-поступательным, были в нём приливы и отливы, были моменты-часы стремительного вдохновения, когда писалось на лёгком и быстром дыхании, были дни-недели творческого застоя, когда тускнело воображение и не находились нужные слова.

На темп и полнокровие процесса написания книги влияли психофизическое состояние и душевный настрой, его стимулировали уют и покой моего загородного дома, дух и буква в нём находящейся библиотеки. В тиши кабинета, под потолок упакованного книгами, тексты мои получали особую теплоту и искренность. Перебирая чётки лет, выписал в них (точнее — из сердца источил) самые задушевные разделы своих воспоминаний: о милой маме, её чистом и светлом образе; о чуде первой любви к девчонке с синего бархата

глазами; о верном друге студенческой юности, безвременно из жизни ушедшем; о любви запоздалой, в жизни моей просиявшей...

Возраст, поздний старт литературного труда заложили в моё изложение значительную минорность, придали ему эмоциональность в оценках событий, стремительность в проявлении чувств и не раз становились причиной отвлечённых размышлений на общечеловеческие темы.

Случалось, оторвавшись от бумаг, всматривался через окно в переменчивый облик своего сада — то цветущего, то плодоносящего, то опадающего, то замирающего, но во время вешнее возрождающегося — и мудрствовал подолгу о человеческой жизни, лишённой природной цикличности и обновления, о жестокости непознанного и загадочного времени, пресекающего своей быстротечностью земное бытие каждого из нас. Мудрствовал о значимости созидательного интеллектуального труда, утвердившего меня в самоуважении, подарившего мне замечательные для возраста седин ощущения личной независимости, востребованности, активной жизненной позиции, давшего мне возможность оценить своё прошлое и настоящее в философическом духе Канта: *«Единственное средство быть довольным своей судьбой — заполнить её деятельностью. Впрочем, полное удовлетворение невозможно, и в этом тоже есть глубокий смысл»*.

О будущем, о новой книге не говорю — время покажет. А пока — с грустью и сожалением подвожу черту под своим первым опытом литературной работы.

Милая жизнь! Протеканье времён,
медленное угасанье сада.
Вот уж ничем я не обременён.
Сказано слово, дописана сага.²⁰²

Киев, май 2009 года

**Перечень
цитируемых авторов, произведений, источников
(упрощённый)**

1. Толстой А.К. «Ты помнишь ли, Мария...».
2. Цветаева Марина. Бабушке.
3. Надсон С.Я. Мать.
4. Анненский Иннокентий. «Сила господняя с нами...».
5. Анненский Иннокентий. Кошмары.
6. Некрасов Н.А. Саша.
7. Даль Владимир. Толковый словарь великорусского языка, слово «Мать».
8. Блок Александр. Незнакомка.
9. Волошин Максимилиан. Венок сонетов «Corona astralis».
10. Фет Афанасий. «В душе, измученной годами...».
11. Книга Екклезиаста.
12. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1959
13. Блок Александр. Седое утро.
14. Дербенёв Леонид. «Куда уходит детство...».
15. Маркевич Н.А. Обычаи, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860.
16. Похилевич Лаврентий. Сказания о населённых местностях Киевской губернии. Киев, 1864.
17. Русская народная песня «Чайка»
18. Украинская народная песня «Ой дівчина, шумить гай...».
19. Блок Александр. В ресторане.
20. Лермонтов М.Ю. Бородино.
21. Татищев Василий. История Российская, М., 2003
22. Блок Александр. «О доблестях, о подвигах...».
23. Шекспир Уильям. Гамлет.
24. Пушкин А.С. Демон
25. Яворницкий Д.И. История запорожских козаков. Киев, 1990
26. Всемирная история, том IV. М., 1955.
27. Брюсов В.Я. Баллада воспоминаний.
28. Стефанович Николай. «Мы прятались...».
29. Городецкий Сергей. «В лунном свете...».
30. Шевченко Т.Г. Кобзар.
31. Смолій В., Степанков В. Богдан Хмельницький. Київ, 2003.
32. Байрон Джордж. Дон-Жуан.
33. Костомаров Н.И. Руина. М. «Чарли», 1995
34. Ефименко А.Я. История украинского народа. Киев, 1990
35. Руставели Шота. Витязь в тигровой шкуре.
36. Бальмонт Константин. На рубеже.
37. Блок Александр. Стихотворение из цикла «Через двенадцать лет».
38. Корнилов Борис. Одиночество.

39. Костомаров Н.И Мазепа. М.»Чарли», 1995
40. Войтович Валерій. Українська міфологія. Київ, 2002
41. Костомаров Н.И. Старый спор. М. «Чарли», 1995
42. Бальмонт Константин. Ранним утром.
43. Маршак С.Я. В начале жизни.
44. Брюсов В.Я. Из цикла «Элегии».
45. Блок Александр. «Всё это было, было...».
46. Александр Иванов. Пародии.
47. Шекспир Уильям. Антоний и Клеопатра.
48. Фраза Наполеона.
49. Толстой Л.Н. Анна Каренина.
50. Пушкин А.С.. Поэма «Полтава».
51. Мельников П.И. (Андрей Печерский). Княжна Тараканова и принцесса Волдомирская.
52. Сельвинский Игорь. «Запах...Вдыхаю невольно...»
53. Тарасов Евгений. Старый дом.
54. Монтефиоре Саймон. Потёмкин, М.,2003.
55. Державин Г.Р. «Гром победы раздавайся...».
56. Михайлов Олег. Державин, серия ЖЗЛ. М., 1977
57. Анненский Иннокентий. Дети.
58. Лоек Єжи. Історія прекрасної бітинки. Київ, 2005.
59. Маркин В.А. Магнатские поместья Правобережной Украины второй половины XVIII века. КГУ, 1961
60. Пушкин А.С. Борис Годунов.
61. Резник Леонид. «Три счастливых дня...».
62. Бунин И.А. «Ранний, чуть видный рассвет...».
63. Выражение из церковно-славянского текста Библии.
64. Тарковский Арсений. «Свиданий наших каждое мгновенье...»
65. Петефи Шандор. Любимая.
66. Цветаева Марина. Чародей.
67. Грибоедов А.С. Горе от ума.
68. Майков А. Параша.
69. Пушкин А.С. «В начале жизни школу помню я...».
70. Антокольский Павел. Ингерманландия.
71. Бодлер Шарль. Кошка.
72. Пушкин А.С. Евгений Онегин.
73. Софронов С.А. «Это было давно...».
74. Диуров Д. «Пройди по тихим школьным этажам...».
75. Надсон С.Я. «Умерла моя Муза...».
76. Гумилёв Лев. Древняя Русь и Великая Степь. М.,1993.
77. Брюсов В.Я. «В дни отрочества...».
78. Косенко И.С., Храбан Г.Е., Гарбуз В.Ф. Дендрологический парк «Софиевка». Киев, 1990.
79. Шефнер Вадим Старый дом.
80. Гейне Генрих. «Юность кончена...».

81. Низовский А. «Приметы каждой осени просты...».
82. Джилкинсон Р. Город детства.
83. Шекспир Уильям. Сонеты, пер. С. Я. Маршака.
84. Маршак С.Я. «Всё то, чего коснётся человек...».
85. Окуджава Булат. «Ночь белая».
86. Высоцкий Владимир. «Ой, что было вчера...».
87. Бальмонт Константин. «Я — изысканность русской медлительной речи...».
88. Некрасов Н.А. Современники.
89. Альтовская Нина. Минутка.
90. Борисова Майя. Ленинград.
91. Фатьянов Алексей. Наш город.
92. Чуев Феликс. «Я люблю Ленинград...».
93. Маяковский В.В. Ленин.
94. Руданський Степан. «Повій вітре на Україну...».
95. Шекспир Уильям. Юлий Цезарь.
96. Аполлинер Гийом. «Моя молодость брошена в ров...».
97. Корнилов Борис. Качка в Каспийском море.
98. Блок Александр. «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...».
99. Заболоцкий Н.А. «Меркнут знаки Зодиака...», перифразировка.
100. Вяземский П.А. К В.А.Жуковскому.
101. Синдаловский Н. А. Петербург, С-Пб, 2003.
102. Блок Александр. «Повеселясь на буйном пире...».
103. Маяковский В.В. «Послушайте!..».
104. Пушкин А.С. Арион.
105. Коган Павел. Бригантина.
106. Брюсов В.Я. Тени прошлого.
107. Бунин И.А. «Счастливых, радостных, смущённых...».
108. Сухарев Дмитрий. Альма-матер.
109. Окуджава Булат. «Чем дальше живём мы...».
110. Пушкин А.С. Руслан и Людмила.
111. Сабанцев Юрий. «Известия». 25.05.2004
112. Вознесенский Андрей. «О, упоенье оккупанта...».
113. Визбор Юрий. Серёга.
114. Некрасов Н.А. Тишина.
115. Пушкин А.С. Песнь о вещем Олеге.
116. Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка, слово «Мудрость».
117. Пушкин А.С. «Блажен, кто посетил сей мир...».
118. Песнь о нибелунгах.
119. Некрасов Н.А. Детство.
120. Ахматова Анна. «Древний город словно вымер...»
121. Брюсов В.Я. Из цикла «Часы дней».
122. Пушкин А.С. «Служенье муз...».
123. Пушкин А.С. «Безумных лет угасшее веселье...».
124. Вознесенский Андрей. «Тишины хочу...».
125. Лонгфелло Генри. Песнь о Гайавате.

126. Слово о полку Игореве, пер. Н.А.Заболоцкого.
127. Александр Коваленко, «Случалось ли вам...».
128. Соколов Максим. Из стапты в «Известиях».
129. Анненский Иннокентий. «Среди миров...».
130. Аполлинер Гийом. Прощальные стихи.
131. Лермонтов М.Ю. Тучи.
132. Пушкин А.С. «Была пора...».
133. Тютчев Ф.И. «На древе человеческом высоком...».
134. Бунин И.А. «Синие обои полиняли...».
135. Ахматова Анна. «Он награждён каким-то вечным детством...».
136. Некрасов Н.А. Извозчик.
137. Маршак С.Я. Дураки.
138. Пушкин А.С. Воспоминанья в Царском Селе.
139. Вознесенский Андрей. «Даже если как исключенье...».
140. Блок Александр. «Повеселясь на буйном пире...».
141. Апухтин А.Н. «Ночи безумные...».
142. Цветаева Марина. «Как правая и левая рука...».
143. Батюшков К.Н. «О, память сердца...».
144. Ахматова Анна. «Когда погребают эпоху...».
145. Шарль де Костер. Легенда об Уленшпигеле.
146. Вознесенский Андрей. «Нам как аппендицит...».
147. Соколов Максим. «Известия», 22.02.2003
148. Некрасов Н.А. Песня преступников.
149. Некрасов Н.А. «В столице шум...».
150. Шекспир Уильям. Король Лир.
151. Городецкий Сергей. «Что же ты, Русь нерадивая...».
152. Исаакян Аветик. Сонет к форме.
153. Некрасов Н.А. «С детства никем не запуган...».
154. Некрасов Н.А. Железная дорога.
155. Жванецкий Михаил. Эстрадная миниатюра.
156. Елистратов В.С. Словарь русского арго, М., 2000.
157. Пушкин А.С. История Пугачёва.
158. Кузмин М.И. «Дух мелочей...».
159. Куприн А.И. Яма.
160. Выражение, приписываемое английскому писателю Джонсону (1709—1784).
161. Евангелическое выражение — о человеке, резко меняющем свои убеждения.
162. Выражение из церковно-славянского текста Евангелие.
163. Слова героя фильма «Белое солнце пустыни».
164. Выражение героя произведения В.Г.Короленко.
165. Русская народная песня «Помню, я ещё молодухой была...».
166. Загоскин М.Н. Либретто к опере «Аскольдова могила».
167. Михайлов А.М., участник разработки Программы КПСС.
168. Мей Л.А. «Пробки взлетевшей...».

169. Тютчев Ф.И. «Кончен пир...».
170. Фраза Фаины Раневской.
171. Маяковский В.В. Товарищу Нетте.
172. Песня из кинофильма «Хроника уголовного розыска».
173. Рождественский Роберт. «Читал я от заката до рассвета...»
174. Кедрин Дмитрий. «Всё мне мерещится...»
175. Тальков Игорь. «Чистые пруды»
176. Ахматова Анна. «Как белый камень...»
177. Лавров Николай. «Он не мог быть без той...»
178. Доризо Николай. «Ты надела праздничное платье...»
179. Кочетков А. Баллада о прокуренном вагоне.
180. Андреев Леонид. Жизни человека
181. Гудзенко Семён. «Будь проклят сорок первый год...»
182. Визбор Юрий. «А начиналось дело вот как...»
183. Оноре де Бальзак. Комедианты неведомо для себя.
184. Винокуров Евгений. «В полях за Вислой сонной...»
185. Ченборисова Роза. «Люди идут по свету...»
186. Блок Александр. Клеопатра.
187. Слова песни «Уродцы», авторство приписывается И.Бродскому.
188. Маршак С. Я. «Лукавое время...»
189. Рождественский Роберт. Память
190. Куклин Михаил. Ленинградская музыка
191. Бергольц Ольга. Ленинградцу
192. Городницкий А. «А прежнего города нет...»
193. Светлов Михаил. Гренада
194. Анчаров Михаил. «Между пальцами года...»
195. Борис Пастернак. «Во всём мне хочется дойти...»
196. Уткин Иосиф. «Мы любим дом...»
197. Евтушенко Евгений. «Идут белые снеги...»
198. Окуджава Булат. «Среди стерни и незабудок...»
199. Фет Афанасий. «Миг ещё...»
200. Надсон С.Я. «Нет на свете мук сильнее муки слова...»
201. Козловский Яков. «Слова умеют плакать и смеяться...»
202. Самойлов Давид. «Милая жизнь!...».
203. Шекспир Уильям. Антоний и Клеопатра.

Содержание

От автора	5
Об авторе и его книге	6
Письмо автору	7
Цикл «Миражи детства»	9
Мама	11
Годы изначальные	16
Возвращение к истокам	17
Паника	19
Первый заплыв	20
Война — ерунда, главное — манёвры	25
Первая затяжка	27
Схватка в лесу	28
Неудача как стимул	29
Дальний поход	31
Велосипед	32
Хлестаков	33
Первая симпатия	34
Мудрость учителя	36
И вновь хочется вернуться	37
Детство — не могу не сравнить!	40
Первые беды	42
Не в деньгах счастье	45
О вреде сладкого	48
Кличка	51
Отчаянное сальто	54
Настоящий учитель	58
Детские картинки	63
О силе в воспитании	67
Моя звёздочка	72
Мой идол	75
Моя Муза	78
Неудачный финт	85
Футбол моего детства	90
Школьная любовь	103
Отец	110
Отцовские воспоминания	112
Страшная месть	115
Страх и трусость	117
Прощай, школа!	118

Цикл «Ленинград, ЛЭТИ, шестидесятые»	121
Любовь моя — Ленинград	123
Лиха беда начало	124
Квартира на улице Достоевского	128
Неудачная операция	132
Пессимист Лузин	133
Оптимист Попов	135
Профессор Пиковский	142
Доцент Дубинин	144
Ленинград — не Петербург	145
Планета «Целина»	147
Картошка по-студенчески	154
Чтобы помнили	162
Сухой закон и сексопатология	163
Как мы иностранцев не приняли	165
Как мне друг службу облегчил	166
Наша песня	168
Географические особенности защиты диссертации	173
Общежитие на Мурынском	175
Как Боб Юсим бургеров осадил	176
Как Боб Гохштейн интернациональный долг исполнял	178
Любовь и качество	179
О, карнавал!	182
Веселые годы, счастливые дни	187
Путешествие из Москвы в Ленинград	191
Ты — в сердце, ЛЭТИ!	195
Мне грустно	201
Цикл «Жизни достойные годы»	213
Как я в армии служил	215
Дебют	215
Майор Нёма и его хозяйство	216
Ворошиловский стрелок	218
Романтическая история	218
Микромайор Драбкин	223
Первый концерт	224
Второй концерт	226
Киев, пусконаладочное управление, участок номер шесть	227
Хорошее начало полдела откачало	231
Рачитель и Поэт	235
Ларина как символ эпохи	239
О подвигах, о доблести, о славе	241
Лошадь-алкоголик	242
Помощь высших сил	243
Две стыковки	244

База «Родники»	252
Фам фаталь	257
Мой друг Пономарёв	261
Владимир Иванович Кононов	264
Чудотворец Грибанов	267
Прощай, молодость	271
Хороша страна Болгария	272
Торговый представитель Дьяков	273
О выгоде знания иностранного языка	279
О правилах хорошего поведения	280
Вениамин Александров	285
Ревизор	289
Последний год	291
Народный целитель	293
Мои друзья мое богатство	297
Подарок судьбы	309
Сестра Таня	313
Мишкины истории	320
Насильно мил не будешь	322
Дружище Арчибальд	329
Мой любимый котопей	331
Не могу молчать!	336
Пять лет спустя	348
Цикл «Абрисы истории»	359
Город моего детства Умань	361
Абрис истории. Пролог	361
Абрис истории. Первый	363
Абрис истории. Второй	369
Абрис истории. Третий	377
Парк моего детства «Софиевка»	387
Абрис истории. Польская трагедия (акт первый)	389
Абрис истории. Польская трагедия (акты второй и третий)	394
Абрис истории. София, восхождение	400
Абрис истории. София и Потоцкий	406
Абрис истории. Семья Потоцких, финал	409
Абрис истории. Счастливый парк	415
Парк при Потоцких	415
Парк при военном управлении	420
Парк при Главном управлении садоводства	422
Парк как заповедник	424
Вместо послесловия	426
Перечень цитируемых авторов, произведений, источников	428

Біографічне видання

Головцов Олександр Леонтійович

ПРАЗДНИК ЖИЗНИ – МОЛОДОСТИ ГОДЫ
(ісповедь шестидесятника)

(російською мовою)

Верстка *Є. С. Ткаченко*
Дизайн обкладинки *Лисенко О.*

Видано згідно з наданих матеріалів замовника

Підп. до друку 12.08.15. Формат 60x84/8.
Папір офсет. №1. Гарнітура PetersburgС.
Друк цифр. Ум. друк. арк. 26
Наклад 300 пр. Зам. № 12/08 -АР

Видавництво ТОВ «Альфа Реклама»
Україна, м. Київ, вул. Велика Васильківська, 139
Тел.: (044) 529-06-14,
(096) 218-99-63
www.izdat-knigu.com
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи
ДК №3421 від 11.03.2009

Надруковано СПД-ФО Рудник В. А.
Україна, м. Київ, вул. Велика Васильківська, 139

